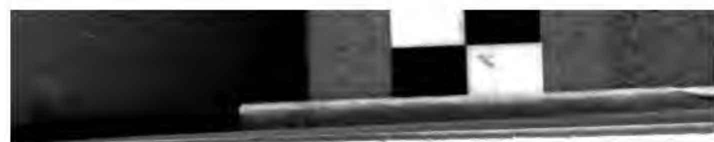
В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.







[redacted]

В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

ПЕРВЫЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

ЕКАТЕРИНЫ II.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1867.

Первыя политическія письма Екатерины II.

«Какъ огня» боялась Екатерина II обнародованія своихъ писемъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, она писала г-жѣ Жоффренъ: «Страшно боюсь писать послѣ письма напечатаннаго; боюсь, чтобы не приняли этого за желаніе мазать бумагу вкривь и вкось для того только, чтобы вымолить похвалы и заставить восхищаться своими произведеніями». Этотъ же припѣвъ, въ той или другой формѣ, повторяла она во многихъ позднѣйшихъ письмахъ, почти до самой своей смерти. Современники хорошо понимали эту «боязнь», и многія письма Екатерины были обнародованы еще при ея жизни. Вслѣдъ за ея смертью начали появляться цѣлые уже томы писемъ, и всевозможныя «переписки россійской императрицы» сдѣлались довольно ходкимъ товаромъ на книжномъ рынкѣ. Особенно посчастливилось «перепискѣ» съ Вольтеромъ, выдержавшей нѣсколько изданій и переведенной почти на всѣ европейскіе языки. Россія не отставала въ этомъ отношеніи отъ Европы, и письма Екатерины II предлагались публикѣ, какъ любимое чтеніе, въ различныхъ изданіяхъ. Уже въ 1803 году появилась «Переписка россійской императрицы Екатерины II и господина Вольтера» [1]; нѣсколько позже, въ 1807 году—«Переписка императрицы Екатерины II съ разными особами» и др., до смирдинскаго изданія «Сочиненій императрицы Екатерины II» включительно, гдѣ, въ третьемъ

---

[1]) Перевелъ съ французскаго Иванъ Фабіянъ. 2 тома. Москва. 1803.

исемъ Екатерины, хранящихся въ госуда
и начато изданіе ея «Политической пере
ней уже три тома «Сборника» только за
да царствованія. Эта «Политическая пер
ся указомъ графу З. Г. Чернышеву, отъ
ода. Но Екатерина писала политическія
це великою княгинею; ея переписка, напр
омъ, англійскимъ посланникомъ въ Петерб
важнымъ историческимъ матеріаломъ.
ескія письма Екатерины разбросаны въ р
иныхъ сочиненіяхъ и ни разу еще не были
до настоящаго времени они не подвергали
икѣ, и даже такія чисто ученыя изданія,
Correspondenz Friedrichs des Grossen», пом
подложныя письма, которыхъ Екатерина
писать не могла.
ыя политическія письма Екатерины имѣ
жное значеніе какъ для нея, такъ и для
По поводу этихъ писемъ производилось
ствіе, при чемъ не избѣгла допросовъ и
ния, лица высокопоставленныя подверглись

политическихъ письмахъ великой княгини Екатерины Алексѣевны. Дѣло это сохранилось не вполнѣ. Въ немъ нѣтъ многихъ вопросовъ и отвѣтовъ; нѣтъ первыхъ показаній ни Бестужева, ни Апраксина; вовсе нѣтъ показаній Бернарди, Елагина, Аладурова, Владиславлевой, Измайлова. Изъ слѣдственнаго дѣла, продолжавшагося полтора года, уцѣлѣло только девятнадцать бумагъ, по которымъ не трудно, однако, представить себѣ какъ ходъ слѣдствія, такъ и цѣли, имѣвшіяся при этомъ въ виду.

Эти бумаги были извѣстны въ отрывкахъ, но никогда еще не были изданы вполнѣ. Здѣсь онѣ печатаются съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника.

I.

Екатерина II писала много, легко и охотно. Далеко не всѣ еще ея письма, указы, резолюціи и записочки изданы, а между тѣмъ число обнародованныхъ уже превышаетъ десять тысячъ листковъ, ею писанныхъ, исправленныхъ или подписанныхъ. Къ числу не изданныхъ относятся и ея первыя политическія письма, которыя были писаны ею еще въ качествѣ великой княгини Екатерины Алексѣевны и имѣли такое рѣшительное вліяніе какъ на судьбу многихъ лицъ въ Россіи и за ея предѣлами, такъ и на политическія соображенія даже такого «просвѣщеннаго деспота», какъ Фридрихъ II. Подлинники этихъ писемъ еще не отысканы; они сохранились или въ копіяхъ, всегда лишь болѣе или менѣе достовѣрныхъ, или въ пересказѣ, рѣдко достигающемъ точности подлинника. Не подлежитъ сомнѣнію только время ихъ написанія—первыя политическія письма Екатерины относятся къ началу Семилѣтней войны.

Семья европейскихъ государствъ пополнилась въ началѣ XVIII столѣтія двумя новыми членами—Прусскимъ королев-

удучи творцами его, они преслѣдовали т
цѣли, упуская изъ вида наиболѣе глубокія
бращая вниманія на отдаленнѣйшія послѣдс
ль прусскій, называвшій перваго русскаго
мъ лучшимъ другомъ (mon meilleur ami), съ
взиралъ на усиленіе Россіи: «j'aime les
рилъ Фридрихъ Вильгельмъ I. «mais no
ants».' Едва сошли въ могилу оба эти «лу
ъ ихъ дѣти, Фридрихъ II и Елизавета Петр
ролями, и уже русская императрица съ трев
усиленіе Пруссіи: дочь Петра I признаетъ П
нѣйшимъ сосѣдомъ, а потому натурально и
». Это взаимное недовѣріе, весьма понятн
, скоро привело оба государства къ крова
.

Семилѣтней войны еще не написана. Старате
щательно разработаны только матеріалы, ка
я германскаго элемента—преимущественно п
скіе, саксонскіе; матеріалы французскіе и ан
еще не вполнѣ; что же касается русских
ъ только что началась, благодаря трудамъ по

новомъ свѣтѣ какъ многіе факты самой войны, такъ и отношенія Россіи къ другимъ державамъ, преимущественно же къ Пруссіи. Въ такомъ новомъ свѣтѣ представляются теперь, между прочимъ, и первыя политическія письма Екатерины [1]), вытекавшія изъ особыхъ отношеній Елизаветы Петровны къ Фридриху II.

Трудно себѣ представить двухъ современныхъ государей, болѣе противоположныхъ, чѣмъ императрица Елизавета Петровна и король Фридрихъ II.

Дочь Екатерины Скавронскихъ, Елизавета Петровна унаслѣдовала отъ своихъ родителей чрезвычайно красивую внѣшность. Стройная, съ густою каштановою косою и темными бровями, оттѣнявшими большіе голубые глаза, съ привлекательною улыбкою, легко переходившею въ шаловливый смѣхъ, выказывавшій строй бѣлыхъ зубовъ, всегда привѣтливая съ чужими, ласковая съ близкими, живая, любезная, веселая, Елизавета Петровна производила чарующее впечатлѣніе на мужчинъ. Враждебно относившійся къ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ испанскій посланникъ герцогъ де-Лиріа называлъ ея красоту сверхъестественною (maravilla). Во всей фигурѣ Фридриха II было что-то отталкивающее; острый носъ и впалые глаза съ ихъ пронизывающимъ взглядомъ производили хищническое впечатлѣніе; его высокомѣріе, граничившее съ презрѣніемъ ко всѣмъ окружающимъ, не вселяло довѣрія къ нему, и несмотря на то, его свѣтлый умъ, легко разбиравшійся въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ, его проницательный взглядъ, предусматривавшій отдаленнѣйшія послѣдствія всѣхъ дѣйствій, и его настойчивый характеръ, преслѣдовавшій до конца разъ поставленную цѣль, невольно приковывали къ нему и подчиняли его сильной волѣ.

Трудно пересчитать всѣ проекты брачныхъ союзовъ, составлявшіеся ради Елизаветы Петровны, всѣхъ искателей ея

[1]) Новые русскіе матеріалы по исторіи Семилѣтней войны въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1887, январь.

Бранденбургъ-Байрейтскій и даже принцъ
росилъ руки Елизаветы Петровны и дон
ъ португальскій. Отъ иностранцевъ не отст
мператоръ Петръ II, влюбленный въ свою
близкій къ императору князь И. А. Долго
уже о князѣ А. А. Меншиковѣ. Счастли
претендентовъ и искателей оказались избран
еты Петровны—первый «рабъ ея сердца»
Бутурлинъ, красавецъ А. Я. Шубинъ, конюх
нскій, пажъ Лялинъ, пѣвчій А. Г. Разумовск
. И. Шуваловъ и, можетъ быть, другіе. Ка
же на бракъ Фридриха II, противъ его во
по приказанію отца, съ несимпатичною п
ной Брауншвейгъ-Беверпской!
образованіе Елизаветы Петровны ограничив
ъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ,
я примѣры циническаго разврата и полнаг
ристрастилась къ «бархатному пивцу, да
да праздничной бражкѣ»; Фридрихъ II ж
школу деспота-отца, любилъ ученую бес
Бильфельда и Кнобельсдорфа, Іордана

монастырь и она, избѣгая непріятности, удалилась въ свою Александровскую слободу, гдѣ, въ мужскомъ костюмѣ, который такъ шелъ къ ней, полевала въ обществѣ любимца Шубина или водила хороводы съ сельскими дѣвками; то «безъ стыда продѣлывала вещи, которыя заставляли краснѣть даже наименѣе скромныхъ», то «горячо молилась передъ образомъ Знаменія Пресвятыя Богородицы». Фридрихъ II, послѣ заточенія въ Кюстринской крѣпости и въ тюрьмахъ Кепеника и Берлина, уединился въ свой Рейнсбергъ, гдѣ окружилъ себя учеными, обложился книгами, задумывался надъ «Système du gouvernement», писалъ «Anti-Macchiavel» и изрѣдка, подражая модѣ, изощрялся въ богохульствѣ. Когда отецъ потребовалъ, чтобъ онъ отрекся отъ правъ на престолъ въ пользу своего брата, Фридрихъ, зная взглядъ отца на супружескую вѣрность, отвѣчалъ: «Согласенъ, если отецъ объявитъ публично, что я не его законный сынъ». Когда же Елизаветѣ Петровнѣ предлагали корону, ради которой Анна Ивановна поспѣшила изъ Митавы въ Москву, цесаревна не захотѣла сдѣлать и одного шага, чтобы поддержать свои права, и нужно было десять лѣтъ несносныхъ преслѣдованій и мелочныхъ непріятностей отъ двухъ женщинъ, мстившихъ ей за красоту, чтобъ она рѣшилась идти въ казармы и возмущать солдатъ противъ властей, которымъ сама же присягала [1]).

Два раза, въ самые рѣшительные для Фридриха II моменты, и оба раза совершенно невольно, Россія благопріятствовала успѣхамъ прусской политики: въ 1740 году, когда вѣсть о смерти Анны Ивановны дала Фридриху II, по его собственному сознанію, послѣдній толчокъ къ занятію Силезіи, и въ 1761 году, когда смерть Елизаветы Петровны избавила Фридриха II отъ всѣхъ злосчастныхъ для него послѣдствій Семилѣтней войны. Въ промежутокъ этихъ двадцати лѣтъ, во все время царствованія Елизаветы Петровны, Фридрихъ II

[1]) Государственный архивъ, II, №№ 38 и 51.

лъ въ то же время желаніе, чтобы «
пивалась въ нѣмецкія дѣла: самое
ѣдя въ его берлогѣ и не давать ему
въ немъ нуждаются или его боятся» [1]
убѣдился, что Россія можетъ вмѣшать
цкія, но даже въ прусскія дѣла: въ но
года, въ Берлинѣ былъ арестованъ «
ги котораго раскрыли «тактику русска
но Пруссія и прусскаго короля.
Иванъ Ферберъ, изъ старой данцигской
лъ изъ датской военной службы, женил
у Гамбургу комедіанткѣ, былъ прусск
Данцигѣ и съ 1740 года проживалъ въ
нномъ домѣ. Вслѣдствіе доноса, онъ был
его произведенъ обыскъ, и изъ захва
нилось, что онъ велъ переписку съ «ру
и эмиссарами». Въ числѣ бумагъ оказа
, «Ein scandaleuses Epigramma gegen
tät» и двѣ рукописи преступнаго соде
ной еще въ 1744 году—Schreiben ei
Russischen Biedermann—Россіи совѣтуе

главное же, избѣгать генеральнаго сраженія». 22-го октября, въ 9 часовъ утра, въ Спандау, Ферберъ былъ обезглавленъ [1]).

Въ 1747 году была заключена англо-русская субсидная конвенція, угрожавшая Пруссіи; въ 1750 году, русскій представитель Гроссъ поспѣшно (brusquement) покинулъ Берлинъ и дипломатическія сношенія Россіи съ Пруссіею были прерваны.

Для Фридриха II стало очевиднымъ, что медвѣдя въ берлогѣ не удержать, и онъ началъ изыскивать мѣры къ возможно большему ослабленію, если не къ полному устраненію надвигавшагося съ востока удара. Въ числѣ такихъ мѣръ, на первомъ планѣ, стоялъ союзъ съ Англіею.

Дорого заплатилъ Фридрихъ II за Вестминстерскій договоръ 5-го января 1756 года. Это былъ капитальный промахъ [2]), подобнаго которому Фридрихъ II никогда не дѣлалъ

---

[1]) Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II, 194. Этотъ эпизодъ впервые теперь обнародованъ исключительно по прусскимъ бумагамъ; къ нему должно относиться крайне осторожно. Для насъ онъ имѣетъ значеніе потому только, что самъ Фридрихъ II придавалъ ему особенную важность, что̀ видно какъ изъ быстроты слѣдствія и суда, оконченныхъ съ 4-го по 22-е октября, такъ и изъ строгости приговора.

[2]) Нѣмецкіе историки, долгое время видѣвшіе въ Вестминстерскомъ договорѣ «мастерской маневръ» Фридриха II, начинаютъ уже сознавать, что это «великое намѣреніе» (das grosse Dessein) было довольно грубою ошибкою; но все еще стараются такъ или иначе свалить съ больной головы на здоровую, лишь бы оправдать «великаго короля». Такъ, Bernhardt, въ своемъ сочиненіи «Friedrich II und der Beginn des siebenjährigen Krieges», говоритъ: «Einer der vornehmlichsten Gesichtspunkte Friedrichs bei dem Vertrage mit England bestand gerade darin, sich durch denselben gegen das mit dieser Macht befreundete Russland zu sichern. Man wird selbst bei Friedrichs Scharfblick diesen Irrthum wohl begreifen können, indem es ohne Zweifel zu den schwierigsten Aufgaben eines Staatsmannes gehört, eine Politik richtig zu schätzen, deren Mittelpunkt die Laune und Reizbarkeit eines Weibes bilden, und deren Organe sich vor allem von der Rücksicht auf die Höhe der zu ihrer Bestechung verwendeten Geldsumme leiten lassen» (Hist. Zeitschr., XII, 50). О «капризахъ» Елизаветы Петровны въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи — можно только, зная ея характеръ, удивляться, напротивъ, выдержкѣ; что же касается подкуповъ, то они въ то время лишь облегчали дипломатическіе ходы — самъ же Фридрихъ II находилъ, что для успѣха нужно только «faire entrer un âne chargé d'or à

› силу и значеніе. Извѣстіе о Вестминстерс
›извело въ Петербургѣ крайне неблагопрія
а впечатлѣніе, между тѣмъ какъ онъ разсч
на Россію: Фридрихъ разсчитывалъ, что
›-русскаго субсиднаго договора Англія не то
›ссію отъ союза съ Австріею, но вовлечетъ

---

lit. Corr., I, 91). Иначе смотритъ на этотъ договоръ
ebenjährige Krieg": «Der Entschluss des Königs war ri
f ankam, den Weg zu betreten, der möglicherweise den Fr
rhalten konnte, insoweit es die vornehmste Aufgabe war, v
egner (England) zu entwaffnen. Falsch hatte der König ge
laubte durch die Verbindung mit England auch Russland
lestens aber Russland, entwaffnen zu können. Er übersch
Verlegenheiten Russlands und noch mehr die Oesterreich
Einfluss Englands in Wien und noch mehr dessen Einflu
usste nicht, wie eng, wie solidarisch Oesterreich und Rus
noch weniger, in welchem Masse Kaunitz den Hof von
(Hist. Zeitschr., XIX, 157). Удивительная логика: если
говоромъ «обезоруживался одинъ противникъ, Англія
лся новый — Франція. Вѣдь договоръ былъ подписан
еще въ 1754 г. французскіе колонисты Канады и Луи
по океану, Огіо и Миссисипи возбуждали англійскихъ
мая маіоръ Георгъ Вашингтонъ одержалъ первую по

вполнѣ въ сферу прусскихъ интересовъ, и просчиталъ — результатъ получился прямо противоположный. Именно: извѣстіе о Вестминстерскомъ договорѣ пришло въ Петербургъ нѣсколько дней спустя послѣ ратификаціи русско-англійскаго субсиднаго договора и вызвало знаменитую секретнѣйшую декларацію, déclaration secretissime, въ которой Елизавета Петровна категорически заявила, что субсидный договоръ заключенъ ею именно противъ Пруссіи [1]). Когда Митчель, англійскій посланникъ, представилъ Фридриху эту декларацію, король «молча прочелъ ее и совершенно спокойно замѣтилъ, что эта декларація дѣлаетъ субсидный договоръ съ Россіею безполезнымъ» [2]), а вѣдь на субсидномъ-то договорѣ покоился, между прочимъ, и Вестминстерскій договоръ!

Сравнительно удачнѣе была вторая мѣра Фридриха II относительно Россіи — пріобрѣтеніе сочувствія молодого русскаго двора, великаго князя Петра Ѳеодоровича и великой княгини Екатерины Алексѣевны. Эта мѣра привела, въ концѣ концовъ, къ желанной цѣли, но помимо воли Фридриха II, вслѣдствіе дружбы англійскаго посла въ Петербургѣ, Уильямса, съ польскимъ графомъ Станиславомъ Понятовскимъ, близкимъ человѣкомъ къ молодому двору, особенно къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

По словамъ Фридриха II, онъ «всячески старался пріобрѣсть дружбу Россіи». Однимъ изъ самыхъ раннихъ поводовъ къ этому послужилъ выборъ невѣсты для великаго князя Петра Ѳеодоровича. Вотъ какъ самъ Фридрихъ II разсказываетъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ:

---

[1]) Sa Majesté Impériale déclare par ces présentes et se tient à ces termes précis, savoir que le cas de la diversion à faire, à laquelle Sa Majesté Impériale s'est engagé par la convention qui vient d'être ratifiée, ne peut et ne doit exister que lorsque *le roi de Prusse* attaquera les états de Sa Majesté le roi de la Grande Bretagne ou ceux de ses alliés (British Museum, Russia, II, 37).

[2]) I put the Russian declaration into His Majesty's hands, which he read over unmoved and observed with great calmness that it made our treaty with Russia quite useless. Polit. Corr., XIII, 35.

«Для обезпеченія престолонаслѣдія, императрица Елизавета задумала женить великаго князя, своего племянника. Болѣе другихъ невѣстъ императрицѣ нравилась сестра прусскаго короля принцесса Ульрика; саксонскій же дворъ домогался, чтобъ выборъ палъ на дочь саксонскаго короля принцессу Маріанну. Въ интересахъ Пруссіи слѣдовало во что бы ни стало воспрепятствовать такому союзу Россіи съ Саксоніей, не жертвуя, однако, для этого прусскою принцессою. Выходъ изъ этого положенія былъ найденъ. Изъ всѣхъ нѣмецкихъ принцессъ, достигшихъ къ этому времени брачнаго возраста, принцесса Софія Ангальтъ-Цербстская представлялась наиболѣе пригодною какъ для Россіи, такъ и для интересовъ Пруссіи: отецъ ея былъ фельдмаршаломъ въ арміи прусскаго короля; мать ея, изъ Голштинскаго рода, приходилась теткою русскому великому князю. Для устройства этого брака потрачено такъ много хлопотъ, какъ будто это было дѣло величайшей важности. Этимъ бракомъ утверждалась безопасность Пруссіи: русская великая княгиня, вскормленная и воспитанная въ прусскихъ земляхъ, обязанная своимъ счастьемъ прусскому королю, должна, изъ чувства благодарности, держать его сторону» [1]).

Хлопотъ, дѣйствительно, было много. Саксонская партія при петербургскомъ дворѣ была сильна; за принцессу Маріанну былъ гр. Бестужевъ-Рюминъ, близкій совѣтникъ Елизаветы Петровны; противъ принцессы Софіи были и Бестужевъ-Рюминъ, и православное духовенство. Бестужевъ внушалъ, между прочимъ, Елизаветѣ Петровнѣ, что принцесса Софія, перемѣнивъ вѣру, «никогда не будетъ истинно православною» [2]) — доводъ довольно слабый, именно потому, что былъ пригоденъ и для жениха, уже объявленнаго наслѣдникомъ престола. Важнѣе былъ вопросъ о кровосмѣшеніи (la proximité du sang) и потому уже, что противникомъ Софіи

[1]) *Herrmann*, Geschichte des Russischen Staates, V, 76.

[2]) La princesse ne serait jamais bien grecque. Polit. Corr., III, 191.

выступилъ архіепископъ новгородскій. Фридрихъ II устранилъ и это затрудненіе: его посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Мардефельдъ, посовѣтовалъ «предложить архіепископу тысячу рублей съ обѣщаніемъ въ случаѣ успѣха, утроить взятку (tripler la dose), если архіепископъ заявитъ императрицѣ, какъ бы по собственному побужденію, что онъ, старательно перелистовавъ всѣхъ греческихъ отцовъ церкви и взвѣсивъ всѣ ихъ доводы, ясно увидѣлъ, что этотъ бракъ не противорѣчитъ канонамъ греческой церкви» [1]). Улаживая столь серьезные вопросы, Фридрихъ II въ то же время настаиваетъ, чтобъ принцессу Софію заранѣе пріучали къ придворнымъ манерамъ [2]). Все шло хорошо, и принцесса Софія жила уже съ матерью въ Москвѣ, обласканная Елизаветою Петровною, въ качествѣ невѣсты наслѣдника престола, какъ вдругъ невѣста захворала, и настолько опасно, что сторонники саксонской принцессы возрадовались, а гр. Бестужевъ-Рюминъ «открыто» ликовалъ, увѣренный, что принцесса Софія умретъ [3]). Все, однако, уладилось къ полному удовольствію Фридриха II и 21-го августа 1745 года цербстская принцесса Софія стала великою княгинею Екатериной Алексѣевной.

Пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ, хотя и «toute faite», могли остаться неизвѣстны всѣ эти «хлопоты» Фридриха II; въ Москвѣ же, на глазахъ противной партіи, отъ нея, конечно, тщательно скрывали всѣ эти услуги прусскаго короля. Но при ней ея мать, княгиня Елизавета Цербстская, вся преданная интересамъ Фридриха II, вѣрный другъ «своего благодѣтеля» [4]) — она все раскроетъ дочкѣ, и, выросшая въ интригахъ, пронырливая до назойливости, вселитъ русской великой княгинѣ тѣ чувства къ Фридриху II, которыхъ онъ домогался.

---

[1]) Polit. Corresp., II, 488.

[2]) J'ai fait quelques insinuations à la mère de la princesse d'Anhalt Zerbst pour que celle-ci apprenne la danse haute. II, 481.

[3]) III, 94, 95, 191. [4]) III, 10, 11.

, прусскiй посланникъ Финкенштейнъ
ролю: «Можно биться объ закладъ, что в
гда не будетъ царствовать въ Россiи; н
абомъ здоровьи, угрожающемъ преждеврем
усскiй народъ такъ ненавидитъ великаго
искуетъ лишиться короны даже и въ томъ
а естественно перешла къ нему по смерти и
ь началѣ же 1752 года, самъ Фридрихъ II т
ется о Петрѣ Өедоровичѣ: «Великiй князь ч
стороженъ въ своихъ рѣчахъ, по большей ч
императрицей, мало уважаемъ, чтобъ не
емъ, народомъ, и слишкомъ ужъ занятъ с
ею» [3]). Фридрихъ II менѣе интересуется
нземъ и занятъ только великою княгинею:
сскаго молодого двора его печалятъ только
ытываемыя великою княгинею» [4]); только е
чаетъ онъ пенсiю графу Брюммеру [5]).
Фридрихъ II не имѣлъ ни повода, ни возм
ываться непосредственно съ русскою вели
вступленiя своего на престолъ Екатерина
омъ три письма: въ первомъ

ста) 1744 года, благодарила его за участіе «въ созданіи того новаго положенія, въ которое она поставлена», и въ третьемъ, отъ 12-го марта 1762 г.—за поздравленіе «съ восшествіемъ на престолъ императора, ея супруга». Всѣ эти письма, составленныя, по обычаю того времени, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, не представляютъ интереса и никоимъ образомъ не могутъ служить ни характеристикой Екатерины, ни указателемъ ея отношеній къ Фридриху II. До 1750 г., когда были прерваны всякія дипломатическія сношенія между Петербургомъ и Берлиномъ, Фридрихъ II имѣлъ свѣдѣніе о русскомъ молодомъ дворѣ отъ своихъ представителей; съ 1750 же года до него доходили только случайныя извѣстія, нерѣдко отъ лицъ, проѣзжавшихъ чрезъ Берлинъ. Такъ, напримѣръ, приведенный выше отзывъ его о великомъ князѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ, отъ 1752 года, былъ основанъ на сообщеніи «проѣзжавшаго чрезъ Берлинъ изъ Петербурга» графа Линара. Только съ 1756 г., послѣ заключенія Вестминстерскаго договора, Фридрихъ II сталъ получать болѣе частыя извѣстія отъ Уильямса, англійскаго посланника въ Петербургѣ.

княземъ Бисмаркомъ, а письма короля Фридриха II сообщены изъ государственнаго архива въ Петербургѣ государственнымъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ». Здѣсь не помѣщено, между прочимъ, письмо Фридриха II къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ отъ 5-го августа (25-го іюля) 1744 г., напечатанное въ «Politische Correspondenz», III, 237. Оно было переслано чрезъ барона Мардефельда, которому король писалъ: «Je vous adresse ci-clos ma réponse à la lettre que la grande duchesse des Russies m'a fait le plaisir de m'écrire» (III, 239). Этого письма великой княгини тоже нѣтъ въ «Перепискѣ» (Сборникъ Русск. Истор. Общества, XX, 149). Судя по отвѣту, именно по встрѣчающемуся въ немъ выраженію: «l'élévation de Votre Altesse Impériale à cette dignité», надо полагать, что принцесса Софія извѣщала Фридриха II о своемъ переходѣ въ православіе, нареченіи великою княжною Екатериною Алексѣевною и обрученіи съ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Письмо Фридриха II отъ 5-го августа (25-го іюля) 1744 не могло быть отвѣтомъ на то письмо Екатерины, которое помѣщено въ «Перепискѣ» первымъ: отправленное изъ Москвы 1-го августа (21-го іюля) оно не могло прибыть въ Берлинъ ранѣе 6-го (17-го) августа, считая три дня пути изъ Москвы до Петербурга и тринадцать—отъ Петербурга до Берлина, что̀ видно изъ письма Екатерины II отъ 9-го (20-го) октября 1763 г. (Сборн., XX, 179).

Въ началѣ 1755 года, англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, Гюи-Диккенсъ сталъ просить о своемъ отозваніи. Онъ слишкомъ старъ, онъ усталъ: «Англійскій король долженъ имѣть при этомъ дворѣ посломъ человѣка во цвѣтѣ лѣтъ, крѣпкаго и здороваго. По здѣшнимъ понятіямъ, посолъ не долженъ пропускать ни одного куртага и бала, ни одного маскарада и спектакля, вообще ни одного общественнаго увеселенія. Въ этомъ здѣсь видятъ главную задачу всякаго посольства, къ чему я уже по старости лѣтъ неспособенъ, какъ бы это ни признавалось здѣсь необходимымъ» [1]). Диккенсъ видитъ, что переговоры затягиваются, дѣла залеживаются, и не находитъ въ себѣ достаточныхъ силъ ни ускорить рѣшеніе важныхъ для правительства вопросовъ, ни противодѣйствовать всѣмъ интригамъ и кознямъ, разыгрывающимся при русскомъ дворѣ: «Ничто здѣсь не двигается впередъ; можетъ быть, потому, что падаетъ вліяніе великаго канцлера Бестужева, можетъ быть, потому, что увеличивается отвращеніе императрицы къ государственнымъ заботамъ, или, что̀ всего вѣроятнѣе, отъ обѣихъ этихъ причинъ. Великій канцлеръ никогда не видитъ и не говоритъ съ императрицей; всякая мелочь излагается на бумагѣ, которую Бестужевъ пересылаетъ молодому фавориту Ивану Шувалову, а этотъ уже представляетъ бумагу императрицѣ, и то лишь въ томъ случаѣ, если подмѣтитъ въ ней охоту заняться дѣлами. Всюду наталкиваешься здѣсь на мелкія грязныя козни» (little dirty intrigues). Въ апрѣлѣ 1755 г. Диккенсъ былъ отозванъ; мѣсто его занялъ сэръ Чальзъ Гэнбури Уильямсъ.

Эта смѣна лицъ была довольно неудачна. Уильямсъ былъ уже нѣсколько лѣтъ представителемъ Англіи при саксонскомъ дворѣ и въ Лондонѣ имѣли время оцѣнить по достоинству его донесенія. Правда, Уильямсъ былъ хорошо образованъ, сравнительно молодъ, веселъ, остроуменъ; но это былъ фантазеръ, человѣкъ нервный и настолько предубѣжденный,

[1]) *Raumer*, Beiträge zur neueren Geschichte, II, 281.

что онъ видѣлъ только то, что̀ предполагалъ видѣть; слушая рѣчь, онъ понималъ ее въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ она ему казалась желательною. Нельзя, конечно, сказать, что въ своихъ донесеніяхъ онъ завѣдомо обманывалъ свое правительство; онъ искренно вѣрилъ въ то, о чемъ доносилъ; но онъ самъ составлялъ себѣ невѣрныя представленія о томъ, что̀ видѣлъ и слышалъ. Иногда просто удивляешься, какимъ образомъ могли довѣрять его донесеніямъ и современные ему дѣятели, и позднѣйшіе историки. Его донесенія нерѣдко такъ наивны, что не представляется даже затруднительнымъ разоблачить ихъ вымыселъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ іюнѣ, и уже въ депешѣ отъ 2-го октября сообщаетъ: «Состояніе здоровья императрицы не хорошо: она страдаетъ кровотеченіемъ, одышкой, постоянно кашляетъ, у нея опухоль въ колѣнахъ и водянка въ животѣ—однако, она танцовала со мною минуэтъ» [1]). Что-нибудь изъ двухъ: или Елизавета Петровна не была до такой степени больна, или она не танцовала съ «опухолью въ колѣнахъ и водянкой въ животѣ». Но Уильямсъ присланъ на смѣну человѣка, который жаловался, что не въ силахъ принимать участія въ придворныхъ увеселеніяхъ, и желаетъ убѣдить и себя, и пославшихъ его, что онъ даже больную Елизавету Петровну можетъ увлечь въ минуэтъ.

Довѣрять сообщеніямъ Уильямса невозможно—ихъ нужно принимать лишь послѣ тщательной провѣрки, только убѣдившись, что они подтверждаются свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ имъ. Особенно подозрительны извѣстія Уильямса объ отношеніяхъ великой княгини Екатерины Алексѣевны къ Фридриху II. Въ инструкціи, данной Уильямсу, отправлявшемуся посломъ въ Петербургъ, когда еще не было и рѣчи о сближеніи Англіи съ Пруссіею, было сказано: «Крайне невѣроятно, чтобъ споръ Англіи съ Франціею могъ быть улаженъ мирнымъ путемъ; изъ

[1]) *Raumer*, II, 295.

этого спора возникнетъ война. Вслѣдствіе этого, и такъ какъ срокъ заключеннаго въ 1742 году субсиднаго договора съ Россіею истекаетъ въ 1757 году, необходимо заключить возможно скорѣе новый трактатъ. При этомъ русскихъ нужно убѣдить, что они останутся азіатскою ордою, если будутъ сидѣть сложа руки и тѣмъ дадутъ прусскому королю возможность привести въ исполненіе свои честолюбивые, опасные и давно уже задуманные имъ планы увеличенія своего королевства. Его величество король (Англіи) уполномочиваетъ васъ принять всѣ зависящія отъ васъ мѣры къ предотвращенію такого бѣдствія». Другими словами: Уильямсу ставилось въ обязанность возбудить Россію противъ Пруссіи, и въ одномъ изъ первыхъ же своихъ донесеній онъ сообщаетъ: «Великая княгиня высказала мнѣ на-дняхъ чистосердечно свое мнѣніе о прусскомъ королѣ — она не только убѣждена, что Фридрихъ II естественный и опасный врагъ Россіи, но даже лично ненавидитъ его. Прусскій принцъ, сказала она мнѣ, не обладаетъ такимъ умомъ, какъ король, но его сердце не такое дурное, какъ у короля, сердце котораго, конечно, худшее во всемъ мірѣ» [1]). Такъ характеризовалъ Уильямсъ взглядъ Екатерины на Фридриха въ октябрѣ 1755 г.; черезъ три мѣсяца, въ январѣ 1756 г., былъ заключенъ Вестминстерскій договоръ, въ силу котораго Уильямсу предписывалось ратовать при русскомъ дворѣ уже не противъ, а въ пользу прусскаго короля, какъ союзника Англіи, и Уильямсъ тотчасъ же сообщаетъ, что «великая княгиня полагаетъ, что только союзъ Россіи, Пруссіи и Англіи можетъ спасти Европу» [2]), шлетъ депешу за депешой, убѣждая всѣхъ, что «la Grande Duchesse est parfaitement bien disposée envers le roi de Prusse», назы-

[1]) Издатель извлеченій изъ депешъ Уильямса вполнѣ довѣряетъ его извѣстіямъ о «склонности» Екатерины къ прусскому королю; онъ не сомнѣвается, что и въ данномъ случаѣ Уильямсъ точно передалъ слова великой княгини, но заподозриваетъ ихъ искренность: Man darf zweifeln ob Katharina ganz aufrichtig sprach. *Raumer*, II, 296.

[2]) *Raumer*, II, 401.

ваетъ великую княгиню «ma grande amie», увѣряетъ, что великая княгиня очень высоко цѣнитъ «l'amitié du roi de Prusse» [1]) и т. п.

Не прошло и полугода послѣ прибытія Уильямса въ Петербургъ, какъ стали обнаруживаться всѣ качества новаго англійскаго посла. Уже въ концѣ 1755 года многіе признавали, что «донесеніямъ Уильямса можно довѣрять лишь по мѣрѣ того, какъ событія оправдываютъ ихъ; онъ не разъ уже высказывалъ такія увѣренія, которыя потомъ опровергались» [2]). Въ маѣ 1756 года Фридрихъ пишетъ въ Лондонъ своему повѣренному въ дѣлахъ Мишелю: «Мнѣ хотѣлось бы передать вамъ, но единственно только для вашего свѣдѣнія и съ тѣмъ, чтобъ вы не сообщали этого англійскимъ министрамъ, что Уильямсъ вовсе не любъ русскому двору своимъ слишкомъ живымъ характеромъ, такъ что онъ имѣлъ уже нѣсколько непріятностей. Извѣщаю васъ объ этомъ только для того, чтобъ вы старались разузнать подъ рукою, извѣстно ли англійскимъ министрамъ это обстоятельство, не подлежащее сомнѣнію» [3]). Въ то время, когда Уильямсъ увѣрялъ себя, что одержитъ верхъ надъ австро-французскими происками въ Петербургѣ, говорилъ, что «вынырнетъ именно тогда, когда этого менѣе всего ожидаютъ» [4]), люди посторонніе сообщали Фридриху II изъ Петербурга, что «Англія и ея представитель испортили здѣсь свое дѣло». Когда же, наконецъ, англійское правительство рѣшилось отозвать Уильямса, противъ этой мѣры высказался именно Фридрихъ II, считавшій его лицомъ, заслуживающимъ довѣрія, при чемъ для насъ особенно интересны приводимыя прусскимъ королемъ основанія: «Что касается отозванія Уильямса изъ Петербурга», пишетъ Фридрихъ II великобританскому посланнику Митчелю отъ 5-го февраля 1756 г., «то признаюсь, рѣшеніе, принятое по этому поводу вашимъ дворомъ, представляется мнѣ

---

[1]) Pol. Corr., XIV, 79, 149, 164, 188, 224.
[2]) XII, 86. [3]) XII, 362. [4]) XIII, 41.

не вполнѣ справедливымъ; сверхъ тѣхъ причинъ, которыя приведены уже и вами противъ отозванія именно въ настоящее время, я полагаю, это было бы большимъ несчастіемъ относительно молодого русскаго двора, который вдругъ лишился бы его добрыхъ совѣтовъ при обстоятельствахъ наиболѣе критическихъ, такъ какъ новый посланникъ не имѣлъ бы ни связей въ средѣ придворной и министерской, ни знакомства съ молодымъ дворомъ. Вотъ почему я желалъ бы, чтобъ при нынѣшнихъ критическихъ обстоятельствахъ Уильямсъ оставался на своемъ посту» [1]).

Фридрихъ былъ въ этомъ случаѣ заинтересованъ не только тѣми сообщеніями, которыя получалъ онъ отъ Уильямса изъ Петербурга. Онъ не могъ жаловаться на недостатокъ свѣдѣній изъ Россіи. И въ то время, какъ и въ наши дни, шпіонство было настолько развито, что ни государственныя, ни чисто военныя тайны не могли долго укрываться, а придворныя всегда являлись только secrets de Polichinelle. Кромѣ Уильямса, Фридрихъ II получалъ свѣдѣнія о Россіи отъ своей сестры, принцессы Анны Оранской, регентши голландской [2]), отъ саксонскаго резидента въ Петербургѣ фонъ-Функе [3]), отъ голландскаго посланника въ Петербургѣ Ванъ-Сварта [4]), отъ своего друга и поклонника графа А. Г. Головкина, русскаго посла въ Гаагѣ, и его супруги [5]), отъ шведскаго полковника Горна и курляндскаго камергера фонъ-Мирбаха [6]), не считая такихъ профессіональныхъ прусскихъ шпіоновъ, какъ фонъ-Баль изъ Риги, англійскій капитанъ Ламбертъ, маіоръ фонъ-Ромеръ [7]) и др. Не для свѣдѣній, въ которыхъ Фридрихъ II не нуждался, нуженъ былъ ему Уильямсъ въ Петербургѣ. Для чего же?

Въ то время въ Петербургѣ, какъ и въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ, шелъ серьезный пересмотръ международ-

---

[1]) XIV, 247. [2]) XIV, 244, 312, 417, 426. [3]) XII, 305. [4]) XII, 173; XIII, 202, 229; XIV, 297, 303. [5]) XIV, 192, 228. [6]) XIII, 448; XIV, 449. [7]) XIV, 42, 166; XIII, 141, 160, 170, 197, 254; XIV, 83.

выхъ союзовъ, поводъ къ чему далъ самъ же Фридрихъ II, заключивъ Вестминстерскій договоръ съ Англіей. Какъ въ другихъ европейскихъ центрахъ, такъ и въ Петербургѣ, этотъ пересмотръ, касавшійся самыхъ существенныхъ интересовъ государства, затрогивалъ въ то же время вопросы личнаго самолюбія, придворнаго вліянія, матеріальной выгоды. Перемѣна системы союзовъ влекла за собою перемѣну въ распредѣленіи ролей, если не въ положеніи дѣйствующихъ лицъ. Старая система, практиковавшаяся уже многіе годы, была для всѣхъ ясна—съ нею освоились, къ ней привыкли, съ нею сжились. Легко ли вообще мѣнять свои симпатіи, свои привычки? А въ то время приходилось если не отказываться отъ своихъ убѣжденій, то во всякомъ случаѣ скрывать ихъ, по крайней мѣрѣ не выставлять на показъ. Жить въ переходное время, когда недавняя еще заслуга вызываетъ только порицаніе, укоризна становится похвалой, вчерашняя кривда сегодняшнею правдой — очень тяжело. Петербургъ, вмѣстѣ съ остальною Европою, переживалъ тогда именно такое тяжелое время. Для Петербурга это было легче, чѣмъ для Парижа или Лондона, но все же трудно.

Послѣдній писецъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ хорошо зналъ, что Англія и Австрія «наши» союзники, что Пруссія и Франція «наши» враги, и вдругъ приходятъ непонятныя извѣстія, одно невѣроятнѣе другого: то Пруссія заключила союзъ съ Англіей, то Австрія съ Франціей. Кто же чей союзникъ, кто кому врагъ? Для Петербурга вопросъ упрощался тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ прежнихъ двухъ союзниковъ мы сохраняли одного — Австрію, изъ прежнихъ двухъ враговъ—Пруссію; но какъ объяснить себѣ смѣну дружественной Англіи враждебною Франціею? Почему Англія изъ друга становилась врагомъ, Франція же изъ врага другомъ? Для большинства современниковъ всѣ вопросы, какъ они не были бы сложны, сводятся къ личнымъ отношеніямъ: новый фаворитъ императрицы, И. И. Шуваловъ, «хорошо говоритъ по-

французски, любитъ французовъ и ихъ моды, очень желаетъ, чтобъ въ Петербургъ явился французскій посолъ съ блестящею свитою» [1])—вотъ причина нашего союза съ Франціею; враждебныя отношенія къ Англіи, недавней союзницѣ, объяснялись интригою враговъ и завистниковъ великаго канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, англомана, получающаго подачки отъ англійскаго правительства. Приливъ англійскихъ фунтовъ замѣнить приливомъ французскихъ ливровъ для многихъ очень интересно уже и потому, что этотъ новый приливъ золота потечетъ уже въ иныя руки. Если несомнѣнно, что не боги горшки лѣпятъ, то такія или подобныя личныя соображенія въ вопросахъ даже государственныхъ не должны быть упускаемы изъ вида.

Этотъ петербургскій пересмотръ союзныхъ договоровъ имѣлъ для Фридриха II огромное значеніе. На чьей сторонѣ будетъ Россія? Если, какъ прежде, какъ уже много лѣтъ, за одно съ Англіей, то Пруссія, только что обезпечившая себѣ Вестминстерскимъ договоромъ содѣйствіе Англіи, можетъ спокойно приводить въ исполненіе «честолюбивые, опасные и давно уже задуманные» планы своего территоріальнаго увеличенія; если же Россія приметъ мѣры «for preventing such a calamity», какъ еще недавно выражались англійскіе министры, то Пруссіи не устоять противъ натиска австрійцевъ съ юга и русскихъ съ сѣвера. Фридрихъ II такъ именно и понималъ дѣло. Въ письмахъ того времени онъ откровенно сознается, что въ рѣшеніи Россіи идетъ вопросъ о существованіи его династіи (existance de ma maison), о разрушеніи его родины (ruine de ma patrie); онъ не скрываетъ даже отъ сестры своей, принцессы Амаліи, что пораженіе будетъ равняться окончательной его погибели: «Il n'y a que la mort ou la victoire pour nous; il faut ou l'un ou l'autre» [2]). Наканунѣ подписанія Россіей Версальскаго договора, 30-го де-

---

[1]) *Raumer*, II, 346.

[2]) Pol. Corr., XIV, 118; *Raumer*, II, 439; Pol. Corr., XIV, 412.

кабря 1756 г., слѣдовательно, послѣ уже того, какъ Фридрихъ II началъ войну, и началъ успѣшно, занявъ и обезпечивъ за собою Саксонію, онъ собственноручно написалъ прусскому государственному министру особую инструкцію [1]), вѣрнѣе, свое «духовное завѣщаніе», изъ котораго лучше всего видно, насколько серьезнымъ представлялось Фридриху II положеніе дѣлъ въ то время:

„Секретная инструкція графу Финкенштейну.

„Берлинъ, 10-го января 1757 г.

„Въ томъ критическомъ положеніи, въ которомъ находятся наши дѣла, я долженъ отдать вамъ мои приказанія, чтобы, при всѣхъ несчастныхъ случайностяхъ, которыя всегда возможны въ подобныхъ событіяхъ, вы были уполномочены принять надлежащія мѣры.

„1-е. Еслибъ случилось—чего Боже упаси—что одинъ изъ моихъ корпусовъ въ Саксоніи былъ бы на голову разбитъ или французы вытѣснили бы ганноверцевъ изъ ихъ страны, укрѣпились бы въ ней и угрожали бы намъ вторженіемъ въ Альтмаркъ, или русскіе проникли бы въ Неймаркъ — необходимо спасти королевскую фамилію, главнѣйшія судилища (dicasterium), министровъ и главное управленіе. Если насъ разобьютъ въ Саксоніи со стороны Лейпцига, наиболѣе удобное мѣсто для сохраненія королевской фамиліи и государственной казны — Кюстринъ; въ этомъ случаѣ необходимо, чтобъ королевская фамилія и всѣ вышеупомянутыя лица отправились, подъ эскортой всего гарнизона, въ Кюстринъ. Если же русскіе вошли бы въ Неймаркъ или съ нами случилось бы несчастіе въ Лузаціи, то необходимо, чтобъ все было отослано въ Магдебургъ. Наконецъ, послѣднее убѣжище—Штетинъ; но въ Штетинъ должно отправляться только при послѣдней крайности. Гарнизонъ, королевская фамилія и государственная казна должны быть неразлучны и всегда вмѣстѣ; къ нимъ нужно присоединить коронные брильянты и серебро большого двора, которое, въ этомъ случаѣ, равно какъ и золотая посуда, должно быть немедленно перелито въ монету.

„Еслибъ случилось, что я былъ бы убитъ, необходимо, чтобъ дѣла шли своимъ обычнымъ ходомъ, безъ малѣйшаго измѣненія,

---

[1]) Pol. Corr., XIV, 197.

къ равно мои министры и генералы, отвѣчает
о за меня не будетъ предложено ни земли, ни
будетъ продолжаться съ цѣлью достичь возмо
будто меня и на свѣтѣ никогда не существовал
дѣюсь и долженъ быть увѣренъ, что вамъ, граф
е будетъ надобности приводить въ исполненіе эт
ъ случаѣ несчастія, я уполномочиваю васъ исп
къ того, что это, по зрѣломъ и здравомъ обсуж
непремѣнная воля, я подписываю инструкцію
кладываю мою печать.

„Фридрихъ,

М. П.

таком взглядѣ на свое «критическое по
ъ II, конечно, не упуститъ ничего, чтобъ н
усскихъ вѣсовъ въ свою пользу при пе
договоровъ. На кого же онъ могъ опер
тѣ?

всего на императрицу. Со времени воцаре
тровна постоянно была вѣрна Австріи; д
австрійскаго посланника маркиза Ботто
инскому дѣлу не охладило дружескихъ ея о
Терезіи Елизавета Петровна ...

лись объ этотъ сѣверный вопросъ. Фридрихъ II хорошо зналъ это, и если, напримѣръ, въ 1755 году, когда графъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ, братъ великаго канцлера, былъ проѣздомъ во Франкфуртѣ, онъ высказывалъ желаніе достичь «сердечнаго примиренія съ императрицей» [1]), или, въ 1756 году, разговаривая съ Митчелемъ, «онъ удивлялся, почему русская императрица питаетъ къ нему такое отвращеніе» [2]), то былъ лишь неискрененъ, обманывая и русскаго фельдмаршала, и англійскаго посланника. Только смерть Елизаветы Петровны могла въ этомъ случаѣ помочь Фридриху II. «Съ русскими ничего не подѣлаешь», пишетъ онъ Мишелю въ Лондонъ. «Меня извѣщаютъ, что императрица опасно больна; еслибъ она умерла, это могло бы повести къ перемѣнѣ воззрѣній русскаго двора, но помимо такой случайности нельзя ни на что надѣяться» [3]). Зная это, услужливые друзья шлютъ Фридриху II со всѣхъ сторонъ извѣстія, что императрица «очень плоха», что «ей не прожить и двухъ мѣсяцевъ», что она «въ агоніи», что она, наконецъ, «умерла»... [4]).

Русскій великій канцлеръ, графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ — заклятый врагъ Пруссіи, но съ этою враждою возможна была борьба и, какъ полагалъ Фридрихъ II, борьба довольно легкая: стоило только условиться въ числѣ дукатовъ. Винить Фридриха II за выборъ такого средства было бы несправедливо; XVIII столѣтіе должно быть оцѣниваемо по взглядамъ того времени. Подкупъ всегда существовалъ и, вѣроятно, всегда будетъ существовать; но въ XVIII вѣкѣ на него смотрѣли и къ нему относились иначе, чѣмъ въ XIX вѣкѣ. Отецъ Фридриха II сказалъ по этому поводу князю Лихтенштейну: «Я знаю, что мои министры и лица моего двора получаютъ деньги отъ французскаго правительства; но я не

[1]) Pol. Corr., XI, 147. [2]) XIII, 35. [3]) XIV, 230.
[4]) XIII, 518; XIV, 15, 79, 82, 149, 170, 224, 230, 301, 347, 352, 390. *Raumer*, 295, 321. Всѣ эти извѣстія относятся ко времени за полугодіе отъ октября 1756 по мартъ 1757 года.

еніе, что такая-то сумма сдѣлаетъ такого-то
ake this person my own. Что разумѣть
ь»? Политика Россіи не зависѣла отъ сек
лсуфьева, ни отъ Волкова; рѣшеніе вопр
ѣ не было предоставлено ни канцлеру Бе
нцлеру Воронцову. Для англійскаго послан
облегчали ему сношенія, ускоряли ходъ дѣл
ебя сторонниками Англіи — и только; Фрид
лъ, что русскіе «мои» Уильямса непремѣ
оссіи. Это большая съ его стороны ошибк
дѣлать «своимъ» Бестужева и оборвался: о
а подкупъ Бестужева то 10.000 дукатовъ,
, наконецъ, готовъ былъ выплатить ту су
уется [1]) — ничто не удалось, и Бестужевъ н
Почему? Онъ, быть можетъ, взялъ бы, е
о сдѣлать въ пользу прусскаго короля; но
, ничего и не взялъ. Екатерина II въ это
вершенно права въ своей замѣткѣ о Бестуж
gagna par argent [2]). Уильямсъ въ своихъ
но извѣщалъ, что Бестужевъ «мѣняется»,
готовъ служить прусскому королю [3])

управляетъ графъ Бестужевъ» [1]), въ концѣ 1756 года повѣрилъ словамъ англійскаго посланника [2]). Это опять ошибка: конечно, «Бестужевъ ни предъ кѣмъ не скрывалъ своей вражды къ прусскому королю» [3]), и Фридрихъ II могъ имѣть по этому поводу самыя точныя свѣдѣнія, но только не отъ англійскаго посланника, съ которымъ умный Бестужевъ, зная Уильямса, долженъ былъ быть крайне остороженъ.

Кромѣ императрицы и великаго канцлера, Фридрихъ II особенно хлопоталъ о расположеніи молодого двора. Онъ хорошо зналъ, что ни великій князь Петръ Ѳедоровичъ, ни великая княгиня Екатерина Алексѣевна не имѣютъ никакого вліянія на дѣла и не пользуются въ данную минуту никакимъ значеніемъ; но ему сообщали о смертельной болѣзни Елизаветы Петровны, и онъ былъ убѣжденъ, что «ihr Tod würde die Face der Affairen allda ganz verändern» [4]), такъ какъ наслѣдникъ русскаго престола «ist vor Preussen gut gesinnet», а великая княгиня его супруга «est parfaitement bien disposée envers le roi de Prusse» [5]). Вѣрно ли это?

Извѣстія о русскомъ большомъ дворѣ, не только собственно придворныя, но даже и чисто военныя, Фридрихъ II получалъ изъ разныхъ источниковъ, и нерѣдко извѣстія вполнѣ точныя [6]); о маломъ же дворѣ—только отъ Уильямса.

---

[1]) Tant que le comte Bestushew sera au timon des affaires. Pol. Corr., V, 34.

[2]) XIV, 83.

[3]) Bestouchef, ennemi du roi de Prusse, soutenait son avis haut à la main. «Записки Храповицкаго», 480.

[4]) Pol. Corr., XIV, 82. [5]) XIV, 79.

[6]) Самыя важныя и самыя точныя извѣстія изъ Петербурга шли отъ голландскаго посланника Ванъ-Сварта. Изъ всѣхъ иностранныхъ представителей, Свартъ (Mynheer van Swart) пользовался въ Петербургѣ наибольшимъ довѣріемъ русскаго двора; «le Grand-Chancellier le consulte sur tout et l'informe le plus confidemment du monde de tout ce qui se passe» (Pol. Corr., XIII, 116). Его депеши вскрывались въ берлинскомъ почтамтѣ и копіи съ нихъ доставлялись Фридриху II; шифрованныя же мѣста получались позже, изъ Гааги, отъ прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Геллена, при посредствѣ англійскаго посланника въ Гаагѣ, Иорка. Такимъ путемъ была получена и чрезвычайно важная депеша Сварта отъ 19-го іюня 1756 года.

Вотъ почему Фридрихъ II желалъ, чтобъ Уильямсъ не былъ отозванъ изъ Петербурга. Можно ли, однако, довѣрять донесеніямъ Уильямса о маломъ дворѣ? Уже самое положеніе Уильямса при петербургскомъ дворѣ должно было предостеречь Фридриха II: Уильямсъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ спеціальною цѣлью—возбудить русскій дворъ противъ Фридриха II; спустя же полгода его миссія получила прямо противоположное назначеніе — расположить петербургскій дворъ въ пользу прусскаго короля. Человѣкъ, принимавшій на себя такія исключающія одна другую обязанности, не внушалъ къ себѣ никакого довѣрія, хотя и носилъ званіе дипломата. Могъ ли Фридрихъ II довѣрять донесеніямъ англійскаго посланника, который своими депешами вводилъ въ заблужденіе [1]) даже своего короля?

Нѣмецкіе историки, подобострастно относящіеся къ Фридриху II, стараются и въ этомъ случаѣ «главную вину» отнести къ союзницѣ короля, Англіи, которая, по ихъ мнѣнію, была обязана сообщать прусскому королю всѣ получаемыя ею отъ Уильямса извѣстія о томъ, что творится при петербургскомъ дворѣ, гдѣ Фридрихъ II не имѣлъ своего представителя [2]). Фридрихъ II никогда не высказалъ бы подобнаго обвиненія лондонскому министерству: самъ нерѣдко вво-

[1]) Графъ Робертъ Гольдернесъ, англійскій государственный секретарь по дѣламъ сѣвера, пишетъ Уильямсу отъ 30-го марта 1756 года: «Король былъ крайне удивленъ тѣмъ, что послѣ вашихъ сообщеній о добрыхъ намѣреніяхъ обоихъ канцлеровъ, Бестужева и Воронцова, и объ ихъ рѣшеніи представить императрицѣ Вестминстерскій договоръ въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, русскій посланникъ кн. Голицынъ получилъ приказанія, прямо противорѣчащія тому, чего король, согласно вашимъ донесеніямъ, въ правѣ былъ ожидать». *Raumer*, II, 316.

[2]) «Die lange Verkennung der Situation in Petersburg fällt allerdings *theilweise* dem Könige selbst zur Last... Dennoch aber trifft die *Hauptschuld* für die lange Täuschung Friedriech's seine englischen Bundesgenossen... Englands Pflicht wäre es gewesen, den König, der keinen Vertreter in Petersburg besass, über die von dem dortigen englischen Gesandten einkommenden Meldungen jederzeit getreue Mittheilung zu machen». *Naudé*, Friedrich der Grosse vor dem Ausbruch des Siebenjährigen Krieges, *Hist. Zeitschr.*, LV, 448.

дившій другихъ въ заблужденіе и завѣдомо лгавшій въ своихъ бумагахъ [1]), даже приказывавшій другимъ обманывать и лгать [2]), онъ зналъ, что въ свою очередь и его обманываютъ, и ему лгутъ; онъ посылалъ шпіоновъ въ Россію и вѣшалъ русскихъ шпіоновъ, которые попадались въ его руки. Но онъ не жаловался, а находилъ какъ обманъ, такъ и шпіонство совершенно естественными явленіями. Эта мѣрка Фридриха II и должна быть приложена къ нему самому. Вся вина, безраздѣльно и всецѣло, а не «отчасти», должна въ этомъ случаѣ падать на Фридриха II и только на него. Относительно донесеній англійскаго посланника въ Петербургѣ, Фридрихъ II подвергался тройному обману: Уильямсъ, по своему характеру, обманывалъ, прежде всего, самого себя, составляя свои сообщенія слишкомъ субъективно [3]); затѣмъ, лондонскій кабинетъ пересылалъ своему представителю въ Берлинѣ, Митчелю, не всѣ депеши Уильямса, а лишь тѣ, которыя признавалъ необходимыми [4]); наконецъ, Митчель сообщалъ Фридриху II во французскомъ переводѣ только тѣ мѣста депешъ, которыя считалъ умѣстными [5]). Фридрихъ II даже и не подозрѣвалъ ни одного изъ этихъ обмановъ; онъ все продолжалъ довѣрять донесеніямъ Уильямса, хотя его

---

[1]) Pol. Corr., XIII, 163, 470. [2]) XIII, 247.

[3]) Въ депешѣ отъ 7-го августа 1756 года Уильямсъ сообщаетъ: «Soyez assuré que les actions de M. Douglas baissent de jour en jour» (XIII, 270), между тѣмъ какъ они, напротивъ, все повышались и вскорѣ совершенно вытѣснили акціи самого Уильямса, которому уже въ декабрѣ сообщали, «qu'il est devenu odieux à la cour» (XIV, 164).

[4]) Депеша Уильямса отъ 29-го марта 1756 года не была переслана Митчелю. *Raumer*, II, 339.

[5]) Въ донесеніи Митчеля графу Гольдернесу, отъ 27-го мая 1756 года, сказано: «I acquainted His Majesty with such parts of Sir Charles Hanbury Williams dispatches as J thought the most proper to make an impression upon him and to convince him that affairs at the court of Petersburg were in a very good situation» (Pol. Corr., XII, 356). Еще откровеннѣе въ донесеніи отъ 22-го іюня того же года: «Я старательно скрылъ отъ прусскаго короля многое изъ депеши Уильямса отъ 5-го и постарался, насколько было возможно, не обнаружить дурное положеніе нашихъ дѣлъ въ Россіи» (*Hist. Zeitschr.*, LV, 449).

ма Екатерины связаны съ именемъ Уилья
ніямъ довѣрялъ Фридрихъ II. Перепискѣ
ника съ великою княгинею придается бо
йшими историками, особенно русскими [2]
алъ Уильямсъ о маломъ русскомъ дворѣ?
вался онъ съ Екатериною? Каковы были
ческія письма?

II.

Англійскій посланникъ Уильямсъ, прибывші
ъ въ началѣ іюня 1755 года, представля
у въ день свв. Петра и Павла, 29-го іюня
ѣ, и произвелъ на великую княгиню Ек
вну самое благопріятное впечатлѣніе. Ей
ть это первое свиданіе съ Уильямсомъ,
тридцать спустя, императрица Екатерина
а о немъ:

Около Троицына дня прибылъ въ Россію
икъ кавалеръ Уильямсъ. Въ свитѣ его на
овскій, сынъ того графа Понятовскаго

Помню, что за ужиномъ англійскій посланникъ кавалеръ Уильямсъ былъ моимъ сосѣдомъ и что мы вели съ нимъ столь же пріятную, какъ и веселую бесѣду; такъ какъ онъ былъ уменъ, свѣдущъ и объѣздилъ всю Европу, то съ нимъ не трудно было разговаривать. Помню еще, что, увидавъ танцующаго графа Понятовскаго, я заговорила съ кавалеромъ Уильямсомъ объ отцѣ Понятовскаго и о томъ вредѣ, который отецъ его причинилъ Петру I. Англійскій посланникъ наговорилъ мнѣ много хорошаго о сынѣ и подтвердилъ то, что я уже знала, именно, что отецъ его и семья его матери, Чарторійскіе, составляли въ то время русскую партію въ Польшѣ, что отецъ послалъ сына въ Россію и поручилъ его ему съ тѣмъ, чтобы воспитать въ немъ ихъ же чувства къ Россіи, и что они надѣются, что этотъ молодой человѣкъ будетъ имѣть успѣхъ въ Россіи. Графу Понятовскому могло быть тогда 22 или 23 года» [1]).

Этого мало: графъ Станиславъ Понятовскій былъ не только молодъ, но красивъ и ловокъ. Свѣтлый умъ Понятовскихъ, всестороннее образованіе Чарторійскихъ и природная живость поляка замѣтно выдѣляли графа Станислава изъ всей придворной jeunesse dorée того времени. По внѣшности съ нимъ могъ бы поспорить развѣ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, но его поведеніе, вслѣдъ за рожденіемъ великаго князя Павла Петровича, только «оскорбляло» Екатерину: «Я узнала въ это время, до какой степени Сергѣй Салтыковъ велъ неумѣренную жизнь и какъ онъ волочился за всѣми дамами, которыя ему попадались» [2]). Послѣ этого Сергѣй Салтыковъ, еслибъ и хотѣлъ, не могъ бы болѣе удержаться въ милости у великой княгини. Какое же сравненіе съ графомъ Понятовскимъ: едва лишь увидѣвъ Екатерину, онъ только и жилъ мыслью о ней. Присылаетъ ли Левъ Нарышкинъ великой княгинѣ шутливыя записочки, «всегда прелестно составленныя

[1]) Mémoires de l'impératrice Catherine II. Londres, 1859, pp. 238, 239.
[2]) Mémoires, pp. 229, 240.

оболонка великой княгини, бросавшаяся на
къ графу Понятовскому, вскакивала къ
ала его [3]).
свиданія съ графомъ Понятовскимъ, дол
нимъ и о немъ познакомили Екатерину с
ртій и дѣлъ въ Польшѣ, которою умный с
заинтересовалъ великую княгиню. Онъ пр
сской партіи, во главѣ которой стояли ро
о матери, князья Чарторійскіе, и Екатер
ботиться о положеніи этой партіи. Въ неб
великому канцлеру графу Бестужеву она
что «составленъ проектъ выступить въ
тивъ графа Брюля и для этого послать м
посланникомъ въ Польшу, чтобы разгромить
бы уничтожить сторонниковъ Россіи», чт
составленію этого проекта послужило то о
дто великій канцлеръ Бестужевъ пренебр
Россіи, для которой весьма важно имѣть
сосѣднемъ королевствѣ, какова Польша,
мѣнить министерство», что, наконецъ, «
ляется, будто великій канцлеръ Бесту

Исполнилась, слѣдовательно, надежда Уильямса, что графъ Понятовскій «будетъ имѣть успѣхъ въ Россіи»—онъ имѣлъ успѣхъ у великой княгини, личный и политическій; а Уильямсъ, называвшій его «своимъ сыномъ»? Уже приведенная выше записка Екатерины, писанная въ февралѣ 1756 года, когда вопросъ о войнѣ съ Пруссіею былъ, въ принципѣ, рѣшенъ и предстояло озаботиться о свободномъ проходѣ русскихъ войскъ чрезъ земли Польской Республики [1]), свидѣтельствуетъ

de Duchesse au grand-chancelier Bestushew, pour l'avertir qu'il y avait un projet d'agir vigoureusement dans les affaires de Pologne contre le comte Brühl et d'envoyer pour cela le grand-maréchal Bestushew comme ambassadeur en Pologne, pour foudroyer tous ceux qui voudraient y détruire les partisans de la Russie; que les auteurs (de ce projet) se servaient du prétexte que le grand-chancelier Bestushew négligeait les intérêts de la Russie, à laquelle il importait d'avoir un parti dans un royaume voisin comme la Pologne, pour tâcher de changer le ministère; que le comte Brühl se vantait d'être sûr du Grand-Chancelier». Достовѣрность этого «billet» не подлежитъ сомнѣнію. Изъ бумагъ конференціи видно, что «нужнымъ и удобнымъ пунктомъ» признавалось «Польшу исподоволь пріуготовлять, чтобы она проходу здѣшнихъ войскъ для атакованія Пруссіи не только не препятствовала, но паче охотно на то смотрѣла» (Архивъ кн. Воронцова, III, 397), а для этого представлялось, что «надобность отправленія въ Польшу знатнаго министра нынѣ паче нежели когда настоитъ» (Архивъ, III, 430). Несмотря, однако, на давнія интриги маршала графа М. П. Бестужева-Рюмина противъ своего брата великаго канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина (Polit. Corr., XI, 248), въ Варшаву былъ отправленъ не маршалъ Бестужевъ, а генералъ-квартирмейстеръ Веймарнъ. Въ это время графъ Брюль дѣйствовалъ заодно съ французскимъ посланникомъ Дюраномъ и секретаремъ прусскаго посольства Бенуа, то-есть, противъ русскихъ интересовъ, и могъ, конечно, только похваляться, что «Бестужевъ въ его рукахъ». Великая княгиня Екатерина Алексѣевна, узнавъ эти подробности отъ графа Понятовскаго, спѣшитъ предупредить канцлера Бестужева, въ то время ей вполнѣ преданнаго, который еще въ 1755 году угождалъ ей извѣстіями о путешествіи Сергѣя Салтыкова: «Pendant son absence le grand-chancelier comte Bestoujeff m'envoya toutes les nouvelles qu'il recevait de lui» (Mémoires, 227).

[1]) Это былъ, по времени, весьма серьезный вопросъ, отъ котораго отчасти зависѣло участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ. Разрѣшеніе на «свободный проходъ» русскихъ войскъ зависѣло, конечно, отъ сейма; но многіе вліятельные члены сейма заранѣе заявили, что они «только будутъ рады проходу русскихъ», въ томъ числѣ: коронный гетманъ графъ Браницкій, литовскій канцлеръ князь Чарторійскій, великій маршалъ графъ Бѣлинскій, литовскій

могъ, конечно, и не знать, Уильямсъ пр
ть всевозможныя старанія для сближенія
нею. Въ этомъ стараніи онъ, какъ человѣ
ступилъ даже должную границу, пошелъ
слѣдовало, и, во всякомъ случаѣ, дѣйствов
но, что своимъ ухаживаньемъ за великою к
подозрѣнія и неудовольствіе императри
ѣстили Фридриха II, и онъ, въ разговорѣ
ыразилъ справедливое опасеніе, что такое
мса можетъ повредить англійскимъ интере
ѣ [1]). По этому же поводу прусскій госуд
стръ графъ Финкенштейнъ объяснялся съ
ланникомъ Митчелемъ, и оба пришли къ
Уильямсъ дурно ведетъ свои дѣла, что его
вать изъ Петербурга [2]). Одинъ только Фри
адѣялся, что дѣла Уильямса примутъ «ein
[3]). Уильямсъ же, съ своей стороны, не
цать Митчеля, а Митчель Фридриха, что «la

фъ Огинскій, краковскій каштелянъ графъ Понятовскій

Duchesse est parfaitement bien disposée envers le roi de Prusse» [1]). Относясь съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ извѣстіямъ Уильямса, трудно сказать, на чемъ онъ основывалъ подобныя увѣренія, и насколько его личныя усилія способствовали тому, что великая княгиня «ganz englisch gesinnet sei» [2]), какъ извѣщали Фридриха II. Очень возможно, что въ этомъ случаѣ бо̀льшую роль играли займы Екатерины у англійскаго резидента Вольфа [3]), чѣмъ всѣ хлопоты англійскаго посланника Уильямса.

Въ депешѣ отъ 2-го ноября 1756 года Уильямсъ впервые связываетъ имя перваго русскаго главнокомандующаго въ Семилѣтнюю войну, фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина, съ именемъ великой княгини Екатерины Алексѣевны. По словамъ Уильямса, «Апраксинъ, откланиваясь великой княгинѣ, сказалъ ея высочеству, что отправляется въ Ригу принять начальство надъ арміей, лишенной офицеровъ и кавалеріи». Что Апраксинъ откланивался великой княгинѣ передъ отъѣздомъ въ Ригу — это болѣе чѣмъ вѣроятно [4]); что въ собранной подъ Ригою арміи чувствовался недостатокъ въ конницѣ — тоже не подлежитъ сомнѣнію [5]); но чтобъ Апраксинъ могъ назвать армію лишенною офицеровъ, когда въ этой арміи на 72.000 штыковъ было болѣе 2.500 офицеровъ [6]) — это не-

[1]) XIV, 79. [2]) XII, 448.

[3]) До настоящаго времени извѣстны два займа, сдѣланные Екатериною у англійскаго резидента Вольфа и относящіеся къ этому именно времени: отъ 21-го іюля 1756 года, въ тысячу червонныхъ, и отъ 11-го ноября 1756 года, въ сорокъ четыре тысячи рублей (Сборникъ Русск. Истор. Общества, VII, 72). Неизвѣстно, однако, когда начались эти займы — быть можетъ, еще до прибытія Уильямса въ Петербургъ. Въ запискѣ отъ 21-го іюля 1756 г. Екатерина пишетъ барону Вольфу: «C'est avec peine que je m'adresse *de nouveau* à vous».

[4]) Въ запискахъ Екатерины объ этомъ не упомянуто; сказано только: «La maréchale vint chez nous pour prendre congé de nous avec sa fille». Mémoires, 247.

[5]) Недостатокъ въ лошадяхъ былъ настолько великъ, что, по приказу Апраксина, бо̀льшая часть ингерманландскихъ драгунъ была спѣшена; даже въ гросъ-егерсдорфскій періодъ конница составляла едва 6% пѣхоты. *Масловскій*, 29—36. [6]) *Масловскій*, 25.

сина о неготовности русской арміи, въ общ
ерждаемый новѣйшими изслѣдованіями г. М
авляется, въ сообщеніи Уильямса, весьма
въ депешѣ отъ 2-го ноября онъ отнесенъ
тѣ; спустя полтора мѣсяца, въ депешѣ от
этотъ же отзывъ Апраксина, повторенны
(une armée dépourvue de cavalerie et d'officier
ъ императрицѣ [3]). Конечно, Апраксинъ могъ
готовность арміи и императрицѣ, и велико
ильямсъ не могъ же не знать источника
звѣстія.

аконецъ, сопоставленіе двухъ только что
ъ Уильямса, отъ 2-го ноября и 18-го дек
етъ возможность высказать довольно рѣшит
акъ о достовѣрности подобныхъ извѣстій,
никѣ ихъ. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя
епешѣ отъ 18-го декабря, она была чрезвыч
русскаго короля и, тотчасъ по полученіи
ыхъ новостей», Митчель сообщилъ ее Фридри

цузскомъ переводѣ. Вотъ главная ея часть[1]), касающаяся великой княгини и фельдмаршала Апраксина:

„Посылаю вамъ самыя вѣрныя извѣстія, которыя только удалось мнѣ получить относительно плановъ, касающихся русской арміи. Они были сообщены мнѣ здѣшнимъ лучшимъ моимъ другомъ (ma grande amie), великою княгиней. Она имѣла весьма продолжительный разговоръ съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ, въ ночь наканунѣ его отъѣзда въ Ригу, и то, что я пишу вамъ теперь, есть только точный списокъ того письма, которымъ ея высочество почтила меня на другой же день.

„Фельдмаршалъ Апраксинъ сильно жаловался императрицѣ, что его отправляютъ начальствовать надъ арміей, лишенной кавалеріи и офицеровъ. На это великая княгиня спросила его, зачѣмъ же онъ принялъ на себя такое командованіе; Апраксинъ отвѣчалъ, что онъ долженъ былъ подчиниться повелѣнію императрицы. Затѣмъ великая княгиня спросила его, что̀ онъ предполагаетъ дѣлать и думаетъ ли онъ идти прямо на Мемель. Онъ отвѣчалъ: Что же толку въ такой крѣпостишкѣ, какъ Мемель? что вовсе не имѣется въ виду атаковать его прусское величество, но рѣшено идти прямо чрезъ Польшу въ Силезію. Она возразила, что, быть можетъ, король прусскій атакуетъ васъ во время вашего марша. Онъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ я сдѣлаю все, что̀ будетъ возможно для своей защиты; но у меня нѣтъ намѣренія атаковать Пруссію.

„Весь этотъ разговоръ я считаю достовѣрнымъ (véritable), потому что Апраксинъ всегда угождаетъ моему другу, великой княгинѣ, и считается чрезвычайно преданнымъ ея интересамъ.

„Я все еще надѣюсь добыть инструкцію, данную Апраксину; мнѣ обѣщали уже два раза, но эти обѣщанія еще не исполнены".

7-го января прочелъ Фридрихъ II эту депешу Уильямса и на другой же день, 8-го января, писалъ своему главнокомандующему въ Восточной Пруссіи, престарѣлому фельдмаршалу Левальду: «Я узналъ изъ вѣрнаго источника, что Апраксину повелѣно, не атакуя ни Мемель, ни Восточную Пруссію, идти чрезъ Польшу въ Силезію. Полагаю, поэтому, что, если такъ, то вы оставите въ Восточной Пруссіи только гарнизонные батальоны Люкскаго полка и земскій батальонъ,

[1]) Pol. Corr., XIV, 188.

а со всѣми остальными войсками двинетесь въ тылъ русскихъ войскъ Апраксина и будете слѣдовать за ними до Силезіи, что, конечно, крайне затруднитъ Апраксина и будетъ держать его въ постоянномъ страхѣ» [1]). Умный Фридрихъ II сообщалъ свои мысли, однако, условно; его осторожное «wenn es dazu kommt» указываетъ, что онъ не вполнѣ довѣрялъ извѣстіямъ депеши Уильямса. Можемъ ли мы довѣрять этой депешѣ?

Апраксинъ выѣхалъ изъ Петербурга 30-го октября; наканунѣ отъѣзда, ночью, слѣдовательно, съ 29-го на 30-е октября, долженъ былъ происходить разговоръ Апраксина съ великою княгиней; на другой же день (le lendemain), то-есть, 30-го же октября, великая княгиня должна была написать письмо Уильямсу. Что̀ сдѣлалъ бы англійскій посланникъ, еслибъ онъ, дѣйствительно, получилъ 30-го октября письмо отъ великой княгини съ столь важными извѣстіями? Конечно, то, что̀ сдѣлалъ Функе [2]), что̀ сдѣлалъ бы всякій посланникъ, что̀ сдѣлалъ въ другомъ случаѣ самъ же Уильямсъ — послалъ бы немедленно, съ нарочнымъ курьеромъ, въ Берлинъ точную копію съ этого письма. Что же сдѣлалъ теперь Уильямсъ? Онъ получилъ письмо великой княгини 30-го октября и въ теченіе семи недѣль скрывалъ его отъ всѣхъ — отъ своего министерства, отъ Митчеля, отъ Фридриха II. Въ эти семь недѣль онъ отправилъ четыре депеши [3]) и ни въ одной изъ нихъ не упомянулъ даже ни о письмѣ великой княгини, ни объ интересныхъ его подробностяхъ. Наконецъ, продержавъ у себя письмо около двухъ мѣсяцевъ, онъ посылаетъ не точную съ него копію, а какой-то пересказъ своими словами. Вѣроятно ли это?

Такова внѣшняя сторона; посмотримъ на внутреннюю. Могъ ли Апраксинъ, еще до отъѣзда изъ Петербурга, передавать великой княгинѣ тотъ планъ дѣйствій русской арміи, который заключается въ письмѣ ея къ Уильямсу отъ 30-го

---

[1]) XIV, 191. [2]) Pol. Corr., XII, 305.

[3]) Депеши отъ 2-го, 27-го и 30-го ноября и отъ 9-го декабря. Pol. Corr., XIV, 149, 150, 164 и 165.

октября? Апраксинъ не разъ и категорически заявлялъ, что «при сочиненіи военнаго плана операцій не одно только произведеніе принятаго главнаго намѣренія уважается, но отъ большей части состояніе и количество обоюдныхъ войскъ, положеніе земель, времена года, доставленіе нужныхъ къ содержанію войска припасовъ и безчисленныя другія важныя симъ подобныя вещи въ разсмотрѣніе приняты быть должны». Не только въ Петербургѣ, не только въ октябрѣ 1756 года, но до конца января 1757 года Апраксинъ «ни однимъ словомъ не обмолвился о будущемъ планѣ дѣйствій». И какой же это планъ? Оставить Восточную Пруссію «въ непріятельскихъ рукахъ», въ тылу русской арміи, направляющейся въ Силезію — нелѣпость, которая не только Апраксину, но даже австрійскому генералу Букову не могла придти въ голову. Ни въ октябрѣ 1756 года, ни позже Апраксинъ и не думалъ о движеніи въ Силезію. Объ этомъ думали, но не русскіе, а саксонцы, имѣвшіе въ томъ свой интересъ — они предполагали этимъ движеніемъ заставить Фридриха II очистить Саксонію. Въ донесеніяхъ русскаго резидента Гросса и въ просьбахъ саксонскаго министра графа Брюля, полученныхъ въ Петербургѣ въ концѣ ноября, высказывается необходимость, чтобъ «диверсія была произведена въ такихъ мѣстахъ, кои королю прусскому наипаче при сердцѣ лежатъ, какъ въ *Силезіи*... что съ лучшею пользою воспринято быть можетъ, нежели со стороны *Мемеля*». Никогда, наконецъ, Апраксинъ не думалъ уклониться отъ боя съ врагомъ; напротивъ, русская главная квартира находила, что «чѣмъ скорѣе, безъ дальнихъ околичностей, непріятеля атаковать, тѣмъ лучше» [1]). Такимъ образомъ, по существу «секретныхъ новостей» онѣ являются ничѣмъ инымъ, какъ слухами о тѣхъ планахъ военныхъ дѣйствій, которые разсматривались конференціею въ началѣ декабря, о которыхъ говорили въ петербургскомъ

[1]) Подробности о планахъ войны впервые обнародованы Масловскимъ, 162—176 и прим. 24-е, стр. 243—266.

Упоминаемое въ депешѣ Уильямса отъ
сьмо великой княгини представляется нам
сломъ и должно быть отвергнуто, какъ фа
письмо великой княгини Екатерины Алекс
ь видовъ обмана Фридриха II англійскимъ
льямсомъ.

Во всей депешѣ отъ 18-го декабря вѣрно по
лько фактъ—добрыя отношенія, существовав
кою княгиней и главнокомандующимъ. Изъ в
ятелей того времени, Апраксинъ занималъ со
положеніе, не принадлежа ни къ одной изъ
дворѣ партій: онъ былъ друженъ съ канцл
вымъ и близокъ съ его врагами, Шуваловы
обности, «онъ могъ быть полезнымъ посредн
ими враждовавшими партіями» [2]). Посѣщая

) Мы должны были подробно остановиться на депешѣ о
какъ въ ней прямо сказано, что Екатерина писала Уи
qu'elle me fit l'honneur d'écrire), и тѣмъ не менѣе ока
письма не было и быть не могло. Что же думать о т
ыя приводятся безъ указанія даже, откуда они взяты,
раняется? Обыкновенно ссылаются на 2-й томъ «Beit

Апраксинъ нерѣдко бесѣдовалъ съ великою княгиней и откровенно высказывалъ ей свое мнѣніе о неготовности арміи, о невозможности зимняго похода въ Пруссію, о необходимости отложить начало военныхъ дѣйствій до весны будущаго года. Это онъ говорилъ императрицѣ, членамъ конференціи, въ коллегіяхъ, всѣмъ, ни отъ кого не скрывая своего мнѣнія. Доводы Апраксина были настолько убѣдительны, что не только Екатерина, мало, конечно, понимавшая еще въ военныхъ дѣлахъ, но даже канцлеръ Бестужевъ, хорошо помнившій движеніе русскихъ войскъ въ шведскую войну, не говоря уже о сборахъ къ русскому походу въ 1745 г., вполнѣ соглашались съ нимъ, и признавали невозможность зимняго похода. Добрыя отношенія Екатерины къ Апраксину были извѣстны и Елизаветѣ Петровнѣ, которая не видѣла въ этомъ ничего преступнаго, и Фридриху II, который возлагалъ на эту дружбу большія надежды, уже вполнѣ преступныя относительно государственныхъ интересовъ Россіи. Въ расчетахъ именно на дружбу Екатерины ошибались и Уильямсъ, и Фридрихъ II: оба они полагали, что великая княгиня способна, ради дружбы, имѣть свою политику, политику малаго двора, противоположную политикѣ императрицы, проводить свои сепаратныя цѣли, несогласныя съ задачами большого двора. Уильямсъ нерѣдко упоминаетъ въ своихъ депешахъ, что такое-то секретное извѣстіе получено имъ отъ великой княгини, что такое-то распоряженіе сообщено ему Екатериною ранѣе его обнародованія [1]) и т. п.; Фридрихъ II, обманутый донесеніями изъ Петербурга, считалъ даже возможнымъ подкупить Апра-

[1]) Сообщая, со словъ канцлера Бестужева, чрезвычайно важныя извѣстія о рѣшеніи петербургскаго двора приступить къ Версальскому договору, Уильямсъ прибавляетъ: «La Grande Duchesse m'a informé de tout ce qui s'est passé, avant même que le Chancelier m'en a parlé» (Pol. Corr., XIV, 164). Если это вѣрно, почему же Уильямсъ медлилъ сообщить эту новость Фридриху II, до тѣхъ поръ, пока не узналъ ее отъ Бестужева? Уильямсъ просто клевещетъ на Екатерину: онъ узналъ эту новость офиціально, отъ канцлера Бестужева, и лишь похваляется, что зналъ ее раньше, отъ великой княгини.

ксина при помощи именно Екатерины! Англійскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, Митчель, писалъ своему товарищу въ Петербургъ, Уильямсу, отъ 8-го января 1757 года: «Генералъ Апраксинъ вполнѣ преданъ великой княгинѣ или, по крайней мѣрѣ, выдаетъ себя за преданнаго ей. Онъ вовсе не воинъ и дурного мнѣнія о своемъ войскѣ. Поэтому, можно полагать, что онъ вовсе не желаетъ схватиться съ пруссаками въ открытомъ бою. Сверхъ того, Апраксинъ—человѣкъ расточительный и всегда нуждающійся, несмотря на богатые подарки, которые дѣлаетъ ему императрица. На этомъ основаніи прусскій король полагаетъ, что Апраксину можно предложить извѣстную сумму денегъ, лишь бы онъ задержалъ движеніе русскихъ войскъ, поводъ къ чему всегда легко найдется у главнокомандующаго. Слѣдовало бы при этомъ случаѣ воспользоваться великою княгиней, если она согласится взять на себя это» [1]).

Всѣ инсинуаціи Уильямса относительно великой княгини не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Навязываемая ей англійскимъ посланникомъ роль политическаго интригана и даже шпіона является въ данномъ случаѣ просто немыслимою: Екатерина не могла быть шпіономъ, еслибъ даже и желала. Какъ въ то время, такъ и значительно позже, Екатерина «была глубоко убѣждена, что относительно правительства не могла ни въ чемъ упрекнуть себя» [2]). Самое положеніе великой княгини того времени заставляетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ этому признанію Екатерины. Какіе секреты были извѣстны великой княгинѣ? Какимъ значеніемъ при рѣшеніи важныхъ вопросовъ она пользовалась? Что̀ могла она открыть Уильямсу, въ чемъ помочь? До малаго двора доходили лишь городскіе слухи, бывшіе достояніемъ всѣхъ. Великій князь, правда, засѣдалъ иногда въ конференціи: но

[1]) *Raumer*, II, 420.
[2]) Mémoires, 318.

вѣдь великимъ князѐмъ-то былъ Петръ Ѳедоровичъ [1]). Вотъ почему Уильямсъ не сообщилъ своему правительству ни одной сколько-нибудь важной новости [2]), которая ранѣе того не была бы извѣстна изъ другихъ источниковъ. Его донесенія только вводили въ заблужденіе великобританское министерство. Несмотря на свои «близкія», какъ онъ писалъ, отношенія къ великой княгинѣ, къ своему «лучшему другу», какъ онъ ее называлъ, Уильямсъ рѣшительно ни въ чемъ не успѣлъ и былъ отозванъ изъ Петербурга, какъ дипломатъ, не оправдавшій того довѣрія, которымъ онъ былъ облеченъ. Ему вѣрилъ только Фридрихъ II, вѣрилъ настолько, что полагалъ, будто Екатерина способна участвовать въ подкупѣ Апраксина, лишь бы задержать движеніе русской арміи противъ Пруссіи! Лучшимъ отвѣтомъ на подобное предположеніе, выраженное въ письмѣ отъ 8-го января, служитъ слѣдующее собственноручное письмо Екатерины къ канцлеру Бестужеву, отъ 30-го января:

«Я съ удовольствіемъ узнала изъ городскихъ слуховъ, что наша армія вскорѣ начнетъ приводить въ исполненіе наши деклараціи, которыя покрыли бы насъ позоромъ, еслибъ остались неисполненными. Я поручила поздравить по этому поводу фельдмаршала Апраксина и выразить ему мои пожеланія возможно быстрыхъ успѣховъ, и поздравляю также и васъ, такъ какъ вы принимали наибольшее участіе въ тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя, какъ я надѣюсь, послужатъ на пользу и къ славѣ Россіи и которыя, самымъ ослабленіемъ короля прусскаго, могутъ привести къ возстановленію старой системы, которая есть ваше дѣтище... Я прошу васъ рекомендовать нашему общему другу, фельдмаршалу Апраксину, чтобъ онъ, побивъ короля прусскаго, ограничилъ его старыми

---

[1]) *Соловьевъ*, XXIV, 63; *Raumer*, II, 409.

[2]) Въ декабрѣ онъ не имѣлъ еще инструкціи Апраксину отъ 5-го октября, между тѣмъ какъ былъ «друженъ» съ Екатериною, а Екатерина «дружна» съ Апраксинымъ!

Iaréchal Apraxin, après avoir battu le Roi
nfiner dans ses anciennes bornes»! Кажущееся
противорѣчіе Екатерины съ ея прежними
бъясняется. Пока Апраксинъ былъ въ Пете
ельно» доказывалъ невозможность зимняго
ко Екатерина или канцлеръ Бестужевъ, но
нція соглашалась съ нимъ и признавала, чт
можетъ быть начато ранѣе весны [2]); тепе
въ Ригѣ, среди войскъ, еще болѣе убѣдил
сти арміи къ походу за границу, въ непрія
но, съ отъѣздомъ Апраксина, Екатерина ли
й чисто военныхъ; въ Петербургѣ преоблад
ображенія чисто политическія, и не только

сьмо это сохранилось въ копіи, приложенной къ деп
идента Прассе, отъ 2-го (13-го) февраля 1757 года.
что первая половина письма была составлена по-фран
усски; онъ даже называетъ ихъ двумя записками велик
въ одинъ и тотъ же день (Preussische Jahrbücher,
лнѣ оцѣнить всѣ догадки и подозрѣнія, высказывае
идентомъ по поводу этого письма, необходимо принят
прочимъ, слѣдующее воспоминаніе Екатерины о немъ:

лица, но и вся конференція находитъ, что «въ виду перемѣнившихся обстоятельствъ» необходимо немедленно открыть кампанію, чтобъ «замыслы короля прусскаго уничтожить». Письмо Екатерины къ Бестужеву — отголосокъ общаго настроенія, въ которомъ доминирующею нотой звучитъ стремленіе уничтожить прусскаго короля.

Эта нота слышится и позже, въ томъ участіи, съ которымъ великая княгиня слѣдитъ за дѣйствіями русской арміи. Весною 1757 г., въ апрѣлѣ, Екатерина пишетъ Апраксину собственноручное письмо, въ которомъ проситъ его не медлить наступленіемъ на Пруссію [1]). Когда пришло извѣстіе о пораженіи пруссаковъ подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ, великая княгиня «дала у себя, въ саду, большой обѣдъ великому князю и всѣмъ знатнымъ лицамъ Ораніенбаума» [2]). Еще рѣзче раздалась эта нота осенью, когда пришло извѣстіе объ отступленіи Апраксина послѣ одержанной побѣды:

«Вскорѣ мы узнали», пишетъ Екатерина, «что фельдмаршалъ Апраксинъ, вмѣсто того, чтобъ, воспользовавшись взятіемъ Мемеля и гроссъ-егерсдорфскою побѣдой, идти впередъ, отступалъ съ такою поспѣшностью, что это отступленіе по-

---

[1]) «Генералъ-квартирмейстеръ Веймарнъ въ допросѣ показалъ, что когда онъ, пріѣхавъ въ Ригу, отдалъ фельдмаршалу письма, то фельдмаршалъ, прочитавъ письмо великой княгини, оному не увѣрился, но осердился и сказалъ: *я знаю канцлеровы финты*, а потомъ, вынувъ изъ шкатулки другое письмо, сличалъ съ онымъ руку, и нашодчи, что сходна, сказалъ, *ну хорошо*, и все то заперъ въ ту же шкатулку» (Прилож., XI). Изъ сличенія Апраксинымъ почерка письма великой княгини, слѣдственная комиссія справедливо заключила, что апрѣльское письмо не было первымъ письмомъ Екатерины къ Апраксину, и постановила, что «надлежитъ фельдмаршалу очистить, съ какимъ письмомъ сличалъ руку, сколько тѣхъ предыдущихъ писемъ было» (ibid). Апраксинъ могъ сличать почеркъ съ поздравительнымъ письмомъ великой княгини съ новымъ 1757 годомъ. Если принять это предположеніе, то всѣхъ писемъ великой княгини къ Апраксину все же окажется *четыре*—два политическихъ, весеннее и осеннее, и два поздравительныхъ, съ новымъ годомъ и съ рожденіемъ сына—а не *три*, какъ неоднократно показывала Екатерина на двухъ допросахъ, сдѣланныхъ ей императрицею (Mémoires, 342, 352).

[2]) Mémoires, 281.

силъ меня написать фельдмаршалу, какъ дру
соединяя мои увѣщанія къ доводамъ канцле
снова двинуться впередъ и положить конец
у, которое его враги объясняютъ самымъ н
ъ и позорнымъ для него образомъ. Дѣйстви
ала Апраксину письмо, въ которомъ предупр
ныхъ о немъ слухахъ въ Петербургѣ и с
зья его затрудняются оправдывать поспѣшн
пленія, при чемъ я просила его двинуться о
ыполнить повелѣнія, данныя ему императрицей
алъ ему это письмо. Фельдмаршалъ Апракси
ъ мнѣ» [2]).

Эти два письма Екатерины къ Апраксину, весе
, несомнѣнно политическаго содержанія. Из
письма великой княгини къ Апраксину, во
итическія: въ одномъ она поздравляетъ ег
омъ, въ другомъ—съ рожденіемъ сына. Коне
днія письма могутъ свидѣтельствовать о д
віяхъ Екатерины къ Апраксину, что̀ она ни о
ывала; но никакая діалектика, никакія за
ованныя на дипломатическихъ и иныхъ сплет

Въ этомъ отношеніи Уильямсъ обманывалъ и себя, и другихъ. Онъ былъ настолько недальновиденъ, что, проживъ въ Петербургѣ болѣе двухъ лѣтъ, не узналъ ни Бестужева, ни Екатерины и, уѣзжая, увезъ съ собою убѣжденіе, что вѣрно оцѣнилъ политическіе взгляды, по крайней мѣрѣ, великой княгини. По возвращеніи въ Лондонъ, Уильямсъ представилъ въ министерство слѣдующее собственноручное письмо великой княгини, полученное имъ 19-го августа 1757 г., передъ отъѣздомъ изъ Петербурга:

«Я рѣшилась писать вамъ, не будучи въ состояніи видѣть васъ, чтобъ проститься съ вами. Самыя искреннія сожалѣнія провожаютъ того, кого я считаю своимъ лучшимъ другомъ, и поведеніе котораго вызвало къ нему все мое уваженіе и мою дружбу. Никогда не забуду, чѣмъ я вамъ обязана. Чтобъ вознаградить васъ сообразно благородству вашихъ чувствованій, вотъ что я сдѣлаю: я воспользуюсь всѣми случаями, какіе можно только себѣ вообразить, чтобъ привести Россію къ тому, въ чемъ я признаю истинный ея интересъ—быть въ дружественномъ союзѣ съ Англіею, оказывать ей повсюду содѣйствіе и предпочтеніе, необходимое для блага всей Европы и особенно Россіи, предъ ихъ общимъ врагомъ Франціею, величіе которой составляетъ позоръ для Россіи. Я научусь практиковать эти чувствованія, на нихъ осную я свою славу и докажу королю, вашему государю, прочность этихъ моихъ чувствованій.

«Будьте увѣрены, что я ничего на свѣтѣ такъ не желаю, какъ увидѣть васъ вновь въ Петербургѣ, но торжествующимъ. Когда-нибудь, какъ я надѣюсь, король, вашъ государь, не откажетъ мнѣ въ просьбѣ, съ которою я обращусь къ нему—вновь увидѣть васъ. Отъ этого онъ можетъ только выиграть» [1]).

Замѣчательное письмо: ни единаго слова о Пруссіи, ни даже намека на свои чувства къ Фридриху II, о чемъ

[1]) *Raumer*, II, 451.

Уильямсъ только и хлопоталъ въ послѣднее время, о чемъ онъ такъ часто и такъ много сообщалъ въ своихъ депешахъ. Какъ дипломатъ, преслѣдовавшій извѣстныя цѣли при петербургскомъ дворѣ, Уильямсъ не могъ, конечно, придавать особенную цѣну увѣреніямъ великой княгини въ своихъ симпатіяхъ къ его родинѣ, тѣмъ болѣе, что эти увѣренія сопровождались выраженіемъ непріязни къ Франціи—письмо, вѣдь, писано къ англійскому посланнику въ самый разгаръ войны между Англіею и Франціею. Кромѣ самаго обычнаго приличія, Екатериною могъ руководить въ этомъ случаѣ и простой расчетъ: для Россіи было очень важно сохранить, по крайней мѣрѣ, не враждебныя отношенія къ Англіи и тѣмъ затруднить появленіе англійской эскадры въ Балтійскомъ морѣ, о чемъ такъ хлопоталъ Фридрихъ II [1]). Какъ человѣкъ, Уильямсъ имѣлъ полное право гордиться этимъ письмомъ: великая княгиня называетъ его своимъ «лучшимъ другомъ», обѣщаетъ никогда не забыть, чѣмъ ему обязана, и «ничего на свѣтѣ такъ не желаетъ», какъ вновь увидѣть его въ Петербургѣ. Это уже нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простая вѣжливость. Чѣмъ же заслужилъ Уильямсъ дружбу Екатерины? Чѣмъ такъ обязалъ русскую великую княгиню?

Не русскую, и не великую княгиню, а женщину, дѣйствительно, обязалъ Уильямсъ.

Екатеринѣ было 26 лѣтъ, когда Уильямсъ прибылъ въ Петербургъ. Она была женщина красивая, веселая, энергическая, и, по условіямъ придворной жизни того времени, лишенная всякой живой дѣятельности. Уже восьмой мѣсяцъ была она матерью перваго ребенка, но этого ребенка удалили отъ ея материнской ласки, и она по цѣлымъ мѣсяцамъ не видала его; отецъ этого ребенка только что оказался недостойнымъ той любви, которою пользовался. Именно въ это время, въ свитѣ англійскаго посланника прибылъ въ Петер-

---

[1]) Pol. Corr., XIII, 35, 124; XIV, 190, 349, 397, 446, 476, 511.

бургъ полякъ графъ Понятовскій. Онъ произвелъ на Екатерину большое впечатлѣніе. Въ трудныя минуты жизни она вспоминала это и подобныя ему впечатлѣнія, и такъ объясняла ихъ:

«Я была одарена очень большою чувствительностью и внѣшностью, по меньшей мѣрѣ, весьма привлекательною—я нравилась съ перваго же взгляда, не употребляя для этого никакого искусства, никакихъ прикрасъ. Я была въ высшей степени общительна и имѣла нравъ скорѣе мужской, чѣмъ женскій; но съ умомъ и характеромъ мужчины во мнѣ соединялась привлекательность весьма любезной женщины. Я сказала уже, что нравилась мужчинамъ; слѣдовательно, одна половина искушенія была уже готова, другая же, по самой сущности человѣческой природы, является вслѣдъ за первою, потому что искушать и быть искушаему—очень близко одно отъ другого. Если же къ этому примѣшается еще чувствительность, то какіе бы строгіе принципы нравственности не были запечатлѣны въ головѣ, непремѣнно очутишься гораздо дальше, чѣмъ предполагалъ, и я до сихъ поръ не знаю, какимъ образомъ можно преодолѣть это. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ только бѣгство могло бы помочь; но бываютъ случаи, положенія, обстоятельства, когда никакое бѣгство невозможно—какъ избѣгать, устраняться, отворачиваться среди придворной обстановки? Это тотчасъ обратило бы на себя вниманіе, возбудило бы толки. Да, если бѣжать нельзя, то, по-моему, нѣтъ ничего труднѣе, какъ не поддаться тому, что сильно прельщаетъ. Все, что ни говорили бы противъ этого, все будетъ только лицемѣріе и незнаніе человѣческаго сердца. Человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; его въ кулакѣ не удержишь и оно никакихъ разсудочныхъ приказаній не слушается» [1]).

Графъ Понятовскій былъ принятъ при большомъ дворѣ, появлялся въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, сблизился

[1]) Mémoires, 331.

*

съ малымъ дворомъ. Онъ понравился великому князю своими насмѣшками надъ саксонцами, не только надъ графомъ Брюлемъ, но и надъ королемъ Августомъ — Петру Ѳеодоровичу нравился всякій, принижавшій враговъ боготворимаго имъ Фридриха II; онъ увлекъ великую княгиню своею непринужденною веселостью, своимъ игривымъ остроуміемъ, красотою, умомъ, ловкостью. Графъ Понятовскій велъ себя въ Петербургѣ крайне неосторожно. Что онъ поддерживалъ здѣсь родственную ему партію Чарторійскихъ, враждовавшихъ съ польскимъ королемъ, что онъ хлопоталъ объ острожскомъ наслѣдствѣ [1]), приносившемъ Чарторійскимъ милліонные доходы — это было, по крайней мѣрѣ, естественно и понятно со стороны частнаго человѣка, родственника князей Чарторійскихъ; но онъ позволялъ себѣ, сверхъ того, легкомысленныя выходки противъ государственныхъ людей Саксоніи, всяческія интриги и происки противъ саксонскихъ интересовъ, стараясь «раздражить петербургскій дворъ противъ польско-саксонскаго» [2]). Графъ Понятовскій прожилъ въ Петербургѣ съ небольшимъ годъ и, въ августѣ 1756 года, долженъ былъ покинуть русскую столицу по требованію польско-саксонскаго правительства. Удаленіе графа Понятовскаго было крайне непріятно молодому двору, и великая княгиня употребила все свое вліяніе на великаго канцлера, чтобъ ускорить возвращеніе графа Понятовскаго въ Петербургъ. По настоянію Екатерины начались переговоры между графами Бестужевымъ и Брюлемъ. Бестужевъ признавалъ, что для императрицы графъ Понятовскій вовсе не persona grata, но усиленно доказывалъ необходимость исполнить желаніе молодого двора; Брюль находилъ несвоевременнымъ раздражать великокняжескую чету отказомъ, и 23-го декабря 1756 года графъ Понятовскій возвратился въ Петербургъ, но уже не част-

[1]) *A. de Broglie*, La diplomatie secrète de Louis XV. «Revue de deux mondes», 1870, mai, 299.

[2]) Депеша саксонскаго резидента Прассе отъ 21-го іюня 1756 г.

нымъ человѣкомъ, а въ качествѣ министра Польской Республики. Положеніе графа Понятовскаго, какъ лица официальнаго, стало теперь еще болѣе деликатнымъ, поведеніе же его еще болѣе неосторожнымъ. Тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ, онъ передалъ в ликому канцлеру бумагу, которою ходатайствовалъ, чтобъ русскому резиденту въ Варшавѣ приказано было хлопотать въ пользу Чарторійскихъ въ спорномъ дѣлѣ объ острожскомъ наслѣдствѣ, и канцлеръ Бестужевъ долженъ былъ исполнить эту просьбу, такъ какъ она была поддержана собственноручною записочкой великой княгини [1]). Другими словами: официальный представитель польскаго короля дѣйствуетъ прямо во вредъ (recht zum Nachtheil) интересамъ своего государя [2]). Неудивительно, что графъ Брюль грозилъ немедленно же отозвать графа Понятовскаго изъ Петербурга [3]).

Эта угроза смутила Бестужева: если она будетъ приведена въ исполненіе, весь гнѣвъ великой княгини обрушится на него. Увѣдомляя великую княгиню о предстоящей бѣдѣ, графъ Бестужевъ указывалъ и средство избѣжать угрозы. Англійскій посланникъ Уильямсъ крайне враждебенъ польско-саксонскому двору, между тѣмъ графъ Понятовскій, представитель этого двора, сообщаетъ всѣ секреты своему другу, Уильямсу; Уильямсъ передаетъ ихъ Фридриху II, и Фридрихъ II пользуется этими свѣдѣніями для своихъ злостныхъ видовъ противъ Саксоніи. Нельзя поэтому и винить графа Брюля за его неудовольствіе на графа Понятовскаго, и крайне необходимо, чтобъ графъ Понятовскій измѣнилъ свои отношенія къ Уильямсу; объ этомъ слѣдуетъ серьезно подумать, если желательно сохранить за графомъ Понятовскимъ занимаемый имъ постъ. Екатерина отвѣчала на это предостереженіе слѣдующимъ письмомъ графу Бестужеву:

---

[1]) Отъ 2-го февраля 1757 года. Записка эта не сохранилась; о ней упоминаетъ Прассе въ депешѣ отъ 13-го февраля.

[2]) Preuss. Jahrb., XLVII, 575.

[3]) Письмо гр. Брюля саксонскому резиденту Прассе отъ 21-го марта 1757 г.

«Благодарю васъ за сообщенныя вами извѣстія о злыхъ умыслахъ прусскаго короля: это даетъ мнѣ новое оружіе для противодѣйствія ему. Но наибольшее доказательство дружбы, какое вы можете представить мнѣ, заключается въ твердой и рѣшительной поддержкѣ и защитѣ графа Понятовскаго отъ его враговъ. Ему столь многимъ обязаны, что, казалось бы, не должны и думать о нанесеніи ему вреда; если же ему повредятъ, то жестоко раскаются. Прощайте. Надѣюсь на васъ» [1]).

Для Бестужева нѣтъ выбора: если надежды Екатерины на него не оправдаются, если графъ Понятовскій будетъ отозванъ, Бестужевъ потеряетъ послѣднюю свою опору. Противъ него вице-канцлеръ Воронцовъ, противъ него всѣ Шуваловы; они возстановили уже противъ него и императрицу; только великая княгиня за него, только ради ея враги канцлера не высказываются еще открыто, громко. Выбора нѣтъ и воля Екатерины должна быть исполнена. Послѣ недолгихъ переговоровъ, саксонскій резидентъ Прассе заявилъ, что графъ Понятовскій можетъ остаться въ Петербургѣ лишь подъ двумя условіями: прервать всякія сношенія съ Уильямсомъ и не идти противъ интересовъ короля, своего государя, въ спорномъ вопросѣ объ острожскомъ наслѣдствѣ. Узнавъ эти условія, Екатерина требовала отъ Бестужева, чтобъ онъ написалъ графу Брюлю рѣшительное письмо, въ которомъ сообщилъ бы ему, что отношенія графа Понятовскаго къ Уильямсу никоимъ образомъ не вредятъ варшавскому двору и что пребываніе графа Понятовскаго въ Петербургѣ признается безусловно необходимымъ. Великая княгиня писала по этому поводу графу Бестужеву:

«Упрекать графа Понятовскаго за его сношенія съ Уильямсомъ болѣе чѣмъ жестоко, такъ какъ вы сами одобряли эти сношенія и даже требовали ихъ, находя, что только графу Понятовскому можно довѣрять подобную переписку. Теперь, вмѣсто того, чтобъ быть ему благодарнымъ за то, что онъ

[1]) Preuss. Jahrb., XLVII, 577.

честно хранитъ тайну (разоблаченіе которой послужило бы лучшимъ его оправданіемъ), вы платите ему недовѣріемъ... Я знаю, что еслибъ вы потребовали отъ графа Брюля, чтобъ онъ не ѣлъ хлѣба, онъ послушается васъ. Лишь бы только вы дѣйствовали такъ, какъ я желаю, то никогда не посмѣютъ поступать противно тому, чего вы искренно желаете. Я до послѣдней крайности послѣдую всѣмъ совѣтамъ, которые вы даете мнѣ относительно предосторожностей, и хотя онѣ, быть можетъ, только плодъ воображенія, я все-таки благодарю васъ за нихъ. Все зависитъ отъ васъ, и я въ этомъ случаѣ полагаюсь и буду полагаться только на васъ» [1]).

Екатерина не ошиблась: по совѣту Бестужева, графъ Брюль дѣйствительно отказался отъ хлѣба. Саксонскій министръ вполнѣ подчинился въ этомъ случаѣ указаніямъ графа Бестужева и въ письмѣ отъ 11-го іюля 1757 года писалъ изъ Варшавы: «Графомъ Понятовскимъ здѣсь настолько довольны, что вовсе и не думаютъ объ его отозваніи. Хотя и не въ состояніи достойно вознаградить его вѣрную службу деньгами и приличнымъ содержаніемъ, но его королевское величество рѣшился поощрить усердную и полезную службу названнаго графа другимъ способомъ, который ему будетъ, конечно, гораздо пріятнѣе и важнѣе, чѣмъ деньги».

Этимъ обрывается переписка Екатерины съ канцлеромъ Бестужевымъ. Слѣдующая записочка великой княгини писана уже не къ графу Бестужеву и послѣ ряда серьезныхъ событій, значительно поколебавшихъ почву подъ ногами дѣйствующихъ лицъ: 19-го августа Апраксинъ разбиваетъ пруссаковъ подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ и, не преслѣдуя врага, поспѣшно отступаетъ; 8-го сентября императрица валяется на улицѣ въ припадкѣ падучей болѣзни; въ октябрѣ Апраксинъ отрѣшенъ отъ главнокомандованія арміею, арестованъ и подвергнутъ допросу; 14-го февраля 1758 года арестованъ

[1]) Preuss. Jahrb., XLVII, 578.

великій канцлеръ графъ Бестужевъ, а 16-го Екатерина пишетъ Пуговишникову: «Вамъ нечего опасаться; успѣли все сжечь» [1]).

Что сжечь? Зачѣмъ сжечь? Какой Пуговишниковъ? Чего ему опасаться?

III.

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ былъ головою, двумя, выше всѣхъ Шуваловыхъ, выше Воронцова, выше всѣхъ русскихъ царедворцевъ и иностранныхъ представителей, толпившихся при дворѣ Елизаветы Петровны. Онъ нѣкогда поборолъ князя Черкасскаго, мѣрялся съ Бирономъ, побѣдилъ Шетарди, погубилъ Лестока и за испытанное имъ «неповинное претерпѣніе» былъ вознесенъ, пожалованъ, почтенъ. Бестужеву ли, посѣдѣвшему въ политической интригѣ и придворной кабалѣ, не осилить какого-либо Воронцова или Шувалова? Ни маркизу Лопиталю, ни графу Эстергази не по плечу борьба съ великимъ канцлеромъ. Но Бестужевъ уже старъ — ему 70-й годъ; онъ одинъ, а враги его тѣсно сплачиваются, они привлекли на свою сторону даже его родного брата и, что особенно опасно, за нихъ молодой фаворитъ, И. И. Шуваловъ, всесильный своимъ вліяніемъ на императрицу, которая думаетъ его мыслями, видитъ его глазами. Нервная, легкомысленная Елизавета никогда не любила Бестужева; она его терпитъ за его умъ, за его знанія, за его опытность политическую—трудно ли возбудить императрицу противъ него? Куда не посмотритъ Бестужевъ, всюду видитъ онъ только враговъ, которые съ каждымъ днемъ становятся смѣлѣе, дерзче, и все глубже подкапываются подъ него. Какъ устоять одному противъ всѣхъ; борьба не ровна. Бестужевъ ищетъ опоры, а такою опорою могъ быть только молодой дворъ. Онъ, конечно, теперь ничто; но въ будущемъ,

[1]) Mémoires, 314.

и можетъ быть, очень близкомъ, онъ все, и враги Бестужева, видя близость его къ молодому двору, будутъ осторожнѣе, сдержаннѣе. Но что̀ такое молодой дворъ? Бестужевъ насквозь видитъ великаго князя, считаетъ его ребенкомъ, и ребенкомъ неумнымъ, знаетъ его увлеченіе прусскимъ королемъ, его готовность пожертвовать всѣмъ ради возлюбленной Голштиніи; день восшествія на престолъ Петра Θедоровича будетъ днемъ гибели Бестужева, вѣкъ свой ратовавшаго противъ прусскаго короля, ни въ грошъ не ставившаго Голштинію. Остается только великая княгиня: она умна и пойметъ его, она честолюбива и поддержитъ его, нужно только заинтересовать ее, привлечь на свою сторону. Но чѣмъ и какъ? Бестужевъ старъ, но надъ такими вопросами не задумывался. Онъ входитъ въ добрыя сношенія съ матерью великой княгини и завязываетъ съ нею переписку [1]), сообщаетъ Екатеринѣ извѣстія о заграничномъ путешествіи Сергѣя Салтыкова, пользуется прибытіемъ въ Петербургъ графа Понятовскаго и дѣлаетъ его довѣреннымъ посредникомъ въ своихъ сношеніяхъ съ великою княгиней. Обязавъ, такимъ образомъ, дочь и женщину, Бестужевъ, стараясь привлечь къ себѣ и будущую властительницу, переслалъ ей, чрезъ того же гр. Понятовскаго, свой проектъ, касающійся престолонаслѣдія. Этотъ проектъ не сохранился; о немъ мы узнаемъ изъ мемуаровъ Екатерины:

«Болѣзненное состояніе и частые припадки императрицы заставляли всѣхъ думать о будущемъ. Графъ Бестужевъ и по мѣсту, имъ занимаемому, и по своимъ умственнымъ способностямъ подумывалъ объ этомъ болѣе другихъ. Онъ зналъ о томъ отвращеніи къ нему, которое давно уже было внушено великому князю. Ему хорошо были извѣстны слабыя способности этого принца, рожденнаго наслѣдникомъ столькихъ коронъ. Естественно, что этотъ государственный человѣкъ, какъ и всякій бы на его мѣстѣ, желалъ удержаться

[1]) Прилож. IX и X.

время, я была бы объявлена участницею в
всѣ лица остались при своихъ должностях
предоставленъ чинъ подполковника въ чет
полкахъ и президентство въ трехъ госуд
гіяхъ—иностранныхъ дѣлъ, военной и ад
желанія, такимъ образомъ, были чрезмѣр
манифеста, писанный рукою Пуговишник
мнѣ чрезъ графа Понятовскаго, посовѣт
рымъ, я отвѣчала графу Бестужеву слове
его за добрыя намѣренія относительно ме
трудно выполнимыми. Онъ много разъ пи
реписывать свой проектъ, измѣнялъ его,
щалъ и, казалось, былъ имъ очень занятъ
я смотрѣла на этотъ проектъ какъ на бре
манку, которою старикъ хотѣлъ войти ко
я. однако, не поддавалась на эту приманку,
было не спѣшное, то я не хотѣла противо
старику».

Вскорѣ новый припадокъ императрицы
е спѣшное дѣло должно быть всегда наг
ября 1757 года, въ праздникъ Рождества
авета Петровна отправилась изъ своего

ныхъ деревень на праздникъ, къ обѣднѣ. Императрица вышла изъ церкви одна, безъ свиты; извѣщенныя дамы и другія приближенныя лица тотчасъ же прибѣжали на помощь и нашли императрицу все еще на травѣ, безъ сознанія, посреди народа, который смотрѣлъ на нее, но не смѣлъ прикоснуться. Ее покрыли бѣлымъ платкомъ и послали за докторомъ. Первымъ прибылъ хирургъ Фусадье, французскій эмигрантъ. Онъ немедленно, тутъ же, на травѣ, посреди народа, на глазахъ толпы, пустилъ ей кровь, но императрица не приходила въ себя. Долго ждали доктора Кондоиди, грека—онъ былъ боленъ и его принесли въ креслѣ. Наконецъ, принесли изъ дворца ширмы и кушетку; подняли императрицу, положили на кушетку, терли мазями, давали нюхать всевозможные спирты—она не приходила въ себя; такою, въ безчувственномъ состояніи, и перенесли ее во дворецъ, послѣ того, что она болѣе двухъ часовъ лежала на улицѣ. Во время этого припадка Елизавета Петровна такъ прикусила себѣ языкъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней не владѣла имъ, и долго потомъ говорила невнятно.

Этотъ припадокъ, породившій всевозмож ые толки и разоблачившій болѣзненное состояніе императрицы, которое тщательно скрывали даже отъ общества, не только отъ народа, совпалъ съ дурными извѣстіями съ театра войны. Одна за другою приходили вѣсти: Апраксинъ не преслѣдуетъ непріятеля, разбитаго подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ, Апраксинъ отступаетъ, Апраксинъ бѣжитъ, никѣмъ не преслѣдуемый...

Бой подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ не былъ боемъ рѣшительнымъ. Потерпѣвшая пораженіе прусская армія Левальда осталась «не добитою». Пруссаки отступили къ Белау и остановились; русскіе подступили къ Алленбургу и тоже остановились. Эта обоюдная остановка дала возможность осмотрѣться. Что же оказалось? Левальдъ пополнилъ убыль въ рядахъ арміи милиціей и взялъ запасы изъ белаускихъ магазиновъ; Апраксину пополнить убыль нечѣмъ и провіанта взять неоткуда

Оставаясь въ Алленбургѣ, онъ разрывалъ свое сообщеніе съ Россіею на Ковно и для овладѣнія Кенигсбергомъ долженъ былъ предварительно уничтожить всю армію Левальда. Созванному Апраксинымъ 27-го августа военному совѣту взаимное положеніе обѣихъ армій представлялось въ слѣдующемъ видѣ: русская чувствуетъ уже недостатокъ продовольствія, прусская получаетъ провіантъ изъ своихъ запасныхъ магазиновъ; числомъ войскъ русская армія «умалена и умаляется», непріятель же, «на мѣсто потерянной артиллеріи, приведенною вновь изъ Кенигсберга съ излишествомъ себя снабдилъ, всю ландмилицію и старослужащихъ къ себѣ собралъ». Военный совѣтъ постановилъ: отступить сперва къ Тильзиту и, обезпечивъ тамъ себя продовольствіемъ, затѣмъ уже продолжать прежній планъ наступленія на Лабіаву. 12-го сентября русская армія заняла Тильзитъ, а на другой же день, 13-го, авангардъ прусской арміи Левальда, желавшаго отплатить за гроссъ-егерсдорфское пораженіе, показался въ ближайшихъ окрестностяхъ Тильзита. Левальдъ поздно созналъ свою ошибку; онъ видѣлъ, какъ разстроенная, ослабленная русская армія уходитъ отъ него и рѣшился дать бой подъ Тильзитомъ. Принять бой было бы грубою ошибкой Апраксина—всѣ шансы успѣха были на сторонѣ пруссаковъ. На военномъ совѣтѣ 13-го сентября было рѣшено: отступить отъ Тильзита. Трудная переправа черезъ Нѣманъ была выполнена къ 16-му сентября. Въ началѣ ноября вся русская армія расположилась на зимнихъ квартирахъ.

Такъ представляется фактъ «отступленія» Апраксина теперь, спустя 130 лѣтъ [1]); не такъ рисовался онъ современникамъ. Незнакомые съ подробностями дѣла громко обвиняли Апраксина чуть ли не въ измѣнѣ и приводили отступленіе «побѣдоносной» русской арміи въ связь съ припадкомъ падучей Елизаветы Петровны: Апраксинъ велъ свою армію изъ Пруссіи обратно въ Россію, желая захватить въ свои руки

---

[1]) *Масловскій*, 305—331.

положеніе дѣлъ въ случаѣ смерти императрицы, отчаянное состояніе которой было сообщено главнокомандующему его «другомъ», графомъ Бестужевымъ [1]). Люди, стоявшіе у дѣла, знали, что «побѣдоносная» армія умирала съ голоду, что Левальдъ гнался за нею по пятамъ, такъ что уже отъ Инстербурга пришлось жечь всѣ деревни, чтобъ затруднить наступленіе непріятеля, искавшаго боя. Солдаты, вынесшіе на себѣ всю тяжесть похода, гроссъ-егерсдорфскаго боя и отступленія, негодовали, что русскій Апраксинъ смѣненъ нѣмцемъ Ферморомъ.

Эта смѣна была нужна по политическимъ соображеніямъ—Апраксинъ былъ искупительною жертвой, предназначенною для успокоенія союзниковъ, австрійцевъ и французовъ. 16-го октября конференція постановила дать знать союзникамъ, что рѣшено, «команду надъ арміею у фельдмаршала Апраксина взявъ, поручить оную Фермору, а Апраксина сюда къ отвѣту позвать».

Въ этомъ всѣ члены конференціи были согласны. Конференцъ-секретарь Волковъ объявилъ 7-го октября, что «ея императорское величество имянно указала, чтобъ каждый членъ конференціи мнѣніе свое, особливо запечатавъ, ея императорскому величеству подалъ». 7-го же октября Елизаветѣ Петровнѣ были поданы пять пакетовъ. Графъ Бестужевъ-Рюминъ, А. Бутурлинъ, графъ А. Шуваловъ, князь Трубецкой и графъ П. Шуваловъ, каждый порознь, находили необходимымъ отрѣшить Апраксина отъ командованія дѣйствующею арміей, вызвать его «для держанія надъ нимъ военнаго суда», назначить главнокомандующимъ генерала Фермора и о всемъ этомъ «немедленно жъ союзникамъ знать дать». Представители «союз-

[1]) Постановленія объ отступленіи были рѣшены не единолично Апраксинымъ, а всѣмъ «генералитетомъ», военнымъ совѣтомъ 27-го августа, 13-го и 28-го сентября, въ томъ числѣ и Ферморомъ, смѣнившимъ Апраксина въ главнокомандованіи. Послѣдовательность требовала бы обвинять всѣхъ генераловъ въ «дружбѣ» съ гр. Бестужевымъ и въ измѣнѣ. *Соловьевъ*, XXIV, 181; *Масловскій*, 311.

никовъ», маркизъ Лопиталь и графъ Эстергази, усиленно поддерживали раздраженіе противъ Апраксина за «безславную ретираду»; при дворѣ стали поговаривать о возможности немедленнаго арестованія Апраксина.

Великій канцлеръ, одинъ изъ всѣхъ членовъ конференціи, возсталъ противъ этого: «Есть либъ иногда откого либо»— пишетъ Бестужевъ въ своемъ мнѣніи—«ея імператорскому величеству представлено было дабы фельдмаршала тотъ часъ и арестовать; то сверхъ того что сие съ природнымъ ея величества великодушіемъ и милосердіемъ несходно было бъ, канцлеръ не потому, что онъ всегда его пріятель былъ, паче-же изъ усердія къ славѣ ея імператорскаго величества на сіе своего согласованія и для того недалъ бы, ибо то какъ рановремянно еще, такъ и походило бы на обычай азіацкихъ державъ, дѣло самою экзекуціею начинать, и не разсмотря еще вины и не выслушавъ оправдания наказывать, какъ бы онъ между тѣмъ виновнымъ низказался, чемъ толко вящее безславіе навлечено былобъ».

Вопросъ о степени виновности Апраксина, даже съ намеками на возможность полнаго его оправданія, выраженъ въ замѣчательномъ мнѣніи графа Шувалова въ слѣдующей формѣ:

«Болеежъ всего усердіе мое теперь какъ и надлежитъ ктому простираетца, какъ сие воспоследовавшее зло скорее поправить. Сумнительствъ столко много кпредосуждению ево, что видитца и оправдатца ему трудно, есть правда и доказателства тому, что для сохранения арміи делано, какъ то изъ резултатовъ держанныхъ генералитетомъ совѣтовъ и реляцей ево видно, но какъ одного ко обвинению такъ другова ко оправданию недостаточно... Для собственнаго вашего імператорскаго величества правосудія и для переду весма важно стонкостию разсмотреть все притчины несостояния арміи и ея ретирады, ибо каковыбъ оплошности ни были, однакожъ худому состоянию армеи другимъ притчинамъ быть надобно; въ оплошности одной не можно бросать ружие, воинския

снаряды и протчее безъ наиважнѣйшихъ ктому резоновъ... Ежели фельдмаршалъ изобличенъ будетъ и оправдатца невозможетъ, то по строгости законовъ впримѣръ другимъ и во удовлетвореніе правосудия вашего величества поступить, ежеличжъ оправдитца то ваше величество особливую изъ того получите ползу, ибо откроютца тогда способы къ произведению войны слутчимъ успехомъ... Правда для болшой наружности можно бы и не бравъ ево сюда поручить кому либоже изслѣдовать вриге, но сие показалобъ что ищетца не изследовать токмо и правосудие показать, но единственно дать свой гневъ чювствовать, чемъ и всякий новой командиръ болше втрахъ и робость приведетца, нежели поощтритца, на противужъ того видя что безъ изследыванья внастоящемъ месте никто не осуждаетца, но всякъ защищаетца самими отъ Бога и отъ вашего величества данными законами, не осуждать ни кого безъ изследывания и не взявъ ево оправдания, получитъ въ свои предприятия надежность, и натурално должностию и самолюбиемъ поощтритца сделать лучше своего предместника» [1]).

Еще до назначенія военнаго суда надъ Апраксинымъ императрица потребовала отъ генерала Фермора, чтобъ онъ представилъ свое мнѣніе о «безславной ретирадѣ». Покоритель Мемеля, «какъ предъ Богомъ по сущей правдѣ», показалъ, что причиною отступленія Апраксина изъ Пруссіи былъ «не достатокъ людямъ и лошадямъ субсистенціи», вслѣдствіе чего они «въ совершенную худобу пришли», такъ что невозможно было «съ желаемымъ успѣхомъ военныхъ операцій произвесть». Фермору повѣрили настолько, что Фермора же назначили главнокомандующимъ на мѣсто Апраксина. Послѣ этого не могло быть и рѣчи о военномъ судѣ надъ Апраксинымъ— по вопросу о ретирадѣ онъ былъ обѣленъ вполнѣ. Начался судъ невоенный.

Апраксинъ друженъ съ Бестужевымъ, Шуваловы горой

[1]) Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ; протоколъ конференціи отъ 7-го октября 1757 года.

стоятъ за Апраксина; къ тому же, Апраксинъ, по мнѣнію «союзниковъ», человѣкъ недалекій, не имѣющій своего мнѣнія. Онъ для нихъ только орудіе въ рукахъ болѣе опытныхъ, и эти руки, водившія Апраксинымъ, будутъ управлять и Ферморомъ, и всякимъ главнокомандующимъ; для союзниковъ важенъ не Апраксинъ; не отъ него зависитъ ходъ дѣла—отъ Бестужева. У Бестужева много враговъ; противъ него и Шуваловы, и Воронцовъ, и всѣ члены конференціи, но за Бестужева еще императрица. Онъ падетъ тогда лишь, когда императрица убѣдится, что онъ измѣняетъ ей, что онъ ведетъ «свою», помимо ея, политику. Эта «своя» политика могла быть только политикой малаго двора, и вотъ Елизаветѣ Петровнѣ говорятъ о перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ, затѣянной Бестужевымъ, ее пугаютъ честолюбивыми замыслами великой княгини, поддерживаемой и, быть можетъ, руководимой Бестужевымъ. Враги Бестужева знаютъ, что переписка эта совершенно невиннаго свойства, они читали письма Екатерины къ Апраксину, у нихъ есть копіи этихъ писемъ: но они знали также Елизавету Петровну: довольно возбудить только ея подозрительность, достаточно самаго факта переписки; въ чемъ бы эта переписка не заключалась, она, во всякомъ случаѣ, преступна въ ея глазахъ, и если Бестужевъ зналъ объ этой перепискѣ и не доложилъ императрицѣ—онъ виноватъ.

Елизавета Петровна не сразу повѣрила наговорамъ Эстергази. Въ концѣ января графъ А. Шуваловъ, «великій инквизиторъ» и обергофмейстеръ великокняжескаго двора, былъ посланъ въ Нарву, чтобы переговорить съ Апраксинымъ о его перепискѣ съ великою княгиней и взять у него самыя письма Екатерины. Въ началѣ февраля графъ Шуваловъ возвратился изъ Нарвы: Апраксинъ, правда, подъ присягою показалъ, что не получалъ отъ великой княгини никакихъ увѣщаній, противныхъ волѣ императрицы, но призналъ, что переписывался съ нею, и выдалъ письма къ нему Екатерины.

Въ глазахъ Елизаветы Петровны это былъ уже corpus delicti, но болѣе противъ великой княгини, чѣмъ противъ великаго канцлера; императрица недовольна, но болѣе Екатериной, чѣмъ Бестужевымъ. Для начала и этого было довольно; нужно было только продолжать начатое. Императрицѣ указали, что графъ Понятовскій, вопреки ея волѣ, но по желанію графа Бестужева, остается въ Петербургѣ, что министръ великаго князя по голштинскимъ дѣламъ Штамбке, по волѣ Бестужева, получилъ польскій орденъ Бѣлаго Орла, и, быть можетъ, другіе факты, столь же незначительные, но свидѣтельствующіе о какомъ-то особомъ значеніи Бестужева, которое подозрительность легко приводила въ связь съ ущербомъ самодержавія императрицы. Французскій посланникъ Лопиталь въ это же время заявилъ вице-канцлеру М. Л. Воронцову, съ которымъ, по личному приказанію императрицы, онъ велъ всѣ переговоры, что получилъ отъ своего государя предписаніе прекратить сношенія съ вице-канцлеромъ и впредь сноситься только съ великимъ канцлеромъ, съ графомъ Бестужевымъ; немного спустя, великій князь явился къ своей августѣйшей теткѣ, каялся въ своемъ дурномъ поведеніи, говорилъ, что оно происходило отъ дурныхъ совѣтовъ, и называлъ такимъ совѣтникомъ графа Бестужева. Для подозрительной и нервной императрицы этого было уже вполнѣ довольно; но Елизавету Петровну увѣрили еще, что, по арестованіи Бестужева, въ домѣ его найдутся бумаги, изъ которыхъ раскроется преступная близость Бестужева къ великой княгинѣ, связанная съ вопросомъ о престолонаслѣдіи, и императрица дала свое согласіе на арестъ великаго канцлера графа Бестужева-Рюмина.

1758 года, 14-го февраля, въ субботу, вечеромъ, назначено было засѣданіе конференціи. Бестужевъ прислалъ сказать, что боленъ и не можетъ явиться въ засѣданіе. Елизаветѣ Петровнѣ представили это, какъ ослушаніе воли ея величества. Императрица разгнѣвалась и приказала Бесту-

естужевъ арестованъ, лишенъ всѣхъ долж
рестованы также вашъ брильянтщикъ Берн
дадуровъ».

Екатерину не пугала поѣздка графа Шув
а ея письмами — ея переписка съ Апракси
евинна, такъ согласна съ видами правительс
реста Бернарди, Елагина, Ададурова? Италья
орговавшій брильянтами, былъ вхожъ во в
казывалъ мелкія услуги, всѣ были ему долж
ывалаго итальянца ничего политическаго не
акъ онъ самъ ничего политическаго не знает
ильевичъ Елагинъ, бывшій адъютантъ обер
рафа А. Г. Разумовскаго, другъ графа Поня
й, правдивый, рыцарски преданный великой к
шняго не скажетъ, хотя ему и было бы что
силій Евдокимовичъ Ададуровъ, учившій н
ну русскому языку, прежде близкое лицо кн
убецкому, теперь довѣренный человѣкъ граф
данный своей ученицѣ, ея вѣрный слуга.
Елагинъ, ни Ададуровъ не опасны: что̀, кро

утѣшенія — ни разъясненія причинъ, ни даже подробностей ареста, ничего. Екатерина одѣлась и пошла, «словно съ кинжаломъ въ сердцѣ», къ обѣднѣ; видѣла многихъ, но всѣ хранятъ молчаніе. Но если всѣ молчатъ — она молчать не можетъ. Вечеромъ, въ воскресенье же, во время бала, бывшаго по случаю свадьбы Льва Нарышкина, Екатерина подошла къ маршалу свадьбы, князю Трубецкому, «какъ будто посмотрѣть ленты на его маршальскомъ жезлѣ», и сказала ему вполголоса: «Qu'est-ce que c'est donc que ces belles choses? Avez-vous trouvé plus de crimes que de criminels, ou avez-vous plus de criminels que de crimes?» [1]). Князь отвѣчалъ: «Мы сдѣлали, что̀ было намъ приказано; преступленій же еще ищутъ. До сихъ поръ всѣ поиски не были удачны». Съ тѣмъ же вопросомъ обратилась Екатерина къ фельдмаршалу Бутурлину и получила тотъ же отвѣтъ: «Бестужевъ арестованъ; теперь же мы ищемъ причины, за что его арестовали». Могло ли это успокоить Екатерину? Князь Трубецкой и Бутурлинъ, правда, назначены слѣдователями, они знаютъ положеніе дѣла; но они знаютъ также, что говорятъ съ великою княгиней и отвѣчаютъ на вопросъ о человѣкѣ, которымъ она интересуется. Только въ понедѣльникъ, 16-го февраля, голштинскій министръ Штамбке принесъ Екатеринѣ утѣшительную вѣсточку: онъ получилъ отъ Бестужева записку съ просьбою передать великой княгинѣ, чтобы она «не безпокоилась насчетъ того, что̀ знаетъ», что онъ имѣлъ время «все бросить въ огонь». Тотчасъ по уходѣ Штамбке, Екатерина написала извѣстную записочку Пуговишникову: «Вамъ нечего опасаться; успѣли все сжечь». Только теперь отлегло отъ сердца Екатерины; только теперь могла она стать спокойнѣе.

Спокойнѣе, но не спокойно. Она знала, что Штамбке и графъ Понятовскій ведутъ тайную переписку съ арестантомъ Бестужевымъ — маленькій трубачъ, егерь Бестужева,

[1]) Что̀ это за прелести? Нашли ли вы больше преступленій, чѣмъ преступниковъ, или у васъ больше преступниковъ, чѣмъ преступленій? Mémoires, 313.

*

нцлера Бестужева всѣхъ чиновъ и досто
рица объявила, что «съ крайнимъ насиліе
альной къ милосердію и великодушію скло
ыла арестовать Бестужева за «преступленія
еличества» и предать его суду «чрезъ нар
ую при Дворѣ Нашемъ Комиссію».

Въ тотъ же день, 27-го февраля, въ пятн
ой недѣлѣ, тайная переписка съ арестован
ымъ была перехвачена. Послѣднее письмо Ш
тужеву, какъ и Бестужева къ нему, не дош
ю — они были представлены въ слѣдствен
ъ субботу, 28-го февраля, Штамбке былъ п
осу. Ему, какъ иностранному министру, была
альная записка объ арестованіи бывшаго к
ева-Рюмина; изъ этой записки онъ «всемер
новность Бестужева въ оскорбленіи велич
менѣе, завелъ съ нимъ переписку! Его спр
вѣстно ли. ему что по аресте такого бывша
волено и весьма наказанія достойно имѣть
ку или сношеніе?» Штамбке отвѣчалъ: «Е
ка или сношеніе не содержать

ваннаго Бестужева, онъ сжегъ. При допросѣ Штамбке присутствовалъ великій князь, какъ герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, и подписалъ протоколъ [1]).

Въ это же время, «въ послѣдніе дни масляницы», довольно ничтожный случай далъ поводъ Екатеринѣ выяснить свое положеніе, дѣйствительно крайне тяжелое. Ея друзья признаны государственными преступниками, люди близкіе арестованы, преданные — вызываются къ допросу, великій князь, ея супругъ, отворачивается отъ нея, никто не говоритъ, всякій избѣгаетъ встрѣчаться съ нею. Положеніе невыносимое; необходимо выйти изъ него, и Екатерина воспользовалась первымъ же представившимся случаемъ, повторяемъ, довольно ничтожнымъ—въ ея положеніи всякій случай былъ пригоденъ.

На придворномъ театрѣ назначена русская комедія, и графъ Понятовскій проситъ Екатерину быть на представленіи. Великій князь не любитъ русской комедіи и не желаетъ, чтобъ великая княгиня ѣхала въ театръ — если она поѣдетъ, съ нею поѣдутъ фрейлины и, въ числѣ ихъ, графиня Елизавета Романовна Воронцова, съ которою онъ такъ любитъ играть въ карты по вечерамъ. Екатерина не обращаетъ вниманія на карточную игру подобнаго рода, но въ этотъ вечеръ не было выбора: она дала слово графу Понятовскому быть въ театрѣ, и она будетъ. Великая княгиня послала сказать своему оберъ-гофмейстеру графу А. Шувалову, чтобъ онъ приказалъ приготовить для нея экипажи. Когда уже пришло время отправляться въ театръ, является графъ Шуваловъ и говоритъ, что «великій князь запретилъ давать ей экипажи». Это ее взорвало, и она сказала графу Шувалову, что если ей не дадутъ экипажа, она пойдетъ пѣшкомъ; если дамамъ запретятъ сопровождать ее — пойдетъ одна, но напишетъ императрицѣ и будетъ жаловаться ея величеству на великаго князя и на него, на графа Шувалова.

---

[1]) Прилож. III.

ль, которую я играю, оставленная всѣми,
мнатѣ, ненавидимая великимъ княземъ и не
трицею. Я ничего не желаю, кромѣ спокойст
тѣе никому быть въ тягость, не хочу дѣлат
ихъ приближенныхъ, особенно же моихъ бѣ
торыхъ столько уже сослано за то, что я лю
лала имъ добро. Знайте же, что я сейчасъ на
торскому величеству, и мы посмотримъ, ка
ѣете не отвести императрицѣ мое письмо».

Шуваловъ испугался рѣшительнаго тона э
ргалъ глазами, «какъ это онъ всегда дѣла
будь волновало его», и ушелъ. Екатерина
ператрицѣ и написала письмо по-русски, «въ с
ьныхъ выраженіяхъ, какъ умѣла». Она начал
арностью императрицѣ за всѣ милости и бла
ныя ей со дня пріѣзда въ Россію. «По несч
жала она, «оказалось, что я не заслужила
й, потому что навлекла на себя только нен
 князя и явную немилость ея императорскаг
я свое несчастіе и оставаясь одна въ сво
меня лишаютъ самыхъ невинныхъ

что ея величество печется о нихъ несравненно болѣе, нежели сколько позволяли бы мнѣ мои слабыя способности. Дерзаю просить о продолженіи этихъ попеченій и, убѣжденная въ этомъ, проведу остатокъ дней у своихъ родныхъ, моля Бога за ея величество, за великаго князя, за моихъ дѣтей и за всѣхъ, сдѣлавшихъ мнѣ добро или зло. Состояніе моего здоровья доведено горемъ до того, что я должна сдѣлать все, что̀ могу, лишь бы по крайней мѣрѣ спасти свою жизнь, и въ этихъ-то видахъ я обращаюсь къ ней съ просьбою разрѣшить мнѣ отправиться на воды и оттуда къ своимъ роднымъ».

Великая княгиня запечатала письмо, отдала графу Шувалову и отправилась таки въ театръ. Императрицы въ театрѣ не было—«думаю, ей помѣшало письмо мое» [1]), прибавляетъ Екатерина. По возвращеніи великой княгини изъ театра, къ ней явился графъ Шуваловъ и объявилъ, что онъ отдалъ императрицѣ письмо и что ея величество, прочтя его, изволила сказать, что «сама будетъ говорить съ великою княгиней».

Долго ждала Екатерина обѣщаннаго «разговора». Враги ея надѣялись найти матеріалъ для разговора въ бумагахъ или показаніяхъ Бестужева. Если у Апраксина нашлись письма великой княгини, какъ не быть имъ у Бестужева? Въ перехваченномъ письмѣ Бестужева къ великой княгинѣ онъ совѣтуетъ ей «поступать смѣло и бодро, съ твердостію», присовокупляя, что «подозрѣніями ничего доказать не можно»—было, значитъ, что-то, но уничтожены его слѣды и остались одни подозрѣнія. Шесть недѣль великаго поста ушли на розыски и допросы. Всѣ вопросные пункты Бестужеву упоминаютъ такъ или иначе о великой княгинѣ; большинство же касается ея переписки. Вопросы составлялись секретаремъ конференціи, умнымъ Волковымъ; но Бестужевъ оказался умнѣе Волкова. Зная объ отношеніяхъ великой княгини къ графу

---

[1]) Mémoires, 323—327.

Понятовскому, Волковъ, на допросѣ 30-го марта, ставилъ Бестужеву такой вопросъ: «Теперь ея императорскому величеству нечаянно, но вдругъ и точно извѣстно стало, что Понятовской не для дѣлъ короля польскаго и не по ея величества благоизобретению, но единственно твоимъ проискомъ здѣсь по отзыве уже паки оставленъ, и потому имѣешь ты обьявить для чего ты искалъ его здесь удержать». Бестужевъ взялъ вину на себя, но не выдалъ Екатерины, и отвѣчалъ: «Подлинно после получения графомъ Понятовскимъ его отзыва старался онъ чрезъ саксонскаго совѣтника посольства Прасса остановить его, Понятовскаго, здесь, но ни къ графу Брилю, ни къ князю Волконскому о томъ не писалъ, а сие искание производилъ только для того, что видя на себя гонение пословъ графа Эстергазия и маркиза Лопиталя желалъ по меньшей мере одного благоприятнаго иметь себѣ министра, а толь больше графа Понятовскаго, что оный увѣдомлялъ его обовсемъ что услышитъ отъ графа Эстергазия и маркиза Лопиталя. А что онъ искалъ Понятовскаго здесь удержать, по полученіи уже его отзыва и зная, что Ея императорскому величеству присудствие его здѣсь неугодно, въ томъ проситъ монаршаго помилования, а именно что собственную свою пользу предпочелъ всевысочайшему имянному Ея императорскаго величества соизволению, а больше того отнюдь никакихъ иныхъ видовъ во удержаніи его здѣсь не имелъ» [1]). Не привели ни къ чему и розыски. Екатерина была настолько осторожна, что сожгла всѣ свои «бумаги и счеты» [2]). Когда, на третьей недѣлѣ поста, арестовали любимую камерфрау великой княгини, Владиславову, Екатерина съ увѣренностью сказала графу Шувалову, что «отъ Владиславовой рѣшительно ничего нельзя вывѣдать», и, желая прекратить дальнѣйшіе аресты приближенныхъ къ ней лицъ, прибавила, что «не довѣрялась ни ей, ни кому-либо другому».

[1]) Прилож. VII.
[2]) Mémoires, 322

7-го апрѣля разобрали и «остальныя письма бывшаго канцлера»—въ нихъ ни строчки отъ великой княгини. Такъ и не нашли новыхъ уликъ противъ Екатерины, кромѣ давно уже извѣстныхъ писемъ ея къ Апраксину.

Между тѣмъ, великая княгиня настоятельно требовала свиданія съ императрицей; медлить было уже безполезно, и «разговоръ» состоялся 13-го апрѣля, въ понедѣльникъ, на страстной [1]). Это свиданіе имѣло рѣшительное значеніе для Екатерины. Оно происходило ночью, въ кабинетѣ императрицы, въ присутствіи лицъ наиболѣе близкихъ, и тѣмъ не менѣе подробности этого свиданія вскорѣ стали общеизвѣстны [2]). Эти подробности произвели на Екатерину сильное впечатлѣніе и она живо представляла ихъ себѣ даже много лѣтъ спустя:

«Въ исходѣ десятаго часа, вечеромъ, я одѣлась, прилегла на кушетку и вздремнула. Около половины второго ночи, графъ Шуваловъ вошелъ въ мою комнату и сказалъ, что императрица желаетъ меня видѣть. Я встала и пошла за нимъ. Въ переднихъ комнатахъ не было ни души. Подходя къ двери, ведущей въ галлерею, я увидѣла, какъ изъ противоположной двери показался великій князь и направился, какъ и я, къ ея императорскому величеству. Придя въ ком-

[1]) Въ Запискахъ Екатерины II, вообще не отличающихся хронологическою точностью, не указано время свиданія. Оно опредѣляется довольно точно по указанію англійскаго посланника Кейта. Въ депешѣ отъ *28-го апрѣля*, 1758 г. Кейтъ сообщаетъ: «Арестованіе любимой камерфрау великой княгини (*Владиславовой*) дало поводъ къ состоявшемуся *четыре дня назадъ* свиданію великой княгини съ императрицею» (*Raumer*, II, 458). Четыре дня назадъ, то-есть 24-го апрѣля. Кейтъ, какъ и всѣ иностранные министры, помѣчалъ свои депеши новымъ стилемъ и его 24-го апрѣля составитъ 13-го апрѣля стараго стиля. Въ 1758 г. свѣтлое воскресенье было 19-го апрѣля; слѣдовательно, 13-е апрѣля приходилось на понедѣльникъ страстной. Въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества день свиданія ошибочно показанъ 23-го апрѣля (VII, 74).

[2]) *Raumer*, II, 457—459. Депешею Кейта отъ 28-го апрѣля подтверждается достовѣрность разсказа объ этомъ свиданіи въ Запискахъ Екатерины. Ср. депешу Прассе отъ того же числа, *Herrmann*, V, 227.

нату императрицы, я застала уже тамъ великаго князя. Едва увидавъ императрицу, я упала передъ нею на колѣни и сквозь слезы настоятельно просила ее отослать меня къ роднымъ. Императрица хотѣла поднять меня, но я осталась у ея ногъ. Она показалась мнѣ болѣе опечаленною, чѣмъ разгнѣванною.

— Какъ же мнѣ отпустить тебя,—сказала она со слезами на глазахъ,—вспомни, что у тебя есть дѣти.

— Дѣти мои у васъ въ рукахъ и имъ нигдѣ лучше быть не можетъ. Я надѣюсь, что вы ихъ не покинете.

— Но что же я скажу обществу? Какая причина этого удаленія?

— Ваше величество объявите, если найдете это приличнымъ, причины, по которымъ я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя.

— Чѣмъ же ты будешь жить у своихъ родныхъ?

— Тѣмъ же, чѣмъ жила прежде, до того, какъ вы оказали мнѣ честь взять меня.

— Твоя мать въ бѣгахъ. Она вынуждена была удалиться изъ своего дома и отправилась въ Парижъ.

— Я знаю это. Ее считаютъ слишкомъ преданною русскимъ интересамъ и король прусскій преслѣдуетъ ее за это.

«Императрица вторично приказала мнѣ встать; я повиновалась. Она задумалась и отошла отъ меня. Мы находились въ длинной комнатѣ о трехъ окнахъ; въ простѣнкахъ стояли столы съ золотыми туалетами императрицы. Въ комнатѣ были только: она, великій князь, графъ А. Шуваловъ и я. Насупротивъ императрицы стояли широкія ширмы, передъ ними кушетка. Я сперва подозрѣвала, что за ширмами навѣрное Иванъ Шуваловъ, а быть можетъ, и двоюродный его братъ, графъ Петръ. Послѣ я узнала, что отгадала ровно на половину—за ширмами былъ Иванъ Шуваловъ. Я отошла къ туалетному столу, ближайшему къ дверямъ, въ которыя мы вошли, и замѣтила въ вазѣ свернутыя письма. Императрица снова подошла ко мнѣ и сказала: «Богъ мнѣ свидѣтель, сколько

я плакала, когда ты была при смерти больна вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію; еслибъ я не любила тебя, то не оставила бы у себя». Это, по-моему, значило оправдываться, что я у нея не въ немилости. Въ отвѣтъ на это я поблагодарила ея величество за всѣ милости и благодѣянія, которыя она оказывала мнѣ тогда и послѣ, прибавивъ, что воспоминаніе о нихъ никогда не изгладится изъ моей памяти и что я всегда буду считать величайшимъ несчастіемъ моей жизни то, что навлекла ея немилость. Затѣмъ императрица еще ближе подошла ко мнѣ.

— Ты чрезмѣрно горда,—сказала она,—вспомни, какъ однажды, въ лѣтнемъ дворцѣ, я подошла къ тебѣ и спросила, не болитъ ли у тебя шея, потому что ты едва поклонилась мнѣ. Только изъ гордости ты кланяешься мнѣ, едва кивнувъ головой.

— Боже мой, какъ ваше величество могли думать, что я захочу гордиться предъ вами! Клянусь, что никогда не подозрѣвала даже, что вопросъ, сдѣланный вами четыре года назадъ, могъ имѣть подобное значеніе.

— Ты воображаешь, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка умнѣе тебя!

— Еслибъ я такъ думала о себѣ, то мое настоящее положеніе и самый этотъ разговоръ лучше всего способны вывесть меня изъ заблужденія: я до сихъ поръ, по глупости своей, не понимала того, что вамъ угодно было сказать мнѣ четыре года назадъ.

«Пока императрица говорила со мною, великій князь шептался съ графомъ Шуваловымъ. Она замѣтила это и подошла къ нимъ. Они стояли почти на серединѣ комнаты; я не могла ясно слышать, о чемъ они говорили—они говорили не громко, а комната была большая. Наконецъ, я услышала, какъ великій князь сказалъ, возвысивъ голосъ: «Она ужасно зла и страшно упряма». Я поняла, что дѣло идетъ обо мнѣ и, обращаясь къ великому князю, сказала ему: «Если вы го-

ворите обо мнѣ, то я рада случаю сказать вамъ, въ присутствіи ея величества, что я, дѣйствительно, зла на тѣхъ, которые совѣтуютъ вамъ дѣлать несправедливости, и что я стала упряма, видя, что моя угодливость навлекла на меня только вашу непріязнь». Онъ сказалъ императрицѣ: «Ваше величество сами теперь видите, какъ она зла, по тому, что̀ она говоритъ». Но на императрицу, которая была гораздо умнѣе великаго князя, мои слова произвели совершенно иное впечатлѣніе. Я видѣла ясно, что, хотя ей присовѣтовали или она сама рѣшилась быть со мною строгою, она смягчалась все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ шелъ разговоръ. Затѣмъ императрица перешла къ сношеніямъ Штамбке съ графомъ Бестужевымъ; такъ какъ мое имя не было при этомъ упомянуто, то я молчала. Потомъ императрица подошла ко мнѣ и сказала:

— Ты мѣшаешься во многія дѣла, которыя тебя вовсе не касаются, я не смѣла дѣлать этого при императрицѣ Аннѣ. Какъ, напримѣръ, осмѣлилась ты посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?

— Я! Никогда мнѣ и въ голову не приходило посылать ему приказанія!

— Какъ ты можешь отрицать, что писала ему? Твои письма тамъ, въ вазѣ (и она пальцемъ указала ихъ). Тебѣ запрещено, вѣдь, писать.

— Правда, я нарушила это запрещеніе, и прошу въ томъ извиненія; но такъ какъ мои письма здѣсь, то эти три письма могутъ доказать вашему величеству, что я никогда не посылала ему приказаній; въ одномъ письмѣ я сообщала ему, что говорятъ о его поступкахъ.

— Зачѣмъ же ты писала ему объ этомъ?

— За тѣмъ, что принимала въ немъ участіе и любила его. Я просила его исполнять ваши приказанія. Въ двухъ остальныхъ письмахъ я поздравляла его, въ одномъ — съ рожденіемъ сына, въ другомъ — съ новымъ годомъ.

— Бестужевъ говоритъ, что было много другихъ писемъ.

— Если Бестужевъ говоритъ это — онъ лжетъ.

— Хорошо же: такъ какъ онъ лжетъ на тебя, я велю пытать его.

«Она думала этимъ напугать меня. Я отвѣчала ей, что она властна дѣлать все, что̀ найдетъ нужнымъ, но что я все-таки писала Апраксину только три письма. Она замолчала и стала что-то соображать.

«Я передаю только наиболѣе выдающіяся черты этого разговора, оставшіяся въ моей памяти; невозможно вспомнить все, что̀ говорилось въ продолженіи полутора часа. Императрица ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, обращаясь то ко мнѣ, то къ своему племяннику, чаще же всего къ графу А. Шувалову. Я сказала уже, что замѣтила въ императрицѣ меньше гнѣва, чѣмъ заботы; великій же князь, въ своихъ замѣчаніяхъ во время этого разговора, проявлялъ много желчи, непріязни и даже ненависти ко мнѣ. Онъ всѣми силами старался раздражить ея величество противъ меня, но такъ какъ всѣ его старанія были крайне тупы и онъ выказывалъ больше горячности, чѣмъ здраваго сужденія, то онъ не достигъ цѣли: императрица, по своему уму и проницательности, брала мою сторону. Съ особеннымъ вниманіемъ и даже съ нѣкоторымъ невольнымъ одобреніемъ выслушивала она мои твердые и спокойные отвѣты на нелѣпыя вспышки моего супруга. Онъ довелъ дѣло до того, что императрица подошла ко мнѣ и сказала вполголоса: «Мнѣ хотѣлось бы многое еще сказать тебѣ, но я не могу говорить теперь — я вовсе не желаю, чтобъ вы еще болѣе разсорились». Глазами и головой она дала мнѣ понять, что не желаетъ говорить въ присутствіи другихъ. Я отвѣчала ей почти шопотомъ: «Я тоже не могу говорить, хотя мнѣ чрезвычайно хочется открыть вамъ мою душу и мое сердце». Слова эти произвели на нее благопріятное для меня впечатлѣніе. У нея показались даже слезы на глазахъ и чтобъ скрыть, что она была растрогана, она про-

стилась съ нами, сказавъ, что очень поздно. Въ самомъ дѣлѣ, было около трехъ часовъ ночи. Я ушла къ себѣ и уже раздѣвалась, чтобъ лечь спать, когда вошелъ графъ Шуваловъ и объявилъ, что императрица поручила ему передать мнѣ ея поклонъ и сказать, чтобъ я не огорчалась и что она будетъ имѣть второй разговоръ съ одною мною. Я просила графа Шувалова передать ея величеству мое глубочайшее почтеніе, поблагодарить за ея милости, которыя возвращаютъ мнѣ жизнь, и сказать, что я съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ буду ожидать второго разговора съ ея величествомъ» [1]).

Первое свиданіе не внесло успокоенія въ комнаты великой княгини. Екатерина сознавала, что одержала ночную побѣду надъ великимъ княземъ, что императрица приняла ея сторону, но не могла обманывать себя на счетъ результатовъ этой побѣды. Елизавета Петровна давно уже утеряла всякую самостоятельность и находилась подъ посторонними вліяніями; ея волею руководили другіе. Она могла быть вполнѣ искренна, когда говорила, что въ знаменитую ночь 13-го апрѣля убѣдилась, что «великая княгиня очень умна, а великій князь дуракъ», но это убѣжденіе могло не имѣть практическихъ послѣдствій. Прошло лишь нѣсколько дней послѣ ночного свиданія и, на святой же недѣлѣ, двѣ камерфрау великой княгини были арестованы [2]); оберкамергеръ Брокдорфъ, называвшій Екатерину змѣею и внушавшій великому князю необходимость «роздавить змѣю», опять въ чести, и всесильный теперь вице-канцлеръ графъ Воронцовъ хлопочетъ о пожалованіи ему ордена Бѣлаго Орла [3]); великій князь ждетъ не дождется, когда вышлютъ его супругу за границу, думая жениться на Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой, которая ходитъ уже въ его комнаты и разыгрываетъ тамъ роль хозяйки [4]). Въ допросахъ Бестужеву ставится уже вопросъ о «планахъ какъ на нынѣшнее, такъ и на будущее время» [5]),

[1]) Mémoires, 336—345. [2]) Депеша Прассе отъ 2-го мая 1758 г.
[3]) Депеша Прассе отъ 9-го мая 1758 г. [4]) Mémoires, 346. [5]) Прилож. I.

о которыхъ бывшій канцлеръ совѣщался съ Штамбке и графомъ Понятовскимъ, друзьями великой княгини; Бестужева спрашиваютъ «для чего предпочтительно искалъ милости у великой княгини» и т. п. Очевидно, слѣдователи слышали о проектѣ престолонаслѣдія и силились открыть дѣйствительно государственное преступленіе. Проектъ, правда, сожженъ, но не осталось ли какой-нибудь копіи, какого-нибудь черноваго лоскутка бумаги? Тяжело положеніе Екатерины, но она не падаетъ духомъ. «Хотя я въ крайней горести нынѣ,—пишетъ она сосланному уже другу своему Елагину,—но еще надежду имѣю» [1]). На что? Единственно на свою твердость. Увѣренная, что важныя бумаги сожжены, что отъ преступныхъ писаній осталось только «подозрѣніе», Екатерина продолжаетъ разыгрывать роль обиженной, оскорбленной, настоятельно проситъ отпустить ее къ роднымъ, чтобъ въ объятіяхъ матери найти успокоеніе. Она знаетъ, что ее не отпустятъ, что на такой рѣшительный шагъ неспособны ни императрица, ни ея ближайшіе совѣтники, менѣе же всего всемогущій Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Не даромъ же фаворитъ Шуваловъ увѣрялъ ее, что «все будетъ по ея желанію»; не напрасно же вице-канцлеръ Воронцовъ явился къ ней и отъ имени императрицы просилъ отказаться отъ намѣренія покинуть Россію, которое огорчаетъ «всѣхъ честныхъ людей» [2]).

29-го мая Екатерина написала императрицѣ письмо, прося второго свиданія. Мотивомъ письма послужилъ опять-таки отъѣздъ изъ Россіи: великая княгиня не можетъ «отселѣ отдалиться не припадавше къ стопамъ» ея величества; она была бы счастлива, «еслибъ словесно могла донести до отъѣзда» свою благодарность императрицѣ [3]). Въ началѣ іюня состоялось это второе свиданіе.

«Я застала императрицу совершенно одну. На этотъ разъ

---

[1]) Сборникъ Русск. Истор. Общества, VII, 77. [2]) *Raumer*, II, 457.
[3]) Сборникъ Русск. Истор. Общества, VII, 74.

въ комнатѣ не было никакихъ ширмъ, слѣдовательно, мы могли говорить совершенно свободно. Я начала благодарностію за это свиданіе, сказавъ, что одно милостивое обѣщаніе его возвратило меня къ жизни. Но это она мнѣ сказала: «Я требую, чтобъ ты сказала мнѣ всю правду, о чемъ я буду тебя спрашивать». Я отвѣчала ей увѣреніемъ, что она услышитъ отъ меня только сущую правду и что я желаю открыть ей всю мою душу, безъ малѣйшей утайки. Тогда она опять спросила меня, дѣйствительно ли я писала Апраксину только три письма. Я поклялась, что только три, какъ оно въ дѣйствительности и было. Затѣмъ императрица начала разспрашивать подробности объ образѣ жизни великаго князя...» [1]).

«Свиданія» (entrevue) великой княгини съ императрицею были, въ сущности, «допросами», въ которыхъ на первомъ планѣ ставился вопросный пунктъ о перепискѣ Екатерины съ Апраксинымъ. Два раза императрица допрашивала великую княгиню и два раза Екатерина показала, что писала Апраксину только три письма, между тѣмъ, какъ изъ допросовъ Апраксина Елизаветѣ Петровнѣ было уже извѣстно, что писемъ было болѣе: Апраксинъ показалъ, что «всѣхъ писемъ отъ великой княгини получилъ шесть» [2]). Понятно, что императрица была недовольна неискренностью великой княгини; понятно, что ей, женщинѣ больной, надоѣли эти допросы, оставлявшіе въ ней смутное впечатлѣніе не въ пользу молодого двора, были въ тягость взаимныя пререканія наиболѣе близкихъ ей лицъ, и очень вѣроятно, что она приказала имъ, ради «собственнаго спокойствія», переѣхать въ Ораніенбаумъ [3]).

Тамъ, въ Ораніенбаумѣ, услышала Екатерина о страшной кончинѣ Апраксина: 6-го августа, во время допроса, въ Че-

---

[1]) Этими словами обрываются «Записки» Екатерины.
[2]) Прилож. XVII.
[3]) Депеша Прассе отъ 13-го іюня 1758 года.

тырехъ Рукахъ [1]), Апраксинъ палъ мертвый [2]). Въ началѣ 1759 года было закончено слѣдствіе о первыхъ политическихъ письмахъ великой княгини приговоромъ надъ «бывшимъ канцлеромъ» Бестужевымъ: 5-го апрѣля былъ обнародованъ манифестъ о лишеніи всѣхъ чиновъ и достоинствъ канцлера Бестужева-Рюмина и о ссылкѣ его въ собственныя его деревни на житье тамъ подъ карауломъ [3]).

Обвинительный актъ противъ «состарѣвшагося въ мерзкихъ ухищреніяхъ старика» крайне слабъ и вовсе неубѣдителенъ. Чтеніе манифеста, составленнаго въ общихъ и неясныхъ выраженіяхъ, должно было, конечно, произвесть довольно сильное впечатлѣніе на всѣхъ русскихъ людей, кромѣ одного только лица въ Петербургѣ, кромѣ Екатерины. Она хорошо понимала, что судьи Бестужева обвиняли его въ властолюбіи для того только, чтобъ захватить власть въ свои руки; она хорошо знала нелѣпость обвиненія его въ томъ, что онъ «злостнѣйшими внушеніями старался умалить въ ихъ высочествахъ должную къ Намъ любовь и почитаніе»; но Екатерина не могла читать безъ улыбки слѣдующія строки манифеста: «между взятыми его письмами найдены проекты, писанные собственною его рукою и содержащіе въ себѣ такіе дальновидные замыслы и расположенія, которыми онъ явно показы-

---

[1]) Вслѣдствіе дней Страстной и Святой недѣли «коммиссія не могла съѣздить къ Четыремъ Рукамъ», гдѣ содержался Апраксинъ (Прилож. XII). Въ «Запискахъ» Нащокина сказано, что Апраксинъ содержался въ путевомъ дворцѣ между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, который назывался Три Руки (стр. 172).

[2]) Нащокинъ сообщаетъ, что Апраксинъ умеръ «параличною болѣзнью»; Д. И. Языковъ, издатель «Записокъ» Нащокина, приводитъ по этому поводу слухъ, будто Апраксина поразилъ ударъ, вслѣдствіе недослушанной имъ до конца фразы слѣдователя: «затѣмъ намъ ничего болѣе не остается, какъ...», тутъ Апраксинъ упалъ, боясь услышать «пытать тебя», между тѣмъ какъ фраза должна была кончаться словами: «освободить васъ» (стр. 336). Этотъ разсказъ не заслуживаетъ довѣрія; мы видѣли, что Елизавета Петровна угрожала пыткой даже Бестужеву.

[3]) П. С. З., № 10940.

ваетъ свое недоброхотство къ Нашей особѣ и къ Нашему здоровью».

Для всѣхъ современниковъ, кромѣ Екатерины, какъ и для потомковъ, эти строки сами по себѣ были и остаются непонятными [1]). Чтобъ уразумѣть смыслъ этого обвиненія, необходимо обратить вниманіе, какъ и при какихъ условіяхъ составлялся манифестъ, нужно познакомиться съ исторіею самаго текста.

Слѣдствіе о письмахъ великой княгини затянулось. Елизаветѣ Петровнѣ надоѣли даже допросы Апраксина, длившіеся около девяти мѣсяцевъ, Бестужевъ же находился подъ арестомъ уже болѣе года, около 14-ти мѣсяцевъ. Допросы не дали матеріала для серьезнаго обвиненія; перерыли бумаги Бестужева—ничего не нашли; пересмотрѣли еще разъ—нашли письмо княгини Елизаветы Цербстской [2]), матери Екатерины, но совершенно невинное. Послѣ долгаго перерыва, уже 2-го января 1759 года, вновь позвали Бестужева къ допросу, спросили о золотой табакеркѣ съ портретомъ великой княгини; Бестужевъ отвѣчалъ, что «ту табакирку пожаловала ему до аресту ево за нѣсколько мѣсяцевъ во дворце на куртаге великая княгиня» [3]). И этотъ допросъ окончился ничѣмъ. Больше уже не о чемъ и спрашивать. Главное, конечно, сдѣлано: Бестужевъ свергнутъ, Бестужевъ подъ судомъ. Но пора же такъ или иначе кончить; пора объявить, за что онъ свергнутъ, за что подъ судомъ. Необходимо составить манифестъ съ объявленіемъ всѣхъ «винъ» Бестужева. Начали писать проектъ манифеста. По счастью, въ бумагахъ Государственнаго Архива сохранился черновой проектъ манифеста [4]); онъ долженъ дать намъ разъясненіе непонятныхъ строкъ о собственноручныхъ проектахъ Бестужева, сви-

---

[1]) Приведя эти строки, Костомаровъ прибавилъ: «Мы не понимаемъ, о чемъ собственно здѣсь говорится». «Вѣстникъ Европы», 1887, февраль, стр. 541.

[2]) Прилож. X. [3]) Прилож. XVIII. [4]) Прилож. XIX.

дѣтельствующихъ о его «недоброхотствѣ къ особѣ и здоровью» императрицы.

Вскорѣ послѣ арестованія Бестужева, 17-го апрѣля 1758 г., графъ А. Шуваловъ объявилъ слѣдственной комиссіи, что «ея императорское величество указала подать ея величеству какъ наискоряе сентенцию комисіи по найденнымъ до нынѣ винамъ бывшаго канцлера Бестужева». Комиссія представила всеподданнѣйшій докладъ. Этотъ-то докладъ и былъ положенъ въ основу проекта манифеста; составитель манифеста строго придержался доклада, поданнаго годъ назадъ, такъ какъ послѣ составленія доклада не было открыто никакихъ новыхъ обвиненій. Докладъ составляли враги Бестужева, члены слѣдственной комиссіи, и, тѣмъ не менѣе, онъ начинается чрезвычайно важнымъ въ данномъ случаѣ заявленіемъ: «Нижеподписавшіеся старались всегда сколько можно различать и уважать пунктъ касающійся до вседражайшаго здравія и благополучнаго государствованія вашего императорскаго величества, отъ пункта всѣхъ прочихъ его преступленій. Что до перваго принадлежитъ, то нижеподписавшіеся по ихъ должности, присягѣ и рабской вѣрности дерзаютъ удостовѣрить ваше імператорское величество, что никакихъ признаковъ нетъ, дабы онъ умышлялъ что-либо противу вседражайшаго здравія или благополучнаго государствованія вашего імператорскаго величества» [1]). Въ виду такого рѣшительнаго заявленія, въ первоначальномъ проектѣ манифеста вовсе не было вышеприведенныхъ «непонятныхъ» строкъ. Проектъ перечислялъ «вины» Бестужева, упомянутыя въ докладѣ — властолюбіе, присвоеніе монаршескихъ регалій, неисполненіе высочайшихъ повелѣній, соправительство и обношеніе малаго двора — и оканчивался словами: «Протчія весма тяжкія его преступленія подробно изображать, было бы и весма пространно и тѣмъ паче излишно, что мы гнѣвъ нашъ

---

[1]) Прилож. XV.

и достойное ему наказаніе размѣряемъ не по онымъ, но по нашему великодушію и милосердію».

При окончательной редакціи манифеста, въ этомъ проектѣ было сдѣлано существенное измѣненіе: пунктъ о монаршескихъ регаліяхъ [1]) былъ вычеркнутъ — «постороннихъ лицъ» не было уже въ Петербургѣ, они высланы за границу, и признавалось неудобнымъ даже намекать на графа Понятовскаго. Безъ этого пункта, «вины» Бестужева оказывались слишкомъ ужъ слабыми; требовалось усилить обвиненіе. Чѣмъ же? По слухамъ, судьи знали, что Бестужевъ занимался какими-то проектами; догадывались, что эти проекты были въ связи съ состояніемъ здоровья императрицы, и, не имѣя никакихъ положительныхъ указаній, рѣшились привести «недоброхотство къ здравію», но въ выраженіяхъ общихъ, осторожныхъ настолько, что вторично упомянутое слово *проекты* было въ окончательной редакціи замѣнено выраженіемъ *вредительные умыслы*. И на эту редакцію рѣшились не сразу: передъ «недоброхотствомъ къ здравію» въ проектѣ зачеркнута строка, въ которой «дальновидные замыслы и расположенія» отнесены не къ здравію императрицы, а къ «вѣрнымъ подданнымъ». Только такимъ, совершенно произвольнымъ обвиненіемъ, вовсе не основаннымъ на какомъ-либо фактѣ, объясняется и самый приговоръ: несмотря на «собственноручные проекты», явствующіе его «недоброхотство къ нашей особѣ и нашему здоровью», Бестужевъ высылался только на житье въ свои деревни. Такая несообразная слабость приговора относительно тяжести обвиненія бросалась въ глаза, и составитель манифеста, желая ослабить рѣзкость впечатлѣнія, проектировалъ такое окончаніе: «однимъ словомъ сколь безпримѣрно его злодѣяніе, столь рѣдко и подобное сему великодушіе», ко-

[1]) Бестужевъ изобличенъ, «что къ отправленію такихъ дѣлъ, которыя составляютъ существительную часть монаршескихъ регалій, употреблялъ лю- [illegible]овсѣмъ постороннихъ и такихъ, кои ни къ какимъ другимъ дѣламъ до- [illegible]ы быть не имѣли».

торое не вошло, однако, въ окончательную редакцію. Для лицъ, не посвященныхъ въ пріемы составленія манифеста, фраза о собственноручныхъ проектахъ, вставленная вопреки категорическому заявленію самихъ судей, единственно съ цѣлью объяснить, если не оправдать опалу, которой подвергся Бестужевъ, была и остается непонятною. Это была фраза, и ничего болѣе. Не только въ Петербургѣ, во всей Россіи одна Екатерина знала цѣну этой фразы и могла только улыбаться, читая въ этихъ строкахъ безсильную злобу враговъ Бестужева.

Манифестъ подѣйствовалъ на Екатерину успокоительнымъ образомъ: этимъ манифестомъ 5-го апрѣля 1759 г. заканчивалось такъ или иначе дѣло о ея первыхъ политическихъ письмахъ. Эти письма принесли ей много непріятностей и огорченій; изъ-за этихъ писемъ она пережила много тревожныхъ минутъ въ послѣдніе полтора года. Изъ всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу объ этихъ письмахъ, одна только Екатерина осталась въ Петербургѣ: Апраксинъ умеръ, остальные высланы: Бестужевъ — въ Горетово, Бернарди — въ Казань, Штамбке и графъ Понятовскій — за границу, Елагинъ — въ Казанскую деревню, Ададуровъ — въ Оренбургъ. Только Веймарнъ и Измайловъ ушли безъ ущерба отъ допросовъ. Судьба Владиславовой и двухъ другихъ камерфрау Екатерины неизвѣстна.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

[redacted]ему канцлеру Бестужеву, учиненные 27-го февраля

[redacted]кое величество твоими вчерась учиненными отвѣ-
[redacted] нихъ искренностію такъ недовольна, что повелѣ-
[redacted]впослѣднія спросить о слѣдующемъ, съ такимъ
[redacted]ымъ объявленіемъ, что ежели малѣйшая скрыт-
[redacted]ое совѣсти и долгу очищеніе окажется, то тот-
[redacted]

3-е въ томъ же первомъ твоемъ письме совѣтуешь ты великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію, присовокупляя, что подозреніями ничего доказать не можно. Нельзя тебѣ не признаться, что сіи послѣднія слова особливо весма много значатъ и великой важности суть, и такъ чистосердечное оныхъ объясненіе паче всего потребно.

4-е что ты второе письмо показалъ, якобы не знаешь чрезъ кого отъ Апраксина отвѣтъ съ поздравленіемъ былъ, то обличаетъ самое содержаніе помянутаго письма, ибо ежели бы ты о томъ не вѣдалъ, не было бы нужды великую княгиню и авертировать какимъ образомъ ты о томъ на прежде учиненной тебѣ вопросъ отвѣтствовалъ, великая княгиня знала бы и сама, что ты о всемъ томъ ничего не знаешь, и потому всѣ обстоятельства сего отвѣта конечно ты объявить долженъ.

5-е о частыхъ и необычайныхъ конференціяхъ съ Штамбкеномъ и Понятовскимъ.

6-е для чего предпочтительно искалъ милости у великой княгини, а не такъ много у великаго князя и скрылъ отъ ея імператорскаго величества такую кореспонденцію, о которой по должности и вѣрности донести надлежало.

7-е сверхъ того что извѣстнымъ образомъ Штамбкенъ и Понятовской были въ непрестанныхъ и необычайныхъ конференціяхъ, всемерно надобно, чтобъ и больше въ томъ участниковъ и конфидентовъ было, и потому имѣешъ безъ утайки объявить всѣхъ оныхъ, а притомъ и то не скрыть, что понеже все сіе безъ всякаго намеренія дѣлано быть не могло, то спрашивается, не было ли соглашаемо и постановлено какого плана, какъ на нынѣшнее, такъ и будущее время.

8-е всѣ-ли целы письма прошлыхъ 1746 и 1747 годовъ, которыя Пуговишниковымъ изъ комнаты Ея імператорскаго величества забираемы были.

9-е Ея імператорскому величеству точно извѣстно, что когда случалось Ея величеству разговаривать съ послами, то онъ всегда великаго князя ободрялъ или научалъ туда же подходить, дабы такимъ разговоромъ мешать или остановлять оныя. І потому желаетъ Ея імператорское величество точно о томъ вѣдать, какое онъ имѣлъ въ томъ намереніе или побужденіе.

II.

1758 году февраля 27-го дня бывшей канцлеръ Бестужевъ на учиненныя вопросныя пункты отвѣтствовалъ:

На 1-й подтвердилъ, что подлинно онъ въ письме своемъ къ великой княгинѣ разумѣлъ такъ, дабы імянемъ ихъ высочествъ внушено было чрезъ третьяго Волкову, дабы онъ ему помогалъ, такъ какъ онъ канцлеръ ему Волкову въ нещастіи его помогалъ, а сіе присовѣтованіе здѣлалъ для того, что Волковъ будучи при конференціи (и докладывая по дѣламъ) онъ думалъ, что можетъ что-либо въ пользу представить.

2-е что о Бернардіи онъ не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ дабы онъ арестованъ былъ или въ переноске писемъ запирался, но объявя самъ графу Александру Івановичу въ первомъ допросе, что Бернардій письма кому переносилъ, натурально думать могъ, что Бернардія спрашивать будутъ, и потому остерегалъ дабы онъ не запирался, а буде то и здѣлалъ, то однакожь бы сказалъ, что то отъ страху.

3-е великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію совѣтовалъ только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали.

4-е неотменно въ томъ утверждается, что не знаетъ чрезъ кого отвѣтъ съ поздравленіемъ присланъ былъ и что оной въ себѣ содержалъ, а можетъ о томъ луче показать фельдмаршалъ Апраксинъ (и такъ не соизволено ли будетъ его о томъ спросить).

5-е частыхъ, необычайныхъ и нощныхъ конференцій ни съ Штамбкеномъ ни съ Понятовскимъ никогда не імѣлъ, и не только съ ними двумя вмѣсте но и ни съ однимъ изъ нихъ запершись не сиживалъ, а хотя они часто у него и бывали, но свидѣтельствуется, подвергаясь наитягчайшему наказанію и изтязанію, что съ ними двумя ни въ кабинете и ни въ какой дома своего каморѣ и ниже въ иномъ мѣсте самъ третей никогда не сиживалъ, да и сверхъ того буде кто изъ нихъ когда и бывали порознь, то никогда позже восьми часовъ не сиживали и то разве замешкавшись за игрою или інако. Впротчемъ окроме обыкновенныхъ дѣлъ ни о чемъ не разговаривали, кроме того, что онъ будучи отъ графа Бриля остереженъ, что маркизъ Лопиталь секретную інструкцию имѣетъ трудиться о его низверженіи, старался чрезъ Понятовскаго и саксонской дворъ подать лутчія о себѣ мнѣніи венскому и французскому дворамъ и темъ отъ ихъ гоненій избавиться.

6-е у великой княгини онъ милости напредъ сего не искалъ паке старался съ веденія Ея імператорскаго величества открывать

Ея письма и переписки, ибо тогда великая княгиня была совсемъ предана королю прускому, Швеціи и Франціи по тогдашней системѣ. Но какъ съ годъ тому времяни или полтора переменила Ея высочество совсемъ свои мнѣніи и возненавидела короля прускаго и шведовъ, кроме токмо что короля дядю своего весьма любитъ, то канцлеръ старался не токмо утвердить въ томъ Ея высочество, но и побуждать, дабы она великаго князя на такія же съ Ея імператорскимъ величествомъ согласныя мнѣніи привела, ибо хотя великая княгиня отъ преданности своей королю прускому и отстала, однакожь великой князь непременно ему преданъ остался, о чемъ великая княгиня и трудилася, но только ему сказывала, что труды Ея разрушаются, присовокупляя этому немецкую пословицу: was ich baue, das reissen die andere nieder—что я строю, то другія разламываютъ, и упоминая, что то дѣлаютъ наипаче полковникъ Броунъ пріродной прусакъ, оберъ-камергеръ Брокдорфъ и другія около великаго князя находящіяся офицеры, о чемъ онъ канцлеръ и Ея императорскому величеству доносилъ въ то время, но токмо о томъ не упоминалъ, что онъ всѣ сіи обстоятельства отъ самой великой княгини вѣдаетъ.

7-е что ни съ Штамбкеномъ ниже съ Понятовскимъ и ни другими какими конфидентами, коихъ у него не было, несоглашалъ и недумывалъ ни о какомъ плане ни на нынѣшнее время ниже будущее, да и возможно ли о томъ думать, ибо наслѣдство уже присягами всего государства утверждено, а ежели бы де помышлять о принцахъ Беверискихъ, но напротиву того онъ дѣйствительно помышлялъ и уже началъ было своею рукою сочинять планъ, дабы ихъ изъ государства такимъ образомъ выслать, что они во омерзеніи и крайней ненависти у онаго будутъ, и сей проектъ найдется въ письмахъ его кабинета.

8-е сколько забираемыхъ Пуговишниковымъ изъ комнаты Ея імператорскаго величества писемъ есть, тѣ всѣ частію въ запечатанномъ шкафу, частію же внизу въ канцеляріи лежатъ.

9-е чтобъ онъ великаго князя научалъ мешать или препятствовать разговорамъ Ея імператорскаго величества съ послами, то онъ Богомъ свидѣтельствуется, что онъ того никогда не думывалъ, а наіменьше какое злое намереніе въ томъ имѣлъ, но статься можетъ, чего однако же онъ не памятуетъ, что какъ іногда великой князь удалялся, то онъ ему показывалъ, что такое удаленіе неприлично, а особливо, что великой князь, вступая иногда темъ времянемъ въ разговоры съ малыми людьми, оными совсемъ засланивался.

III.

кты

ой совѣтникъ и Штамбке допраторыя онъ сходно наикратчайше и ать имѣетъ, какъ особливая прила.

ли ему барону какъ и протчимъ министрамъ затованіи бывшаго кева-Рюмина?

нъ-ли онъ изъ той бывшей канцлеръ нъ обвиненъ, что величество ос-

Отвѣты

На 1-е—дана.

На 2-е—всемерно усмотрелъ.

8-е. Сколько оныхъ было?	На 8-е — выше уже показано, что не было.
9-е. Не отъ іностраннаго-ли министра тѣ письма ему доставляемы были для пересылки къ бывшему канцлеру подъ его кувертомъ?	На 9-е — нѣтъ, подъ его кувертомъ никакихъ писемъ не было.
10-е. Кто таковъ сей министръ?	На 10-е — на сіе отвѣтствовать не можетъ, ибо никакихъ писемъ подъ своимъ кувертомъ туда не посылывалъ.
11-е. Не получалъ-ли на то къ нему и отвѣта?	На 11-е и 12-е — можетъ быть его служитель оныя получалъ и доставлялъ далее.
12-е. Отвѣты на чужія письма были-ли отъ него доставляемы далее?	
13-е. Къ кому сіи отвѣты писаны были?	На 13-е — не знаетъ.
14-е. Неизвѣстно-ли ему содержаніе тѣхъ отвѣтовъ?	На 14-е — нѣтъ, ибо онъ совсѣмъ ничего о томъ не знаетъ.
15-е. Въ чемъ оное состояло?	На 15-е — подтверждаетъ сказанное.
16-е. Кого онъ къ переноскѣ писемъ употреблялъ?	На 16-е — того своего служителя, который арестованъ.
17-е. Не больше-ли какъ одного онъ къ тому употреблялъ?	На 17-е — нѣтъ.
18-е. Какъ того служителя зовутъ?	На 18-е — о томъ уже выше показалъ.
19-е. Не імѣетъ ли онъ въ своихъ рукахъ писемъ бывшаго канцлера?	На 19-е — не имѣетъ.
20-е. Не знаетъ ли что у кого изъ іностранныхъ министровъ оныя есть?	На 20-е — не знаетъ и ни малѣйшаго ему о томъ неизвѣстно.
21-е. Не имѣлъ-ли хотя предъ симъ отъ него писемъ въ сохраненіи?	На 21-е — нѣтъ.
22-е. Можетъ-ли онъ въ потребномъ случаѣ присягою утвердить,	На 22-е — конечно присягою утвердить можетъ, что ни какихъ

…исемъ въ рукахъ … истребилъ оныя, … гдѣ бы оныя най… …или у кого въ со…

у себя въ рукахъ не имѣетъ, но въ томъ признавается, что предъ симъ отъ канцлера нѣсколько билетовъ получилъ, кои зжегъ.

…ператорское высочество великой князь всероссiйской …рцогъ шлезвигъ голштинской соизволилъ самъ въ …его оберъ-камергера генералъ маiора и кавалера …аго совѣтника барона Штамбкена на вышеописанныя …мъ кабинете допросить и оныя съ учиненными на …ще прочитать велеть, и помянутой тайной совѣтникъ …мъ подтвердилъ; а притомъ въ сохраненiи секрета …лся; то ему домовой арестъ объявленъ и темъ до…

…въ С.-Петербурге февраля 28 дня 1758 году.

Петръ
великой князь
I. I. Цейсъ.

IV.

предосудительнаго въ себѣ не содержали. Но понеже къ тому присовокупилъ точныя слова, *что подозрѣніями ничего доказать не можно*, то изъ сего ясно, что ты надежду свою только въ томъ полагаешь, якобы прямыхъ доказательствъ не будетъ, а впротчемъ уже признаваешся, что къ подозреніямъ много притчины подано, и такъ імѣешь ты точно объявить, чего подозреніями доказать не можно, такожe и то противу кого совѣтуешь ты поступать смело и бодро съ твердостію?

2-е. Не имѣешь ты нужды ссылаться, что фельдмаршалъ Апраксинъ можетъ самъ показать, чрезъ кого посланъ былъ отвѣтъ съ поздравленіемъ и каково содержаніе онаго. То извѣстно и безъ тебя; но какъ письмо твое къ великой княгинѣ явно обличаетъ, что ты о содержаніи онаго вѣдалъ и для того только великую княгиню остерегалъ, дабы она не промолвилась и тебя не изобличила, что ты напрасно таишъ, то молчаніе твое уже неприметcя инако какъ за умышленное упорство и потому всѣ подробности сего отвѣта объявить имѣешъ.

3-е. Клятва твоя въ пятомъ пункте отвѣтовъ, якобы ни съ Штамбкеномъ ни съ Понятовскимъ неімѣлъ ты никакихъ въ необыкновенное и нощное время конференцій возбуждаетъ паче всего праведной гнѣвъ Ея імператорскаго величества, обличаетъ твое упорство и наказанія достойную надѣжду, хитростію коварствомъ и інтригами загладить тѣ преступленіи, въ коихъ ты уже страдаешь. Ея імператорское величество такъ точно и подлинно знаетъ, что Понятовскій и Штамбкенъ были у тебя почти ежедневно и во всякое сутокъ время и сиживали очень долго, что о томъ и не спрашиваетъ, но хощетъ только дабы ты не обинуяся и не ища околичностей до прямаго дѣла не принадлежащихъ прямо объявилъ, въ чемъ сіи конференціи состояли, ибо объ нихъ Ея імператорскому величеству такими записками доносимо не было, какъ ты доносилъ всегда о бытности у тебя другихъ министровъ?

4-е. Чрезъ кого ты свѣдалъ, что великая княгиня вдругъ свои мысли переменила и возненавидя короля прускаго и шведовъ, любить токмо весьма короля своего дядю и что за притчина была такой скоропостижной пременѣ?

5-е. Какимъ образомъ открылась тебѣ великая княгиня толь много, что имяновала тебѣ всѣхъ тѣхъ, кои развращаютъ великаго князя, когда ты говоришъ, что милости Ея никогда не искалъ?

6-е. Что ты зачалъ сочинять планъ о высылкѣ принцовъ Бевернскихъ, то хотя и предъявляешь ты поводомъ къ тому открытіе шпіона,

который будто въ Берлине объ нихъ спрашиванъ былъ, однакоже когда разсматривается, что подобныхъ изъ Берлина вѣдомостей и напредъ сего Ея імператорскому величеству много чрезъ тебя приносимо бывало, а ты однакоже о подобномъ плане никогда не помышлялъ, то всемерно надобно, чтобъ теперь совсѣмъ другія побудительныя причины ты къ тому имѣлъ, а особливо что ты началъ сей планъ составлять въ такое время, когда явно усматривалъ недовѣренность къ себѣ и неудовольствіе отъ Ея імператорскаго величества, а напротиву того вступилъ въ толь темное соединеніе и согласіе съ великою княгинею. І потому имѣешь показать, чрезъ кого ты къ сему побуждаемъ былъ.

7-е. Что принадлежитъ до конференцъ секретаря Волкова, якобы ты его разумелъ въ письме твоемъ къ великой княгинѣ, то хотя и подлинно онъ продерзостию молодости могъ бы за того почтенъ быть, которому ты помогалъ въ его нещастіи, однакоже чтобъ ты его разумелъ симъ письмомъ, тому Ея імператорское величество никакъ поверить не можетъ, ибо вопервыхъ великой княгинѣ того выразуметь нельзя, а другое для тебя же самаго весьма наказанія достойно, чтобъ ты великую княгиню научалъ употребить себя и имя великаго князя къ (толь подлымъ) такимъ внушеніямъ и потому прямо имѣешь показать кого ты симъ письмомъ разумѣлъ?

8-е. Точно извѣстно Ея імператорскому величеству, что много куріеровъ отправлено было отсюда тобою къ гетману въ Украину [1] и потому точно же объявить імѣешь кто были тѣ куриеры? сколько ихъ всѣхъ было? съ чемъ и когда посыланы?

9-е. Что кавалерию Бѣлаго орла для Штамбкена выпросилъ ты у короля польскаго о томъ Ея імператорскому величеству точно извѣстно, и такъ спрашивается только по чьему отсюда прошенію ты то дѣлалъ и (чрезъ кого о томъ въ Варшавѣ домогался) для чего?

10-е. Сверхъ тѣхъ писемъ, о которыхъ ты уже винился, что получалъ отъ великой княгини чрезъ Бернардіа, извѣстно Ея імператорскому величеству что еще гораздо больше таковыхъ какъ отъ Ея высочества къ тебѣ, такъ и отъ тебя къ ея высочеству чрезъ того же Бернардія переносимо было. И потому надлежитъ тебѣ показать, въ чемъ точно состояла сія переписка? гдѣ теперь всѣ сіи письма? для чего пересыланы были они не прямымъ каналомъ, но

---

[1]) «Для примечания и извѣстия, что о семъ секрете никому извѣстно быть не могло, кроме Теплова; онъ единственно зляся на Елагина і Бестужева тайнымъ доносителемъ былъ».

столь непозволительнымъ образомъ? и отъ чего не доносилъ ты о томъ никогда Ея імператорскому величеству? Буде сжегъ, то для чего?

11-е. Его высочеству великому князю говорилъ ты, что ежели его высочество непрестанетъ таковъ быть, каковъ онъ есть, то ты другія мѣры противъ него возмешъ. Потому имѣешь ты явственно изъяснить, какой ты хотѣлъ въ великомъ князе перемены, и какія другія мѣры принимать думалъ?

V.

1758 году марта 4 дня между другими бывшему канцлеру Бестужеву учиненными допросами спрашиванъ онъ былъ: въ чемъ состояли особливо конференціи его съ саксонскими министрами?

На сіе онъ отвѣтствовалъ: что сверхъ того какъ прежде показалъ, а імянно что будучи графомъ Брилемъ остереженъ о данной маркизу Лопиталю секретной інструкціи стараться здѣсь о его низверженіи, искалъ чрезъ польской дворъ подать о себѣ лутчія мнѣніи французскому и венскому дворамъ и чрезъ то избавиться отъ ихъ гоненій, припамятовалъ онъ еще къ большему того объясненію слѣдующее:

Посолъ графъ Эстергази открылся дацкому здѣсь умершему министру Малцану и бывшему здѣсь шведскому полковнику графу Горну, а они оба ему:

1-е, что онъ своимъ кредитомъ и представленіями то здѣлалъ, что соизволила Ея імператорское величество учредить при дворе своемъ канференцію, дабы канцлеръ неімѣлъ больше въ дѣлахъ такой силы, какъ прежде.

2-е, что будто Ея імператорское величество непринимаетъ никакой важной резолюціи, непосовѣтовавъ прежде съ нимъ, посломъ, и

3-е, что онъ представлялъ Ея імператорскому величеству въ день свадьбы покойный Маріи Симоновны, дабы при будущихъ съ Франціею негоціаціяхъ, канцлеръ совсемъ изъ оныхъ исключенъ былъ, ибо де на него полагаться нельзя, паче же опасаться надобно, что онъ всякія препоны дѣлать будетъ, по своей преданности къ Англіи.

Сверхъ того дацкой посланникъ Остенъ нашелъ все то въ депешахъ ко двору своего предецессора Малцана и увѣдомилъ о томъ Понятовскаго, который послу графу Эстергази и выговаривалъ, для чего онъ такъ канцлера гонитъ; но Эстергази Понятовскому во всемъ

заперся, а сказывалъ напротиву того, что будто Ея імператорское величество къ нему открылася, что хочетъ канцлера изключить изъ будущихъ съ Франціею негоціацій, а онъ Эстерази будто напротиву того Ея імператорскому величеству представлялъ, что конечно надобно дабы канцлеръ былъ еще при совершеніи всехъ тѣхъ негоціацей, кои къ твердому установленію нынѣшней системы потребны будутъ, или де разве уже лутче его отъ всѣхъ дѣлъ отставить.

Что все сіе и стараніе его разведывать о подвигахъ графа Эстергазіа и остерегаться отъ оныхъ причинялй дружбу его и соединеніе съ графомъ Понятовскимъ.

VI.

По сему допрашиванъ марта 7-го дня 1758 году.

Допросы бывшему канцлеру Бестужеву (Рюмину).

1-е. Въ отвѣте твоемъ на учиненныя тебѣ въ 4-е же сего мѣсяца вопросы ты показалъ, якобы только одинъ пакетъ присланный къ тебѣ изъ гетманского дому переслалъ ты къ нему въ Украину съ почтиліономъ и то изъ Москвы.

Но какъ Ея імператорскому величеству точно извѣстно, что больше отъ тебя къ нему отправленей было, и буде ненарочныхъ почтильоновъ, то эстафетъ, а притомъ ты уже признался, что вѣдалъ о прилагаемомъ великою княгинею стараніи Апраксина съ гетманомъ примирить [1], то конечно ты объявить долженъ, сколько всѣхъ отправленей отъ тебя къ гетману было? въ чемъ оныя состояли? откуда къ тебѣ пакеты для того приношены и чрезъ кого, такожъ съ какимъ для отправленія ихъ прошеніемъ?

2-е. Весьма разгнѣвана Ея імператорское величество, что ты продолжаешь запираться и въ такихъ дѣлахъ, коихъ признаніе неподвержено никакому слѣдствію и о коихъ Ея імператорское величество наилутче извѣстна. Ты показалъ якобы ни тебя никто не просилъ, ни ты въ Варшавѣ не домогался о присылкѣ кавалеріи Бѣлаго орла Штамбкену. Ея імператорскому величеству и то извѣстно, что по твоему наученію составленъ здѣсь и тотъ рескриптъ, на

---

[1]) «Тоже примечанія достойно, что о семъ кроме Теплова никому извѣстно не было, ежели онъ подобно тому въ новомъ тайномъ совѣте (о чемъ еще примечателю неизвѣстно) поступать будетъ і всехъ перессоривать, то не нахальствомъ но скромностию, чистою совѣстию і искуствомъ Ададуровъ превосходить будетъ».

которой ты ссылаешься и которой здѣсь Понятовскимъ о сей кавалеріи предъявленъ. I такъ изъ единаго милосердія хочетъ токмо хотя въ одномъ пункте видеть чистое твое признаніе.

3-е. Повелеваетъ Ея імператорское величество дабы ты обстоятельно объявилъ, какимъ образомъ Апраксинъ вошолъ въ такой кредитъ у великой княгини, и кто его въ оной ввелъ.

(4-е. Извѣстно тебѣ что 8-го числа сентября минувшаго года въ Царскомъ Селе имѣла Ея імператорское величество нѣкоторой припадокъ болезни. А напротиву того памятно тебѣ, что Апраксинъ стоя подъ Тильзитомъ имѣлъ намереніе сіе мѣсто укрепить и гарнизономъ снабдить, такъ что принятое потомъ вдругъ 14 и 15-го числа въ ночь намереніе все бросая съ поспѣшеніемъ назадъ идти, справедливую притчину подаетъ не только подозревать, но и несумненно вѣрить, что конечно онъ о помянутомъ припадкѣ увѣдомленъ былъ. И потому имѣешь ты показать, не ты-ли его о семъ увѣдомилъ, или хотя не вѣдаешь-ли ты, что кто либо другой то здѣлалъ?).

VII.

1758 году марта 30 числа бывшей канцлеръ Бестужевъ въ комисіи допрашиванъ:

1.

Теперь Ея імператорскому величеству нечаянно но вдругъ и точно извѣстно стало, что Понятовской не для дѣлъ короля польскаго и не по его величества благоизобретенію, но единственно твоимъ проискомъ здѣсь по отзыве уже паки оставленъ, и потому имѣешь ты объявить для чего ты искалъ его здесь одержать.

1758 году марта 30 числа бывшей канцлеръ Бестужевъ на учиненные ему роспросы отвѣтствовалъ:

на 1-й.

Признавается, что подлинно после получения графомъ Понятовскимъ его отзыва старался онъ чрезъ саксонскаго совѣтника посольства Прасса остановить его Понятовскаго здесь, но ни къ графу Брилю, ни къ князю Волконскому о томъ не писалъ, а сие искание производилъ только для того, что видя на себя гонение пословъ графа Эстергазия и маркиза Лопиталя желалъ по меньшей мере одного благоприятнаго иметь себѣ министра, а толь

больше графа Понятовскаго, что оной увѣдомлялъ его обовсемъ что услышитъ отъ графа Эстергазия и Лопиталя, какъ о томъ уже и прежде показалъ.

А что онъ искалъ Понятовскаго здесь удержать, по полученіи уже его отзыва и зная, что Ея імператорскому величеству присудствие его здесь неугодно, въ томъ проситъ монаршаго помилованія, а имянно что собственную свою пользу предпочелъ всевысочайшему имянному Ея імператорскаго величества соизволению, а больше того отнюдь никакихъ иныхъ видовъ во удержаніи его здесь неимелъ.

2. — на 2-й.

лтыкову при от- — Посланника Салтыкова какъ при

между тѣмъ о сей покупке правду объявить имѣешь.

На сие имѣешь ты объявить сущую правду какъ тебе предъ всемогущимъ на страшномъ и праведномъ его суде стать и приобщиться страшнаго таинства тѣла его и крови.

платить ему по шести процентовъ за все то сколько уплачено не будетъ, то съ одной стороны показываетъ его недостатокъ, а зъ другой докажется оригинальными росписками камеръ гера Рамана Ларионовича Воронцова, что онъ тѣ проценты дѣйствительно платилъ.

Во всемъ томъ показалъ онъ сущую правду и ничего не утаилъ въ чемъ утверждаетъ присягою и страшнымъ таинствомъ тѣла и крови христовой, въ противномъ же случае ежели инако изобличенъ будетъ подвергаетъ себя праведному и жесточайшему наказанию.

VIII.

1758 году апреля 7-го дня при разборе остальныхъ бывшаго канцлера Бестужева писемъ нашелся пакетъ надписанной собственною его рукою: отъ барона Пехлина для собственнаго и единственнаго его извѣстія. Въ ономъ пакете найдено:

1-е. Оригинальной поскриптъ къ нему отъ принцессы Ангальтъ Цербстской которымъ рекомендуетъ она графиню Бентинкову къ подкрепленію противу гоненій прускаго и французскаго дворовъ, и копія съ сего поскрипта, списанная рукою тайнаго совѣтника Пехлина, которая темъ примечательна, что вмѣсто прускаго и французскаго дворовъ, написанъ одинъ Брусельской, а для другаго мѣсто оставлено, хотя впротчемъ никакихъ противу оригинала погрѣшностей нетъ.

2-е. Копія списанная имъ же Пехлинымъ съ письма принцессы Цербстской къ Ея высочеству великой княгинѣ изъ Цербста отъ 21 февраля н. ш. прошлаго 1756-го году, слѣдующаго содержанія:

Невозможно чувствовать большей радости и большаго признанія, какъ чувствовала я, получа дражайшее вашего імператорскаго

высочества писаніе, которое вы для меня господину Салтыкову ввѣрить изволили. И подлинно что можетъ сравниться съ радостію видеть такого человѣка, который виделъ васъ въ нынѣшнемъ вашемъ состояніи, или что пріятнее быть можетъ какъ слышать отъ него о вашемъ дражайшемъ здравіи, и что целая нація возсылаетъ объ васъ къ Богу молитвы. Старайтеся сохранить ея въ сихъ склонностяхъ, то есть продолжайте слѣдовать (сентиментамъ) добродѣтели, премудрости и человѣколюбія, а Богъ устроитъ все протчее, и іcполнитъ надъ вами всѣ мои благословенія, которыхъ усердіе усугубляется, по мѣрѣ того какъ вы къ разрѣшенію отъ своего бремѣни приспѣваете, и отъ которыхъ я всякаго благополучія ожидаю по всѣмъ тѣмъ предвозчувствованіямъ, кои я въ первой разъ имѣла. Господинъ Салтыковъ немедленно отъѣзжаетъ въ Гамбургъ. Я его просила, чтобъ онъ склонилъ брата своего чрезъ здѣшнее мѣсто ѣхать, когда онъ возвращаться будетъ. Я снедаюсь желаніемъ его видеть. Ежели бы можно было изходатайствовать ему указъ, чтобъ онъ ѣхалъ ближайшею изъ Гамбурга дорогою, то натурально надлежало бы ему проѣхать чрезъ здѣшнее мѣсто.

Потомъ жалуясь, что после герцогини голштинской ей ничего въ наслѣдство неоставлено, присовокупляетъ, что она симъ ударомъ была бы поражена, ежели бы еще отказано ей было и въ тѣхъ знакахъ милости и благоволенія, кои она проситъ Ея імператорское высочество ей изходатайствовать, или [говоритъ она] ежели бы я тщетную имѣла на тѣхъ надѣжду, кои для себя тысячу способовъ имѣютъ, и кои могутъ такъ сказать подвигать небо и землю и сильныхъ союзниковъ. Я же для себя ни одной изъ сихъ выгодностей не имѣю. Не имѣю я более какъ только дражайшее ваше сердце и дружбу его сіятельства господина великаго канцлера. Въ томъ одномъ состоятъ всѣ мои высокія права и преимущества. Удостойте только употребить оныя въ дѣйство, они одни достаточны будутъ рѣшить дѣло въ мою пользу.

3-е. Копія Пехлиновой руки съ письма ея же принцесы цербстской къ бывшему канцлеру изъ Цербста отъ 21-го февраля 1756-го слѣдующаго содержанія:

После последняго моего письма не мешкала бы я около двухъ мѣсяцевъ ваше сіятельство просить, дабы по дружбѣ и одолженіямъ вашимъ увѣдомили меня о состояніи государыни великой княгини, и о собственномъ вашемъ здравіи, ежели бы справедливо не воздерживалася, зная какъ непрестанно упражнены вы трудами славными вашему достоинству, и толь благополучными, коль отъ

всѣхъ удивляемыми въ настоящихъ европейскихъ обстоятельствахъ. Весь свѣтъ о томъ вопіетъ, мой государь, а я радуюсь, что увѣдомляя васъ о томъ могу способствовать въ дѣланіи вашихъ трофей. Теперь исполняю я сіи должности съ толь большею радостію, ибо долженствую вамъ мое удовольствіе видеть здѣсь молодого господина Салтыкова. Позвольте, чтобъ я васъ за то благодарила и притомъ увѣдомила, что поданныя мнѣ отъ него увѣдомленіи о вашемъ здоровье много смутили мое о томъ удовольствіе, впротчемъ я такъ у него о томъ навѣдывалась, якобы никакого въ томъ участія неимѣла, и будто по одной только учтивости къ знакомому мнѣ первому министру. Я теперь желаю, чтобъ сіе письмо застало ваше сіятельство въ добромъ на долгія времена здравіи. Ревность моихъ желаней разпространяется теперь паче на нашу дражайшую великую княгиню. Ваше Сіятельство изволитель и нынѣ также обо мне припамятовать какъ и прежде. Я признаваюсь, что куриеръ вами избранной и съ которымъ бы я откровенно говорить могла, причинилъ бы мне весьма чувствительное удовольствіе. Съ старшимъ господиномъ Салтыковымъ я еще не говорила, ибо по кончинѣ матери моей не имѣю больше претекста въ Гамбургъ ѣхать, а какъ сказываютъ онъ отозванъ, то не можете ли ваше сіятельство прислать къ нему повеленіе, дабы онъ чрезъ здѣшнее мѣсто или хотя только ближайшею дорогою ѣхалъ въ Дрезденъ, ибо тогда онъ необходимо и безприменно здѣсь былъ бы. Я не сумнѣваюсь, чтобъ не получили ваше сіятельство во свое время моихъ двухъ пакетовъ отъ 26-го декабря, одинъ чрезъ тайной каналъ, которымъ и сіе письмо отправляется, а другой чрезъ господина Гроса въ Дрездене. Могу-ли я, мой господинъ, повторительно вамъ рекомендовать содержаніе послѣдняго важнаго, а мое признаніе ни съ чемъ не сравнится. Я не сумнѣваюсь, чтобъ я неімѣла соревнителей может быть опасныхъ своими факціями; но благосклонности вашего сіятельства, ваша дружба и ваше усердіе и преданность къ великой княгинѣ суть единственными моими оружіями. Впротчемъ ссылается на приложенное притомъ письмо къ великой княгинѣ, которое выше прописано.

В ъ о к о н ч а н і и:

Вашего сіятельства

покорнѣйшая, одолженная и преданная пріятельница и услужница

Елисаветъ.

IX.

Madame.

Il est impossible de recevoir avec une joie plus vive et plus de reconnoissance la charmante lettre que Votre Altesse Imperiale a confié pour moi à Monsieur de Soltikoff. J'en sens tout le prix, et j'y suis sensible à pleine mesure. Quelle joie pour moi, Madame, de voir une personne, qui Vous avoit vuë dans l'etat ou Vous etes? et quelle douceur pour moi, que ce qu'il m'a dit sur Votre chere santé, et les voeux de toute une nation pour Vous. Continuez à maintenir ses dispositions: c'est à dire, continuez à suivre les sentiers de la vertu, de la belle, juste et judicieuse prudence et de l'humanité, Dieu fera le reste, et Vous laissera jouir de toutes mes benedictions, dont la ferveur redoublée vers le terme heureux, dont Vous aprochez et dont je ne me promet avec toutes les precedentes présentimens de la premiere fois que du bonheur. Monsieur de Soltikoff part incessament pour Hambourg. Je l'ai prié d'engager Monsieur Son Frere à prendre son retour par ici. Je grille de le voir. S'il y avoit mojen de lui procurer un ordre exprez, ou la permission de prendre le chemin le plus court d'Hambourg, il arriveroit naturellement à passer par ici.

Le Testament de ma respectable mere est ouvert et communiqué. Elle laisse argent contant 485908 ecus d'Allemagne. Une partie est traduit en fidicommis en faveur de mes Freres cadets, il y a du reste de gros legs pour mes soeurs, outre les bijoux, nipes, porcelaines, le cabinet, avec ce qu'il enferme de pieces pretieuses, et l'argenterie, que l'on nomme communement le necessaire, et qui est fort belle, toilette etc. Mon Frere en Suede aura la vaiselle de Table et les meubles de la maison à Hamburg. Il y a encore de bons legs pour les Domestiques, surtout Mr. Eyben et Madame Finckenstein; cette derniere devoit meme participer aux bijoux. Pour moi, Madame, devinez ce qu'on m'a donne? rien du tout, pas la valeur d'un epingle. On tire en ligne de compte une partie de ma legitime, et on ne la remplit pas seulement, quoique j'aie eté precisement celle des filles, qui n'ait jamais rien coutée. Votre Altesse Imperiale sçait, qui c'est, à qui je dois le peu, que j'ai euë, qui sont presque tous brulés a Dornbourg. J'avoue que le point m'eut été sensible, si je pouvois penser, qu'il partit du coeur de ma mere: mais sans conter une bonne conscience, ne l'aiant jamais que respectée et cherie, je connoissois de longes mains la haine des Eyben, et de la race des Finckenstein contre moi, ainsi il m'est aisé de sentir d'ou, avec toutes les petites jalousies de personnes de mon

Sang contre moi, part le coup. Je sçais assez me respecter et la memoire d'une mere, pour ne pas m'emanciper sur ce sujet, ni en vouloir du mal aux gens, qui ont ainsi profité contre moi de la douceur de son caractere.

Cependant je serois aprez ce coup trop à plaindre, si j'avois encore le malheur d'etre refusée au sujet des gratieuses marques de bontés et bienveuillances, que j'ai a suplier Votre Altesse Imperiale de me donner et de m'aider à me procurer; ou si j'en etois frustrée par d'autres, qui ont mille voix pour eux, et qui pourront, pour reussir, remuer, ainsi dire, Ciel et terre, faire marcher des puissances alliees. Pour moi je n'ai aucun de ces avantages. Je n'ai pour moi, que Votre cher aimable coeur, Madame, ainsi que l'amitié de Son Excellence de Monsieur le Grand Chancellier. Voila mes illustres droits, voila mes prérogatives; daignez faire agir ces ressorts, elle seule sont propres à decider en ma faveur le gain de la cause. Je m'en repose sur eux.

Je n'ai encore jamais eue le moment de detromper Votre Altesse Imperiale, et ce sage Ministre sur l'article d'une de mes lettres il y a environ dix huit mois, regardant la Comtesse de Bentinck, que la calomnie m'avoit noirsie alors. J'ai aprofondis depuis, que c'a eté un coup d'intrigue. La Comtesse a du merite et beaucoup d'esprit. Elle a des ennemis par consequent, les connoit, ne les menages peut etre pas assez; cela suffit pour etre persecutée. Revenue de ma fatale erreur à Son egard, je me crois obligée en conscience de retracter ce que trompée par l'illusion j'avois avancée de la meilleure fois du monde. Je fais plus, il me semble que je le dois reparer. Elle est presentement à Vienne. Je sçait que l'Imperatrice Reine la distingue, et que cette grande princesse seroit obligée personnellement, s'il etoit possible de faire dire un mot en faveur de la Comtesse et de ses affaires aux maitres et aux Ministres par l'ambassadeur de Russie. J'en prie Monsieur le Grand Chancellier, et je Vous en dois avertir.

Mon fils Vous presente ses tres humbles devoirs. Il vient d'avoir eu le plus heureusement du monde la rougeole. Il ne l'a pas sçu et ne le sçaura pas sitot.

J'ai enfin attrapé un peintre. J'ai donc fait tirer nos trois portraits sur un meme tableau. Toute la famille y est jusqu' à mon petit chien. Cette piece sera achevée incessament, et partira avec les premiers vaisseaux. J'ai fait plus. J'ai fait tirer de cinq de ces portraits, que j'ai de Votre Altesse Imperiale, cette femme, qui s'en souvient, et parfaitement attrapée sa phisionomie. Monsieur de Soltikoff trouve les yeux admirables, c'est l'essentiel. Le morceau est unique, c'est pour

it, dont je ne sors presque pas, ou il n'y aura de
à là. Les figures sont in lebens Grösse. Votre Altesse
se. Monseigneur le Grand Duc à coté d'Elle. Un fort
ge, que j'ai lui presente à Elle à genoux le plus beau
le de fidelité) barbet noir d'Angleterre, qui soit dans
presentement mon amusement. Ce portrait cheri fera

ardens souhaits, et suis du plus tendre respect,

Madame

de Votre Altesse Imperiale la tres humble,
rier n. st. obeissante, fidelle mere et servante

Elisabeth.

X.

eur,

s tardée pres de deux mois depuis ma derniere, à
tié et aux soins obligeant de Votre Excellence des

Hambourg: comme on le dit rappellé, peut etre Votre Excellence auroit Elle jour à lui faire donner un ordre de passer par ici, ou bien, de prendre le chemin le plus court pour Dresden, a lors il y tomberoit naturellement.

Je ne doute pas, que Votre Excellence n'ait reçue en leur temps mes deux paquets du 26-me Decembre. L'un par la voie secrette, par laquelle celle-ci part aussi, l'autre par Monsieur de Gross à Dressen. Devois-je, Monsieur, Vous en recommander reiterement le contenu du dernier interessent et ma reconnoissance ne l'egalera point. Je ne doute pas que je n'aie des concurrents peut etre redoutables par leurs factions. Les bontés de Votre Exellence, Son amitié, Son attachemens pour la Grande Duchesse sont mes seules armes. Elle verra pas la lettre, que je Lui joint ici pour cette chere et auguste fille, que les gens d'affaires et mes ennemis auprés de feu ma Mere, ont si bien sçu profiter de la douceur de Son caractere, qu'elle leur donne beaucoup, et tout le reste à mes freres cadets, et à mes soeurs. Les deux premiers tirent de la masse 485908 ecus d'Allemagne argent content, sans les bijoux, nipes, vaiselle, meubles, qui restent aux derniers, excepté ma legitime, que l'on reduit à cinq mil ecus. Je suis toute exclue et entierement deheritée. Ce coup qu'une bonne conscience me rend supportable, et que je respecte de la main cherie, dont-il me part, m'absorbe en ce qu'il m'enleve ma derniere resource. Je me flatte que Votre Excellence m'accordera celle qui me reste, et persuadée du merite que j'y attache vu ma situation, le sera de la consideration dont je suis,

Monsieur,
de Votre Excellence
la tres humble acquise et devouée
amie et servante

Elisabeth.

Zerbst, 24 fevrier, 1756.

P. S.

Je ne dois pas laisser ignorer à Votre Excellence, que revenue entierement de la mauvaise opinion, que je Lui ai temoignée au sujet de la Comtesse Bentingk, je trouve que c'est une personne de merite, sur la quelle des intrigues dont elle s'est entierement purgée envers moi, simplement malheureuse et fort à plaindre, de façon que ce seroit un ouvrage de dignité, que de vouloir bien s'interesser pour Elle. Elle est presentement à Vienne pour le cruel procés, par lequel les cours de Brussel et de... ont voulu lui enlever tout son bien. L'imperatrice Reine la distingue. Cette Grande Princesse seroit ravie d'etre poussée

tection à lui en accorder. Votre Excelence permet Elle en fasse la requisition, confie ses lettres à Monsieur yserling. Ce que j'en propose est sous bons auspices; t on pas paroitre pour se procurer un moien d'obliger. xcellence de me repondre à cet article par un P. S. iendra d'un nombre de Princes, dont je lui ai parle, admis aux armées. Il y a un de la maison d'Anhalt e Schaumbourg, qui me fait à cet egard une vraie per- deja desesperée, et eté au point, qu'afin que Votre revenuë. Je le mandai à Monsieur de Gross à Dresden, qu'Elle le fut deja. Presentement ce prince eternel s paquet; etant sous Votre adresse, Monsieur, je n'ai je le fais partir tout de suite à Monsieur de Gross. s pourriez faire quelque chose pour Lui, je le recom- r du nom. J'ose egalement Vous recommander le cor- nte je crois d'Espach. Je suis parfaitement etc.

XI.

йденнымъ въ переписке Апраксина съ Бестужевымъ камъ. Ея імператорскому величеству третьягодня то его мѣсяца всенижайше поднесеннымъ, комисія взяла

чилъ шесть, а напротивъ того, бывшей канцлеръ неотменно утверждаетъ, что не пересылалъ къ нему более, какъ только три а много что четыре письма, и потому показать надлежитъ, чрезъ кого протчія получены и пересылаемы были.

2-е.

NB. Апраксинъ показывалъ, якобы свои отвѣты непосылалъ инако какъ чрезъ канцлера.

Неотменно же бывшей канцлеръ утверждаетъ, что никакихъ на то отвѣтовъ неполучалъ, и потому показать надлежитъ, чрезъ кого оныя отправляемы были.

3-е.

NB. Веймарнъ самъ признался, что Бестужевъ отправлялъ съ нимъ письмо великой княгини къ Апраксину.

Генералъ-квартирмейстеръ Веймарнъ въ допросе показалъ, что когда онъ приѣхавъ въ Ригу отдалъ фельдмаршалу свои письма и притомъ ему то пересказалъ, что ему отъ канцлера поручено было, то фельдмаршалъ, прочитавъ письмо великой княгини, оному неувѣрился, но осердился и сказалъ: я знаю канцлеровы финты, а потомъ вынувъ изъ шкатулки другое письмо сличалъ съ онымъ руку и нашодчи, что сходна, сказалъ, ну хорошо, и все то заперъ въ ту же шкатулку.

И какъ съ нимъ Веймарномъ отправлено было письмо побудительное, и по видимому первое такого содержанія, то надлежитъ фельдмаршалу очистить, съ какимъ письмомъ сличалъ руку, сколько техъ предъидущихъ писемъ было, чрезъ (что) кого ихъ получалъ и какого они содержа-

противу всего
но показываетъ,
мъ неразумелъ,
у сими словами
ричемъ справед-
и подлинно лут-
объяснить, что

нія, а особливо не было-ли въ нихъ вмѣсто побужденія къ походу отсовѣтованія отъ онаго.

4-е.

Ему же надлежитъ изъяснить, что разумелъ въ письме своемъ отъ 17-го февраля сими словами: „Токмо крайне сожалею, что иногда безвинно, не зная вашего сіятельства нынѣ пребывающихъ сентиментовъ, которыя иногда по обстоятельствамъ не преминились-ли, столь откровенно и дерзновенно писавъ, не прогнѣвляю-ли васъ, милостиваго государя, а поелику въ бытность мою въ Петербурге сентименты вашего сіятельства мнѣ были извѣстны, и по всѣмъ тогда бывшимъ разговорамъ согласованіе ваше со мною было и я отнюдь нимало не от-

„такъ увѣрь его что сіе письмо великой княгини, и ея рукою писано, и скажи ему, чтобъ не сумнѣвался ничего“.

Сіи слова довольно показуютъ, что они внутреннія другъ у друга мнѣнія весьма хорошо разумели, и потому Апраксину вѣрно показать надлежитъ, для чего присланному къ нему побудительному письму княгини неувѣрялся и для чего назвалъ оное канцлерскою финтою, ибо сіе недовѣреніе показуетъ, что онъ о мнѣніяхъ великой княгини инако увѣренъ былъ.

7-е.

Апраксинъ прислалъ письмо къ графу Александру Ивановичу Шувалову отъ 8-го числа сего мѣсяца, якобы после того, какъ комисіею спрашиванъ былъ, вспомнилъ онъ, что онъ одно письмо къ великой княгинѣ послалъ чрезъ Измайлова.

А какъ канцлеръ твердо стоитъ, что совсѣмъ никакого отвѣта отъ Апраксина на письма великой княгини не получалъ и въ томъ готовъ претерпевать нанжесточайшее истязаніе, да теперь уже открылось, что были и другія каналы: то всемерно надобно, чтобъ Апраксинъ показалъ, чрезъ кого свои отвѣты присылалъ, и сколько ихъ всѣхъ было, ибо нечаятельно, чтобъ онъ такъ рѣдко отвѣтствовалъ. Великая княгиня приняла бы то конечно за пренебреженіе

NB. Апраксинъ допрашиванъ былъ 4-го числа сего мѣсяца и утверждался, что писемъ своихъ ни чрезъ кого непересылалъ, какъ чрезъ Бестужева и невспамятовалъ о томъ инако ни 5-го, ни 6-го, ни 7-го числа; а какъ Веймарнъ 7-го числа пополудни взятъ, то справедливо дознаваться надлежитъ, что невспамятовалъ бы о томъ и далее, ежелибы не свѣдалъ, что Веймарнъ взятъ, ибо сіе Апраксина письмо писано на другой день по взятье Веймарна, а імянно 8-го числа сего мѣсяца.

и вѣрно не стала бы писать поздравительнаго письма.

Такимъ же образомъ нужно кажется допросить и Измайлова, дабы скоряе добиться, сколько всѣхъ писемъ было, и чрезъ кого пересылались, и какой матеріи, ибо когда канцлеръ допускалъ къ себѣ въ конфиденцію Веймарна то всемерно чаять надобно, что и Ізмаймовъ не вступился бы въ переноску писемъ, ежели бы о содержаніи ихъ не вѣдалъ и ежели бы прежде того въ крайней дружбѣ и конфиденціи съ Апраксинымъ небылъ.

XIII.

Генерала фельдмаршала Апраксина слѣдуетъ допросить:
(первые семь пунктовъ см. подъ № XI).

8.

Фельдмаршалъ Апраксинъ въ письме своемъ отъ 4-го марта 1757 года изъ Риги въ отвѣтъ на то при которомъ Бестужевъ отправилъ къ нему съ Веймарномъ первое письмо великой княгини изъясняется слѣдующимъ образомъ:

„Почтеннѣйшее Вашего сиятельства писание чрезъ генерала квартермейстера Веймарна я исправно получить честь имелъ, на которое впредь обстоятельно ответомъ служить буду, а теперь за учиненное мне какъ онымъ, такъ и словесными отзывами обнадеживанье о продолженіи вашей ко мнѣ милости и дружбы нижайше благодарю, которые я за наидрагоценнейшее сокровище себѣ всегда почитая взаимно ваше сиятельство удостовѣрить могу, что съ моей стороны дружба къ преданности къ вамъ до гроба ненарушима будеть".

Трудно чаять, что одни увѣренія о дружбѣ Бестужева были ему толь драгоценнымъ сокровищемъ; і потому показать надлежитъ прямое сей дружбы основание.

9.

Наконецъ обещанной выше въ восьмомъ пункте ответъ на то, что съ Веймарномъ отправлено и писано было воспоследовалъ изъ Риги отъ 9-го марта 1757 года и писанъ на немецкомъ языке рукою помянутого Веймарна.

Оной весьма пространенъ и содержитъ въ себе многия весьма важныя и примѣчания достойныя пассажи, но какъ оныя не токмо одинъ зъ другимъ связаны, но и часто могутъ иметь другое знаменование, когда экстрактомъ или вкратце выбираемы были бъ, то переводъ съ сего ответа при семъ подносится.

Наибольшаго примечания воономъ то достойно, что донынѣ думано, что Бестужевъ первой началъ переписку между великою княгинею и Апраксинымъ и что съ Веймарномъ отправлено было отсюда первое къ нему побудительное письмо, а теперь въ самомъ начале сего ответа усматривается, что Веймарнъ затемъ сюда и прислань былъ, дабы ближайшия объясненія получить, ибо Апра-

: „вы сами изволили ему Веймарну мнения свои со-
кою же откровенностию съ каковою дерзнулъ я его
ятельству отправить“.

пункту кажется надлежитъ не токмо допрашивать Вей-
двали безъ очныхъ ставокъ обойтиться можно будетъ.

ишетъ онъ же Апраксинъ къ нему Бестужеву: „Естьли
ъ письме моемъ упомянуть объ отмене сентиментовъ
мъ ни мало не разумелъ я собственной вашего сия-
жбы ко мнѣ, которую я за непоколебимую почитаю, но
лько догаткамъ о какой нибудь перемене мнения въ
апредъ сего системе всепокорнейше прошу ваше сия-
ять въ разсуждение по присланнымъ ко мне понуди-
замъ о поспешенiи похода и начатiи воинскихъ дѣй-
це зимою не надлежало ли мне чаять объ отмененiи
сиятельства, потому что опыя казались совсемъ про-
мерамъ, о коихъ ваше сиятельство еще при отъезде
нктъ Петербурга, а именно, чтобъ въ походъ не вы-
хъ поръ, пока все къ тому приуготовлено не будетъ,
со мною о томъ согласиться изволили“.

у еще ниже присовокупляетъ:

мнения вашего сиятельства какъ уже выше сего упо-

писать о перемене сентиментовъ, где онъ и точные его слова изобразилъ, то конечно Апраксинъ ничего ему во объяснение того не прибавилъ, а говорилъ только: „онъ уже будетъ разуметь, что я пишу; при отъезде у насъ о томъ инако говорено было“. 2-е, что Апрасинъ неоднократно къ нему въ Риге, да и потомъ въ походе отзывался канцлеръ-де подкупленъ венскимъ и саксонскимъ дворомъ и посылаетъ меня на жертву, но я де себя не продамъ.

Посему видится необходимо одного только Апраксина спрашивать, что онъ разумелъ переменою сентиментовъ и системъ, которые такъ часто въ письмахъ своихъ упоминаетъ.

XIV.

1757 году апреля 17-го дня въ учрежденной о бывшемъ канцлере Бестужеве комисіи Его сіятельство генералъ и кавалеръ графъ Александръ Івановичъ Шуваловъ объявилъ, что Ея імператорское величество указала подать Ея величеству какъ наискоряе сентенцію комисіи по найденнымъ до нынѣ винамъ помянутаго бывшаго канцлера Бестужева; и во іcполненіе сего имяннаго Ея імператорскаго величества высочайшаго повеленія определено подать Ея Імператорскому величеству докладъ слѣдующаго содержанія:

(слѣдуетъ черновой проектъ доклада, см. № XV).

XV.

Ея імператорскому величеству
всеподданнѣйшій докладъ
отъ учрежденной о бывшемъ канцлере Бестужеве-Рюмине комисіи.

По имянному вашего імператорскаго величества изустному повеленію вступили нижеподписавшіеся въ изследованіе преступленей и дѣлъ бывшаго канцлера Бестужева-Рюмина. По имянному и нынѣ соизволенію вашего величества пріемлютъ они смелость чрезъ сіе всенижайше представить, сколько ими до нынѣ по тому открыто и какое ихъ о томъ слабѣйшее мнѣніе.

Въ сіе изслѣдованіе хотя и вмешались по необходимости весма разныя матеріи, и оное такъ производимо было, какъ приходили

дѣла по малу во откровеніе; нижеподписавшіяся старались однако же всегда сколько можно различать и уважать пунктъ касающейся до вседражайшаго здравія и благополучнаго Государствованія вашего імператорскаго величества, отъ пункта всѣхъ прочихъ его преступленей.

Что до перваго принадлежитъ, то нижеподписавшіеся по должности, присягѣ и рабской вѣрности, дерзаютъ удостовѣрить ваше імператорское величество, что ни какихъ признаковъ нетъ, дабы онъ умышлялъ что либо противу вседражайшаго здравія или благополучнаго Государствованія вашего імператорскаго величества.

Протчія преступленіи его напротивъ того весма тяжки и крайняго наказанія достойны. За неокончаніемъ еще всего слѣдствія не можно описать ихъ всѣхъ съ точностію, однакоже по всему тому, что до нынѣ оказалось, и въ чемъ онъ уличенъ и признался, можно сказать съ чистою предъ Сердцевидцемъ совѣстью и такъ какъ долгъ и присяга того требуетъ, что самолюбіе сего бывшаго министра и суетное желаніе такъ долго быть великимъ, какъ бы онъ общему всѣхъ смертныхъ пределу подверженъ не былъ, толико имъ обладали, что упоенъ сею страстію, не разбиралъ онъ путей и способовъ, какими думалъ достигнуть любимое свое желаніе властвовать.

Оттого произошло, какъ изъ самыхъ его доказуется отвѣтовъ и дѣлъ, что присвоя себѣ самопроизвольно бо̀льшую власть, нежели надлежало, нестарался однакожъ учинить себя и несенію оной достойна строгимъ наблюденіемъ своей должности, но равно пренебрегая и что ему отъ вашего імператорскаго величества ввѣрено, и что самъ себѣ присвоивалъ, искалъ только гнусными и наказанія достойными інтригами и ухищреніями сохранить себя въ наружной знатности и властвованіи.

Оттого послѣдовало, что труды и время, которыя долженствовалъ онъ посвятить такъ какъ всю жизнь свою къ службѣ вашего імператорскаго величества употребилъ онъ съ крайнею продерзостію на такое дѣло, которое есть частію монаршескихъ регалей, и здѣлалъ себѣ въ томъ участниками такихъ людей, которымъ ниже вѣдать надлежало, что употребляютъ иногда въ дѣйство самодержцы имъ однимъ принадлежащее право, распечатырать партикулярныя письма, о чемъ въ отвѣтѣ его на допросы отъ 20-го числа минувшаго марта пространнѣе явствуетъ.

Сей къ інтригамъ склонности и безразсудному желанію быть безъ дѣла важнымъ и везде надобнымъ надлежитъ приписывать, что онъ разными злыми вымышленіями старался непрестанно и

чрезъ нѣсколько лѣтъ обносить вашему імператорскому величеству ихъ высочествъ, и ихъ высочествамъ внушать паки неудовольствіе противу вашего імператорскаго величества, и темъ вкоренять между імператорскою фамиліею несогласіе.

Самолюбіе сего бывшаго министра, и явное предпочтеніе собственной своей пользы и хотѣнія всему тому, что онъ долженствовалъ вашему імператорскому величеству и своей присягѣ, были тому причиною, что точныя и ему извѣстныя Вашего імператорскаго величества соизволенія, старался онъ неисполнять, но и тогда умышленно и тайно имъ противиться, когда оныя сами собою приходили ко исполненію, какъ то показуетъ отвѣтъ его на допросы отъ 30-го марта же, а имянно, что онъ старался графа Понятовскаго и въ то время здѣсь удержать, когда самъ король его отзывалъ, и когда онъ точно вѣдалъ, что пребываніе его здѣсь неугодно Вашему імператорскому величеству.

На томъ же самолюбіи его и алчномъ желаніи распространить кредитъ свой на безконечныя вѣки можно бы и то основывать, что онъ самъ вмешался и извѣстную вашему імператорскому величеству персону вмешалъ въ непозволенную переписку съ Апраксинымъ. Но сей весма важной пунктъ раздѣляется на два. Оной заключаетъ въ себѣ преступленіе противу государства, должности и присяги, и сугубое оскорбленіе величества.

Преступленіе, что когда онъ изъ держанныхъ ему отъ Апраксина еще до отъѣзда въ Ригу разговоровъ, и изъ медлительствъ его по прибытіи въ Ригу, заключалъ или видѣлъ, что Апраксинъ не имѣетъ охоты оттуда выступать и противъ непріятеля итти, и когда потому же чувствовалъ, что учиненными великими пріуготовленіями изтащевается и казна Вашего імператорскаго величества и все государство напрасно, что претерпеваетъ крайнюю нужду безполезно вмѣсте собранная многочисленная армѣя, что страждетъ всевысочайшее Вашего імператорскаго величества достоинство и слава и честь всея імперіи, когда толь торжественныя декларацiи остаются безъ исполненія, и что наконецъ пренебрегаются точныя монаршіи повеленіи; то для чего о томъ ни когда недоносилъ Вашему імператорскому величеству. Во всемъ томъ онъ не запирается и проситъ только помилованія.

Но когда притомъ во облегченіе сего преступленія объявляетъ, что онъ старался то поправить, и Апраксина къ походу и дѣйствіямъ побуждать, тогда дѣлается онъ сугубой оскорбитель величества.

Оскорбитель, что почелъ имянныя Вашего імператорскаго вели-

чества указы не такъ дѣйствительными и сильными, какъ собственное его или чье постороннее приказаніе.

Сугубой оскорбитель, что какъ бы ни было, нечувствительно раздѣлялъ онъ чрезъ то монаршую Вашего імператорскаго величества самодержавную, Вашему величеству отъ Бога, сколько по крови, более того по душевнымъ дарованіямъ и предъ нимъ заслугамъ или паче по его къ Россіи благоутробію, безраздельно ввѣренную власть; что нечувствительножь вводилъ чрезъ то соправителей, и что самъ дѣлался соправителемъ.

И подлинно, что иное изъ того заключать можно, когда онъ монаршія Вашего імператорскаго величества повеленія препровождалъ посторонними и себя ласкалъ, что оныя могутъ произвести лутчее дѣйство, какъ то въ допросахъ Веймарна и его Бестужева отъ сего мѣсяца пространнѣе усматривается.

Что до Апраксина принадлежитъ, то въ учиненномъ ему допросе онъ не заперься, что можетъ быть говорилъ Бестужеву тѣ слова, о которыхъ Бестужевъ объявляетъ, что оныя побудили заключать, что сей фельдмаршалъ охоты не имѣетъ изъ Риги вытти. Но какъ по тому далее неслѣдовало, то комисія не можетъ о томъ болѣе объявить, какъ только, что въ дѣле недозволенной переписки они равно виновны.

И такъ обращаясь къ Бестужеву комисія находитъ, что онъ наполненъ будучи суетными мечтаніями, якобы много или все можетъ собственнымъ своимъ кредитомъ, или паче інтригами, коварствомъ и происками, неисцелился отъ того и въ то время, когда бывъ арестованъ, имѣлъ чувствовать, что Всемогущій прекратитъ свое долготерпеніе, такъ какъ Ваше імператорское величество отъ природнаго великодушія принуждены были обратиться на конецъ къ правосудію. Ибо и въ томъ будучи состояніи, и зная, что Ваше імператорское величество по своему человѣколюбію, не ищете какъ только признанія и раскаянія, не хотѣлъ онъ однакожъ спасеніе свое имъ долженствовать, а старался вынудить себѣ оное новыми и большаго предъ прежними наказанія достойными происками.

Сего ради тотчасъ открылъ онъ писмянно такія дѣла, о которыхъ по имянному Вашего імператорскаго величества повеленію, съ темъ спрашиванъ былъ, дабы подъ смертною казнію не открывать о томъ никому во всю жизнь свою, и чрезъ то сей самой казни здѣлалъ себя достоинымъ, толь паче, что Генеральной Регламентъ въ главе пятъдесятой и за то уже смертную казнь опредѣляетъ, кто только ввѣренное его должности дѣло рановременно или кому не-

надлежало умышленно откроеть, а онъ открылъ такую священную тайну, о которой никто не можетъ помыслить безъ ужаса, какъ то пространнее явствуетъ въ отвѣтахъ его отъ 25 февраля и въ собственноручныхъ его письмахъ.

Темъ недовольствуясь, и не смотря на то, что собственными своими дѣлами явно, а совѣстію внутренно еще больше въ преступленіяхъ своихъ изобличаемъ былъ, отважился во время же своего ареста письмянно такихъ людей научать, что имъ отвѣтствовать, ежели они спрашиваны будутъ, о которыхъ только думалъ, что они спрашиваны будутъ, а другихъ таить о такихъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ самъ ихъ употреблялъ, и о которыхъ онъ того же самаго дня страшными клялся клятвами совсемъ ничего не вѣдать. Доказуютъ то отвѣты бывшаго при немъ регистратора Канцлера и его Бестужева отъ 14 числа минувшаго марта.

Въ такомъ окаменеиіи сердца пребылъ онъ и до сего часа. На всякое дѣло о которомъ онъ спрашиванъ былъ, изтощены всѣ увѣщаванія и угрозы, дабы получить отъ него повинную или объясненіе. И на всякое же дѣло изтощилъ онъ всѣ страшныя клятвы, дабы заставить вѣрить, якобы ничего о томъ не знаетъ, о чемъ спрашивается, а сколь скоро неоспоримая предъявляется ему улика, тогда извиняется слабостію памяти. Отговорка еще больше слабая, и ему же во обличеніе служащая, ибо, какъ выше показано, онъ и тогда клялся ничего не вѣдать, когда научалъ письмянно другихъ таить о томъ, что они къ тому отъ него употреблены были, о чемъ онъ спрашиванъ.

Не одинъ разъ во время многократно повторенныхъ ему допросовъ сіе случилось, но почти при каждомъ пункте, такъ что нижеподписавшіяся уже заключали, что гдѣ нетъ точныхъ и неоспоримыхъ уликъ, признаки, каковы бы велики и справедливы ни были, никогда достаточны не будутъ принудить его къ большему показанію и покаянію; а теперь когда онъ всѣ свои клятвы подтвердилъ самымъ пріобщеніемъ на томъ страшнаго таинства тѣла и крови христовы, то и более и справедливее утверждаются они во мнѣніи, что дальнѣйшее слѣдствіе непринудитъ его къ большему чистосердечію, когда уже къ тому и то не сильно было, что христіане имѣютъ наисвященнѣйшаго и страшнѣйшаго.

Подлинно могутъ изъ разбираемыхъ его писемъ и другими незапными иногда случаями оказаться такія дѣла, которыя послужили бы къ его обличенію; но какъ на передъ извѣстно, что въ такомъ случае отвѣтствовалъ бы онъ коротко, что утаилъ о томъ отъ

забвенія, а не съ умыслу, такъ видится, что все то, что впередъ откроется, не имѣетъ служить, какъ для извѣстія Вашего імператорскаго величества. А между темъ ничто не препятствуетъ, паче же требуетъ видиться правосудіе, и собственное Вашего імператорскаго величества человѣколюбіе, дѣлать скорое решеніе по сему дѣлу.

Преступленіи хотя и вкратце вышепрописанныя, дабы не утрудить Ваше імператорское величество пространнымъ чтеніемъ мерзостныхъ и гнусныхъ непорочной Вашего величества душѣ дѣлъ, однакожъ такъ ясны и доказательны, и наказаніе оскорбителямъ величества, преступникамъ монаршихъ повеленій и изменникамъ священной коронованныхъ главъ тайны, такъ всенародными правами генерально и здѣшними законами точно определено, а имянно смертная казнь, что нижеподписавшіяся ничего отъ себя къ тому присовокупить не смѣютъ и не могутъ; но съ глубочайшимъ благоговеніемъ предаютъ все то въ монаршее Вашего імператорскаго величества соизволеніе и милосердіе.

(*Собственноручныя подписи*) **кн. Н. Трубецкой.**
А. Бутурлинъ.
гр. А. Шуваловъ.

XVI.

ВИНЫ

Бывшаго канцлера Бестужева.

NB. вины его пространее изображены въ изготовленномъ мнѣніи отъ комисіи, а здѣсь только вкратце главнѣйшія означиваются.

1-е. Что клеветалъ Ея імператорскому величеству на ихъ высочествъ, а въ то же время старался преогорчить и ихъ высочествъ противу Ея імператорскаго величества.

2-е. Что для прихотей своихъ нетолько неисполнялъ имянныя

фельдмаршала Апраксина.

Ея императорскаго величества указы, но еще и тайными происками противился исполненію оныхъ.

3-е. Государственной и противу присяги преступникъ и оскорбитель величества.

Преступникъ, что знавъ или видевъ, что Апраксинъ не имѣетъ охоты изъ Риги выступить и противъ непріятеля итти, и что казна и государство напрасно истощевается, а монаршая Ея императорскаго величества слава страждетъ, недоносилъ о томъ Ея императорскому величеству.

Оскорбитель величества, что вмѣсто должнаго о томъ донесенія Ея императорскому величеству презрелъ и силу указовъ Ея, а вздумалъ, что можетъ то лутче исправить собственно собою, и вплетеніемъ въ непозволенную переписку такой персоны, которой въ дѣлахъ никакого участія имѣть не надлежало, а чрезъ то нечувствительно въ самодержавное Государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался.

Апраксинъ въ последнемъ допросе показалъ, что можетъ быть имѣлъ и Бестужеву оказалъ свое запинаніе къ начатію войны противъ короля прускаго, зная, что ихъ высочества весма были склонны къ королю прускому.

Изъ последняго допросу Апраксина и изъ всѣхъ его къ Бестужеву писемъ столько оказуется, что какъ Бестужевъ втянулъ великую княгиню въ сію переписку, такъ Апраксинъ подалъ ему поводъ завести сію переписку, ибо всѣми своими письмами твердя и жалуясь, для чего получаетъ указы противныя тому, что при отъѣзде говорено, соглашено и постановлено было, всемъ темъ не разумелъ инаго, какъ несклонность великой княгини къ войнѣ, такъ что Бестужевъ почелъ за нужно увѣрить его собственнымъ великой княгини письмомъ, что на конецъ согласуется и она къ начатію оной. За что Апраксинъ благодаря Бестужева называетъ полученное отъ великой княгини письмо драгоцѣннымъ для него сокровищемъ и присовокупляетъ что такимъ образомъ будучи о сентиментахъ увѣдомленъ, онъ уже совершенно спокоенъ.

будучи въ аресте
но такія тайны,
говорить подъ
запрещено было.
же будучи не
но предпріялъ
но еще и дру-
учалъ.
е ареста много-
рисяги и страш-
ступникъ.
угихъ мерзост-
толь много, что
невозможно.

XVII.

майя 6-го дня генералъ фельдмаршалъ на нижеслѣ-
отвѣтствовалъ:
отя памятуется ему, что онъ всѣхъ писемъ отъ

помнитъ, и думаетъ что было прежде того у него одно письмо великой княгини о примиреніи съ гетманомъ, и такъ чаятельно съ онымъ сличалъ. А впротчемъ конечно прежде такихъ писемъ неімѣлъ, которыми бы онъ отъ походу воздерживанъ былъ.

на 4-е. Отмену канцлерскихъ сентиментовъ почитаетъ въ томъ что оной прежде соглашался дабы изъ Риги зимою неити и къ тому не побуждать, а потомъ сіи понужденіи были чинены непрестанно.

на 5-е. За какія важныя примечаніи въ письме своемъ отъ 12 іюля благодаритъ бывшаго канцлера того не памятуетъ.

на 6-е. Признаваетъ, какъ и прежде показывалъ, что можетъ быть имѣлъ и оказалъ бывшему канцлеру свое запинаніе къ начатію войны противу короля прускаго, зная, что ихъ высочества склонны были весьма къ королю прускому, какъ то при отъѣздѣ его изъ Петербурга и не тайно было; почему конечно не скоро повѣрилъ и удивился, какъ возмогъ такъ скоро бывшей канцлеръ привести Ея высочество великую княгиню на другия мысли. Только же несмотря на то онъ хотѣлъ въ теплое время, а не зимою въ походъ итти, усматривая, что то для арміи весьма разорительно было бы.

на 7-е. Ссылается на отвѣтъ свой въ первомъ и второмъ пункте.

на 8-е. Что канцлерскія о дружбѣ увѣреніи называетъ драгоценнѣйшимъ для себя сокровищемъ, то подлинно разумелъ темъ присланное ему при оныхъ письмо отъ великой княгини.

на 9-е. Во первыхъ не памятуетъ, съ какими бы партикулярными наставленіями Веймарна къ канцлеру изъ Риги отправлялъ, а притомъ что до перемены сентиментовъ надлежитъ, то вопервыхъ онъ выговариваетъ темъ канцлеру, для чего согласившись сперва здѣсь на мѣсте зимою ничего не начинать, сталъ вдругъ толь великія къ тому понужденіи дѣлать, а потомъ что до того времени онъ и дѣйствительно невѣдалъ, что великая княгиня переменила столько свои мнѣніи.

на 10-е. Подлинно все то Веймарну говорилъ, что оной объявляетъ, а імянно, что канцлеръ будетъ уже меня разуметь, что я пишу, при отъѣзде у насъ імянно о томъ говорено было, но что темъ всегда неразумелъ более какъ только что канцлеръ соглашался самъ зимою ничего не начинать.

Правда же и то, что говорилъ о канцлере, что онъ подкупленъ венскимъ и саксонскимъ дворами, да и теперь то думаетъ, однакоже по одному только мнѣнію, а впротчемъ конечно ничего не знаетъ, а ежелибы зналъ, то конечно не ожидалъ бы нынѣшняго времени о томъ Ея імператорскому величеству по рабской должности донести

клянется какъ предъ самимъ Богомъ, такъ и предъ
кимъ величествомъ, что сколько въ слабой его памяти
о онъ по слабости своей припамятовать могъ, то ко-
его не скрывая объявилъ, ибо ему никогда и въ мысль
оправданіи приносить, а единственно проситъ только
милосердіи и помилованіи.

(Собственноручная подпись) **Степанъ Апраксинъ.**

XVIII.

варя 2 числа предъ комиссиею въ собраніи бывшей
тужевъ призванъ и показана ему была золотая таба-
казаніи же спрашиванъ онъ, что откуда онъ ту таба-
ъ, чей въ ней партретъ и знала ли о томъ жена и
о оную табакирку делалъ.
ответствовалъ, что ту табакирку пожаловала ему до
несколько месяцевъ во дворце на куртаге великая

о и сынъ какъ онъ помнитъ о той табакирке отъ кого

чиновъ и достоинствъ неменше какъ за оскорбленіе величества, и что поведеніе его повелели мы изслѣдовать чрезъ нарочно учрежденную при дворе нашемъ комисію.

Главныя пункты его преступленей, будучи гораздо прежде извѣстны и доказаны, нежели поступили мы на сію природному нашему великодушію и милосердію весма противную строгость, мы симъ изслѣдованіемъ нетолько искали открыть его безбожныя само собою открывшіяся уже дѣла, какъ паче привести его въ раскаяніе, и получа чистосердечное его во всемъ признаніе, получить средство къ его помилованію, непренебрегая должнаго правосудія.

Нескрыто было отъ него, что мы не ищемъ какъ только сего признанія. Весма умягченная строгость ареста, содержаніе его въ собственномъ его доме вмѣсто обыкновеннаго преступникамъ мѣста, позволеніе ползоваться всемъ его имѣніемъ, и наконецъ среди самаго гнѣва оставленныя ему многія знаки прежней нашей милости, довольно ему то показывали.

Однимъ словомъ комисія назначена была, выслушивать болше добровольныя его показаніи и признаніе, нежели обыкновенною строгостію, которой съ нимъ ни мало употреблено небыло, вынудить оныя.

Но какъ не по заслугамъ показанныя ему отъ насъ милости и благодѣяніи воздалъ онъ неблагодарностію и нарушеніемъ присяги и вѣрности, такъ употребленную въ аресте его умѣренность заплатилъ безпримернымъ упорствомъ и жестокосердіемъ, и избавленіе свое отъ праведнаго наказанія хотѣлъ долженствовать не нашему великодушію и своему раскаянію, но тѣмъ же мерзостнымъ дѣламъ и проискамъ, которыми праведной нашъ гнѣвъ на себя подвигнулъ.

Когда въ первой разъ допрашиванъ онъ былъ, а въ тоже время смертною казнію запрещено ему неоткрывать о томъ ничего и никому во всю жизнь свою, то нашелъ онъ способъ тогдаже нетокмо открыть о томъ писмянно, но и подавать неоднократно всѣмъ тѣмъ наставленіе, что имъ отвѣтствовать, ежели спрашиваны будутъ, о которыхъ толко думать могъ, что ихъ спрашивать будутъ.

О всемъ протчемъ съ такимъ упорствомъ предпріялъ таить, что въ то время, когда клялся всѣми ужасными клятвами, и самимъ таинствомъ тѣла и крови спасителя нашего, ничего невѣдать, нашлись его писма, которыми онъ другихъ научалъ, дабы они таили, ежели спрашиваны будутъ, что онъ употреблялъ ихъ въ тѣхъ дѣлахъ орудіями, о которыхъ былъ спрашиванъ, и въ которыхъ заперся съ клятвою.

Но собственной его руки доказателства и другіе свидетелства, противу которыхъ не могъ онъ более, какъ толко просить о нашемъ помилованіи награждали то, чего отъ упорства его никакими увещаваніями получить не можно было.

Сими неоспоримыми доказательствовами (уличенъ) изобличенъ онъ: 1-е, что противно соизволенію нашему присвоилъ себѣ многія ему непринадлежащія дѣла, и всякими непозволенными образами искалъ разпространить власть свою, не для того, чтобъ забравъ на себя больше по мѣрѣ того умножить свою ревность и усердіе къ службѣ нашей, но къ крайнему оной предосужденію толко для того, дабы наружно удоволствовать безмѣрное свое тщеславіе и властолюбіе; 2-е, (что по отправленію такихъ дѣлъ, которыя составляютъ существителную часть монаршескихъ регалей употреблялъ людей совсемъ посторонныхъ и такихъ, кои ни къ какимъ другимъ дѣламъ допущены быть не имѣли) імянныя наши ему точно даванныя повеленіи, когда оныя несогласовались съ пристрастными и самолюбивыми его хотѣніями, нетокмо неисполнялъ съ надлежащимъ усердіемъ, но дѣйствително и тогда исполненіе оныхъ тайными происками препятствовалъ, когда оныя сами собою приходили ко исполненію; 3-е, гдѣ усматривалъ великой и существителной ущербъ нашимъ інтересамъ и всей імперіи, о томъ нетокмо по должности и присягѣ намъ недоносилъ, и умышленно для своихъ пристрастей и видовъ таилъ; но на конецъ 4-е, къ крайнему оскорбленію величества вздумалъ собственныя свои приказанія признавать важнѣйшими и дѣйствительнѣйшими нашихъ повеленей, и такъ разсылая свои безъ нашего вѣдома, и часто въ противность нашимъ соизволеніямъ дѣлалъ себя чрезъ то соправителемъ; 5-е, не можемъ мы безъ внутренняго прискорбія упомянуть, что сей невѣрной и единственно о тщеславіи своемъ пекущейся министръ, послѣдуя безразсудному и слепому своему желанію, быть и безъ дѣла важнымъ и вездѣ надобнымъ не устрашился обносить намъ разными злостными своими вымышленіями ихъ імператорскихъ высочествъ нашего любезнѣйшаго племянника и наслѣдника великаго князя, и нашу любезнѣйшую племянницу великую княгиню, а въ тоже время злостнѣйшими еще внушеніями старался умалять въ ихъ высочествахъ должную къ намъ любовь и почитаніе, и несмотря на то, что ухищреніи его непредъуспѣвали, непресталъ однакоже продолжать оныя, до того времяни, пока изтощилъ наше терпеніе.

(Протчія весма тяжкія его преступленіи подробно изображать, о бы и весма пространно и тѣмъ паче излишно, что мы гнѣвъ ъ и достойное ему наказаніе размеряемъ не по онымъ, но по ему великодушію и милосердію).

Въ протчемъ между взятыми его писмами найдены проекты писанныя собственною его рукою, и содержащія въ себѣ такія дальновидныя замыслы и расположеніи (которыми онъ лстя себя и приуготовляя (на многихъ) вѣрнымъ и усерднымъ намъ подданнымъ), которыми онъ явно показываетъ свое недоброжелательство) хотство къ нашей особѣ и къ нашему здоровью; но о томъ и другихъ его тяжкихъ преступленіяхъ и найденныхъ вредительныхъ (проектахъ) умыслахъ пространно изображать было бы темъ паче излишно, что мы гнѣвъ нашъ и достойное ему наказаніе размѣряемъ не по онымъ, но по нашему великодушію и милосердію, ибо вмѣсто заслуженной и по слѣдствію приговоренной смертной казни, повелели мы (по безпримерному милосердію) сослать его токмо въ собственныя его деревни, дабы другихъ охранить отъ уловленія мерзскими ухищреніями сего въ томъ состарѣвшагося злодѣя.

Имѣніе его все, какъ собственное, такъ и отъ нашихъ щедротъ полученное, надлежало бы всемѣрно конфисковать, когда онъ милости наши и благодѣянія воздалъ толикою неблагодарностію; однакоже и то, по взысканіи съ него должныхъ имъ въ казну нашу знатныхъ денежныхъ суммъ, ему оставляемъ, такъ какъ и женѣ его и сыну на волю предали, съ нимъ-ли ѣхать и жить, или другое мѣсто для житья своего избрать (такъ что однимъ словомъ сколь безпримерное его злодѣяніе толь редко и подобное ему великодушіе).

ВОЦАРЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Спб., 1897.



Матеріалы къ исторіи воцаренія Екатерины II.

Собирая въ этомъ 3-мъ томѣ всѣ изданные нами матеріалы, касающіеся эпохи Екатерины II, мы естественно должны были внести сюда депеши двухъ посланниковъ, прусскаго Гольца и французскаго Бретэля, впервые напечатанныя нами въ приложеніи къ отзыву о трудѣ г. Чечулина. Съ изданіемъ депешъ Гольца связана довольно непріятная переписка съ г. Бартеневымъ, закончившаяся помѣщеніемъ нами въ «Русской Старинѣ» слѣдующихъ «Двухъ словъ П. И. Бартеневу»:

«Сорокъ уже лѣтъ Петръ Ивановичъ Бартеневъ неустанно продолжаетъ обогащать русскую историческую науку чрезвычайно важными матеріалами. Услуги, оказанныя имъ въ этомъ отношеніи, особенно цѣнны для исторіи нашего XVIII столѣтія, преимущественно же вѣка Екатерины II. Менѣе чѣмъ кто-либо способны мы умалять заслуги г-на Бартенева, какъ издателя историческихъ матеріаловъ, хотя онъ и вынуждаетъ насъ указать крайне несимпатическіе пріемы, практикуемые имъ, какъ редакторомъ «Русскаго Архива».

«Въ январскомъ выпускѣ этого журнала помѣщены г-номъ Бартеневымъ «Два донесенія прусскаго посланника Гольца Фридриху Второму о воцареніи Екатерины Великой». О нихъ и мое первое ему слово.

«Съ момента воцаренія Екатерины II до отъѣзда барона Гольца изъ Россіи, имъ посланы въ Берлинъ 11 депешъ: 9 непосредственно королю Фридриху II, причемъ къ пяти сдѣлано 14 приписокъ (Post scriptum), и 2 государственному министру графу Финкенштейну. Бо́льшая часть этихъ депешъ

шифрована. По той роли, которую баронъ Гольцъ игралъ при дворѣ императора Петра III, легко догадаться о важности его сообщеній, писанныхъ въ первые же дни переворота. До прошлаго года депеши эти, хранящіяся въ секретномъ отдѣленіи Государственнаго Архива въ Берлинѣ, не были обнародованы. Въ 1883 году директоръ берлинскаго архива, знаменитый историкъ Генрихъ Зибель, доставилъ намъ, какъ своему ученику, возможность ознакомиться съ этими депешами, въ присутствіи бывшаго архиваріуса Брезе, причемъ снятыя нами копіи были намъ доставлены лишь въ 1889 году, съ условнымъ разрѣшеніемъ пользоваться ими не иначе, какъ при соблюденіи извѣстныхъ формальностей. Въ 1890 году мною была представлена въ Бозѣ почивающему императору Александру III депеша барона Гольца отъ 2-го (13-го) іюля 1762 года, но высочайшаго разрѣшенія на пользованіе ею не послѣдовало. Лишь въ прошломъ 1897 году мною были напечатаны всѣ депеши въ особомъ изданіи, предназначенномъ для Академіи Наукъ и въ продажу не поступавшемъ. Таково наше отношеніе къ этимъ депешамъ.

«По увѣренію г-на Бартенева, онъ тоже самъ списалъ двѣ первыя депеши. Вотъ его подлинныя слова: «Списано съ подлинниковъ, хранящихся въ Берлинѣ, въ Прусскомъ королевскомъ архивѣ, доступъ къ коему былъ открытъ *намъ* благодаря любезному посредству графа Николая Дмитріевича Остенъ-Сакена» (5). Конечно, здѣсь весьма осторожно обойдено категорическое «списано нами», но предательское выраженіе «доступъ былъ открытъ намъ» не оставляетъ никакого сомнѣнія—довольно затруднительный доступъ въ секретный архивъ «открывается» именно для списыванія. Мало того: въ мѣстахъ, возбуждающихъ сомнѣніе, г-нъ Бартеневъ свидѣтельствуетъ своею подписью, что они точно скопированы съ оригинала.

«Внимательно читая двѣ депеши барона Гольца, помѣщенныя въ «Русскомъ Архивѣ», не трудно, однако, убѣдиться,

что, во-первыхъ, текстъ депешъ прочитанъ г. Бартеневымъ крайне небрежно и, во-вторыхъ, переводъ депешъ на русскій языкъ сдѣланъ не точно. Указывать всѣ неточности, значило бы злоупотреблять любезностью редакціи «Русской Старины»: приведемъ лишь примѣры:

«Во второй депешѣ, отъ 6-го (17-го) іюля 1762 г., по «Русскому Архиву», встрѣчается такое мѣсто: «Tout le parti français de cette cour, voyant la mésintelligence qui déjà, il y a plusieurs années, régnait entre cette Princesse et son époux, s'employait près d'un couvent pour l'y faire enfermer pour toujours» (стр. 25). Эта очевидная безсмыслица подтверждена, однако, увѣреніемъ г. Бартенева: «Такъ въ подлинникѣ» (стр. 25, прим.). Еслибъ г Бартеневъ самъ списывалъ, или, по крайней мѣрѣ, самъ свѣрилъ бы списываніе какого-нибудь копіиста, онъ легко замѣтилъ бы, что здѣсь, послѣ словъ s'employait près, пропущены слѣдующія двѣ строки: s'employait près *de la défunte Impératrice pour faire passer la grande-duchesse dans un couvent et l'y* faire enfermer pour toujours, причемъ послѣднее *et* самопроизвольно обращено въ *pour*. Каковъ текстъ, таковъ и переводъ, причемъ какіе-то «приверженцы французовъ при здѣшнемъ дворѣ» стараются заключить «государыню» въ монастырь! Эта нелѣпость объясняется, конечно, безсмысленностью текста.

«Все значеніе первой депеши барона Гольца, отъ 2-го (13-го) іюля 1762 года, заключается въ слѣдующей ясной и простой фразѣ: «Après un entretien secret d'une demi-heure que ce général (Ismailof) eut avec l'Empereur, on sut que ce Prince venait de renoncer par un acte formel à l'Empire, moyennant quoi il conserverait sa liberté et le gouvernement de ses Etats d'Allemagne, où il retournerait». Это именно небольшое сообщеніе вызвало у Зибеля восклицаніе, что сокрытіе подобнаго извѣстія есть «преступленіе противъ исторической науки!» И эту-то фразу г. Бартеневъ переводитъ болѣе чѣмъ небрежно, замѣняя даже выраженіе *moyennant quoi* словомъ *чтобы* (стр. 23).

«Второе наше слово г. Бартеневу касается насъ лично и потому особенно намъ непріятно. Напечатавъ двѣ депеши барона Гольца, г. Бартеневъ прибавляетъ: «Эти донесенія не были извѣстны В. А. Бильбасову, см. «Исторію Екатерины Второй», т. II, стр. 582». Г-нъ Бартеневъ былъ бы правъ, сказавъ, что мы этими депешами не воспользовались; но утверждать, что эти донесенія были намъ неизвѣстны, по меньшей мѣрѣ несерьезно. Вслѣдъ за полученіемъ январскаго выпуска «Русскаго Архива», письмомъ отъ 7-го января, я обратилъ вниманіе г. Бартенева на несерьезность его заключенія, указалъ на недостатки текста и перевода, и даже предлагалъ ему, на случай если бы онъ предполагалъ продолжать печатаніе депешъ, очевидно имъ небрежно списанныхъ, выслать свою книжку для свѣрки текста. Г-нъ Бартеневъ немедленно же отвѣчалъ мнѣ письмомъ, отъ 10-го января, начинавшимся слѣдующими словами: «Примите мою благодарность за ваши поправки и замѣчанія, которыми я воспользуюсь». Я ожидалъ, что г. Бартеневъ сдержитъ свое слово и исправитъ взведенную на насъ напраслину, если не въ февральскомъ выпускѣ, на что было вполнѣ достаточно времени, то хоть въ мартовскомъ; но я ошибся, и теперь вынужденъ печатно заявить П. И. Бартеневу, что онъ поступаетъ непорядочно, взводя на человѣка напраслину и не печатая его опроверженія».

Прошло уже два года, и г. Бартеневъ не призналъ возможнымъ издать депеши барона Гольца. Между тѣмъ, какъ эти депеши, такъ и депеши французскаго посланника Бретэля представляются существенно важными и будущій историкъ воцаренія Екатерины II воспользуется заключающимися въ нихъ сообщеніями.

I.

Депеши Гольца.

(Geh. Staats-Archiv zu Berlin. R. XI. Russland. 64. A.).

1.

à St.-Pétersbourg, ce 2/13 Juillet 1762.

Sire.

[1]) L'Empire de Russie vient d'essuyer une révolution inopinée, conduite dans le plus grand secret, et couronnée du plus heureux succès.

L'Empereur qui avoit passé une quinzaine de jours à Oranienbaum à faire la revue des trouppes de Holstein, et à donner des fêtes aux Dames, qu'il y avoit invitées, partit vendredi 28 Juin v. s. entre onze heures et midi, pour se rendre à Peterhoff où la fête de Pierre-Paul devoit être célébrée le lendemain. Un paisan vint l'avertir, que l'Imperatrice avoit quitté ce chateau le meme jour de grand matin, sans qu'on savoit pour ou elle etoit partie. Arrivé à Peterhoff, l'Empereur y trouva les Gentilshommes et les Dames de l'Imperatrice, qui lui confirmerent le depart de cette Princesse, sans l'eclairer sur le but de son voyage, ni sur l'endroit, vers lequel il étoit dirigé. Il en fut instruit peu de tems après. Des avis venus des environs de Petersbourg, lui apprirent, que l'Imperatrice étoit actuellement dans la Capitale, que quelques detachement des Regimens des

[1]) En chiffres.

Gardes, assemblés devant l'Eglise de Casan, qui est tout pres de leurs Casernes lui avoient preté le Serment de fidelité, entre les huit et neuf heures du matin, que les autres Regimens s'etant assemblés sur ces entrefaites, et conduits par l'Imperatrice en personne au palais d'hiver. avoient suivi l'exemple des premiers, que toutes les personnes de distinction presentes à Petersbourg lui avoient egalement rendu hommage. et qu'elle avoit eté proclamée Souveraine de l'Empire. On ajouta encore, qu'il y avoit des trouppes en marche contre Peterhoff, ce qui ne se verifia pourtant point, comme Votre Majesté le verra par la suite de ce recit. Toutes ces circonstances ne laissant aucun doute à l'Empereur du danger qui le menaçoit, ce Prince manda d'abord d'Oranienbaum les trouppes de Holstein, dans le dessein de se mettre en defense; mais il ne tarda pas à s'appercevoir qu'en opposant une petite trouppe de 1.200 hommes à un corps de 10 m. il ne feroit qu'empirer les choses par une resistance inutile qui n'eloigneroit pas son malheur. Il se determina enfin à chercher une retraite à Cronstadt, ou il envoya le General Devieres l'aide de Camp le Prince Baretzkinsky, pour sonder les dispositions du Gouverneur de la place. Comme il n'avoit pas perdu toutte esperance, qu'on pourroit ramener du moins quelques uns de Regimens des Gardes, et nommement celle de Prebrazénsky, il deputa à Petersbourg les marechaux de Trubezkoi et de Schuvalow, avec quelques autres, qu'il croyoit lui etre affidés. Il n'y eut que le Prince Baretzkinsky, qui revint, et lui rapporta de la part du General Devieres, que tout etoit tranquille à Cronstadt, et que la nouvelle de la revolution arrivée dans la Capitale, n'y avoit pas encore transpiré. Après avoir attendu en vain jusqu'a 9 heures du soir les nouvelles, qui devoient venir de Petersbourg, l'Empereur, pris enfin le parti de passer à Cronstadt. Tout le monde jusqu'aux dames, qu'il avoit invitées, s'embarqua avec lui sur une galère et sur un Yacht, qui étoient devant Peterhoff. L'Empereur, que j'y avois suivi dans le dessein de m'en retourner en ville apres avoir

assisté à la fête de Pierre-Paul, me dit en partant, que touttes les avenues de Petersbourg etant occupées par des trouppes, je n'y pourrois retourner sans m'exposer, et que le parti le plus sûr seroit de l'accompagner.

Je me rendis sans peine à ce qu'il desiroit, et j'espere, que Votre Majesté ne desapprouvera pas, que j'aye pris ce parti, ou il y avoit en effet le moins d'inconveniens à craindre. Les batimens étant à la vue du port de Cronstadt, l'Empereur fit avertir le Gouverneur de son arrivée, ce qui n'empecha pas ce dernier de refuser à ce Prince l'entrée du port, et sur une seconde sommation, d'y ajouter la menace, qu'il feroit faire feu sur les batimens, s'ils ne se retiroient au plustôt. En effet on entendit, immediatement après, battre l'allarme dans la place, et les remparts se trouverent garnis de soldats. L'Empereur se voyant exclus de Cronstadt pris le parti de se retirer à Oranienbaum.

Le yacht sur lequel je me trouvois, ne pouvant pas y aborder à cause des bas fonds, reprit le chemin de Peterhoff, où en débarquant je vis que les choses etoient dans le meme état, où je les avois laissées en partant. Ayant rejoint l'Empereur, j'appris, qu'immediatement après son retour à Oranienbaum, ce Prince avoit deputé vers l'Imperatrice, le Vice-Chancelier Prince de Galliczin, et quelque tems apres le Genéral Ismailof, pour entrer en negociation. La reponse ne revint que samedi vers les neuf heures du matin et fut apportée par le dernier. Apres un entretien secret d'une demi-heure, que ce Général eut avec l'Empereur, on sut que ce Prince venoit de renoncer par un acte formel, à l'Empire, moyennant quoi il conserveroit sa liberté et le Gouvernement de ses Etats d'Allemagne, où il retourneroit. Comme je n'ai appris tout ceci que par le bruit confus, qui se repandit alors, je ne saurois le garantir dans touttes ses circonstances. L'acte de renonciation étant signé, l'Empereur accompagné du Sieur Gudowitz, son Aide de Camp general, sortit par un escalier derobé du chateau, et se mit

dans le carosse, qui l'attendoit pour le mener à Peterhoff, où l'Imperatrice etoit arrivée peu auparavant. Il se passa quelques heures, avant qu'il nous vint des nouvelles ultérieures de Peterhoff.

Vers le midi on vit arriver plusieurs equipages escortés d'un detachement de houzards, qui devoient mener les Dames à la Cour. Je partis en même tems, et à peu pres à moitié chemin entre Oranienbaum et Peterhoff, je rencontrai le Conseiller privé d'Olsuwyef, que l'Imperatrice avoit envoyé, pour me dire, qu'elle laissait à mon choix, si je voulois attendre à Oranienbaum, que le calme fût entièrement retabli dans la Capitale, et qu'il n'y auroit rien à craindre de l'animosité du peuple, et qu'en ce cas là elle m'enverroit une garde, ou bien que si j'aimois mieux retourner en ville, on me donneroit une escorte de douze houzars commandés par un officier, qui m'accompagneroient jusqu'à ma maison.

Le Sieur d'Olsuwjef me déclara en même tems au nom de sa Majesté Impériale, qu'elle etoit resolue d'entretenir l'amitié et la bonne intelligence, qui subsistoient entre les deux Cours, et qu'elle se promettoit, que Votre Majesté ne feroit rien de son coté, qui y seroit contraire. Je repondis que j'etois penetré, comme je devois l'etre, de la grace, que Sa Majesté Impériale venoit de me faire; qu'après une absence de quinze jours je devois naturellement etre bien aise de rentrer chez moi, et que je prenois la liberté de demander l'escorte, que Sa Majesté Impériale vouloit bien me faire donner; que pour ce qui étoit de la declaration amicale que lui, sieur Olsuwjef, venoit de me faire par ordre de Sa Majesté l'Imperatrice, je me presserois de la mander à Votre Majesté, et que je pouvois assurer d'avance, qu'Elle y repondrait par un parfait retour.

Cet entretien fini, Monsieur d'Olsuwjef demanda tout de suite un detachement au Colonel du regiment de houzars, qui etoit tout près de nous, et je suis arrivé chez moi, sans que jaye à me plaindre de personne. J'appris à mon retour en ville que pendant ces jours de crise, on avois renforcé de 12 hommes

commandés par un Officier la garde, qui selon l'usage établi à cette Cour est dans ma maison, comme dans celles des autres Ministres etrangers; qu'une heure avant mon arrivée, un Major l'avoit fait retirer, ayant dit à mes gens, que cette garde n'avait été donnée que par precaution et pour mettre ma maison en parfaite sureté pendant mon absence, mais que sur l'avis, que j'allois rentrer en ville, il avoit ordre de la retirer. On avoit aussi posé des sentinelles à la porte de la Chambre, où le Courier de Cabinet et les quatre Chasseurs sont logés dans une maison voisine de la mienne, mais ces sentinelles ne furent point otées aprés mon retour en ville.

On me rapporta encore, qu'outre la defense, qu'on leur avoit faite de sortir, et de voir qui que ce fut, on leur avoit en même tems oté leurs armes. Je crus devoir m'eclaircir, si tout cela avoit été fait par ordre de Sa Majesté l'Imperatrice, et j'en écrivis dimanche à Monsieur d'Olsuwjef, lui demandant en même tems un passeport pour le Courier, que je fais partir. La copie de la lettre se trouve à la suite de cette depeche.

Mon domestique ne trouvant pas Monsieur d'Olsuwjef chez lui, attendis son retour comme ses gens le désiroient eux memes. Il ne revint que vers les onze heures de la nuit, et partis tout de suite pour faire son rapport à Sa Majesté l'Imperatrice du contenu de ma lettre. Entre minuit et une heure il passa chez moi, et ayant demandé le Sieur Diestel, il lui dit que Sa Majesté Impériale lui avoit ordonné de me donner à connoitre qu'on n'avoit defendu aux Couriers de sortir de leur chambre, que par une precaution, que les circonstances avoient rendu necessaire; que l'Officier, en leur otant les armes, avoit agi contre ses ordres, et contre l'intention de Sa Majesté Imperiale, que dès le lendemain les sentinelles seraient otées et que pour ce qui etoit du passeport, il seroit expedié, en même tems, qu'on en donneroit aux autres Ministres etrangers. Les sentinelles furent otées en effet lundi matin, et je viens d'apprendre, qu'on ne tardera pas à ouvrir le passage aux postes et aux Courriers.

Hier un Maitre de ceremonie vint m'annoncer, que Sa Majesté l'Imperatrice recevrait aujourd'hui des Ministres etrangers les complimens de félicitation sur son avenement au trone, qui leur a été notifié par la Note ci-jointe remise dans ma maison l'apres diner du vendredi 28 Juin. Le Maitre de ceremonie est revenu ce matin pour me dire, que Sa Majesté Imperiale desirois, que je quittasse l'uniforme, et que je parusse en habit de ville. Comme je me trouve dans l'impossibilité de m'y conformer, j'ai ecris tout de suite au Grand-Maitre des Ceremonies, le Baron le Fort pour lui marquer le chagrin, que j'avois de me voir par la nouvelle etiquette privé de l'honneur de faire aujourd'hui ma cour à Sa Majesté Imperiale, que par les raisons, qui lui etoient connues, je n'avois pas songé à me pourvoir d'habits de ville, et qu'il étoit absolument impossible de m'en faire faire dans le peu d'heures, qui restoient jusqu'au tems fixé pour l'audience. Comme il se passera quelques jours avant que l'Imperatrice donne une seconde audience aux Ministres etrangers, je compte, que l'habit, que j'ai commandé, sera pret, et que ce point de l'etiquette ne m'empechera plus de paroitre à la Cour. Je dois ajouter encore que l'insinuation touchant l'uniforme a été egalement faite au Ministre de Suede, le General, Baron de Posse. Au reste j'envoye ci-joins la copie de l'imprimé que l'Imperatrice a fait publier en Russe, en Allemand et en François, le jour de son avenement au trone.

La compagnie du Corps établie par feu l'Imperatrice Elisabeth et congédiée sous le règne precedent vient d'être rétablie et Sa Majesté a repris le commandement des trois regimens des Gardes, qui à l'exception de la Garde Prebrazensky, avoient été soumis au commandement de leurs Colonels. Je suis etc.

Goltz.

2.

A Saint-Pétersbourg, ce 6/17 Juillet 1762.

Sire.

[1]) Je crois être de mon devoir de rapporter à Votre Majesté une anecdote, qui, à la verité, s'est passée, depuis quelques années, mais qui n'a pu avoir son effet qu'aujourd'hui. Tout le parti français de cette Cour voyant la mésintelligence qui déjà, il y a plusieurs années, régnait entre cette Princesse et son époux, s'employait près de la défunte Impératrice pour faire passer la grande-duchesse dans un couvent et l'y faire enfermer pour toujours. Cette Princesse était alors trop bien instruite de cette menée pour que le souvenir ne lui était toujours présent; rien pourtant n'est moins connu à cette Cour que cette intrigue. Naturellement cette affaire doit lui avoir donné du venin contre les Français. Elle peut aujourd'hui mettre fin à toutes les liaisons des deux Cours, sans qu'il y paraisse même la moindre affectation. Le baron Breteuil, étant parti d'ici, il y a trois semaines, sans nommer son successeur, les ordres furent donnés à l'ambassadeur comte Tschernyschew à Paris de quitter la Cour tout de suite. Sa Majesté l'Impératrice n'aurait qu'à répéter ces mêmes ordres, et cela de raison, puisqu'il conviendrait très mal que cette Cour ait son ambassadeur en France, pendant que les Français n'entretiendraient qu'un chargé d'affaires à cette Cour. M. Keith, qui a de très fortes raisons pour ne pas pouvoir se flatter être bien vu de l'Impératrice par rapport à son personnel, vient de mander à sa Cour qu'il croyait être engagé par devoir à l'instruire des raisons pour lesquelles il demandait son rappel, puisqu'il craignait que cette personnalité ne donnât à l'Impératrice de l'humeur contre tout ce qu'il pourrait lui proposer, quand même les sujets des affaires lui seraient agréables, au moins indifférents d'ailleurs. L'histoire est que lui, Keith, dans

[1]) En chiffres.

les premiers temps de son séjour ici, prêta de l'argent à cette Princesse, se flattant alors qu'il gagnait par là le premier ressort des affaires au changement de règne. Il a vu dans la suite que cela le menait à rien. Depuis la mort de feue l'Impératrice on s'approcha encore de Keith pour en tirer une autre somme, qui le refusa, craignant que ces demandes ne finiraient pas, qu'il n'avait jamais un remboursement à attendre, et qui depuis avait appris mieux à connaître le terrain et savait ainsi en peu de crédit que la Princesse avait sur son époux. Aujourd'hui il ne peut guère se flatter que l'Impératrice n'en conserve de l'humeur contre lui. Cette anecdote est sue de bien peu de personnes, elle m'a été confiée dans le plus grand secret; Keith même ne m'en a jamais fait mention.

3.

A St.-Pétersbourg, ce 6/17 Juillet 1762.

P. S. primum.

Sire.

Le nombre des sujets importants de mes très-humbles dépêches du 2/13, dont le chasseur Hochkirch a été porteur, m'a fait manquer l'accusation de la très gracieuse de Votre Majesté du 24 touchant l'entretien de Son ministre près de Sa Majesté Danoise avec le baron de Bernstorff. Cette dépêche me vint par une estafette le 7 au matin, veille de la crise.

[1]) J'en fis immédiatement après le rapport convenable, qui fut reçu avec les démonstrations de la plus vive joie par rapport à la réponse amiable en faveur du Prince que Votre Majesté avait ordonné de faire à Son Ministre là-bas. Dans ce même entretien, l'Empereur me témoigna le contentement qu'il aurait de voir son régiment et même les grenadiers joints au corps de Belling. J'eus beau lui dire que cela faisait une augmentation

[1]) En chiffres.

considérable dudit corps qui manquerait par là aux armées de Votre Majesté: il était trop enchanté du plaisir qu'il aurait de les voir avec lui, pour ne pas vouloir en désister, et me demanda beaucoup d'en parler à Votre Majesté. Aujourd'hui tout cela cesse; ce n'est que pour accuser à Votre Majesté les idées de ce Prince, que je crois devoir le mander.

[1]) Le Ministère d'ici vient de me faire remettre la note ci-jointe par rapport au congrès qui devait se tenir à Berlin.

J'y joins également la note donnée à M.´ de Keith, que [2]) Votre Majesté trouvera très sèche vis-à-vis de celle qui m'a été delivrée; puisque la Souveraine d'aujourd'hui parait avoir pris pour premier principe de n'avoir au moment présent aucune guerre telle qu'elle soit, il n'est pas douteux qu'on ne s'accommode ici avec les Danois. Le ministre danois à cette Cour vient d'envoyer le secrétaire d'ambassade en cour. J'ai d'abord cru qu'il serait peut-être déjà chargé de quelque voie d'accommodement, mais des gens d'ailleurs instruits m'ont assuré que ce n'était pas, mais que le Ministre l'avait dépêché uniquement pour faire de bouche le rapport de la situation présente des choses d'ici, qui naturellement peut se faire plus détaillé par écrit. Je dois attendre les ratifications du traité d'alliance d'un jour à l'autre; quand elles arriveront, je les annoncerai au Chancelier, en ajoutant qu'après le changement survenu à cette cour, je prévoyais que lesdites ratifications devaient être changées, sans faire paraître d'ailleurs que je m'attendais à un changement au matériel ou même à l'annulation du tout. Il est à voir ce que la Cour y répondra, dont alors je ferai incessamment mon très humble rapport. J'ose croire que cette conduite de ma part vis-à-vis de cette Cour ne déplaira point à Votre Majesté.

[3]) On parle du prochain voyage de l'Impératrice pour se faire couronner à Moscou. J'espère que les différents préparatifs

---

[1]) Au clair.
[2]) En chiffres.
[3]) Au clair

indispensablement nécessaires pour ce voyage et les cérémonies ne pourront être arrangés avant que la gracieuse réponse de Votre Majesté à ma très-humble du 2/13 me parvienne.

4.

Note

pour M. de Goltz, Ministre Plénipotentiaire de Sa Majesté le Roi de Prusse.

Sa Majesté l'Impératrice après Son heureux avènement au trône de Toutes les Russies, a vu avec satisfaction dans une note de M. le Ministre Plénipotentiaire du 21 de Juin dernier dont il Lui a fait rapport, que Sa Majesté le Roi de Prusse avait accepté avec beaucoup de plaisir la médiation qui Lui avait été offerte sous le gouvernement précédent pour un arrangement amiable des affaires du Holstein avec la Cour de Danemark. Cet empressement a été regardé de l'Impératrice comme une marque de l'amitié du Roi; mais comme Sa Majesté présentement juge à propos que ledit congrès n'ait pas lieu et qu'en conséquence l'ordre a déjà été envoyé aux ministres qui y étaient nommés, de partir de Berlin, le cas n'existe plus d'employer la médiation de Sa Majesté Prussienne. Pourquoi le ministère de Russie, par l'ordre exprès de l'Impératrice, en fait part à M. le Ministre Plénipotentiaire et ne doute point qu'il n'en fasse son rapport au Roi son maître.

Fait à Saint-Pétersbourg ce 4 Juillet 1762.

5.

Note

pour M. de Keith, Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire de Sa Majesté le Roi de la Grande-Bretagne.

Sa Majesté l'Impératrice, après Son heureux avènement au trône de Toutes les Russies, ayant jugé à propos que le con-

grès indiqué sous le gouvernement précédent à Berlin pour arranger les affaires du Holstein avec la Cour de Danemark n'ait pas lieu, et l'ordre ayant déjà été envoyé en conséquence aux ministres qui y étaient nommés, de partir de cette ville, le ministère de Russie, par l'ordre exprès de l'Impératrice, en fait part à M. l'Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire, pour en faire son rapport à sa Cour.

Fait à Saint-Pétersbourg ce 4 Juillet 1762.

6.

A St.-Pétersbourg, ce 6/17 Juillet 1762.

P. S. secundum.

Sire.

La très-gracieuse de Votre Majesté du 1-er du mois m'est entrée par une estafette. Comme elle ne fait mention que des ratifications du traité d'alliance et des mesures que les Danois ont prises pour tirer de l'argent, je dois simplement me référer au premier post-scriptum d'aujourd'hui.

Je rendrai les incluses que Votre Majesté a daigné adresser au Chancelier et au général Korff.

Agréez, Sire, mes très respectueux compliments sur les avantages considérables que les alliés viennent de remporter sur l'ennemi près de Cassel.

Le Général Melgounow et le sieur Wolkow sont arrêtés. On croit cependant qu'ils ne tarderont guère à regagner la liberté, sans jouer le rôle qu'ils ont joué sous le règne précédent. C'est un Conseiller d'État dit Olsuwjef, le même qui me fit la déclaration au nom de Sa Majesté Impériale, qui pourrait bien figurer. Un Piémontais, ci-devant bibliothécaire de cette Princesse, est nommé aujourd'hui secrétaire privé de Ses commandements. Je compte avoir la liste des avancements faits depuis l'èvenement, que je mettrai aux pieds de Votre Majesté dans ma première dépêche.

[1]) Je viens d'apprendre la circonstance que le régiment des gardes dragons dont le Prince George était chef, a été le plus empressé à prêter serment. Les mauvaises façons que ce Prince avait pour ce corps, en sont la cause. On peut dire en général que ce Prince a beaucoup contribué à rendre les Allemands haissables à la nation et à précipiter la chute de son maître. On prétend que le dégât fait dans sa maison par le peuple dans le premier moment de la crise, lui sera bonifié avec 100,000 roubles et que la charge de Généralissime du Holstein lui sera continuée. Après cette révolution, les présents qui étaient destinés pour la favorite et pour le sieur Saldern, ne peuvent repasser en Allemagne de la façon dont Votre Majesté ordonne. Je crois devoir les garder chez moi jusqu'à ce que je sois assuré si je serais assez heureux pour pouvoir me mettre en peu aux pieds de Votre Majesté, et alors naturellement je les prendrai avec moi, et, au cas que je dois continuer à rester à cette Cour, Votre Majesté daignera m'ordonner de quelle façon je dois renvoyer lesdits bijoux.

7.

A St.-Pétersbourg, ce 6/17 Juillet 1762.

P. S. tertium.

Sire.

[2]) Après la demande faite par un billet au Chancelier sur l'heure qu'il lui plairait de m'indiquer pour lui parler, je fus chez lui à huit heures et demie du matin. Ce ministre me reçut avec cette même cordialité et franchise avec laquelle il m'a toujours vu. Je lui remis la lettre que Votre Majesté lui a faite, dont il lut le gracieux contenu avec toute la recon-

---

[1]) En chiffres.
[2]) En chiffres.

naissance possible, me priant de le mettre aux pieds de Votre Majesté et de L'assurer des sentiments respectueux qu'il conserverait toujours pour Elle. Pour me continuer la confiance, dont il m'a honoré jusqu'à présent, il me fit part de l'ordre donné au Général Tschernyschew de retourner dans cet Empire avec son corps, en ajoutant qu'après que l'Impératrice voulait observer une parfaite harmonie avec toutes les Cours de l'Europe, Elle avait cru ne pas pouvoir se dispenser de retirer ce corps; que lui, Chancelier, sentait très bien que ce pas ne pouvait pas être indifférent à Votre Majesté dans le moment présent où Elle se trouvait vis-à-vis de l'ennemi, mais qu'il ne doutait pas pourtant que Votre Majesté ne fasse partir ledit corps, dès que les ordres en seraient venus au Général; qu'il se croyait assuré enfin que le changement survenu dans cet Empire ne porterait coup en aucune façon à la paix nouvellement conclue, mais qu'au contraire ce traité serait regardé comme sacré dans tous ses points. J'y repliquai que ce qu'il me faisait l'honneur de me dire touchant la bonne harmonie entre les deux Cours, était parfaitement conforme tant à ce que cette Cour avait fait passer le premier jour de l'évènement à tous les Ministres étrangers, qu'à la déclaration que l'Impératrice m'avait particulièrement fait faire par M. Olsuwiew; que j'en avais fait mon rapport à Votre Majesté, et que les sentiments amicals de l'Impératrice vers Votre Majesté, ne pourraient jamais surpasser ceux qu'Elle porterait pour cette Princesse, et que Votre Majesté rechercherait toujours les occasions pour cimenter cette amitié et en donner les témoignages les plus assurés. Il me dit encore, dans la suite de la conversation, que les ordres étaient donnés pour le retour des troupes en Prusse dans l'Empire, et qu'ainsi l'évacuation des États de Votre Majesté se ferait en peu de temps. Je témoignais aussi au Ministre le chagrin que j'avais eu de n'avoir pu paraître à la Cour, lorsque les autres Ministres étrangers l'avaient fait, et que je me flattais que l'Impératrice aurait trouvé la raison qui

me le rendait impossible, trop forte qu'elle en ait pu être indisposée. Il me répondit que lui même, supposant que des malintentionnés auraient voulu se prévaloir de mon absence pour en parler désavantageusement à l'Impératrice, avait fait mes excuses, disant ce qui m'empêchait de paraître. Sur quoi, Sa Majesté Impériale, bien loin de paraître le ressentir, lui avait dit qu'Elle sentait très bien qu'avec la meilleure volonté du monde il m'était impossible de paraître, après que l'annonce de paraître en habit de gala m'avait été faite quasi au moment même où il s'agissait d'aller à la Cour, et qu'Elle serait bien aise de me voir à la prochaine Cour.

Le Chancelier me parla encore confidemment de ses propres affaires: que dès le premier jour il avait témoigné par écrit à l'Impératrice son désir de se retirer des affaires; qu'il avait déjà fait plusieurs fois la même demande à l'Empereur, et qu'ainsi, après que sa santé s'affabilissait de plus en plus, il espérait que Sa Majesté lui accorderait cette grâce. Jusqu'à présent il n'a aucune résolution là-dessus. Il est bien aise d'avoir fait ce pas quatre heures avant que d'apprendre le rappel de Bestushew, puisque d'ailleurs la Souveraine aurait pu croire que c'était la cause qui le portait à demander sa démission.

[1]) J'ai prié le Chancelier de parler à Sa Majesté touchant les canonniers de Votre Majesté que le Prédécesseur fit venir en mars et qui, malgré mes demandes réitérées ne furent pas renvoyés. On les a menés d'Oranienbaum, où ils étaient pendant le dernier séjour, avec les Holsteinois à Cronstadt, pour ne pas les exposer au peuple, s'ils entraient en ville. J'ai présenté de les faire retourner par eau à Koenigsberg ou Pillau, parceque le chemin par terre est trop fatigant. Au moment que la réponse de la Cour me viendra, je soignerai leur embarquement sur le premier vaisseau qui fera voile pour la Prusse. Il y a deux officiers et 15 canonniers, après qu'un des derniers est mort depuis peu.

[1]) Au clair.

8.

A St.-Pétersbourg, ce 10/21 Juillet 1762.

Sire.

Dimanche au soir, le Ministère Impérial fit annoncer aux Ministres étrangers par une note circulaire que la Cour avait reçu la veille la nouvelle que le ci-devant Empereur s'était expiré le soir du 6/17 d'une violente colique, suite des accès hémorrhoidaux dont il avait souffert depuis longtemps. Hier et avant-hier le corps du défunt a été publiquement exposé au cloître d'Alexandre-Newski. Avant-hier le Chancelier me fit demander de passer vers les sept heures du soir chez lui, où il me rendit les marques de l'ordre de Votre Majesté que le défunt a portées, en m'insinuant, mais comme une idée à lui, qu'il ne doutait pas qu'après que Votre Majesté avait le cordon de Saint-André, Sa Majesté l'Impératrice serait bien aise d'avoir l'ordre de Votre Majesté. A quoi je répliquais naturellement que Votre Majesté saisirait toujours avec plaisir les occasions de donner à Sa Majesté Impériale des marques d'amitié et d'estime, sentiments dont Sa Majesté Impériale devait être très assurée depuis longtemps. J'attends, Sire, les ordres de Votre Majesté sur ce que je dois faire avec lesdites marques de l'ordre. Le Chancelier me présenta aussi une chaîne dudit ordre pour me la rendre également, supposant que je l'avais présentée au défunt avec les autres marques; mais comme j'ignore absolument pour qui et comment cette chaîne se trouve à cette Cour, j'ai cru ne pas pouvoir l'accepter.

Après que le courrier Seydac m'avait porté les ratifications du traité d'alliance, j'en fis l'annonce au Chancelier, en le priant de vouloir demander les intentions de Sa Majesté Impériale à ce sujet. Il me promit de me donner la réponse en très peu de jours. Au moment qu'elle me parviendra, j'en ferai mon très-humble rapport. Ce même courrier essuya un désagrément à quelques relais d'ici. Un officier l'arrêta en chemin

cier que le courrier put s'en défaire, qui
conséquent, que sept heures plus tard qu'i
d'ailleurs, me rendant pourtant ses dépêches

Le départ de Sa Majesté l'Impératrice p
ment à Moscou a été annoncé samedi pass
étrangers. On compte que Sa Majesté Impéria
courant d'août v. s. et que la cérémonie aura
Puisque j'ai déjà osé parler à Votre Majesté d
res de ce départ, j'espère que les ordres de V
conséquence me parviendront avant le départ

Le Prince George de Holstein et sa famille d
partir samedi prochain pour se rendre en All

Les Comtes Ivan et Pierre Golowkin sont
passé. J'ai dîné le même jour avec eux chez
mais jusqu'à aujourd'hui ils n'ont pas encore
Au moment qu'ils viendront, je ne manquerai
duire à leur égard selon les ordres que Votre
me donner et que j'ai déjà suivis, comme j'en
dans mes très-humbles précédentes.

9.

A St.-Pétersbourg, ce 10/21

P. S.

monnaie, lorsque les occasions s'en présentent, quoiqu'il ait beaucoup plus de facilités que moi à en tirer, tant par la colonie des marchands anglais, que par son séjour de beaucoup plus considérable que le mien à cette Cour, m'a fait part qu'une personne, mais dont les rapports n'étaient pas des plus authentiques, lui avait voulu assurer que le Général Tschernyschew avait reçu l'ordre de tâcher de surprendre Stettin à son retour. Cette nouvelle paraissait à M. Keith aussi peu fondée qu'à moi. Quand même cette Cour aurait la mauvaise volonté de faire une pareille perfidie. il n'est pas à concevoir ce qui la porterait à faire la déclaration touchant la religieuse observation de la paix dont j'ai fait le très-humble rapport du 3. Il survient encore que les intérêts de cette Cour demandent plus que jamais de faire rentrer toutes les troupes au coeur de l'Empire pour bien fortifier le trône contre une multitude de mécontents qui augmente de jour à autre, après qu'ils sentent qu'ils viennent de déposer un petit-fils de Pierre le Grand, pour y faire succéder une étrangère, qui n'a aucun droit à régner, si ce n'est celui qui lui est donné ou par son époux, ou par son fils. Une troisième raison qui rend cette nouvelle de la surprise de Stettin peu vraisemblable, c'est que le corps de Tschernyschew, en se retirant, ne sera nullement à portée de cette forteresse. Il serait différent du corps de Romanzow, et voilà ce qu'un autre m'a voulu dire hier, ajoutant pourtant que son auteur c'était nullement digne de foi. Quoique je crois devoir douter de cette nouvelle, je n'ai pu me dispenser de la mander à Votre Majesté. J'ai tout lieu de croire plutôt que les États de Votre Majesté seront entièrement évacués des troupes russes; mais je crains que le Général Panin qui les commande aujourd'hui et dont la mauvaise volonté s'est manifestée en différentes occasions, lorsqu'il était en Prusse, ne fasse commettre des excès sur sa retraite. J'en ai parlé vaguement au Chancelier, disant que je croyais sûrement que les troupes Impériales observeraient la plus exacte discipline dans leur

marche par les États de Votre Majesté et que ce ne serait que fort à contre-coeur, si Votre Majesté se verrait obligée de faire porter de justes plaintes, si le contraire arrivait. Sur quoi le Ministre me répondit qu'on donnerait des ordres très précis pour éviter tout excès. Dans la conférence d'avant-hier ce Ministre me témoigna de nouveau les craintes de cette Cour que Votre Majesté fera des difficultés pour la séparation du corps de Tschernyschew de l'armée de Votre Majesté, en ajoutant que, si ces difficultés n'avaient pas lieu, il assurait que la paix serait religieusement observée.

Les trois ukases données par le Prédécesseur, les plus importantes qu'il a fait passer, ont été confirmées: l'une touchant le clergé, qui lui ôtait les biens, pour lui donner pension; l'autre qui donne la liberté à la noblesse, et la troisième par laquelle différentes libertés et droits sont accordés aux marchands.

10.

(Au Ministre d'État comte de Finckenstein).

A St.-Pétersbourg, ce 10/21 Juillet 1762.

Monsieur.

Les dépêches du 3/14 et 6/17 doivent être bien parvenues à Votre Excellence et lui [1]) auront donné une idée de la présente situation des affaires à cette Cour. Les raisons qui me portent dans ces dépêches tant à supposer que cette Cour aura demandé mon rappel qu'à faire connaître au Roi avec combien peu de succès je pourrai dans la suite négocier ici, vous paraîtront, à ce que j'ose espérer, assez fortes, pour que Votre Excellence puisse les considérer comme des idées qu'un grand désir de quitter cette Cour m'a fait naître. Ce qui se trouve dans la dépêche ci-jointe chiffrée touchant la surprise de Stettin, comme aussi un bruit vague qui me vient dans ce moment, comme si deux de nos courriers, ceux du 14 et 17, étaient

[1]) En chiffres.

arrêtés à Riga, me paraît être divulgué par le parti autrichien et saxon, pour m'induire à quelque fausse démarche vis-à-vis de l'Impératrice. Aussi, bien loin d'en paraître alarmé, je continue à publier la déclaration amicale que Sa Majesté Impériale a fait faire au Roi, et de me louer des attentions de Sa Majesté à mon propre égard, tant par rapport à l'escorte pour me mener en ville, qu'en faisant redoubler la garde de ma maison pendant mon absence, et tout cela de Son propre mouvement. J'ose espérer que Votre Excellence daignera approuver cette conduite. Car si même ces nouvelles, particulièrement celle touchant la surprise, étaient malheureusement fondées, je ne pourrais rien y remédier par une conduite différente, et si ces bruits sont faux, je ne ferais que tomber dans le piège des ennemis.

Je sais d'ailleurs que, nonobstant toutes les bontés que l'Impératrice a eues dans les occasions nommées, elle a un éloignement infini pour moi, pour avoir été trop lié avec le défunt, en supposant, quoique très à faux, que j'ai approuvé la conduite du défunt à son égard. Ma vue seule doit lui rappeler les mauvaises façons que le Prince a eues souvent pour elle dans ma présence. Elle a donc naturellement pour les affaires qui lui parviennent par mon ministère beaucoup de répugnance. Un grand objet encore, mieux connu à Votre Excellence qu'à tout autre, qui me met dans l'impossibilité absolue de bien faire les affaires du Roi à cette Cour, c'est que toutes les sources dont M. Diestel et moi prîmes ci-devant nos nouvelles, cessent entièrement aujourd'hui. On ne saurait s'imaginer jusques où va l'éloignement pour nous des gens avec lesquels lui et moi étaient d'ailleurs très bien. Le peu que j'apprends encore, me vient de M. Keith. Après avoir demandé son rappel, il compte de partir bientôt. Voilà cette dernière ressource qui me manquera aussi. Tout ministre qui me relèvera, amenant un autre secrétaire d'ambassade avec lui, n'aura pas cette haine de la Cour et de la nation à laquelle la première travaillera constamment. Il

n'aura pas cette haine qui est personnelle contre M. Diestel et moi, à surmonter. Nous n'avons, l'un et l'autre, qu'à parler à quelqu'un du pays, pour le faire paraître équivoque aux yeux des autres. Pour ce qui est de l'utile que M. Diestel pourrait faire ici pour le service du Roi après mon départ, j'ose dire qu'il n'a aucune liaison qui pourrait le mettre à même de rendre service dans cette Cour. Il est trop peu de temps ici, pour avoir pu se lier, et les fortes occupations qu'il a eues sans relâche, ne lui ont presque pas permis de quitter son bureau. Quoiqu' entièrement inconnu à cette nation et presqu' autant à cette Cour, l'une et l'autre ne lui sont pas moins contraires qu'à moi. Les bontés du défunt Empereur qu'il lui a témoignées dans le dernier séjour à la campagne, y ont sans doute beaucoup contribué. Votre Excellence est trop clairvoyante, pour ne pas être entièrement convaincue que mon devoir m'oblige à détailler toutes ces raisons, et pour ne pas entrevoir la nécessité absolue de mettre tout un nouveau ministère prussien à cette Cour. La perspective de devoir rester plus longtemps à cette Cour, avec la certitude parfaite de faire manquer par mon personnel tout ce dont je pourrais être chargé serait, je l'avoue, bien affligeante pour moi. Le Roi me fera la grâce d'être persuadé que toute commission dont il daignera me gracieuser, dans quelque pays du monde que ce puisse être, me rendra toujours heureux.

Le Comte Bestushew est attendu aujourd'hui ou demain. Il n'est presque plus douteux qu'il relèvera le Chancelier Woronzow, qui vient de demander son congé et se retirera sur ses terres. Après l'arrivée du nouveau Ministre le système politique de cette Cour prendra sa consistance. La déclaration qu'elle vient de donner touchant la neutralité parfaite qu'elle veut observer dans cette présente guerre, serait décisive à toute autre Cour, mais ne l'est pas à celle-ci où l'on se distingue par les irrégularités et contrastes.

Goltz.

11.

A St.-Pétersbourg, ce 11/22 Juillet 1762.

Sire.

Le Chancelier m'ayant demandé à une conférence pour ce soir, il m'y remit la note ci-jointe touchant un pas précipité du Maréchal Soltikoff lequel, sans être instruit des sentiments pacifiques de Sa Majesté Impériale, a repris le Gouvernement de la Prusse au moment que la nouvelle de l'avènement de Sa Majesté Impériale au trône lui était parvenue. Comme le Chancelier me prévint du départ d'un courrier que la Cour envoie ce soir au Prince Repnin au sujet de la conduite du Maréchal, j'ai voulu en profiter pour présenter cette note à Votre Majesté. J'ose me flatter que les courriers successivement expédiés le 3/14, 7/18 et 10/21 seront bien parvenus.

12.

A St.-Pétersbourg, ce 23 Juillet (3 Août) 1762.

Sire.

Dimanche, 25, j'eus l'honneur de baiser la main à Sa Majesté Impériale et de Lui faire le compliment sur Son avènement. Sa Majesté les reçut avec cette bonté et affabilité que Lui est si naturelle, et répéta de bouche Ses intentions sur l'envie qu'Elle avait d'entretenir une bonne harmonie avec Votre Majesté. Sur quoi, je répondis que les sentiments d'amitié et d'estime de Sa Majesté Impériale pour Votre Majesté étaient connus, Sire, et que Votre Majesté ne tarderait pas à me donner les ordres de Lui faire les assurances réitérées de Vos sentiments, dès que la nouvelle de Son heureux avènement au trône Vous serait parvenue.

La Cour vient de nommer les Chambellans prince Gallizin, frère du Vice-Chancelier, et Matusky, le premier pour la Suède,

le second pour Varsovie et Vienne, y annoncer l'avènement de Sa Majesté Impériale au trône. Le prince Dolgoruki a la même commission pour la Porte. Le prince Daskow qui était en chemin depuis quelque temps pour y annoncer l'avènement du défunt Empereur, est déjà revenu ici et vient d'être nommé Lieutenant-Colonel au régiment de cuirassiers de l'Empereur défunt.

Le Chambellan comte Soltikow, employé ci-devant à Hambourg, est nommé Ministre de celle Cour à cette de France, et y remplacera le comte Tschernyschew auquel l'ordre fut donné, il y a déjà du temps, de quitter la Cour où il était, dès que la nouvelle du départ du baron de Breteuil d'ici lui serait parvenue. Le comte de Keyserlingk qui pendant plusieurs années était Ministre de Russie à Vienne, est arrivé depuis huit jours avec son fils, Conseiller Aulique. Ce vieillard, qui est extrêmement conservé pour son âge, ignore l'emploi qu'on fera de lui. On prétend qu'une mission étrangere lui serait la plus agréable.

Le comte de Bestushew a été le plus gracieusement accueilli par Sa Majesté Impériale le soir même de son arrivée.

Les canonniers de Votre Majesté que feu l'Empereur fit venir ici, il y a quatre mois, et qui se trouvaient à Oranienbaum le jour de l'évènement, furent transportés à Cronstadt, avec tout ce qui se trouvait holsteinois. Malgré mes fortes intances, si souvent réitérées, ils ne m'ont été rendus que vendredi passé 19/30. Je les ai fait rentrer dans la maison où ils étaient ci-devant, avec défense de ne pas trop se montrer dans les rues, pour éviter toute sorte de désagrément qu'ils pourraient essuyer. Comme leur retour par terre serait sujet à mille inconvénients, je les mettrai sur le premier vaisseau qui fera voile pour Dantzig, Koenigsberg ou Stettin.

Quoique j'aie demandé plusieurs fois avec instance au Chancelier de me faire passer les sentiments de Sa Majesté Impériale touchant les ratifications du traité d'alliance, je n'ai pu parvenir jusqu'à aujourd'hui à une réponse. Je suis etc.

13.

A St.-Pétersbourg, ce 23 Juillet (3 Août) 1762.

Post-scriptum primum.

Sire.

[1]) La nomination de Soltikow pour la France ne pourra que déplaire à la Cour de Versailles. Il n'y a pas longtemps qu'il fut enfermé au fort l'Evêque, tant pour dettes que pour différents autres mauvais manèges. En quittant la prison, pour venir ici, il était obligé de laisser sa femme dans le pays, pour caution des payements, qui y est encore. Tout méprisé qu'il est en France, sa nomination n'étonne pas les courtisans d'ici. Il y a plusieurs années qu'il était, dit-on, bien dans l'esprit de l'Impératrice d'aujourd'hui. On suppose donc à présent que la Souveraine a trouvé cette vocation le moyen le plus convenable pour l'éloigner de sa Cour et pour le mettre en même temps à son aise et à même de payer ses dettes.

Le murmure du peuple, du soldat et de presque toute la nation, dont j'ai déjà parlé dans ma dépêche du 21, augmente beaucoup.

Le peu de nouvelles qui me viennent s'accordent là-dessus: la mort subite du défunt a fait beaucoup d'impression sur le peuple. Il est étonnant que bien des personnes de la présente Cour, bien loin d'éloigner tout soupçon d'empoisonnement, se plaisent, au contraire, à jeter de l'équivoque sur la façon dont le Prince est mort. Des personnes qui ont vu le corps, lorsqu'il était exposé, assurent tout que les symptômes du poison ont paru. Jamais on a parlé si librement dans ce pays qu'aujourd'hui. Le nom d'Iwan est dans la bouche du peuple, et aujourd'hui que la première fougue et ivresse est passée, il convient que le défunt était le seul qui avait droit à la couronne, et qu'il n'avait fait du mal à personne. La licence des gardes

[1]) En chiffres.

est inconcevable. Ils font tous les excès impunéments, et les officiers, bien loin de les réprimer, se félicitent de ne pas être insultés par le soldat. La Princesse Daskow est souvent en grands pourparlers avec l'Ambassadeur de Vienne. Pourtant je ne crois pas que les ennemis de Votre Majesté parviendront à faire agir cette Cour contre Elle, la Souveraine connaissant bien que sa sûreté demande d'avoir ses troupes au coeur de l'Empire, que les finances sont abîmées et que toute guerre indisposerait la nation.

Le parti contraire fait en attendant l'impossible pour mettre la zizanie entre les deux Cours. Quelqu'un qui a dîné chez l'Ambassadeur, il y a trois jours, lorsqu'un courrier de Tschernyschew doit être venu avec la nouvelle que Votre Majesté ne faisait aucune difficulté de faire retirer ce corps, m'a assuré que ces messieurs du nombre desquels était le sieur Prasse, n'avaient pas été bien aises de cette nouvelle, puisqu'ils s'étaient flattés du contraire et voir par là la guerre recommencée. «A présent», ont-ils dit, «il n'y a que la conduite du Maréchal Soltikow, en reprenant le gouvernement de la Prusse, qui peut nous faire réussir. Il faut voir comment le Roi de Prusse prendra cela». Ce raisonnement donne, à ce qu'il me paraît, bien à connaître que des lettres venues d'ici ont porté le Maréchal Soltikow au pas qu'il a fait.

Ceci m'a été rendu aussi par quelqu'un qui a été du dîner, dont on ne s'est pas défié. Voilà une circonstance qui me parvient, mais je ne doute pas que cent autres ne me manquent. L'éloignement qu'ont aujourd'hui pour moi les personnes de la nation que je voyais ci-devant, ne me permet aucune liaison. Chacun croit jeter de l'équivoque sur soi-même, s'il me cultivait. Votre Majesté sentira par là combien ma situation est désagréable, par l'impossibilité de travailler, selon mon devoir, pour les intérêts de Votre Majesté. La conduite du Ministère est déjà si circonspecte à mon égard que le Chancelier m'a caché dernièrement l'arrivée du courrier de Tschernyschew dont je viens de parler, m'assurant, au contraire, qu'on l'attendait avec impatience, et peu d'heures après, j'appris la conversation tenue chez l'Ambassadeur.

14.

A St.-Pétersbourg, ce 23 Juillet (3 Août) 1762.

Post-scriptum secundum.

Sire.

Le Chancelier me rendit avant-hier, dans une conférence à laquelle il m'avait fait inviter, la note ci-jointe au sujet des commissaires à nommer de la part des États de Votre Majesté où les troupes de cet Empire vont passer pour rentrer ici, afin de régler le prix des fourrages nécessaires auxdites troupes. Je reçus cette note en ajoutant que je la ferais incessamment passer à Votre Majesté, qui ne tarderait pas à satisfaire encore dans cette rencontre les souhaits de Sa Majesté Impériale; que, pour ce qui était des prix excessifs que les entrepreneurs avaient demandés pour les fourrages, on ne devait pas s'en étonner à cette Cour; qu'une aussi longue guerre que la présente était une cause naturelle de la disette et ainsi de la cherté des grains; que Votre Majesté était également obligée de passer par des prix énormes; que vouloir forcer par une commission les gens du pays à faire ses livraisons pour les prix ordinaires et connus en temps de paix, serait les abîmer; mais que les commissaires veilleraient soigneusement à mettre des bornes à l'avidité de ceux qui voudraient gagner auxdites livraisons au delà de ce qu'il convient. Comme le Prince Repnin avait été chargé de proposer la même chose à Votre Majesté, j'ai cru être dispensé, Sire, de vous mander cette conférence par un courrier exprès.

[1]) Toujours il me parait que cette démarche fait foi de l'entière évacuation des États de Votre Majesté, et que les bruits courus ici d'une surprise de Stettin n'ont été imaginés que par les raisons alléguées dans mes très-humbles précédentes.

[2]) Dans cette même conférence, on me présenta les dépêches

[1]) En chiffres.

[2]) Au clair.

de Votre Majesté du 15, avec le post-scriptum du 17, en me disant que le courrier Döpner en était le porteur; que le Maréchal Soltikow, au moment du passage de ce courrier, ignorant les sentiments pacifiques de Sa Majesté Impériale, avait arrêté Döpner à Koenigsberg et envoyé ces dépêches à la Cour. Sur les vives plaintes que je fis sur-le champ de cette violence, les deux Chanceliers me firent des excuses, avouant qu'ils reconnasisaient la conduite du Maréchal pour irrégulière et qu'on ne manquerait pas de le lui faire sentir.

[1]) Touchant le contenu de cette dépêche du 15 et 17, j'ose témoigner à Votre Majesté la vive joie que m'a donnée la bonne disposition de la Porte; mais il m'a paru que ce serait s'exposer aujourd'hui, que d'en faire part à cette Cour, vu que celle de Vienne parviendrait aisément par là à la connaître et ferait l'impossible pour contreminer. Craignant d'ailleurs que le changement arrivé ici et l'ignorance de la Porte sur les sentiments de la nouvelle Souveraine n'altère les sentiments du Divan ou au moins n'arrête la conclusion du traité, j'ai réfléchi sur les moyens d'avertir sur-le-champ les Ministres de Votre Majesté dans l'Orient de la situation des affaires ici, qui alors auraient pu facilement tranquilliser les mouvements que la nouvelle du changement aura donné aux Cours où ils résident; manquant de chiffre avec l'un et l'autre, il m'a été impossible de leur écrire, et, d'ailleurs, je doute que cette Cour aurait fait passer mes courriers.

15.

A St.-Pétersbourg, ce 23 Juillet (3 Août) 1762.

Post-scriptum tertium.

Sire.

En venant, avant-hier matin, à la Cour, j'appris qu'un courrier, venu du Général Tschernyschew, avait porté la nouvelle

[1]) En chiffres jusqu'à la fin.

comme quoi Votre Majesté, bien loin de faire des difficultés pour la séparation du corps de troupes Impériales, avait donné les marques les plus éclatantes de Son estime et de Sa bienveillance, tant au Général qu'aux autres officiers et troupes, en leur permettant de se retirer à la suite des ordres reçus de Sa Majesté Impériale. Ce même courrier avait donné la nouvelle de l'avantage que Votre Majesté a remporté sur les Autrichiens, dont M. Keith me fit la première ouverture, en témoignant bien sincèrement la vive part qu'il prend à ce succès. Depuis hier, j'ai été dans l'attente du courrier porteur de la réponse à la première dépêche depuis l'avènement de Sa Majesté l'Impératrice au trône, espérant d'avoir par le même la confirmation de cet avantage remporté. Ce courrier m'arriva à midi et me rendit la très-gracieuse de Votre Majesté du 22, avec la lettre pour l'Impératrice que je compte Lui rendre aussitôt que je pourrais en trouver l'occasion. Daignez, Sire, agréer mes félicitations respectueuses sur la défaite de l'ennemi qui doit avoir les suites les plus heureuses pour les armes de Votre Majesté, par l'avantage considérable du poste que l'ennemi vient de perdre. Ce même courrier m'a rapporté que le courrier Richter, que je suppose être le porteur de la très-gracieuse de Votre Majesté du 13, que j'attends encore, se trouvait à Danzig avec le Maréchal Lehwaldt, qui l'avait engagé de ne pas continuer sa route, pour ne point s'exposer. Je ne doute pas que, sur les avis qui viendront à Danzig, que les dangers n'existent pas, le Maréchal ne fasse continuer sa route à Richter.

[1]) Jusqu'à présent, on n'a aucune raison ici de supposer le retour de Poniatowski. Je crois même que l'Impératrice, au cas qu'Elle en soit bien aise, voudra difficilement S'y résoudre, puisque cela ne plairait sûrement point à la nation et à la Cour qui est trop informée de ce qui s'est passé ci-devant. Dans le cas qu'il vienne [2]), je me conduirais absolument selon les ordres de Votre Majesté.

[1]) En chiffres.

[2]) Au clair.

Le Comte de Brühl, fils du Ministre, le même qui a été dernièrement ici, va revenir pour complimenter Sa Majesté Impériale. [1]) Je suis sûr qu'il sera mieux reçu qu'en dernier lieu; mais, pour ce qui est d'engager cette Cour à épouser les intérêts de la sienne, je ne doute pas qu'il réussisse fort mal, puisque le plan de cette Cour paraît être absolument de ne prendre aucune part à la guerre.

16.

(Au Ministre d'État comte de Finckenstein).

St.-Pétersbourg, ce 26 Juillet (6 Août) 1762.

Monsieur.

J'ose espérer que mes différentes dépêches envoyées au Roi, du 13, 17, 21, 22 Juillet et 3 Août n. st. seront bien parvenues à Sa Majesté, et que les duplicats en seront successivement passés à Votre Excellence. Je suis trop empressé à saisir les occasions de présenter mes respects, pour négliger le départ du courrier que M. de Keith renvoie à Londres.

Ce Ministre m'a fait l'ouverture des dépêches reçus le 3 de sa Cour touchant les propositions faites le 28 Juin par la Cour de France à celle d'Angleterre, avec la réponse de la dernière du 10 Juillet. M. de Keith, avec la même confiance dont il m'a toujours honoré, ajouta que le tout avait été communiqué au Roi par un courrier à M. de Mitchell, passé Berlin le 23 Juillet, ainsi que Sa Majesté en a été instruite plus tôt que nous ici, et, par conséquent, Votre Excellence en sera également au fait, avant la réception de cell-ci, que M. de Mitchell avait eu les ordres de témoigner au Roi, que sa Cour ne prendrait aucune mesure relative à ces propositions, avant que de savoir les intentions de Sa Majesté. M. de Yorke mande en même temps à M. de Keith qu'un courrier français avait passé La Haye très précipitamment pour se rendre à Londres, immédiatement après

[1]) En chiffres.

l'affaire du 24 de Wilhelmsthal, et qu'il était probable que la Cour de Versailles, après la nouvelle de cette journée, changerait ses propositions, puisqu'en confrontant les dates, ce dernier courrier français a été dépêché bien avant que d'attendre la réponse donnée le 10 Juillet par la Cour d'Angleterre.

[1]) Ce Chevalier Keith suppose que la proposition de la France de laisser des garnisons françaises dans Wesel, le pays de Clèves et de Gueldre jusques à la paix générale, ne part point originairement du Ministère de Versailles, mais que cela lui a été suggéré par celui de Vienne qui, redoutant de voir la France se séparer, fait tout au monde pour l'intéresser dans les affaires d'Allemagne, et a cru cet expédient convenable au moment présent.

[2]) Quoique je suis persuadé que Votre Excellence entrevoit ces différents ressorts mieux que qui que ce soit, j'ai cru pourtant ne pas Lui déplaire en faisant mention de ceci. Le même courrier vient d'annoncer à M. de Keith la nomination de Milord Buckingham comme Ambassadeur à cette Cour. La [3]) conduite du Ministère britannique en cette rencontre est inconcevable. D'abord après l'avènement du défunt Empereur, la Cour d'Angleterre fit demander à Sa Majesté Impériale s'il Lui plairait d'avoir un Ambassadeur à Sa Cour, et si Elle tiendrait pour agréable que le Chevalier Keith en eût caractère. L'Empereur, qui aimait beaucoup ce Ministre, y répondit qu'il regarderait la mission d'un Ambassadeur comme une nouvelle marque d'amitié et d'estime de Sa Majesté Britannique, et qu'aucun sujet pourrait Lui être si agréable que le sieur Keith. Aujourd'hui la Cour d'Angleterre a fait connaître au sieur Lüders, secrétaire d'ambassade de Russie là-bas, ses regrets de ne pouvoir satisfaire les désirs de l'Empereur en faveur du sieur Keith, puisque, depuis un mois, on avait promis cette ambassade à Milord Buckingham, lequel pourtant n'a eu les ordres pour se

---

[1]) En chiffres. [2]) Au clair. [3]) En chiffres.

rendre ici que peu de jours avant que cette déclaration a été faite à Lüders. L'Empereur vivait encore. Il n'aurait jamais reçu Milord; le Chevalier Keith seul aurait pu l'y porter. Ce dernier, qui, comme je l'ai mandé dans mes précédentes, a demandé son rappel, ne doute pas de l'obtenir et ne fait aucun arrangement pour le prochain départ pour Moscou qui doit ou se fera le 25 Août v. st. Votre Excellence jugera bien combien le départ de ce Ministre me sera désavantageux. Dans mes précédentes j'ai déjà trop détaillé les difficultés que je trouverai dans la suite dans toute négociation à cette Cour, par mon personnel, pour que je puisse vouloir les répéter. J'attends incessamment la réponse du Roi à ma première dépêche. Elle doit me régler sur les arrangements à prendre pour le voyage de Moscou, en cas que Sa Majesté m'ordonne de rester à la Cour d'ici.

[1]) La nouvelle de la manière dont le Roi a congédié le Général Tschernyschew, a fait beaucoup d'impression ici. Les ordres ont été donnés au Maréchal Soltikow et Général Woyekof de remettre le tout en Prusse comme la paix conclue le demande. Messieurs les Ministres de la Prusse m'ont témoigné leur embarras au sujet de ce qui leur venait d'arriver, et j'ai cru devoir y répondre qu'il me paraissait que le seul parti à prendre pour eux était de se tranquilliser et d'attendre les ordres que le Roi leur donnerait en réponse au rapport qu'ils me mandent en avoir fait à Sa Majesté.

Je viens d'apprendre que Sa Majesté l'Impératrice a déjà fait passer aujourd'hui au Prince Repnin Sa réponse à la lettre que j'eus l'honneur de lui remettre, il y a quelques jours, de la part du Roi.

Le comte Keyserlingk, ci-devant Ministre à Vienne, est nommé pour la Cour de Varsovie où il compte s'y rendre bientôt, pour y être à l'ouverture de la prochaine Diète fixée au 1-er Octobre.

---

[1]) Au clair.

[1]) Quelqu'un, instruit des sentiments de la Cour, m'a dit dans le plus grand secret que l'Impératrice de Russie s'emploierait vivement en faveur du Duc Biron, puisqu'elle ne prétend reconnaître un autre Duc de Courlande que lui. Ainsi le Prince Charles ne gagne rien par le dernier évènement, quoique le sieur Prasse en ait parlé fort haut les premiers jours. Il me parait que cette résolution de l'Impératrice prouve assez fortement que la Cour de Vienne et la Cour de Saxe ne doivent-pas se flatter d'avoir un grand ascendant sur l'esprit de l'Impératrice. Il est certain que ces deux Cours tenteront l'impossible pour la gagner, mais je suis persuadé qu'elles ne parviendront pas, au moins dans les premières années de son règne, à lui faire épouser leurs intérêts, en agissant en leur faveur. J'ose demander à Votre Excellence etc.

17.

A St.-Pétersbourg, ce 31 Juillet (11 Août) 1762.

Sire.

La lettre que Votre Majesté a eu la grâce de m'envoyer pour Sa Majesté Impériale par le chasseur Schneevogt, dont j'ai déjà annoncé l'arrivée dans ma très-humble du 3, a été reçue par l'Impératrice avec toutes les marques d'amitié et d'estime pour Votre Majesté, et Sa Majesté Impériale ajouta, lorsque j'eus l'honneur de la Lui remettre, qu'Elle était enchantée de cette attention amicale de Votre Majesté. Le Chancelier me dit, il y a quelques jours, que la réponse de Sa Majesté Impériale avait déjà été adressée au Prince Repnin pour la remettre à Votre Majesté. M. de Keith m'a communiqué les dernières dépêches reçues de sa Cour touchant les propositions faites le 28 Juin de la Cour de France à celle d'Angleterre, et la réponse du 10 Juillet, en me disant que Votre Majesté en aura

[1]) En chiffres.

été informée plus tôt que lui, puisque le courrier venu a lui avait passé par Berlin avec le courrier dépêché à M. de Mitchell.

Milord Buckingham est nommé ambassadeur à cette Cour. Vous saurez, Sire, sans doute par le Baron de Knyphausen combien cette nomination doit être peu attendue de cette Cour-ci, puisqu'on ne devait attendre d'autre Ambassadeur Britannique que M. Keith, après que l'Empereur défunt s'était déclaré là-dessus vis-à-vis de la Cour de Londres à la suite de la demande que la dernière lui fit faire là-dessus.

Dans une conversation que j'eus avec le Chancelier samedi passé, jour ordinaire des conférences pour les Ministres étrangers, il me dit que le Prince Repnin avait ordre de proposer un troc à faire des magasins formés par cette Cour tant en Prusse qu'en Poméranie, comme celui de Colberg, contre les provisions à fournir pour la subsistance de l'armée Impériale dans sa marche pour rentrer dans cet Empire.

Le Sénat s'assemble presque journellement le matin au Palais, et il y a peu de soirs qu'il n'y ait Conseil. Sa Majesté Impériale manque rarement d'honorer ces séances de Sa présence. Il est difficile de dire à quel point cette Princesse veille aux affaires.

Le Comte de Bestushew est rentré au Sénat, avec le rang qu'il y avait ci-devant, ainsi qu'il est l'ancien des Sénateurs. Les personnes dans lesquelles Sa Majesté Impériale a le plus de confiance et qui ont la plus grande connaissance des affaires, tant intérieures que du dehors, sont le Sénateur Comte Bestushew, les deux Chanceliers, le Comte Panin, Gouverneur du Grand-Duc, le Général Knées Wolkonsky et le Comte Keyserlingk. Le dernier, ci-devant Ministre à Vienne, est nommé pour la Cour de Varsovie. Il s'y rendra bientôt, pour se trouver à l'ouverture de la Diète qui sera le 1-er d'Octobre.

Gudowicz vient d'être relâché. Sa Majesté Impériale lui a fait dire que, s'il La servait, dans la suite, avec la fidélité qu'il avait eue pour son Maitre défunt, il pouvait s'attendre à ne

pas perdre au change. On m'assure qu'il quittera le service pour s'en retourner dans son pays, l'Ukraine, avec son frère, qui était adjudant du Prince George.

La conduite du Général Woyekow tenue en Prusse, en reprenant le gouvernement du Royaume, est généralement blâmée ici. Tous ceux à qui j'en ai parlé ne se sont pas cachés là-dessus. Dans une conversation avec le Vice-Chancelier où j'amenais le discours sur cette conduite de Woyekow, ce Ministre m'y répondit lui-même que c'étaient des horreurs et que la Cour en était très mécontente. Aussi on m'a donné les assurances les plus fortes que le tout a été redressé et qu'on a donné de vives mercuriales à ce Général.

18.

A St.-Pétersbourg, ce 31 Juillet (11 Août) 1762.

Post-scriptum primum.

Sire.

[1]) Il me vient de tout côté que l'Impératrice est extrêmement satisfaite des lettres que Votre Majesté a écrites au défunt Empereur et dont Elle vient de faire la lecture.

Je suppose que des malintentionnés Lui avaient donné l'idée qu'il se trouvait dans la correspondance de Votre Majesté avec l'Empereur des choses désavantageuses pour Elle, dont Elle se voit détrompée aujourd'hui.

La conduite amicale de l'Impératrice vis-à-vis de Votre Majesté doit être très inattendue pour toute cette Cour, puisque à peine peuvent-ils se refuser d'en témoigner leur étonnement. Une circonstance que je viens d'apprendre de science certaine, me paraît mériter d'être rapportée à Votre Majesté: c'est que l'Impératrice a fait Sa réponse à Votre Majesté non seulement sans consulter aucun de Ses Ministres, mais, qui plus est, sans

[1]) En chiffres.

conservation du Prince Charles, au point q
ce Prince est en chemin pour se rendre à M

Les sentiments de l'Impératrice en faveu
vont être notifiés à la Cour de Saxe. Ce Du
jours pour assister à l'Assemblée des États q
5 d'Août v. st., où il fera remettre sa prot
Prince Charles. Le Comte Keyserlingk, consul
du dehors, a beaucoup contribué en faveur de
stre fait tout au monde pour détacher cette
Vienne. Il y a trois jours qu'il a remis un n
sur les intérêts de cette Cour vis-à-vis des
conversations qu'il a eues, tant avec Keith
témoigné la plus profonde vénération pour V
combien il est persuadé qu'il convient à la
avec Elle. Il y a quelques jours que j'étais pas
comme il ne m'a pas rendu la visite, il me fi
qu'après être informé que le Comte Merci
mieux faire de ne pas passer chez moi, pour
l'ombrage et de continuer à inspirer à cette Co
qu'il lui donnait depuis son retour ici.

et que, par cette raison, il demanderait une seconde fois sa dimission.

Un courrier arrivé de Constantinople au Ministère m'a porté la réponse du Ministre de Votre Majesté à la lettre que je lui avais écrite, où il me mande que le Ministre de cette Cour avait à la vérité déclaré de bouche que son Maître ne se mêlerait pas de ce que la Porte pourrait entreprendre contre la Hongrie, mais que, malgré les instances du sieur Rexin, il n'avait pas voulu les donner par écrit, ce que le Vizir avait demandé. Pourtant il me mande qu'il tâcherait de tirer de cette déclaration verbale tout le profit qu'il pourrait. Dans la conversation que j'eus là-dessus avec le Chancelier, je sentais bien que le Ministre russe avait agi conformément aux ordres reçus; et sur ce que je disais que cette Cour avait promis de faire cette déclaration pour tranquilliser la Porte sur les craintes qu'elle pourrait avoir de ce côté lors d'une guerre qu'elle ferait à la Reine; que la Porte aurait cette satisfaction, dès que leur Ministre donnait par écrit ce que déjà il avait dit de bouche; qu'enfin je ne doutais pas que, vu les sentiments amicals de Sa Majesté l'Impératrice vers Votre Majesté, cette Cour ne ferait pas difficulté de satisfaire à la promesse donnée, il y a quelques mois, touchant une pareille déclaration: le Chancelier me répliqua qu'il ne voyait pas à quoi cela mènerait, puisque leur Ministre assurait que, malgré toutes les espérances que la Porte nous donnerait, elle n'entreprendrait rien contre la Reine.

Quoique par les dépêches de Votre Majesté je sois persuadé du contraire, je crus ne pas devoir en instruire le Chancelier, crainte que, par une pareille communication, la prochaine signature du traité avec la Porte ne se divulguât et ne parvînt à la connaissance de l'Ambassadeur de Vienne, et j'aimai mieux faire tomber la conversation sur ce sujet, voyant d'ailleurs que, dans le moment présent, je n'aurais pu porter cette Cour à faire la démarche que je souhaitais.

19.

A St.-Pétersbourg, ce 31 Juillet (11 Août) 1762.

Post-scriptum secundum.

Sire.

Le courrier Hochkirch m'a porté hier matin la très-gracieuse de Votre Majesté du 30 Juillet. Pour ce qui est du contenu de cette dépêche, j'oserai, Sire, en faire mon très-humble rapport par un autre courrier dans très peu de jours et mander l'usage que j'en aurai fait.

Les nouvelles venues de l'Allemagne touchant les avantages remportés tant par les armées de Votre Majesté que par les alliés ne paraissent pas faire gagner l'arrogance des ennemis à cette Cour. Je me flatte que l'avantage qu'a eu le Général Hülsen sur les Saxons, dont Votre Majesté daigne gracieusement m'en faire part, ne l'augmentera pas. J'en ai fait incessamment part à M. Keith qui espère bien pouvoir en peu me faire compliment sur quelque nouvel avantage remporté en Silésie.

[1]) Le Chancelier me parla samedi dernier en termes extrêmement vagues sur la pacification générale et sur ce que cette Cour, étant aujourd'hui entièrement hors du jeu, pourrait par sa médiation y contribuer. Comme je n'ai aucun ordre de Votre Majesté relatif à ceci, je crus devoir me contenter d'y répliquer en termes également vagues. Comme il m'importait de savoir si ce Ministre aurait peut-être tenu les mêmes propos à M. Keith, j'ai cru devoir en parler au dernier, d'autant plus que la médiation de cette Cour, en cas qu'elle eût lieu un jour, serait autant pour Votre Majesté que pour l'Angleterre. J'ai donc appris par M. Keith que le Chancelier a eu vis-à-vis de lui la même conduite dans des termes pareils à ceux qu'il avait avec moi, auxquels Keith n'a pareillement rien répliqué de précis. Le sieur Keith

[1]) En chiffres.

ajouta qu'il supposait que cette Cour avait donné même des ordres à son Ministre à Londres à ce même sujet, pour y sonder le terrain; que le Chancelier lui avait arrêté le passe-port un de ses courriers au delà du temps accoutumé, et qu'en l'envoyant, il y avait joint une dépêche pour le Comte Voronzow: ce qui joint à d'autres circonstances, fait croire à Keith que, dans ces dépêches pour leur Ministre, ils ont, à la suite de quelques Conseils tenus, fait passer quelques instructions relatives au désir qu'a cette Cour de jouer le rôle de médiateur.

20.

A St.-Pétersbourg, ce 10/21 Août 1762.

Sire.

Le voyage de Sa Majesté Impériale qui était fixé au 25 du mois vieux style, est remis jusqu'au 15 Septembre même style. Il est à croire que les arrangements infinis à faire pour les fêtes du couronnement ne pourront pas être faits aussitôt qu'on s'en était d'abord flatté.

Dimanche passé, jour destiné aux Ministres étrangers pour avoir l'honneur de baiser la main à Sa Majesté Impériale, nous n'eûmes pas le bonheur de voir l'Impératrice. Sa Majesté avait gagné un refroidissement la veille à une promenade faite au jardin; mais d'ailleurs il n'est pas étonnant que Sa Majesté ne jouit pas d'une parfaite santé, puisque c'est sans relâche qu'Elle S'adonne aux affaires, au point qu'Elle n'a consacré aucune heure pour Se distraire: tant Sa Majesté trouve plaisir à satisfaire aux devoirs du Gouvernement. Il n'y a aucun ordre donné qui ne parvienne à Sa connaissance, et Sa Majesté permet à un chacun de Lui demander Sa protection, qu'Elle ne refuse jamais, quand le sujet en est digne.

Sa Majesté Impériale donne journellement des marques éclatantes de Sa bonté et générosité. Elle vient de donner 30 haken au Maréchal Münnich et 3,000 roubles pour un voyage que le

Maréchal fait pour visiter le port de Roogerwick. Le Comte Lestocq a eu 7,000 roubles de pension et 30 haken, qu'on peut compter à 60,000 roubles, qui resteront à la veuve.

Le Général Romanzow est attendu ici en très peu de jours. Le Général Fermor, arrivé depuis quelques semaines, a paru plusieurs fois à la Cour.

Dimanche dernier, le Duc Biron a été publiquement déclaré Duc de Courlande.

Une partie des gardes à pied est déjà partie, il y a huit jours, pour Moscou, et trois escadrons des gardes à cheval sont marchés dimanche

Le sieur Wolkow, ci-devant Secrétaire d'État de l'Empereur, est nommé Vice-Gouverneur d'Orenbourg. Le Lieutenant-Général Melgounow part dans cette qualité pour commander dans les lignes aux frontières de l'Empire et des possessions des Tartares.

L'Impératrice vient de fixer Son voyage à Moscou au 1-er de Septembre vieux style. Votre Majesté m'ayant ordonné par Sa dépêche du 3 de suivre la Cour, j'y ai arrêté une maison et compte d'y envoyer demain mes chevaux.

21.

A St.-Pétersbourg, ce 10/21 Août 1762.

Post-scriptum primum.

Sire.

[1]) Les mouvements dont j'ai parlé à Votre Majesté dans ma précédente dépêche, bien loin d'être apaisés, vont toujours en augmentant. Il n'y a quasi point de nuit qu'une troupe de mécontents ne vienne se rendre au Palais et demander à voir l'Impératrice qui quelques fois parait en personne, quelques fois aussi les fait tranquilliser par d'autres, en donnant de l'argent aux mutinés.

[1]) En chiffres.

Comme c'était le régiment des gardes d'Ismailow et les gardes à cheval, ci-devant commandés par le Prince George, qui s'étaient entièrement dévoués à l'Impératrice le jour de la révolution, ce sont aussi ces mêmes deux régiments qui aujourd'hui font l'abomination des autres gardes, des régiments de campagne en garnison ici, des cuirassiers du défunt Empereur et de la marine.

Il n'y a point de jour qu'il n'y ait des coups de donnés entre ces différents partis. Les derniers reprochent aux premiers d'avoir vendu leur Maître pour quelques sols et du brandevin. Jusques à présent le corps de l'artillerie ne s'est point déclaré encore. La Cour est venue à l'extrémité de faire distribuer des cartouches au régiment d'Ismailow, ce qui donne l'alarme au reste des gardes et de la garnison. Les mutinés disent que l'Impératrice avait empoisonné son époux, après avoir injustement usurpé le trône; qu'Elle Se jouait de la religion en paraissant dévote; qu'ils s'apercevaient bien qu'Elle pressait le couronnement, mais qu'Elle n'y parviendrait jamais; que le Grand-Duc n'était pas fils de leur défunt Empereur, qu'ils demandaient enfin Iwan pour leur Monarque.

Tous ces propos se tiennent publiquement. La Cour, au lieu d'y mettre le holà par des exécutions rigoureuses, ne se sert que des plus faibles palliatifs, comme de distribuer des espèces aux mutins attroupés, lesquels reviennent à la charge peu après, ne serait-ce que pour tirer de l'argent.

Une partie des gardes qu'on avait fait partir, il y a huit jours, pour Moscou, refuse de continuer leur marche, et les officiers qui sont venus l'annoncer à la Cour, manquent des moyens pour les faire passer outre.

L'unique chose qui favorise la Cour dans cette violente crise, est que les mécontents, de beaucoup plus nombreux à la vérité que les autres, manquent absolument de chefs, puisque d'ailleurs l'orage serait immanquablement crevé, il y a quelques jours, par un égorgement des troupes entre elles, suivi par un pillage

de la ville, et, selon les apparences, les étrangers en auraient été les victimes.

La conduite de la Cour prouve qu'elle soigne d'écarter ceux qui pourraient être chefs des mécontents, ou de propre gré ou forcés par les mutins.

Il y a déjà quelques semaines que l'Impératrice avait ordonné au Maréchal Münnich d'aller visiter les ouvrages du port de Roogerwik, sans faire paraître que cette commission pressait. Un ordre réitéré vint mercredi au soir au Maréchal, et un autre jeudi matin, ainsi que le Maréchal se mit en route un moment après. Gudowitz a eu également les ordres d'aller chez lui en Ukraine. Il est bien à croire qu'après la mort de l'Empereur ni l'un ni l'autre serait volontairement chef du parti mécontent; mais on craint, particulièrement du Maréchal, que le soldat, parmi lequel le Maréchal est très respecté, ne vienne une belle nuit lui proposer de se mettre à leur tête, et l'y forcer, en cas de refus. Quoique la Cour tâche de dissimuler ses inquiétudes, on peut néanmoins les découvrir. L'Impératrice doit souffrir violemment, puisque depuis huit nuits on ne lui permet presque pas de fermer l'oeil.

Pour ce qui est d'Iwan, on prétend que l'Impératrice, dès les premiers jours du règne, l'a fait transporter de Schlüsselbourg où feu l'Empereur le tenait, à un fort plus éloigné, enfermé étroitement dans un cachot. D'autres assurent, que l'Impératrice l'a fait mener à la forteresse d'ici pour le détruire au premier moment d'un éclat.

On assure que le clergé vient de demander les terres que feu l'Empereur lui avait ôtées; ceci sera un nouvel embarras pour la Cour, tant parceque cet arrangement du défunt fut confirmé dans le Sénat les premiers jours du règne de l'Impératrice, que parcequ'une grande partie des terres a été dispersée pour les donner à différentes familles du pays. D'un autre côté la Cour s'assure la haine du clergé en refusant cette demande, dont le dévouement lui est très important au moment présent.

22.

A St.-Pétersbourg, ce 10/21 Août 1762.

Post-scriptum secundum.

Sire.

[1]) Sur ce que Votre Majesté m'a ordonné de Lui mander, si l'Impératrice avait été touchée de la mort du défunt Empereur, j'ose dire qu'Elle ne l'a paru en aucune façon en public, quoique d'ailleurs on prétende qu'Elle l'a été dans le particulier. Jusques à présent, il est impossible de découvrir si c'est par Son ordre qu'il est mort. Plusieurs assurent qu'un officier aux gardes nommé Orlof, frère du Chambellan et de celui qui était un des premiers ressorts de l'évènement et qui était donné de garde au défunt, a fait le coup. Les uns disent que c'était par ordre de la Souveraine, d'autres par celui de son frère, le Chambellan; d'autres, enfin, par celui de plusieurs de ceux qui dirigent aujourd'hui.

Quoique le corps du défunt ait été exposé au public, on n'a quasi pas entendu parler les gens de la Cour de sa mort. Pour le deuil, il n'en a pas été question; mais on s'est contenté de continuer celui qu'on portait déjà.

Ces frères Orlof osent à peine paraître aujourd'hui devant les mécontents. Il n'y a sorte d'injures qu'on n'ait été dit au Chambellan dans les différentes nuits que l'Impératrice l'avait chargé d'apaiser les attroupés. Le Hetman leur est également en horreur. Méprisé de tout temps par toutes les grandes familles du pays, à cause de sa petite extraction, les mécontents disent aujourd'hui qu'ayant été traité en frère par l'Empereur, il ne l'avait trahi, dans cette révolution que pour tâcher de profiter des désordres dans le Gouvernement, pour se placer lui-même sur le trône; mais que ces projets lui manqueraient.

[1]) En chiffres.

Au fond, ils lui font trop d'honneur; car, avec toute la mauvaise volonté dont il peut être susceptible, il a trop peu de talents pour pouvoir entreprendre à jouer un pareil rôle.

Le Comte Bestushew reprend son train de vie ordinaire, qui est de boire au point d'avoir perdu la raison presque tous les après-midis.

Le Comte Schuwalow, favori de l'Impératrice défunte, joue un rôle moins que jamais. Au lieu que, sous le règne précédent, il faisait beaucoup par ses amis Melgounow et Wolkow, il ne fait rien aujourd'hui. Le Comte Bestushew aura toujours du ressentiment d'avoir été exilé, pendant ses beaux jours, de Schuwalow, et Panin connaît trop bien ce qu'il vaut, et est trop jaloux du crédit parfait qu'il a près de la Souveraine, pour faire approcher le Comte. Il n'est pas douteux que le dernier n'ait fourni depuis longtemps des sommes à l'Impératrice, qui ont même été employées pour amener le grand évènement et il est bien à croire qu'il s'en repentira.

La nation est aussi très mécontente des grâces que Sa Majesté Impériale a faites à Melgounow et à Wolkow. Ce sont ces deux qu'elle reconnaît pour les conseillers qui ont porté le défunt à bien de mauvais arrangements. Quoique, dans le fond, l'Impératrice exile ces mauvais sujets par les postes qu'Elle leur a conférés, la nation pourtant ne le reconnaît pas pour tel et prétend voir des exécutions sanglantes.

23.

A St.-Pétersbourg, ce 10/21 Août 1762.

Post-scriptum tertium.

Sire.

Sur ce que Votre Majesté a eu la grâce de m'ordonner dans le post-scriptum à la très-gracieuse du 3 de ce mois, touchant la médiation que Sa Majesté l'Impératrice avait fait

offrir par le Prince Repnin, j'en ai parlé au Chancelier dans les termes prescrits par Votre Majesté, comme quoi, Sire, vous aviez appris avec une joie très sensible les sentiments pacifiques dans lesquels se trouve Sa Majesté Impériale, et que Votre Majesté serait bien aise, si, par Sa médiation, Elle pourrait parvenir à une bonne paix solide et durable. Le Ministre m'y répliqua que Sa Majesté Impériale apprendrait avec beaucoup de satisfaction ce nouveau témoignage de Votre Majesté combien Elle rendait justice aux sentiments amiables de Sa Majesté Impériale pour Votre Majesté, et qu'il ne tarderait pas de faire savoir à sa Souveraine ce que je venais de lui dire. Que, pour ce qui était, d'ailleurs, de cette déclaration faite à Votre Majesté par le prince Repnin, il ne pouvait me cacher que le dernier, en offrant simplement et purement la médiation de Sa Majesté Impériale, n'avait pas exactement suivi les ordres de la Cour qui lui avaient été donnés ainsi qu'à tous les Ministres dans les Cours intéressées dans la présente guerre, savoir de témoigner à la Cour où ils se trouvent, les sentiments pacifiques de l'Impératrice à la suite desquels Sa Majesté Impériale, au cas qu'Elle en soit recherchée par les puissances belligérantes, ne serait pas éloignée de moyenner la pacification générale par Sa médiation. Je répondis au Chancelier que Votre Majesté m'avait donné les ordres dont je venais de communiquer la substance, à la suite de ce que le Ministre de Sa Majesté Impériale avait déclaré à Votre Majesté, et que le prince Repnin, ayant purement offert la médiation de sa Cour, Votre Majesté, à la suite de Son amitié et estime pour l'Impératrice, n'avait pas voulu tarder de me donner les ordres ci-dessus. A cette occasion, je demandais de nouveau au Chancelier si Sa Majesté ne S'était pas déclarée encore sur le traité d'alliance, en le priant de vouloir bien me faire connaître les sentiments de Sa Majesté Impériale là-dessus, pourque je puisse en faire rapport à Votre Majesté. Sur quoi, le Ministre me dit que, jusqu'à présent, l'Impératrice ne s'en était point expliquée, mais qu'il croyait qu'Elle le ferait incessamment.

[1]) Je suppose que, vu l'envie de cette Cour de jouer le rôle de médiateur à la paix générale, elle se portera difficilement à faire aujourd'hui cette alliance, puisqu'elle redeviendrait partie, au lieu que son système du jour paraît une neutralité parfaite. La pacification générale une fois faite, ce motif cesse, et alors il n'est pas à entrevoir pourquoi cette Cour serait éloignée d'entrer en alliance avec nous, ne serait-ce que par le renouvellement de l'ancien traité. Je crois même que les principes que le comte Keyserlingk fournit aujourd'hui, et qui, à ce que j'apprends, gagnent assez, porteront l'Impératrice à préférer les liaisons avec Votre Majesté à celles avec la Cour de Vienne, quoique, d'ailleurs, le Ministre de Vienne se donne à la vérité publiquement beaucoup de mouvements et sacrifie même la hauteur naturelle de sa Cour, en se jetant à la tête de tout ce qui paraît avoir le moindre crédit près de l'Impératrice, au point que cela n'échappe pas aux courtisans.

24.

A St.-Pétersbourg, ce 10/21 Août 1762.

Post-scriptum quartum.

Sire.

[2]) En conformité des ordres de Votre Majesté, je me suis servi de M. Keith pour sonder si l'Impératrice serait satisfaite de me voir accrédité à Sa Cour, avant que d'annoncer mes lettres de créance. Ce Ministre m'avertit jeudi de ne pas les produire, puisqu'il savait de bonne part que dans trés peu de jours j'aurais des ordres ultérieurs de Votre Majesté. Le Vice-Chancelier lui avait déjà parlé, il y a quelques semaines, de ce que Votre Majesté avait demandé au prince Repnin de Lui faire connaître si moi ou un autre serait agréable à cette Cour. Le Vice-Chancelier avait ajouté que la réponse avait été donnée,

---

[1]) En chiffres. [2]) En chiffres.

sans dire pourtant comment. Ainsi il ne paraît plus douteux, ni à Keith ni à moi, que cette réponse a été négative, puisque d'ailleurs ce Ministre ne l'aurait pas cachée à Keith, sachant qu'il m'en ferait part. Si je m'en tenais au simple dehors, je devrais être persuadé que l'Impératrice a des bontés pour moi, puisque non seulement Elle me fait les mêmes politesses qu'aux autres Ministres étrangers, mais qu'encore Elle me distingue en me parlant beaucoup, et même à la première Cour qu'Elle tint le soir, Elle me fit l'honneur de me mettre de Sa partie avec l'Ambassadeur à l'exclusion des autres étrangers. La considération et l'estime que Sa Majesté Impériale témoigne pour Votre Majesté, L'engagent, comme de raison, à cette façon d'agir; car, d'ailleurs quoique bien assuré que Sa Majesté ne saurait avoir des griefs contre mon personnel, par rapport à la conduite que j'ai toujours observée à Son égard, je ne suis pas moins persuadé que tout autre Ministre de Votre Majesté Lui sera plus agréable, vu les raisons alléguées ci-devant et à la suite desquelles Elle aura instruit Son Ministre en dernier lieu. Ces mêmes raisons subsistent pour le sieur Diestel, secrétaire d'Ambassade. Je le crois être de mon devoir de le mander à Votre Majesté, puisque l'intérêt des affaires y est engagé. Sa Majesté Impériale, aussi bien que Sa Cour, sait les bontés que feu l'Empereur témoignait au sieur Diestel, principalement à Oranienbaum, en le mettant journellement à sa table et lui parlant beaucoup, surtout à Péterhof, au fort de la crise: ce qui fait qu'aujourd'hui il est trop marqué par ces mêmes bontés du défunt, pour pouvoir se répandre et gagner la connaissance de ceux qui peuvent intéresser et servir Votre Majesté, comme il l'aurait fait d'ailleurs, et comme tout autre que lui le pourrait faire.

J'ai cru, Sire, ne point devoir cacher cette circonstance à Votre Majesté, remettant à la profonde pénétration de Votre Majesté quel usage Elle en daignera faire. Comme Votre Majesté m'a ordonné de Lui marquer si le Comte Poniatowski

viendra ici, je dois Lui marquer qu'il est fort douteux que l'Impératrice l'ait appelé ici. Elle a constamment entretenu une correspondance avec lui, et je suppose que, lui continuant Ses bontés, Elle a cru devoir lui dépêcher un exprès pour lui annoncer l'évènement. L'Impératrice n'ignore pas combien le Comte, pendant son séjour ici, s'est fait haïr de toute la Cour, par sa hauteur et sa présomption; ainsi, avec toute l'amitié qu'Elle lui porte, Elle est trop politique pour le faire venir au moment présent. Du moins est-il sûr qu'Elle indisposerait beaucoup la Cour et la nation, si Elle faisait ce pas.

25.

A St.-Pétersbourg, ce 13/24 Août 1762.

Sire.

L'Impératrice vient de donner au Hetman, au Knées Wolkonski et au Comte Panin à chacun 7,000 roubles de pension, en ajoutant dans une ukase adressée au Sénat que ces bienfaits étaient relatifs au service éclatant que les susnommés avaient rendu à Sa Majesté Impériale et à l'Empire le jour de Son avènement.

Tous les officiers arrêtés à l'occasion de la révolution sont, dit-on, relâchés et, en partie, congédiés.

La confirmation du Prince George comme Gouverneur du Holstein est assurée de tout le monde.

Sa Majesté l'Impératrice vient d'adresser de Sa propre main une ukase au Sénat qui prouve bien tant le désir sincère de cette Souveraine à soulager le peuple des maux qui l'abîment depuis une suite d'années, tant aussi Sa pénétration à découvrir les principales sources de ces mêmes maux. Sa Majesté Impériale ordonne au Sénat de Lui enseigner les moyens les plus propres, primo, pour diminuer le taux exorbitant mis pour le sel; ce qui fait un article très important, puisque la cherté du sel a *défendu au peuple* d'en prendre, ce qui a fait périr un nombre

considérable de sujets; secundo, pour se défaire des mauvaises espèces monnayées de cuivre qui, depuis tant d'années, roulent dans cet Empire, afin de n'en conserver, dans la suite, que de bonnes espèces de ce métal; tertio, pour diminuer les droits des douanes qui, par la ferme générale, sont montés à un point inconnu dans tout autre pays de l'Europe et ont causé le dépérissement du commerce et le dérangement d'une infinité de familles; quarto, pour écarter le grand nombre de tout ce qui est gens sans aveu, qui, depuis bien longtemps, inondait le pays, en rôdant les grands chemins et commettant toute sorte de crimes, et pour rétablir en général une bonne police, assez négligée depuis un temps.

Le duc Biron part en deux ou trois jours pour reprendre le Gouvernement de la Courlande, après que Sa Majesté Impériale vient de se déclarer en sa faveur. Elle a déjà fait connaître Ses sentiments à la Cour de Saxe. Le comte de Keyserlingk qui, en peu, va résider, comme Ambassadeur, à Varsovie, les répétera à la prochaine Diète. Il n'est pas à croire que la Cour de Saxe refusera de complaire à l'Impératrice, quelque chagrin qu'elle ressente de cet évènement; mais, au cas que cela arrive, les ordres sont donnés pour faire passer des troupes en Courlande, et il y a déjà actuellement un bataillon de la garnison de Riga détaché à Mietau qui servira de gardes au duc Biron. Des lettres de Mietau annoncent l'arrivée du Prince Charles à la tête de 400 hommes auxquels il doit avoir fait distribuer des cartouches.

Sa Majesté l'Impératrice, immédiatement après Son avènement au trône, chargea les Sénateurs comte de Bestushew et comte de Panin, le comte Keyserlingk et le Chambellan et Conseiller d'État Teplow de rechercher la validité des droits tant du duc Biron que du Prince Charles de Saxe au Duché de Courlande. On trouva trois points que la Cour de Varsovie avait fait valoir contre le premier, lors de la nomination du Prince Charles. Primo, les désirs des États d'avoir un autre Duc après que le duc Biron était exilé, et la promesse de l'Impératrice Elisabeth de ne jamais

relâcher le duc Biron. Secundo, que le Duc régnant avait servi une Cour étrangère. Tertio, qu'il avait négligé de payer les dettes faites par ses prédécesseurs. Le premier point cessait par la délivrance du Duc, et il ne fut pas difficile de prouver combien la nomination du Prince Charles avait déplu à la plus grande partie des Courlandais et même des Sénateurs polonais. Le second fut refusé par des lettres trouvées du Roi et de la République dans lesquelles on approuvait beaucoup que le Duc se trouvait engagé à cette Cour, vu que les intérêts de la Courlande et même de la République ne pouvaient qu'en gagner et qu'on faisait avec plaisir une exception en sa faveur touchant la loi qui défend d'ailleurs à un Duc de servir ailleurs et de s'éloigner de son pays. On répondit au troisième point en prouvant que le Duc Biron pendant son Gouvernement avait non seulement payé 500,000 écus d'anciennes dettes, mais qu'il avait encore revendiqué au delà de 70 villages hypothéqués. Tout ceci a été communiqué à la Cour de Varsovie, en ajoutant qu'en considération des droits détaillés du Duc Biron, Sa Majesté Impériale ne doutait pas que Sa Majesté et la République reconnaitraient ledit Duc pour légitime Duc de Courlande. Comme le Prince Charles, dans le séjour qu'il fit ici, avait signé plusieurs articles, le Duc Biron les a également signés aujourd'hui. Ils portent de concéder toujours un libre passage aux troupes Impériales Russes par ses États; de fournir un logement convenable au Général commandant; de conserver une église grecque qui se trouve à Mietau, et un cloître grec qui est à la campagne; enfin, de ne jamais faire aucune prétention, de quelque nature qu'elle puisse être, à cette Cour.

Voilà, Sire, les principaux points de ce qui s'est passé aujourd'hui au sujet de l'affaire de Courlande. La Cour de Saxe en doit être d'autant plus pénétrée de chagrin que son Résident à cette Cour, le sieur Prasse, doit lui avoir donné, dès les premiers jours de l'avènement de Sa Majesté l'Impératrice au trône de cet Empire, les plus grandes espérances combien sa Cour pouvait se promettre la protection de cette Princesse dans l'affaire de *Courlande*.

[1]) Dans une conversation que j'eue hier avec le comte Keyserlingk, il me dit que, quoiqu'il n'était pas de l'intérêt de cette Cour de faire des alliances définitives avec aucun de ses voisins, parce que toute espèce de ces engagements ne pouvait que la mêler dans des querelles étrangères, sans que cette Cour puisse y gagner, n'ayant des prétentions sur aucune partie des possessions de ses voisins, il ne croyait pourtant pas que Sa Majesté Impériale serait éloignée d'entrer avec Votre Majesté dans des liaisons plus étroites qu'Elle l'était aujourd'hui, comme par un traité d'amitié, dans lequel on pourrait, en même temps, prendre des mesures relatives à la Pologne. Il continua par me demander si je croyais que Votre Majesté y serait disposée; auquel cas, il saisirait la première occasion pour en parler à sa Souveraine. Je lui répliquai qu'à la vérité je n'avais aucun ordre de Votre Majesté en conséquence de ce dont il venait de me parler; mais je l'assurai qu'en général Votre Majesté Se trouverait toujours prête à cultiver de plus en plus l'amitié qui subsistait entre Elle et l'Impératrice, et à en resserrer les noeuds, et qu'ainsi Elle y mettrait toute la facilité possible, dès que l'Impératrice Lui aurait fait connaître Ses sentiments là-dessus. Sur quoi, il me dit qu'il comptait, en peu de jours, pouvoir connaître les idées de l'Impératrice à ce sujet, que je ne tarderai pas de faire passer à Votre Majesté, dès que j'en aurai connaissance.

Une entrevue que l'Ambassadeur de Vienne a eue, il y a peu de jours, avec le comte Bestuchew, me paraît mériter de parvenir à la connaissance de Votre Majesté. Le premier fit visite au Sénateur pour lui faire comprendre combien il était de l'intérêt de cette Cour de renouer les liaisons qui avaient subsisté entre elle et celle de Vienne, en vertu des traités dont il avait mis les papiers sur soi. Le Sénateur, en partie animé du ressentiment sur ce que la Cour de Vienne a fait pour l'exiler, en partie échauffé du vin qu'il prend copieusement, répondit à l'Ambassadeur qu'à la vérité il n'entrait pas encore

[1]) *En chiffres.*

dans les affaires, mais qu'aussi souvent que sa Souveraine demanderait son avis, il serait de ne faire jamais alliance ni avec la Cour de Vienne ni celle de Berlin; que l'expérience prouvait combien l'alliance avec la première avait été coûteuse à cette Cour-ci, tant pour l'argent que pour le sang des sujets, sans y avoir gagné la moindre chose; qu'en ne se pas liant avec aucune de ces deux Cours, c'était le meilleur moyen de se faire cajoler par l'une et l'autre. Il ajouta que, pour ce qui était du personnel de ceux dont la Cour de Vienne se servait dans les affaires, il ne pouvait lui cacher qu'à l'exception du comte Prettlack, il leur avait toujours trouvé une hauteur et une roideur singulière. Lorsqu'à la fin de cette conversation l'Ambassadeur voulut laisser au Sénateur les paperasses pour pouvoir les repasser à loisir, ce dernier le refusa, en disant qu'il connaissait la teneur et que, s'il l'ignorait, il serait bien éloigné d'y sacrifier la mauvaise vue qui lui restait encore. Voilà comment finissait cette entrevue qui faisait bien clairement connaître à l'Ambassadeur les sentiments du Sénateur et qui lui avait valu un affront pour son personnel. Ce n'est qu'avec le dernier mépris que le Sénateur s'explique hautement sur les Français et prend, au contraire, avec chaleur le parti de l'Angleterre.

[1]) Le Duc Biron m'a demandé de présenter ses soumissions respectueuses à Votre Majesté, en ajoutant qu'il osait se flatter que Votre Majesté lui ferait éprouver Sa bienveillance par rapport à la dynastie de Wartemberg et qu'au moment de son arrivée à Mietau, il dépêcherait un cavalier vers Votre Majesté pour Lui demander Sa protection. Comme j'ignore tout-à-fait, Sire, Vos sentiments sur cette affaire, je me suis borné à répondre au Duc en général, que j'étais très sûr que Votre Majesté serait toujours bien aise de lui donner des marques de Sa bienveillance, sans sonder le Duc sur ses sentiments; pourtant il me parait qu'avec équité, il ne pourra guère se refuser de rendre au moins au Maréchal Münnich l'argent que ce dernier

[1]) *Au clair.*

a mis dans la dynastie, ou de se contenter de ce que lui y a payé, en cas que Votre Majesté veuille la conférer au Maréchal.

[1]) D'ailleurs, je dois assurer Votre Majesté que le Duc témoigne beaucoup d'attachement pour Vos intérêts, Sire, que plusieurs fois il les a fait paraître vis-à-vis de Sa Majesté Impériale et qu'il m'en a donné différentes preuves.

26.

A St.-Pétersbourg, ce 27 Août (7 Septembre) 1762.

Sire.

En conséquence des gracieux ordres de Votre Majesté du 17, j'ai annoncé, samedi passé, au Chancelier que Votre Majesté avait jugé à propos de me rappeler de cette Cour, pour me donner un successeur qui, jusqu'à présent, ne m'était pas nommé encore, mais qui pourtant ne tarderait pas à me relever, autant que la distance des lieux et les arrangements nécessaires de ses équipages pourraient le permettre, ainsi qu'avec toute la diligence possible il ne pourrait être rendu à cette Cour que dans un couple de mois; qu'ainsi Vous m'aviez ordonné, Sire, de suivre Sa Majesté Impériale à Moscou; que je venais de recevoir mes nouvelles lettres de créance, et que j'attendais les ordres de Sa Majesté l'Impératrice si Elle souhaitait de les avoir rendues, ou si Sa Majesté ne la jugeait pas nécessaire, vu le peu de temps que j'aurai encore l'honneur de me trouver à Sa Cour. Le dimanche matin le Chancelier me dit que l'Impératrice serait bien aise de me donner l'audience et de recevoir lesdites lettres de créance, et que Sa Majesté souhaitait que cela se fasse le lendemain, lundi, à six heures du soir. Je me rendis donc hier au soir à l'heure nommée à la Cour et eus l'honneur de baiser la main à Sa Majesté Impériale, et Lui remis mes lettres, que Sa Majesté reçut avec tous les témoignages de la parfaite amitié et haute estime

[1]) En chiffres.

qu'Elle conserve pour Votre Majesté, dont Elle m'ordonna de faire de nouvelles et fortes assurances à Votre Majesté. Après que mes audiences et celles de Ministres de Suède, de Danemark et de Hollande étaient finies, Sa Majesté parut à la Cour, où Elle me fit l'honneur de me parler beaucoup, et après avoir paru environ une demi-heure dans le cercle, Elle Se retira dans Son cabinet.

Le Grand-Duc est parti hier au soir pour Moscou. Son Altesse Impériale ne fera que de petites journées, de façon que Sa Majesté Impériale, dont le départ est fixé, dit-on, à dimanche prochain, et qui fera plus de diligence, rejoindra Son Altesse Impériale en chemin et fera avec le Grand-Duc Son entrée publique à Moscou.

Tous les Ministres étrangers suivront Sa Majesté Impériale de quelques jours; je compte le faire de deux ou trois jours.

La Cour de Suède vient d'envoyer le colonel Durjez pour complimenter l'Impératrice. Sa Majesté Impériale l'a reçu le plus gracieusement du monde et lui témoigne beaucoup de bonté, toutes les fois qu'il a l'honneur de paraître devant Elle.

Trouvant hier le Conseiller Privé Comte Münnich à la Cour, je lui ai remis la lettre de Votre Majesté adressée au Maréchal son père, et qui se trouvait jointe aux très gracieux ordres de Votre Majesté du 24 que le courrier Fehmel m'a remis hier matin.

Pour ce qui est du contenu de ces dépêches nommées, j'oserai, Sire, en faire mon très-humble rapport à Votre Majesté par un courrier que je compte faire partir incessamment.

Le Baron de Breteuil est arrivé ici samedi passé pour complimenter l'Impératrice sur Son avènement au trône. Il aura incessamment ses audiences, s'il ne les a même aujourd'hui. Je suis etc.

Goltz.

II.

Депеши Бретэля.

(Парижскій Архивъ. Russie. 4 Supplément. Tome 72).

De M. le Baron de Breteuil à M. le comte de Choiseul.

I.

A St.-Pétersbourg, le 12 Septembre 1762.

Monseigneur.

Je sens combien il est essentiel d'examiner la conduite de M. de Mercy comme vous me l'ordonnez. J'y serai fort attentif. Jusques ici l'ambassadeur d'Autriche est bien éloigné du crédit et de l'influence que sa Cour peut désirer de regagner en Russie; il n'a pu rien effectuer, comme les faits le prouvent, et il est personnellement si ulcéré et si mécontent de tout ce qu'il a eu à essuyer, qu'il ne respire que son départ. M. de Mercy est plein de zèle pour les intérêts de ses maîtres, mais il ne partage ni la faiblesse ni l'excès humiliant et inutile de complaisance que sa cour lui ordonne d'avoir pour celle-ci. Il n'est d'ailleurs dans aucune façon dans le système de l'alliance avec la Russie. Je crois ne devoir pas douter qu'il prêche l'indifférence la plus parfaite pour les Russes, et surtout la dignité et la fermeté dans la mânière de traiter avec eux.

Je vois avec grand plaisir, que le Roi ne veut pas s'écarter vis-à-vis de cette puissance du ton de noblesse et de grandeur qui lui est propre, et qui app rtient à sa couronne. J'estime qu'il est plus nécessaire que jamais de ne se pas laisser entamer sur cet article. Le caractère de hauteur de la Czarine exige des ménagements, mais permet peu de complaisance. Je suivrai exactement vos intentions dans la manière de soutenir de plus en plus l'idée de notre union étroite avec la Cour de Vienne, et j'ai trop à me louer du comte de Mercy pour ne pas chercher

à maintenir notre union particulière, et la confiance qu'il me témoigne par l'apparence, et la réalité de la mienne, mais tout cela ne me fera pas négliger les moyens de rendre notre crédit indépendant de nos liaisons avec la Cour de Vienne.

Quoique je ne crois pas qu'il y ait un grand parti à tirer ici ni un grand fond à faire sur la prépondérance, que nous pourrons acquérir à cette cour fides gracia, on la retrouve ici à chaque pas, et quelque révolution qu'il y ait dans le gouvernement, il ne s'en fera de longtemps une sensible dans le caractère et les préjugés nationaux. On ne saurait douter du besoin et du désir que la Cour de Vienne a de la paix, ni de l'accroissement de ces deux puissants moteurs, depuis qu'elle voit que la Russie a perdu de vue le système de l'Impératrice Elizabeth. Je crois donc d'après cela comme vous, Mgr, qu'elle ne rejetterait pas la médiation de Pétersbourg, il est pourtant vrai que M. de Mercy n'a pas saisi à beaucoup près desouvertures qui lui ont été faites, mais sa Cour en les apprenant pourrait bien n'être pas si récalcitrante, et l'ambassadeur m'en a toujours prévenu en me disant, que si nous ne trouvions pas quelque moyen de procurer à sa Cour une paix supportable, elle serait forcée de recourir aux bons offices Russes. Il m'a ajouté que je devais savoir combien cette ressource lui paraîtrait dure, mais que si la France n'avait point de remède à leur pressant embarras, il ne pouvait se dissimuler qu'il fallait le chercher à cette Cour. Je ne sai, Mgr, si, notre paix faite avec l'Angleterre, vous pourriez de concert avec Londres, effectuer quelque chose entre la Cour de Vienne et le Roi de Prusse, mais il me semble que cet arrangement doit appartenir aux deux Cours réconciliées. Je verrais avec grand regret céder cet avantage aux Russes, il est aisé de prévoir ce qu'ils ajouteront au ton de hauteur qu'ils cherchent depuis longtemps à établir au delà de leurs frontières, et dont la nouvelle Impératrice serait sûrement plus susceptible que personne.

Je suis d'avis, Mgr, que la nouvelle Impératrice ne pouvait

rien faire de mieux pour elle que de maintenir la paix conclue par son mari avec le Roi de Prusse. Il est heureux pour S. M. Prussienne que M. Panin ait précipité la restitution des États conquis, car Bestucheff aurait voulu se servir de ce nantissement pour faire jouer un rôle à cet empire dans la pacification de l'Autriche et de la Prusse. Il blâme hautement les conseils de M. Panin à ce sujet, et dit qu'il a empêché la Czarine de tirer un parti glorieux de sa position et de sa générosité. Cela ne saurait se contredire, mais nous pourrons, je crois, nous en consoler.

Aussitôt mon arrivée M. de Mercy m'a prié de parler avec chaleur au ministre russe sur les résolutions de l'Impératrice et l'oubli qu'elle avait fait de son alliée. Je suis entré dans les plaintes de l'ambassadeur, et ai bien partagé avec lui toute l'étendue de sa colère, mais j'ai été plus discret avec le ministère russe.

J'ai l'honneur etc.

B. de Breteuil.

2.

Seconde lettre.

A St.-Pétersbourg, le 12 Septembre 1762.

Monseigneur.

Je suis arrivé ici le 4 à midi, après avoir éprouvé outre les incommodités d'un aussi long voyage, tous les petits accidents qui pouvaient le rendre plus pénible, mais enfin ma santé a secondé mon zèle, et le plaisir de donner au Roi des preuves d'une obéissance et d'un dévouement qui n'auront jamais de bornes.

Je croyais, Monseigneur, pouvoir me flatter que l'empressement de la Czarine me procurerait, en mettant pied à terre autant d'agrément que j'avais essuyé de dégoût sous le dernier règne, mais je n'ai pas tardé à perdre mes espérances pour me retrouver dans une position aussi désagréable, qu'elle était

au moment de mon départ de Pétersbourg. Je crois que vous en lirez le détail avec surprise, et j'ai trop de preuves de vos bontés pour n'être pas sûr qu'en rendant justice à l'exactitude de ma conduite. vous me plaindrez.

Je suis donc arrivé le 4 à midi. Le même jour entre cinq et six heures j'ai été voir M. le Chancelier, et après lui avoir parlé au long de la joie du Roi sur l'avènement au trône de Catherine seconde, je lui ai dit que je venais en qualité de ministre plénipotentiaire témoigner à cette Princesse l'empressement et l'amitié du Roi. M. le Chancelier m'ayant demandé alors copie de ma lettre de créance, afin de presser mon audience, je lui dis que je ne désirais rien tant que de pouvoir m'acquitter des ordres du Roi pour l'Impératrice, et j'ajoutai au Chancelier avec plus de tournure et de phrases qu'il me fut possible, la nécessité où j'étais de lui demander préalablement une réversale semblable à celle que nous avions de l'Impératrice Elisabeth et de Pierre trois. M. de Voronzow voulut me paraître étonné de cette demande, me tint toutes sortes de propos pour me prouver l'inutilité de ce papier, me protestant que jamais les souverains de Russie ne formeraient de prétentions de cérémonial qui blessât la plus parfaite égalité et finit par me dire qu'il craignait que l'Impératrice ne se crut offensée de cette démarche de ma part, et surtout qu'il avait peine à croire, qu'elle consentit à ce que j'exigeais. Je répliquai à cela avec toute la politesse et l'honnêteté possible pour l'Impératrice, je priai M. le Comte de Voronzow de lui rendre tous les motifs du Roi et mes discours, je le supliai surtout d'empêcher que sa Souveraine ne se laissât prévenir par des gens malintentionnés ou ignorants, qui chercheraient peut-être à flatter ou à exciter dans cette occasion la vanité de l'Impératrice. M. le Chancelier me promit de mettre dès le soir même ma demande sous les yeux de l'Impératrice. Le lendemain matin j'envoyai à M. le Chancelier copie de ma lettre de créance, et je l'accompagnai *d'une lettre*, dont vous trouverez ci-joint la copie. J'at-

tendis jusqu'à quatre heures du soir la réponse à cette lettre. Me doutant puisqu'elle ne m'était pas envoyée, que ma demande souffrait quelques difficultés, je me rendis chez le Chancelier qui, quoique chez lui, ne voulut pas me voir, ce qui me confirma les embarras que j'allois éprouver pour cette réversale. Pendant cette agitation j'appris que l'on m'avait fait avertir, que j'aurais mon audience le lendemain 6 avec les ministres de Suède, de Danemarck et de Prusse.

Je compris fort bien, en apprenant cet arrangement, qu'indépendemment du désir de répondre à l'empressement du Roi, l'on s'était flatté que l'appas d'une audience prompte me ferait différer d'exiger jusques après cette cérémonie, la réversale, et que l'on se dispenserait de me la donner, puisqu'alors on serait muni du titre qui constate la reconnaissance impériale. La connaissance que j'ai des finesses nationales ne me permettait pas de donner dans ce panneau. Outre que vous m'aviez ordonné d'exiger cette réversale avant la remise de mes lettres de créance, je retournai donc chez le Chancelier pour savoir à quoi m'en tenir sur cet article. Ce ministre me dit qu'il avait fait passer à sa Souveraine mes représentations, mais qu'il n'avait point encore reçu sa résolution, et que puisque Sa Majesté me donnait le lendemain mes audiences, nous traiterions quelques jours après cette misère. Je fis connaitre à M. le Chancelier que malgré l'extrême satisfaction que j'aurais de faire ma Cour à l'Impératrice, jétais forcé de ne pouvoir profiter de la bonté qu'Elle avait eue de m'assigner mon audience pour le lendemain, si Sa Majesté ne m'avait fait remettre la réversale usitée auparavant. M. de Voronzow voulut me persuader que j'avais tort d'insister si fortement sur cette condition, et me renouvela ses doutes sur le consentement de l'Impératrice, j'exprimai de nouveau à M. le Chancelier la douleur particulière que j'aurais d'être privé de rendre mes hommages à l'Impératrice, mais que la dignité de la Couronne du Roi ne pouvait jamais permettre à S. M. d'avoir la moindre complai-

sance sur cet article. Je finis, Mgr, en faisant sentir avec ménagement au comte Voronzow les conséquences générales et particulières à l'Impératrice qui résulteraient de son refus à remplir avec le Roi une formalité sans laquelle nous ne pourrions la traiter que de Czarine. Il convint du désagrement de cette bigarure, et me dit qu'en prévenant l'Impératrice sur ce refus que je faisais de prendre audience, il essayerait de la faire changer d'avis.

Vous verrez, Mgr, par la réponse que j'ai reçu de M. le Chancelier, et que je joins ici, que S. M. Czarienne se croit fondée à refuser au Roi la réversale. Après avoir lu cette lettre, j'ai parlé à M. de Voronzow et à M. le Vice-Chancelier avec un peu plus de chaleur, que je ne l'avais fait auparavant, de savoir tout ce qu'annonçait de nouvelle prétention déplacée, insoutenable à tous égards le refus de cette réversale, je ne leur ai rien caché du nerf avec lequel le Roi soutiendrait dans toutes les occasions des droits aussi anciens que sa couronne. Ils m'ont toujours assuré que la Russie ne formait aucune prétention présente ni future qui put enfreindre le cérémonial, mais que l'on croyait le titre impérial attaché sans restriction au pays. Il ne m'a pas été difficile de combattre cette assertion, et j'ai terminé en assurant les deux ministres qu'en refusant le titre impériale, nous aurions toujours la même estime pour la grandeur de la Russie et le même empressement pour la Czarine. Cette conclusion déplaisait fort, et je sais qu'il a été depuis question dans tous les conseils du moyen de remédier à cette tracasserie dont le grand nombre sent l'injustice. Quant à moi, je me tiens tranquille et me borne à parler de la sensibilité du Roi en apprenant la manière dont on répond à son empressement.

Le Chancelier m'a demandé si j'irais à Moscou, je lui ai dit, M. le Roi n'ayant pu ni dû prévoir ce qui m'arrive m'avait ordonné d'y suivre S. M. Impériale, et qu'en conséquence j'irais pour y attendre mon rappel.

J'avais, Mgr, deux lettres pour l'Impératrice que M. le *comte Poniatowsky* m'avait envoyé à mon passage à Varsovie

avec prière de les lui remettre moi-même. J'ai profité de cette occasion pour écrire à cette Princesse la lettre que vous trouverez ci-joint, ainsi que la réponse qù'Elle m'a faite le même jour. J'espère, Mgr, que le Roi approuvera ma lettre, et que vous serez persuadé que je n'ai rien négligé dans cette occasion tant pour éviter un éclat, que pour y remédier. Négocier ici c'est labourer un champ pierreux; on croit pouvoir tout exiger avec hauteur de toutes les puissances, parce que le besoin et la bassesse de quelques-unes ont laissé prendre cette douce habitude, et quoique nous ayons donné des preuves que nous ne suivrons jamais des exemples humiliants, on se flatte sans doute de nous y amener, au reste. J'ai cependant lieu de croire que la Czarine voudrait bien n'avoir pas précipité sa résolution.

M. le Chancelier me dit hier qu'il remarquait que S. M. était peinée de cet incident, et après bien des discours, il m'insinua que cette affaire pourrait peut-être s'accommoder, si je voulais prendre mes audiences et consentir à n'avoir la réversale qu'après, sous l'assurance la plus positive, qu'elle me serait délivrée immédiatement après une réversale semblable, mot pour mot à celle de l'Impératrice Elisabeth ou de Pierre trois. M. de Woronzow m'a dit que cette ouverture était son idée, mais qu'il ferait son possible pour la faire goûter à l'Impératrice. Je connais la bonne foi du Chancelier pour nous, et son éloignement pour les tracasseries, mais je présume néanmoins qu'il avait ordre de me faire cette insinuation, et que l'Impératrice croit que sa grandeur gagne quelque chose à ne donner la réversale qu'après l'acte de reconnaissance. Il ne me paraît pas, Mgr, que si elle y gagne il y ait aucun inconvénient à lui laisser cet avantage, ainsi je céderai volontiers sur ce point, et je crois que vous m'approuverez.

Il est certain que si les grandes puissances qui, grâce à Dieu, ne sont pas dans la dépendance Russe, faiblissaient encore quelques années sur toutes les prétentions des différents souverains de ce pays, les ambassadeurs ou ministres seraient

exposés à tout sorte d'avanies, que cette Cour ressemblerait à celle du Japon, où il faut passer sur la croix pour y arriver. La Cour de Vienne vient d'avoir une cruelle preuve du danger honteux de ses complaisances. L'ambassadeur n'avait point baisé la main de l'Impératrice pendant la vie de son mari, il a voulu de même s'en dispenser depuis qu'Elle règne seulement. On n'a rien dit jusques au moment de ses audiences, mais alors on lui a déclaré que cette cérémonie était un droit acquis à la couronne de Russie et une condition sine qua non; à ses audiences il s'est récrié et a demandé du moins une réversale, on la lui a refusé, en lui disant que ces réversales étaient des usages orientaux qu'on ne voulait point reconnaître dorénavant. L'ambassadeur tout frais moulu de sa Cour sur l'indécente visite du Prince George a passé outre, la douleur dans l'âme d'autant plus qu'il voit l'inutilité absolue de ses complaisances pour l'obtention de choses plus sérieuses et plus importantes.

Je vais aller attendre vos ordres, Mgr, à Moscou; je suis bien persuadé qu'ils ne changeront rien à ceux que vous m'avez donné sur la réversale, et que j'ai suivi, de sorte que je compte que si la Czarine n'a point rempli cette formalité, vous me marquerez sans doute de partir pour la Suède. J'aurai fait avant de m'y trouver 2 mille trois ou quatre cents lieues, bien dépensé de l'argent au Roi et augmenté de beaucoup le désordre de mes affaires par les pertes qu'entraînent tant de changements et de précipitation. J'en serai dédomagé pleinement, Mgr, si mon zèle avait été utile, mais j'ai besoin aujourd'hui de vos bontés pour me consoler de n'avoir fait que le triste métier d'un courrier.

3.

Troisième lettre.

Pétersbourg, le 12 Septembre 1762.

Monseigneur.

Je trouve présque autant de mécontentement du règne de *l'Impératrice Catherine* seconde que j'en avais de celui de Pierre

trois. La cruelle mort de ce Prince a fait une impression qui ne s'effacera pas sitôt et la pitié a excité des regrets et des murmures que la servitude du pays ne paraît pas gêner. Les troupes parlent hautement et menacent de Prince Iwan si publi quement comme celui qui devrait gouverner. Enfin, Mgr, il y a une grande fermentation dans tous les États, et il faudrait peu de chose pour renouveler le trouble. Si, cependant, comme je le crois le couronnement se passe tranquillement, cette cérémonie, qui a beaucoup de crédit sur les esprits russes, calmera tout et la Czarine commencera à s'affermir, mais il faudra voir l'usage qu'Elle fera de son autorité et jusqu'à quel point Elle régnera ou se laissera gouverner, car jusqu'ici Elle doit des ménagements à ses conseilliers. Le Chancelier m'a dit que dans un des derniers conseils Elle leur avait demandé d'amitié à tous leur avis par écrit sur la position politique de son Empire dans les circonstances présentes, mais il ne m'a pas fait part de son avis.

M. le comte de Mercy est persuadé que l'Impératrice a à peu de chose près la tête aussi échauffée que son mari pour le Roi de Prusse et un goût très vif pour les Anglais. Il est certain qu'il m'est revenu par plusieurs personnes, que depuis son avènement au trône Elle en fait des éloges pompeux, ce qui pourrait être l'ouvrage de M. Keith, puisqu'Elle le hait personnellement et a eu même lieu de s'en plaindre. Pour le Roi de Prusse j'ai toujours vu l'Impératrice frappée de ses grands talents, elle a une tête faite pour l'enthousiasme et accoutumée au romanesque. Au reste, quoique soit le motif de son goût ou de son estime pour le Roi de Prusse, il est bien clair que la Cour de Vienne ne gagnera rien dans ce moment contre ce Prince, et je ne serais pas même étonné qu'en maintenant la paix de Pierre trois avec Sa Majesté Prussienne, l'Impératrice eut adopté sur ce point un système peu différent de celui de son mari.

Le crédit que le Roi de Prusse paraît avoir acquis à Constantinople peut persuader à la Russie la nécessité et l'avantage

de l'alliance Prussienne. Cependant, M. le comte de Mercy me dit qu'à travers la prévention marquée pour S. M. Prussienne on lui laisse souvent apercevoir, qu'on regarde toujours l'alliance autrichienne comme la plus convenable et la plus importante à la Russie, mais il convient que ce système n'est pas à beaucoup près un anime parmi les coucillers de l'Impératrice. Quant à ce qui nous regard, Mgr, autant que j'ai pu le reconnaître jusqu'ici il me semble que l'on ne considère nos liens que du côté du commerce. M. Panin, qui nous hait sincèrement, s'est saisi de cette partie d'administration, et en est, dit-on, sérieusement occupé. Je ne l'ai vu qu'un moment. Il est parti le surlendemain de mon arrivée. Je compte bien aussitôt que je serai établi dans cette capitale, faire mes premiers soins de le voir et de raisonner avec lui, quoique ce ne soit pas un homme avec qui il soit agréable de traiter d'affaire, ni qu'il soit aisé de le tirer de ses opinions. S'il me fait des ouvertures sur le commerce, je les saisirai, mais je ne me presserai pas trop de lui témoigner empressement sur ce point, quoique je suis bien persuadé que ce soit le seul qui puisse nous convenir et un peu nous servir avec la Russie. Il faut attaquer le coeur de ces gens et par l'intérêt, c'est la base de toute leur politique, et il est inconcevable que le seul moyen de balancer ou de primer le crédit des Anglais à cette Cour, c'est d'y balancer ou d'y primer leur commerce.

Vous savez, Mgr, l'histoire de la Courlande. J'ai eu l'honneur, en passant á Mittau, de faire ma Cour à S. A. R. Deux jours avant mon arrivée dans cette ville, un bataillon russe sans la moindre réquisition ni politesse était venu se ranger en bataille sur la place et avait bâti un corps de garde en bois pour s'y établir. Mr. le Prince Charles m'a paru soutenir avec courage cette dure position, et être déterminé à attendre les dernières violences avant que d'abandonner le Duché de Courlande. A deux journées d'ici je rencontrai Mr. de Biren, qui marchait à sa conquête avec une grande suite. Il doit séjour-

ner à Riga où il doit prendre ses droits, qui seront appuyés par la Russie et secondés par la plus grande partie de la Noblesse Courlandaise et se disposait à aller au devant de lui quand j'ai traversé la Courlande. On ne saurait disconvenir que la protection que l'Impératrice accorde à Mr. de Biren est fondée en droit, mais il faut aussi ajouter que l'Impératrice pouvait y mettre plus de ménagements pour le Roi et plus d'égards pour la suzeraineté de la République. M. le Prince Charles attribue la bonté que la Czarine lui témoigne à quelques démarches que feue l'Impératrice Elisabeth l'a obligé de faire auprès du Roi son père pour le rappel du comte Poniatovski. Madame la Grande Duchesse dit alors à Mr. le Prince Charles, qu'il lui était revenu, qu'il n'était pas de ses amis et ajouta fort sèchement qu'elle croyait cependant qu'il ferait bien d'en être, ou qu'un jour il pourrait s'en mal trouver. Mr. le Prince Charles, suivant ce qu'il m'a dit, répondit avec toute sorte de politesse et de noblesse à cette algarade menaçante en donnant quelque idée du caractère de Catherine seconde.

4.

St.-Pétersbourg, le 17 Septembre 1762.

Monseigneur.

Je ne vous ai point encore parlé du comte Poniatovski, c'est cependant un personnage qui mérite un article tant par le rôle qu'il joue ici, que par les évènements que ce rôle pourrait y produire. Il est certain que l'Impératrice continue à avoir pour lui la passion la plus vive, et j'ai lieu de croire qu'Elle se propose aussitôt après son couronnement de le faire venir en Russie, sous quel prétexte, je l'ignore, mais quelqu'il soit sa présence ne sera pas agréable à la nation. M. Poniatovski, avec qui j'ai cherché à lier connaissance et amitié dans mes différents passages à Varsovie, ne m'a pas caché en der-

nier lieu qu'il tâcherait d'obtenir une commission de la République, et il m'a ajouté que si cette idée ne pouvait avoir lieu il n'en viendrait pas moins en Russie. Il prétend qu'alors la France sera singulièrement contente de lui. J'ai peine à croire cette résolution bien sincère, malgré tout ce que la famille de Czartoriwski a fait depuis quelques années pour se rapprocher de nous.

M. le comte Poniatovski a de l'esprit, mais j'ai peu connu de têtes aussi chaudes; je crois que les idées les plus vagues y entreront, et qu'il trouvera peu de choses impossibles à son ambition. L'objet de celle de sa famille est connu et je ne doute pas, Mgr, que l'Impératrice ne la partage. L'on dit déjà ici généralement que si le Roi. de Pologne venait à mourir on protégerait vigoureusement M. le prince Czartoriwski Adam. Si cette élection ne convient pas aux vues du Roi, il me semble qu'on ne saurait assez tôt prendre des mesures pour en dégoûter la nation. Je voudrais bien, Mgr, la voir un peu se mouvoir cette nation, et quelque dégoutants que soient ses tracas et sa léthargie, je ne puis m'empêcher de croire qu'il est essentiel de ne la pas abandonner.

Je ne veux pas vous laisser ignorer que pendant mon absence l'Impératrice s'est adressée au comte de Mercy pour faire passer ses lettres au c. Poniatovski. Elle a prié l'ambassadeur autrichien d'envoyer successivement deux courriers à ce Gentilhomme. L'ambassadeur croyait que cette confiance le mènerait loin. Vous voyez, Mgr, dans la réponse que m'a faite l'Impératrice et qui est jointe à ma dépêche du 12 Septembre, que cette Princesse me charge de faire encore passer une lettre au c. Poniatovski. Je la lui envoie par ce courrier, mais si toutes ses bontés et sa confiance en moi n'aboutissent aujourd'hui qu'à me faire jouer le rôle du Conseiller Bonneau, je ferai bientôt en sorte de m'en débarasser.

Cette Princesse croit que l'on est trop heureux de la servir et paraît peu susceptible de reconnaissance; Elle en a déjà donné bien des preuves dans son intérieur. La faveur de la

princesse d'Askoff, à qui elle a les plus grandes obligations, ne vient presque plus à rien; Elle est blessée de ce que les relations de tout ce qui était ici ont attribué avec justice à cette jeune femme tout l'honneur de la révolution. La Czarine m'a fait prier en dernier lieu de vous demander vos conseils à cet égard et m'a fait demander si je connaissais Voltaire pour m'engager à rectifier également les idées du poète sur le rôle qu'a joué la princesse d'Askoff dans la conjuration. Elle craint que le poète français qui est ici en correspondance avec plusieurs personnes, ne chante la princesse d'Askoff. C'est pousser loin la jalousie et la hardiesse de l'ingratitude, car Elle ne saurait se dissimuler que je suis parfaitement informé du degré de services que Lui a rendus cette jeune femme. C'est elle qui, de la part de l'Impératrice, m'a envoyé le Sr. Odar et la Czarine n'ignore pas que j'avais avant lors plusieurs conversations avec cette jeune conjurée dans lesquelles elle m'avait fait connaître la confiance sans bornes que lui accordait l'Impératrice. Mais tout cela est déjà oublié, et S. M. Czarine cherche à se persuader qu'Elle ne doit qu'à ses talents personnels tous ses succès.

5.

Copie de ma lettre à l'Impératrice.

A Moscou, le 2 Octobre 1762.

Madame.

Je suis accouru ici avec l'empressement que m'ordonnent les sentiments du Roi pour V. M. I. et que m'inspirent mon respect et mon admiration particulière. Depuis le jour que je suis arrivé j'ai parlé à tous les Ministres de la difficulté de la réversale, de la peine et de la surprise que ce refus causerait au Roi, de la douleur que j'en ressentais. J'espèrais que ces Messieurs en rendant compte à V. M. I. de mes nouvelles protestations sur la pureté des sentiments du Roi dans cette affaire de formalité, trouveraient quelque moyen de l'arranger à la satisfaction des

deux partis; mais je vois couler 42 jours et approcher le moment heureux pour la Russie dont le Roi a été le premier des souverains de l'Europe à partager la satisfaction, que j'ai désiré autant que le plus fidèle de vos sujets et que S. M. I. a eu assez d'estime pour moi pour me faire apercevoir avant son époque. Je vois ce jour Madame et je le vois l'amertume dans l'âme. Je ne saurais me résoudre à le passer dans cette situation, ni à croire que V. M. I. consente que le Ministre du Roi soit le seul qui ne puisse prendre une part publique à l'allégresse universelle et à la gloire de V. M. I.

C'est à votre âme, Madame, que j'en appelle dans cette occasion, c'est à vos lumières supérieures et à votre justice. De quoi s'agit-il? d'une misérable affaire de cérémonial, dans laquelle la complaisance n'ôterait rien à la grandeur de V. M. I. et pourrait au contraire exposer celle des Lys. Dans cette alternative, je connais trop V. M. I. pour ne pas me flatter que vous ne résisterez pas à demander au Roi la suppression d'un usage, qui tient si essentiellement à la dignité de sa Couronne. Je suis assuré au reste que si l'amitié, l'estime la plus parfaite peuvent permettre aux Souverains des complaisances passagères de cette nature, Sa Majesté aurait assez de confiance dans Votre Majesté pour ne voir aucun inconvénient à se fier sans restriction à votre probité; mais vous savez mieux que moi, Madame, que tout ce qui intéresse la grandeur des Rois et de leurs Empires ne saurait être fait avec trop de précision, et que sur cette matière on ne saurait trop lire dans l'avenir. Le nom d'Empereur ou d'Impératrice emporte avec soi une supériorité parmi les égaux. Cette signification de mots est reconnue généralement et dans toutes les langues, il faut donc en l'accordant à l'amitié qui doit unir la France et la Russie, que le Roi prenne des mesures qui seules peuvent rétablir des choses dans l'égalité à tous égards et être garantes à la Couronne du Roi, que l'on ne donnera à sa complaisance que l'intention qu'il entend.

V. M. I. est plus faite que personne pour sentir la force et

la justice de ce raisonnement et c'est aussi d'elle seule que j'en attends le succès. La permission que vous m'avez toujours donnée, Madame, de vous parler vrai, et le goût que je sais que vous avez pour une vérité, que tous cherchent à éloigner du trône, m'enhardit et m'encourage aussi à ne pas déguiser à V. M. I. le mauvais effet qui résulterait dans l'Europe du soutien réciproque de cette altération. Elle est, j'ose le dire, au dessous de la Russie et de la France. Ce n'est point à des objets de cette espèce que deux puissances aussi respectables doivent s'arrêter. Nous avons, Madame, des choses plus utiles à combiner ensemble et il serait affreux de voir finir par des misères une réunion de vues et de moyens entre deux puissances trop grandes pour se craindre et trop éloignées pour se nuire, mais en état de se procurer les plus grands avantages. Le Roi, Madame, y sera toujours également disposé de son côté. Il connaît le prix de votre amitié et l'étendue de vos vertus. Sa Majesté ira toujours au devant de tout ce qui pourra vous plaire et les plus beaux jours de ma vie seront ceux que j'emploierai à rendre ces sentiments à V. M. I.

M. de Woronzow, Madame, m'a offert une idée. Il devait la communiquer à V. M. I.; j'en ai parlé à M. Panin, et je suis prêt à m'y conformer, si V. M. I. l'approuve. J'avais demandé à Votre Ministre de me donner la réversale avant mon audience, si cette démarche préliminaire vous paraît inutile, Madame, et qu'il vous soit plus agréable de me faire remettre cette réversale après mon audience j'ai dit à M. de Woronzow que j'y souscrirais avec empressement et que je ne doutais pas que le Roi n'approuvât ma conducite. J'ai offert de plus avec M. Panin de ne convenir avec personne de la complaisance que S. M. I. aurait de me faire donner cette réversale, réunissant tous mes voeux à ce que S. M. I. entrât dans cet arrangement et qu'il Lui paraisse une preuve des ordres que j'ai de ne rien négliger pour La convaincre, de l'envie que le Roi a de cimenter avec Elle la plus solide et la plus tendre union.

6.

Moscou, du 9 Octobre 1762.

Monseigneur.

Je ne sais à quoi aboutira la correspondance que la Czarine entretient avec M. Poniatovski, mais il ne parait pas douteux qu'Elle lui a donné un successeur dans la personne de M. Orloff, qu'Elle a déclaré comte le jour de son couronnement. Ce M. Orloff a été le principal instrument du dénouement de la conjuration. C'est un fort bel homme, il était amoureux de la Czarine depuis plusieurs années, et je me souviens qu'un jour, Elle me le montra comme un personnage ridicule et me conta l'extravagance de ses sentiments, mais il a mérité depuis qu'Elle le traitât plus sérieusement. C'est au reste, dit-on, une très grande bête. Comme il ne parle que russe, il ne me sera pas sitôt aisé d'en juger.

Cet attribut de bêtise est assez commun à tout ce qui entoure aujourd'hui la Czarine et quoi qu'Elle paraisse s'en accommoder fort, je ne puis me persuader qu'Elle n'éloigne la plupart de ceux, qui composent sa société. Elle n'a vécu jusques ici qu'avec les conjurés, qui, à M. Panin et un Hetman près, sont tous de pauvres diables, qui étaient Lieutenants ou Capitaines et en général mauvais sujets, habitants tous les tripots de la ville. Vous jugerez, Mgr, de leur éducation et du ton de la société par un propos que le Sr Orloff tint à la Czarine peu de jours avant son départ de Pétersbourg. Elle soupait avec un petit nombre de personnes, la conversation roulait sur le grand évènement, et l'on s'égayait aux dépens du défunt, quand Orloff, en adressant la parole à la Czarine, dit que les gardes avaient tant d'amitié pour lui, que s'il voulait dans l'espace d'un mois, il la détrônerait. Le hetman, qui était présent à ce discours, et qui vit combien il embarrassait la Souveraine, répondit avec gaieté: Cela se peut, mon ami, mais nous t'aurons fait pendre avant quinze jours. Il est certain que les Gardes sont aujourd'hui *ce qu'étaient les* Strelits autrefois et qu'il sera longtemps aisé

de les faire remuer avec de l'argent. c'est en général le Dieu et la foi des Russes, et la milice, qui dans cette occasion a vu les distributions pécuniaires abondantes, doit y avoir pris goût.

7.

Seconde lettre.

Moscou, du 9 Octobre 1762.

Monseigneur.

La transplantation de la Cour russe dans cette capitale, toutes les cérémonies et la joie du couronnement absorbent tout le monde et suspendent toute affaire. Il est vraisemblable que le bureau de la politique ne reprendra guère son activité que dans quelques semaines. Je n'en suis pas moins attentif à pénétrer par différentes voies le véritable plan politique que se propose la Russie.

Dans la conversation avec M. Panin sur la réversale, j'ai tâché de l'engager à s'ouvrir sur ce point. Je n'ai sur cela que des aperçus à vous marquer, mais il me semble qu'ils indiquent que ses principes ne se portent dans tous les temps que très modestement vers la Cour de Vienne. M. Panin ne m'a point dissimulé qu'il blâmait absolument la politique du règne d'Elisabeth et qu'il ne concevait pas comment cette Princesse avait pu être aveugle au point d'épuiser son Empire pour le pur motif du sentiment pour la Cour de Vienne et il m'a ajouté, après m'avoir parlé fort librement à cet égard, que la France et la Russie n'avaient rien à se reprocher sur l'excès de leur complaisance pour la Maison d'Autriche et qu'elle avoit su tirer de nous deux un parti à peu près égal pour ses vues. Vous sentez bien, Mgr, que je n'ai point applaudi à ces réflexions, et que j'ai tâché de tenir le langage qui me convenait et qui pouvait le plus convaincre M. Panin, que nous regardions nos liaisons avec la Cour de Vienne comme un principe fondamental, qui nous ferait toujours prendre la part la plus sincère et la plus vive à ses intérêts.

M. Panin a passé de là assez rapidement à me dire que les intérêts de la Russie demandaient qu'elle ne s'occupât de longues années que du rétablissement général de toutes les parties de son administration intérieure, que tout était dans un désordre, qui demandait de prompts remèdes, et pour y parvenir il se proposait de s'occuper particulièrement du commerce. Il m'a parlé de celui que la Russie peut faire avec la France et des avantages réciproques, que nous pouvons nous procurer dans ce genre, je les ai élevés fort haut et suis entré avec lui dans le plus grand détail qu'il m'a été possible sur cet objet. J'ai tâché, Mgr, de lui démontrer, que la France pourrait détruire le préjugé où l'on est en général en Russie, que l'Angleterre était la seule puissance avec laquelle la Russie put faire un commerce utile, et je lui ai dit que pour en juger sainement il était nécessaire retrancher à la nation anglaise des privilèges ou avantages particuliers, que le crédit anglais avait su se procurer dans tous ses traités de commerce, que ce n'était que par la plus parfaite égalité de traiter à tous égards, que l'on pouvait établir la concurrence, qu'il n'y avoit point de commerce utile pour une nation lorsque des prédilections mettent obstacle à la concurrence de la vente de ses denrées, ou de l'achat de celles du cru des autres. M. Panin est commun de ce principe, et m'a protesté que dorénavant la Russie ne gênerait son commerce en faveur de personne, et que nous trouverons toute sorte de facilité pour établir et pour consolider le nôtre dans l'Empire; je lui ai fait connaître les termes où nous en étions sur cet objet au moment de la mort de l'Impératrice Elisabeth et il m'a témoigné, qu'il verrait avec joie reprendre cette affaire, et que s'il en avait la direction, elle se traiterait par le sentiment. Je ne sais, Mrg, ce qui en arriverait; M. Panin ne nous aime assurément pas, il est généralement hérissé de difficultés, mais il se pique de vouloir le bien de son pays et le commerce est l'objet principal sur lequel il fonde ce principe. D'après cela l'on pourrait peut-être se promettre bonne foi et facilité dans le cours de cette *négociation.*

Je suis, Mgr, avec soin toutes les démarches et tous les mouvements d'humeur que laisse échapper l'ambassadeur de Vienne. La masse des derniers me paraît dominer, et il me répète souvent, que plus il voit la tournure de tout ceci, et plus il est d'opinion que sa Cour n'a rien à attendre de la Czarine, pour le moment présent et pour le futur. Je sais positivement que cette Princesse plusieurs mois avant le détrônement de Pierre trois, confie à l'ambassadeur tous ses chagrins sur la conduite de son mari par rapport à l'alliance, et que, sans cependant lui rien dévoiler de ses projets et de ses menées, elle lui faisait ajouter toutes les protestations qui pouvaient échauffer l'ambassadeur et intéresser la reconnaissance de sa Cour, de sorte que le comte de Mercy au moment du grand évènement se croyait près des plus grands succès pour les vues de sa Cour. Quoique le manifeste détruisit toutes les apparences, la Czarine prit un soin si particulier de soutenir ses espérances, qu'il ne les perdit pas. Elle lui fit dire qu'Elle était obsédée et observée, et que dans sa position il ne lui convenait de marquer aucun empressement direct pour personne, mais qu'Elle voudrait fort le convaincre de ses sentiments pour leurs Majestés Impériales et trouver un moyen de lui en parler au long; que ses embarras de tous genres ne lui permettent pas de tenir sa Cour et d'y voir les Ministres étrangers, et s'il voulait se trouver tel jour et telle heure dans le jardin de la Cour, où elle se promenait volontiers et qui est libre à tout le monde, Elle serait bien aise d'y trouver l'occasion de causer avec lui. Cet air de bonne fortune et de rendez-vous mystérieux causent à l'ambassadeur une joie politique très vive, il ne douta pas qu'il n'en tirât un parti utile aux intérêts de sa Cour. Vous connaissez, Mgr, cet ambassadeur, il est certainement aussi capable que personne de faire naître et de profiter d'une occasion. Il vit la Czarine, il se promena longtemps seul avec Elle et n'obtint rien de tout, ce qu'il crût capable de la remuer efficacement en faveur de sa Cour; il ne remporta de cette conversation que la certitude

qu'Elle avait bien d'autres desseins et que de l'aveuglement sur la manière dont Elle envisageait la Cour de Vienne et le degré d'intérêt qu'Elle y voulait apporter. La Czarine pressée vivement par le comte de Mercy sur le moment présent se rabattit autant qu'elle pût sur la nécessité et la force de leurs liens futurs. Toutes les agaceries politiques de cette Princesse se réduisirent là, et depuis cette époque Elle a pris grand soin de ne pas mettre l'ambassadeur à portée de lui parler d'aucune affaire. Elle le traite, dit-il, assez bien, mais quelques observations m'ont assuré qu'Elle avait l'air de se forcer à lui marquer des bontées, et qu'Elle n'était aisée et empressée sur ce point qu'avec Mr. Goltz qu'Elle distingue plus que le reste du corps diplomatique.

Au reste, Mgr, je ne crois pas que la Czarine soit dans ce moment fort d'accord avec Elle-même pour ses vues politiques et qu'Elle ait un plan assis. Elle a de l'esprit et l'usage de l'intrigue, mais peu de connaissance en affaire d'état, et il s'est sûrement fait dans sa tête une culbute générale depuis ses succès qui demande le temps d'y rétablir l'ordre et d'y mettre la mesure, la hauteur et l'orgueil, et je crois la fausseté y dominent, et ses démarches en seront peut-être plus souvent le fruit que celui du piège.

L'on est ici toujours fort occupé, Mgr, d'être la médiatrice et l'arbitre de la paix d'Allemagne. Mr. de Mercy me dit qu'on le lui fait entendre, mais cependant de manière à lui dire: priez-nous et nous vous secourrons. Il m'assure que sa Cour est bien éloignée de se prêter à ses sollicitations et qu'elle ne veut avoir aucune obligation à la Russie pour sa paix, quand elle aura perdu l'espérance de l'obtenir par notre moyen.

L'ambassadeur est plein de déplaisir pour son personnel. Je n'en puis douter, comme je vous l'ai déjà marqué, et tout ce que je puis apprendre d'ailleurs de ses discours et de ses soins me prouve que sa Cour a de très bonne foi la même façon de *penser. J'espère,* Mgr, que notre paix sera assez tôt conclue

pour nous donner le temps de répondre à sa confiance et à ses besoins dans cette occasion, et je désire plus que je ne puis vous le dire, que la Russie n'y entre pour rien. Sa considération est trop jeune pour d'aussi grandes choses, et l'orgueil de la Czarine s'annonce trop pour les lui abandonner.

La Czarine se propose d'aller en peu de jours en pèlerinage à Troitza, abbaye de moines à 20 lieues d'ici. Elle ne néglige rien pour donner au peuple une grande idée de sa profonde religion et dévotion grecque; jusques ici on dit qu'Elle n'a que fort médiocrement réussi dans ce soin. Le clergé qu'Elle avait fort caressé et qui n'a pas peu contribué à son élévation n'est pas parfaitement satisfait de l'arrangement qu'Elle a fait en rendant aux moines et aux églises le bien que Pierre trois leur avait ôté: Elle a mis des restrictions dans le rétablissement de leurs richesses qui gênent l'avidité des moines et qui les blessent à l'endroit le plus sensible. L'archevêque de Novgorod, à qui la Czarine ôte les plus grandes obligations et qui est un homme très important parmi le clergé, n'est pas non plus content de la reconnaissance que cette Princesse lui a témoignée; il se flattait qu'après avoir eu sa confiance dans ses malheurs Elle la lui conserverait sur le trône, et il espérait de jouer un rôle dans l'état, mais il ne participe à rien. J'ai toujours oui dire que c'était un homme de beaucoup d'esprit et de vertu, et il a prouvé sous le dernier règne du nerf et du courage. Je ne sais, Mgr, quel est le motif de la Czarine en ne lui marquant pas plus d'empressement et de reconnaissance, mais il ne me paraît pas d'une bonne politique et je vois qu'Elle est blâmée sur ce point.

La conduite que la Czarine tient avec la plus grande partie de ceux, qui ont donné des preuves d'attachement, m'a confirmé ce que m'a dit anciennement du caractère de cette Princesse Mr. de Brocdorff, chancelier du Holstein et ministre favori du Grand Duc jusqu'à son avènement au trône. Ce Ministre qu'elle détestait me parlait un jour des s rvices qu'il lui avait rendus

et m'ajouta: la Grande Duchesse croit que l'on est trop heureux de la servir et assez payé par l'honneur qu'elle suppose que l'on doit s'en faire et quand elle a fait de quelqu'un tout l'usage qu'elle désire, ou dont elle le croit susceptible, elle en fait comme d'un citron dont on en exprime le jus, l'écorce se jette par la fenêtre. Je croyais alors, Mgr, que cette comparaison était l'effet de la vengeance du Baron de Brocdorff, mais je vois aujourd'hui par bien des exemples qu'il me disait vrai.

8.

Moscou, le 28 Octobre 1762.

Monseigneur.

Vous aurez été confirmé dans tout ce que j'ai eu à vous marquer depuis mon retour, dans l'opinion où je vois que vous étiez déjà sur l'état politique des choses à cette Cour, elles continuent à être aussi peu conformes à nos vues qu'elles peuvent l'être et le caractère Impérial qui se développe tous les jours, ne permet d'espérer aucun changement avantageux en notre faveur. Les entours de la Czarine sont très confirmatifs sur ce point. Les préventions de ceux qui ont l'influence principale dans les affaires sont connues et paraissent sans remède. Les autres dont le crédit ne tient qu'au goût de la Czarine, n'ont peut-être point ou peu de préventions, mais sont si ignorants et de plus si bornés, que l'on ne parviendrait à les instruire, il serait difficile d'en faire usage ou une barrière utile, au sorte que je crois devoir conclure, Mgr, de tout ce que je vois à cet égard, surtout de ce que je connais du caractère de la Czarine, que quand nous ne serions pas par le refus de la réversale dans une position de froideur et peut-être d'abandon prochain de tous liens avec la Russie, ceux que nous pourrions y conserver ne pourraient jamais nous donner une influence propre à fonder ni à maintenir un système assuré d'après lequel on put ni dut combiner des vues ou des arrangements politiques d'une certaine *importance ou étendue.*

La nomination d'un ministre plénipotentiaire pour résider auprès du Roi de la part de Catherine n'annoncent pas, comme vous le remarquez, Mgr, le désir d'une union bien étroite. L'objet du cérémonial est entré sans doute dans cet arrangement, mais la différence avec laquelle on considère ici nos liens doit avoir fort appuyé ce motif. J'ai déjà eu l'honneur de vous mander que leur utilité n'est envisagée que du côté du commerce et je sais que cet avantage avait même fait dispute. Il m'est revenu que la Czarine disait il y a peu de jours à propos de la dispute sur la réversale, qu'Elle n'avait que faire de la France à aucun égard. Cette vérité peut être réciproque, et je me persuade, Mgr, que nous ne pouvons que gagner à l'adopter promptement et peut-être même sans retour. En général l'excès des ménagements et des attentions de la part d'une grande puissance annonce le grand besoin, et cette Cour était plus portée qu'aucune autre à y donner cette interprétation, parce que outre son orgueil elle est incapable d'avoir des vues et des principes, qui engagent les puissances respectives et policées à des avances ou à des complaisances amicales. Je crois, Mgr, ne vous présenter qu'une idée juste du caractère russe et de la vanité de sa Souveraine, et d'après cette persuasion je me figure que le parti de l'indifférence et de l'oubli le plus marqué doit être non seulement le plus convenable, mais aussi le plus utile, pourvu que dans aucun cas ni dans aucun temps nous ne nous laissions aller à des recherches de liens et d'amitié que les russes n'auraient pas prévenus d'une façon pressante.

Je pense absolument comme vous, Mgr, que les grandes Cours ne conservent leur considération et leur crédit que par la noblesse et la fermeté. C'est le seul ton qui convienne à la France, et peut-être le talent ou la qualité la plus nécessaire aux ouvriers qu'elle emploie.

Je n'ai ni parlé ni agi depuis la dernière lettre sur l'objet de la réversale. Le ministre russe a de son côté observé la même réserve, de sorte que les choses sont dans la même po-

sition. M. le Marquis d'Almodovar a reçu depuis quelques jours ses lettres de créance avec ordre de ne les point donner avant la réversale; il a fait les démarches convenables sur cet objet; il est aujourd'hui dans le même cas que moi. J'ai été instruit qu'à cette occasion M. de Woronzow avait fait des efforts pour dissuader la Czarine, mais son entêtement, qu'Elle nomme fermeté et dignité, a toujours résisté à tous les sages avis du Chancelier. Ainsi il est doublement prouvé, que rien ne la ramènera, que le laps du temps et la preuve da la tranquillité avec laquelle nous oserons lui refuser son vain titre Impérial.

9.

Seconde lettre à Mr. le comte de Choiseul de même date.

(*Бильбасовъ*, II, 566).

10.

Troisième lettre.

A Moscou, le 28 Octobre 1762.

Monseigneur.

Le comte Orloff est maintenu aussi publiquement et beaucoup moins décemment ménagé que ne l'était celle du Chambellan Schuvalow auprès Elisabeth. J'ai preuve aussi assurée qu'il soit possible, Mgr, que l'intrigue de la Czarine avec cet homme dure depuis deux ans et que dans le temps qu'Elle me faisait la grâce de me le faire remarquer, comme une espèce d'extravagant, qui s'était fourré dans la tête d'en être amoureux, ce jeune homme n'avait rien à désirer de plus de la complaisance de cette Princesse. Je sais qu'Elle s'amuse volontiers à persifler sur ce même objet, des personnes qui avaient eû toute sa confiance sur M. Poniatovski et qu'Elle cherchait à conserver leur intérêt et leur pitié, ajoutant le détail des plus beaux sentiments pour ce Polonais et l'état douloureux dans léquel sa

passion la faisait vivre. Je ne vois dans tout ce jeu que l'avantage de revoir journellement l'art de tromper et de feindre avec la satisfaction de passer dans toute l'Europe pour une tête romanesque. J'ai de plus des notions bien fortes que l'hiver dernier dans les premiers mois du règne de Pierre trois, où je vous marquai le mauvais état de la santé de cette Princesse, excitée par ses chagrins. Elle était occupée à remédier au désordre d'une fausse couche de laquelle Pierre trois était aussi ignorant qu'innocent. Il est un peu embarrassant, Mgr, de coudre avec respect toutes ces particularités à la correspondance soutenue avec M. Poniatovski et les deux courriers demandés au comte de Mercy dans le plus grand secret pour envoyer vers ce Gentilhomme dans les trois premiers jours de la révolution. Au reste je me confirme de plus en plus dans le danger qu'il y aurait pour Elle à faire revenir M. Poniatovski. Outre qu'il est craint de la Cour, gens qui connaissent le comte Orloff et quatre frères qu'il a dans les gardes, m'assurent qu'ils se font tous les jours un parti si formidable parmi cette milice qui la soulèveraient à leur volonté et qu'ils sauraient le faire si la Czarine leur manquait. Il est certain, Mgr, que l'union de ces cinq frères est la plus intime, que la Czarine pour se soutenir en a fait un Major des Gardes, de sorte que si cette position les rend utiles elle les rend aussi des personnages très redoutables et je sais par différentes voies que la Czarine les craint au moins autant qu'ils sont à craindre. Cependant comme ce n'est ni une tête ni une âme ordinaire que celle de cette Princesse, il se pourrait si la fantaisie de ravoir le comte Poniatovski lui a pris, qu'Elle passât par-dessus toute considération pour le faire revenir, et je ne serais pas étonné que dans le moment où Elle comble le comte Orloff, Elle roulât dans son imagination le moyen de le perdre pour faire place au vétéran.

Je ne crois pas, Mgr, que tous ces détails précédents et que vous savez déjà vous laissent aucun regret de la circonspection avec laquelle je me suis conduit avant et depuis la

révolution. Je ne croyais pas la Czarine telle qu'Elle se montre aujourd'hui dans tous les points. Cela n'était pas possible au peu de commerce que je pouvais avoir avec Elle et au soin qu'Elle apportait de me témoigner ses sentiments pour le Roi et ses bontés pour moi; mais malgré cela je ne crois pas, Mgr, l'avoir peinte trop en beau. Je suis bien sûr de ne vous rien avancer de trop. Dans ce moment, je me défie de l'honneur de ma position et j'examine plus d'une fois ce que l'on me dit et ce que j'écris.

11.

Lettre de M. le C. de Choiseul à M. de Breteuil.

Fontainebleau, le 12 Octobre 1762.

Monseigneur.

J'étais très impatient d'apprendre votre arrivée à Pétersbourg et de connaître sûrement par vos rapports ce que nous avions à attendre des sentiments de l'Impératrice. Ses entours ne paraissent pas trop bien disposés pour nous, et je commence à penser que les sentiments que cette Princesse avait témoignés dans les temps de sa mauvaise fortune n'étaient que le masque de l'inclination, que son coeur conservait pour nos ennemis. Au reste, M., l'amitié de la Russie n'est pas une nécessité de politique, et si M. Panin est persuadé que nous ne pouvons avoir ensemble que des liens relatifs aux objets de commerce, le système de ce favori se rencontre parfaitement avec nos idées. Le temps et les circonstances nous mettront peut-être à portée de profiter de ces dispositions; mais il convient que vous bornez actuellement à les entretenir et à les échauffer dans vos conversations par des propos indirects sans témoigner beaucoup d'empressement d'en faire usage.

Je n'aurais jamais imaginé que M. de Kayzerling put devenir un jour le flambeau politique du conseil russe. Le crédit

qu'il s'est acquis ne me donne pas une grande opinion de la capacité de ceux qu'il a subjugués. A l'égard de sa conduite et de ses maximes, elles n'ont rien qui m'étonnent; je les connaissait parfaitement. La Cour de Vienne a éprouvé de ses sentiments les mauvais offices dont son peu de crédit était capable alors, elle n'en a pas moins employé toutes les cajolleries possibles pour le captiver; elle s'en trouve aujourd'hui payée comme elle le sera toujours de ses complaisances envers la Russie. Ce n'est qu'avec Bestuscheff que la politique autrichienne ait employé une méthode mieux raisonnée. Les manques pécuniaires étant le grand mobile des actions de ce ministre, on mettait le prix à chaque service que l'on exigeait de son avidité; je ne crois pas que ses inclinations soient changées. Ainsi nous en agirons volontiers de même, et vous pouvez sans détour tâcher de le lui faire entendre lorsque vous en aurez l'occasion.

Vous avez très bien fait de chercher à vous concilier l'amitié et la confiance de M. le C. Poniatovski. C'est bien le plus dangereux conseil que l'Impératrice puisse écouter que celui de faire venir ce Polonais auprès d'elle. Il offrira journellement à la nation russe un grief qu'elle pardonnera difficilement à sa Souveraine, mais ce n'est pas encore sur cette situation que nous devons calculer. Si M. Poniatovski vous a parlé vrai et qu'il soit dans la disposition de nous être utile, il faut le cultiver avec soin et le flatter de tout ce qui pourrait lui être agréable de notre part. Je dois cependant vous recommander fort de ne recevoir aucune ouverture relative à ses intérêts ou à ceux de sa famille en Pologne. Nous ne doutons pas des vues ambitieuses des Czartoriwski; nous croyons aisément que l'Impératrice de Russie les favorisera de tout son pouvoir; mais nous avons embrassé relativement à la Pologne un système d'indifférence et de neutralité, dont nous ne voulons pas nous écarter; d'ailleurs nous ne pouvons jamais entrer dans des vues qui seraient contraires à la Maison de Saxe.

12.

Moscou, le 11 Novembre 1762.

Monseigneur.

M. l'ambassadeur a bien voulu différer encore de 24 heures son courrier pour me donner le temps pour faire les démarches relatives au contenu de vos dépêches et vous en rendre compte. Je fais aujourd'hui sans différer toutes celles qui m'ont paru convenir à vos ordres; j'ai vu M. de Woronzow et le prince de Galitzin et après une conversation fort longue dans laquelle ils ont paru d'abord être d'accord sur la nécessité de la réversale par rapport au titre Impérial, ils sont cependant convenus que cette proposition devait plaire à la Czarine. Ils L'avaient déjà vue le matin et Lui avaient communiqué la lettre de M. le prince Galitzin et sa conférence avec vous, ils m'ont dit qu'Elle n'était point encore déterminée à accepter cette proposition; mais il me paraît, Mgr, d'après la combinaison et l'ordre des discours de ces Messieurs que cette idée est adoptée et que cette affaire s'arrangera comme vous le désirez. Je leur ai dit que je ne prendrais point sur moi de signer cette convention avant qu'elle vous fut communiquée et sur ce qu'ils m'ont marqué ressentir quelque peine si cette formalité arrêtait encore mes audiences, je leur ai observé que j'étais trop affligé d'avoir été privé de l'honneur de rendre mes hommages à S. M. Czarienne, pour ne pas saisir avec empressement tous les moyens qui pourraient en accélérer l'occasion, et qu'ainsi dès aussitôt que cette Princesse aurait accepté l'idée de la convention, que Mr. le Chancelier me l'aurait écrit, je serais aux ordres de Sa Majesté pour mes audiences. Ils ont trouvé cet arrangement et sa restriction justes et m'ont promis de ne rien négliger pour la faire goûter à la Czarine.

J'ai été en quittant M. le Chancelier chez M. Panin. Il a saisi avec une grande chaleur l'idée de la convention, il m'a dit que S. M. Czarienne ne pouvait rien désirer de plus agréable

pour Elle. Il a fort appuyé sur ce que cette convention déclarerait le titre Impérial attaché à la Couronne et que les successeurs de la Czarine lui auraient cette obligation. J'ai applaudi à cette réflexion et à la joie que lui causerait cette victoire. Enfin, Mgr, ce favori ne m'a pas fait une objection contre ma proposition et m'a bien assuré, qu'il ne doutait pas qu'elle ne fut totalement du goût de sa souveraine. L'arrangement de deux audiences a mérité aussi son approbation, de sorte que j'ai lieu de croire que cette tracasserie est au moment de finir. Je vous expédierai un Courrier aussitôt qu'elle le sera et je me trouverai bien heureux, Mgr, si je puis parvenir à acquérir ici une position moins agitée et moins inutile qui m'ôte le vernis aussi désagréable qu'injuste d'un homme aussi difficile, en confondant mon devoir et mon amour pour le soutien de la grandeur du Roi avec un goût de prétention et de hauteur dont je sens le vice et le danger en affaires, et qui n'est en aucune façon de mon caractère: rond dans mes principes politiques, j'espère que la suite de ma vie politique en fera preuve, mais j'appréhende qu'ayant fait au Roi et à l'état le sacrifice de moi-même pour ne songer qu'aux moyens d'être utile, je ne compte et ne compterai jamais pour rien les dégoûts personnels, et la fidélité d'une attention scrupuleuse à mon devoir pourraient m'attirer dans les différentes Cours où il plaira au Roi de m'employer; le malheur de déplaire à Sa Majesté est le seul que j'appréhende. Quand je serai garanti par ses ordres et la protection de ses Ministres, je serai toujours au-dessus de tous les désagréments personnels et des circonstances.

13.

Moscou, le 29 Novembre 1762.

Monseigneur.

Vous paraissez dans la disposition de mettre un prix aux services que Bestoucheff pourrait nous rendre. Vous aurez vu

par ma dépêche du 28 Octobre que son crédit n'est pas si étendu qu'on l'avait pensé dans les premiers moments de son retour et que sa haine pour nous est toujours telle qu'elle s'était fait connaître il y a longues années. Aujourd'hui, puisque vous m'autorisez à tenter la seule voie qui mène à son coeur, j'userai de ce moyen à la première occasion et je lui ferai entendre, aussi clairement qu'on le peut avec un homme de son espèce, les dispositions générales du Roi dans le cas où il voudrait faire le sacrifice de sa haine à notre argent et nous rendre des services réels.

L'approbation que vous donnez, Mgr, à mes relations avec M. Poniatovski me fera chercher à cultiver sa confiance et le désir qu'il m'a montré de nous être utile ici s'il y revient, j'employerai pour y parvenir ce que je croirai propre à flatter son personnel et à lui persuader, que nous contribuerons volontiers aux choses qui pourraient lui être agréables, sans toutefois entrer dans aucune ouverture, qui aurait pour objet ses intérêts ou ceux de sa famille en Pologne. Ces Messieurs mettent pour l'ordinaire pour base de leurs sentiments et de leurs principes ceux qu'on peut leur rendre et à leur famille, mais quoiqu'il en soit, je ne m'écarterai pas des principes que vous me faites connaître, j'en sens la justice par rapport à ce que nous devons à la Maison de Saxe et la nécessité par rapport au peu de confiance que nous pouvons prendre dans les protestations des Czartoriwski, qui seront toujours aux ordres de la Russie et à ceux de l'Angleterre. Cette famille avec un système et des vues suivies a parmi les siens des sujets propres à les maintenir et à leur donner du succès, elle y trouvera moins d'obstacle.

Vous me marquez, Mgr, que le Roi a embrassé relativement à la Pologne un système d'indifférence et de neutralité. J'ai trop de respect pour les ordres de Sa Majesté et les résolutions de son Conseil pour oser combattre celle-ci qui, sans doute, tient à des démonstrations qu'il ne m'appartient pas de juger; mais j'avoue, *Mgr, que c'est à regret* que je vois la Pologne livrée à ses erreurs

politiques et asservie aux volontés de la Russie sans que rien balance dans les têtes Polonaises une autorité qui devrait également les faire frémir et rougir. Je sais tout ce que le métier de négociateur exige de souplesse, et que la raideur est rarement de saison, aussi mon principe est *dubiter in modo fortiter in essentia.* Le grand art consiste sans doute à se rendre agréable sans se relâcher en rien sur les intérêts et la dignité de sa Cour; mais je crois cet art impossible à trouver ici. Il faut rompre pour y plaire, ne prendre garde à rien et ne jamais s'écarter du ton de complaisance auquel la plupart des Cours et des Ministres se sont habitués; l'on ne connaît ni les nuances de la dignité et de l'exactitude qui partout fait un mérite, l'on sait aussi peu répondre au ton de l'amitié et de la complaisance. Une volonté hautaine s'emploie dans tous les cas sans distinction aucune. Je ne me pardonnerais pas, Mgr, si au milieu de ces procédés je méritais le reproche d'avoir conservé ou laissé sous mon consulat une conduite si peu conforme à la dignité de la France et si étrangère à l'ancienneté de sa prépondérance. J'avoue que j'ai sur ces points une opinion que je ne sacrifierais pas aisément à la Russie et dont cependant l'on ne peut conserver ici l'effet que par l'attention la plus scrupuleuse et la plus de détail avec les ménagements nécessaires pour ne pas la rendre choquante, l'on doit s'attendre qu'elle sera toujours très déplaisante.

Il me semble, Mgr, qu'il faut considérer la Russie sur tous les points d'étiquette, de prétention ou de cérémonial, sous le point de vue où les puissances les plus considérables de l'Europe étaient avant ce siècle, chacune cherchait à se procurer des avantages de ce genre, le plus petit était discuté et traité avec le sérieux des plus grandes affaires tous veillaient également pour défendre ou pour acquérir une prérogative; la futilité de tous ces débats n'a été bien sentie qu'après leur arrangement, alors content ou non tout le monde est à peu près convenu tacitement d'éviter ces sortes de discussions. La Russie en débutant

sur le théâtre a trouvé les choses dans cette position, et ayant senti tout l'avantage dont il pouvait être à sa considération, elle s'est fait un plan à cet égard qu'elle suit avec attention, et qui ne tardera pas à devenir fort incommode. L'on a d'abord regardé toutes les complaisances que l'on a eues pour cette puissance comme accordées à des barbares, qui ne figureraient jamais parmi les puissances policées et qui par conséquent n'avaient aucune conséquence; depuis que cet espoir s'est perdu l'on n'a pas voulu, quand la Russie a demandé ou exigé quelque chose, se brouiller avec elle pour une misère, de sorte que, en moins de 50 ans, elle est parvenue à être de nouveau avec les puissances les plus anciennement respectables et respectées. L'on doit s'attendre qu'elle cherchera bientôt à franchir le pas qui lui reste à faire pour être au-dessus, si l'on ne reprend avec elle cette attention de parole ou de supériorité minutieuse en elle-même, mais importante par ses conséquences.

14.

Seconde lettre.

Moscou, le 29 Novembre 1762.

Monseigneur.

Le jour que j'ai été voir M. Panin pour le prévenir sur la réponse de la Czarine, après avoir épuisé cette matière, notre conversation s'est étendue sur des objets plus intéressants et ses idées politiques se sont développées.

Il m'a dit que la Russie ne prendrait un système qu'après la paix générale; que jusques-là sa seule attention serait de ne déplaire à personne et de rémédier aux maux de son intérieur, que dorénavant la Russie éloignerait tout système de goût et de prévention, que sa Souveraine actuelle rapporterait tout à ses intérêts, et que rien ne bornerait ses efforts dès qu'il serait question de les assurer et de soutenir un plan formé avec des alliés. *Il a prétendu* que la Russie avait toujours été considéré

en politique comme une mauvaise alliée et que ses alliés s'étaient conduits avec elle en conséquence; mais qu'en ne prenant avec eux que des engagements d'une utilité commune il espérait établir par des faits leur confiance et leur estime.

J'ai grandement loué ce favori de l'honnêteté et de la sagesse de ses vues futures, mais je l'ai prié de ne point confondre la France dans les idées passées qu'il venait de me déduire. Je l'ai fait convenir, Mgr, que jamais la France n'avait été à charge à la Russie et n'avait pensé à lui rien demander qui put lui causer le plus léger embarras. Je lui ai fait remarquer la pure amitié et le parfait désintéressement du Roi vis-à-vis de ses ennemis et les principes aussi généreux que confiants de Sa Majesté à cet égard. M. Panin est convenu que le Roi en avait donné des preuves trop éclatantes pour qu'on put les contester.

M. Panin m'a parlé du Roi de Prusse et m'a dit qu'il se repentirait un jour du peu d'égards qu'il venait de témoigner à l'Impératrice. Mais du milieu de ces menaces il m'a été aisé d'apercevoir, Mgr, combien ce Prince lui était cher et combien surtout il croit que la Russie doit entretenir une bonne intelligence avec ce voisin. Les propos de M. Panin sur la Cour de Vienne ont été à peu près les mêmes que ceux qu'il m'a tenus et dont j'ai eu l'honneur de vous rendre compte. Il m'a cependant parlé de l'avantage réciproque de leurs liaisons à cause des Turcs.

M. Panin après ces discours est venu à l'article de la paix, il m'a montré un grand intérêt pour le sort de la Saxe et les dédommagements du roi de Pologne. Je suis convenu avec lui de leur justice, mais afin d'échauffer ce sentiment je lui ai dit, que la Russie était plus obligée que personne à y pourvoir, puisqu'elle avait des engagements sur cet article avec S. M. P. M. Panin a éludé cet argument et en a rejeté toute la force sur la Maison d'Autriche, qui suivant lui doit, avant que de songer à elle, doit s'occuper noblement de la Saxe; il ne veut

cependant pas qu'elle y mette du sien, mais il ne m'a pas caché avec quel plaisir la Russie verrait la sécularisation de quelques évêchés pour remplir cette bonne oeuvre, il m'a dit que la France devrait y amener l'Empereur. Sans réfuter ni accéder à ce projet, je me suis contenté de répondre que les garanties du traité de Westphalie ne pourraient l'y engager légèrement. L'idée de sécularisation tient fort aux principes politiques de la Russie. Voici ce qui tend à détruire l'harmonie et les constitutions de l'Allemagne est conforme au plan de grandeur qu'elle se propose, et il est vrai qu'il y aura toujours à gagner pour elle dans tout ce qui pourra ébranler le système d'union de l'Empire.

M. Panin qui m'avait parlé de ces sécularisations m'a insinué le plus adroitement qu'il a pu que l'Impératrice serait toujours très disposée à concilier et à ménager tous ces différents intérêts si au moment de la paix on jugeait ses bons offices de quelque utilité générale ou particulière; des compliments de ma part ont fait la clôture de ce point de vue. Rien n'occupe plus la Souveraine russe que de parvenir à se mêler de la paix et rien selon moi, Mgr, n'est plus à désirer que de l'éloigner de cette grande affaire. Outre toutes ses préventions qu'on ne peut se dissimuler, elle y apportait une voix de dictateur, qui doit encore moins convenir pour le moment et dont il est aisé d'apercevoir l'incommodité pour la suite.

Après que M. Panin eût passé avec assez de soin tous ces détails en revue, j'ai cherché à le ramener sur l'administration intérieure de la Russie et M. Panin m'a déploré avec assez de franchise le délabrement et le désordre affreux dans toutes ses parties. M. Panin se regardant comme un réformateur s'étendit sur cet objet en mal, c'est la conversation qui lui plaît le plus, il y déploya toute sa tendresse paternelle pour la Russie, mais il y fait voir aussi plus de désir du bien que de moyens de l'effectuer. Ses lumières sont courtes dans ce genre. Quoiqu'il en soit, Mgr, nos discours sur l'intérieur ont amené nécessaire-

ment aux réflexions sur le commerce. M. Panin m'a de nouveau témoigné l'envie la plus forte de nous voir en concurrence avec l'Angleterre pour l'exportation des denrées en marchandises russes. Il m'a fort pressé dès aussitôt que j'aurai eu mes audiences de mettre sur le tapis le projet de traité de commerce. Il m'a assuré que nous trouverions toute facilité pour sa conclusion. J'ai répondu sur tout cela suivant vos sentiments, en échauffant par tout ce qui m'a paru capable de le faire le désir de M. Panin. Je lui ai demandé ensuite où il en était sur cet objet avec les Anglais; il m'a dit que l'ambassadeur d'Angleterre leur avait témoigné de l'empressement, mais que l'Impératrice voulait de grands changements dans les stipulations du nouveau traité de commerce avec la Cour de Londres, et que plusieurs stipulations souffraient de grandes difficultés. La franchise des maisons occupées par les marchants est une des principales: la Russie veut abolir ce privilège. Si ce changement a lieu, il sera fort à charge aux négociants de toutes les nations, rien n'étant plus opposé au repos d'une caisse ou d'un débitant journalier que cinq ou six hôtes de la soldatesque russe. Au reste, Mgr, si je parviens à avoir audience et que vous n'ayez point de raison particulière pour différer d'entamer la négociation d'un traité de commerce, je crois qu'il serait bon d'y travailler plutôt que plus tard, les choses vont lentement dans ce pays, et quelque claire qu'ait été cette affaire sous la fin du règne d'Elisabeth il faudra encore plusieurs mois pour la porter à sa perfection. Il peut être avantageux à l'État et à ses sujets d'ouvrir leurs opérations de commerce dans cet Empire dans le premier moment de la paix.

Depuis ma dernière lettre le Grand Duc a encore eu une rechute qui a donné de grandes alarmes. Il est mieux, mais d'une si grande faiblesse et dans un tel état d'éthiste, qu'il est difficile de prononcer encore qu'on pourra l'en tirer. Cette position fait tenir bien des propos. Les uns prétendent que si l'Impératrice perdait cet enfant, Elle se désignerait sur le champ

un successeur, et qu'Elle le prendrait dans la branche de Holstein, qui est sur le trône de Suède, d'autres disent même qu'Elle serait portée à épouser l'aîné des Princes de Suède, afin de se procurer des héritiers et cependant un mari d'un âge à ne point inquiéter la prépondérance de son autorité. Ces différentes idées pourraient entrer en tête de l'Impératrice; mais je serais plutôt porté à croire à celle du mariage. Cette Princesse aime beaucoup le roi de Suède. Ses bontés très marquées pour le Sr. Duriez annoncent du goût pour la reine; ces deux Princesses faites pour l'intrigue, et il peut résulter de tout cela des vues et des combinaisons pour l'une et pour l'autre qui semblent venir assez à l'appui des bruits du penchant de la Czarine pour le Prince royal de Suède.

M. le Colonel Duriez continue à l'entretenir souvent, il ne sort point de chez M. Panin. Ce Suédois n'est pas homme de grand génie, mais il est intrigant. Le Ministre de Danemarck qui n'est ni l'un, ni l'autre croit que toutes ces menées tendent au changement du gouvernement Suédois et suppose que l'Impératrice est disposée à y donner les mains. Pour moi, Mgr, je ne doute pas que la reine de Suède ne soit toujours occupée de cette idée. Je crois à l'Impératrice trop de lumières sur ses intérêts pour l'adopter dans sa position actuelle. Je penserais différemment si son fils était mort, et qu'Elle montrât en effet la disposition d'épouser le Prince royal de Suède; il se pourrait qu'alors elle crut de son avantage d'augmenter la puissance royale de Suède, afin d'en disposer plus facilement pour le soutien de son parti dans cet Empire; mais je ne puis me persuader qu'Elle prit de pareilles mesures d'avance et si fort au hazard de les voir tourner contre elle.

ПОСЛѢДНІЕ ГОЛШТИНЦЫ.

1763 г.

Русская Старина, 1896 г.

ПОСЛѢДНІЕ „ГОЛШТИНЦЫ".

(1763-й годъ).

Судьба «голштинскаго отряда» Петра III извѣстна: съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II отрядъ былъ уничтоженъ. Уже 29-го іюня 1762 года адмиралъ Талызинъ доносилъ изъ Кронштадта сенату: «На купеческихъ корабляхъ прибыло голштинскихъ офицеровъ, а именно: бригадиръ, полковникъ, маіоръ, капитанъ, штыкъ-юнкеръ, аудиторъ, полковой квартирмейстеръ и полковой лекарь да рядовыхъ 88 человѣкъ» (Архивъ сената, секр. дѣла, № 709, л. 3). Это были «голштинцы», случайно перехваченные въ Петергофѣ. Въ тотъ же день раскассированіе всего отряда, не особенно многочисленнаго и находившагося въ Ораніенбаумѣ, было поручено генералъ-поручику В. И. Суворову, который въ три недѣли исполнилъ возложенное на него порученіе и, отъ 22-го іюля, доносилъ сенату, что природныхъ голштинцевъ «велѣно изъ Кронштадта отпустить въ Голстинію съ генераломъ Шильдомъ водою»; лифляндцы и малороссы были высланы на родину, русскіе же и «прочіе здѣшніе» получили новые паспорты и приняты были, по желанію, на службу тѣми же чинами. Суворовъ, извѣщая сенатъ «о пришедшемъ къ ревельскому порту любскомъ торговомъ галліотѣ, на которомъ привезено голстинскаго войска до ста пятидесяти человѣкъ, и что еще везется на судахъ въ Ревель изъ Голстиніи войска до пятисотъ человѣкъ, которыми командуетъ генералъ-лейтенантъ Кетенбургъ», прибавлялъ, что «ея императорское величество всевы-

сочайше указать соизволила объ ономъ прибывшемъ и впредь прибывающими въ Ревель голстинской службы генералитетомъ, штабъ, оберъ и унтеръ-офицерами и рядовыми учинить противъ вышеписаннаго-жъ», т.-е. отправить «въ Голстинію водою». Такимъ образомъ, въ Россіи, если вѣрить донесенію Суворова, не осталось ни одного «голстинца».

Годъ спустя, въ іюнѣ 1763 г., Екатерина II посѣтила Ораніенбаумъ, въ которомъ оказалось еще пятнадцать «голстинцевъ» изъ раскассированнаго годъ назадъ отряда. Очевидно: эти «голстинцы» не пожелали возвратиться на родину, что, впрочемъ, вполнѣ ясно изъ приводимыхъ ниже документовъ, находящихся въ нашемъ архивѣ.

1.

«Его сіятельству господину генералъ-аншефу, ея императорскаго величества оберъ-гофмаршалу, дѣйствительному камергеру и разныхъ орденовъ кавалеру графу Карлу Ефимовичу фонъ-Сиверсу

от генералъ-маіора и кавалера Ферстера [1]).

Доношеніе.

«Ея императорское величество всемилостивѣйшая государыня всевысочайше во время въ ораніенбаумскомъ домѣ присутствія въ 25-й день минувшаго іюня, всемилостивѣйше указать мнѣ соизволила о всѣхъ нынѣ находящихся въ Ораніенбаумѣ бывшихъ въ голштинской военной службѣ и оставшихся безъ опредѣленія въ службу штабъ и оберъ-офицерахъ для всевысочайшаго разсмотрѣнія поднесть ея императорскому величеству списокъ чрезъ ваше сіятельство съ показаніемъ въ томъ спискѣ кто при которомъ полку или въ какой статской службѣ быть желаетъ.

---

[1]) Начальника ораніенбаумскаго арсенала (Сборникъ, VII, 127; VI, 135).

«Во исполненіе онаго ея императорскаго величества всевысочайшаго имяннаго указу о вышеписанныхъ штабъ и оберъ-офицерахъ списокъ съ желаніями ихъ учиненъ и для поднесенія ея императорскому величеству на всевысочайшее разсмотрѣніе вашему сіятельству въ покорности моей и съ чувствительною моею и всѣхъ тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ преданностію въ надеждѣ вашего сіятельства изъ великодушія во исходатайствѣ высочайшей резолюціи неоставленія при семъ подносится.

Иванъ Ферстеръ».

«   » дня
1763 году.

2.

«Списокъ нынѣ находящимся въ Ораніенбаумѣ штабъ и оберъ-офицерамъ съ показаніемъ ихъ объявленія кто при какой службѣ быть желаетъ,

а именно:

1) Бригадиръ баронъ фонъ-Дельвигъ, предъ симъ состоялъ въ военной службѣ бригадиромъ и порученъ былъ ему полкъ— всеподданнѣйше проситъ о опредѣленіи къ нѣкоторой здѣсь въ Санктъ-Петербургѣ или въ Лифъ-Эстляндіи стоящей дивизіи и о высочайшей ея императорскаго величества милости, ибо онъ, во время бывшей въ Петергофѣ въ высокомъ правленіи перемѣны будучи съ полкомъ, всего своего имѣнія лишился.

2) Полковникъ фонъ-Бергъ всеподданнѣйше проситъ въ находящійся у Ладожскаго канала баталіонъ тѣмъ же чиномъ.

3) Подполковникъ Моисей Лангъ всеподданнѣйше проситъ въ состоящій въ Лифляндіи конный полкъ.

4) Маіоръ Стефани подвергаетъ себя на всевысочайшую ея императорскаго величества милость, прося по рангу его въ статскую службу и высочайшаго ея императорскаго величества милосерднаго вспоможенія.

5) Маіоръ Николай фонъ-Бейеръ, который по приключенному глазамъ несчастію къ полевой службѣ неспособенъ, подвергая себя всевысочайшей ея императорскаго величества дрожайшей и матерней милости, желаніе имѣетъ въ статскую службу ассессоромъ.

6) Гренадерской роты капитанъ Ферстеръ, будучи сначала кадетомъ, и съ молодыхъ своихъ лѣтъ дослуживался и произведенъ былъ по всѣмъ классамъ и при производствахъ никогда ни однимъ чиномъ не обошелъ, но отъ градуса до градуса дослужился въ капитаны — всеподданнѣйше проситъ въ состоящіе въ Лифляндіи конные полки и о неоставленіи его, по заслуженномъ характерѣ и по лишеніи при перемѣнѣ всего своего имѣнія, о милосердномъ вспоможеніи.

7) Ротмистръ Витихъ, который подверженъ былъ таковой же судьбѣ яко и капитанъ Ферстеръ, всеподданнѣйше проситъ въ состоящій въ Лифляндіи третій гренадерскій полкъ съ всевысочайшимъ ея императорскаго величества милостивымъ вспоможеніемъ.

8) Капитанъ Карлъ Фридрихъ Бекельманъ, падя къ стопамъ ея императорскаго величества всеподданнѣйше проситъ о опредѣленіи его въ состоящій въ Лифляндіи въ дивизіи генералъ-аншефа и кавалера графа Румянцева пѣхотный полкъ, ибо онъ чрезъ восемь лѣтъ служилъ безъ жалованья на своемъ содержаніи, на что не мало имѣніи своего употребилъ, чѣмъ и пришелъ въ несостояніе доставить себя потребнымъ экипажемъ.

9) Капитанъ Фридрихъ Лангъ всеподданнѣйше проситъ о опредѣленіи при санктъ-петербургской полиціймейстерской канцеляріи тѣмъ же чиномъ.

10) Капитанъ Гринъ всеподданнѣйше проситъ и желаетъ службу продолжать при арсеналѣ ораніенбаумскомъ, который содержать будетъ въ порядочномъ состояніи, и понынѣ принялъ не малый трудъ въ распоряженіи арсеналомъ, чего ради

оное его прошеніе предается въ высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе.

11) Поручикъ Гофманъ, который, по старости лѣтъ и по бѣдности его, при полкахъ служить въ не состояніи, проситъ о опредѣленіи къ строеніямъ во Ораніенбаумѣ.

12) Поручикъ Голценберъ проситъ по бѣдности его и по многоимѣнію дѣтей о опредѣленіи при полиціи въ Санктъ-Петербургѣ.

13) Поручикъ Ламбертусъ всеподданнѣйше проситъ въ шлюссельбургскій полкъ и о всевысочайшей ея императорскаго величества милости и о воспоможеніи на исправленіе потребнымъ экипажемъ, ибо какъ отецъ его, такъ и онъ безъ таковой милости поправиться не въ состояніи.

«Вышеозначенные офицеры, находясь цѣлый годъ ни у какихъ дѣлъ и не имѣя ни откуда пропитанія, содержали себя съ великою нуждою и бѣдностію, напротиву же того прочіе офицеры, возвратясь въ Голштинію, награждены пенсіею.

«Да сверхъ вышеписанныхъ обрѣтаются въ Ораніенбаумѣ, которые нынѣ жительство имѣютъ у подполковницы Килевой:

«Маіоръ Антонъ Штанге, который находился въ шлезвигъ-голштинской службѣ при артиллеріи шесть лѣтъ, проситъ всемилостивѣйшей ея императорскаго величества всевысочайшей милости и желаніе имѣетъ опредѣлиться при санктъ-петербургской главной артиллеріи.

«Поручикъ Фридрихъ Кохъ, который находился при таковой же голштинской пѣхотной военной службѣ девять лѣтъ, проситъ всеподданнѣйше ея императорскаго величества всемилостивѣйшаго пожалованія въ дивизію его сіятельства графа Румянцева во второй гренадерскій полкъ, а въ прочемъ подвергаетъ онъ себя во всемилостивѣйшую ея императорскаго величества высочайшую милость.

Иванъ Ферстеръ».

Это — послѣдніе «голштинцы»; дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна и ни для кого не интересна. Но имя злополучнаго

*

тряда грустно прозвучало еще разъ, спустя
тъ, въ тяжелую пору пугачевщины, когда въ
шихъ появилось «голштинское знамя 1762 г.»
135). Это было украденное изъ Ораніенбаума
намя Дельвигова драгунскаго полка», по по-
былъ назначенъ розыскъ, «какимъ образомъ сіе
ева дошло» («Зритель», 1863 г., XVIII, 561;
89; «Осмнадц. вѣкъ», I, 124).

ПОХОДЫ ЕКАТЕРИНЫ II ПО ВОЛГѢ И ДНѢПРУ

(1767 и 1787 гг.).

Русская Старина, 1896 г.



Походы Екатерины II по Волгѣ и Днѣпру.

Au mois de mai—писала Екатерина 20-го января 1767 года—j'irai me promener à Cazan, c'est comme qui dirait à une maison de campagne [1]). Для этой «прогулки на дачу» работали, однако, еще съ прошлаго 1766 года и въ адмиралтейской коллегіи, и на тверской верфи, такъ какъ для «похода по Волгѣ» потребовалось 25 судовъ. «Въ свитѣ моей близко двухъ тысячъ человѣкъ всякаго званія» [2]), писала императрица, и никто изъ этихъ спутниковъ Екатерины не оставилъ намъ описанія этого путешествія, офиціальныя свѣдѣнія о которомъ помѣщались въ «Московскихъ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» [3]). Еслибъ не письма самой Екатерины, писанныя «съ пути», наши свѣдѣнія о походѣ по Волгѣ ограничились бы исключительно камеръ-фурьерскимъ журналомъ [4]) и помѣщаемыми ниже документами изъ архива Морского министерства.

Послѣ Петра Великаго, Екатерина II была первая государыня, предпринимавшая путешествіе по Россіи: въ 1763 году она ѣздила въ Ростовъ и Ярославль; въ 1764 г.—въ прибалтійскія окраины, до Рогервика; въ 1765 г.—плавала по Ладожскому каналу; въ 1767 г.—«путешествовала по

---

[1]) Сборникъ, X, 165.

[2]) Чтенія, 1863, II, 17; Сборникъ, X, 188; Русск. Архивъ, 1886, III, 59. По счету помѣщаемой ниже Вѣдомости судовъ—1.171 человѣкъ.

[3]) Русск. Архивъ, 1867, 347.

[4]) Путешествіе по Волгѣ занимаетъ въ журналѣ болѣе 100 стр. (99—205), и издатели свидѣтельствуютъ, что съ переходомъ императрицы на галеру «Тверь» журналъ становится «подробнѣе и любопытнѣе» (147).

Азіи», т.-е. проѣхала по Волгѣ отъ Твери до Казани и изъ Симбирска возвратилась сухимъ путемъ. Во время этихъ путешествій императрица знакомилась съ живою Россіею, сама видѣла и наблюдала жизнь русскаго человѣка. Конечно, ей, какъ императрицѣ, нельзя было все видѣть и не все было ей показано—иное представлено въ прикрашенномъ свѣтѣ, иное вовсе скрыто; тѣмъ не менѣе, и то немногое, что она наблюдала и видѣла, было значительно полезнѣе и вѣрнѣе всякихъ канцелярскихъ докладовъ и губернаторскихъ отчетовъ. Возвратясь изъ «похода по Волгѣ», Екатерина доказала сенату, въ первомъ же засѣданіи, что она многое видѣла.

Походъ по Волгѣ въ 1767 году продолжался полтора мѣсяца, со 2-го мая по 16-е іюня, съ «суточными остановками по городамъ» [1]). Въ день отъѣзда изъ Москвы, 28-го апрѣля, Екатерина писала генералъ-рекетмейстеру Козлову: «Иванъ Ивановичъ! Во время моего отсюда отсутствія продолжайте почасту ходить по коллегіямъ, дабы тѣ порядки паки не пришли въ упадокъ, которые мы, слава Богу, хоть съ трудомъ завели» [2]). Вся Москва вышла провожать императрицу: «отъ дворца до Всесвятскаго рядовъ въ десять мѣстами людей и каретъ стояло» [3]). Благодаря «посредственной дорогѣ и очень хорошей погодѣ» [4]), императрица прибыла въ Тверь 29-го апрѣля, въ 9-мъ часу вечера. Тверь нельзя было узнать—пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью. Въ маѣ 1767 г. деревянный городъ совсѣмъ выгорѣлъ. «Съ крайнимъ сожалѣніемъ—писала Екатерина генералъ-прокурору—усмотрѣла я разореніе по волѣ Божіей города Твери. Старайтесь о вспоможеніи симъ несчастнымъ людямъ. Я думаю, многимъ не печально, что дѣла всѣ почти сгорѣли» [5]). Вспоможеніе погорѣльцамъ было оказано въ самыхъ широкихъ

---

[1]) Чтенія, 1863, II, 16. [2]) Сборникъ, X, 179. [3]) Чтенія, 1863, II, 16; Сборникъ, X, 186. [4]) Чтенія, ibid., 15; Сборникъ, X, 183. [5]) Сборникъ, VII, 285.

размѣрахъ [1]), и «Екатерина осматривала теперь въ Твери новыя постройки, осталась ими очень довольна и благодарила гр. Фермора, подъ руководствомъ котораго производилось возсозданіе Твери въ продолженіе четырехъ лѣтъ. 1-го мая, послѣ обѣденнаго стола, императрица «посѣтила преосвященнаго въ его подгородномъ домѣ» и пробыла у него «довольно долго» [2]).

Петръ Петровъ, учитель риторики въ Троицко-Сергіевской семинаріи, принялъ монашество по настоянію ректора Гедеона Криневскаго и нареченъ былъ Гавріиломъ. Монахъ-поневолѣ быстро сдѣлалъ карьеру: постриженный въ 1758 году, онъ былъ уже епископомъ въ 1763 году и вскорѣ сталъ митрополитомъ санктъ-петербургскимъ и новгородскимъ. Екатерина уважала его, какъ «мужа остраго и резонабельнаго» [3]); ему, между прочимъ, поручила разсмотрѣть свой знаменитый «Наказъ», и ему же посвятила свой единственный литературный трудъ, исполненный во время похода по Волгѣ.

2-го мая, въ 2 часа пополудни, Екатерина сѣла на суда, и началось плаваніе. Императрица впервые увидѣла матушку-Волгу и была очарована ею. Уже 5-го мая, изъ Калязина, она писала: «Часъ-отъ-часу берега Волги становятся лучше. Вчера мы Кимру проѣхали, которая издали не уступаетъ Петергофу, а вблизи уже все не то» [4]). Очевидно, Екатерина была въ полномъ восхищеніи, если ей Кимры показались за Петергофъ!

7-го мая поднялась буря. «Въ 6 часу утра, за крѣпкимъ вѣтромъ [5]), легли на якорь и всѣ сутки лежали на якорѣ».

[1]) Архивъ Сената, т. 106, л. 448; Полн. Собр. Зак., № 11847; Арх. кн. Воронцова, VII, 645; XXVIII, 39.

[2]) «СПБ. Вѣдомости», 1767; по камеръ-фур. журналу — «съ часъ времени» (98).

[3]) *Макарій*, архим., Сказаніе о жизни и трудахъ преосв. Гавріила, 17.

[4]) Чтеніе, 1863, II, 17; Сборникъ, X, 186. Графу М. И. Воронцову Екатерина писала изъ-подъ Ярославля: «Волга не въ примѣръ лучше Невы» (Ibid., 190). Ср. XXII, 353.

[5]) Камеръ-фур. журналъ: «за неспособнымъ вѣтромъ» (III).

Во время бури Екатерина написала свое знаменитое письмо Мармонтелю:

«Милостивый государь! Я получила ваше письмо, сопровождавшее присланную вами мнѣ книгу, въ ту минуту, когда отправлялась въ путешествіе по разнымъ провинціямъ. Чтеніе ея я оставила себѣ на дорогу: оно окончено; примите же мои благодаренія—я въ восхищеніи отъ книги и не я одна; эта книга заслуживаетъ быть переведенною на всѣ языки. Велисарій укрѣпилъ меня въ убѣжденіи, что истинная слава заключается единственно въ началахъ, проповѣдуемыхъ Велисаріемъ столь же пріятно, какъ и основательно. Будьте увѣрены, милостивый государь, въ отличномъ уваженіи, которое я издавна питаю къ его автору. Не знаю, какъ помѣтить свое письмо: я на кораблѣ, среди Волги, при столь крѣпкой погодѣ, что многія дамы назвали бы ее ужаснѣйшею бурею. 7-го мая 1767 года» [1]).

Что же такое «Bélisaire» roman par M. Marmontel? Это менѣе всего романъ и, во всякомъ случаѣ, въ этомъ романѣ нѣтъ ни драматическаго интереса, ни сценическаго движенія, никакого художественнаго замысла. Это — популярное изложеніе вопросовъ государственнаго права въ формѣ бесѣды престарѣлаго мужа Велисарія съ юнымъ царедворцемъ Тиберіемъ, любимцемъ Юстиніана, который, пользуясь слѣпотою Велисарія, самъ присутствуетъ при бесѣдѣ и выслушиваетъ политическія, соціальныя и религіозныя понятія французскихъ философовъ прошлаго вѣка.

Велисарій — сторонникъ монархическаго правленія. «Не думаешь ли ты, что совѣтъ или народъ собранный можетъ быть болѣе справедливъ и меньше ошибкѣ подверженъ? Въ царствованіе ли одного Камиллы, Ѳемистоклы, Аристиды гонимы были?.. Чего намъ опасаться, долженъ былъ говорить народъ, чего опасаться намъ, дѣлая царя надъ нами? Добро

---

[1]) *Oeuvres de Marmontel*, ed. 1818, Corresp., 142; Сборникъ, X, 187.

его дѣлаемъ изъ добра общаго [1]), сила его составляется изъ силъ всего государства; слава его зависѣть будетъ отъ благосостояній нашихъ, царствованіе его будетъ въ насъ и чрезъ насъ только. Итакъ, чтобы любить народы свои, ему остается лишь любить самого себя; быть къ намъ справедливу и милосердну собственныя его пользы принудятъ... Тиранство казалось имъ родомъ самоубійства, которое не можетъ иначе быть, какъ дѣйствіе бѣшенства и сумасшествія». По словамъ Велисарія, монархъ болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ народъ, ему подвластный: велики заботы отца, имѣющаго пять, шесть дѣтей, каково же положеніе монарха, считающаго своихъ милліонами! «Обязуюсь—долженъ былъ говорить царь—жить лишь для народа моего; посвящаю покой мой спокойствію его; обѣщаюсь давать ему законы полезные и справедливые, не имѣть иной воли, какъ согласной съ законами сими. Чѣмъ могущественнѣй онъ меня надѣляетъ, тѣмъ менѣе останусь свободенъ во мнѣ [2]), чѣмъ болѣе онъ вдастся мнѣ, тѣмъ болѣе себѣ обяжетъ меня. Я долженъ ему отчетомъ въ моихъ слабостяхъ, въ страстяхъ моихъ и заблужденіяхъ». Велисарій противопоставляетъ заботливаго о благѣ подданныхъ государя суровому деспоту, окружающему себя клевретами и временщиками: «Тигры, коихъ человѣкъ воспитываетъ для ловли, съѣдаютъ своего господина, если онъ забудетъ раздѣлить съ ними добычу: таково есть обязательство тирановъ; напротивъ того, въ странѣ, управляемой отечески, каждый гражданинъ во врагѣ государевомъ видитъ своего собственнаго... Его власть, вовнутри утвержденная, будетъ тѣмъ повелительнѣе и почтеннѣе извнѣ; и какъ ни гордость, ни славолюбіе, ниже своенравіе никогда рукъ его къ принятію оружія не простираютъ, то силы его, кои онъ бережетъ, имѣютъ всю свою бодрость, когда защищаетъ его народъ противъ домашняго разорителя или чужаго похитителя... Невольникъ

[1]) Въ оригиналѣ: du bien de tous nous faisons le sien.

[2]) Въ оригиналѣ: plus il me rend puissant, moins il me laisse libre.

неохотно на брань идетъ за свою темницу и узы; свободный и довольный гражданинъ, который любитъ своего государя и отъ него любимъ, обороняетъ скипетръ, какъ свою защиту, престолъ—какъ свое прибѣжище, и, воюя за свое отечество, видитъ вездѣ свою отчизну».

Велисарій убѣжденъ, что по существу монархическаго правленія интересы государя и государства тожественны; но онъ не скрываетъ, что въ дѣйствительности эти интересы нерѣдко становятся противоположными. «когда государь удостоиваетъ своимъ довѣріемъ недостойныхъ людей, которые увѣряютъ его, чтобы онъ всегда былъ остороженъ противъ многочисленныхъ непокорныхъ людей, безпокойныхъ и возмутительныхъ, заставляютъ его вѣрить, что ему должно имѣть силы для сопротивленія имъ. И такъ вооружается государь противъ собственнаго народа... Если государь имѣлъ несчастіе поддаться такимъ внушеніямъ, въ понятіи его отдѣляется свое отъ народнаго и государственнаго, онъ становится скупымъ и выигрываетъ то, что у подданныхъ похищаетъ, изъ чего проистекаютъ жалобы и роптанія; отсюда та внутренняя и скрытная война, которая, какъ сокровенный огонь, тлится въ нѣдрахъ государства. Тогда и государь чувствуетъ надобность той помощи, которую имѣлъ въ готовности, чаетъ, что поступилъ благоразумно, приготовивъ вооруженную силу противъ своего народа, но не видитъ, что не было бы ему нужды въ сихъ робкихъ предосторожностяхъ, если бы онъ былъ правосуденъ, и что тѣ подлыя и суровыя страсти, коимъ онъ жалованье даетъ, были бы для него безполезны, если бы онъ былъ добродѣтеленъ... Трудно государю среди своекорыстныхъ совѣтовъ, подавать которые всегда много охотниковъ, трудно остаться вѣрнымъ идеалу добра и правды, трудно, но возможно. Для этого ему нужно знаніе всѣхъ соображеній, касающихся до человѣческаго блага.. въ семъ то долженъ государь упражняться и упражняться всю жизнь. Познавать самого себя, познавать людей, стараться разбирать

въ нихъ основаніе природныхъ ихъ способностей, побужденіе, привычки, свойство сложенія, дѣйствіе принятыхъ мнѣній, силу и слабость ума и духа, не съ безполезнымъ и преходящимъ любопытствомъ, но съ твердымъ желаніемъ, влагающимъ почтеніе въ льстецовъ, вникать въ нравы, въ способности, въ имущество своихъ народовъ и въ поведеніе опредѣленныхъ надъ ними правителей, а для лучшаго познанія давать со всѣхъ сторонъ свободный ходъ просвѣщенію, имѣя въ омерзеніи темные доносы, ободрять и защищать тѣхъ, кои открываютъ явно злоупотребленія, именемъ государя учиненныя» [1]).

Вотъ какой «романъ» читала Екатерина на галерѣ «Тверь». Русскій посланникъ въ Парижѣ князь Д. А. Голицынъ писалъ Мармонтелю: «Велисарій имѣлъ рѣшительный успѣхъ у императрицы. Во время путешествія по Волгѣ ея императорское величество переводила вашъ романъ на русскій языкъ; лица, сопровождавшія ее, получили каждый по главѣ; девятая досталась самой государынѣ. Когда переводъ былъ готовъ, императрица потрудилась просмотрѣть весь переводъ и приказала его напечатать». Нѣсколько недѣль спустя: «Велисарій печатается въ Москвѣ, и императрица предполагаетъ возможно болѣе распространить его въ Россіи, съ тѣмъ, говоритъ ея величество, чтобы мои подданныя знали, какія узы соединяютъ меня съ ними».

Ничего подобнаго никогда даже не грезилось автору, и онъ искренно дивился, что русская самодержица переводила именно девятую главу. Мармонтель писалъ по этому поводу Екатеринѣ: «Ваше величество положили печать безсмертія на мое сочиненіе, переведя изъ него цѣлую главу. Не говорю о томъ, что̀ въ этой милости заключается лестнаго для меня лично, но съ восторгомъ воображаю, сколько пользы принесетъ это народамъ вашего величества. Въ девятой именно главѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: «только сила

---

[1]) «Заря», 1869, май, 33—35.

закона имѣетъ власть неограниченную; а человѣкъ, который хочетъ царствовать самовластно, становится невольникомъ; государь долженъ заботиться болѣе всего объ одномъ только союзѣ—о союзѣ съ народомъ своимъ: государь и народъ—нераздѣльны: связь эта составляетъ силу государя; на ней основаны его величіе, его спокойствіе, его слава». И эту-то главу ваше величество какъ бы усвоиваете и освѣщаете собственноручнымъ переводомъ, *чтобы*, по вашимъ словамъ, *подданные ваши знали*, *какія узы соединяютъ васъ съ ними*. Эти слова слѣдовало бы изсѣчь на мѣди и запечатлѣть во всѣхъ сердцахъ. Сколько величія въ этомъ геройскомъ чистосердечіи!»

Въ письмѣ къ Вольтеру, изъ Казани, отъ 29-го мая, Екатерина говоритъ, что «переводъ Велисарія уже готовъ и немедленно будетъ печататься» [1]). Печатаніе шло довольно медленно, и переводъ впервые [2]) появился въ печати лишь въ 1768 году. Отправляя экземпляръ русскаго перевода Мармонтелю, Екатерина, въ письмѣ, составленномъ ею отъ имени всѣхъ переводчиковъ [3]), передавала слѣдующія подробности: «Когда «Велисарій» прибылъ въ Россію, случилось, что двѣнадцать лицъ предположили отправиться внизъ по Волгѣ, отъ Твери до Симбирска. Они были такъ восхищены чтеніемъ этой книги, что согласились употребить свои часы досуга на переводъ «Велисарія» на родной языкъ. Одиннадцать изъ этихъ лицъ раздѣлили между собою главы по жребію, а на двѣнадцатаго, прибывшаго позже, было возложено сочиненіе

---

[1]) Сборникъ, X, 205.

[2]) «Велисеръ, романъ г. Мармонтеля, перев. съ французскаго. Москва, 1768 года». Этотъ же переводъ былъ перепечатанъ нѣсколько разъ: въ 1773 году въ Петербургѣ, въ 1777 году въ Вѣнѣ, въ 1785 году два раза—въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Такимъ образомъ, при жизни Екатерины II этотъ русскій переводъ выдержалъ пять изданій. Существуетъ еще другой переводъ этого романа, сдѣланный г. Курбатовымъ и вышедшій въ Петербургѣ въ 1769 году. Сверхъ того, эти переводы были изданы въ 1802, 1803, 1818 гг.

[3]) Сборникъ, X, 268.

посвященія отъ переводчиковъ епископу тверскому, котораго всѣ нашли достойнымъ того, чтобы его имя стояло во главѣ изданія. Кромѣ хорошихъ качествъ его ума и сердца, онъ только что отличился проповѣдью [1]), мораль которой столь же безупречна, какъ и въ этой превосходной книгѣ».

Въ отвѣтъ на эту любезность Мармонтель писалъ Екатеринѣ:

«Государыня! Если-бъ «Велисарій» былъ написанъ только съ цѣлью внушать народамъ непоколебимую вѣрность и безусловную преданность, было бы неудивительно, что самодержица обширнаго государства пожелала распространить такую книгу въ своихъ владѣніяхъ; но эта книга имѣетъ цѣлью также доказать царямъ, что ихъ могущество, ихъ величіе, ихъ слава требуютъ, чтобы они были справедливы, и что они становятся самыми зависимыми, самыми несчастными изъ невольниковъ, какъ только допущено страстямъ занять мѣсто законовъ. Вотъ что ваше величество не только дозволили перевесть на языкъ своего народа, но что вы имѣли мужество и великодушіе перевести сами. Таковы-то развлеченія законодательницы Сѣвера! Мало того: дабы утвердить правила, прямо противоположныя фанатизму и преслѣдованіямъ, вы пожелали посвятить переводъ «Велисарія» одному изъ самыхъ добродѣтельныхъ людей своей имперіи—пастырю, жизнь котораго дѣлаетъ честь духовенству и который воскрешаетъ тѣ счастливыя времена, когда святыя дѣла были въ святыхъ рукахъ.

«О, какъ далеки правила вашего величества отъ тѣхъ, которыя предписываютъ открывать народу лишь концы его цѣпей и безпрестанно напоминать ему объ его обязанностяхъ,

[1]) Преосв. Гавріилъ сказалъ двѣ проповѣди: 29-го апрѣля, при встрѣчѣ императрицы въ Твери, и 2-го мая, при отплытіи ея (камеръ-фур. журн., 93 и 104). Первая рѣчь напечатана въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»—она ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ привѣтственныхъ словъ; вторая—не напечатана, но въ газетахъ отмѣчено, что «какъ содержаніе, такъ и пріятное краснорѣчіе достойну похвалу пріобрѣло, вначалѣ отъ ея величества, а потомъ общую отъ всѣхъ слушателей».

но никогда не говорятъ о его правахъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, объяснять взаимныя обязательства и взаимныя узы установленныя самою природою между государемъ и народомъ, значитъ оказывать неуваженіе государямъ.

«Переводъ «Велисарія» на русскій языкъ есть, безъ сомнѣнія, прекрасный памятникъ, воздвигнутый человѣческому слову и философіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ это, смѣю сказать, и памятникъ царской власти. Ни при одномъ дворѣ въ мірѣ, истинѣ не было оказано подобнаго почета. Я не могъ, государыня, вполнѣ насладиться честію, оказанною моей книгѣ: я не знаю русскаго языка. Но какъ истинно вѣрующіе чтутъ библію, не понимая ее, такъ и я съ благоговѣйнымъ уваженіемъ поцѣловалъ буквы IX главы, съ мыслью о рукѣ, которая ихъ начертала. Я заставилъ перевести себѣ буквально этотъ новый для меня текстъ и убѣдился, что моимъ мыслямъ достался такой же счастливый удѣлъ, какъ тѣмъ ручьямъ, которые просачиваются сквозь золотоносную жилу».

Литературныя занятія Екатерины не мѣшали дѣламъ государственнымъ даже и во время путешествій. Изъ Ярославля, отъ 10-го мая, Екатерина писала Н. И. Панину: «Изволь-ка мнѣ прислать дѣла, я весьма праздно живу» [1]). Въ Ярославлѣ императрицу встрѣтили пять иностранныхъ министровъ — прусскій, датскій, саксонскій, испанскій и цесарскій [2]), «которые всѣ въ полномъ удовольствіи» и сопровождали Екатерину до Костромы. Въ Ярославлѣ, занятая улаженіемъ раздоровъ между купечествомъ и осмотромъ фабрикъ Холшевникова, Колосова и др. [3]), императрица замѣтила, однако, что «ярославки лицомъ хороши, а тальею и одѣяніемъ на mappemonde похожи» [4]).

---

[1]) Сборникъ, X, 189.

[2]) Камеръ-фур. журн., 119. Депеша саксонскаго резидента, отъ 30-го апрѣля 1767 г., обозначена такъ: Voyage de l'Impératrice à Casan. Invitation de ministres étrangers de venir à Jaroslaw (Сборникъ, XXXVII, 80).

[3]) Ibid., 128. См. письмо Н. И. Панину отъ 10-го мая (Сборникъ, X, 189).

[4]) Сборникъ, ibid., 190.

Ярославль «весьма всѣмъ понравился», но болѣе всего произвелъ впечатлѣніе, даже и на иностранныхъ министровъ, пріемъ, устроенный дворянствомъ въ Костромѣ: «Я ихъ всѣхъ не одинажды видѣла въ слезахъ отъ народной радости, а И. Гр. Чернышевъ весь обѣдъ проплакалъ отъ здѣшняго дворянства благочиннаго и ласковаго обхожденія» [1]).

Нижній-Новгородъ произвелъ на Екатерину самое дурное впечатлѣніе. «Сей городъ ситуаціею прекрасенъ, а строеніемъ мерзокъ; Чебоксары для меня во всемъ лучше Нижняго-Новгорода», писала императрица [2]). Едва прибывъ въ Нижній, она получила непріятное извѣстіе о банкротствѣ придворнаго банкира Гомма, и по этому поводу писала Панину: «Я васъ спрашиваю, что Веймарнъ и всѣ надъ Гоммомъ приставленные смотрѣли, и доколѣ мнѣ отъ проклятаго выписыванья серебра скуку нести?» [3]) Въ особомъ и «секретномъ» рескриптѣ къ новгородскому архіепископу Дмитрію (Сѣченову) Екатерина очень рельефно изобразила бѣдственное состояніе духовенства нижегородской епархіи: «Во всемъ здѣшнемъ духовенствѣ примѣчается духъ гоненія. Сія же епархія, кажется, весьма достойна особливаго примѣчанія, ибо число правовѣрныхъ, думаю, меньше, нежели число иновѣрныхъ и раскольниковъ; и такъ, кажется, нужнѣе всего здѣсь имѣть священство, просвѣщенное ученіемъ, нрава кроткаго и добраго житія, кои бы тихостью, проповѣдью и безпорочностію добронравнаго ученія подкрѣпляли во всякомъ случаѣ евангельское слово. Противное сему поведеніе было примѣтно, которое здѣсь для примѣра опишу: въ дворцовомъ селѣ Го-

---

[1]) Чтенія, 1863, II, 20; Русск. Архивъ, 1867, 350; Сборникъ, X, 191.

[2]) Сборн., X, 201, 202.

[3]) Чтенія, 1863, II, 21. Въ Архивѣ Сената, дѣло № 1511: «О несостоятельности придворнаго банкира англійскаго купца Гомма и выписываемомъ чрезъ его контору изъ-за границы для монетнаго двора золотѣ и серебрѣ». Это любопытное дѣло окончилось лишь въ 1774 году. См. Сборникъ, X, 192, гдѣ помѣщено анонимное письмо относительно первыхъ извѣстій о несостоятельности Гомма.

родцѣ, гдѣ мнѣ случилось быть на освященіи церкви, въ находящемся близъ того села Ѳедоровскомъ монастырѣ, умалчиваю о томъ, что игуменъ такъ старъ, что насилу служить можетъ, и что монахи такъ мало его почитаютъ, что громко съ бранію наставляли, какъ ему служить, что и дѣйствительно онъ худо зналъ, еще приходскіе городецкіе священники подали мнѣ челобитную, всѣми подписанную, въ коей просили, чтобы сдѣлано было разсмотрѣніе о ихъ пропитаніи, прописывая, будто лишились они всѣхъ прихожанъ, за запискою оныхъ въ расколъ; раскольники же говорили, что священники съ ними обходятся, какъ съ басурманами, не хотятъ ни молитвы давать, ни крестить младенца» [1]). Нижегородское купечество оказалось столь же несостоятельно, какъ и духовенство: «всѣ почти купцы малые имѣютъ капиталы, и по той причинѣ не могутъ расторговаться»; чтобы помочь горю, Екатерина учредила первую въ Россіи акціонерную «нижегородскую компанію» [2]).

Нижній произвелъ дурное впечатлѣніе, Казань обворожила. «Городъ всячески можетъ слыть столицею большаго царства. Пріемъ мнѣ отмѣнной; намъ отмѣнно онъ кажется, кои четвертую недѣлю видимъ вездѣ равную радость, а здѣсь еще отличнѣе. Если бы дозволили, они бы себя вмѣсто ковра постлали, а въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобы предо мною поставить, съ чѣмъ ихъ прогнали. Кутухтой здѣсь быть не долго, однако, выключая сего эксцесса, вездѣ весьма чинно все происходитъ. Здѣсь тріумфальныя ворота такія, какъ я еще лучше не видала. Я живу здѣсь въ купеческомъ каменномъ домѣ, девять покоевъ анфиладою, всѣ шелкомъ обитые; креслы и канапеи вызолоченные; вездѣ трюмо и мраморные столы подъ ними» [3]). Черезъ четыре дня: «Отселѣ выѣхать нельзя: столько разныхъ объектовъ, достойныхъ взгляду, idée же на десять лѣтъ здѣсь собрать можно» [4]). Изъ Казани же Екатерина писала И. И. Бецкому: «Нашихъ

[1]) *Русскій Архивъ*, 1866, 55. [2]) Архивъ Сената, т. 122, л. 225; *Сборникъ, X, 198.* [3]) *Чтенія*, 1863, II, 24. [4]) Сборникъ, X, 206

кадетъ должно учить по-татарски, ибо случится кому здѣсь быть употреблену, великое то будетъ для службы польза, а для нихъ облегченіе» [1]). Очевидно, императрица желаетъ помочь инородцамъ, облегчить положеніе татаръ, «изводимыхъ» русскими чиновниками подъ предлогомъ непониманія ихъ языка.

Казанское впечатлѣніе было испорчено мѣстнымъ духовенствомъ. Два монаха Печерскаго монастыря подали императрицѣ жалобу на архимандрита, который не даетъ имъ сполна положеннаго по штатамъ. Екатерина велѣла препроводить жалобу ихъ къ архіерею, чтобы разобралъ дѣло и подтвердилъ по всей епархіи не удерживать жалованья, причемъ написала: «А симъ монахамъ въ вину того ставить не велите, что они прибѣгли ко мнѣ съ прошеніемъ, поставя то имъ въ простоту, какъ и я оный поступокъ ихъ почитаю» [2]). Нѣсколько дней спустя, императрица убѣдилась въ вандализмѣ казанскаго духовенства. Вотъ что она сообщала изъ села Вознесенскаго, имѣнія графа И. Г. Орлова: «Мы ѣздили смотрѣть развалины стариннаго Тамерланомъ построеннаго города Болгары и нашли дѣйствительно остатки большихъ, но не весьма хорошихъ строеній, два турецкіе минарета весьма высокіе, и все, что тутъ ни осталось, построено изъ плиты весьма хорошей; теперь же великое почтеніе имѣютъ къ сему мѣсту и ѣздятъ Богу молиться въ сіи развалины. Сему одинъ гонитель, казанскій архіерей Лука позавидовалъ, при покойной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и много разломалъ, а изъ оныхъ построилъ церковь, погреба и подъ монастырь занялъ, хотя Петра I указъ есть, чтобы не вредить и не ломать сію древность» [3]).

---

[1]) *Савельевъ*, Очеркъ инженернаго управленія, 253.

[2]) *Соловьевъ*, XXVII, 62. Извѣстіе это заимствовано изъ Госуд. архива; Русское Историческое Общество, издавая екатерининскія бумаги этого архива, указанное извѣстіе, однако, не напечатало.

[3]) Чтенія, 1863, II, 27; Сборникъ, X, 207; XIII, 284. Девять лѣтъ позже, императрица вспомнила о Болгарахъ, разрѣшая постройку близъ нихъ селитрянаго завода (Архивъ Сената, т. 139, л. 358; Полн. Собр. Зак., № 14517).

Это было писано 3-го іюня, а 5-го, въ 10-мъ часу утра, прибыли въ Симбирскъ, конечный пунктъ «похода по Волгѣ». Екатерина вынесла за послѣдніе дни плаванія по Волгѣ самыя отрадныя впечатлѣнія: «Здѣсь народъ по всей Волгѣ богатъ и весьма сытъ, и хотя цѣны вездѣ высокія, но всѣ хлѣбъ ѣдятъ, и никто не жалуется и нужду не терпитъ... Хлѣбъ всякаго рода такъ здѣсь хорошъ, какъ еще не видали; по лѣсамъ же вездѣ вишни и розаны дикіе, а лѣса инаго нѣтъ, какъ дубъ и липа; земля такая черная, какъ въ другихъ мѣстахъ въ садахъ на грядахъ не видятъ. Однимъ словомъ, сіи люди Богомъ избалованы; я отъ роду такихъ рыбъ вкусомъ не ѣдала, какъ здѣсь, и все въ изобиліи, и я не знаю, въ чемъ бы они имѣли нужду; все есть и все дешево» [1]).

Плаваніе по Волгѣ окончено. Изъ Симбирска императрица возвратилась въ Москву сухимъ путемъ. Екатерина съ грустью разсталась съ маленькою волжскою флотиліею. «Ничего пріятнѣе быть не можетъ, какъ вояжировать безъ устали цѣлымъ домомъ. Истинно, что съ галеры сойтить не хочется, и надобно Ивану Григорьевичу (Чернышеву) честь отдать, что ничего не позабыто, что можетъ служить къ облегченію толь дальняго пути» [2]).

Екатерина, особымъ указомъ, помѣщаемымъ ниже (№ 6), позаботилась о судахъ волжской флотиліи и тѣмъ, быть можетъ, сохранила до нашего времени, по крайней мѣрѣ, главную галеру «Тверь»: она хранится въ Казани, въ Адмиралтейской слободѣ, въ большомъ деревянномъ сараѣ. На правомъ бортѣ «Твери», близъ парадваго трапа, прибита дощечка съ слѣдующею надписью: «Галера «Тверь», на которой прибыла императрица Екатерина II изъ Твери въ г. Казань въ 1767 году. Сохраняется по повелѣнію императора Александра I». Не сказано, однако, по чьему повелѣнію уни-

---

1) Чтенія, 1863, II, 26, 28.

2) Ibid., 22.

чтоженъ сарай, въ которомъ хранился яликъ императора Павла I, и самый яликъ поставленъ на палубу галеры.

16-го іюня императрица Екатерина II возвратилась въ Москву и 22-го, присутствуя въ сенатѣ, заявила слѣдующій результатъ своей поѣздки: «Во всей дорогѣ хотя болѣе шестисотъ челобитенъ подано, но, кромѣ одной, и то по партикулярной обидѣ, а не по дѣламъ и по должности, не нашлось на правительствѣ и на воеводѣ; еще меньше о взяткахъ, а по большей части всѣ, выключая нѣсколько недѣльныхъ отъ помѣщичьихъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ тѣхъ хозяевъ, кои возвращены съ подтвержденіемъ о неподаваніи впредь таковыхъ, всѣ прочія отъ пахатныхъ солдатъ и отъ новокрещенныхъ въ завладѣніи землями и въ недостаткѣ оныхъ; изъ чего видно, что въ тамошнихъ мѣстахъ большая нужда въ межеваньи, а именно въ уѣздахъ, о коихъ особливый реэстръ прилагается. Чтобы же въ земляхъ недостатокъ заподлинно былъ, того по партикулярнымъ извѣстіямъ не видно; ибо почти вездѣ втрое противъ того, что разработывать могутъ» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица предложила сенату рядъ вопросовъ, по которымъ губернаторы и воеводы должны были сообщить свѣдѣнія объ увеличивающейся дороговизнѣ хлѣба [2]).

Помѣщаемые ниже документы изъ архива морского министерства касаются двухъ походовъ: по Волгѣ, въ 1767 г., и по Днѣпру, въ 1787 г. Знаменитое таврическое путешествіе весьма обстоятельно обработано Г. В. Есиповымъ въ «Кіевской Старинѣ». Въ оба похода командиромъ императорской галеры былъ Петръ Ивановичъ Пущинъ (1728—1812), боевой адмиралъ, въ послѣдніе годы жизни Екатерины занимавшій постъ командира кронштадтскаго порта. Въ семейномъ архивѣ

---

[1]) Сборникъ, X, 216.

[2]) Въ Архивѣ Сената хранится подъ 1767 годомъ, безъ №, огромный томъ съ отвѣтами.

Пущиныхъ хранится, между прочимъ, слѣдующая собственноручная записка къ нему императрицы:

«Петръ Ивановичь. Буде итальянской попъ, присланный къ вамъ для высылкой отъ селѣ на корабля еще не высланъ, то пришлитѣ его какъ возможно секрѣтнѣе подъ присмотромъ добрымъ суда къ генералу фелдцейхъмейстеру графу Зубову въ таврической дворецъ».

«Екатерина».

«апрѣля 28 ч. 1794».

I.

Плаваніе по Волгѣ.

1.

Журналъ Адмиралтействъ-Коллегіи 1766 г.

6-го августа. Адмиралтействъ-коллегія имѣла разсужденіе: понеже во исполненіе высочайшаго ея императорскаго величества именнаго указа, по которому высочайше повелѣть соизволила по представленной ея величеству отъ адмиралтейской коллегіи примѣрной модели и чертежу судна для плаванія по рѣкѣ Волгѣ построить таковыхъ въ Твери три, которыя бы въ началѣ 1767 г. были готовы; по опредѣленію коллегіи велѣно для того построить три галеры, чего ради посланъ былъ галернаго флота капитанъ Пущинъ и галерный мастеръ Озеровъ съ командою, и велѣно на строеніе предписанныхъ галеръ лѣса заготовлять на всѣ, и строить прошедшею зимою одну галеру меньшей пропорціи, которая и построена, и капитанъ Пущинъ присланнымъ въ коллегію рапортомъ объявилъ, что на другія двѣ галеры по контракту подрядчиками лѣса имѣютъ быть поставлены августа къ 1-му

числу, приказали: для начатія строеніемъ вышеупомянутыхъ достальныхъ двухъ галеръ, дабы оныя неотмѣнно, по силѣ вышеобъявленнаго именнаго повелѣнія, къ началу 1767 года совсѣмъ построены и приготовлены были, за болѣзнію галернаго мастера Озерова, подмастера Щепина съ подлежащимъ числомъ прочихъ служителей и съ удовольствіемъ потребныхъ матеріаловъ и припасовъ отправить немедленно, которому по прибытіи въ Тверь велѣть показанныя галеры нимало мѣшкавъ строеніемъ начать, одну таковой же пропорціи какая построена, а другую 12-ти баночную, а когда галерный мастеръ Озеровъ отъ болѣзни получитъ свободу, тогда онаго, для наилучшаго ему, Щепину, въ томъ строеніи показанія, отправить же, а дабы не отмѣнно означенныя въ Твери двѣ галеры въ свое время построены быть могли, въ томъ капитану Пущину имѣть всекрайнее стараніе.

2.

Высочайшій указъ Адмиралтействъ-Коллегіи [1]).

2 мая 1767 году. Тверь.

Всемилостивѣйшее пожаловали мы капитана 2-го ранга Пущина, за приложенное его ревностное стараніе въ построеніи для походу нашего по Волгѣ судовъ, во флотскіе капитаны 1-го ранга. А бывшимъ при немъ Адмиралтействъ-коллегіи въ награжденіе выдать повелѣваемъ: лейтенанту Ѳедоту Мистрову годовое по его чину жалованье; галерному мастеру Щепину и ластовыхъ судовъ Каребникову: первому за каждую галеру по положенію, а другому за построенныя имъ суда, за каждое по 30 рублей. Всѣмъ же адмиралтейскимъ мастеровымъ и нижнимъ чинамъ, которые при ономъ построеніи здѣсь были, 1.600 руб., которые имъ раздѣлить должно по пропорціи получаемаго ими жалованья.

---

[1]) № 705, л. 51. *Веселаго*, Описаніе дѣлъ архива морскаго министерства, III, 567.

3.

Предложеніе Адмиралтействъ-Коллегіи ея президента графа И. Г. Чернышева.

16 іюня 1767 году. Москва.

Сколь поведеніе и содержаніе всей морской команды, бывшей на рѣкѣ Волгѣ, было исправно, о томъ государственная адмиралтейская коллегія удостовѣриться могла изъ присланнаго при рапортѣ отъ капитана Пущина даннаго аттестата по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію, за рукою дежурнаго генералъ-адъютанта, къ чему при томъ еще присовокупить имѣю, что сверхъ прещедраго отъ ея императорскаго величества награжденія каждаго оберъ-офицера особо драгоцѣнными золотыми часами или табакерками, и того что вкупѣ на всю команду 6.200 р. пожаловать изволила и ко мнѣ изъ Симбирска отъ 6-го числа сего мѣсяца своеручно всевысочайше писать, между прочимъ, сими точно словами: «поведеніемъ моряковъ всей команды я весьма довольна» [1]).

Таковые знаки щедрости ея императорскаго величества, простирающіе до всей команды, и высочайшее доказательство своего монаршаго благоволенія и апробаціи поведенія цѣлой почти части галернаго флота заслуживаютъ отъ государственной адмиралтейской коллегіи уваженія и благодаренія, которому они достойны сдѣлались, слѣдуя ея повелѣнію и даннымъ хорошимъ наставленіемъ.

Столь же лестный аттестатъ для морской команды въ оригиналѣ въ адмиралтействъ-коллегію посылаю, который, будучи сохраненъ съ прочими именными повелѣніями, на вѣки будетъ служить доказательствомъ высочайшей ея императорскаго величества милости ко флоту.

---

[1]) № 705, л. 69. *Веселаго*, l. c.

4.

Экстрактъ изъ журнала плаванія ея императорскаго величества на галерахъ по рѣкѣ Волгѣ, отъ Твери до Симбирска, въ 1767 году.

2-го мая. Съ полудня въ 2 часа снялись съ якоря отъ города Твери и пошли греблею. Въ 8 часу, прошедъ отъ мѣста 36 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени против лежащаго на нагорной сторонѣ села Городни легли на якорь.

3-го мая. По полуночи въ половинѣ 4 часа снялись съ якоря и пошли греблею. Въ половинѣ 11 часа, прошедъ 37 верстъ, противъ лежащаго на луговой сторонѣ села Сухорно для обѣденнаго стола легли на якорь. Въ половинѣ 2 часа пополудни снялись съ якоря и пошли греблею. Въ половинѣ 8 часа для вечерняго стола и ночнаго времени, прошедъ 20 верстъ, противъ лежащаго на нагорной сторонѣ села Новоселье легли на якорь.

4-го мая. Съ полуночи въ четверть 4 часа снялись съ якоря, пошли греблею. Въ началѣ 11 часа, прошедъ 26 верстъ, для обѣденнаго стола, не дошедъ лежащей на луговой сторонѣ деревни Тепорки, легли на якорь. Во второмъ часу пополудни снялись съ якоря и пошли греблею. Въ исходѣ 8 часа для вечерняго стола и ночнаго времени, проплывъ 27 верстъ, прошедъ немного лежащее на нагорной сторонѣ село Бѣлгородокъ, легли на якорь.

5-го мая. По полуночи въ исходѣ 3 часа снялись съ якоря и пошли греблею. Въ исходѣ 10 часа, прошедъ 45 верстъ, для обѣденнаго стола у лежащаго на луговой сторонѣ Калязина монастыря легли на якорь. Въ началѣ 11 часа ея императорское величество соизволила на шлюпкѣ съѣхать съ галеры въ оный монастырь. Въ 12 часовъ ея величество соизволила возвратиться изъ монастыря. Въ половинѣ 4 часа пополудни снялись съ якоря и пошли греблею. Въ исходѣ 8

часа, прошедъ 31 версту, у лежащаго на луговой сторонѣ села Городища, какъ для вечерняго стола, такъ и ночнаго времени легли на якорь.

6-го мая. По полуночи въ началѣ 5 часа снялись съ якоря и пошли греблею. Въ 7 часу, проплывъ 13 верстъ, пришедъ противъ города Углича, легли на якорь. Въ 9 часу ея императорское величество соизволила съ галеры шествовать на шлюпкѣ въ Угличъ. Въ 10 часу ея величество соизволила возвратиться изъ города. Въ исходѣ 2 часа пополудни снялись съ якоря и пошли греблею. Въ началѣ 8 часа, прошедъ 48 верстъ, какъ для вечерняго стола, такъ и ночнаго времени противъ лежащей на луговой сторонѣ деревни Островки легли на якорь.

7-го мая. По полуночи въ половинѣ 4 часа снялись съ якоря и пошли греблею. Въ 6 часу, прошедъ 6 верстъ, за крѣпкимъ вѣтромъ противъ лежащей на нагорной сторонѣ деревни Килина легли на якорь и всѣ сутки лежали на якорѣ.

8-го мая. Въ 2 часа по полуночи снялись съ якоря и пошли греблею. Въ 6 часу шли бичевою. Въ 1 часу пополудни, прошедъ 37 верстъ, противъ устья рѣки Мологи, для обѣденнаго стола легли на якорь и ожидали кухоннаго судна. Въ половинѣ 6 часа снялись съ якоря и пошли греблею. Въ 7 часу пошли подъ парусами. Въ 10 часу, прошедъ 28 верстъ, у Рыбной слободы легли на якорь.

9-го мая. По полуночи въ половинѣ 8 часа ея императорское величество соизволила шествіе имѣть въ Рыбную слободу въ соборную церковь. Въ 9 часу ея величество соизволила возвратиться и, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею. Въ половинѣ 11 часа, прошедъ 13 верстъ, для обѣденнаго стола противъ лежащаго на нагорной сторонѣ села Малшино легли на якорь, и ея величество обѣденный столъ изволила имѣть въ ономъ селѣ Малшино. Въ началѣ 2 часа пополудни ея величество соизволила изъ села Малшино возвратиться, и снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею.

Въ началѣ 8 часа, проплывъ 68 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени, пришедъ къ городу Ярославлю, легли на якорь. Съ онаго часа по 13 число мая ея императорское величество изволила присутствіе свое имѣть въ Ярославлѣ.

13-го мая. По полудни въ началѣ 6 часа ея величество соизволила возвратиться на галеру. Въ началѣ 8 часа, снявшись съ якоря, пошли греблею. Въ началѣ 10 часа, прошедъ по рѣкѣ отъ Ярославля 10 верстъ, не дошедъ до лежащей на нагорной сторонѣ деревни Орловой 2 версты, стали на якорь.

14-го мая. По полудни въ 2 часа снялись съ якоря и пошли греблею. Въ половинѣ 10 часа, проплывъ по рѣкѣ 36 верстъ и прошедъ немного лежащаго на нагорной сторонѣ села Городича, для обѣденнаго стола легли на якорь. Въ половинѣ 2 часа по полудни снялись съ якоря и пошли подъ парусами. Въ половинѣ 9 часа, проплывъ по рѣкѣ 37 верстъ и пришедъ противъ Ипатскаго монастыря, для вечерняго стола и ночнаго времени легли на якорь.

15-го мая. По полуночи въ исходѣ 9 часа ея императорское величество соизволила поѣхать въ Ипатской монастырь. Въ 4 часа пополудни ея величество соизволила изъ монастыря ѣхать на шлюпкѣ въ городъ Кострому. Въ 5 часу ея величество соизволила изъ города Костромы проѣхать въ тотъ же монастырь. Въ 12 часу ея величество изволила возвратиться на галеру.

16-го мая. По полуночи въ 7 часу снялись съ якоря и пошли въ путь греблею изъ рѣки Костромы въ рѣку Волгу. Въ началѣ 12 часа, прошедъ по рѣкѣ 28 верстъ, у деревни Орлецъ, лежащей на нагорной сторонѣ, для обѣденнаго стола легли на якорь. Въ 3 часа по полудни снялись съ якоря и пошли греблею. Въ 9 часовъ, прошедъ по рѣкѣ 43 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени противъ лѣса Петропавловскаго легли на якорь.

17-го мая. По полуночи въ половинѣ 9 часа ея император-

ское величество соизволила съ галеры на шлюпкѣ отбыть въ село Петропавловское. Въ часъ по полудни ея величество соизволила изъ села Петропавловскаго обратно прибыть на галеру. Въ началѣ 2 часа снялись съ якоря и пошли греблею, въ ономъ же часу распустили паруса. Въ 9 часу, прошедъ по рѣкѣ 63 версты, близъ лежащей на нагорной сторонѣ деревни Иванихи для вечерняго стола и ночнаго времени легли на якорь.

18-го мая. По полуночи въ половинѣ 3 часа снялись съ якоря и пошли въ путь греблею. Въ 12 часовъ, прошедъ 78 верстъ, для обѣденнаго стола противъ лежащей на нагорной сторонѣ слободы Катунки, легли на якорь. Въ началѣ 4 часа по полудни снялись съ якоря и пошли въ путь греблею. Въ началѣ 8 часа, прошедъ по рѣкѣ 24 версты, противъ лежащей на луговой сторонѣ нижней слободы Городца для вечерняго стола и ночнаго времени легли на якорь.

19-го мая. По полуночи въ 10 часу ея императорское величество изволила на шлюпкѣ отбыть въ верхній Городецъ. Въ 1 часу по полудни ея величество изволила возвратиться обратно на галеру. Въ 3 часу, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею. Въ 9 часу, прошедъ 43 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени, не дошедъ Нижняго-Новагорода, въ 10 верстахъ легли на якорь.

20-го мая. По полуночи въ началѣ 6 часа снялись съ якоря и пошли въ путь греблею. Въ 9 часу, пришедъ къ Нижнему-Новгороду, противъ пристани легли на якорь; въ исходѣ часа ея величество соизволила на шлюпкѣ отбыть въ Нижній-Новгородъ, и всѣ оныя сутки стояли на якорѣ.

21-го мая. По полудни въ началѣ 9 часа ея императорское величество соизволила изъ города ѣздить на шлюпкѣ вверхъ по Окѣ рѣкѣ и возвратиться паки въ городъ.

22-го мая. По полудни въ началѣ 5 часа ея императорское величество соизволила возвратиться на галеру. Въ началѣ 6 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею. Въ 9

часовъ, прошедъ 24 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени, пришедъ противъ лежащаго на нагорной сторонѣ села Великаго-Врага, легли на якорь.

23-го мая. По полуночи въ началѣ 3 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею. Въ 10 часовъ, прошедъ по рѣкѣ 60 верстъ, для обѣденнаго стола противъ монастыря св. Макарія Желтовицкаго, лежащаго на луговой сторонѣ, легли на якорь. Въ 11 часовъ ея императорское величество изволила на шлюпкѣ отбыть на берегъ въ Макарьевскій монастырь. Въ 12 часовъ ея величество соизволила изъ монастыря возвратиться обратно на галеру. Въ 2 часа по полудни, снявшись съ якоря пошли въ путь греблею. Въ 9 часовъ, прошедъ по рѣкѣ 45 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени по близости лежащаго на нагорной сторонѣ села Самовки легли на якорь.

24-го мая. По полуночи въ половинѣ 3 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь на греблѣ. Въ исходѣ 12 часа, прошедъ по рѣкѣ 60 верстъ, для обѣденнаго стола, не дошедъ до города Козмодемьянска 2 верстъ, легли на якорь. Въ 4 часа по полудни снялись съ якоря и пошли греблею. Въ 9 часовъ, прошедъ по рѣкѣ 45 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени, миновавъ немного лежащій на нагорной сторонѣ приходъ Ильинской, легли на якорь.

25-го мая. По полуночи въ 3 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею. Въ 7 часовъ, прошедъ по рѣкѣ 24 версты, подойдя къ городу Чебоксаръ, легли на якорь. Въ 8 часовъ ея императорское величество соизволила на шлюпкѣ отбыть въ городъ Чебоксары. Въ 11 часовъ ея величество соизволила изъ Чебоксара возвратиться на галеру, гдѣ имѣла обѣденный столъ. Въ половинѣ 2 часа по полудни, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею. Въ 9 часовъ, прошедъ по рѣкѣ 46 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени, прошедъ село Кушниково, легли на якорь.

26-го мая. По полуночи въ началѣ 3 часа, снявшись съ

якоря, пошли въ путь греблею. Въ половинѣ 12 часа, прошедъ по рѣкѣ 70 верстъ, для обѣденнаго стола, пришедъ къ лежащей на нагорной сторонѣ деревни Маркваши, легли на якорь. Въ 4 часа по полудни, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею. Въ началѣ 7 часа, прошедъ по рѣкѣ 15 верстъ пришедъ къ городу Казани, легли на якорь, а въ половинѣ того же часа ея императорское величество соизволила отбыть съ галеры на шлюпкѣ въ городъ Казань.

27—31-го мая. Ея императорское величество соизволила имѣть свое присутствіе въ городѣ Казани.

1-го іюня. По полуночи въ половинѣ 11 часа ея императорское величество изъ города Казани соизволила возвратиться на галеру. Въ 1 часу по полудни, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею. Въ исходѣ 9 часа, прошедъ по рѣкѣ 23 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени, противъ лежащаго по нагорной сторонѣ села Шеланга легли на якорь.

2-го іюня. По полуночи въ половинѣ 4 часа, снялись съ якоря и пошли въ путь подъ парусами. Въ половинѣ 10 часа, прошедъ по рѣкѣ 50 верстъ, для обѣденнаго стола, не дошедъ немного села Корельскаго, легли на якорь. Въ половинѣ 2 часа по полудни, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею. Въ началѣ 5 часа, прошедъ по рѣкѣ 22 версты до пристани Бѣлгородской, гдѣ легли на якорь, а ея императорское величество изволила сѣсть на шлюпку и отбыть на Бѣлгородскую пристань, откуда шествіе имѣла въ городъ Бѣлгородъ. Въ 8 часовъ ея величество соизволила изъ города Бѣлгорода возвратиться на галеру, а въ исходѣ того же часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею. Въ исходѣ 10 часа, прошедъ по рѣкѣ 42 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени легли на якорь.

3-го іюня. По полуночи въ исходѣ 4 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею. Въ исходѣ 8 часа, прошедъ по рѣкѣ 44 версты, а пройдя островъ Щучій 4 версты, про-

тивъ сдѣланной пристани легли на якорь. Въ началѣ 10 часа ея императорское величество соизволила на шлюпкѣ съѣхать на берегъ къ графу Ивану Григорьевичу Орлову въ село Вознесенское, которое состоитъ отъ берега въ 10 верстахъ.

4-го іюня. По полудни въ началѣ 3 часа ея императорское величество соизволила возвратиться на галеру, а въ исходѣ онаго часа снялись съ якоря и пошли въ путь греблею. Въ исходѣ 8 часа, прошедъ по рѣкѣ 46 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени, прошедъ мимо монастыря Соловецкаго, легли на якорь.

5-го іюня. По полуночи въ исходѣ 7 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблею. Въ 10 часу, прошедъ по рѣкѣ 15 верстъ, придя къ городу Симбирску, противъ пристани легли на якорь. Ея императорское величество соизволила съ галеры отбыть на шлюпкѣ въ городъ Симбирскъ.

Всего плаванія по рѣкѣ Волгѣ отъ Твери до Симбирска 1410 верстъ.

5.

Вѣдомость судамъ, имѣвшимъ плаваніе по рѣкѣ Волгѣ во время путешествія ея императорскаго величества въ 1767 г.

Галеры: 12-ти банокъ. „Тверь". Командиръ, капитанъ Петръ Пущинъ; лейтенанты: Егоръ Лавринъ, Назаръ Логвиновъ; мичманъ Михайло Воейковъ; штурманъ прапорщичьяго ранга Савва Сахаровъ, артиллеріи унтеръ-лейтенантъ Иванъ Ивановъ.

На галерѣ находились: ея императорское величество; графы: Григорій Григорьевичъ и Владиміръ Григорьевичъ Орловы и двѣ фрейлины.

10-ти банокъ. „Волга". Командиръ, капитанъ Лаврентій Лупандинъ; мичманъ Өедоръ Калугинъ; констапель Илья Бизяевъ.

На галерѣ находились: графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, Александръ Ильичъ Бибиковъ, Дмитрій Васильевичъ Волковъ.

10-ти банокъ. „Ярославль". Командиръ, капитанъ-лейтенантъ Иванъ Нагаткинъ; мичманъ Өедоръ Путятинъ; констапель Михаилъ Прошкинъ.

На галерѣ находились: графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, Михаилъ Васильевичъ Дубянскій, Николай Ивановичъ Чечеринъ, Сергѣй Алексѣевичъ Всеволодскій, полковникъ князь Долгоруковъ, лейбъ-хирургъ Рейслейнъ и лекарь.

„Казань". Командиръ, капитанъ-лейтенантъ Никифоръ Палибинъ; мичманъ Петръ Шишкинъ; лекарь Яганъ Гагенъ; констапель Василій Анчеринъ.

На галерѣ находились: гофмаршалъ Григорій Никитичъ Орловъ, графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ.

Кухонныя: „Угличъ". Командиръ, лейтенантъ Ѳедотъ Мистровъ.

„Кострома". Командиръ, лейтенантъ Иванъ Дуровъ.

„Нижній-Новгородъ". Командиръ, лейтенантъ Иванъ Баллей. Находился подъ придворной провизіей. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.

„Симбирскъ". Командиръ, мичманъ Иванъ Шаховъ.

На немъ находился Василій Михайловичъ Ребиндеръ.

Госпитальное: „Ржевъ Владиміровъ". Командиръ, лейтенантъ Сергѣй Лопухинъ.

На немъ находились: коммисаръ Иванъ Бреховъ, лекарь Сибрантъ фегенъ Бауманъ.

„Лама", графа Захара Григорьевича Чернышева, собственное. Командиръ, Ѳедоръ Минихъ.

На немъ находился гр. З. Г. Чернышевъ.

„Севастьяновка", собственное графа Григорія Григорьевича Орлова. Командиръ, подштурманъ Григорій Леоновъ.

Сверхъ того было полубарокъ: съ командою лейбъ-гвардіи полковъ 2, съ придворн. запасомъ 8, большихъ лодокъ 4.

Кромѣ того были иностранные министры: испанскій виконтъ Дегерерскій, цесарскій князь Лобковичъ, прусскій графъ Сольмсъ, датскій баронъ Ассебургъ. Саксонскій графъ Саксенъ на галерѣ „Вомѣ".

Да на всѣхъ судахъ прочихъ чиновъ флотскихъ, артиллерійскихъ, солдатскихъ и адмиралтейскихъ 777.

Армейскихъ при одномъ маiорѣ съ ихъ оберъ-офицерами 345, а всего 1122 человѣка.

6.

Высочайшій указъ Адмиралтействъ-коллегіи [1]).

Января 16 дня 1768 году.

Буде не можно безвредно до Петербурга довезти построенныя для нашего плаванія по Волгѣ суда, то повелѣваемъ адмиралтейской коллегіи оныя перевести до Казани, и тамо по своему разсужденію, или передѣлавъ употреблять для своихъ перевозокъ по Волгѣ рѣкѣ, или вытаща въ удобномъ мѣстѣ на берегъ подъ сараемъ хранить.

II.

Плаваніе по Днѣпру.

1.

Высочайшій рескриптъ вице-адмиралу Пущину [2]).

Марта 14 1784 году.

Г. Вице-адмиралъ и генералъ-интендантъ Пущинъ. Препоруча вамъ извѣстное строеніе судовъ на Днѣпрѣ, въ Смоленскѣ или близъ онаго города, Мы возлагаемъ на попеченіе ваше къ тому относящіяся распоряженія. На проѣздъ вашъ и возвращеніе указали Мы выдать вамъ изъ казначейства для остаточныхъ суммъ учрежденнаго 1.000 рублей, да на нужные расходы для того строенія 10.000 рублей. Адмиралтейская коллегія и Наши генералы-губернаторы или губернаторы должны будутъ подать вамъ всякое нужное пособіе, коего вы

---

[1]) № 706, л.л. 15—20. *Веселаго*, l. c., 569.
[2]) № 728, л. 39.

отъ нихъ силою сего указа Нашего требовать имѣете. По всему сему поручаемому вамъ дѣлу долженствуете доносить намъ и отъ Насъ испрашивать рѣшеніе.

2.

Письмо вице-адмирала Пущина графу И. Г. Чернышеву.

Продолжилъ я донесеніемъ объ успѣхахъ дѣлъ моихъ, тому причина: смоленскихъ жителей нашелъ людей совершенно незнающихъ и неимѣющихъ понятія о заготовкѣ лѣсовъ для построенія судовъ, а къ тому уже наступила работная пора для хлѣбопашества, то и начали поставлять цѣны неумѣренныя и чрезвычайно дорогія, да не только къ поставкѣ, даже и тѣ, которые на корню кому изъ владѣльцевъ принадлежатъ, а въ казенныхъ дачахъ строеваго лѣса совсѣмъ нѣтъ; работные-жъ люди по всѣмъ моимъ стараніямъ никто не являются, и такъ три недѣли изыскивалъ способы, но ничего рѣшительнаго не предвидѣлъ и находился въ сумнѣніи, не зналъ чѣмъ начать и какъ конца достигнуть. Но напослѣдокъ 16 числа сего мѣсяца отставной надворный совѣтникъ Рыдванскій, усердствуя оказать ея величеству услугу, хотя за дорогую цѣну, но съ скидкою, противу всѣхъ дешевле договорился всѣ лѣса, кромѣ досокъ, начавъ въ маѣ, окончить поставку въ августѣ мѣсяцѣ: на галеры 12-ти баночныя на двѣ, а 10-ти баночныя на 5, кухонныхъ судовъ на 2, конюшенныхъ на 2, для разныхъ провизій на 3, всего на 14 судовъ, цѣною на 22.723 руб. 42 коп. А досокъ разныхъ сортовъ потребно 11841, за которыя просили прежде 26, а потомъ 16 и 13 тысячъ руб., меньше никто не бралъ, напослѣдокъ добрый человѣкъ купецъ Хлѣбниковъ взялся поставить за 10.000 руб. Теперь нужнѣе всего гвозди и желѣзо съ прочими вещами, за онымъ на сихъ дняхъ пошлю въ Москву. Да не въ слыханной мною цѣнѣ стоитъ уголье, 4 недѣли держали цѣну по

50 коп. четверть, которая въ Петербургѣ не дороже 14 коп. покупается.

Вотъ, милостивый государь, попался я въ смоленскія руки! ни мое усердіе къ соблюденію интереса, ни всѣ пріемлимые способы и увѣщеванія здѣшнихъ жителей склонить не въ силахъ, невоображаемую мною цѣну платить долженъ. И по симъ обстоятельствамъ непремѣнно іюнь мѣсяцъ въ Смоленскѣ прожить мнѣ надобно будетъ. О гребныхъ судахъ, рѣшился здѣсь только построить для 7 судовъ къ каждому по два; а къ галерамъ шлюпки 12-ти весельныя 3, да 10-ти весельныя 4, и катеровъ 7 лучше доставить изъ Петербурга зимою, а также всѣ якоря, пушки или фальконеты и мелочныя вещи, которыхъ здѣсь и въ Москвѣ не отыщу. Всего больше еще затрудняетъ пенька щипаная, или на щипаніе оной канатъ, ни здѣсь, ни въ Москвѣ отыскать не можно, надобно будетъ оную доставить изъ Петербурга.

Въ рѣкѣ Днѣпрѣ вода еще и понынѣ прибываетъ, поверхъ ординарной прибыло 27 футъ 11 дюймъ.

23 апрѣля 1784 года.

3.

Высочайшій указъ вице-адмиралу Пущину [1]).

2 апрѣля 1787 году.

Назначенною для плаванія Нашего по Днѣпру отъ Кіева до Екатеринослава флотиліею вы имѣете командовать, пользуясь флагомъ вице-адмиральскимъ, со всѣми его преимуществами; кому на какой галерѣ или другаго названія суднѣ быть—получите вы роспись; во время сего плаванія производить лоцманамъ по одному рублю на день. Суда же по прибытіи къ порогамъ какимъ образомъ чрезъ оныя провесть и кому ихъ, такожъ и команду на нихъ сухопутную и мор-

[1]) № 731, л. 30.

скую сдать, вы получите наши приказанія чрезъ генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина, по его главному начальству надъ сухопутными и морскими Нашими въ томъ краю ополченіями.

4.

Вѣдомость состоящимъ въ Кіевѣ судамъ, 1787 года апрѣля 7 дня.

12 баночныя: № 1 „Днѣпръ". Командиръ капитанъ-лейтенантъ Иванъ Пущинъ.

На немъ находилась ея императорское величество.

№ 2 ....[2]) Капитанъ-лейтенантъ Адольфъ фонъ-Сакенъ.

На немъ находились: князь Г. А. Потемкинъ, графини: Браницкая и Скавронская.

10 баночныя: № 1 „Ипуть". Лейтенантъ Иванъ Паскочинъ.

На немъ находились: оберъ-шталмейстеръ графъ Шуваловъ и сынъ его, тайные совѣтники: Чертковъ и Нелединской.

№ 2 „Сеймъ". Кап.-лейт. Алексѣй Нелединской.

На немъ находились: посолъ, министры и принцъ де-Линь.

№ 3 „Десна". Лейт. Павелъ Кропотовъ.

На немъ находилась столовая.

№ 4 „Сожъ". Лейт. Александръ Глинка.

На немъ находились: гофмаршалъ тайный совѣтникъ Стрекаловъ, лейбъ-медикъ Рожерсонъ, дѣйств. тайн. сов. Храповицкій.

№ 5 „Сновъ". Лейт. Агей Нелидовъ

На немъ находились: графъ Ангальтъ, графъ Безбородко, генералъ-маіоръ Левашевъ, шталмейстеръ Ребиндеръ.

Трешходтъ „Орелъ". Лейт. Карлъ Литке.

На немъ находился графъ И. Г. Чернышевъ съ дочерью.

Водовики: № 1 „Остеръ". Мичм. Ѳедоръ Леслій.

На немъ находились: камергеры: Валуевъ, Салтыковъ; камеръ-юнкеры: Бибиковъ, Кочубей, два или три капитана.

---

[2]) Въ оригиналѣ пропускъ. Въ Dyaryusz podróży Stanisława Augusta Króla na Ukrainę, w Roku 1787, przez Adama Naruszewicza. Warszawa, 1805, галера эта названа «Бугъ» (стр. 289). Ср. Dziennik podróży króla Stanisława Augusta na Ukrainę. Warszawa, 1788, стр. 301.

№ 2 „Трубежъ“. Мичм. Павелъ Шостакъ.

На немъ находились: Кохъ, Келхенъ, Вейкартъ, Мессингъ, Гревсъ и два коллегіи иностранныхъ дѣлъ чина.

№ 3 „Лебедь“. Мичм. Иванъ Шостакъ.

На немъ находились камеръ-пажи.

Штурманы унтеръ-офицерскаго чина: № 4 „Ильма“. Василій Полтарихинъ; № 5 „Тавель“. Филиппъ Башлыковъ. Шталмейстерскія: № 1 „Тясмина“. лейт. Николай Дзивовичъ; № 2 „Стугна“. лейт. Василій Шостаковъ. Гофмаршальскія: № 1 „Донъ“. Василій Лихаревъ. № 2 „Ингулъ“. Андрей Башуцкій.

Кухни: № 1 „Самара“. Александръ Забелло. № 2 „Кубань“. Григорій Тимченко. Госпитальное „Салгиръ“. Павелъ Маринъ.



МОРОВАЯ ЯЗВА.

1770—1774.



МОРОВАЯ ЯЗВА.

Помѣщаемые ниже 14 указовъ и рескриптовъ императрицы Екатерины II генералъ-маіору Шипову представляютъ довольно полную картину борьбы съ чумою во время первой турецкой войны, съ 1770 по 1774 годъ.

За громкими побѣдами русскихъ войскъ, за Ларгой и Кагуломъ, слѣдовало по пятамъ страшное пораженіе въ видѣ моровой язвы. Особая комиссія пресѣченія и врачеванія, «чумная» комиссія [1]) писала императрицѣ въ своемъ докладѣ: «Сколь ни обширны были земли и моря, объятыя пламенемъ войны, и сколь ни многочисленны были непріятели, повсюду слѣды побѣдоноснаго воинства россійскаго блистали трофеями. Но съ таковою видимою силою магометанъ соединялся изъ нѣдръ суевѣрнаго сего народа невидимый непріятель, требующій сугубаго сопротивленія, непостижимымъ образомъ поражавшій иногда наши войска. Была то моровая язва. Болѣзнь сія, чѣмъ далѣе непріятели удалялися отъ побѣдоносцевъ нашихъ, тѣмъ болѣе приближалася къ предѣламъ имперіи, а наконецъ усилилася внутрь оныя, и въ самомъ

---

[1]) Въ «комиссіи для предохраненія и врачеванія отъ моровой заразительной язвы» предсѣдательствовалъ генералъ-поручикъ П. Д. Еропкинъ; членами состояли: вице-президентъ канцеляріи опекунства иностранныхъ В. Г. Баскаковъ, протоіерей Успенскаго собора о. Александръ Левшинъ, московскій мѣщанинъ и купецъ Лука Долгой и пять врачей—Аѳанасій Шафонскій, Кассіянъ Ягелскій, Густавъ Ореусъ, Христіанъ Граве и Данило Самойловичъ, авторъ «Mémoire sur la peste», Paris, 1783.

первопрестольномъ городѣ Москвѣ» [1]). За чесменскимъ погромомъ слѣдовалъ московскій бунтъ.

«Невидимый непріятель» обнаружился вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій. Французскій посолъ въ Константинополѣ, графъ Верженнь, писалъ своему королю: «Турки начали эту войну движеніями, противными основнымъ законамъ военнаго искусства. Въ декабрѣ 1768 и въ январѣ нынѣшняго года татары опустошили Новую Сербію, Валахію и Молдавію, т.-е. тѣ именно мѣстности, изъ которыхъ турецкая армія должна была получать провіантъ и фуражъ. Весною 1769 г. великій визирь долженъ былъ остановить свои войска въ окрестностяхъ Бендеръ, въ виду невозможности продолжать походъ по мѣстности, лишенной хлѣба, скота и сѣна» [2]). Недостатокъ провіанта, въ связи съ разслабляющими жарами, породилъ болѣзни, эпидемически опустошавшія турецкія войска въ устьяхъ Дуная и Днѣстра. Когда русская армія потѣснила турокъ и заняла Молдавію и Валахію, эпидемія охватила и «молдавскій корпусъ». Генералъ Штофельнъ [3]), очистившій Молдавію и Валахію отъ турокъ, самъ заразился чумою и умеръ въ Яссахъ. Не помогла и икона Божіей Матери: ясскій митрополитъ и молдавскіе бояре предложили Штофельну перенесть изъ Валуйскаго монастыря въ городъ икону Божіей Матери, которой приписывалось исцѣленіе отъ чумы; 9-го мая внесли икону; митрополитъ наложилъ постъ съ 10-го по 13-е мая, а въ день Вознесенія, послѣ крестнаго хода и молебствія, икону отнесли обратно въ монастырь.

Чума сильно озабочивала Екатерину. Борьбу съ язвой на

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія помѣщены въ офиціальномъ изданіи, «Описаніе моровой язвы». Москва, 1775.

[2]) Réflexions sur la compagne de 1769, въ Парижск. архивѣ, Russie, vol. LXXXV, pièce 17.

[3]) Генералъ-поручикъ Христофоръ Ѳедоровичъ фонъ-Штофельнъ умеръ 30 мая 1770 г. Графъ П. А. Румянцевъ писалъ, что «потерялъ въ немъ благоразумнаго полководца, который изъ наивеличайшаго усердія къ службѣ пожертвовалъ собою». Чтенія въ общ. исторіи и древностей, 1865, II, 82.

театрѣ войны она всецѣло предоставляла главнокомандующему дѣйствующею арміей; шансы воюющихъ сторонъ нисколько не нарушались чумой, одинаково уменьшавшей численность обѣихъ армій, русской и турецкой. Екатерина предписывала графу П. А. Румянцеву «не оставлять безъ крайней надобности западныхъ земель, а съ другой стороны не подвергать явной погибели войска, ибо потеря его не могла быть вознаграждена удержаніемъ за собою земель, опустошенныхъ повѣтріемъ и войною» [1]). Екатерину заботилъ вопросъ о переносѣ чумы въ предѣлы Россіи. А какъ не перенесть при безпрестанныхъ сношеніяхъ арміи съ тыломъ, при пересылкѣ плѣнныхъ, отвозѣ больныхъ, пересылкѣ курьеровъ? Генералъ Штофельнъ умеръ 30-го мая въ Яссахъ, а въ августѣ «моровое повѣтріе» наблюдалось уже въ окрестностяхъ Кіева. Немедленно разосланы были подробныя наставленія и предписанія не только въ Кіевъ, но въ Глуховъ, Харьковъ, Смоленскъ, Новгородъ, даже въ Москву и Ригу [2]). Для Екатерины, однако, ясно, что на мѣстныя власти, занятыя войною, полагаться нельзя, и она рѣшилась послать довѣренное лицо, поручивъ ему спеціально «всѣ пограничные кордоны и карантины» [3]). Выборъ Екатерины палъ на лейбъ-гвардіи секундъ-маіора Шипова.

Михаилъ Ивановичъ Шиповъ, офицеръ Измайловскаго полка [4]), былъ друженъ съ Орловыми. Екатерина въ первый разъ увидѣла Шипова въ день своего восшествія на престолъ. Въ небольшой собственноручной запискѣ А. Д. Олсуфьеву по поводу наградъ тѣмъ, «которые при коронѣ бы-

---

[1]) *Петровъ*, Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами, II, 80.

[2]) Архивъ Госуд. Совѣта, I. 391.

[3]) Собственноручное наставленіе кн. М. Н. Волконскому, въ Сборн. рус. ист. общ., XIII, 192.

[4]) Архивъ Измайл. полка, № 376, л. 117—134. Въ «Спискѣ імянномъ штапъ, оберъ и ундеръ афицеромъ і капраломъ», составленномъ 9-го апрѣля 1762 г., значится: «Михайло Шиповъ, капитанъ 5 роты; въ гвардіи съ 1737 г., въ оберъ-офицерахъ съ 1751 г., въ нынѣшнемъ чинѣ съ 4-го апрѣля 1762 г.».

ли», Екатерина пишетъ, между прочимъ, отъ 11-го ноября 1762 года: «Капитану поручику Измайловскаго полка Михаилу Шипову тысячу червонныхъ, да табакерку по моему выбору; объ Шиповѣ поговорить съ графомъ Григорьемъ Орловымъ—онъ его сыщетъ» [1]. Чѣмъ Шиповъ заслужилъ такую награду—неизвѣстно; несомнѣнно лишь, что онъ быстро сдѣлалъ карьеру и въ 1770 г. былъ уже генералъ-маіоромъ арміи. Онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе императрицы и добросовѣстно выполнилъ данное ему порученіе относительно пограничныхъ кордоновъ и карантиновъ.

Кромѣ 14-ти указовъ М. И. Шипову, помѣщены два указа, сохранившіеся въ копіяхъ и до настоящаго времени еще не изданные: кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, отъ 4-го января 1771 г., и генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву, отъ 26-го января того же года. Оба эти указа имѣютъ тѣсную связь съ порученіемъ, возложеннымъ на г.-м. Шипова.

Указы Екатерины II М. И. Шипову.

1.

Указъ Нашей лейбъ-гвардіи секундъ-маіору Шипову.

По полученнымъ здѣсь извѣстіямъ, что оказавшіяся съ нѣкотораго времени въ Княжествахъ Молдавскомъ и Воложскомъ заразительныя горячки начинали распространяться и до ближайшихъ къ нимъ польскихъ провинцей, отправленнымъ отъ 27-го минувшаго Августа къ Кіевскому Генералъ-Губернатору Воейкову [2]) рескриптомъ повелѣли Мы:

1-е, На проѣзжающихъ изъ обѣихъ армей дорогахъ учредить немедленно карантинные домы на самомъ краю границы, и снабдить опредѣленныхъ туда людей какъ достаточными

---

[1]) Сборн., VII, 178.

[2]) Ѳедоръ Матвѣевичъ, 1703—1778, генералъ-аншефъ, кіевскій и новороссійскій генералъ-губернаторъ.

наставленіями въ обыкновенныхъ обрядахъ, такъ и всеми къ онымъ потребностями.

2-е, Всѣхъ изъ арміи проѣзжающихъ ко двору Нашему куріеровъ не остановляя въ карантинныхъ домахъ болѣе трехъ часовъ безъ крайней нужды достаточно свидѣтельствовать, и по осмотрѣ въ неприкосновенности болезни, свободно пропускать, но прежде того какъ собственные ихъ вещи и одежду прилѣжно окуривать, такъ и всѣ будущія при нихъ депеши и другіе пакеты надлежащимъ образомъ въ уксусѣ обмачивать, и потомъ на огнѣ куреніемъ обсушать.

3-е. Въ разсужденіи другихъ изъ арміи проѣзжающихъ употреблять равныя, а по востребованію обстоятельствъ и большія еще осторожности, сообразуясь тому, кто отъ куда пріѣхалъ и какой кто имѣетъ о себѣ видъ, а равномѣрно

4-е, Предписать на Васильковскомъ форпостѣ и по другимъ изъ Польши проѣзжающимъ дорогамъ, чтобъ отъ появляющихся въ нѣкоторыхъ сего королевства къ Молдавіи провинціяхъ прилипчивыхъ горячекъ съ выходцами изъ заграницы карантинныя обряды безъ упущенія наблюдаемы и исполняемы были по мѣрѣ проѣзда ихъ изъ мѣстъ больше или меньше сумнительныхъ.

Но какъ послѣ сего изъ донесеней къ Намъ онаго Кіевскаго Генералъ-Губернатора съ сожеленіемъ усмотрѣли Мы, что сіе зло вкралось въ самой Кіевъ, то предписывая ему усугубленіе всего того, что только ко истребленію онаго служить можетъ, повелѣли Мы учинить и слѣдующее:

Тѣ домы, въ которыхъ сія болѣзнь оказалась или же окажется, разломать и зжечь.

Почту изъ Польши и изъ обоихъ Нашихъ армей переложить верстахъ въ двадцати пяти по Днепру отъ Кіева, и тутъ не только съ куріерами и съ ними отправленными письмами и посылками поступать такъ, какъ помянутымъ отъ 27-го Августа рескриптомъ Нашимъ ему предписано, но и опредѣлить въ оное мѣсто штабъ-офицера съ надлежащимъ

карауломъ и особыхъ лѣкарей, которыя бы со строгостію по искуству и знанію своему ихъ осматривали, удерживая въ ономъ мѣстѣ дватцать четыре часа.

Отправляющихся прямо изъ Кіева въ другія Нашей имперіи мѣста ктобы таковы ни были осматривая въ началѣ такимъ же порядкомъ у него и не получа отъ него билета, не выпускать, емужъ оные давать только таковымъ, о которыхъ онъ увѣренъ, по принятіи всѣхъ возможныхъ осторожностей, что они ничемъ не заражены, и ничего такого при себе не имѣютъ, таковые должны еще оставлены быть въ Козельце, гдѣ потому же таковымъ же порядкомъ, какъ выше сказано, о карантинномъ домѣ близь Кіева поступать съ тою только разницею, чтобъ всякой выѣзжающей изъ Кіева до усмотренія его тамъ не менѣе трехъ сутокъ задержанъ былъ.

Почту армейскую по сношенію съ генералъ-маіоромъ княземъ Мещерскимъ [1]) учредить для куріеровъ изъ Глухова, минуя Кіевъ, на то мѣсто, гдѣ онъ предписанной карантинной домъ на Днепрѣ установитъ.

Хотя не сумнѣваемся Мы, чтобъ принятыя такимъ образомъ мѣры не возымѣли ожидаемаго отъ нихъ успѣха, но дабы однимъ словомъ ничего пропущено не было, что служить только можетъ какъ ко утушенію сей въ Кіевѣ оказавшейся заразы, такъ и къ пресѣченію всякихъ способовъ вкрадываться оной въ границы Наши, за нужно Мы почли отправить васъ въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобъ вы не только обще съ тамошнимъ Генералъ-Губернаторомъ стараніе свое приложили о точномъ исполненіи всего ему отъ Насъ вышепрописаннаго, но по общему съ нимъ и находящимся въ Кіевѣ генералъ-порутчикомъ Сиверсомъ [2]) согласію, наивящшія и такія къ тому мѣры приняли, какія только полезными при-

---

[1]) Князь Платонъ Степановичъ, 1713—1799, членъ Малороссійской коллегіи съ 1769 по 1774 г.

[2]) Ефимъ Христіановичъ, бывшій вице-губернаторъ ревельскій, завѣдывалъ въ Кіевѣ укомплектованіемъ полковъ и командовалъ отдѣленными отъ полковъ двуротными командами. *Blum*, I, 290; *Петровъ*, I, № 9.

званы и изысканы быть могутъ, за главнѣйшее себѣ поставя пресѣчь всѣ способы къ проѣзду изъ Польши въ Кіевъ всѣмъ безмалѣйшаго изъятія, такъ чтобъ никто какогобъ званія и чину онъ нибылъ мимо учрежденнаго карантина не пробывъ въономъ опредѣленнаго времени и не употребя съ нимъ напередъ всѣхъ надлежащихъ окуриваніемъ и чрезъ огонь предосторожностей и безъ засвидѣтельствованія докторовъ или лекарей проѣхать не могъ. Чтобъ въ учрежденномъ карантинномъ домѣ, чрезъ которой армейская почта, минуя Кіевъ, проѣзжать будетъ, всевозможнѣйшая строгость въ осмотрахъ и крайность въ осторожностяхъ наблюдаема была, и чтобъ отправляющіяся изъ Кіева не иначе отъ туда выпускались, какъ предписаннымъ отъ Насъ Кіевскому Генералъ-Губернатору порядкомъ, останавливая ихъ такъ же и въ Козельце. Рекруты, которые назначены ко укомплектованію первой Нашей арміи, и которыхъ отправленіе туда поручено помянутому генералу-порутчику Сиверсу, не должны въ Кіевъ приводимы быть, но такъ какъ даны уже ему отъ Нашей военной коллегіи повелѣніи, оставляя ихъ въ ближнихъ деревняхъ, отправлять куда слѣдуетъ прямо изъ оныхъ, снабдѣвая ихъ всѣми потребными вещми тамъ, гдѣ они остановятся. Дабы отправленія изъ кіевскихъ магазиновъ мундирныхъ и амуничныхъ вещей для снабденія той же Нашей арміи учрежденныхъ, случаемъ сей оказавшейся тамъ болѣзни, затруднено или и совсемъ пресѣчено быть немогло, то и наиточнѣйше наблюсти все то, что помянутому генералъ-порутчику отъ оной же Нашей коллегіи предписано; при такомъ же случаѣ естьли-бъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ которой магазинъ находится, появилась зараза, такъ что навлечено бы уже было сомнѣніе о безопасности отправленія изъ онаго вещей, то не только изъ такого больше ничего не отпускать, но запечатавъ и ходить въ него запретить, а отправленіе вещей дѣлать изъ другихъ, которые въ безопасныхъ и здоровыхъ мѣстахъ находятся.

Въ прочемъ въ твердой пребываемъ Мы надеждѣ, что къ

утушенію и истребленію въ границахъ Нашихъ сей опасной болѣзни ничего того вы не упустите, что только найдется къ тому удобовозможнымъ; о успѣхѣ же во ономъ не оставите къ Намъ доносить, ожидая о дальнѣйшемъ вашемъ тамъ пребываніи Нашего указа, а для совокупнаго мѣръ принятія повелѣваемъ Мы сей Нашъ указъ объявить какъ Кіевскому Генералъ Губернатору, такъ и генералъ-порутчику Сиверсу.

«Екатерина».

1 Ноября 1770.
С.-Петербургъ.

2.

Нашей лейбъ-гвардіи маіору Шипову.

Изъ репорта вашего отъ 21-го декабря [1]) минувшаго года Мы съ удовольствіемъ усмотрѣли здѣланныя вами по порученной отъ Насъ коммиссіи хорошіе распоряженія, и повелѣли по требованію вашему послать къ вамъ шесть человѣкъ лекарей, съ тѣмъ чтобы они для нужныхъ по разсмотрѣнію вашему посылокъ находились при васъ; а къ Кіевскому Генералъ-Губернатору еще отъ Насъ писано, чтобъ о невыпускѣ никого изъ Кіева употреблено было наиприлѣжнѣйшее смотрѣніе пока настоящая опасность не минуется. Въ прочемъ пребываемъ вамъ доброжелательною

«Екатерина».

4 Генваря 1771.
С.-Петербургъ.

3.

Копія.

Господинъ Кіевскій Генералъ-Губернаторъ Воейковъ.

Хотя Мы нимало не сомнѣваемся, что вы по прежнему Нашему указу для предосторожностей отъ опасной болѣзни

---

[1]) Архивъ Гос. Совѣта, I, 396.

всѣ возможныя мѣры приняли, однакожъ разсудили Мы за благо еще вамъ о томъ напомянуть и особливо предписать, чтобъ вы въ невыпусканіи никого изъ Кіева, пока сія опасность совсѣмъ неминется, употребляли крайнюю строгость. Въ чемъ Мы будучи на васъ благонадежны, пребываемъ какъ и всегда вамъ доброжелательною

«Екатерина».

4 Генваря 1771.
С.-Петербургъ.

4.

Копія.

Господинъ Генералъ-Фелдмаршалъ Графъ Румянцовъ.

По причинѣ опасности отъ заразительной болезни высочайше повелѣли Мы манифестомъ Нашимъ отъ 31-го дня декабря прошлаго году [1]) всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ наблюдать крайнюю осторожность и подъ страхомъ примѣрнаго наказанія запретили всѣмъ безъ изъятія провозить съ собою въ Россію такіе вещи, кои подозрѣвать можно въ томъ, что были въ мѣстахъ зараженныхъ, а какъ оное паче всего касается до людей ѣдущихъ отъ всѣхъ Нашихъ, внѣ границъ въ военныхъ дѣйствіяхъ обращающихся, то Мы за нужное признаемъ вамъ высочайше повелеть всѣмъ отъ васъ и отъ другихъ военныхъ командировъ отъправляющимся въ Россію офицерамъ для пріему мундирныхъ вещей и для прочихъ снабженій на крѣпко подтвердить, не имѣть отнюдь при себѣ ни въ связкахъ, ни въ баулахъ ни какихъ подозрительныхъ вещей. Для сего и надлежитъ вамъ самимъ или тѣмъ командирамъ, отъ коихъ таковые офицеры отъправляемы будутъ, давать имъ письменное свидѣтельство, какъ въ томъ, что они не изъ зараженныхъ мѣстъ отправлены, такъ и въ томъ, что съ ними нѣтъ никакихъ вещей, кромѣ тѣхъ, кои

[1]) Архивъ Сената, т. 130, л. 662; П. С. З., 13551.

для вседневнаго употребленія необходимы; а находящимся на заставахъ командирамъ предписано будетъ, по предъявленіи имъ помянутыхъ свидѣтельствъ отъ тѣхъ отъправляемыхъ изъ арміи офицеровъ, поступать съ ними точно такъ, какъ съ куріерами, и болѣе нѣсколькихъ сутокъ ихъ не задерживать. Мы не сумненно уповаемъ на благость Всевышняго, что онъ самъ охранитъ Насъ отъ угрожающаго зла, благословляя желанным успѣхомъ всѣ Наши предпріемлемые осторожности и средства, исполненіе коихъ отъ части вамъ симъ препоручая, пребываемъ навсегда Императорскою Нашею милостію благосклонны

«Екатерина».

26 Генваря 1771.
С.-Петербургъ.

5.

Нашему маіору гвардіи Шипову.

Доношеніе ваше Мы въ свое время получили, и весьма довольны, что вы стараніями вашими предуспѣли искоренить вдавшуюся въ Малороссійскую и Новороссійскую Наши губерніи заразу [1]), и такъ же что не оставляете вы продолжать должную отъ нея предосторожность во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ оная была. Присудствіе ваше въ томъ краю почитаемъ Мы еще нужнымъ, и надѣемся, что вы охотно довершите порученное вамъ о возстановленіи тамъ совершенной безопасности попеченіе, а тѣмъ и заслужите вящую Нашу къ себѣ милость и благоволеніе

«Екатерина».

Въ Сарскомъ Селѣ.
30-го Маія 1771-го.

---

[1]) Въ рапортѣ отъ 16-го еще марта г.-м. Шиповъ доносилъ «о совершенномъ истребленіи заразительной болѣзни въ тѣхъ мѣстностяхъ». Архивъ Гос. Сов., I, 400.

6.

Нашему маіору гвардіи Шипову.

Вы благоразумно поступили что воспретили ярмонки въ Малой Россіи. Сохраненіе жизни должно предпочтено быть прибытку котораго тамошнія жители чрезъ сей случай лишились. Въ семъ самомъ разсужденіи повелѣваемъ Вамъ съ провозимыми чрезъ Польшу товарами поступать на основаніи прежде данныхъ вамъ и такъ же обнародованныхъ о предосторожности отъ опасной болѣзни указовъ и пребываемъ Императорскою Нашею милостію вамъ благосклонны

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ.
19-го Іюля 1771-го.
(Полученъ въ урочище Лыбедѣ Августа 4-го дня 1771-го года).

7.

Нашему маіору гвардіи Шипову.

По случаю причиняемой въ доставленіи провіанта во вторую Нашу армію остановки отъ задержанія въ карантинѣ поставщиковъ онаго, о чемъ предводитель той арміи князь Долгоруковъ [1]) на послѣди Намъ доносилъ, повѣлеваемъ вамъ пропускать сихъ поставщиковъ, не задерживая ихъ болѣе одного дни для осмотра и окуриванія. Но чтобъ извѣстно было однакожъ о безопасности мѣстъ, изъ коихъ они выѣхали, должны они имѣть билеты отъ Кременчугскаго оберъ-коменданта, а отъѣзжая изъ Сечи Запорожской отъ находящагося тамъ штабъ-офицера. О семъ соизволеніи Нашемъ вы имѣете

---

[1]) Князь Василій Михайловичъ, 1722—1782, генералъ-аншефъ, будущій «Крымскій».

увѣдомить ихъ обоихъ отъ себя, такъ какъ и помянутаго арміи Нашей предводителя.

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ.
25-го Іюля 1771-го.
(Полученъ въ урочищѣ Лыбѣди августа 7-го дня 1771-го году).

8.

Нашему гвардіи маіору Шипову.

Сколь прискорбно было Намъ увидѣть изъ представленія вашего отъ 21-го сего Іюля [1]), что небреженіе кіевскихъ гарнизонныхъ о собственной своей безопасности подало причину къ возобновленію вкравшейся тамъ заразы. столь же и довольны Мы были, что тщаніемъ вашимъ опять пресѣчено оное. За сіе изъявляемъ Мы вамъ Наше благоволеніе, и по желанію вашему посылаемъ нынѣ повѣленіе къ тамошнему Генералъ-Губернатору, дабы онъ съ частными того города командирами старался болѣе о совершенномъ искорененіи сего вкореняющагося тамъ зла.

Мы хотя и повѣлели уже вамъ, чтобъ ставящія во вторую Нашу армію провіантъ болѣе одного дня въ карантинѣ задерживаемы не были, но предводитель той арміи еще Намъ представилъ, что по причинѣ сей на заставахъ остановки никто не берется ставить къ нему провіантъ. И какъ теперь ни въ Крыму, ни во всей той сторонѣ нѣтъ опасной болѣзни, то симъ вновь повѣлеваемъ вамъ, чтобъ сіи имѣющія по содержанію прежняго соизволенія Нашего билеты поставщики безъ всякаго въ карантинѣ задержанія пропускаемы были, исключая токмо тѣхъ, кои будутъ имѣть подверженныя оному товары. Мы соизволяемъ еще, чтобъ высланныя прошедшею весною на новую линію и единственно въ степи бывшія сѣнокосцы безъ задержанія жъ при возвратѣ ихъ впущены были.

---

[1]) Архивъ Гос. Сов., I, 405.

Подобнымъ образомъ имѣете вы поступить и съ войскомъ Нашимъ при его изъ Крыма возвращеніи. Вся должная предосторожность наблюдена въ немъ будетъ прежде вступленія его въ границы, а потому и всѣ тѣ, кои найдутся сумнительными, оставлены будутъ до выздоровленія ихъ въ карантинѣ.

«Екатерина».

Августа 3 дня 1771 года.
С. П. Бурхъ.
(Полученъ 24 августа 1771 года въ Лыбеде).

9.

Нашему маіору гвардіи Шипову.

Бывшей до начатія съ турками воины въ Константинополѣ Нашимъ министромъ тайной совѣтникъ Обрѣсковъ [1]) получа наконецъ отъ заключенія свободу, возвращается теперь съ свитою чрезъ Трансильванію, Молдавію и Польшу въ имперію Нашу. И какъ онъ при выѣздѣ своемъ изъ турецкихъ въ австрійскія земли выдержалъ уже карантинъ, то мы симъ соизволяемъ, чтобъ вы по прибытіи его въ Наши границы освѣдомились у него, все ли безопасными отъ заразы проѣзжалъ онъ потомъ мѣстами и уволили его отъ выдерживанія карантина, есть ли онъ и свита его найдутся неподверженными никакому сумнѣнію, принявъ однакожъ при впускѣ ихъ всѣ надлежащія въ разсужденіи пожитковъ ихъ окуриваніемъ и провѣтриваніемъ предосторожности [2]). Данъ въ Сарскомъ Сѣлѣ, Сентября 13 дня 1771 года.

«Екатерина».

(Полученъ 25 Сентября 1771 г.).

---

[1]) Алексѣй Михайловичъ, 1720—1787; министръ-резидентъ въ Константинополѣ съ 1751 по 1768.

[2]) «есть ли сіе еще не учинено въ другомъ мѣстѣ, свѣрхъ того снабдите «его писмомъ дабы онъ и на внутренныхъ заставахъ не задерженъ былъ и «дайтѣ ему знать чтобъ онъ Москву обежжалъ ибо тамо плохо».

10.

Нашему маіору гвардіи Шипову.

Безъ сумнѣнія вы уже извѣстны теперь изъ обнародованнаго манифеста, что Мы за благоразсудили отправить въ Москву Нашего генерала-адьютанта и генерала-фельцейгмейстера графа Орлова съ полною властію дѣлать все, что можетъ способствовать къ искорененію усилившейся тамъ заразы. По сему обстоятельству получа представленіе ваше отъ 27 минувшаго мѣсяца о подтвержденіи генералъ-порутчику Еропкину требованія вашего дабы приняты были мѣры въ недопущеніи заразы изъ Москвы опять въ Малую Россію и другія околичныя мѣста [1]), сообщили Мы оное помянутому Нашему генералъ-адьютанту, и вамъ симъ повелѣваемъ, чтобъ вы впредь о всемъ потребномъ къ общему попеченію вашему представляли ему и исполняли его наставленія. Въ протчемъ уповаемъ Мы, что употребленныя нынѣ съ помощію Божіею средства достаточны будутъ къ избавленію отечества Нашего отъ сего зла, и что вы съ своей стороны наипаче потщитесь усугубить въ томъ извѣстное Намъ усердіе ваше и ревность. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 25-го октября 1771-го года.

«Екатерина».

(Полученъ 6 ноября 1771 г. въ Васильковѣ).

11.

Нашему генералъ-маіору и гвардіи маіору Шипову.

Реляцію вашу отъ 3-го февраля [2]) получили Мы съ особливымъ благоволеніемъ и по содержанію оной надѣемся теперь, что вы не престанетѣ употреблять все ваше раденіе

[1]) Архивъ Гос. Сов., I, 419.
[2]) Ibid., I, 428.

къ исполненію того, что вамъ особенно отъ Насъ предписано было касательно до останавляющихся за границею Нашею въ Польшѣ обозовъ; а по представленіямъ вашимъ въ той же реляціи какое повѣленіе дали Мы Нашему сенату, съ онаго точная копія прилагается здѣсь [1]), какъ для вашего свѣденія, такъ и для исполненія по оному въ мѣстахъ вамъ препорученныхъ. Зная ревность вашу къ службѣ, имѣемъ Мы къ вамъ довѣренность, что вы не упуститѣ ничего къ отвращенію и недопущенію опасности. Мы охотно бы желали умножить команду вашу требуемыми отъ васъ офицерами, но какъ въ числѣ ихъ настоитъ и здѣсь нужда, то рекомендуемъ вамъ стараться о томъ повозможности, чтобъ въ порученной вамъ комисіи предуспѣвать тѣмъ числомъ офицеровъ, которое вы имѣете. Въ случаѣ же необходимой нужды можетѣ оныхъ требовать отъ малороссійской кольлегіи, дабы оная опредѣлила отъ себя надежныхъ людей изъ старшинъ съ надлѣжащимъ числомъ команды.

«Екатерина».

Маія 1-го дня 1772.
Въ Сарскомъ Селѣ.

12.

Нашему лейбъ-гвардіи маіору Шипову.

По представленію къ Намъ Нашего генерала-аншефа князя Долгорукова объ отмѣнѣ шестинедельнаго карантина всѣмъ отъ него проѣзжающимъ, Мы за нужно почитаемъ симъ высочайше повелѣть вамъ, чтобъ вы имѣя единожды доверенность Нашу въ предостереженіи границъ Нашихъ отъ гибельной болезни, снеслись съ нимъ генералъ-аншефомъ и въ разсужденіи безопасности мѣста его пребыванія, здѣлали бы обще съ нимъ такіе разпоряженіи, какіе могутъ достаточны быть

[1]) Полн. Собр. Зак., № 13799 (подлинникъ въ Арх. Сен., т. 132, л. 255).

какъ ради пользы дѣлъ Нашихъ, такъ и для наблюденія потребныхъ осторожностей. Въ протчемъ съ особливымъ благоволеніемъ пребываемъ

«Екатерина».

Въ Царскомъ Селѣ.
31 іюля 1773 года.
(Полученъ Августа 11 дня 1773 г. въ Кіевѣ).

13.

Нашему генералъ-маіору и гвардіи Нашей маіору Шипову.

Изъясненное въ послѣднемъ рапортѣ вашемъ отъ 26 минувшаго декабря [1]) неровное содержаніе въ карантинѣ выѣзжающихъ изъ первой арміи, нашли Мы весьма опаснымъ и могущимъ внесть опять заразу въ границы Наши. И для упрежденія того симъ вамъ повѣлеваемъ, чтобъ отъ нынѣ впредь всѣ изъ той арміи выѣзжающія, какъ за дѣлами отправленныя, такъ и въ домы отпущенныя, какого бъ чина ни были, держаны были въ карантинѣ непремѣнно по двѣ недѣли, исключая изъ сего правила только тѣхъ, кои предъявитъ свидѣтельства отъ самаго генералъ-фельдмаршала Нашего графа Румянцова, и коимъ по достовѣрности такого о безопасности свидѣтельства можно уменьшить до половины сего предписываемаго вообще срока. О семъ соизволеніи Нашемъ имѣете вы сообщить и помянутому генералъ-фельдмаршалу.

«Екатерина».

Въ Санктъ-Петербургѣ.
17-го Генваря 1774 года.
(Полученъ 31 Генваря 1774 году).

[1]) Архивъ Гос. Сов., I, 430.

14.

Нашему генералъ-маіору и гвардіи маіору Шипову.

Повѣлеваемъ вамъ чрезъ сіе пропустить безъ малѣйшаго задержанія чрезъ находящіяся въ вѣдомствѣ вашемъ карантинныя заставы всѣ тѣ вѣщи, кои отправлены къ Намъ будутъ отъ Нашего генералъ-фельдмаршала графа Румянцова съ посланнымъ отъ сюды для привезенія ихъ нарочнымъ оберъ-офицеромъ отъ Нашего генералъ-порутчика Потемкина [1])

«Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ
апреля 1774.
(Полученъ Июня 5 дня 1774 г. чрезъ куріера).

15.

Нашему лейбъ-гвардіи маіору Шипову.

Отправленные изъ Нашей второй арміи отъ предводительствующаго оною Нашего генерала князя Долгорукова въ нутръ имперіи воинскихъ командъ всякаго званія имѣете вы пропускать чрезъ карантинные заставы безъ малейшаго задержанія о чемъ вы во все те мѣста должны дать отъ себя надлежащія приказанія.

«Екатерина».

20 августа 1774 года.
Царское Сѣло.
(Полученъ августа 28-го дня 1774-го года чрезъ куріера военной коллегіи Достаевскаго).

16.

Нашему генералъ-маіору и гвардіи Нашей маіору Шипову.

Не зная настоящаго въ разсужденіи язвы состоянія той стороны, гдѣ войски первой Нашей арміи нынѣ находятся,

[1]) Григорій Александровичъ, 1736—1791, будущій князь, Таврическій.

по представленію вашему отъ 3-го сего мѣ-
ть и времяни держанія имъ карантина при воз-
въ имперію; и потому за благоразсудили от-
зсмотрѣніе предводительствующаго оною На-
фельдмаршала графа Румянцова, дабы онъ со-
пасность или опасность мѣстъ ихъ пребыванія
вступленія въ границы, постановилъ съ вами
карантинѣ остаться имѣютъ. Мы надѣемся,
яжая сіе, оба не оставите престеречь, чтобъ
разы спасена была и войски не претерпѣли въ
холодное время напраснаго изнуренія. И пре-
отчемъ Императорскою Нашею милостію благо-
въ Санктъ-петербургѣ 25-го Сентября 1774-го

«Екатерина».

декабря 1774 году въ Кіевѣ).

ЕКАТЕРИНА II

и

ГРАФЪ Н. П. РУМЯНЦОВЪ.

Русская Старина, 1894.



Екатерина II и графъ Н. П. Румянцовъ.

Въ Государственномъ Архивѣ хранится переписка императрицы Екатерины II съ графомъ Н. П. Румянцовымъ [1]) — переписка интересная по затронутымъ въ ней вопросамъ и представляющая весьма важный матеріалъ для характеристики, между прочимъ, и графа Николая Петровича.

Румянцовымъ не посчастливилось въ русской исторической литературѣ. Не только о графѣ Н. П. Румянцовѣ, даже о его знаменитомъ отцѣ, Румянцовѣ-Задунайскомъ, нѣтъ до настоящаго времени ни одного серьезнаго изслѣдованія, достойнаго славной его дѣятельности [2]). Нѣтъ біографіи и графа Николая. Дипломатъ и археологъ, государственный канцлеръ и меценатъ ожидаетъ еще своего историка. Объ его дѣятельности ученой, вѣрнѣе, на пользу русской науки, собраны уже нѣкоторые матеріалы и даже составленъ сырой, но довольно полный сводъ [3]); гораздо менѣе извѣстна его дѣятельность по иностраннымъ дѣламъ, въ качествѣ представителя Россіи за

---

[1]) Русское Историческое Общество, издавшее пять томовъ бумагъ Екатерины II, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, не напечатало писемъ императрицы къ графу Румянцову. Ставить это въ вину Обществу нельзя («Русская Старина», LXXVI, 5), такъ какъ нашъ Государственный Архивъ до настоящаго времени не приведенъ еще въ надлежащій порядокъ и пользованіе имъ сопряжено съ большими затрудненіями. Помѣщенные ниже документы хранятся въ трехъ разрядахъ: II, 123; V, 110; XV, 233.

[2]) Прекрасная монографія *Д. Масловскаго*, Ларго-кагульская операція графа П. А. Румянцова (Военный сборникъ, 1893, 8 и 9), касается лишь малой части его военной дѣятельности.

[3]) *В. Иконниковъ*, Дѣятельность графа Н. П. Румянцова на пользу разработки русской археологіи и исторіи, въ «Русской Старинѣ», XXXII, 47.

границей въ царствованіе Екатерины II и государственнаго канцлера временъ Александра I.

Графъ Николай Петровичъ получилъ очень хорошее для своего времени образованіе, и этимъ онъ обязанъ исключительно матери [1]). Въ началѣ 1774 года, графъ Николай, будучи 20-ти лѣтъ, отправился, вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ, 19-ти-лѣтнимъ графомъ Сергѣемъ, за границу — «учиться и путешествовать» — подъ наблюденіемъ извѣстнаго Гримма, этого souffre-douleur императрицы Екатерины II. Путешественники посѣтили Голландію и Францію, Швейцарію и Италію, были въ Женевѣ, ѣздили на поклонъ къ Вольтеру. Въ Парижѣ, въ домѣ Неккера, графъ Николай поразилъ всѣхъ своимъ яснымъ взглядомъ и вѣрнымъ сужденіемъ. Бесѣда шла о «греческомъ проектѣ» Екатерины, о предположеніяхъ завоевать Грецію и занять Константинополь; всѣ находили планъ императрицы величественнымъ; спросили графа Н. П. Румянцова, онъ отвѣчалъ: «Мнѣ неизвѣстны намѣренія

---

[1]) Графиня Екатерина Михайловна Румянцова, рожденная княжна Голицына, была на одиннадцать лѣтъ старше мужа, знаменитаго полководца, графа Петра Александровича. Послѣ шести лѣтъ замужества, въ 1754 г. они разъѣхались, и дѣти остались на попеченіи матери, женщины умной, рѣшительной, твердой (*Bilbassoff*, Revue d'histoire diplomatique, 1888, 437). Въ автобіографіи графа С. П. Румянцова сказано, что воспитаніе ихъ было «довольно плохо» (Русскій Архивъ, 1869, 842). Это опровергается «Письмами графини Е. М. Румянцовой», изд. гр. Д. Толстымъ, изъ которыхъ видно, что ея заботами былъ у нихъ гувернеромъ сперва нѣмецъ Мейеръ (32), потомъ французъ Моно (Государственный Архивъ, XI, № 116), учитель Ляянсъ (49); она постоянно заботится, чтобы дѣти не сидѣли безъ уроковъ (54); цѣлыя письма наполнены заботами объ образованіи дѣтей (72); о поѣздкѣ заграничной съ Гриммомъ заботилась она же (178, 192); объ отношеніи отца къ дѣтямъ говорится: «Вижу, что отъ васъ дѣтямъ помощи не будетъ; на весь свѣтъ пошлюсь, что этими деньгами, что вы имъ пожаловали, нечѣмъ ѣздить, а мнѣ отъ себя удѣлить нонѣшній годъ нечего» (195). Автобіографіи графа Сергѣя Румянцова много довѣрять нельзя: по его словамъ, императрица Екатерина «необыкновеннаго въ немъ человѣка усматриваетъ» (843), Вольтеръ ему предсказываетъ: «Вы, сударь, далеко пойдете» (844), и т. п. Графъ Сергѣй писалъ свою автобіографію лишь въ 1838 году, будучи уже 83 лѣтъ, и 12 лѣтъ спустя по смерти брата, графа Николая, заслонившаго его своею громкою дѣятельностью.

моей государыни; но Россійская имперія такъ уже обширна, что если предполагаютъ раздвинуть ея границы до такой степени, необходимо будетъ, для управленія ею, измыслить нѣчто болѣе мудреное, чѣмъ всѣ ухищренія деспотизма» [1]). Такой отвѣтъ поразилъ даже Неккера и придалъ особое значеніе приглашенію Вольтера, писавшаго г-жѣ Эпиналь, пріятельницѣ Гримма: «Не знаю, гдѣ теперь Гриммъ; говорятъ, что онъ путешествуетъ съ Румянцовыми. Ему слѣдовало бы завернуть въ Женеву: для рожденныхъ быть опорою неограниченной власти очень полезно ознакомиться съ республиканскимъ правленіемъ» [2]).

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія, графъ Н. П. Румянцовъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Германіи. Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранятся его депеши, живо рисующія бытъ Германіи того времени и политику мелкихъ германскихъ владѣтелей [3]). Екатерина была не вполнѣ довольна своимъ представителемъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. «Дивлюсь всему, что вы пишете мнѣ о Николаѣ Румянцовѣ, и молчу. Какъ жаль, что ни одинъ изъ племянниковъ не напоминаетъ своего дядю, фельдмаршала Голицына», пишетъ Екатерина Гримму въ 1784 году [4]). Въ 1791 году императрица жалуется ему же, что Румянцовъ «отъ великаго ума напортилъ уже мнѣ, не сказавъ майнцкому коадъютору ни единаго слова изъ того, что я приказала

---

[1]) *Meister*, Le baron de Grimm; см. *Tourneaux*, Correspondance littéraire etc. par Grimm etc. I, 11.

[2]) *Voltaire*, Oeuvres complètes, 1846, XIII, 250.

[3]) Графъ Н. П. Румянцовъ былъ аккредитованъ при трехъ духовныхъ курфирстахъ — кельнскомъ, трирскомъ и майнцикомъ, при пяти имперскихъ округахъ — верхне-рейнскомъ, нижне-рейнскомъ, швабскомъ, франконскомъ и вестфальскомъ, и при шести владѣтеляхъ — Вюртемберга, Цвейбрюкена, Бадена, Аншпаха, Гессенъ-Дармштадта и Гессенъ-Касселя.

[4]) Сборникъ, XXIII, 303. Что̀ писалъ императрицѣ Гриммъ — неизвѣстно: за 1784 годъ не сохранилось ни одного письма Гримма. Сборникъ, XLIV, 344.

сказать ему»[1]. Юный, неопытный, графъ Н. П. Румянцовъ обращалъ вниманіе на мелочи, горячился, и своею заносчивостью возбуждалъ противъ себя и своихъ, и чужихъ. Вице-канцлеръ графъ И. А. Остерманъ долженъ былъ дѣлать ему замѣчанія, герцогъ цвейбрюкенскій жаловался на его надменность, Фридрихъ II называлъ его нахаломъ, графъ Сегюръ обвинялъ его въ недостаткѣ чувства мѣры[2]. Всѣ эти нелестные отзывы вполнѣ подтверждаются въ депешахъ самого же графа Н. П. Румянцова[3].

Германская миссія графа Н. П. Румянцова не имѣла успѣха; неуспѣшно окончилась позже и миссія его при французскихъ принцахъ крови. Обѣ эти миссіи преслѣдовали цѣли недостижимыя; но чѣмъ серьезнѣе и сложнѣе была дипломатическая задача, тѣмъ болѣе требовалось такта, выдержанности, которые графъ Николай пріобрѣлъ лишь значительно позже. «Одаренный голосомъ благозвучнымъ — писалъ о немъ И. И. Дмитріевъ въ 1807 году — онъ говорилъ плавно, не ища словъ, съ какимъ-то спокойствіемъ, съ благородною откровенностью, противорѣчилъ хладнокровно, съ возможною вѣжливостью, даже и тому, кто въ выраженіяхъ иногда былъ колокъ».

Дипломатической дѣятельности графа Н. П. Румянцова мѣшала сперва, въ молодыхъ годахъ, неопытность, часто увлекающаяся, позже, въ зрѣломъ возрастѣ, предубѣжденіе, всегда одностороннее. Оба брата, графы Николай и Сергѣй, получили одинаковое образованіе, и оба, по свидѣтельству Екатерины, «писавъ по-русски, думали на иностранномъ языкѣ»[4]; графъ же Николай и думалъ, и писалъ на иностранномъ языкѣ, т.-е. на французскомъ, который въ то время былъ языкомъ науки, литературы, театра. Про графа Н. П. Румянцова, бывшаго при

---

[1] Сборникъ, XXIII, 545.

[2] *Ségur*, Mémoires, 1825, p. 117, 118, 120 sqq.; *Schmidt*, Unionsbestrebungen, I, 182; *Трачевскій*, Союзъ князей, 71, 72.

[3] *Трачевскій*, 138, 155, др.

[4] *Пекарскій*, Журн. дѣятельность Екатерины II, 34.

Александрѣ I министромъ иностранныхъ дѣлъ, миссъ Вильмотъ записала въ своихъ воспоминаніяхъ: «Министръ этотъ совершенно офранцузился, такъ что всѣ свои дѣловыя распоряженія писалъ на французскомъ языкѣ, а потомъ его секретари переводили ихъ на русскій языкъ». Это еще полбѣды; но несчастіемъ для графа Николая было то, что онъ не только по языку, но и по мыслямъ и воззрѣніямъ вполнѣ «офранцузился». Для русскаго человѣка это только несчастіе, для русскаго сановника это уже позоръ, и графъ Николай дорого поплатился за него.

Графъ Н. П. Румянцевъ, бѣжавшій изъ Кобленца, спасаясь отъ нападенія разъяренной толпы, видѣлъ въ Наполеонѣ спасителя дорогихъ графу порядка и законности. Бывъ при Екатеринѣ II «оберегателемъ Бурбоновъ», онъ сталъ при Александрѣ I «поклонникомъ Наполеона». Въ 1810 году, когда «торговое положеніе» Сперанскаго спасло русскую торговлю, графъ Румянцовъ совѣтовалъ конфисковать англійскія суда, пришедшія въ русскіе порты; даже въ апрѣлѣ 1812 года, когда Наполеонъ рѣшилъ уже войну съ Россіею, графъ Румянцовъ отказывался контрасигновать отвѣтъ Александра Наполеону [1]). Графъ Николай былъ убѣжденъ, что спасеніе Россіи заключается только въ угожденіи Наполеону [2]), и когда французскія войска подошли къ предѣламъ Россіи, графа поразилъ апоплексическій ударъ.

Отечественная война окончательно опредѣлила послѣдую-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1869, 609.

[2]) По этому поводу въ нѣмецкой литературѣ былъ высказанъ слѣдующій взглядъ на графа Н. П. Румянцова: „Graf Rumäntsow war ein ziemlich leerer vornehmer Herr und in Folge dessen nie weiter die Hauptperson als eben dem Anschein nach. Er vermochte wenig oder nichts über den Kaiser, der ihn übersah und durchschaute, und so hatte denn auch seine wirklich absurde Vorliebe für Napoleon und ein Bündniss mit Frankreich nicht den bösen Einfluss den man ihr zur Zeit zuschrieb (*Bernardi*, Geschichte Russlands, II, 553). Этотъ взглядъ, основанный на подробномъ изученіи «европейской политики» того времени, вызвалъ патріотическій протестъ *Е. Барсова* въ «Древней и Новой Россіи», 1877, II, 22.

щую дѣятельность графа Н. П. Румянцова. Титулуясь «государственнымъ канцлеромъ», но не принимая активнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, глухой, графъ Николай посвящаетъ себя всецѣло «на благое просвѣщеніе». Эта дѣятельность не была для графа новою. Еще въ 1788 году онъ писалъ, между прочимъ, вице-канцлеру графу Остерману изъ Франкфурта-на-Майнѣ:

«Изъ всѣхъ принадлежностей моихъ точною собственностью почесть могу единую только пенсію, полученную въ качествѣ кавалера ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра. Сію собственность намѣренъ я обратить въ полезное обществу опредѣленіе, и, сообразуясь малости суммы, для достиженія желаемаго предмета слѣдующій способъ обрѣтаю:

«Прошу Ваше Сіятельство изходатайствовать всевысочайшее монаршее соизволеніе, дабы изданы были въ печать негоціаціи и депеши тѣхъ россійскихъ министровъ, кои со времени царствованія блаженной памяти Петра Великаго въ дѣлахъ употреблены были и коихъ донесенія въ разсужденіи отдаленія временъ безъ неудобства могутъ быть обнародованы, и на издержки тисненія или въ награду тому, коему порученъ будетъ трудъ пересмотра, употребить принадлежащую мнѣ въ качествѣ кавалера вышеозначеннаго ордена пенсію. Отъ Вашего Сіятельства зависитъ разпорядить употребленіе сихъ денегъ или соразмѣрно съ числомъ издаваемыхъ въ печать книгъ или же съ теченіемъ времени употребляемаго на составленіе оныхъ.

«Если Ваше Сіятельство почтете невозможнымъ изходатайствовать позволеніе обнародовать оныя депеши, коихъ и самый давнѣйшій срокъ не весьма еще отдаленъ отъ нашихъ дней, то прошу въ такомъ случаѣ обратить всю мою годовую пенсію въ награжденіе тому, кто лучше сочинитъ, по мнѣнію коллегіи иностранныхъ дѣлъ, повѣствованіе мирныхъ, союзныхъ и торговыхъ россійскихъ съ протчими державами постановленій со времени царствованія государей дома Ро-

мановыхъ [1]), предлагая каждый годъ отъ имени коллегіи новый трактатъ въ предметъ таковаго изслѣдованія.

«Не отрните, Милостивый Государь, сіе мое прошеніе, будьте у всевысочайшаго престола ходатаемъ исполненія онаго и скажите, что, видя Монаршій великій трудъ, дослѣжающій благо общее и въ малыхъ его частяхъ, не дивно, что каждый сынъ отечества таковымъ духомъ заражается и разсуждая безсиліе свое не коснѣетъ однакоже и маломощіе свое на таковой же конецъ обратить».

Въ 1796 году, по смерти отца, «маломощіе» исчезло, и графъ Н. П. Румянцовъ сталъ обладателемъ 30.000 душъ крестьянъ. Отецъ, графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій, стяжалъ себѣ великую славу единственно оружіемъ; сынъ, графъ Н. П. Румянцовъ, доказалъ, что можно оказать великія услуги родинѣ non solum armis, какъ значилось въ его гербѣ. Наслѣдовавъ огромное состояніе отца, графъ Николай снаряжаетъ «Рюрикъ» въ кругосвѣтное плаваніе, изслѣдуетъ Беринговъ проливъ, учреждаетъ комиссію печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, воодушевляетъ въ ученыхъ любовь къ русской исторіи и археологіи, издаетъ ихъ труды и открываетъ всѣмъ доступъ въ Румянцовскій музей.

Помѣщаемые ниже рескрипты [2]) не могутъ, конечно, исчерпывать всю корреспонденцію императрицы Екатерины II съ графомъ Н. П. Румянцовымъ. Екатерина называла графа Николая saint Nicolas [3]), поручала ему такія деликатныя миссіи, какъ пріисканіе невѣсты для своего любимца, великаго князя Александра Павловича [4]), возлагала на него переговоры

---

[1]) Это намѣреніе осуществлено, сто лѣтъ спустя, проф. *Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ*, въ его образцовомъ «Собраніи трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами».

[2]) Всѣхъ рескриптовъ тридцать; мы начинаемъ съ 10-го письма, такъ какъ первыя девять были уже изданы.

[3]) Сборникъ, XXIII, 485, 495 sqq.

[4]) «Русск. Стар.», LXXVI, 6.

*

съ французскими принцами крови, братьями злосчастнаго Людовика XVI, не говоря уже о другихъ, болѣе мелкихъ вопросахъ. Очевидно, переписка, длившаяся болѣе 15-ти лѣтъ, не могла ограничиваться такимъ скуднымъ числомъ документовъ. Это предположеніе подтверждается бумагами, уже обнародованными, какъ, напр., указомъ Екатерины графу Н. П. Румянцову, отъ 21-го февраля 1783 года, о приглашеніи въ русскую службу гессенцевъ, знающихъ инженерное искусство [1]). Современемъ, въ архивахъ князей Голицыныхъ и другихъ родственныхъ Румянцовымъ родовъ, отыщутся, вѣроятно, болѣе многочисленныя собранія документовъ; въ настоящее же время, печатаемое нами собраніе есть наиболѣе полное.

Главный интересъ печатаемой переписки сосредоточивается на революціонномъ движеніи во Франціи. Другіе вопросы, затронутые въ этой перепискѣ, отступаютъ на второй планъ не столько по своей сравнительной мелочности, сколько вслѣдствіе того, что они не такъ полно и не съ такою точностью очерчиваютъ императрицу и ея корреспондента.

Какъ всѣ современные революціи государи Европы, Екатерина не ожидала [2]) и не понимала французской революціи; но она лучше и полнѣе всѣхъ своихъ «братьевъ» воспользовалась ею. «Европейскіе государи и ихъ министры были чужды даже того смутнаго предчувствія, которое волнуетъ народъ при приближеніи революціи. Они видѣли въ ней не болѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ періодическихъ недуговъ, которымъ подвержено государственное устройство всякаго народа. Важнѣйшіе государи Германіи, собравшись въ Пильницѣ, въ 1791 году, говорили, правда, что опасность, угрожающая королевской власти во Франціи, обща всѣмъ властямъ Европы,

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 15667.

[2]) Въ доказательство предвидѣнія Екатерины приводятъ ея слова: «Со вступленія на престолъ я всегда думала, что ферментаціи во Франціи быть должно» (*Храповицкій*, 303), но забываютъ, что эти слова были сказаны только въ августѣ 1789 года, т.-е. post factum.

что она угрожаетъ всѣмъ тронамъ вообще, но, въ дѣйствительности, они ничему этому не вѣрили. Документы того времени свидѣтельствуютъ, что все это было для нихъ ничѣмъ инымъ, какъ только благовиднымъ предлогомъ, скрывавшимъ ихъ намѣренія и маскировавшимъ ихъ въ глазахъ толпы. Они сами были вполнѣ убѣждены, что французская революція есть мѣстный и временной случай, изъ котораго они хотѣли извлечь свою пользу» [1]). Хотѣли всѣ, но сумѣла «извлечь пользу» одна только Екатерина.

Русская императрица хорошо понимала, что революціонная Франція опасна сосѣднимъ державамъ, но никакъ не Россіи. Французская революція можетъ угрожать войною и пропагандою своего политическаго ученія не только сосѣдямъ, но и всѣмъ европейскимъ монархіямъ, кромѣ Россійской имперіи. Не имѣла вліянія Польша, можно ли опасаться вліянія Франціи? Тѣмъ не менѣе, Екатерина громко говоритъ о необходимости энергически дѣйствовать противъ французской революціи, возбуждаетъ Австрію и Пруссію къ посылкѣ войскъ въ предѣлы Франціи, въ Парижъ. Почему? Вовсе не ради французскихъ дѣлъ, которыя ее мало печалили. Вотъ ея собственныя слова: «Je me casse la tête, чтобы подвинуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія. Je veux les engager dans les affaires pour avoir les coudées franches. У меня много предпріятій неконченныхъ, и надобно, чтобы они были заняты и мнѣ не мѣшали» [2]). Это откровенно, ясно, мудро: не Францію съ ея новыми «принципіями» имѣла Екатерина въ виду, а Турцію и Польшу, преимущественно же Польшу, гдѣ ей мѣшали Пруссія и Австрія, особенно же Австрія, защищавшая конституцію 3-го мая. «Я боюсь—писала Екатерина—Австрію и Пруссію гораздо болѣе, чѣмъ старинную Францію во всемъ ея могуществѣ и новую Францію съ ея нелѣпыми принципами». Вотъ почему Екатерина въ своихъ письмахъ высказываетъ го-

---

[1]) *Токвиль*, Старый порядокъ и революція. Спб. 1861, 2.
[2]) *Храповицкій*, 386.

товность послать корпусъ войскъ на французскую границу, но всякій разъ, въ послѣднюю минуту, является непреодолимое препятствіе—она говоритъ одно, а дѣлаетъ другое. Этого не понимали ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ, гдѣ уже серьезно обсуждали, что «по занятіи Франціи, нужно будетъ оставить въ ней русскія войска, которыя менѣе нѣмецкихъ могутъ быть подвержены опасности увлечься французскими приманками» [1]). Екатерина хорошо понимала, что не «не менѣе», а вовсе не способны увлечься подобными приманками, что̀ они вполнѣ доказали тогда же въ Польшѣ.

Такое «поведеніе» Екатерины не представляется какою-либо новостью, для всѣхъ неожиданною. Десять лѣтъ предъ тѣмъ, въ 1785 году, въ вопросѣ о противодѣйствіяхъ «германской лигѣ», союзу князей, который былъ измышленъ Фридрихомъ II для приниженія Іосифа II, союзника русской императрицы, Екатерина «готова была попробовать самыя сильныя дипломатическія средства въ помощь Іосифу и даже показывать видъ, что раздражается, обижается, грозитъ; какъ только эти средства не удавались и нужно было заставить говорить пушки вмѣсто перьевъ, Екатерина вдругъ успокоивалась и становилась на почву ганноверскихъ законниковъ, къ великой досадѣ вѣнскихъ артистовъ дипломатическаго искусства» [2]).

Въ обоихъ вопросахъ, о германской лигѣ и французской революціи, Екатерина дѣйствовала не случайно, а по системѣ, строго обдуманной и заранѣе принятой, всегда имѣя въ виду единственно и исключительно интересы Россіи. Этого не понималъ ея преемникъ, императоръ Павелъ I, пославшій Суворова въ Италію.

---

[1]) Elles sont moins sujettes à être ébranlés que le militaire allemand, qui ne resistera pas également aux appas de la séduction française. *Соловьевъ*, Паденіе Польши, 258, 292.

[2]) *Трачевскій*, 299.

Императрица Екатерина графу Румянцову.

10 [1]).

Копія.

28-го іюля 1782 года.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему дѣйствительному камергеру, чрезвычайному посланнику и полномочному министру графу Румянцову.

Нашъ генералъ-инженеръ и генералъ-квартирмейстеръ Бауеръ [2]), имѣя въ нѣмецкой землѣ разныя свои дѣла, просилъ Насъ о заступленіи Нашемъ въ потребномъ случаѣ для скорѣйшаго и надежнѣйшаго доставленія ему справедливаго по онымъ удовлетворенія. По Нашему особливому къ нему благоволенію, которое заслуживаетъ онъ ревностною его службою, превосходными знаніями и многими трудами въ пользу Государства Нашего подъемлемыми, Мы, снисходя на прошеніе его, повелѣваемъ вамъ по требованіямъ или исканіямъ его или повѣренныхъ его подкрѣплять оныя и употреблять всевозможное со стороны вашей стараніе въ пользу его, удостовѣряя владѣтелей, у коихъ дѣла его случатся, что Мы то примемъ съ Нашимъ Императорскимъ благоволеніемъ и признаніемъ. Пребываемъ, впрочемъ, вамъ Нашею Императорскою милостію всегда благосклонны. Данъ въ Царскомъ Селѣ, іюля 28-го дня 1782 года.

Екатерина.

---

[1]) «Русск. Стар.», 1892 г., октябрь.

[2]) Ѳедоръ Вилимовичъ, 1731—1783, родомъ изъ Ганау, въ Гессенѣ; онъ владѣлъ небольшимъ имѣніемъ Бокенгеймъ, близъ Франкфурта-на-Майнѣ. Въ русской службѣ съ 1769 г.; за Кагулъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени; устроилъ водопроводы въ Московской и Петербургской губерніяхъ, былъ начальникомъ артиллерійскаго кадетскаго корпуса. «Изображеніе жизни Ѳ. В. Бауера». Спб., 1785 г.

11.

St.-Pétersbourg, 8 Janvier 1792.

Monsieur le conseiller privé Comte de Roumiantzoff.

Les trois expéditions, que Vous avez faites pour ici par le Comte Stackelberg [1], le Sieur Camorovsky [2] et le sergent aux gardes le Prince Bariatinsky, me sont parvenues dans leur temps. J'ai attendu, pour faire connaître mes intentions sur les objets contenus dans ces expéditions, les réponses de l'Empereur et du Roi de Prusse sur les lettres [3] que je leur ai adressées sur les affaires de France. La substance de ces réponses Vous doit déjà être connue tant par le compte qu'en a rendu le Comte d'Esterhasi [4] dans l'endroit, où Vous êtes, que par la publicité de la circulaire que la Cour de Vienne a adressée à tous ses ministres aux Cours étrangères. Le Roi de Prusse s'est entièrement referé aux déterminations de l'Empereur. Ce n'était nullement répondre ni à mes intentions, ni à mes désirs. Aussi me suis-je attachée à combattre le parti que ces Princes semblaient avoir pris. Je n'ai rien négligé pour les convaincre de la nullité du consentement extorqué au Roi de France à l'acte constitutionnel, auquel on l'a fait souscrire, ainsi que de l'insuffisance de ce moyen pour le garantir des dangers, qui le menacent, lui et la Reine, son épouse, et encore plus pour mettre son honneur à couvert par un acte, qui met au contraire le sceau à sa dégradation. A ces représentations faites avec cette énergie analogue à celle

---

[1]) Графъ Густавъ Оттоновичъ, 1766—1850, подполковникъ (Госуд. Архивъ, разр. XV, № 233: письмо графа Безбородко). Въ «Біографическомъ Словарѣ», издаваемомъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, онъ помѣщенъ подъ «Стакельбергомъ» (Сборникъ, LXII, 297), а его отецъ упомянутъ два раза: «Стакельбергъ, графъ Оттонъ» (298), и «Штакельбергъ, баронъ Отто» (452), между тѣмъ это одно и то же лицо.

[2]) Евграфъ Ѳедотовичъ, 1769—1843, сержантъ Измайловскаго полка, состоявшій при графѣ Безбородко для курьерскихъ посылокъ, позже графъ, генералъ-адъютантъ; авторъ «Записокъ» (Осьмнадц. Вѣкъ, I; Русск. Архивъ, 1867). Въ «Біографическомъ Словарѣ» ошибочно показанъ «Камаровскимъ».

[3]) Письма эти еще не обнародованы. На содержаніе письма къ королю Фридриху Вильгельму II есть указанія въ письмахъ Екатерины къ графу О. М. Стакельбергу, въ то время послу въ Стокгольмѣ. «Русск. Стар.», III, 620 sqq.

[4]) Младшій братъ бывшаго при Елизаветѣ Петровнѣ посла. Сборникъ XXVIII, 90.

de l'intérêt, que je prends à leur objet, j'ai fait joindre un plan de mesures efficaces à arrêter et exécuter à une époque fixe et convenue entre moi et les Cours de Vienne, Berlin, Stockholm, Madrid, Naples et Turin. Des courriers, déjà partis, ont porté mes ordres à tous mes ministres à ces Cours de leur proposer ce plan et de presser leurs résolutions. Il ne me reste à présent qu'à attendre l'effet de cette démarche, la seule que les circonstances m'ayent permis de faire. C'est aussi à ce qu'il me paraît, le parti que les Princes eux-mêmes ont à prendre; car ni vos rapports, ni ceux du Prince de Nassau [1], ni les mémoires, que les Princes m'ont fait parvenir, ne présentent leurs moyens isolés sous un jour favorable à quelque grande entreprise, dont on puisse se promettre un succès solide et réel, à moins que des évènements imprévus et subits n'en offrent la perspective et la probabilité. Vous ferez part aux Princes de tout ce que je viens de Vous marquer ci-dessus, en les assurant, en mon nom, que je serai aussi attentive à mettre à profit pour eux les dispositions que les Cours susmentionnées me feront connaître, que je l'ai été à les exciter et à les provoquer.

Mais il s'ouvre actuellement une nouvelle scène, qui, à mon avis, est faite pour hâter le dévouement des affaires françaises en général. Je veux parler de la démarche inconsidérée et offensante, à laquelle l'assemblée nationale vient de porter le Roi contre les Princes d'Allemagne, qui accordent asile aux émigrants français. Le Roi de Prusse vient déjà de s'expliquer avec moi sur la résolution qu'il a prise de repousser à force ouverte l'invasion que la France tenterait en Allemagne. Il a proposé à l'Empereur de prendre le même parti et de se concerter avec lui sur les moyens les plus prompts et les plus efficaces pour armer tout l'Empire Germanique contre cette entreprise. Il n'est point de doute que l'Empereur n'accède volontiers à ce parti, qui lui est dicté d'un côté par ses devoirs de Chef de l'Empire et d'un de ses principaux Co-états et qui de l'autre éloigne tous les inconvéniens qu'il croyait devoir redouter pour le Roi son beau-frère et la Reine sa soeur, s'il n'avait paru qu'uniquement en qualité de défenseur de leurs drois et de vengeur de leurs offenses. Cette nouvelle explosion, si elle se réalise, comme il y a tout lieu de le croire d'après le mauvais esprit qui donne à présent l'impulsion à tous les évènements en France, présente aux Princes français les chances les plus heureuses et dont ils peuvent tirer un parti décisif, en se conduisant avec prudence et habilité et en allant à leurs fins, sans faire semblant

[1] «Русск. Стар.», LXXVI, 10.

de s'apercevoir de celles des autres. Quoique l'objet de cette guerre qui peut s'allumer change de nature, ou tout au moins de motif apparent, la marche des Princes doit être la même et surtout sagement graduée. Leur premier soin doit être de tâcher de rentrer dans leur patrie, de s'y soutenir par les moyens dont ils s'entoureront et de travailler à rendre au Roi les droits et l'autorité qui lui appartiennent. Toute sollicitude, toute crainte qu'ils montreraient pour un but subséquent avant d'avoir rempli le premier, seraient capables de l'entraver et de le faire manquer. En un mot qu'ils songent bien que dans leur situation, ils doivent s'occuper d'abord à recouvrir et ne songer qu'ensuite à défendre et à conserver. Ces réflexions m'ont été suggerées par le compte que Vous me rendez des confidences que le Sieur de Roll Vous a faites des ouvertures prussiennes relativement à l'Alsace, la Lorraine et la Flandre française. Je suis bien éloignée de conseiller à ces Princes d'entrer en arrangement sur cet objet. Je sais même qu'ils n'en ont nullement le droit et que toutes les promesses, qu'ils feraient à cet égard, ne seraient valables qu'autant que des circonstances impérieuses, qui leur dicteraient la loi à eux-mêmes, les rendraient telles. Mais comme il y a une très grande différence entre consentir et s'aheurter à une proposition, il serait à désirer qu'ils tinssent un juste milieu, si la question se renouvelle à cet égard et ce serait vraiment un coup de partie pour eux et le comble d'adresse de leur part, s'ils réussissaient par amorce de ce genre à produire un redoublement d'activité de la part des Puissances qui pourraient se repaître de pareilles vues. Quelques raisonnables et surtout applicables aux circonstances que soyent ces conseils, Vous vous garderez bien de les donner en mon nom, ni d'aucune manière, si la question même n'est remise sur le tapis. Dans ce dernier cas seul, Vous vous déciderez à proposer ces idées aux Princes, comme les vôtres propres; car, venant de ma part, elles leur paraîtraient dériver des notions particulières que j'aurais eu sur des dessins analogues de la part de quelques Puissances, ce qui n'est pas et ce qui serait pourtant capable d'exalter et de tourmenter des imaginations qui ne sont pas toujours réglées le mieux du monde. J'en vois des preuves dans les plans, dont quelques uns de ces émigrés vous entretiennent et nommement dans celui que Vous a exposé un Marquis de Beauharnais[1]) et dont Vous faites mention dans une de vos dernières dépêches. Sans disconvenir qu'il n'y ait des choses sensées et praticables dans ce plan, il n'en est pas moins vrai qu'il est plus pressant de

[1]) François marquis de Beauharnais, 1756—1823, генералъ-маiоръ въ армiи принца Конде.

détruire l'anarchie et le désordre qui régnent à présent dans le Royaume, que de vouloir établir un nouvel ordre de choses et surtout de le manifester indiscrètement; car cela n'est bon qu'à introduire la défiance et la désunion entre les coopérateurs, qui ne sauraient trop s'entendre entre eux. Voilà ce que Vous aurez soin d'observer à tous ceux qui viendront vous confier leurs systêmes pour un futur gouvernement de la France. Vous ajouterez à ceux qui en sont susceptibles par la droiture de leur bon sens que c'est à force d'avoir voulu gouverner le Royaume sans y être appellé et sans y être exercé, qu'on est parvenu à le bouleverser et qu'au lieu de cette masse de lumières, qu'on se vante d'y avoir répandu, on l'a couvert de ténèbres qui forment un véritable chaos.

Mais l'union la plus essentielle à entretenir, c'est celle des Thuilleries et de Coblentz. Vous tâcherez de faire parvenir à la Reine de France que l'intérêt que j'ai marqué pour Elle et l'amitié que je lui porte, m'authorisent à lui conseiller de ne montrer de l'éloignement pour aucun des émigrés et surtout pour la maison de Condé, dont elle peut tirer les services les plus essentiels contre ses vrais ennemis, qui ne sont nulle part qu'à Paris. Vous profiterez de cette occasion pour représenter également à cette Princesse la nécessité qu'il y a qu'elle écrive elle-même où quelle fasse écrire, en son nom, par le Baron de Breteuil [1], à l'Empereur et au Roi de Prusse pour les presser de se déclarer et d'agir avec force et vigueur. Il serait bon qu'en même temps et à la même fin les Rois d'Espagne, de Sardaigne et de Naples conjointement avec la Diète de l'Empire viennent avec leurs instances auprès de ces Princes, pour invoquer leur appui et leur assistance contre l'attaque, dont l'Empire d'Allemagne est menacé de la part de la France.

Je ne vois au reste dans cette attaque aucun sujet de danger pour les Electeurs de Mayence [2] et de Trèves [3]. Unis avec les Princes possessionnés le long du Rhin et bien loin de disperser et de renvoyer de leurs Electorats les français émigrés, mais les ralliant au contraire en Corps d'Armée, ils seront en état de soutenir le premier choc des français nationaux, qui seront aussi peu nombreux que mal composés; car

---

[1]) Louis Auguste Le Tonnelier, baron de Breteuil, 1733—1807, бывшій французскій посланникъ въ Петербургѣ; съ 1783 года — министръ двора, противившійся собранію états-généraux; въ 1789 году — первый министръ, эмигрировавшій вскорѣ за взятіемъ Бастиліи.

[2]) Friedrich Karl von Erthal, послѣдній майнцкій курфирстъ, умеръ въ 1802 году.

[3]) Clemens Wenzel Prinz von Sachsen, послѣдній трирскій курфирстъ, избранный въ 1768 году.

c'est une pure jactance que ces soixante mille hommes qu'on a annoncés aux Princes français et une bien plus grande que les 150 mille, dont le nouveau Ministre de la guerre a parlé dans son discours à l'Assemblée nationale, tandis qu'il est de notoriété publique qu'il n'existe nulle part en France ni magasins de vivres, ni dépots d'armes, ni argent pour les former surtout avec tant de promptitude. Si en effet une invasion en Allemagne a lieu, elle ne sera exécuté que par quelques bandes de brigands qui viendront piller quelque village, d'où les paysans seuls seront, peut-être, en état de les chasser avec leurs fourches. Je ne saurais donc croire que Electeurs de Mayence et de Trèves et tant d'autres Princes, qui ont réclamé avec tant de fermeté et de noblesse leurs droits usurpés par l'assemblée prétendue nationale, s'en laissent imposer par cette nouvelle bravade qu'elle intente contre eux: mais il sera, peut-être, nécessaire qu'ils en fassent le semblant, pour faire arriver plutôt les secours, qu'ils sont en droit de demander au Chef de l'Empire et au Roi de Prusse.

Le cas de réclamer ce secours auprès de ces deux Princes, sera aussi celui de recourir aux garants des Traités de Vestphalie et de tous ceux qui assurent le constitution de l'Empire Germanique. Voici ma réponse à l'Electeur de Trèves à la lettre par laquelle il a demandé mon intervention à ce titre. Pour votre information du contenu de cette réponse, j'en fais joindre ici une copie [1]). En remettant l'original à l'Electeur de Trèves, Vous lui direz des choses obligeantes sur sa démarche envers moi et Vous lui ferez sentir l'utilité, dont elle peut être pour lui et pour tous les membres de l'Empire. Vous m'informez que les Cours de Vienne et de Berlin se joignent à celles d'Hanovre pour traverser sous mains à la Diète de Ratisbonne la reconnaissance formelle de ma qualité de garante de la constitution germanique et de l'état actuel des possessions dans cet Empire. Si cela est vrai, je ne suis point surprise de ce procédé de ces Cours. Après la nullité, dans laquelle la France se voit actuellement réduite, il leur importe, sans doute, d'écarter toute influence étrangère et formidable en Allemagne, afin d'y dominer et de disposer des choses au gré de leurs intérêts et de leur ambition. Mais leur façon de voir ne me paraît pas exactement bien calculée, car je trouverai toujours des titres suffisants et faciles à justifier dans les motifs d'équité et de justice, qui dirigent mes actions et dans les moyens qu'il a plu à la providence de me départir pour défendre les opprimés et opposer une digue à une ambition injuste et contraire aux principes

---

[1]) Копіи въ нашемъ собраніи румянцовскихъ бумагъ не оказалось.

d'équilibre général. Il m'est, peut-être, non seulement indifférent, mais même avantageux de n'être chargée d'aucun titre qui m'oblige d'intervenir ou qui me mette dans le cas d'être requise, quand même ma convenance du moment ne s'y trouve pas: mais il n'en est pas de même pour les Princes d'Allemagne du second ordre et plus d'un d'entre eux a dû la conservation de sa puissance et de sa considération au droit qu'il avait de recourir à la protection et à la défense d'une Puissance garante. En un mot toute la charge de cette garantie serait pour moi et tout le bénéfice pour les Princes qui en auront besoin, pour se mettre à couvert des violences et des injustices que les plus forts voudraient exercer contre eux. Que ces Princes donc et tous ceux qui n'ont pas les mêmes intérêts que les Cours de Vienne et de Berlin pèsent et jugent mes motifs avec ceux de ces Cours et qu'ils se décident. Voilà ce que Vous représenterez à l'Electeur de Trèves, en Vous acquittant de la commission, dont je Vous charge auprès de lui et Vous employerez les mêmes arguments auprès de tous les Princes ou leurs représentants avec lesquels Vous discuterez cette question.

Le Langrave de Hesse Darmstadt [1]) m'ayant écrit au sujet de deux régiments que le Prince de Nassau a demandé à lever dans ses États pour le compte des Princes, frères du Roi tèrs chrétien, je lui adresse ci-joint ma réponse [2]) que Vous lui ferez parvenir par la voie la plus propre.

En revenant aux affaires de ces Princes, j'ai à Vous faire connaître mes intentions, afin que Vous les leur transmettiez, par rapport aux nouvelles demandes qu'ils me font d'argent. Celui que je leur ai fait déjà avancer, fait une somme assez considérable. Je leur en ai promis encore en temps et lieu et je leur tiendrai assurement parole, mais je n'en puis parler avant la conclusion de ma paix et à l'époque, où tout sera prêt et arrangé pour les faire agir. Cette époque sera aussi celle, où ma paix avec les Turcs faite, le cours de change haussera et produira une somme plus signifiante qu'elle ne le serait dans ce moment-ci et qui sera alors aussi plus utilement employée. Quant aux démarches qu'ils désirent que je fasse en Suisse pour leur procurer des troupes à stipendier, cette opération convient à tous égards mieux à l'Espagne, qu'à moi et je n'ai pas manqué de la recommander à la Cour de Madrid, comme point des plus essentiels à l'appui du concours qu'elle voudra employer dans les affaires de France. Mais j'ai vu avec peine que le

---

[1]) Людовикъ X, 1753—1830, ландграфъ съ 1790 года.

[2]) Отвѣта этого нѣтъ въ нашихъ бумагахъ.

Sieur de Calonne [1]) se laisse aller à des démarches indiscrètes et tendantes à me compromettre. J'ai su qu'en négociant de l'argent en Hollande, il a avancé gratuitement que je cautionnerais ces emprunts. Un banquier de la Hage, nommé Boas, auquel entre autres on s'est adressé pour cet emprunt, est venu s'informer auprès de mon Ministre en Hollande le Sieur Kalitscheff [2]), s'il était vrai, que je me chargeais de garantir l'emprunt en question. Non moins gratuitement le Sieur de Calonne a avancé dans le mémoire envoyé à la Cour d'Espagne, que je n'attendais que l'ouverture de la navigation pour faire embarquer mes troupes conjointement avec celles du Roi de Suède, pour aller au secours des Princes. Je n'ai donné ni directement ni indirectement aucune promesse, ni espérance de pareil envoi et je ne puis trouver que très déplacé qu'on me prête des intentions que je n'ai point manifestées et qui, peut-être, donneraient à l'Angleterre un prétexte pour sortir de sa neutralité. Il me semble que j'ai assez donné de preuves réelles de ma bonne volonté, pour qu'on s'en tienne là et qu'on attend celles que je pourrai en donner altérieurement sans les annoncer avant que les circonstances soyent assez prononcées pour pouvoir me déterminer d'une manière convenable. Vous ferez sentir M-r de Calonne modérément et avec douceur qu'il importe infiniment de mettre plus de réserve et de circonspection en tout ce qui me regarde, qu'il ne l'a fait dans ces deux occasions. Vous ferez la même observation aux Princes, mais de manière à ne pas les décourager dans les espérances qu'ils ont conçues de moi et que je justifierai assurément autant qu'il sera en mon pouvoir. Sur ce je prie Dieu qu'Il Vous ait, monsieur le conseiller privé compte de Roumiantzoff, en sa saînte garde.

Catherine.

à St.-Pétersbourg, le 8 Janvier 1792.

---

[1]) Charles Alexis de Callonne, 1734—1802, государственный контролеръ съ 1783 года; министръ, по совѣту котораго въ 1787 году была созвана Assemblée des notables; позже впалъ въ немилость и былъ сосланъ въ Лотарингію. „Une mauvaise et creuse tête de Calonne", писала объ немъ Екатерина (Сборникъ, XXXIII, 673; Русск. Архивъ, 1878, III, 233).

[2]) Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ, 1746—1805, позже вице-канцлеръ.

12.

à Sarskoi Selo. $\frac{2}{14}$ Juin 1792.

Monsieur le conseiller privé Comte de Roumiantzoff.

J'ai reçu les dépêches du $\frac{6}{17}$ et du $\frac{8}{19}$ May que vous m'avez adressées par courrier exprès. Le tableau que vous y faites de la position actuelle des affaires des Princes ne m'était pas inconnu en grande partie; mais vous y avez ajouté des détails, qui l'ont rendu encore plus intéressant. Les mesures, dont les Princes s'occupaient et qu'ils vous ont confiées à votre retour auprès d'eux pour publier un manifeste dans le Royaume de France et y prendre titre et qualité étaient en effet trop prématurées et je suis bien aise qu'elles ayent été déconseillées, car on ne peut guères espérer de fruit de ces sortes de mesures si elles ne sont soutenues par des moyens de force suffisante. J'ignore quel sera celui de la lettre qu'ils ont écrite au Roi d'Hongrie et de Bohême, mais j'ai déjà quelques notions que malgré la solidité des raisons, qu'elle renferme et la beauté et l'énergie de style avec lesquelles elles sont exposées, elle a déplu à Vienne comme à Berlin.

Les Princes savent que peu de temps avant que la nouvelle de la déclaration de guerre faite par la cohuë nationale de Paris fut arrivée à la Cour de Vienne, cette Cour de concert avec celle de Berlin me fit part de la résolution que l'une et l'autre ont prise d'agir efficacement dans les affaires de France et toutes deux m'invitèrent d'y participer. Je ne balançai point et en leur promettant mon concours, j'ai plaidé en même temps pour les intérêts des Princes et insisté pour qu'on leur assignât dans cette occurrence la place et le rôle qui conviennent à leurs droits et à leurs titres. Bientôt après la Cour de Vienne, comme partie attaquée, me requit de lui fournir les secours stipulés par mes traités avec elle. Cette circonstance ne m'a point paru d'une nature à devoir altérer les principes que j'ai adoptés et manifestés sur les affaires de France depuis leur commencement. La Cour de Vienne ne m'a pas fait connaître non plus qu'il en eût résulté quelque changement dans les siens et jusque-là je crois superflue toute inquiétude pour chercher à l'approfondir. C'est la conduite que je conseille aux Princes de suivre aussi, vu le danger, qu'il y a pour eux de laisser transpirer des soupçons, qui, s'ils sont fondés, ne pourront qu'exciter un redoublement de soins pour perpétuer jusqu'au bout leur inaction et leur insignifiance, et s'ils ne sont pas, ne pourront servir qu'à leur aliéner cette

Cour et à leur attirer toute sorte de désagrément de sa part. D'ailleurs la prévoyance du mal, lorsqu'on n'est pas en état de s'y opposer, ne sert souvent qu'à l'agraver et quelquefois empêche par le découragement qu'elle produit la marche vers le bien. Il importe donc qu'aussi longtemps que les Princes n'auront pas de moyens indépendants ils continuent à marquer dans leurs discours et dans leurs démarches autant de déférence que de confiance pour les avis et les intentions des deux souverains, sans l'aveu desquels ils ne sauraient que je sache rien entreprendre au moins de sitôt. Dans une pareille situation, il me semble, il ne leur reste autre chose à faire qu'à suivre les évènements et à tâcher d'en tirer le meilleur ou le moins mauvais parti qu'il sera possible. Cependant toujours animée du désir de leur être efficacement utile, je me suis rendue aux instances qu'ils m'ont faites pour une nouvelle avance d'argent. Je vous en fais passer ci-joint la valeur de deux cent cinquante milles roubles en lettres de change que vous remettrez à leur disposition. Je ne leur ai point deguisé dans la lettre, dont j'ai chargé pour eux le prince de Nassau, l'effort que je fais en les obligeant de cette manière dans les circonstances où je me trouve moi-même, ayant besoin de toutes mes ressources tant pour soutenir mes affaires en Pologne que pour fournir à l'entretien du Corps des troupes que j'envoie à leur secours. J'espère que ces considérations jointes à leur propre jugement les porteront à ménager cet argent de manière qu'il ne puisse point leur manquer à l'exécution de quelque entreprise utile à leurs intérêts, qu'ils se verront peut-être en état de concevoir et d'exécuter. En tous cas ils verront dans ce procédé de ma part que loin de vouloir les abandonner, comme des gens mal-intentionnés ont voulu le leur faire entendre, je persiste toujours dans mes bonnes intentions à leur égard.

Quant à la démarche que le Baron de Breteuil a jugé à propos de faire auprès de ces Princes, en leur envoyant son adjoint l'Évèque de Pamiers, démarche, dont vous me rendez compte dans une de vos dépêches, je n'y vois dans le fait que le dessein et l'envie de regagner leur confiance, quoique la plupart de choses que son envoyé a été chargé de débiter eussent été destituées de tout fondement. Ne voulant point charger ce Ministre de les avoir forgées lui-même, je préfère de croire, comme cela est en effet possible, qu'il a été lui-même induit en erreur. Je n'invite point les Princes à lui accorder leur confiance; mais je suis persuadé qu'il leur sera très avantageux de s'entendre avec lui et de se faire instruire de ses démarches. Dans cette persuasion je lui ai fait écrire par le Vice-Chancelier pour lui recommander

de suivre desormais un plan de relations non interrompues avec les Princes, à fin de les tenir au fait de tout ce qui peut avoir rapports aux intérêts du Roi et du Royaume de France. Pour prévenir toute défaite et tout prétexte de défiance contre leurs entours, je vous ai fait indiquer comme un intermédiaire par lequel sa correspondance et ses communications pourront passer en toute sûreté. En conséquence vous écrirez au Baron de Breteuil pour lui faire part de ces ordres et de lui offrir votre Ministère et en même temps vous tâcherez de faire gouter cet arrangement aux Princes et de les engager à se prêter à ce rapprochement que je leur propose et que je crois réellement avantageux au bien de leurs affaires. Et sur ce je prie Dieu, qu'il vous ait, Monsieur le conseiller privé comte de Roumiantzoff, en sa sainte et digne garde.

Catherine.

13.

Царское Село.
4-го іюля[1]) 1792 года.

Monsieur le Comte de Roumenzoff.

Ces lignes serviront à Vous prier de Vous mêler d'une affaire ennuyeuse. Voici ce dont il s'agit. Il y a environ deux ans que mon Ministre M-r Mordwinoff[2]) m'écrivit de Venise que M-r Sénac[3]) de

---

[1]) Отъ того же числа императрица писала графу Н. П. Румянцову другое письмо, помѣщенное въ Русскомъ Архивѣ, 1869, 202.

[2]) Александръ Семеновичъ, полномочный министръ въ Генуѣ и Венеціи. Въ 1766 году онъ былъ принятъ на службу въ гардемарины и плавалъ въ Балтійскомъ морѣ до 1776 года, когда произведенъ въ капитаны 2-го ранга и назначенъ командиромъ матросской дивизіи въ Петербургѣ, такъ какъ «по болѣзни въ море ходить не можетъ» (*Веселаго*, Общій морской списокъ, IV, 390). Въ 1781 году поступилъ на службу по дипломатической части (П. С. З., №№ 15481, 15541). Сохранилось замѣчательное собственноручное письмо къ нему императрицы, отъ 4-го октября 1790 года, въ которомъ Екатерина высказываетъ свой взглядъ на древній періодъ русской исторіи и на задачи исторіи вообще (*Смирдинъ*, Соч. Екатерины II, III, 413, 418; Русск. Арх., 1866, 425; Сборникъ, XLII, 113, 129). Въ «Біографическомъ Словарѣ», издаваемомъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, А. С. Мордвиновъ не упомянуть.

[3]) Gabriel, 1736—1803, сынъ іезуита, военный интендантъ; въ 1790 году эмигрировалъ въ Россію, гдѣ былъ милостиво принятъ Екатериною II, отъ

Meilhan y était et qu'il souhaitait de venir en Russie et de s'occuper de l'Histoire du pays. Je ne le connaissais que par deux de ses ouvrages qui m'avaient paru bien écrits; je demandais à qui pouvait le connaître à peu près ce qu'on demande en pareil cas et j'appris, qu'ayant été intendant de je ne sais qu'elle province de France, il en avait rapporté une réputation d'intégrité qui lui faisait honneur. Je cherchais alors quelqu'un de sa nation qui pût me faire avoir des notions sûres sur le compte du Comte d'Artois qui alors voyageait en Italie. J'ai cru que M-r de Meilhan pouvait être mon fait et pour en être plus sûre je consentis à son voyage en Russie sans jamais avoir articulé à Mordwinoff, et encore moins à M-r de Meilhan, dans quelles vues je le faisais venir. Dès qu'il fut arrivé, il ne me fut pas difficile à démêler que cet homme-là n'était pas du tout celui qu'il fallait pour que moi et M-r le Comte d'Artois puissions y prendre confiance. Il avait été le premier Matador de la société démocrate de la Comtesse de Tessé; elle et lui, cependant, avaient été obligés de quitter la France, parce qu'on ne les trouvait pas assez enragés Enfin, Meilhan, venu ici, ne fut qu'un tissu de prétentions ridicules et importunes; outre cela, quoiqu'il ne manque pas d'esprit, mais comme il veut toujours primer et dire des choses non-entendues mais qui restent toujours en chemin, il est arrivé que personne ne pouvait le souffrir. D'abord il a voulu faire des plans de Finances; puis—devenir Ministre des Finances; ensuite—ambassadeur à Constantinople; puis — écrire l'Histoire; enfin, il ne s'arrêta à aucune idée. Après il prétendit qu'il ne pouvait avoir de l'esprit en Russie parce qu'il y faisait trop froid, puis il s'en alla. Comme il fait cher de vivre ici et qu'il avait perdu son bien, je lui avais fixé 500 R. par mois. Présentement, il me demande de lui donner quelques années de cet entretien avec extinction de la pension. Si Vous pouvez, en lui promettant deux ou trois ans d'avance, nous défaire du pensionnaire et de la pension, en vérité Vous me rendrez service et au Comte Bezborodko aussi, parce que je suis étrangement persécutée par le père, tout comme lui l'est par le fils. Je joins ici la lettre que je lui écris et que Vous lui enverrez si Vous voulez. Elle contient l'état des choses, en peu de mots, je la mets à cachet volant, afin que Vous la lisiez. Cet homme a la rage d'écrire: il m'a fait une lettre de 30 pages in-folio. S'il écrit ainsi l'Histoire, malheur à ceux qui la liront; je suis,

которой получалъ пенсію. Авторъ многихъ сочиненій и, между прочимъ, «Comparaison de Saint-Pierre de Rome avec Catherine II». Собственноручныя письма Екатерины къ нему см. въ Сборникѣ, XLII, 144, 153, 156, 159, 165, 166, 168, 170, 174, 180, 187, 188, 190, 196, 199, 218 и 229.

d'ailleurs, persuadée, qu'il ne la fera pas du tout ou qu'il la fera mal, car il ne connaît ni la langue, ni le pays. Mais ne lui parlez pas de cette Histoire, à moins que Vous ne le persuadiez de l'impossibilité où il est de l'écrire. Adieu, portez-Vous bien.

Ce 4 Juin 1792, à Czarsko Selo.

(Копія).

14.

Божіею Милостію, Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему тайному совѣтнику, чрезвычайному посланнику и полномочному министру графу Румянцову.

Представленіе ваше и желаніе братьевъ короля французскаго, чтобъ вы сопровождали ихъ въ походѣ, предпринятомъ ими для возстановленія законной власти и надлежащаго порядка вещей во Франціи, Мы приняли за благо; и вслѣдствіе того не токмо дозволяемъ вамъ туда отправиться, но и сохраняемъ въ полной силѣ своей тотъ самый кредитивъ, которымъ вы отъ Насъ при упомянутыхъ принцахъ уполномочены были.

По дѣятельнымъ предположеніямъ со стороны союзниковъ Нашихъ, императора римскаго и короля прусскаго, въ пользу дѣла, общаго всѣмъ государямъ и государствамъ, и по той ревности и твердости, съ каковыми братья королевскіе подвиги свои продолжаютъ, Мы должны ласкать себя, что Всевышній увѣнчаетъ добрыми успѣхами справедливую сторону и что вскорѣ возстановится во Франціи законная власть въ особѣ королевской, слѣдовательно, и монархія тамошняя поступитъ паки на прежнюю степень ей приличную. Тогда ваше служеніе при братьяхъ королевскихъ окончится; но тѣмъ не меньше вы обязаны будете ожидать Нашихъ дальнѣйшихъ повелѣній въ Парижѣ или гдѣ по усмотрѣнію всѣхъ участвующихъ будетъ учреждено на первое время королевское пребываніе.

*

Saxe Teschen [1]) et son Epouse qui ont gâté les affaires aux Pays-Bas et en dernîer lieu le premier s'est emparé du commandement de l'armée contre la volonté de l'Empereur, de l'armée et du conseil de guerre, et Vous avez vu ce qui en est résulté. Son Altesse Sérénissime a été battue la première par la Terreur; elle a pris 19 lanciers pour 80 et ainsi de reste. Son grand faiseur, dit-on, est un Lindenau, venu du service de Prusse. Il se peut très-bien aussi que les Hauts Alliés aient plus à coeur leur propre agrandissement que 'les affaires de la France, mais ce n'en est guère le chemin que de se laisser tromper par de honteuses négociations en politique et de se laisser battre lorsqu'il s'agit de vaincre. Par ce que Vous me dites qu'a conté l'adjudant du citoyen Valence [2]) au Comte de Lambert [3]), la victoire n'était pas bien difficile à obtenir le jour de la canonnade. Les détails que Vous me mandez là-dessus, de même que ceux sur la santé du Roi et de la Reine et sur le parti que Monsieur le Comte d'Artois a en France, sont infiniment intéressants et je Vous en remercie. Vous pouvez être assuré que je mettrai cette dépêche à part comme Vous le souhaitez. Selon les avis qui me viennent des États du Roi de Prusse les jeunes gens penchent vers la démocratie, mais tous les gens d'âge sont contre cette manie et en général il n'y a aucune apparence de révolte. Je pense que l'armée Prussienne qui est hors du pays avec le Roi, cesserait d'être démocrate si Sa Majesté parvenait à battre les Français. Les paradoxes du Duc de Bronswick et surtout ceux du Duc de Weimar [4]), à dire la vérité, sont un peu forts; mais on pourra s'en

---

[1]) Albrecht Kasimir, 1738 — 1822, сынъ Августа III, короля польскаго и курфирста саксонскаго. Въ 1766 году женился на эрцгерцогинѣ Христинѣ, дочери Франца I, и получилъ въ приданое княжество Тешенъ, въ австрійской Силезіи, и въ управленіе намѣстничество въ австрійскихъ Нидерландахъ, почему и жилъ въ Брюсселѣ. Возстаніе 1789 года прогнало его въ Вѣну; по водвореніи порядка, вновь возвратился въ Брюссель, но въ 1792 г., разбитый при Жемаппѣ, уступилъ всю Бельгію французскому генералу Дюмурье.

[2]) Alexandre Timbronne, comte de Valence, 1757—1820, полковникъ шартрскихъ драгунъ, вступилъ въ 1789 году въ ряды революціонной арміи и сражался подъ командой Дюмурье, какъ «гражданинъ». Въ 1812 году онъ былъ съ Наполеономъ въ Россіи, командуя кавалерійскою дивизіею.

[3]) Внукъ marquise de Lambert, извѣстной писательницы.

[4]) Karl August, Herzog von Sachsen-Weimar-Eisenach, 1757 — 1828, находился съ 1786 года въ прусской службѣ и дѣлалъ рейнскій походъ 1792 года въ качествѣ волонтера. Екатерина ошибалась: человѣкъ просвѣщенный и гуманный, другъ Гёте, герцогъ отличался свѣтскимъ умомъ и не походилъ ни на отца, ни на дѣда.

moquer s'ils n'influent pas sur les mesures de son beau-frère le Roi de Prusse. Au reste, ce Duc de Weimar pourrait bien tenir de la folie de son père et de son grand-père qui a été reconnu comme tel. On ne peut pas en dire autant du Duc de Bronswick; mais il y a de l'inhumanité à ne pas stipuler que les Emigrés soient compris dans l'armistice qu'il a malheureusement conclus. En général la chose du monde dont on s'est le moins du monde soucié, à ce qu'il paraît, dans cette campagne, c'est de la dignité et de l'honneur des Puissances en guerre contre les rebelles, tandis que ceux-ci étaient d'un orgueil et d'un insolence extrême.

Par tout ce que je Vous mande aujourd'hui dans ma grande dépêche [1]), Vous êtes assez instruit pour y trouver des règles de conduite sur tous les points. Vous prêcherez et parlerez pour les Princes et pour les émigrés, afin de faire envisager leur cause sous son vrai jour et comme je l'envisage. Outre cela, Vous tâcherez d'opposer en tous les cas toutes les raisons capables d'abattre la démocratie ou, au moins, tendantes à la diminuer, et si Vous y trouvez jour Vous emploierez Vos soins à faire embrasser la marche que j'ai proposée et que le Roi de Prusse affecte de céder à la Cour de Vienne cette direction dans toutes les occasions où il n'est pas désireux de paraître. Mon alliance est renouvelée avec chacune de ces Cours en particulier. Il est très-vrai encore que la Cour de Vienne aime mieux avoir notre secours en argent qu'en troupes. Selon mon traité avec la maison d'Autriche, je lui dois 13.000 hommes de secours; je lui en ai offert 15.000. Mais, puisqu'elle souhaite de l'argent, je lui donnerai ce qui est stipulé par le traité en équivalent des 13.000 hommes, et si l'on m'en demande pour 15.000, j'aime mieux réserver le surplus de ce don pour l'employer à l'appui de la cause que je trouverai à propos de favoriser lorsque je verrai que cela est vraiment nécessaire. Les propos du Comte Cobenzel [2]) au sujet des Princes et des émigrés prouvent bien la mauvaise volonté de sa Cour, manifestée tant de fois pendant cet hiver aux Princes et aux émigrés; mais, si la Cour de Vienne pense administrer le Royaume de France au nom du Roi de France, la vie de ce Roi, à coup sûr, ne sera pas de longue durée, et celle de la Reine et de son fils encore moins. C'est une réflexion qui, apparemment, n'était pas montée à la tête du Comte Cobenzel, lorsqu'il Vous a parlé, mais que, malgré cela, je tiens pour sûre: or si la famille du Roi est mise de côté adieu l'administration et Monsieur devient Roi et la haine contre

[1]) Рескриптъ этотъ не обнародованъ еще.

[2]) Johann Philipp, Graf von Cobenzel, 1741—1810, вице-канцлеръ австрійскій.

les Princes ne tourne à rien moins qu'une haine implacable. Donc, si la Cour de Vienne ne saurait dans cette guerre sacrifier son intérêt à mon opinion, si opinion il y a, comme Vous le disait le susdit Comte, il m'est tout aussi impossible de me désister de mon opinion parce que je la crois bonne, honnête et glorieuse et qu'assurement je m'intéresserai toujours aux Princes, Frères du Roi de France, et à la noblesse française; je souhaite sincèrement que ceux-ci et la noblesse française ne soient pas détruits. Je crois impossible de rien faire en France selon un nouveau système et qu'il n'y a que l'ancien qui puisse y rétablir un état souffrable dans tous les cas possibles. Le Comte de Cobenzel a beau ouvrir la fenêtre pour entendre chanter l'air „Ça ira“ et qu'on admette à la présentation de l'Empereur autant de mauvais sujets comme M-r de la Mark [1]) qu'on pourra trouver, il n'en sera ni plus ni moins vrai que la France se livrera plutôt au Princes qu'à la maison d'Autriche. Par parenthèse, Vous savez déjà que le frère de ce M-r de la Mark a épousé la fille de la Princesse Chahovskoy sans ma permission et que j'ai mis la mère et la fille en tutelle et que j'ai défendu à M-r d'Ahremberg, complice des deux révoltes de passer les frontières de la Russie, et ses enfants s'ils ne sont pas envoyés avant cinq ans en Russie et élevés ici dans notre religion, les biens passeront aux héritiers de la femme, qui se trouve en Russie [2]). Il y a une raison à tout cela qui est celle, que tout gouvernement a le même intérêt vis-à-vis des personnes de cette trempe-là. La conduite de la mai-

---

[1]) Auguste-Marie-Raymond, prince d'Aremberg, извѣстный подъ именемъ *comte de Marck*, 1753 — 1833, полковникъ французской службы; позже онъ подружился съ Мирабо и сталъ революціонеромъ; еще позже перешелъ на сторону короля и королевы; послѣ ихъ казни, въ 1793 году, вступилъ въ австрійскую службу.

[2]) Письмомъ отъ 2-го марта 1792 года Екатерина извѣщала князя А. А. Прозоровскаго, московскаго главнокомандующаго, что «живущая уже давно въ Парижѣ» княгиня Варвара Александровна Шаховская выдала свою дочь, княжну Елизавету Борисовну, за князя Аремберга, «мошенничества котораго далеко распространяются», и что бракъ этотъ не можетъ быть признанъ въ Россіи (Русск. Арх., 1872, 565); 24-го марта того же года послѣдовалъ указъ сенату, воспрещающій въѣздъ въ Россію «бунтовщику князю Арембергу» (Арх. Сената, т. 172, л. 135; П. С. З., № 17033; Чтенія, 1860, III, 144; Сборникъ, XLII, 229) и опредѣляющій права наслѣдованія. 23-го декабря 1794 г., указомъ архіепископу санктпетербургскому Гавріилу, бракъ этотъ былъ расторгнутъ (Чтенія, 1860, III, 144). Въ «Запискахъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго» отмѣчены нѣкоторыя подробности (Осьмнадц. Вѣкъ, I, 341); нѣкоторыя бумаги хранятся въ Госуд. Архивѣ, разр. X, № 124.

son d'Autriche dans les Pays-Bas est telle, qu'il est à supposer qu'elle ne désire pas les posséder. Je trouve le projet du Prince Henri contenu . . . .[1] ni intentions que la Cour de Vienne. Bien au contraire, ils ne seront pas fâchés de voir finir les troubles le plus tôt possible, et par conséquent les dépenses et les peines, la gloire étant à son comble.

Par Votre lettre de Binghen du $\frac{20}{31}$ Juillet je vois que le ministère de la Cour de Vienne ne s'est pas plus confié à Vous à Frankfort sur l'entrevue de l'Empereur avec le Roi de Prusse, qu'avant et après cette entrevue qu'il n'en a dit au Comte Rasoumowsky[2]; dans la lettre que le Comte de Cobenzel Vous a écrite il paraît sentir ce manque, car elle est farcie d'excuses et de justifications sur ce qu'on a fait et pas fait. Les conversations que Vous avez eues avec le Comte de Cobenzel me confirment dans les notions que j'avais déjà: que malgré l'alliance les deux Hauts Alliés, ou plutôt leurs ministères, se jalousent beaucoup et que vis-à-vis de nous la Cour de Vienne affecte de mener le Roi de Prusse.

Dans Votre lettre du $\frac{\text{24 Juillet}}{\text{4 Août}}$ un parfait . . . .[3] Le choix d'Elliot[4] pour intervenir dans cette affaire est encore un moyen parfait de plus pour n'en pas venir à bout, selon mon avis. Mais, comme Son Altesse Royale ne jouit pas chez le Roi son neveu d'un crédit fort étendu, et que le Duc de Bronswick aussi ne paraît pas regorger de confiance pour son cher oncle, je pense que tout s'en ira en fumée et que le chevalier de Bouffleur[5] n'en aura que la peine d'un voyage pittoresque à cheval de Rheinsberg à Paris qu'il fera imprimer un jour et que nous lirons.

L'aperçu sur les cabinets de Vienne et de Berlin contenu dans Votre dépêche du $\frac{\text{25 Juillet}}{\text{5 Août}}$, je regarde comme un fruit de Votre zèle et je Vous remercie de la confiance que Vous me marquez. Leur rapprochement est le fruit du caractère de Léopold II et du crédit de Bischofs-

---

[1]) Пропускъ въ оригиналѣ.

[2]) Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, 1752—1836; съ 1790 русскій посланникъ въ Вѣнѣ, назначенный въ помощь престарѣлому князю Д. М. Голицыну.

[3]) Пропускъ въ оригиналѣ.

[4]) Англійскій посланникъ въ Дрезденѣ.

[5]) Stanislas, chevalier de Boufflers, 1737—1815, поэтъ и беллетристъ, одинъ изъ послѣднихъ «петиметровъ», отличавшійся нѣсколько циничнымъ языкомъ. Эмигрировалъ изъ Франціи въ 1789 году.

werder[1]), chimiste tout comme l'autre. Léopold, naturellement rival de personne, avait à pacifier ses États presque tous prêts à se révolter par les changements trop précipités qu'y avait entrepris son père, lequel, outre cela, lui avait laissé une guerre malheureuse par l'unique raison qu'il l'avait voulu faire contre vent et marée défensife, tandis que la nature des choses exigeait qu'elle fût offensive. Léopold II fut bien aise d'écouter dans de pareilles circonstances tout ce qui pouvait diminuer les embarras. Son successeur monta au trône au moment où le Traité d'alliance avec la Prusse était conclu. Le premier évènement de ce règne fut que la France déclara la guerre au nouveau Roi. Dès ce moment, le Roi de Prusse, devenu son allié, fut obligé de l'assister. Il armait déjà à la suite d'un concert qui durait depuis la fuite du Roi de France, au mois de Juin de l'année passée, entre toutes les Puissances de l'Europe,—mais ici il devint auxiliaire. Ni l'une, ni l'autre de ces Cours, bien loin d'agir gratis, sont toujours convenues qu'il leur fallait une compensation de frais. Celle-ci ne laissera pas d'intriguer l'Europe, car la France n'a pas d'argent. Consultée sur tout ceci, j'en dirai sans doute mon avis. D'ailleurs, le projet de l'échange de la Bavière et tout ce qui devait s'en suivre n'est pas nouveau pour Vous qui avez été employé à cette négociation. Je ne crois pas que le Duc des Deux-ponts inspire un intérêt plus vif pour le présent que par le passé; il me paraît qu'avec une tête despotique il a été jusqu'ici sous la dictée des démocrates et que Vous n'avez pas eu à Vous en louer, ni moi non plus. Quant à l'Electeur de Saxe, il est impossible qu'il veuille échanger son pays contre l'Alsace et la Lorraine: ce Prince est trop prudent pour un tel échange et il faut considérer l'Alsace et la Lorraine comme des pays ruinés avant qu'ils lui parviennent. Ainsi ce projet de l'Angleterre si tant il y a qu'elle l'aie, court risque de rester sans exécution. Je pense que l'inquiétude de l'Angleterre roule peut-être plus sur ce qu'on fera et pour approfondir les intentions peut-être imagine-t-on ce qui Vous en est revenu. Pour les affaires de la Pologne, il ne sera pas bien difficile de les finir.

Vous me renverrez les croix de St. Vladimir destinées aux deux officiers qui sauvèrent la Reine le 6 d'Octobre, puisque Vous n'avez pas jugé à propos de les en revêtir alors et qu'à présent c'est trop tard, le Roi de Prusse leur ayant donné son ordre. Je vois que le

---

[1]) **Johann Rudolf von Bischofswerder, 1737—1803, генералъ, министръ и другъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма II; сопровождалъ короля въ его походѣ въ Шампань въ 1792 году. Онъ былъ мистикъ и иллюминатъ.**

Prince de Kaunitz [1]) s'est emparé de Sénac de Meilhan et que Vous ne pouvez par cette cause mettre mes ordres à son égard en exécution. C'est une ennui retardé dont je Vous félicite et n'envie point de tout au Prince de Kaunitz le plaisir d'avoir à faire à un homme aussi pesant.

Votre seconde conversation avec l'Electeur de Cologne n'a pas été moins intéressante que la première. Vous pouvez être assuré que cette dépêche ne sortira pas de mes mains. S'il a raison, la situation du C. de V. est dans un état déplorable. Mais il serait bon de savoir si ce Prince lui-mme n'est pas dans le système des cadets, avec une tête d'aîné. Or, le système des cadets est d'ordinaire, celui des frondeurs; il n'y a rien de plus aisé que cela, j'ai vu des sots y exceller; entre outre — Князь Василій Борисовичъ Голицынъ [2]) était le plus habile et intelligent frondeur que j'aie connu de ma vie. Ceci prouve encore, que la chose en elle-même n'est pas difficile. Le plus important serait donc de savoir pour sûr s'il voit juste. Je suis parfaitement de l'avis de l'oncle sur l'estime qu'il fait de la personne de son neveu, et à la suite de ce sentiment j'ose espérer qu'il saura passer au travers des entraves qui pourraient nuire au bonheur et au succès de son règne; il a une carrière brillante à remplir et avec de l'esprit et du mérite on parvient aisément à ce qu'on se propose. L'alliance des deux maisons rivales étonne tous ceux qui n'ont pas vu celle de la maison d'Autriche et de Bourbon et le fameux pacte de famille entre la France et l'Espagne se conclure: tout cela était des phénomènes auxquels les yeux de l'Europe, cependant, se sont accoutumés. Je ne sais comment les Princes d'Allemagne se trouveront de celui-ci. Si les deux Atlas se cassent le nez il y aura peu de chirurgiens qui voudront les panser.

Toutes les autres anecdots que Vous me mandez sous la même rubrique sont bonnes à savoir et je Vous en remercie. Ce qui m'inquiète le plus c'est la santé de l'Empereur qui n'est pas telle, selon Votre rapport, qui je le souhaite.

Présentement, j'en viens à Votre lettre de Carlsruhe du $\frac{30 \text{ Juillet}}{18 \text{ Août}}$. J'y vois que Vous avez reçu mes ordres concernant ce parage au mo-

---

[1]) Wenzel Anton Fürst von Kaunitz, 1711—1794, государственный канцлеръ, любимецъ Маріи-Терезіи, творецъ церковной реформы Іосифа II, за что папа назвалъ его il ministro eretico. Ему приписываютъ пруссаки мысль о первомъ раздѣлѣ Польши.

[2]) Сынъ адмирала, камергеръ, гвардіи капитанъ, 1729—1771, женатый на графинѣ Салтыковой. Кн. Голицынъ, «Родъ князей Голицыныхъ», Спб., 1892. № 123.

ment de l'élection de l'Empereur;—que Vous n'avez pu quiter Francfort qu'après le départ des Princes de Binghen et qu'arrivé à Carlsruhe Vous avez trouvé que la timidité de la Princesse Héréditaire [1]) l'avait empêché de préparer le Margrave [2]) à ce que Vous désiriez de lui. Je ne puis que savoir gré au Baron Edelsheim [3]) d'avoir déterminé la résolution de son Maître et d'avoir sû vaincre l'obstacle imprévu des scrupules du Prince Héréditaire [4]) sur le changement de religion de sa fille [5]), en lui conseillant du consulter un théologien qui lui a enfin prouvé l'excellence de la religion apostolique grecque, jusqu'à ce que ce Prince ne dît qu'il voyait le moment où on allait lui conseiller à lui-même de l'embrasser aussi, ce qui Vous a mis en état de parler au Margrave. La sensibilité de ce Prince, de ce que mon choix est tombé sur les Princesses de sa maison, ne peut que m'être très agréable, de même que les sentiments de Monsieur son fils et sa reconnaissance sur le même sujet. Je vois que la conversation que Vous avez eue avec Madame la Princesse Héréditaire s'est aussi terminée à notre satisfaction, malgré tous les ombrages qu'on a tâché de faire naître dans son esprit et que je regarde comme des terreurs maternelles annexées à la chose et dont sa mère et la mienne ont été obsédées, mais qu'elles ont su vaincre. La Princesse Héréditaire a cependant un avantage sur sa mère et la mienne: c'est qu'elles a été ici elle-même, qu'elle jouit depuis longtemps de mon estime, de mon amitié, et qu'elle me doit connaître assez pour être persuadée que j'aurai un soin tout particulier de ses filles;—que si j'ai dit, que je les établirai, je tiendrai parole, et à la lettre je m'y tiens engagée d'honneur. Jamais on n'en dit tant, comme Vous l'avez remarqué, ni à sa mère, ni à la mienne; cependant toutes les deux vinrent en Russie,—la première avec trois filles, la seconde—avec sa fille unique, pour laquelle les partis ne manquaient pas.

La peine que le Prince et la Princesse Héréditaires ont à se séparer de la cadette de leurs filles est bien marquée dans la lettre que

---

[1]) Амалія-Фридерика, наслѣдная принцесса баденъ-дурлахская, рожд. принцесса гессенъ-дармштадтская.

[2]) Карлъ-Фридрихъ, 1728—1811, маркграфъ баденъ-дурлахскій.

[3]) Wilhelm Baron von Edelsheim, † 1793, предсѣдатель баденскаго тайнаго совѣта.

[4]) Карлъ-Людвигъ, наслѣдный принцъ баденъ-дурлахскій, ум. въ 1801 г.

[5]) Луиза-Марія-Августа, 1779—1826; съ 1793 года русская великая княгиня Елисавета Алексѣевна, супруга великаго князя Александра Павловича.

cette Princesse m'écrit à ce sujet et que Vous m'avez envoyée. Je désirerais infinement que les deux Princesses vinssent ensemble et je ne trouve aucune difficulté à l'envoi de cette demoiselle d'Arnay [1]), Suisse de naissance, avec les susdites Princesses. J'ai dit à la Comtesse Schouvalow [2]) au moment de son départ, ou plutôt à M-r Strékaloff [3]) que, si la Princesse Héréditaire voulait envoyer quelque dame avec ses filles, elle l'amène avec elle. Mais, en cas que la santé de la cadette des Princesses fût réellement si délicate qu'elle ne pût en effet supporter sans risque le voyage, il s'en suit de soi-même qu'il deviendra impossible de l'amener, j'en serais fâchée, je l'avoue. Car, selon le petit portrait en bague que je Vous renvoie, c'est une physionomie charmante et m-r Alexandre commence un tantinet à remarquer celles de cette espèce; il me disait hier à la comédie que les quatre actrices qui jouaient en avaient de bien maussades. Vous rendrez la ci-jointe à son adresse. Adieu, portez-Vous bien.

Ce 17 Août 1792.

Vous trouverez ci-joint encore une incluse, à cachet-volant tout comme l'autre pour les deux Princes, Frères du Roi de France. Dans la lettre qu'ils m'ont écrite et à laquelle celle-ci sert de réponse, ils me pressent d'envoyer mes troupes en France le plus tôt possible; mais, outre que les deux Puissances qui ont 15.000 hommes en France me demandent de l'argent et non des troupes, ils m'assurent encore qu'ils finiront le tout dans une campagne; ainsi, mes troupes n'auront pas même le temps d'arriver que tout sera fini. D'ailleurs, les Puissances me tiennent encore dans une parfaite ignorance de leurs plans,— tant de la campagne, que de ce qu'ils sont intentionnés de faire en France. Vous voyez par là le rôle qu'on nous destine et que la besogne peut très-bien s'achever sans nous. Je Vous avoue, que, voyant cela,

---

[1]) Гувернантка молодыхъ принцессъ; она сопровождала ихъ въ Петербургъ и возвратилась съ младшею принцессою въ Карлсруэ.

[2]) Екатерина Петровна, рожд. графиня Салтыкова, 1743—1816, замужемъ за гр. Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ, 1744—1789, извѣстнымъ подъ названіемъ «le petit comte», поэтъ.

[3]) Степанъ Ѳедоровичъ, управлявшій кабинетомъ, сенаторъ. Екатерина называетъ его «стариннымъ другомъ дома» Шуваловой. Русскій Архивъ, 1869, 206.

je ne suis aussi nullement empressée aussi de mettre en marche mes troupes, qui, cependant, n'ont pas perdu leur temps et commencent à entrer dans les Palatinats, qui avoisinent la grande Pologne et par conséquent se trouvent sur la route de la Silésie. Le temps nous éclaircira seul sur ce qu'il faudra faire.

Adieu encore une fois.

Ce 18 Août 1792.

Графъ Румянцовъ—Императрицѣ Екатеринѣ.

16.

Франкфуртъ, 27 августа (7 сентября) 1792.

Всемилостивѣйшая государыня!

Графиня Шувалова, удовлетворяя просьбѣ Баденской Наслѣдной Принцессы, ѣздила въ сопровожденіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Стрѣкалова съ нею повидатся и пробывъ трое сутокъ въ Карлсругѣ, возвратилася во Франкфуртъ, отколь если ея здоровіе, или иное непредвидимое обстоятельство не воспрепятствуетъ, то выѣдитъ она, Всемилостивѣйшая Государыня, чрезъ двѣ недѣли, возвращаяся къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества въ собесѣдованіи извѣстныхъ вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня, особъ. Въ день же выѣзда отправится къ Вашему Императорскому Величеству курьеръ.

Есмь со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Величества всенижайшій и всеподданнѣйшій

Николай Графъ Румянцовъ.

Франкфуртъ, 27 августа (7 сентября).

Императрица Екатерина—графу Румянцову.

17.

Ce 29 d'octobre 1792.

Monsieur le comte Roumenzof.

Votre courrier m'a apporté hier Vos lettres en date de Luxembourg du 8 (19) octobre et du 3 (14) du même mois, j'y réponds aujourd'hui de même qu'à vos lettres antérieures du 7 (18) de septembre. D'abord je vous dirai que les princesses de Bade ont couché cette nuit à Narva et qu'elles vont arriver un de ces jours ici. Elles ne font que 40 à 50 verstes par jour; le pourquoi est dans la cervelle de M-r Strekalof, qui n'en fait confidence à personne. Dès qu'elles seront arrivées je vous en parlerai; comme on en parlait trop de bien ici, j'ai fait sentir qu'on ferait bien d'en suspendre le jugement jusqu'à leur arrivée; ceci a produit le singulier effet qu'on n'en parle plus qu'à l'oreille; j'ai craint que les louanges exagérées que certains gens faisaient d'eux et qui au fond n'est qu'un défaut de coutume dans ces personnes et qu'elles n'emploient à tout propos sans conséquence pour les choses, ne nuisât à mes princesses, qu'on pouvait trouver moins exagérées qu'on ne les dépeignait. Au reste dans le monde, j'ai établi mon avis qui est que les princesses de Bade, filles de mon ancienne connaissance [1]) la princesse héréditaire, m'ont été remises pour que leur éducation soit achevée ici, mais les raisonnements sont libres; je pense que personne ne se trompe sur leur destination, cependant je veux que la partie la plus intéressée me tire l'oreille, ce sera lui qui se mariera, ce ne sera pas moi qui le marierai. Elles occuperont la maison soi-disante Schepelof [2]) qui est toute arrangée pour cela. Quand il en sera temps je ne manquerai pas d'écrire et au monseigneur et au père et à la mère. Vous avez très bien fait de ne pas traiter cette affaire comme un procès où on a besoin de produire des pièces juridiques. Du reste, je suis très contente de Vos rapports sur cette affaire de même que sur celles

[1]) Она была родная сестра покойной великой княгини Наталіи Алексѣевны, первой супруги Павла Петровича.

[2]) Его въ то время не существовало уже. Это былъ «дворецъ» Шепелева, занимавшій, по набережной Невы и по Милліонной улицѣ, всю мѣстность отъ Ламотовскаго зданія до Зимней канавки; всѣ зданія Шепелева были перестроены подъ Эрмитажъ архитекторомъ Фельтеномъ, въ 1771 году. *Пыляевъ*, Старый Петербургъ, 172.

dont je vais parler ci-dessous. Par celui du 3 (14) d'octobre je vois que Vous avez joint les princes la veille du jour où ils évacuèrent la France. Quand je pense à ces deux armées célèbres commandées par les premiers capitaines du siècle qui après avoir annoncé qu'ils allaient à Paris tout droit, au lieu de cela s'en vont en arrière, fuyant devant les rebelles, je ne puis m'empêcher de chanter d'une voix plaintive: Славны бубны за горами, а у насъ какъ въ лукошки [1]. Ma partie est chanté et mercredi qui vient la délégation Polonaise aura ses audiences pour me remercier du secours donné à la république, mon amie, pour recouvrir son ancien gouvernement, ses lois et ses traités que la constitution du 3 mai de l'année passée avait annulées. N'allez pas dire que ceci est une vanterie, ce n'est pas cela, mais c'est un exemple comme quoi il n'est pas impossible de parvenir à un but et qu'on réussit quand on n'a pas des demi-volontés. Cent mille hommes de meilleures troupes que n'avaient les Français devaient soutenir cette constitution, le fait prouve ce qui en est arrivé, mais sans doute ce n'est pas à moi à donner des leçons à ceux qui en savent autant et plus que moi, et qui par cette raison ont trouvé impolitiques, apparemment, les conseils que j'avais pris la liberté de leur donner, afin, selon moi de faire réussir le projet qu'on disait avoir de rendre à la France son roi, ses lois et ses traités. Pour les négociations sourdes avec les rebelles dont Vous me parlez, je n'y comprends rien, elles seraient en contradiction avec les déclarations publiées et affichées et par conséquent une duplicité avérée et déshonorante. Surtout depuis que Dumourier [2] a fait imprimer ses contradictions et jusqu'aux billets du vertueux Manstein [3] qui paraît être un sot s'étant laissé duper par Dumourier. Vous m'excuserez de parler aussi impolitiquement et de nommer un chat, mais quand par état on est obligé de juger des choses, il devient difficile de ne pas parler ou écrire d'une façon un peu tranchante. Je ne serai point étonnée du mécontentement de l'armée Prussienne contre le duc de Brunswick ou le roi lui-même. Cette armée ayant été bien malmenée pendant tout le temps qu'elle s'est trouvée en France et encore plus malmenée depuis son retour qui n'a pas mal l'air d'une fuite, quoiqu'elle n'ait essuyé aucun combat désastreux, et

---

[1]) Звонки бубны за горами, а къ намъ придутъ, какъ лукошко. *Даль*, Толковый словарь, I, 119 (бубенъ).

[2]) Charles François, 1739—1816, командовавшій въ 1792 г. сѣверною арміею и одержавшій побѣды при Valmy и Jemappes.

[3]) Прусскій генералъ, посланный герцогомъ Брауншвейгскимъ къ Дюмурье для переговоровъ.

puis une armée qui rétrograde est toujours de mauvaise humeur parce qu'elle a la même et plus de peine sans fruit et sans honneur ni espérance. Si le duc de Brunswick négociait au lieu de combattre avec avantage, il a raison d'avoir l'âme navrée d'amertume présentement, où il porte le blâme d'avoir mis une négociation manquée et vicieuse dans son principe à la place d'une victoire certaine qui l'aurait mené tout droit à Paris et fini peut-être le tout avant l'hiver. Si le duc manquait de vivres, il paraît que c'était une raison de plus de combattre, en vainquant il se serait emparé des magasins de Dumourier et serait entré dans une contrée fertile.

Tout ce qu'on a fait avec les émigrés et les princes qui étaient à leur tête c'est précisément tout le contraire de ce que j'avais proposé; j'avais supposé que si l'on posait pour base de vouloir finir les troubles de la France, il fallait prendre les mesures les plus vraisemblables pour cela et qu'à cet effet il fallait finir les troubles français avec des mains Françaises, mettre les princes et les émigrés en avant et les soutenir avec des troupes étrangères et à mesure qu'elles avançaient en France rétablir l'ancien gouvernement au nom du Régent qu'un seul Parlement assemblé sur terrain français aurait proclamé tel. Au lieu de cela on a mis les princes et les émigrés de côté et en arrière, on s'est plu à laisser exister toutes les municipalités des rebelles et puis on s'étonne de la malveillance de ces gens-là qui ont cependant rempli, celui d'être rebelle parce que l'on voulait bien qu'ils le fussent à la barbe de deux cent mille hommes et des héros du siècle qui étaient à leur tête. En prescrivant aux émigrés de se rendre dans le pays de Liège il faut espérer qu'il n'entre pas dans le plan des hauts alliés de les laisser mourir de faim; en tout cas je vous envoie ci-joint deux cent cinquante mille roubles en bonnes lettres de change, que Vous remettrez aux princes Français, frères de Sa Majesté très chrétienne, afin que si toute autre ressource manque, du moins ils puissent employer cet argent au soutien de cette noblesse qui s'est dévouée à son roi; ceci achève précisément le million de roubles voué à leurs besoins. Si M-r de Custine [1]) les attaque dans le pays de Liège, mon désir serait qu'ils le battissent à plate couture et qu'en le poursuivant ils entrassent en France et qu'ils s'y maintinssent et qu'à la barbe de tous ils y rétablissent leurs affaires comme Henri IV, qui se trouvant devant

[1]) Adam Philippe, comte de Custine, 1740—1793, прославившійся въ Семилѣтнюю войну и въ Америкѣ; въ 1792 г. командовалъ рейнскою арміею, взялъ Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ и Франкфуртъ; въ 1793 г. казненъ за уступку пруссакамъ Майнца и Франкфурта.

Dieppe n'avait pour toute ressource que quatre cents gentilhommes avec lesquels et quelques Suisses il rétablit ses affaires malgré toute la Puissance espagnole et autrichienne jointe à celle du pape et de la maison de Savoie. Tout ce que Vous me dites de l'état des princes et de la noblesse de France me fend le cœur, je me hâte de Vous dépêcher mon courrier; tâchez d'employer mon petit secours le mieux que Vous pouvez et au gré des princes et de leur parti. Si le roi de Prusse est entré en accommodement, comme Vous le supposez, ce ne peut être qu'avec les rebelles; j'espère que cela n'a pas eu lieu, car la chose serait cruellement honteuse et flétrissante pour sa gloire. C'est présentement plus que jamais qu'il lui appartiendrait de réparer la brêche que souffre son honneur par cette campagne désastreuse; il n'y a que la vigueur la plus marquée et de nouveaux apprêts pour une seconde campagne qui doit selon moi laver l'opprobre de la première, quî puisse rétablir la réputation des armées Prussiennes. La maison d'Autriche ne peut manquer de le soutenir; elle a deux points capitaux à garantir, à maintenir l'une l'état des choses en Italie, l'autre celui du côté des Pays-Bas, sans quoi il en est fait de sa puissance et elle restera déchue. Pour le roi de Prusse il paraît que le maintien de la constitution germanique et l'état de l'Allemagne de tous les princes dépouillés par la France lui doit tenir à cœur, c'est à les défendre dans leurs droits et dans leurs causes; il est impossible sans tomber dans le mépris qu'il abandonne leurs causes et celles des rois.

Voilà mon sentiment, voilà aussi comme Vous parlerez pour réchauffer et rehausser les esprits abattus ou abâtardis. Si même les hauts alliés tendaient à des dédommagements, ils les abtiendraient plus facilement en agissant avec ardeur et vigueur dans une seconde campagne, qu'en cédant aux circonstances malheureuses d'après une premèire, dans laquelle ils n'ont pourtant jamais été battus. Je ne sais ce que les princes me diront dans leurs lettres que Vous m'annoncez, mais jamais je ne leur conseillerai autrement que de suivre le chemin de l'honneur. Il serait bien important de savoir si réellement la retraite du comte de Schoulembourg [1]) est une disgrâce, car ayant vu changer son royal maître tant de fois de façon de penser, il ne serait pas impossible qu'il ne changeât encore; Alopeus [2]) prétend que non, mais il se peut que ses yeux soient fascinés par l'accueil qu'on lui fait. Tâchez

[1]) Karl Friedrich, Graf von der Schulembourg, генералъ, прусскій кабинетъ-министръ; дѣйствительно, подвергся опалѣ и перешелъ на службу къ вестфальскому королю. Позже былъ намѣстникомъ въ Брауншвейгѣ.

[2]) Максимъ Максимовичъ, 1748—1822, русскій посланникъ въ Берлинѣ.

de votre côté de savoir ce qui en est; pour moi dès l'instant de sa retraite j'ai soupçonné sa disgrâce. Vous voyez que mon avis est toujours le même, comme je ne l'ai pas laissé ignorer à personne aussi n'a espéré de me faire revenir de mon opinion et on n'a eu garde de me communiquer des plans et des mesures erronés, le contingent en argent que je devais à mon allié je ne m'en suis pas dédite, mais je me réserve mon franc-parler dans l'occasion. Les aperçus dont Vous me faites part ont beaucoup de vraisemblance, le temps nous montrera ce qui en est, mais la pire de toutes celles dont Vous faites mention est certainement l'apparence que la démocratie travaille les cabinets et les armées des hauts alliés et que c'est elle qui est la base des demi-volontés qui ont mené dans cette campagne les choses au point où nous les voyons. S'il en fera de même d'une seconde, les ornements Impériaux pourraient bien être vendus à l'encan à Aix-la-Chapelle comme la Sainte Ampoule, etc. à Paris. Pour éviter ces demi-volontés, il faudrait que les meilleures têtes de l'Allemagne fissent une ligue d'opinion contre les demi-volontés, qu'elles les dénonçassent, que Vous soutinssiez leur opinion, que paroles et écrits les combattissent. Tâchez de Vous procurer un entretien avec le duc de Brunswick, dans cet entretien représentez-lui le beau rôle qu'il a devant lui, si par une marche ferme et uniforme à la tête de deux cent mille hommes, il raffermira le trône de deux souverains et remettra un troisième sur le sien; c'est un prince qui a de l'esprit et par là même il doit plus être en état de saisir ce que Vous lui direz. Ce sont ces demi-volontés qui ont perdu le roi de France. On fit accroire à la reine de France, d'ailleurs d'un esprit vain et altier, qu'en donnant dans la démocratie elle rétablirait son mari sur le trône duquel il descendait, elle aime mieux cela que de s'unir à ses beaux-frères et à ceux qui par état étaient attachés à la royauté; elle détestait les parlements qui servaient de digue et d'entermédiaire et ne voilà-t-il pas qu'avec leurs demi-volontés et le roi et la reine de France enfermés au Temple dont l'affreux exemple de ce qu'à quoi peuvent mener de pareils principes dans la conduite des affaires. Il paraît encore qu'il faudrait poser pour base de la campagne prochaine de n'entendre aucune sorte de proposition ou négociation jusqu'à ce qu'on aie réellement délivré le roi de France de prison et qu'aucun négociateur ne se trouva à cent lieues à la ronde des camps. Monsieur Dumourier secondant, facilitant la retraite précipitée des Prussiens apparemment faisait un pont d'or à ses ennemis. S'il n'était pas d'accord avec eux quand il ordonnait à son monde de retirer les canons et bagages des bourbiers, sans s'en emparer; enfin

ce qu'il y a de sûr là-dedans c'est que les Prussiens rétrogradaient et que Dumourier était fort content de cette manœuvre. La considération du duc de Brunswick se relèvera pourvu qu'il se détermine à agir avec fermeté et vigueur et qu'il emploie son savoir faire à mettre le roi de Prusse sur la même voie, tandis que celles qu'il suit ne le mènent qu'à des désastres certains.

Le rôle que je vous prescris n'est pas bien difficile; il peut se réduire en trois expressions: consolez, encouragez, raffermissez les affligés, les désolés, les esprits abattus, les chancelants, et formez-moi de cela une masse de gens dignes de la besogne qu'ils ont devant eux, si Vous pouvez. N'oubliez pas Bischofswerder, il peut être très-utile d'après les rapports du père Plisé, la disposition de son esprit étant bonne et son ascendant sur l'esprit de son maître n'étant pas douteux, peut-être réussira-t-il à le faire remonter les deux marches qu'il est descendu de dessus son trône. Pour le Spielmann [1]) qu'une frayeur panique a rendu malade, il est parfaitement dans le goût de la révolution française, dont le principe caché est *la Terreur*, il la prend et la donne, mais sans remède.

Ce que Vous me dites que les Autrichiens ne mettent plus en avant leur ascendant sur le roi de Prusse, me rappelle ce que me disait ma gouvernante qui prétendait que quand les enfants avaient fait des étourderies, ils n'avaient plus le droit de parler, et j'étais obligée de me taire demi-journées entières. Imaginez-vous moi qui parle autant que le comte Jean Czernischef [2]). Pour moi il me paraît que ceux qui ont mal fait leurs devoirs ne devraient avoir aucun droit aux dédommagements en droite et stricte justice.

Il sera curieux et nécessaire de savoir si l'Angleterre restera neutre voyant les Français en train de faire des conquêtes, ayant envahi la Savoie et s'occupant d'un projet sur Rome, l'Italie et l'Allemagne, tandis que les hauts alliés ne s'occupent qu'à ravitailler leurs armées après une campagne détestable. Si l'Angleterre s'occupe de négociation avec les rebelles, on ne pourra disconvenir qu'elle n'aie pour elle l'expérience, pour les princes Français ils ont toujours été en pourparlers avec le ministère Anglais, mais il est difficile de savoir ce qu'ils y ont gagné. Je ne sais pas si les créanciers des princes se contenteront de l'idée singulière et bien caractéristique de M-r de Breteuil de reconnaître comme dettes d'État celles que M-r de Calonne a engagé les

---

[1]) Генералъ австрійской службы, разбитый Кюстиномъ при Майнцѣ.

[2]) Иванъ Григорьевичъ, 1726 — 1797, президентъ Адмиралтействъ Коллегіи.

princes frères du roi de contracter, au moins le baron a-t-il montré de la bonne volonté dans cette occasion qui, il est vrai, ne lui coûtait pas plus qu'elle n'était utile aux princes. J'espère que l'archiduchesse ne permettra pas qu'on arrête les neveux de son mari pour dettes.

Vos dépêches sont enfermées dans mon tiroir auquel personne ne touche. Il me paraît qu'à l'armée des princes on a été souvent trompé en conjectures sur les volontés du roi de Prusse et notamment sur le compte de la régence à laquelle on disait qu'il avait consenti. L'évènement a démontré le contraire. Puis il leur avait promis des provisions de bouche et des rations avec une solde, la Note du duc de Brunswick se réfère aux stipulations de Mayence. Il paraît que les princes avaient deux fois plus de monde en campagne que les alliés n'avaient stipulé de nourrir, mais par la sévérité de la lettre du roi de Prusse au général Schœnfeld et que celui-ci a produite aux princes, il paraît que le roi de Prusse exposait l'évêché de Liège, au pillage de douze mille hommes affamés, on aurait dit qu'ou bien il voulait ou bien qu'il avait promis à Dumourier de le faire périr par la misère. Nous verrons ce que produira le voyage de M-r le comte d'Artois [1]) à Longwy près du roi de Prusse, le résumé qu'il porte avec lui et qui a été fait par M-r de Castries [2]) fait frémir sur la situation des princes et des émigrés.

Mais le jour même qu'on jugeait cette cause intéressante et malheureuse à Longwy il paraît que Custine entra dans Francfort. Les voilà au cœur de l'Allemagne, tandis que le roi de Prusse a étrangement embourbé son armée en France. Qu'est-ce donc que cela deviendra, cette nouvelle nous est venue aujourd'hui, 30 d'octobre par un vaisseau de Lubeck, j'en suis sensiblement affectée! Tout ce que Vous avez dit au Thougout [3]) et au nouveau ministre Haugwitz [4]) en faveur des princes et des émigrés, j'y donne pleinement mon approbation et je ne vais que de grandes . . . . très bien placées. Tout ce que je Vous dis aujourd'hui vient au secours des discours que

---

[1]) Charles Philippe, comte d'Artois, 1757—1836, внукъ Людовика XV, братъ Людовика XVI; съ 1824 года французскій король Карлъ X.

[2]) Gabriel, marquis de Castries, 1727—1801, маршалъ французскій; въ 1792 году командовалъ эмигрантами при вторженіи пруссаковъ въ Шампань.

[3]) Franz Maria Thugut, 1734—1818, австрійскій дипломатъ; велъ въ Парижѣ переговоры съ королевой Маріей-Антуанетой и Мирабо, въ 1792 г.

[4]) Christian Heinrich Graf von Haugwitz, 1752—1832, прусскій посланникъ въ Вѣнѣ, много содѣйствовавшій объявленію австро-прусской войны противъ Франціи.

Vous avez déjà tenus. Si ce n'est le baron de Breteuil qui a empêché de déclarer monsieur régent, il a fait là une grande bévue et la peine qu'en pouvait éprouver le roi qui avait perdu son trône et par là le pouvait secourir devait être diminuée par cette lueur d'espérance même.

Faites adopter à tout le monde, si Vous pouvez, les principes et les mesures nécessaires pour la réussite d'une seconde campagne; dessillez les yeux à ceux qui les ont fascinés, prêchez, parlez, agissez pour la défense des rois, de la noblesse, de la religion chrétienne. Il y va du tout au tout, si les fausses manœuvres et demi-volontés continuent, en vérité toute l'Allemagne s'en ressentira et s'en ressent déjà. Je ne conseillerai jamais aux princes ni à la noblesse française d'abandonner la cause pour laquelle ils souffrent. Il faut que les puissances les assistent si ils veulent que la cause du roi et des rois existe. Dès que le courrier que Vous me promettez sera arrivé, je tâcherai de m'employer de nouveau pour eux selon les données que j'aurai.

Adieu, portez-vous bien. Demain, mes princesses arrivent et après demain ceci partira, mais je Vous dirai un mot des nouvelles arrivées comme vous m'en avez priée. Ce 30 d'octobre 1792.

18.

Ce 1-er novembre 1792.

M-r le comte Roumenzoff.

Hier au soir entre 8 et 9 heures enfin les princesses de Bade sont arrivées en bonne santé à cela presque que l'aînée tousse et que la cadette a un rhume de cerveau, mais j'espère qu'avec un peu de repos cela se passera, aussi ont elles eu ce qu'on appelle chez nous совершенная распутица и непогода à soutenir, mais, Dieu merci, les voilà arrivées. J'ai tellement ménagé cette arrivée que très peu de gens les ont vues. Elles sont descendues à leurs gîtes, la maison Schepelef, le maréchal de la cour et les cavaliers nommés pour les accompagner les ont reçues au sortir du carosse, et les ont menées dans leurs appartements; je me tenais pour ainsi dire cachée avec la comtesse Branisсky [1]) qui m'accompagnait de même que le comte Zoubow [2]), qui était de service, dans un des appartements destinés aux princesses,

---

[1]) Александра Васильевна, рожд. Энгельгардъ, 1754 — 1838, статсъ-дама Екатерины II.

[2]) Платонъ Александровичъ, 1767—1822, позже князь.

quand les battants s'ouvrirent et qu'elles entrèrent, l'aînée me reconnut assez vite et la cadette suivit son exemple. Cette aînée a paru à tous ceux qui l'ont vue une enfant ou plutôt une jeune personne charmante, je sais que sur la route elle a captivé tout le monde, la comtesse Schouvaloff et Strekaloff en disent mille bien, j'ai fait entrer ensuite tous ceux qui les accompagnaient et comme il était tard, que tout le monde était fatigué après une courte entrevue je me suis retirée avec la comtesse Braniscky et le comte Zoubow. Ceux-ci chemin faisant ne tarissaient pas de l'effet que la princesse aînée avait fait sur eux; la conclusion que je tire de ceci est qu'il faudrait que notre homme fût fort difficile si elle manquait sa conqute; ilê ne la verra que quand elle sera parfaitement reposée et je ne mettrai aucun empressement à la lui montrer.

A six heures après dîner.

J'ai revu les princesses deux fois aujourd'hui, l'aînée plus on la voit et plus elle plaît. Je leur ai dit d'écrire à papa et à maman. Ci-joint mes lettres pour le margrave, le prince et la princesse héréditaires. Les deux derniers m'ont écrit par leurs enfants, ce sont les réponses.

Je Vous envoie celle pour le margrave ce n'est qu'une lettre de compliments. Ci-joint une missive aussi pour le baron Grimm [1]) mon ancien souffre douleur patenté. Adieu, portez-vous bien.

19.

1-го декабря 1792 года.

Monsieur le comte de Roumenzof.

Vous avez très-bien fait de ne pas vous mêler de la négociation du mariage de la princesse Caroline de Bade avec le prince royal de Prusse [2]), lequel est promis en secret avec sa cousine, la fille aînée du prince et de la princesse Ferdinand, mariage auquel la grande-duchesse, ma bru, s'intéresse infiniment. Il se peut que la reine de Prusse se

---

[1]) Friedrich Melchior, 1723—1807, издатель «Correspondance Littéraire», корреспондентъ Екатерины II.

[2]) Фридрихъ-Вильгельмъ, 1770—1840, сынъ Фридриха-Вильгельма II, позже король Фридрихъ-Вильгельмъ III; въ 1793 г. женился на принцессѣ Луизѣ Мекленбургъ-Шверинской; отецъ императрицы Александры Ѳеодоровны.

trouve dans le secret de son fils et voilà pourquoi. Elle ne consent pas aux démarches que le roi, son époux, fait en faveur de la princesse Caroline de Bade. Vous ferez très-bien dorénavant de ne pas Vous mêler d'aucune façon de cette affaire.

Au reste nous continuons à être très-contents de nos deux princesses de Bade; il paraît jusqu'ici que l'aînée emportera la pomme. Monsieur Alexandre la trouve à ce qu'il paraît très-fort à son goût présentement. Au commencement il était aussi farouche que la princesse était réservée, mais on commence à s'accoutumer et l'on se plaît assez ensemble. Pour le public il est tout décidé pour l'aînée, la petite devient jolie à vue d'œil.

Je Vous prie de me faire avoir le nom du prince de Revel et du petit-fils du maréchal de Castries, afin que je leur puisse faire expédier à chacun d'eux un brevet d'officier aux gardes et une pension de quinze cents roubles pour leur éducation.

Adieu, portez-Vous bien. Ce 1-er décembre 1792.

Mais où êtes-Vous?

20.

1-го декабря 1792 года.

Monsieur le comte de Roumenzof.

Le courrier Komarowsky nous est arrivé le 11 d'août et il nous a apporté toutes Vos dépêches, j'en ai devant moi sept auxquelles je ne suis réservé de répondre. Elles sont de Binghen du 19 et du 20 juillet, de Karlsruhe du 24, 25 et 30, de Coblence du 25 et 26.

Par la première Vous m'informez que le roi de France avait expédié un homme au maréchal de Castries chargé de parler à l'Empereur du manifeste où il ne fallait pas citer les princes, ni les émigrés; je vois qu'on a même voulu se servir de Votre canal pour introduire cet homme chez l'Empereur; j'approuve très-fort que Vous ne Vous soyiez pas mêlé de cette introduction, car Leurs Majestés très-chrétiennes ont pris la détestable coutume d'employer le tiers et le quart en sens contraire et ne se font aucun scrupule ensuite de les désavouer. Nous avons déjà vu dans ce cas le baron Breteuil lui-même et le marquis de Bombelles quoiqu'il fut chargé d'une lettre écrite de la propre main de la reine. Ce Malet du Pan [1]) d'ailleurs ne méritait guère d'être

---

[1]) Jaques Mallet-Dupan, 1749—1800, публицистъ, которому покровительствовалъ Вольтеръ; съ 1783 г. онъ издавалъ въ Парижѣ «Mercure historique

présenté par Vous, parlant toujours mal de nous dans son Mercure; l'on voit clairement par la conversation que Vous avez eue avec cet homme que c'est un constitutionnel, or si le roi de France hait l'ancienne forme comme cet homme Vous en a assuré, c'est comme si Sa Majesté prononcerait qu'elle a de l'aversion pour la splendeur, le lustre et la gloire de sa monarchie, paroles assurément qu'on ne devrait pas croire pouvoir sortir de la bouche d'un souverain. Il se peut très-bien encore que la marchande de modes de la reine ait été employée à pareil ministère ou bien aussi à contrecarrer les vues du roi, mais comme elle a été bien accueillie on doit supposer qu'elle ne contredisait (?) pas avec la mission, les vues de la cour de Vienne que je crois nullement bienfaisantes pour l'ancien gouvernement, mais telles qu'elles entretiendront le plus longtemps possible la France dans son état présent de dislocation parfaite, et voilà pourquoi l'on ne veut pas que les princes, frères du roi, aient des forces rassemblées; on sent que leur parti réunira de plus en plus tous les anciens amis de la monarchie, que le clergé, la noblesse, les parlements ne sauraient être détruits qu'avec la monarchie et qu'ils ne sauraient exister qu'en se réunissant aux princes. Pour moi j'envisage tout ceci sous un autre point de vue, je prévois que tôt ou tard l'ancien régime doit reprendre, que plus le temps avance et plus il se rapproche de cette époque. Que le plus fort est fait dès que les princes, frères du roi, ont mis un seul pied en France, que si les choses restent dans l'état présent, on aura beau prescrire aux princes la quantité de troupes qu'ils doivent avoir, eux-mêmes ne seront pas en état d'en avoir ni plus ni moins que celles qui viendront se joindre à eux, et quoique la France nous ait fait ci-devant du mal aussi, il vaut mieux faire les choses de bonne grâce qu'à contre-cœur, surtout celles qu'on ne peut empêcher, et en conséquence voici comme je suis résolue d'agir: les princes me font prier de vous laisser près d'eux, j'y consens volontiers, vous recevez par ce même courrier un rescript de ma part qui vous autorise de rester près d'eux et il vous instruit sur différents points et cas à supposer; c'est à Vous à en faire l'usage le plus convenable et le plus prudent. Il est essentiel que les princes conservent l'amitié du roi de Prusse et l'affection du duc de Brunswick; ni l'un ni l'autre n'ont pas les mêmes vues pour rétablir les choses en France sur un pied souffrable et à cet effet les hauts alliés ne devraient négliger aucun point. Pour ce que regarde Bischoffswerder Vous aurez trouvé dans mes précédentes

---

et politique de Genève»; какъ монархистъ, долженъ былъ эмигрировать въ 1792 году.

dépêches de quoi Vous servir de règle de conduite avec lui; j'espère que sa disgrâce momentanée n'aura pas de suite et que le vertueux Manstein ne prendra pas sa place. Je désire en vérité avec bien d'autres que le duc de Brunswick ne commande pas l'année qui vient. Pour ce qui regarde l'Angleterre, dans peu nous saurons ses intentions et verrons clair dans ses démarches. Pour Alopeus il ne voit que par les yeux du ministère Prussien, il est revenu à Berlin, parce que le roi lui disait qu'il allait y retourner.

Vous verrez dans mon autre dépêche de ce jour le poste que j'ai pris et la route que je me suis tracée. Je me garderai bien d'être autrement que je ne suis et de suivre celle que suivent les hauts alliés contre mon gré et à laquelle jusqu'ici l'on ne voit pas qu'ils aient acquis beaucoup de gloire.

Présentement la première chose qu'ils ont à faire selon moi, c'est de chasser les Français de l'Allemagne. Pour la république elle sera renversée dès qu'on s'y prendra comme il faut pour y réussir, c'est-à-dire qu'on les battra au lieu de négocier. Ce qu'il y a de sûr, c'est que la France ne saurait subsister en république, l'expérience de tous les temps le prouve. Vous y verrez que tous les deux cents ans la France a été malade de la même maladie; lisez les mémoires de la Ligue, vous y verrez les mêmes projets et Vous y verrez la réussite future de ces projets. Mais il faut trouver l'homme pour les combattre; quand il s'agit de coups il faut en donner, non en recevoir. Pour la noblesse française, il est très-dur que son État est désespérant, parce qu'il s'agit de son existence journalière; aussi de toute manière je tâcherai d'empêcher qu'elle ne périsse.

Vous verrez par la copie de ma lettre aux princes ce que je leur dis sur le voyage de M-r le comte d'Artois.

Je ne sais de qui Vous voulez parler quand vous me dites que Votre travail est gradué, mais qu'une personne dont Vous estimez et le zèle et les autres bonnes qualités presse toujours trop aux ressorts et s'offre à une discussion que Vous évitez. Si c'est le prince de Nassau [1]), Vous pouvez être assuré qu'il n'est chargé de ma part d'aucun ordre; il m'écrit très-rarement et, quand il m'écrit, il me fait relation de ce qui s'est fait, ce qui me parvient la plupart du temps fort tard; je lui réponds en termes très-généraux, mais comme il porte mon uniforme, on a pris à tâche de le regarder comme étant chargé de bien des choses. Apparemment qu'on croit tous les nôtres dans le même

[1]) Karl Heinrich Prinz von Nassau-Siegen, 1745—1808, вице-адмиралъ русслужбы съ 1788 г.

cas, puisque Sa Majesté Prussienne a parlé de ses procédés politiques les plus secrets au général-major Zoubow [1]) qui, quoique embarrassé de la confidence, s'est tiré de la conversation en homme d'esprit.

Je suis bien aise de voir que M-r le comte d'Artois a eu assez de confidence en moi pour être persuadé que si je connaissais leur état de pénurie, je leur enverrais de l'argent. Eh bien, cette fois-ci j'ai prévenu leur désir et mon dernier courrier Vous aura apporté une pomme pour le soif.

Adieu, portez-vous bien.

Ce 1-er décembre [2]) 1792.

21.

9-го декабря [3]) 1792 года.

Monsieur le comte Roumenzof.

Vous verrez par l'extrait ci-joint les propos que le S-r Jacobi se permet de tenir à Londres, je Vous laisse à penser quelle impression pareils discours peuvent faire, et quelle solidité on peut supposer à l'alliance des cours de Vienne et de Berlin, lorsque leurs ministres tiennent de pareilles conversations. Je voudrais que le roi de Prusse fût instruit de ces imprudences-là, d'autant plus que dans ce moment-ci il paraît être nécessaire que les alliés soient unis et paraissent l'être pour le bien commun des affaires qu'ils prennent à cœur.

Adieu, portez-vous bien.

Ce 9 décembre 1792.

---

[1]) Валеріанъ Александровичъ, 1771—1804; въ 1792 г. пожалованъ въ генералъ-маіоры и ѣздилъ за-границу лѣчить рану.

[2]) Вѣроятно, описка, вмѣсто *Septembre*.

[3]) Въ Госуд. Архивѣ (разр. XV, № 233) хранится рескриптъ гр. Н. П. Румянцову, отъ 6-го декабря 1792 г., съ собственноручною припискою императрицы. Этотъ рескриптъ напечатанъ въ отзывѣ *Г. Ѳ. Штендмана* объ изслѣдованіи проф. Трачевскаго «Союзъ князей», стр. 91—101. Сохранился и собственноручный черновой отпускъ Екатерины, любопытный въ литературномъ отношеніи по своимъ варіантамъ.

Des propos tenus par le S-r Jacobi à Londres.

Qu'il n'y aurait plus de seconde campagne, parce que le roi de Prusse ne la fera plus et l'Empereur n'est pas en état et n'osera pas la faire seul.

Dans un autre endroit il a dit que la contagion présente ne gagnera pas les Etats Prussiens, si le roi, diminuant de dix à 15.000 hommes, diminue en même temps quelques impôts pour soulager et contenter son peuple; cela sera suffisant pour le garantir de cette peste politique qui fait tant de peur, mais il ne pourra faire cette opération qu'en cas que la maison d'Autriche perde les Pays-Bas d'une manière irrévocable et n'aie encore quelque autre embarras interne.

22.

St.-Pétersbourg, ce 9 décembre 1792.

Monsieur.

Sa Majesté Impériale s'étant déterminée à accorder un asile dans ses États à la noblesse française émigrée, Elle a consenti que ces individus se rendent par des routes différentes par pelotons et sans armes à un rendez-vous général qui sera fixé à un des quartiers généraux de nos armées en Pologne. Le prince de Condé [1], qui veut bien se charger de tout ce qui regarde le passage des émigrés, ne manquera pas de leur recommander d'observer une discipline sévère dans tous les pays où ils devront passer. Sa Majesté Impériale charge en même temps Votre Excellence de veiller sur leur conduite, de leur accorder non-seulement tous les soins que l'humanité réclame en faveur des infortunés, mais aussi de demander, au nom de l'Impératrice, à la suite des réquisitions qui pourront Vous être faites à cet effet par le prince de Condé, un libre passage pour eux par les États des princes, auprès desquels Vous êtes accrédité.

Sa Majesté Impériale n'ayant d'autre but dans la protection qu'elle accorde à la noblesse française, que de sauver des malheureux qui se sont dévoués pour leur religion et pour leur monarque, et qui paraissent maintenant dénués de tout moyen de subsistance, il est à croire que toute l'Europe applaudira à sa bienfaisance, et que les cours, nos amies, s'empresseront d'y contribuer, en accordant aux émigrés fran-

---

[1] Joseph Louis, prince de Condé, 1736—1818 г., военачальникъ, эмигрировавшій въ 1789 г. и учредившій на Рейнѣ извѣстную armée de Condé.

çais qui passeront en Russie, la protection et la sûreté que tout étranger, ami de la paix et du bon ordre, a droit d'obtenir dans les pays policés. Dans le cas de quelques difficultés ou vexations, auxquelles l'inconduite prouvée des émigrés n'aurait pas donné lieu, Vous réclamerez, monsieur, en leur faveur la justice du ministère des cours où Vous êtes, et Vous tâcherez qu'ils soient considérés d'avance comme des sujets de l'Impératrice, bien entendu que Vous ne ferez aucune démarche officielle qu'en faveur de ceux des émigrés français qui pourront vous exhiber par écrit des attestats signés par le prince de Condé ou autres princes émigrés de la maison de Bourbon, par lesquels il Vous soit prouvé que ces individus sont du nombre de ceux qui se sont déterminés à passer en Russie.

J'ai l'honneur, etc.

C. J. d'Ostermann.

23.

Monsieur le comte Roumentzoff.

Vos deux lettres du 10/21 novembre, celles du 1/12 décembre et les dernières du 23/3 décembre me sont parvenues dans l'espace à peu près de ces derniers huit jours. J'y réponds par ce courrier qui va Vous porter mes lettres pour le margrave, le prince et la princesse Héréditaires de Bade par lesquelles je leur demande au nom du Grand Duc Alexandre leur agrément pour son mariage futur avec la princesse aînée (de celles qui se trouvent ici) de Bade. Au bout d'une connaissance à peu près de six semaines il paraît que tous les deux se sont pris d'une inclination réciproque. Quand ce courrier sera de retour, nous prendrons les mesures convenables pour la confession de foi de la princesse qui pourra à vue de pays avoir lieu après Pâques en suite de quoi se feront les fiançailles. Pour les noces, vu l'extrême jeunesse de tous les deux, je les remettrai, si je puis, encore pendant quelque temps, lequel, selon la tournure que prennent les choses, ne sera pas de fort longue durée. Le choix de monsieur Alexandre et son inclination ont l'approbation de tout le monde et j'ose espérer, avec l'aide de Dieu, qu'ils seront heureux ensemble.

Si la princesse Héréditaire insiste pour que je lui envoie la cadette de ses filles, je pense que celle-ci pourra s'en retourner au mois de mai prochain, lorsque les chemins seront bons et le temps serein. Elle est d'un tempérament délicat, mais qui se fortifiera. J'aurai soin de la

faire accompagner pendant un aussi long voyage qu'il est impossible qu'elle fasse seule avec sa bonne. Basta sur cette matière.

Il est assez singulier, sans doute, que lorsqu'il paraît que les Hauts Alliés n'ont en troupes rien de reste, c'est alors justement qu'il ont exigé le licenciement des troupes qu'avaient les princes français. Ou bien la mauvaise volonté était extrême contre eux, ou bien aussi ces troupes devaient être telles qu'on ne pouvait s'en servir, car, d'ailleurs, dans un moment de détresse reconnue comment ne pas les employer?

De loin on n'y comprend rien.

Le silence de la cour de Vienne est profond sur toutes choses; il peut être motivé par trop de choses pour pouvoir en porter un jugement tout à fait juste.

Quand Vous m'aurez envoyé les lettres des différents individus licenciés par les princes, je verrai ce que je pourrai faire pour eux.

Je ne réponds point aujourd'hui aux lettres des princes français, mes deux derniers courriers Vous ayant porté à peu près tout ce que j'avais à dire sur cette matière et rien n'ayant eu lieu de tout ce que je pensais être de mise par ce que les principes sont différents. J'ai fait rendre au comte d'Esterhazy l'incluse que j'ai trouvée pour lui dans les lettres que Vous m'avez adressées.

Le prince de Nassau m'a effectivement rendu un compte très-exact de la prise de Francfort. Il paraît que jusqu'au dernier moment le Duc de Bronswig n'a rien négligé pour faire échouer cette entreprise. Je pense que tous les endroits où les Français ont été et où ils ont voulu introduire leur démocratie, doivent en être peu engoués vu qu'il n'y a que les gueux qui peuvent non pas y trouver leur profit, mais gagner à l'égalité, car en France à la lettre tout le monde s'égalise par la misère. Au reste le peu de religion et de sentiment des Liégeois était connu depuis longtemps: les scélérats des pays d'alentour se retiraient toujours à Liège. On a beau retenir les postes, personne n'ignore que les Pays-Bas sont perdus, mais ce qui console en quelque façon, c'est que l'Angleterre va entrer en jeu. Il est très-sûr encore qu'on prend de tous côtés des mesures pour la campagne prochaine, mais en voyant tous ces grands armements le proverbe russe vient à la mémoire: „Не купи села, купи прикащика“.

Je suis fâchée de le dire, mais la chose est vraie, qu'il n'y a que Dumourier qui sache aller en avant et cela encore avec des troupes misérables. Il faut voir présentement ce qu'il fera lorsqu'il sera attaqué dans sa conduite et s'il aura assez de crédit et d'autorité chez les brigands qu'il mène pour entreprendre quelque chose contre les ennemis

du dehors ou ceux du dedans. Comme il a donné sa parole d'être le 15 janvier à la Haye, et que jusqu'ici il a tenu ce qu'il a avancé, je ne mets pas en doute qu'il n'attaque Maestricht. Je voudrais que l'Archiduchesse ne fût pas en fuite vers Münster, que son époux n'eût jamais commandé, et qu'à Vienne on fît moins de cire d'Espagne et qu'on ne perdît pas son temps à dorer des cabinets, car, en vérité, en voyant tout cela, on ne saurait prédire que des pauvretés. Si l'électeur de Bavière n'était pas neutre et qu'il n'eût pas la conduite qu'il a, qu'il se rangeât même du côté de l'Empereur, M-r de Clairfeldt ne pourrait faire aucun fond sur les troupes de ce prince, aussi longtemps qu'elles seraient commandées par Son Altesse Sérénissime le prince d'Isembourg, qui chez nous a été blessé au talon comme Achille. J'espère que Vous ne me laisserez pas ignorer ce qui se sera passé lors de Votre séjour auprès du Roi de Prusse, chez lequel Vous me dites que Vous méditez d'aller. Il me paraît que ce que Vous avez remis de ma part aux princes ne leur est pas venu mal à propos. Je voudrais que Vous puissiez m'avertir à temps du départ de Monsieur le comte d'Artois s'il persiste dans le dessein de venir ici. Par les lettres des princes il devient palpable que M-r de Calonne n'est plus auprès d'eux.

Qu'avez-Vous fait du baron de Breteuil? Il me paraît que la politique est un peu désorientée; son pendant d'oreille, M-r Simolin [1], est-il avec lui? Je n'en entends plus parler.

Adieu, portez-vous bien. Où est Grimm? Tant que Vous y êtes, Vous pourrez étudier à fond la Galerie de Dusseldorf pour faire passer Vos ennuis

Ce 20 décembre 1792.

Vous trouverez ci-joint les lettres du Grand Duc, de la Grande Duchesse et de la princesse que Vous ferez parvenir à leur adresse.

24.

St.-Pétersbourg, 13 avril 1793.

Monsieur le comte Roumiantzoff.

Ayant reçu l'expédition que Vous m'avez adressée par l'écuyer du comte d'Artois, je ne saurais Vous mieux faire connaître mes intentions

---

[1] Иванъ Матвѣевичъ, 1721 — 1797, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ.

sur les différents objets qu'elle renferme, qu'en Vous faisant passer ci-joint les copies de mes lettres à Monsieur et de celle que M. d'Artois lui écrit et qui, m'ayant été communiquée dans toute son étendue, a reçu pleinement mon approbation et mon aveu. Si, d'après, les avis réunis que présentent ces lettres ou d'après l'évènement important de la défection de Dumourier et de ses suites, Monsieur se détermine à quitter son séjour actuel et à se transporter soit en Espagne, soit en France, le parti que Vous avez à prendre est de retourner à Votre poste de Francfort et aux fonctions qui y sont attachées et d'y rester jusqu'aux nouveaux ordres que Vous recevrez de ma part et qui seront déterminés par un développement plus prononcé des circonstances. Sur ce, je prie Dieu, qu'il Vous ait, monsieur le comte Roumiantzoff, en sa sainte et digne garde.

„Catherine“.

25.

С.-Петербургъ, апрѣля 18-го. 1793.

Графъ Николай Петровичъ. Отъ находящагося въ Берлинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алопеуса имѣла я извѣстіе, что министерство тамошнее оказываетъ неудовольство противу посланника прусскаго графа Гольца [1]) при дворѣ Моемъ акредитованнаго. А какъ такое неудовольство весьма легко можетъ быть слѣдствіемъ происковъ маркиза Лукезини [2]), который графа Гольца ненавидитъ, и котораго къ Россіи недоброхотство всѣмъ извѣстно, напротиву того поведеніе графа Гольца было всегда скромное и пристойное, наипаче же въ то время когда Берлинскій кабинетъ по его тайнымъ и явнымъ поступкамъ былъ близокъ къ разрыву со

---

[1]) Graf Karl Alexander von der Goltz, 1747—1817, прусскій генералъ, посланникъ въ Петербургѣ съ 1789 г. по 1795 г. Крайне недовольная франко-прусскимъ договоромъ, заключеннымъ въ Баденѣ, въ 1795 г., Екатерина писала Гримму: J'aurais voulu qu'à la place du comte Goltz, mort à Bâle, on eût envoyé son frère, le comte Goltz vivant (Сборникъ, XXIII, 634).

[2]) Girolamo, marchese Lucchesini, 1752—1825, сопровождавшій прусскаго короля въ кампанію 1793 года; прусскій посланникъ въ Варшавѣ, 1788—1792.

Мною, да и самое настоящее сближеніе обоихъ дворовъ учинилося при его миссіи, то я поручаю вамъ при удобномъ случаѣ безъ всякой афектаціи въ разговорахъ вашихъ королю и приближеннымъ къ нему внушать по самой справедливости о похвальныхъ качествахъ помянутаго посланника и о стараніи имъ прилагаемомъ во всѣхъ дѣлахъ, которыя къ утвержденію дружбы и добраго согласія между взаимными вашими державами служить могутъ. Есть ли же увидите наклонность къ отзыву графа Гольца, то не оставите также внушить искреннымъ образомъ сколь не сходна въ нынѣшнемъ положеніи такая перемѣна, да и по истинѣ сказать Мнѣ весьма непріятно будетъ есть ли его замѣнятъ какимъ-либо иллюминатомъ или человѣкомъ безпокойнымъ, похожимъ на Лукезини, отъ котораго только родиться могутъ причины къ остудѣ. Я надѣюсь, что въ семъ дѣлѣ поступите со всею вѣжностію и осторожностію, отвращая малѣйшій поводъ къ подозрѣнію будто бы графъ Гольцъ здѣсь былъ подкупленъ, или къ другимъ для него предосудительнымъ заключеніямъ.

Пребываю вамъ доброжелательная

«Екатерина».

26.

Monsieur le comte de Roumiantzoff.

Je me réfère au contenu de la lettre ci-jointe que je Vous charge de remettre au Régent de France et dont je Vous envoie la copie [1]) pour Votre information, pour Vous mettre en état de lui expliquer de Votre côté, ainsi qu'au comte d'Artois, son frère, les raisons du silence que j'ai gardé envers eux. Je ne leur écris en effet que pour les tranquilliser sur les doutes qu'ils auraient pu concevoir sur la constance de mes dispositions à leur égard. Rassurez-les complètement sur ce sujet et dites-leur que je veille toujours à leurs intérêts et que je n'attends qu'une occasion favorable pour leur en donner les preuves les plus

[1]) Этой копіи въ бумагахъ государственнаго архива еще не найдено.

efficaces. J'ai reçu les différents rapports que Vous m'avez adressés inclusivement jusqu'à Votre dépêche du $\frac{\text{21 septembre}}{\text{5 octobre}}$ et je Vous sais gré de leur contenu. Sur ce, je prie Dieu qu'il Vous ait, monsieur le comte de Roumiantzoff, en sa sainte et digne garde.

„Catherine".

St.-Pétersbourg, ce 16 octobre 1793.

27.

Monsieur le conseiller privé comte de Roumiantzoff.

Mon ambassadeur à Vienne me mande que S. M. l'Empereur des Romains accompagné de l'Impératrice, son épouse, et de son ministre des affaires étrangères, allait se rendre vers la fin de ce mois dans ses Etats des Pays-Bas.

En scrutant les motifs de ce voyage, dont l'apparent qu'on a confié au comte de Razoumoffsky ne lui paraît pas le véritable, il arrête ses conjectures sur le dessein qu'il suppose à la cour de Vienne de vouloir, de concert avec celle de Londres, travailler de plus près à une paix ou à un accommodement quelconque avec les factieux de la France. Il fonde cette opinion principalement sur ce que le sieur Eden, ministre d'Angleterre à la cour Impériale de Vienne, a demandé et obtenu la permission d'être du voyage. Quoique la présence du comte de Mercy [1] sur les lieux de ces négociations, muni des pouvoirs les plus amples, honoré de la confiance la plus entière de son maître et capable de la justifier par sa longue expérience et ses talents connus, semble rendre superflu le renfort qu'on lui amènerait pour ses négociations dans la seule personne du sieur Thugut, chef actuel des affaires étrangères de la cour de Vienne, cependant l'objet est si important en lui même, que je ne saurais négliger d'y prêter la plus sérieuse attention et d'envoyer quelqu'un de mon côté pour suivre et observer la conduite et les démarches de la cour de Vienne pendant son séjour dans les Pays-Bas et m'en rendre un compte exacte et fidèle. C'est sur Vous que j'ai jeté les yeux pour remplir cette commission délicate, espérant que Vous saurez Vous en acquitter avec ce zèle et cette intelligence que Vous avez montrés en tant d'autres occasions. Vous Vous rendrez donc à Bruxelles aussitôt que Vous apprendrez que l'Empereur y est arrivé.

---

[1]) Comte Mercy d'Argenteau, бывшій императорскій посолъ въ Петербургѣ, съ 1789 г. представитель императора въ Брюсселѣ.

Vous Vous ferez présenter à ce monarque comme mon ministre accrédité dans le voisinage de son séjour actuel et qui en a voulu profiter pour lui faire sa cour et s'en faire connaître. A son ministre Vous direz qu'outre ce motif je Vous ai distiné en l'absence de mon ambassadeur ordinaire à servir d'intermédiaire aux communications que les circonstances actuelles pourraient amener entre les deux cours—communications, qui, à cause de ces mêmes circonstances, pourraient n'admettre aucun délai. Cette ouverture autorisera Votre présence à Bruxelles aussi longtemps que celle de l'Empereur y durera. Vous trouverez le sieur Simolin, qui y est établi depuis longtemps, et Vous Vous aiderez de lui pour acquérir des notions relatives à Votre mission, pour les vérifier, les approfondir et me les transmettre dans cet état. Je n'ai, au surplus, rien à Vous commander que d'avoir bien présent à Votre esprit, que Vous allez Vous employer auprès d'une cour, avec laquelle j'ai désir et intérêt d'entretenir et de cultiver l'amitié la plus parfaite et les liaisons les plus intimes. Cela ne doit, cependant, pas Vous empêcher de lui représenter fortement et énergiquement, si Elle y fournit matière par quelque démonstration, que si Elle se prête à une paix quelconque, avant qu'un gouvernement régulier et légitime, et nommement un gouvernement monarchique soit rétabli en France, cette paix ne sera guère qu'une courte trève qui entraînera pour toutes les puissances coalisées les conséquences les plus funestes.

Sur ce, je prie Dieu qu'il Vous ait, monsieur le conseiller privé comte de Roumiantzoff, en sa sainte et digne garde.

„Catherine".

St.-Pétersbourg, le 25 novembre 1793.

28.

Monsieur le comte de Roumanzoff.

Le comte d'Artois Vous aura sans doute confié qu'il me demande de nouveaux secours d'argent. Il m'en coûte assurément de lui en accorder en ce moment où j'ai besoin de toutes mes ressources, étant obligée de m'occuper de préparatifs très-dispendieux pour faire face à tout évènement, malheureusement trop probable dans cet état de crise où se trouve l'Europe. Cependant, si le voyage de ce prince doit effectivement avoir lieu, je ne laisserai pas mon ouvrage imparfait et je l'assisterai encore autant que mes moyens me le permettent. Dans cette intention je Vous fais remettre ci-joint en lettres de change la

somme de 200 mille florins de Hollande, que Vous ne délivrerez à ce prince, qu'à la veille de son départ. Mais si ce plan de voyage est tout à fait rompu ou qu'il soit remis à un temps plus éloigné ou tout à fait incertain, Vous me renverrez les lettres de change, sans en avoir fait aucun usage et sans en parler même au comte d'Artois. Sur ce, je prie Dieu qu'il Vous ait, monsieur le comte de Roumanzoff, en sa sainte et digne garde.

„Catherine“.

St.-Pétersbourg, le 16 janvier 1794.

Графъ Румянцовъ—императрицѣ Екатеринѣ.

29.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку сержантъ Шуленовъ прибылъ сюда и вручилъ мнѣ Вашего Императорскаго Величества указъ отъ 3-го января.

Позвольте мнѣ, Всемилостивая Монархиня, здѣсь у подножія престола Вашего, принести жертву благодаренія, за грамоту, за деревни, за домъ и монументъ [1]), каковымъ наградить соизволили родителя моего.

Есмь со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Величества всенижайшій и всеподданнѣйшій

Николай графъ Румянцовъ.

Франкфуртъ.
30-го января / 10-го февраля 1795 г.

Императрица Екатерина—графу Румянцову.

30.

Monsieur le comte Roumenzof.

A la lettre que Vous m'avez écrite en mains propres le $^{4}/_{15}$ d'août, j'ai à Vous répondre que je me souviens très-bien des articles que

---

[1]) Домъ «съ приличнымъ убранствомъ и передъ онымъ памятникъ съ надписью: *Побѣдамъ графа Румянцова-Задунайскаго*» находились на Царицыномъ лугу; памятникъ перенесенъ позже на Васильевскій островъ, по набережной Невы, между Академіею Художествъ и кадетскимъ корпусомъ.

Vous y récapitulez. La noblesse des sentiments de la maison de Bade m'est trop connue pour lui supposer des désirs contraires à y ceux et ma façon d'agir envers elle a été telle que je n'ai point à m'attendre à des reproches. J'avoue que j'ignore qui sont les artificieux qui nuisent à Votre prospérité, et j'ai cru que le cordon de St.-Alexandre [1] que je Vous ai envoyé Vous avait prouvé dans son temps la satisfaction que j'avais de ce que Vous ne Vous étiez point écarté des ordres que Vous aviez reçus de ma part. Je ne connais point les adversités dans lesquelles Vous Vous dites plongé et la douleur extrême qui pour durer plus longtemps ne s'est point affaiblie. J'ai cru que Vous alliez Votre chemin dans la carrière dans laquelle Vous êtes, que Vous la remplissiez avec zèle et intelligence et que Vous étiez d'un bon esprit fort éloigné de toute prétention et très persuadé que les services réels ne laissent pas d'être récompensés dans votre patrie sans qu'on ait besoin de les solliciter. Témoin monsieur votre père qui ne sollicita jamais, mais qui m'a mis dans le cas d'inventer des récompenses et auquel il me semblait que je ne donnais point assez pour les services qu'il rendait à l'État.

---

[1]) Этотъ орденъ пожалованъ гр. Н. П. Румянцову въ 1792 году, вмѣстѣ съ производствомъ въ тайные совѣтники, за пребываніе въ Кобленцѣ при братьяхъ Людовика XVI. Румянцову было тогда 38 лѣтъ.



ШВЕДСКАЯ ВОЙНА.

1788—1789.

Русская Старина, 1887.

Екатерина II во время войны съ Швеціею.

Скоро исполнится столѣтіе, какъ Екатерина II воевала въ Финляндіи и въ Ботническомъ заливѣ съ шведскимъ королемъ Густавомъ III. Война длилась болѣе двухъ лѣтъ — съ весны 1788 года по осень 1790 года — и во все это время императрица принимала въ ней самое живое, можно даже сказать, непосредственное участіе. «Pétersbourg a l'air dans ce moment d'une place d'armes—писала она 19-го іюля 1788 г.— et moi même je suis comme au quartier général: въ день баталіи морской, 6-го іюля, духъ пороха здѣсь въ городѣ слышенъ былъ; ainsi, mon ami, j'ai aussi senti la poudre».

Екатерина не преувеличивала. Несмотря на лѣтнее время, она переѣхала въ городъ, «чтобъ людей ободрить»; въ Петербургъ отовсюду стекались нестройныя толпы новобранцевъ и здѣсь, на площадяхъ, наскоро обучались военному дѣлу; Кронштадтъ спѣшно укрѣплялся французскими инженерами: у Красной горки былъ выставленъ лагеремъ гвардейскій отрядъ подъ командою генералъ-маіора Н. А. Татищева; «при надобности», сама императрица предполагала идти «съ гвардіею въ лагерь при Осиновой рощѣ», и теперь, впервые, Екатерина II готова была признать за ошибку величайшее изъ твореній своего великаго предшественника, съ грустью заявляя: «Правду сказать, Петръ I близко сдѣлалъ столицу».

Всѣ эти мѣры были вовсе не напрасны. Густавъ III открыто заявлялъ, что «намѣренъ взять Финляндію, Эстляндію, Лифляндію и Курляндію, идучи прямо на Петербургъ».

При отъѣздѣ на войну, король говорилъ провожавшимъ его стокгольскиммъ «дамамъ, что онъ надѣется дать имъ завтракъ въ Петергофѣ»: офиціально было дано знать русскому главнокомандующему, что шведскій король предполагалъ «сдѣлать десантъ на Красной горкѣ, выжечь Кронштадтъ, идти въ Петербургъ и опрокинуть статую Петра I-го».

Шведская война 1788—1790 годовъ имѣетъ для насъ большое значеніе. Ни Екатерина II, ни Густавъ III не предполагали, конечно, что этой войной совершался одинъ изъ моментовъ историческаго пути, указаннаго Петромъ В.—расширеніе государственныхъ предѣловъ на юго и сѣверо-западъ отъ «окна въ Европу» для пріобщенія русскаго народа западно-европейской цивилизаціи. Густавъ III, долго и много готовившійся къ вторженію въ Россію, видѣлъ въ этой войнѣ удобный случай сломить оппозицію государственныхъ чиновъ и народа для установленія самодержавія въ Швеціи; Екатерина II, застигнутая врасплохъ настолько, что полкамъ, отправлявшимся въ Финляндію, на театръ войны, «велѣно ѣхать на почтовыхъ» — только вопросъ чести и потому она, «буде бы нужда потребовала, то въ послѣднемъ баталіонъ-каре сама бы голову положила». Война, казалось, кончилась ни чѣмъ: по статьѣ 2-й мирнаго договора, заключеннаго въ Верельской долинѣ, «рубежи и границы съ обѣихъ сторонъ останутся на томъ основаніи, какъ были они до разрыва, или до начатія нынѣшней войны»; между тѣмъ, результаты ея сказались позднѣе и полны высокаго значенія. Этой войной раскрылись вполнѣ: для шведовъ — автократическое стремленіе ихъ государя, и уже 5-го марта 1792 года Густавъ III былъ пристрѣленъ въ Стокгольмѣ, въ маскарадѣ; для русскихъ — желаніе финновъ сохранить свои права отъ посягательствъ шведскаго самодержавія, и Финляндія вскорѣ была присоединена къ Россіи.

Эта война полна драматическаго интереса, не лишеннаго притомъ и комическаго элемента. Она открылась почти невѣ-

роятною буффонадой — переодѣваніемъ чухонскихъ крестьянъ въ русскихъ солдатъ, и окончилась довольно водевильнымъ кормленіемъ шведскаго короля, запертаго въ выборгской бухтѣ; рядомъ съ невозможною просьбою къ врагу отступить, при обѣщаніи не преслѣдовать его, мы встрѣчаемся съ депутаціею отъ враждебнаго лагеря, измѣняющею своему королю; предъ нами проходятъ, какъ въ калейдоскопѣ, избалованные гвардейцы и дикіе башкиры, не видавшіе моря матросы и боящіеся пушекъ артиллеристы, придворный «петиметръ» Мусинъ-Пушкинъ и величавая фигура адмирала Чичагова съ его знаменитымъ «Богъ милостивъ, не проглотятъ», «негодяй» Роберти, сдавшій Балтійскій портъ, и нишлотскій комендантъ однорукій Кузьминъ, отвѣчавшій на требованіе отворить ворота: «радъ бы отворить, но у меня одна только рука, да и въ той шпага»; тутъ предпріимчивый Грейгъ и отважный Нассау-Зигенъ, храбрый Михельсонъ и трусъ Левашевъ, патріотъ Спренгпортенъ и измѣнникъ Гастферъ, тутъ, наконецъ, и великій князь Павелъ Петровичъ, охраняемый Б. Ѳ. Кноррингомъ отъ малѣйшаго пониманія, что вокругъ его происходитъ...

Этотъ интересный эпизодъ шведско-русскаго столкновенія ожидаетъ еще своего историка; исторія войны 1788—1790 годовъ еще не написана. Менѣе всего это можетъ быть приписано недостатку матеріаловъ. Со времени объявленія войны, Екатерина II запретила говорить «на биржѣ, въ клубахъ и трактирахъ» [1]) о военныхъ распоряженіяхъ, но не писать. Реляціи, получавшіяся съ театра войны, своевременно помѣщались въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» и, вслѣдъ за верельскимъ миромъ, были изданы особою книгою [2]); въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, въ іюлѣ 1788 г., извѣст-

---

[1]) П. С. З., № 16663.

[2]) Собраніе всѣхъ, помѣщенныхъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ, съ 1788 по 1790 годъ включительно, реляцій о военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятелей Россійской имперіи. Часть II, содержащая въ себѣ реляціи о

ный историческій писатель кн. М. М. Щербатовъ написалъ свое мнѣніе о ней [1]); въ самый разгаръ войны было издано «Письмо его королевско-шведскому величеству» принца Нассау-Зигенъ [2]). Въ настоящее время издано много писемъ Екатерины II къ князю Потемкину, принцу Нассау-Зигенъ и др. лицамъ [3]); письма эти писаны подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ «шведскаго конфликта» и хранятъ на себѣ живые слѣды не только заботъ и тревогъ, даже думъ и мечтаній императрицы; изданъ журналъ адмирала Грейга о дѣйствіяхъ флота въ 1788 году [4]) и записки адмирала Чичагова о 1789 и 1790 годахъ [5]), донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ на сушѣ въ 1789 году [6]) и различныя бумаги гр. Мусина-Пушкина, гр. Чернышева, генерала Тучкова и др. [7]). Когда уже миръ былъ заключенъ и императрица, съ улыбкою, выслушивала льстивыя рѣчи сената, тотъ же правдивый князь М. М. Щербатовъ составилъ «Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную ея императорскому величеству оберъ-прокуроромъ сената Неклюдовымъ по причинѣ торжества шведскаго мира, 1790 г., сентября 5-го числа» [8]). Эти русскіе матеріалы могутъ быть дополнены и провѣрены матеріалами иностранными, въ кото-

---

дѣйствіяхъ противъ шведовъ, съ самаго начала войны по заключеніе мира въ 1790 г., и ратификацію мирнаго договора. Москва, 1791.

[1]) «Отвѣтъ на вопросъ, что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора въ разсужденіи нынѣшней турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію швецкія войны и прочемъ, тому подобномъ?» *Чтенія* общества исторіи и древностей росс., 1860, I. стр. 73—80.

[2]) Lettre à S. M. le roi de Suède et réfutation de la relation qui lui est attribuée, de la bataille navale entre la flotte suédoise et russe. St.-Pétersbourg, 1789.

[3]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, I, 207—214; XXVII, 481—537; XLII, 6—110.

[4]) Сѣверный Архивъ, 1823, VIII.

[5]) Дѣйствія россійскаго корабельнаго флота, изъ записокъ адм. Чичагова, «Отечеств. Записки», 1825.

[6]) Сѣверный Архивъ, 1823, VIII.

[7]) *Соколовъ*, Дѣйствія русскаго флота противъ шведовъ, Морской Сборн.

[8]) *Чтенія* общества исторіи и древностей росс., 1860, III, 41—49.

рыхъ также нѣтъ недостатка — мемуарами графа Стединга и запискамп принца Карла гессенскаго [1]) прежде всего; труды же Горста и Поссельта, панегиристовъ Густава III, и Исторія Аквилы [2]), ненавистника Екатерины II и Россіи, могутъ предостеречь отъ увлеченій и ошибокъ. Мелкихъ статей и монографій, касающихся шведско-русской войны, также не мало.

Несмотря на такое обиліе изданныхъ уже матеріаловъ, историческая литература ни въ Швеціи, ни въ Россіи [3]) не представила еще полной картины шведско-русской войны 1788—1790 годовъ [4]). Мы были бы очень счастливы, еслибъ помѣщаемые ниже указы, рескрипты, письма и записки императрицы Екатерины II главнокомандовавшему финляндскою

---

[1]) Mémoires posthumes du feldmaréchal comte de Stedingk, rédigés sur des lettres, dépêches et autres pièces authentiques par le général comte de Bjornsterna. Paris, 1844. — Denkwürdigkeiten des Feldzugs gegen Schweden im Jahre 1788 von dem Prinzen Carl von Hessen. Leipzig, 1789. Труды Бракеля, Ларсона, Горда, Германсона и др. важны, какъ свидѣтельства очевидцевъ или дѣйствующихъ лицъ.

[2]) *Horst*, Geschichte des letzten schwedisch russischen Krieges. Frankfurt, 1792. — *Posselt*, Geschichte Gustavs III, Karlsruhe, 1792. — *D'Aquila*, Histoire des événements mémorables du règne de Gustave III, Paris, 1807.

[3]) «Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 годахъ», проф. *Брикнера* — трудъ весьма почтенный и, какъ все, выходящее изъ-подъ пера его автора, тщательно составленный. Къ сожалѣнію, на его трудѣ отразилось слишкомъ большое вліяніе иностранныхъ сочиненій объ этой войнѣ. Приводимъ, только для примѣра, разсужденіе его о результатѣ боя 19-го апрѣля 1790 года: «Въ русскомъ донесеніи говорится, что убито 6 офицеровъ и 194 солдата, а ранено 16 офицеровъ и 285 солдатъ. *Однако, мы имѣемъ основаніе думать*, что потеря русскихъ была нѣсколько значительнѣе, чѣмъ показано въ офиціальномъ донесеніи Салтыкова. Храповицкій замѣчаетъ 25-го апрѣля: по извѣстію обстоятельному, въ дѣлѣ принца Ангальта убитыхъ и раненыхъ 503». Сочтемъ же цифры: 6+194+16+285=501, т.-е. громкое «мы имѣемъ основаніе думать» основывается на разницѣ въ двухъ единицахъ, изъ которыхъ одна должна быть отнесена на счетъ г. Брикнера: въ донесеніи гр. И. П. Салтыкова раненыхъ офицеровъ показано 17, а не 16. Можно ли, вслѣдствіе разницы въ одну единицу, «имѣть основаніе думать», что русскія донесенія не вѣрны? Можно ли донесенія Салтыкова провѣрять дневникомъ Храповицкаго, который основывался на донесеніи же Салтыкова?

[4]) Прекрасныя лекціи *В. Головачева* — «Дѣйствія русскаго флота въ войну со шведами», С.-Петербургъ, 1871 — не касаются дѣйствій сухопутныхъ силъ.

арміею противъ шведовъ, графу В. П. Мусину-Пушкину (1735—1804), послужили предлогомъ для восполненія такого недостатка.

Графу Валентину Платоновичу было четыре года, когда его отецъ, графъ Платонъ Ивановичъ, дипломатическія способности котораго умѣлъ цѣнить Петръ В., былъ сосланъ герцогомъ Бирономъ, въ 1739 году, въ Соловецкій монастырь, въ заточеніе. По роду, богатству и связямъ, юный графъ, сирота при живомъ отцѣ, былъ записанъ въ гвардію и первое крещеніе огнемъ и мечомъ получилъ за предѣлами Россіи, въ Семилѣтнюю войну. Въ чинѣ секундъ-ротмистра конной гвардіи онъ принималъ участіе въ переворотѣ 1762 г., за что и былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ и шестью стами душъ въ Муромскомъ уѣздѣ. Въ первую турецкую войну онъ находился въ Крыму, въ арміи кн. В. М. Долгорукова, и въ 1771 году получилъ «за отличную храбрость» ордена св. Анны и св. Георгія 3-й степени. Гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ былъ уже генералъ-маіоромъ, когда вспыхнулъ пугачевскій бунтъ, и онъ, по требованію воронежскаго губернатора, явился изъ Крыма съ отрядомъ въ 20 эскадроновъ карабинеровъ, гусаровъ и драгунъ, который вскорѣ былъ раздѣленъ на мелкія части, получившія различное назначеніе, причемъ самъ графъ Мусинъ-Пушкинъ принималъ довольно незначительное участіе въ защитѣ Воронежской губерніи отъ нестройныхъ полчищъ Пугачева. Въ 1775 г., въ день празднованія мира съ Турціею, гр. Мусинъ-Пушкинъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ чинѣ генералъ-поручика онъ состоялъ главнокомандующимъ дивизіею, расположенною въ Бѣлоруссіи, гдѣ, равнымъ образомъ, не проявилъ никакихъ военныхъ способностей. Въ 1783 г. онъ былъ назначенъ состоять при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, на мѣсто Н. И. Салтыкова; «il m'a paru fort content de tout cela», говоритъ императрица. Надо полагать, что и великій князь остался этимъ «весьма доволенъ». 4-го января 1788 года, составляя свое духовное завѣщаніе,

Павелъ Петровичъ назначилъ гр. Мусину-Пушкину андреевскую кованую серебряную звѣзду, которую «всегда носилъ». Въ это время гр. Мусинъ-Пушкинъ былъ уже генералъ-аншефомъ и, по отъѣздѣ кн. Потемкина изъ Петербурга, назначенъ вице-президентомъ военной коллегіи. 1786 годъ ознаменовался для гр. В. П. Мусина-Пушкина двумя обстоятельствами: онъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и былъ сопричисленъ къ разряду «сущихъ болвановъ». Вотъ какъ сама императрица писала объ этомъ князю Потемкину.

„Репнинъ сюда пріѣхалъ и сталъ хуже старой бабы, вздумалъ въ Егорьевской думѣ заражать сумнѣніемъ первый корпусъ арміи, гвардіи которой я полковникъ, а онъ дуракъ за честь почитать долженъ, что подполковникъ. Почитать ли тотъ корпусъ и инженерной за военный, съ тѣмъ пришелъ словесно мнѣ доложить. Je l'ai rembouré comme vous pouvez croire (я ему намылила голову, какъ вы можете представить); но какъ я думала, что ушамъ своимъ едва могу ли вѣрить и не ослышалась ли я, то требовала, чтобъ о томъ подалъ записку, и онъ оную подалъ. Что же мудренѣе всего, что въ той же думѣ сидѣли вице-президентъ военной коллегіи и три маіора гвардіи, *аки сущіе болваны*, и не единой вопреки не растворилъ уста, то-то люди: ниже муху съ носу не сгонятъ. J'ai été fâchée comme un démon de cette absurdité (я, какъ чортъ, была раздосадована этою нелѣпостью); тотъ коститъ, а они нюхаютъ“.

И этого-то «сущаго болвана» избрала Екатерина II главнокомандующимъ финляндскою арміею противъ шведовъ. Выборъ этотъ былъ сдѣланъ не безъ колебаній, и не въ защиту, конечно, но въ объясненіе его можно лишь сказать, что выбирать было не изъ кого: всѣ боевые генералы — гр. Румянцовъ-Задунайскій, князь Долгоруковъ-Крымскій, Суворовъ, кн. Репнинъ—были на югѣ, въ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ. Изъ остававшихся дѣйствительно трудно было выбрать: графъ Я. А. Брюсъ — «не имѣетъ головы» и «какъ дураку, который неудачу имѣлъ, гдѣ былъ, ввѣрить такую важную часть»; графъ Ѳ. Е. Ангальтъ — «вздумалъ дурачиться» и «мы почти въ ссорѣ»; графъ И. П. Салтыковъ— «глупъ и упрямъ»; Н. И. Салтыковъ — нуженъ «сидѣть въ

военной коллегіи до возвращенія президента или вице-президента». Даже въ генералъ-маіорахъ чувствовался недостатокъ и приходилось звать изъ Москвы «отставныхъ или неслужащихъ». Тѣмъ не менѣе должно признать, что выборъ графа В. П. Мусина-Пушкина въ главнокомандующіе былъ во всѣхъ отношеніяхъ неудаченъ. Екатерина II скоро убѣдилась въ этомъ. Уже въ сентябрѣ 1788 г. онъ оказался «вялъ и непредпріимчивъ»; годъ спустя — «онъ каналья, pardonnez le terme». Вотъ рядъ отзывовъ императрицы о гр. Мусинѣ-Пушкинѣ, высказанныхъ во время шведской войны:

6 сентября 1788 г. „Изъ Гекфорса и Кюменеграда шведы вышли, но по сейчасъ Пушкина ничѣмъ принудить не можно было воспользоваться симъ случаемъ, чтобъ нанести шведамъ наивящій вредъ. Сей мѣшокъ нерѣшимой мнѣ весьма надоѣлъ, и воистинну онъ командовать не умѣетъ“.

17 сентября 1789 г. „Графомъ В. Платоновичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ я весьма недовольна по причинѣ нерѣшительности его и слабости; онъ никакимъ авантажемъ не умѣетъ воспользоваться, en un mot c'est une bête; между генералами его завелись кабалы такія, по слабости его, кои общему дѣлу вредны; однимъ словомъ, ему и всему его генералитету смѣна неминуемо предлежитъ“.

22 сентября 1789 г. „Я ничѣмъ не могу жаловаться, окромя глупымъ, унылымъ и слабымъ поведеніемъ графа Пушкина и его интригантнаго генералитета, который перетасовать надобно, а ему, Пушкину, впредь не командовать, понеже не умѣетъ“.

4 октября 1789 г. „Пушкину остаться никакъ не можно, его напаче гвардія бранитъ; я чаю также и казаки“.

19 октября 1789 г. „Здѣсь прекрайняя нужда въ Финляндской арміи въ генералѣ, понеже Пушкинъ, бывъ въ двухъ кампаніяхъ, оказáлъ свое несмысліе; на него даже гвардія и прочія всѣ войска за недѣйствіе ропщутъ, генераловъ же онъ не умѣетъ содержать въ субординаціи... Отъ Пушкина ничего добиться не можно и уже способы не остались, ибо моихъ ордеровъ не слушался, сколько ни было писано, а къ крайности приступить также не хочется, понеже я ему персонально обязана“.

15 ноября 1789 г. „Въ Финляндіи начальника перемѣнить крайне нужно: ни въ чемъ на теперешняго положиться нельзя; въ Нейшлотъ я сама принуждена была послать соль отсюда, ибо люди безъ

соли въ крѣпости; я велѣла мяса дать людямъ, а онъ мясо оставилъ въ Выборгѣ, гдѣ мясо сгнило безъ пользы; ни на что не рѣшится; однимъ словомъ, не способенъ къ предводительству".

Оказавшійся «неспособнымъ къ предводительству» гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ былъ отозванъ изъ Финляндіи и на его мѣсто назначенъ гр. И. П. Салтыковъ, который еще такъ недавно признавался «глупымъ и упрямымъ». Екатерина II никогда не обижала лицъ, которымъ была «персонально обязана»; не былъ обиженъ и гр. Мусинъ-Пушкинъ: за кампанію 1788 г. онъ получилъ орденъ св. Владиміра 1-й степени, за кампанію 1789 г.—золотую шпагу и алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго.

Помѣщаемые ниже документы, адресованные гр. В. П. Мусину-Пушкину, распадаются на три далеко неравныя части и касаются трехъ различныхъ обстоятельствъ: четыре—поѣздки великаго князя Павла Петровича въ армію, шестьдесятъ четыре—шведской войны, пять—войны турецкой.

Рескриптомъ отъ 21-го декабря 1787 г. императрица увѣдомляетъ гр. Мусина-Пушкина, что она дозволила великому князю Павлу Петровичу отправиться «въ армію», и приказываетъ сдѣлать необходимыя по поводу этой поѣздки распоряженія. Къ рескрипту приложены копіи съ трехъ указовъ, въ которыхъ говорится о предстоящей поѣздкѣ Павла Петровича «въ армію».

Въ какую же «армію»?

Вопросъ этотъ предстояло рѣшить прежде всѣхъ почтенному издателю «Русской Старины» М. И. Семевскому. Двадцать лѣтъ назадъ, печатая чрезвычайно интересные «Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка» [1], г. Семевскій высказалъ мысль, что «вопросъ о дозволеніи Павлу Петровичу отправиться на театръ военныхъ дѣйствій былъ рѣшенъ Екатериной, по крайней мѣрѣ, за полгода до объявленія самой войны Швеціи» (стр. 299). Основаніемъ для такого рѣшенія

[1]) «Вѣстн. Европы», 1867, I, 293—330.

вопроса послужили какъ «завѣщательныя письма» великаго князя Павла Петровича, которыя писаны имъ 4-го января 1788 г. и изъ которыхъ одно начинается словами: «отъѣзжая въ *походъ*», такъ и еще болѣе слѣдующая замѣтка вице-канцлера кн. А. Б. Куракина: «копія съ завѣщаній покойнаго государя императора Павла, имъ сдѣланныхъ, отъѣзжая въ походъ *противъ шведовъ* въ 1788 году, и мною въ его собственной шкатулкѣ при порученномъ мнѣ разборѣ бумагъ его, послѣ его кончины, найденныхъ, въ мартѣ 1801 года».

Въ настоящее время, благодаря изданію Русскимъ Историческимъ Обществомъ подлинныхъ писемъ Екатерины II, не подлежитъ сомнѣнію, что память измѣнила кн. Куракину, что вполнѣ объясняется временемъ составленія замѣтки [1]): Павелъ Петровичъ, дѣйствительно, участвовалъ въ походѣ противъ шведовъ 1788 г., но лишь съ 1-го іюля, а въ первыхъ числахъ января 1788 года, точнѣе — 4-го января, когда составлялись «завѣщанія», Павелъ Петровичъ предполагалъ отправиться въ походъ противъ турокъ, а не шведовъ. По этому поводу обнародована въ настоящее время цѣлая переписка, рельефно рисующая отношеніе кн. Потемкина къ великому князю Павлу Петровичу и вполнѣ подтверждающая какъ донесеніе секретаря саксонскаго посольства Гельбига, отъ 3-го февраля 1788 года, такъ и отзывъ нѣмецкаго историка Германа [2]).

«По изданіи манифеста о объявленіи войны—пишетъ Екатерина кн. Потемкину отъ 24-го сентября 1787 г.—великій князь и великая княгиня писали ко мнѣ, просясь: онъ въ армію волонтеромъ по примѣру 1783 г., а она, чтобъ съ нимъ ѣхать; я имъ отвѣтствовала отклонительно: къ ней, ссылаясь на письмо къ нему, а къ нему, описывая затруднительное и оборонительное настоящее состояніе поздней осенью и заботы, въ коихъ оба фельдмаршала находятся и коихъ умножаютъ

[1]) *Sybel*, Historische Zeitschrift, III, 1860, стр. 149, 162, 164.
[2]) *Hermann*, Geschichte des russischen Staates, VI, 193, 524, 525; VII, 652.

еще болѣзни и дороговизна и неурожаи въ пропитаніи, хваля, впрочемъ, его намѣреніе. На сіе письмо я получила еще письмо отъ него съ вторительною просьбою, на которое я отвѣчала, что превосходныя причины, описанныя въ первомъ моемъ письмѣ, принуждаютъ меня ему отсовѣтовать нынѣшній годъ отъѣздъ волонтеромъ въ армію. Послѣ сего письма оба были весьма довольны остаться, разславляя только, что ѣхать хотѣли».

Вѣроятно, не очень «весьма довольны», такъ какъ уже въ письмѣ отъ 11-го января 1788 года Екатерина II была вынуждена писать кн. Потемкину: «Великій князь сбирается теперь ѣхать въ армію, а какъ надежда есть, что она беременна, то авось либо сіе его остановитъ, только завѣрно ничего еще сказать нельзя. Adieu, mon ami, voilà un embarras de plus pour vous que je serais enchantée de vous épargner» (прощай, мой другъ; вотъ еще лишнія вамъ хлопоты, избавить васъ отъ которыхъ я была бы очень рада).

Очевидно, Павелъ Петровичъ настоятельно просилъ и Екатерина II не имѣла серьезныхъ основаній отказать ему въ разрѣшеніи «ѣхать въ армію», если сама же возлагала всю надежду только на интересное положеніе великой княгини. Какъ бы желая успокоить кн. Потемкина, она пишетъ ему отъ 20-го января 1788 г.: «Вел. княгиня брюхата и въ маѣ родитъ, и онъ до ея родинъ не поѣдетъ уже». Когда же великая княгиня Марія Ѳеодоровна разрѣшилась отъ бремени великой княжной Екатериной Павловной, императрица пишетъ, отъ 27-го мая 1788 года: «Великій князь сбирается къ вамъ въ армію, на что я согласилась, и думаетъ отселѣ выѣхать двадцатаго іюня, то есть послѣ шести недѣль черезъ день, буде шведскія дѣла его не задержатъ, буде же полоумный король шведской начнетъ войну съ нами, то великій князь останется здѣсь».

Такимъ образомъ, не только въ началѣ января, когда не было еще и рѣчи о «походѣ противъ шведовъ», но даже въ

концѣ мая великій князь собирался «къ вамъ, въ армію» противъ турокъ. Не желая огорчать кн. Потемкина, Екатерина только 27-го мая извѣщаетъ его, что «согласилась на поѣздку Павла Петровича въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Когда же она согласилась на это? Помѣщаемые ниже документы отвѣчаютъ на это довольно точно: 21-го декабря 1787 года.

Изъ 64-хъ документовъ, относящихся къ шведской войнѣ, 12 касаются флота, 46—арміи, 6—того и другого. Всѣ они заключаютъ въ себѣ чисто военныя, нерѣдко довольно мелочныя распоряженія, свидѣтельствующія о томъ участіи, какое принимала Екатерина II въ ходѣ военныхъ дѣйствій; многіе изъ нихъ служатъ чрезвычайно интересною иллюстраціею реляцій, получавшихся съ театра войны, и лишь нѣкоторые касаются политическаго положенія современныхъ дѣлъ, но со стороны наиболѣе важной — измѣны шведовъ и интригъ финновъ и мѣръ, принятыхъ по этому поводу императрицею.

Всѣ эти документы помѣчены числомъ, мѣсяцемъ, годомъ, за исключеніемъ четырехъ, время составленія которыхъ опредѣлено нами на основаніи слѣдующихъ соображеній:

№ 9-й — объ осадѣ Фридрихсгама. Въ ночь съ 11-го на 12-е іюля 1788 года, шведы стрѣляли по крѣпости, причемъ въ городъ «попало нѣсколько ядеръ 18-ти и 24-хъ фунтовыхъ». Донося объ этомъ, генералъ-поручикъ Левашевъ спрашивалъ: «не оставить ли Фридрихсгамъ по причинѣ множества деревяннаго строенія, которое непріятель бомбардированіемъ зажечь можетъ?» Отвѣтъ императрицы составленъ категорически, въ пяти пунктахъ, причемъ, недовольная Левашевымъ, высказываетъ свою «тайную мысль, что Гинцель въ Фридрихсгамѣ былъ бы полезнѣе Левашева». Когда же этотъ отвѣтъ писанъ? Подъ 15-мъ іюля 1788 г, въ «Дневникѣ» Храповицкаго, послѣ упоминанія о замѣнѣ Левашева Гинцелемъ, записано: «Въ сіе же время писано графу Валентину Платоновичу, что сколько теперь извѣстно, то король не имѣлъ па-

мѣренія брать Фридрихсгамъ, но хотѣлъ сдѣлать десантъ на Красной горкѣ, выжечь Кронштадтъ, идти въ Петербургъ и опрокинуть статую Петра I-го». Если это не передача Храповицкимъ только что прочитаннаго имъ письма, то вѣрная запись словъ императрицы, которая, какъ извѣстно, любила повторять, въ своихъ письмахъ и разговорахъ, всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, разъ составленные ею взгляды.

№ 18-й—скрытное пребываніе Густава III въ Финляндіи и движеніе на Гегфорсъ. Послѣ бомбардировки Фридрихсгама, 23-го іюля 1788 года, шведскій король, вслѣдствіе отказа офицеровъ повиноваться его власти и враждебнаго настроенія финновъ, поспѣшно снялъ осаду крѣпости, посадилъ десантныя войска на суда и отступилъ къ Гегфорсу, послѣ чего отправился, какъ теперь несомнѣнно извѣстно, чрезъ Ловизу и Свеаборгъ, въ Стокгольмъ. Въ русскомъ лагерѣ знали о поспѣшномъ уходѣ шведовъ, но недоумѣвали первое время какъ о причинахъ такого быстраго измѣненія операціоннаго плана шведовъ, такъ и о мѣстопребываніи короля Густава III. Екатерина II высказываетъ по этому поводу свои соображенія. Она, конечно, довольна уходомъ шведскаго войска и хлопочетъ теперь о полномъ очищеніи русской Финляндіи отъ шведовъ, въ рукахъ которыхъ оставались еще Кюменьгородъ и, что главное, Гегфорсъ. Несмотря на позднее время года, она увѣдомляетъ, что гребная флотилія вскорѣ отправится для «подкрѣпленія предпріятія» на Гегфорсъ. По содержанію, письмо писано несомнѣнно въ августѣ 1788 г., но когда именно? Въ письмѣ высказывается догадка, что «король шведскій въ Гельсингфорсѣ или инъдѣ въ Финляндіи своей вуглу сидя интригуетъ между финны и между шведы»; въ письмѣ къ кн. Потемкину, отъ 29-го августа 1788 г., та же догадка высказана въ сходственныхъ выраженіяхъ: «изъ гогфорскаго своего лагеря фуфлыга богатырь ускакалъ въ Луизу (Ловизу), оттудова, иные говорятъ, въ Абовъ, другіе въ Вазу, а третьи въ Стокгольмъ. А я думаю, что онъ инъдѣ сидитъ въ Финляндіи еще». Ка-

жется, однако, что письмо писано до 29-го августа, судя по слѣдуемой за письмомъ запискѣ.

№ 19—выходъ въ море гребной флотиліи. Обѣщавъ въ предыдущемъ письмѣ выслать «не малое число гребныхъ судовъ», императрица объясняетъ теперь, въ краткой записочкѣ, причины, замедлившія отправку. Подъ записочкой выставлена неполная дата: «во вторникъ 29 числа». Въ 1788 году 29-е число приходилось во вторникъ два раза: въ февралѣ, когда не было еще и рѣчи о гребномъ флотѣ противъ шведовъ, и именно въ августѣ.

№ 29—о высылкѣ изъ Финляндіи плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ. Въ рапортѣ генерала-поручика Левашева говорится, что послѣ стычки близъ рѣки Саллинъ, 8-го іюля 1788 г., «въ плѣнъ взяты нашими: баронъ Армфельдъ, племянникъ генерала, корпусомъ непріятельскимъ командующаго, того же имени офицеръ нѣмецкаго полку и одинъ полковой лекарь». Императрица пишетъ о нихъ, какъ о взятыхъ въ плѣнъ «въ прошлое лѣто»—слѣдовательно, письмо относится къ 1789 году; при этомъ она приказываетъ прислать этихъ плѣнныхъ къ князю Потемкину—слѣдовательно, писано въ бытность князя Потемкина въ Петербургѣ. Въ 1789 году, кн. Потемкинъ оставался въ Петербургѣ съ 4-го февраля по 6-е мая, къ какому времени и должно быть отнесено составленіе письма.

Пять документовъ, не касающихся шведской войны, составлены единственно «для укрѣпленія духа» въ финляндской арміи—это сообщенія о пораженіи турокъ при Лиманѣ, Фокшанахъ, Гаджибеѣ, Бѣлгородѣ, Бендерахъ и объ освобожденіи русскаго посланника при портѣ Я. И. Булгакова изъ Семибашеннаго замка.

За исключеніемъ пяти копій, точно обозначенныхъ, всѣ помѣщаемые документы — подлинники: шесть сполна писаны рукою Екатерины II и 62 «только за высочайшимъ Ея Величества подписаніемъ», причемъ въ 9-ти находятся соб-

ственноручныя приписки императрицы. При печатаніи сохранены всѣ особенности подлинниковъ и все, написанное рукою Екатерины II, помѣщено въ кавычкахъ.

При изданіи бумагъ, подобныхъ помѣщаемымъ ниже, намъ казалось необходимымъ не только сопроводить ихъ пояснительными примѣчаніями, но и сдѣлать возможно полное указаніе на тѣ относящіеся къ данному вопросу документы, которые еще не обнародованы и которыхъ нѣтъ въ бумагахъ, принадлежащихъ редакціи «Русской Старины», но которые несомнѣнно были и обнародованіе которыхъ весьма желательно въ интересахъ науки.

Мы могли найти слѣды болѣе 20-ти такихъ недостающихъ документовъ; ихъ, быть можетъ, гораздо болѣе. Такъ, напр., помѣщаемыя ниже бумаги относительно шведской войны начинаются рескриптомъ отъ 4-го іюля 1788 г.; между тѣмъ, еще 1-го іюля, вслѣдствіе появленія извѣстной ноты Шлафа, секретаря шведскаго посольства, «ожидая усиленія дѣйствій шведскихъ, предувѣдомленъ графъ Мусинъ-Пушкинъ о всемъ происшествіи» («Дневникъ» Храповицкаго, изд. Барсукова, стр. 100). Этотъ предувѣдомительный документъ еще не обнародованъ. Указанія на такіе недостающіе документы помѣщены въ примѣчаніяхъ къ ближайшимъ по времени бумагамъ.

Екатерина II—гр. В. П. Мусину-Пушкину.

1.

Въ С. П. бургѣ, Декабря 21 1787 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Прилагая копіи указовъ данныхъ оберъ-гофмаршалу и придворной Конторѣ конюшенной, по случаю даннаго отъ Меня дозволенія любезному Сыну Моему великому Князю отправиться въ армію, я желаю

чтобъ вы сходственно тому всѣ нужныя распоряженія здѣлали по сношенію съ ними; о лошадяхъ же для проѣзда посланы быть могутъ приказанія не прежде какъ день для отъѣзда назначится. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная

«Екатерина».

2.

(Копія).

Въ С. П. бургѣ 21 Декабря 1787 года.

Григорій Никитичь [1]). По случаю даннаго отъ Насъ дозволенія Любезному Сыну Нашему великому Князю отправиться въ армію, указали Мы Кабинету отпустить въ распоряженіе ваше двадцать тысячь рублей, съ тѣмъ чтобъ изъ пятнадцати тысячь старалися вы заготовить то. что къ отправленію съ великимъ Княземъ отсюда необходимо нужно, снабдя притомъ потребною серебряною, фарфоровою и прочею посудою, да и другими надобностями отъ двора по сношенію вашему съ Генераломъ Графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ; пять-же тысячь рублей обратить на закупки и заготовленія необходимыя во время путешествія къ арміи. На столовое содержаніе и на прочія издержки во время пребыванія въ оной будетъ производимо изъ Кабинета по десяти тысячь рублей въ мѣсяцъ предъ наступленіемъ каждаго, кои и отпустятся всегда изъ суммы на чрезвычайныя расходы по арміи, по требованіямъ Генерала Графа Мусина-Пушкина: а вы дайте ему двухъ комисаровъ для держанія пріема и расхода, посылки впередъ для попеченія и наблюденія за заготовленіями и прочихъ надобностей; о чемъ о всемъ вы согласитесь и учредите съ помянутымъ Генераломъ. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

---

[1]) Г. Н. Орловъ, дѣйствительный камергеръ и оберъ-гофмаршалъ. Въ ... г., во время войны со Швеціею, произошли пререканія между членами ...орной конторы и Г. Н Орловымъ, очень надоѣдавшія Екатеринѣ II, ... *и однажды* выразилась такъ: «Un beau matin je les chasserai tous».

3.

(Копія).

Въ С. П. бургѣ. Декабря 21. 1787 года.

Указъ Нашей придворной Конюшенной Канторѣ. По случаю даннаго отъ Насъ позволенія любезному сыну Нашему великому Князю отправиться въ армію, на пріуготовленія по части придворной Нашей Конюшенной Канторы екипажей и прочаго, въ число потребной на то суммы, указали Мы Нашему кабинету отпустить въ придворную Конюшенную Контору двадцать тысячь рублей; а той Конторѣ повелѣваемъ въ сокращеніе излишнихъ издержекъ стараться для свиты употребить сколько возможно изъ готовыхъ екипажей, кои найдутся къ тому надежны, тожъ и палатокъ изъ имѣющейся Нашей шатерной.

Екатерина.

4.

(Копія).

Въ С. П. бургѣ. Декабря 21. 1787 года.

Указъ Нашему Кабинету. На разныя приготовленія екипажей и прочаго по случаю даннаго отъ Насъ любезному Сыну Нашему великому Князю позволенія отправиться въ армію, повелѣваемъ Кабинету отпустить въ придворную Нашу конюшенную Контору двадцать тысячь рублей, да въ придворную Нашу Контору на разныя же по ея части приготовленія, двадцать тысячь рублей. На содержаніе столовое и прочія расходы во время пребыванія Его въ арміи, назначено отъ Насъ по десяти тысячь рублей на мѣсяцъ, кои Кабинетъ имѣетъ ежемѣсячно начиная съ перваго февраля наступающаго года отпускать къ Нашему Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Генералу-Прокурору Князю Вяземскому [1]), дабы отъ него сія сумма могла быть переводима съ

[1]) Князь Александръ Александровичъ Вяземскій, 1727 — 1793; съ 1764 года, какъ генералъ-прокуроръ, вѣдалъ финансовыя дѣла.

прочею на чрезвычайные по арміи расходы определенною; и изъ коей Нашъ Генералъ Графъ Мусинъ-Пушкинъ получать будетъ всякой мѣсяцъ предъ наступленіемъ онаго.

Екатерина.

5.

Въ С. П. бургѣ. Іюля 4. 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Изъ рапорта, доставленнаго въ нашу военную калегію отъ Выборгскаго Оберъ-Коменданта [1]), усмотрѣли Мы, что стоящій на главномъ абарфорскомъ редутѣ караульный офицеръ адьютантъ Христофоровъ [2]) получилъ объявленіе съ Шведскаго форпоста отъ Маіора Егеръ-горна, чтобъ мосту не ломать и не зажигать, подъ страхомъ что шведы въ томъ случаѣ стрѣлять будутъ изъ пушекъ; но не видимъ сломалъ ли помянутый караульный офицеръ тотъ мостъ, или же онъ исполнилъ требованіе Шведскаго Маіора, что бы было не согласно ни съ его должностью, ни съ правилами службы, и подвергло бы его суду, такъ какъ коменданта Фридрихсгамскаго или отъ кого онъ былъ поставленъ отвѣту, даны ли были ему надлежащія наставленія. Мы по тому желаемъ, чтобъ вы истребовали о томъ нужное объясненіе, и естьли караульный офицеръ найдется тутъ оплошнымъ, предать его суду, всѣмъ же отряжаемымъ на посты подтвердить строжайше, дабы каждый ввѣренное ему мѣсто бдительно сохранялъ, подъ опасеніемъ за оплошность или робость неминуемаго взысканія по военнымъ узаконеніямъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

«Репортъ вашъ отъ 3 числа Іюля я получила сегодня».

---

[1]) Баронъ Карлъ Ивановичъ Дельвигъ, генералъ-поручикъ, ум. въ 1791 г.
[2]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, ч. 1-я, стр. 579.

6.

Въ С. П. Бургѣ. Іюля 6 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Донесеніе ваше отъ 4 Іюля изъ Выборга я получила. Не сумнѣваюся я, что вы здѣлали всѣ возможныя распоряженія, дабы походъ непріятелю затрудненъ, покушенія же его отражены были. Въ Фридрихсгамѣ число гарнизона по увѣдомленіямъ вашимъ есть такое, что Король шведскій не только его скоропостыжно схватить не можетъ, но, при добрыхъ мѣрахъ и при храброй оборонѣ, и крайній уронъ понести долженъ.

Три баталіона и три эскадрона гвардіи подъ командою Генерала Маіора и Преображенскаго полку Преміеръ-Маіора Татищева [1]) приказала я отправить въ Красное Село на выборгской дорогѣ, съ тѣмъ, чтобъ они тамъ ожидали вашихъ повелѣній когда и куда имъ слѣдовать. Между тѣмъ здѣсь приложено будетъ всемѣрное стараніе поспѣшить устроеніемъ полковъ гвардіи въ полномъ числѣ, такъ чтобъ за оставленіемъ для нужныхъ въ столицѣ карауловъ можно было еще отрядить въ походъ по одному комплетному баталіону.

Пребываю вамъ доброжелательная «Екатерина»

«Войски и рекруты ежедневно приходятъ и все возможные мѣры принимаются къ усиливаніе Арміи Вамъ въ веренной и къ оборонѣ отъ вероломнаго врага Нашего».

7.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 13 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Давъ повелѣніе объ отпускѣ денегъ, потребныхъ на батарейные мосты въ пограничныхъ крѣпостяхъ Финляндскаго и Лифляндскаго департаментовъ [2]), возлагаемъ на попеченіе ваше, чтобъ оные немедлѣнно

---

[1]) Николай Алексѣевичъ Татищевъ, родной братъ Петра Алексѣевича, тоже генералъ-маіора, извѣстнаго масона, мастера стула въ ложѣ «Трехъ знаменъ».

[2]) 13-го іюня 1788 г. П. С. З., № 16677.

исправлены, да и въобщѣ чтобъ тѣ крѣпости въ надежное къ оборонѣ состояніе приведены были, какъ то уже указомъ Нашимъ отъ 8 Мая сего года Инженеръ-Генералу-Порутчику Тучкову [1]) предписано было. Къ исполненію сего въ Финляндіи употребите находящагося здѣсь Инженеръ Полковника Фанъ-Сухтелена [2]), снабдя его потребными наставленіями къ скорѣйшему всего того дѣйствопроизведенію, и обратя суммы на строеніе и починку крѣпостей, отпускаемыя преимущественно на Финляндскій и Лифляндскій департаменты. Приложите при томъ стараніе, чтобъ крѣпостная Артиллерія сколь можно поспѣшнѣе поставлена была въ исправность съ снарядами, къ ней принадлежащими: что же касается до пороху, то какъ Адмиралъ Грейгъ [3]) полагая излишнимъ количествомъ себя запасти въ Копенгагенѣ можетъ оставить онаго до десяти тысячь пудъ, вы съ нимъ о семъ учредите, и здѣлайте распоряженіе, дабы въ томъ ни для полевыхъ артиллеріи и войскъ, ниже для крѣпостей не оказалося недостатка. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

8.

Въ С. П. бургѣ. Іюля 14 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Донесенія ваши отъ 10-го, 11-го [4]) и 12-го сего Іюля Мы получили съ удовольствомъ,

---

[1]) Алексѣй Васильевичъ Тучковъ, участвовавшій по этому же поводу въ засѣданіи совѣта, отъ 27-го марта 1788 г. Арх. Гос. Сов., т. I, ч. 1-я, стр. 553.

[2]) Петръ Корнильевичъ фонъ-Сухтеленъ, позже инженеръ-генералъ-маіоръ.

[3]) Самуилъ Карловичъ Грейгъ, шотландецъ, съ 1764 г. въ русской службѣ; 26-го іюня 1770 г. сжегъ турецкій флотъ въ Чесменскомъ портѣ; съ 1775 г. главный командиръ кронштадтскаго порта; адмиралъ. Императрица «ахнула», услышавъ, 4-го октября 1788 года, о его болѣзни, и тотчасъ же послала къ нему, въ Ревель, своего лейбъ-медика Роджерсона. Черезъ нѣсколько дней пришло извѣстіе о смерти адм. Грейга, 15-го октября 1788 года. Императрица прослезилась и сказала: «C'est une grande perte, c'est une perte pour l'état» (это большая потеря, это потеря для государства).

[4]) Донесеніе отъ 11-го іюля не помѣщено въ «Собраніи реляцій» (стр. 9); въ немъ сообщалось о расположеніи непріятеля въ 4-хъ верстахъ отъ Фридрихсгама. *Арх. Гос. Сов.*, т. I, ч. 1-я, стр. 585.

видѣвъ, что войски наши храбро отаковали непріятеля какъ у рѣки Стрѣмбы, такъ и у рѣки Пардокоски [1]). За сіи добрыя успѣхи объявите начальникамъ обоихъ отрядовъ и подчиненнымъ ихъ Наше благоволеніе, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, въ томъ числѣ и Козакамъ, въ дѣлѣ бывшимъ, прикажите выдать по рублю на человѣка изъ суммы на чрезвычайные расходы по арміи опредѣленной. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

«Объ отличившихся ожидать будемъ отъ васъ представленіе».

9.

(15-го іюля 1788 года).

«Рассужденіи о вчерашнемъ вопросѣ: буде шведы сожгутъ Фридрихсгамъ, дозволено ли будетъ гарнизону выступить, дабы таковое знатное часть войскъ не могла попастся непріятелю въ полонъ.

«Во первыхъ: король шведской цѣлитъ не на Фридрихсгамъ, но прямо на Питербурхъ, вплѣнъ попавшейся вицѣ-Адмиралъ и прочіе съ нимъ взятые офицеры разсказывали всѣмъ кто слышать хотѣлъ, что побивъ флотъ нашъ (что представляли себя самымъ лѣхчимъ дѣломъ) онѣ хотѣли итти прямо къ Кронштату оной выжечь, а между тѣмъ Армейской ихъ флотъ имѣлъ здѣлатъ одинъ десантъ на Красной Горкѣ, а другой у Галерной Гавенъ для выжиганья Петербурха; въ семъ проекта входило опрокинутъ штатуя Петра I. Флотъ шведской побить и къ Швеаборхъ посколку чужестранныхъ корабѣлщиковъ пошелъ хвостъ поджавъ и уши спустя.

«Второе: по разнымъ перешедшимъ чрезъ Кюменъ Шведскимъ партіямъ кажется будьте цѣлъ идьетъ на Вилманстрандтъ.

---

[1]) Подойдя къ р. Пардокоски, шведы «укрѣпили себя редутомъ» и разобрали мостъ; казаки «переправились вплавь», исправили мостъ и овладѣли редутомъ.

«Третье: изъ двухъ пушекъ осадныхъ выстрѣлено по Фридрихсгамъ, отъ сево еще Левашеву [1]) робѣть ничево, но моя тайная мысла есть, что Гинцѣлъ [2]) въ Фридрихсгамъ полѣзнѣе быть могъ нежели Левашевъ.

«Четвертое: Гарнизонъ ни подкакимъ видомъ не долженъ попастся въ пленъ, ибо двѣ тысечи пятьсотъ человѣкъ въ финландской силѣ составляетъ уже знатное часть, но однако по первому выстрѣлу изъ далѣка желательно, чтобъ города не оставляли, постарались оборонится съ искуствомъ и храбростію, какъ христолюбивому воинству прилично, и весьма сумнѣваюсь, чтобъ ево вел. предпріялъ формальную осада Фридрихсгама, а захочетъ ево схватитъ быть можетъ лехчимъ какимъ способомъ, что и весьма ему удастся, буде гарнизонъ самъ заблагорассудитъ изъ Фридрихсгама выити выдерживая пять или шесть пушечныхъ выстрѣловъ для формы.

«Пятое: строеніе въ Фридрихсгамѣ кои бы могли причинить пожара госп. Левашевъ могъ бы сламать теперь времо лѣтное дома безъ кровли не великая будетъ бѣда».

10.

Въ С. П. бургѣ. Іюля 15, 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь! Подробное донесеніе ваше отъ 13-го Іюля о произшедшемъ при Пардокоски, Мы получили съ удовольствомъ, каковое и обьявите всѣмъ тутъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ участвовавшимъ. Командовавшему отрядомъ подполковнику Петровичу [3]) за разбитіе непріятеля и овладѣніе редутомъ его съ двумя пушками пожаловали Мы крестъ военнаго ордена Святаго Георгія, который при грамотѣ къ нему доставляется; а казачьему хорунжему Сергію

[1]) Василій Ивановичъ Левашевъ, 1740—1803, генералъ-поручикъ.

[2]) Карлъ Христіановичъ Гинцель, генералъ-поручикъ, правитель выборгскаго намѣстничества.

[3]) Степанъ Петровичъ Петровичъ, подполковникъ Невскаго пѣхотнаго *полка*.

Бѣлогородцову [1]) и гранодеру, тамъ же отличившемуся, присланы будутъ медали за храбрость ихъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

11.

Въ С. П. бургѣ. Іюля 16 [2]) 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь! На вопросъ въ донесеніи вашемъ отъ 15 Іюля учиненный о Гребныхъ судахъ подъ командою флота капитана Слизова [3]) возвратиться ли имъ къ Выборгу или соединяся съ фрегатами и катерами, отъ Адмирала Грейга отряженными, по удобности и возможности дѣйствовать противу непріятеля. симъ вамъ отвѣтствуемъ: что какъ Адміралъ Грейгъ отъ 14 Іюля представляетъ что фрегаты сообщенія съ Фридрихсгамомъ имѣть не могли, по причинѣ, что Шведская Армейская флотилія уже заняла весь форватеръ промежду шхеръ, гдѣ видны были тринадцать Галеръ и два малыя фрегаты; но по мѣлководію между шкеръ наши фрегаты къ нимъ дойти не могли, то по сему и нужно есть чтобъ вы снеслися съ помянутымъ Адмираломъ не лучше-ли Гребныя Суда употребить при флотѣ, тѣмъ болѣе что Адмиралъ въ оныхъ нужду имѣетъ, а въ случаѣ по усмотрѣнію своему можетъ обратить ихъ съ покрѣпленіемъ фрегатовъ и въ поискъ на непріятеля; при Фридрихсгамѣ же однимъ имъ оставаться опасно. Къ Адмиралу Грейгу о томъ отъ насъ писано, и онъ неумедлитъ вамъ, для выигранія времени, мысли свои по сей матеріи прямо сообщить. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

---

1) «Которой первой бросился въ воду и показалъ собою примѣръ другимъ; а одинъ гранодеръ за нимъ послѣдовавшій». Собраніе реляцій, стр 10.

2) Отъ того же числа собственноручное письмо къ графу В. П. Мусину-Пушкину помѣщено въ Русскомъ Архивѣ за 1869 г., стр. 208.

3) Петръ Борисовичъ Слизовъ, флота капитанъ бригадирскаго ранга. Нѣсколько позже, 3 мая 1790 г., онъ былъ разбитъ шведами.

12.

«Въ С. П. бургѣ. 17 Іюля, 1788 года».

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Изъ копіи рапорта, доставленнаго къ намъ отъ Генерала Порутчика Тутолмина [1]) а имъ полученнаго отъ совѣтника Ведишева вы усмотрите, что во время впаденія непріятельской команды въ Париккальской кирхшпиль и разграбленія казеннаго магазейна офицеры той команды угощаемы были тамошнимъ пасторомъ [2]), которой на другой того день выѣхалъ въ Выборгъ Мы соизволяемъ, чтобъ вы приказали надлежащимъ образомъ учинить допросъ помянутому пастору, да и въ общѣ за вѣрностію и поведеніемъ людей сего рода имѣть примѣчаніе, о чемъ не оставте сообщить Губернатору тамошнему. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

13.

Въ С. П. бургѣ. 26 Іюля 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Приемля съ удовольствіемъ донесеніе ваше отъ 25-го Іюля объ отступленіи неприятеля отъ Фридрихсгама, препоручаемъ вамъ объявить благоволеніе Наше войскамъ бывшимъ при отраженіи его отъ городскаго предмѣстія и обнадежить отличившихся въ семъ дѣлѣ капитана Глазенапа [3]), порутчика Казина и подпорутчика Никифорова, что не останутся они безъ должнаго за ихъ подвигъ воздаянія. Пребываемъ впрочемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

«О раненыхъ прикажите имѣть прилежнейшеѣ призрѣніе».

---

[1]) Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ, 1740—1809, генералъ-поручикъ; съ 1784 г. генералъ-губернаторъ архангельскій и олонецкій.

[2]) Въ запискахъ Стединга разсказывается, между прочимъ, какъ онъ, перейдя границу, обѣдалъ у земингскаго (Sääminge) пастора (Mém., I, 87). Не объ этомъ ли случаѣ говорится въ донесеніи Ведишева?

[3]) Секундъ-маіоръ Псковскаго пѣхотнаго полка; вмѣстѣ съ Никифоровымъ онъ былъ раненъ въ этой стычкѣ.

14.

«Въ С. П. бургѣ. 26 Іюля 1788 года».

Графъ Валентинъ Платоновичь. Сей часъ получа донесеніе Генерала-фельдмаршала князя Григорья Александра Потемкина-Таврическаго о побѣдѣ 3-го числа Іюля одержанной Нашимъ Севастопольскимъ флотомъ надъ превосходными силами флота Турецкаго, поспѣшаемъ сообщить вамъ копію [1]) съ реляціи. Нами полученной. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

«Вотъ вамъ добрую вѣсть за ваши добрые же вѣсти, я чаю Шведы у Фридрихсгама Михельсона [2]) и Бауера [3]) побоялись, суда хочется у нихъ отнять».

15.

«Въ С. П. бургѣ. Іюля 28 [4]) 1788».

Графъ Валентинъ Платоновичь. Нижнимъ чинамъ деташамента бывшаго въ дѣлѣ предъ Фридрихсгамомъ противу

[1]) Означенной копіи въ бумагахъ не оказалось.

[2]) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, генералъ-поручикъ, премьеръ-маіоръ конной гвардіи, состоялъ при дивизіи въ сѣверныхъ губерніяхъ, когда получилъ назначеніе идти въ Финляндію, о чемъ Екатерина давно уже подумывала и еще 11-го января 1788 г. писала: «Михельсонъ въ подагрѣ, да онъ и здѣсь нуженъ, буде шведы запалили». Сборн. Русск. Ист. Об., XXVII, 465.

[3]) Иванъ Васильевичъ Бауеръ (Боуверъ и Бауверъ въ реляціяхъ), генералъ-маіоръ, занявшій въ концѣ кампаніи этого года Гёгфорсъ, Кюменьгородъ и «всѣ по границѣ посты и переправы».

[4]) Нѣсколько дней спустя, по протоколу Совѣта отъ 3-го августа 1788 г., графу Мусину-Пушкину дано было предписаніе, «чтобъ онъ приложилъ стараніе о выгнаніи всѣхъ чужихъ войскъ за границы наши, но чтобъ уже до дальнѣйшаго повелѣнія ставить твердую ногу въ Шведской Финляндіи онъ удержался, и въ случаѣ удобности побивать шведовъ, чего никоимъ образомъ упускать не должно, финляндцамъ отъ войскъ нашихъ оказывать всю ласковость и пощаду къ имѣнію, дабы такимъ образомъ и дѣятельно уже доказать благое къ нимъ наше расположеніе». Арх. Гос. Сов., I, 1, 592.

Въ «Дневникѣ» Храповицкаго, подъ 8-мъ августа 1788 г., сказано, по поводу пріѣзда Егергорна, что «о семъ дается рескриптъ гр. Мусину-Пуш-

непріятеля, подъ командою подполковника Петровича, а послѣ полученной имъ раны, подъ начальствомъ секундъ-маіора Глазнапа, прикажите дать въ награжденіе по рублю на человѣка изъ суммы, на чрезвычайные расходы опредѣленныя; офицеры же за отличную храбрость тутъ рекомендованные повышены чинами, о чемъ военная коллегія васъ извѣщаетъ. Остаюсь на всегда вамъ доброжелательная «Екатерина».

16.

Въ С. П. бургѣ. Августа 23 1788.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Генерала-Маіора Барона Спренгпортена[1]) вы можете удержать при себѣ, покуда польза дѣлъ Нашихъ того требовать будетъ, подтверждая только

кину» (стр. 126), а въ засѣданіи Совѣта 10-го августа читана уже «копія рескрипта графу Мусину-Пушкину по случаю присылки сюда шведскаго маіора Егергорна». Арх. Гос. Сов., I, 1, 596.

Подъ 12-мъ августа, въ «Дневникѣ» Храповицкаго записано: «Данъ указъ гр. Мусину-Пушкину, чтобъ отстающимъ отъ короля шведскимъ солдатамъ давать каждому отъ 10-ти до 15-ти рублей, подославъ къ нимъ для внушенія сего» (стр. 128).

Тамъ же, подъ 17-мъ августа, упомянутъ «указъ графу Пушкину о подачѣ совѣта финцамъ, дабы они не шли, если король вздумаетъ перевозить ихъ въ Швецію» (стр. 131).

Тамъ же, подъ 19-мъ августа, сказано, что «писано графу Пушкину, дабы внушить финнамъ и шведамъ, что и по новой формѣ правленія, въ 1772 году имъ введенной, не можетъ онъ начать войны наступательной безъ согласія чиновъ государства» (стр. 134).

[1]) Баронъ (позже графъ) Егоръ Максимовичъ Спренгпортенъ, финляндецъ родомъ, вступилъ въ русскую службу въ 1786 году въ чинѣ генералъ-маіора; ум. въ 1819 году полнымъ генераломъ. Въ «Svenskt-Biografiskt Lexicon» помѣщены невѣрныя о немъ свѣдѣнія, повторенныя у насъ акад. Я. К Гротомъ (Полн. собр. соч. Державина, II, 631) и за нимъ г. Барсуковымъ («Дневникъ» Храповицкаго, 579). Точныя свѣдѣнія сообщены въ Сборникѣ Русск. Ист. Общества», XLII, 192, причемъ ошибочно показано, будто Спренгпортенъ былъ «отпущенъ на *Онежскія* воды» вмѣсто *барежскихъ*, какъ въ «Дневникѣ» Храповицкаго подъ 29-мъ іюля 1790 года. Въ чрезвычайно обстоятельномъ указателѣ г. Н. Барсукова къ «Дневнику» Храповицкаго это слово пропущено: барежскія воды—Basreges, въ Пиринеяхъ, въ южной Франціи.

ему часто, чтобъ онъ берегъ себя отъ захваченія его въ руки короля Шведскаго.

Посылаются при семъ къ вамъ пять тысячь червонныхъ изъ коихъ тысячу пожаловали Мы Генералу-Маіору Барону Спренгпортену, а изъ остальныхъ четырехъ вы неоставте дѣлать награжденія и пособія благонамѣреннымъ Финляндцамъ, по надобности и по мѣрѣ усердія каждаго и дѣятельныхъ услугъ Намъ оказываемыхъ, или пользы для службы Нашей изъ того ожидаемой, производя сіи дачи посредствомъ Барона Спренгпортена; въ чемъ Мы на вашу осмотрительность полагаемся. Пребывая всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

«Что о Рубана [1]) слышно, вы и съ нимъ помнится отправили знатную сумму».

«Вы увидите изъ репорты Адмирала Грейга, съ котораго копію къ вамъ приказала послать что многіе шведскіе войски уже сидятъ паки на транспортныхъ судовъ и что проѣздъ его вел. не весьма свободенъ понеже наши корабли нѣкоторыя у Гангута крейсируютъ».

17.

«Въ С.-П.-бургѣ. 27 [2]) Августа 1788 года».

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Получивъ при реляціи вашей отъ 22-го Августа дневную записку, веденную коммендантомъ Нейшлотскимъ [3]) во время атаки той крѣпости отъ непріятеля, Мы находимъ нужнымъ, чтобъ вы приказали Ге-

[1]) Казначей откупщика Лукина, довѣренное лицо гр. Безбородко. См. Записки Гарновскаго, въ «Русской Старинѣ», т. XV, стр. 27, 259, 265, 488; изд. 1876 г., т. XVI, стр. 2.

[2]) 28-го августа «подписанъ указъ къ графу Мусину-Пушкину противъ записки вице-канцлера по дѣламъ шведскимъ». *Храповицкій*, 140.

29-го августа «подписанъ указъ къ графу Мусину-Пушкину, что не пріемлются никакія предложенія, доколѣ шведы не выйдутъ изъ границъ нашихъ» (Ibid.).

[3]) Павелъ Кузьминъ, секундъ-маіоръ, комендантъ Нейшлотской (Nyslott) крѣпости.

*

нералу Маіору Барону Шулцу [1]) намѣстѣ здѣлать его примѣчанія о всѣхъ обстоятельствахъ атаки непріятельской и обороны противу оной, такожъ и о томъ, что надобно для приведенія сей крѣпости въ надежную защиту противу сильнѣйшихъ покушеній, и тѣ примѣчанія намъ представили. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

18.

(29 августа 1788 г.).

«Я думаю что я немного ошибаюсь когда за весьма вѣроятное полагаю что Кор. Шведской въ Гелзинфорса или инъдѣ въ Финландіи своей вуглу сидя интригуетъ между фины и между шведы и самъ руководствуетъ скрытно въ ихъ нынешней колебленности, онъ тѣмъ самымъ старается какъ нибудь продлитъ недѣйствіе наше и для того необходимо надлежитъ выжитъ ево войски изъ Гегфорса; на той недѣли къ вамъ отправлены будутъ не малое число гребныхъ всякихъ судовъ съ помощію которыхъ будете съ водяной стороны въ состояніе подкрепитъ ваши предпріятіи буде добровольно Шведы Гегфорса [2]) не оставятъ».

19.

(29 августа 1788 г.).

«Гребной флотъ хотя со всемъ готовъ съ воскресеніе но за мѣлководіе въ вѣхахъ еще выйти изъ оныхъ не можетъ.

---

[1]) Баронъ Вильгельмъ Васильевичъ Шульцъ, генералъ-маіоръ съ 1786 г.; онъ искусно слѣдилъ за движеніями шведовъ на границѣ русской Финляндіи, нѣсколько разъ разбивалъ отдѣльные шведскіе отряды и первый съ своимъ отрядомъ перешелъ позже въ шведскую Финляндію, гдѣ сильно безпокоилъ непріятеля (Собр. реляцій, II, 24, 26, 42, 95). Въ 1789 г. онъ получилъ чинъ генералъ-поручика.

[2]) Въ донесеніи отъ 15 сентября сказано, что шведы «по недостатку въ пропитаніи» оставили «крѣпкое отъ натуры и разными сверьхъ того полевыми укрѣпленіями усиленное мѣсто Гекфорсъ». Собр. реляцій, II, 17.

Буде ветръ утихнетъ либо переменится, то не мѣшкавъ отправится.

«Во вторникъ 29 ч., въ первомъ часу за полдень».

20.

«Въ С.-П.-Бургѣ. 31 августа 1788 года».

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Въ разсужденіи что по настоящему положенію Шведскихъ войскъ вооруженныя гребныя суда весьма вамъ нужны для пресѣченія имъ сообщенія съ Гелзинфорсомъ, указали Мы здѣсь пріуготовить какъ найскорѣе на первое время шесть галеръ, въ томъ числѣ одно на шведскій образъ построенное судно, одно бомбардирское судно и три или четыре канонерскія лодки, съ тѣмъ что естьли вы можете посадить на галеры людей изъ арміи вамъ ввѣрѣнной, то по полученіи отъ васъ о томъ увѣдомленія, оныя тотчасъ къ вамъ отправлены будутъ; а сколько людей на какія суда полагается, приложена у сего вѣдомость [1]): а какъ для пособія въ дѣйствіяхъ вашихъ нужно чтобъ вы сихъ судовъ сколько можно болѣе имѣли, и чтобъ количество ихъ естьли не превосходно покрайней мѣрѣ ближе къ тому, что непріятель имѣетъ, было, то для сего велѣно отъ Насъ еще имѣть въ готовности двѣ или три канонерскіе лодки, три или четыре галеры, и новопостроенную здѣсь шебеку, дабы, естьли вы въ состояніи найдетеся удѣлить еще на галеры солдатъ изъ арміи, Мы оныя къ вамъ послать могли. Отправляемыхъ на судахъ отсюда людей наемныхъ и отъ сухопутныхъ воинскихъ командъ отряжаемыхъ, надобно будетъ возвратить сюда сухимъ путемъ не медлѣнно; и буде вы найдете за нужно, чтобъ вышепомянутое подкрѣпленіе къ вамъ доставлено было, въ такомъ случаѣ людей оныхъ послать сюда на почтовыхъ лошадяхъ. Мы будемъ ожидать отъ васъ донесенія въ Выборгъ ли отправить сіи суда, и какія вы распоря-

[1]) Этой вѣдомости въ бумагахъ не оказалось.

женія здѣлаете о пріемѣ ихъ, снабдѣніи провіантомъ и провизіею, посаженіи людей, и употребленіи всего того на пользу службы, бывъ увѣрены что вы сіе учредите наилучшимъ образомъ, и особливо примете всѣ осторожности, дабы оныя непріятелю въ руки не попалися при обращеніи иногда весьма превосходныхъ со стороны его силъ сего рода. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

21.

«Въ С.-П.-Бургѣ. Августа 31 1788 года».

Графъ Валентинъ Платоновичь. Въ дополненіе къ указу сего числа отъ Насъ къ вамъ посланному признали Мы за нужное дать вамъ знать, что съ назначаемыми къ вамъ судами отправленъ будетъ одинъ прамъ, который съ пользою противу гребныхъ непріятельскихъ судовъ служить можетъ. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

22.

«Въ С. П. бургѣ сентября 4, 1788 года».

Графъ Валентинъ Платоновичь. Нескладное требованіе герцога Сюдерманландскаго [1]) объ оставленіи поста Гангутскаго отъ флота нашего занятаго, и непристойный тонъ въ какомъ составлена его записка, сходствуютъ совершенно со всѣми другими короля Шведскаго и его приближенныхъ; почему Мы и пріемлемъ за благо образъ каковымъ вы на сіе требованіе отвѣтствовали [2]). По настоянію ихъ видно, сколь

[1]) Герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, 1748—1818, младшій братъ шведскаго короля Густава III, во время малолѣтства своего племянника, Густава VI, былъ регентомъ королевства съ 1792 по 1796 г.; по низложеніи же Густава IV, вступилъ въ 1809 году на престолъ Швеціи подъ именемъ Карла XIII.

[2]) Въ засѣданіи Совѣта 4 сентября 1788 г. читана «реляція графа Мусина-Пушкина, отъ 2 сентября, о привезенномъ полковникомъ шведскимъ Монгомери отъ герцога Карла письменномъ предложеніи, что ихъ войска, въ

важенъ для нихъ означенный постъ, котораго занятіе нами, подвергая ихъ корабельный и легкій флотъ опасности, отъемлетъ у нихъ способы обратиться на защиту мѣстъ, сильнымъ нападеніемъ отъ Даніи угрожаемыхъ; для чего и подтвердили мы Адмиралу Грейгу стараться сохранить оный покуда только можно держаться въ морѣ. Вы не оставте теперь приложить всемѣрное стараніе выжить войска шведскія изъ границъ нашихъ по лучшему вашему усмотренію. Для споспѣшества вамъ въ томъ, наипаче-же для пресѣченія по-возможности сообщенія между лагеремъ при Гокфорсѣ и Гельзенфорсомъ, суда гребные вооруженные сегодня или покрайней мѣрѣ завтрѣ къ вамъ отправлены будутъ, о которыхъ здѣлайте ваши распоряженія, и на встрѣчу имъ вышлите въ Выборгъ приказаніе ваше, а какъ скоро возвратятся люди на нихъ отъ сюда посланныя, мы и другой транспортъ послать къ вамъ неумедлимъ. Адмиралъ Грейгъ не упуститъ съ своей стороны пособствовать вамъ озабоченіемъ флота карабельнаго и легкой флотиліи Шведскихъ, дабы они необратили большей силы на сіи гребныя суда, и конечно не оставитъ воспользоваться всякимъ случаемъ удобнымъ къ нанесенію вреда и пораженію непріятелю. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

23.

«Въ Царскомъ. 4 сентября, 1788 г.».

«Изъ присланной при письмѣ вашемъ отъ 2 числа сего месеца копія съ писменнаго предложенія герцога Сюдерман-

---

Гекфорсѣ стоящія, оставятъ совсѣмъ предѣлы здѣшніе, если повелѣно будетъ и адмиралу Грейгу оставить постъ, занятый нашими военными судами у Гангута; упомянутую въ сей же реляціи обратную отсылку сего предложенія въ оригиналѣ и учиненный при томъ отъ графа Мусина-Пушкина отзывъ, что доколѣ не выдутъ шведы изъ предѣловъ здѣшнихъ, не можетъ онъ принимать отъ нихъ никакого предложенія, находилъ Совѣтъ весьма приличными». Арх. Гос. Совѣта, т. I, ч. 1-я, стр. 604.

ландскаго явствуетъ, что онъ достойной братъ королевской, ибо и тутъ неоставилъ впутать обиду, дерзость неуместную, и лжи; *обида* врассужденіе предложеніе чтобъ оставитъ Гангутъ, ибо тутъ обманъ вмыкается тотъ чтобъ войски провести въ швецію противу даніи, да здѣлать Сеймъ вооруженный, не то не другое намъ теперь неполѣзно; *дерзость* замыкается въ самомъ предложеніе, ибо дурная ихъ положеніе безъ денегъ, пропитанія, одежды да и при колебленномъ состояніе, послушаніе поданныхъ, *лжи* же явные находятся *во первыхъ* въ томъ, что читаютъ Гогфорса за ихъ граница, тогда когда намъ трактатомъ уступленно вся Кюменногорскую провинція и мы сорокъ пять лѣтъ ей владѣли безспорно, *второе* солгали будьто перемирье съ обѣихъ сторонъ желается, чево съ нашей стороны и думано не было, вы весьма разумно поступили и сходственно моему предписанію что послали обратно. Сей день къ вамъ отправляется отселѣ знатное число гребныхъ судовъ, кои вы желали имѣть, я надеюсь, что вы ей привѣдены будитѣ въ состояніе съ ползою действовать противу Гогфорскаго посту, люди сухопутные на оной нынѣ отправлены можете употребить какъ нужда дѣлъ того потребуетъ, но буде ихъ возвратите суда, то другой транспортъ судовъ къ вамъ отправитъ можно будетъ которой безъ нихъ итти не можетъ. дай Боже вамъ щастье и благополучіе, а я тому довольно, что шведской обманъ вышелъ съ наружа. Буде спренгпортенъ вамъ ненуженъ болѣе, то возвратите его къ лево посту. Финнамъ же прикажите внушить, что тонъ Герцога Сюдерманландскаго стольже для насъ оказывается обиденъ, неумѣста, дерзокъ и лживъ какъ самои Королевской, и что мы имъ прарочествуемъ, что онѣ отъ ево поступокъ и поведеніе не болѣе себя имѣютъ ожидать добра какъ отъ самаго ево величество, ибо видно, что оба братья держутся одинакимъ но несноснымъ въ обществѣ правиламъ коварства, и для тово буде къ намъ хотять быть чистосердечно, то бы ево самаго выжили отъ себя».

24.

С.-П.-бургъ, сентября 9, 1788 г.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. На обѣщанія вывести войски шведскія изъ Гекфорса и изъ границъ нашихъ, мы тѣмъ меньше считать можемъ, что уже оное не одинъ разъ дано было, но безъ исполненія осталося: но правда, что трудно намъ сказать кто обѣщалъ и съ кѣмъ мы теперь имѣемъ дѣло, когда и самые съ нами трактующіе какъ себя назвать не знаютъ, слѣдственно и коимъ образомъ можемъ на нихъ полагаться? Ибо есть-ли они и нынѣ почитаютъ себя зависящими отъ короля шведскаго, то послѣ оказаннаго со стороны ихъ не послушанія, можетъ онъ ихъ или часть ихъ объявить Бунтовщиками, а черезъ то способы къ трактованію съ ними и затруднены будутъ, вмѣсто того что будебы они объявили себя націею вольною и независимою, ищущею помощи и заступленія противу угнѣтателя ихъ вольности и установленныхъ законовъ, тогда весьма удобно намъ будетъ вступить въ точные переговоры съ таковымъ народомъ, и подать ему сильное наше пособіе: но и въ самой сей рѣшимости предлежитъ крайнему уваженію намѣреніе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оказующееся выбрать главою своимъ Принца Карла. Изъ всѣхъ трехъ Братьевъ [1]), король почитается у собственныхъ своихъ подданныхъ лучшимъ, а принцъ Карлъ самымъ злостнымъ и мстительнымъ. Многіе его поступки, а наконецъ и на сихъ уже дняхъ присланная къ вамъ записка, сильнымъ тому служитъ доказательствомъ что образъ мыслей его не разнствуетъ отъ короля, ибо тоже оскорбленіе въ тонѣ и слогѣ, тѣже дерзость и коварство въ намѣреніи, и тѣ же явныя лжи въ израженіяхъ тутъ видны. Буде бы онъ достигъ начальства надъ финами, то вышло бы изъ сего что онъ или общее составитъ дѣло съ королемъ, и потому для насъ будетъ вреденъ, или

[1]) Король Густавъ III, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій и Фридрихъ-Адольфъ, 1750—1803, съ 1772 г. герцогъ Остроготскій.

останется нейтральнымъ между нами и братомъ его, въ чемъ кажется нѣтъ возможности, или же противу Короля. Сіе послѣднее могло бы здѣлатся развѣ изъ того повода, что онъ похочетъ открыть путь къ коронѣ шведской; но тутъ найдетъ соперниковъ кромѣ короля, еще сына его съ матерью [1]); а въ случаѣ достиженія имъ короны, Финляндія паки приведена была бы къ Швеціи, и тѣмъ новый поводъ къ безпокойству неизбѣжному откроется. Впрочемъ успѣетъ ли онъ или не успѣетъ въ таковомъ своемъ предпріятіи, производство онаго будетъ на иждивеніи Финляндіи, и слѣдовательно въ крайній убытокъ а не пользу ея гражданъ. Мы же въ преселеніи принца Карла въ Финляндію получимъ весьма худого сосѣда, и по тому не можемъ не настоять тогда чтобы для безопасности нашей, береговая стража съ другой стороны Финскаго залива или большая часть оной намъ въ руки отдана была. Все сіе сказано къ вашему свѣдѣнію и дабы вы руководствуяся онымъ могли заранѣе распологать ваши отзывы и поступки по дѣламъ симъ; но покуда постъ Гекфоркскій и границы наши не будутъ очищены, ни какихъ предложеній слушать не должно, какъ и прежде предписано.

Бригадира Гастфера [2]) въ добрыхъ его намѣреніяхъ всемѣрно утверждать нужно, и вы здѣлаите ему черезъ Генерала Маіора Барона Спренгпортена обнадеженіе что естьли онъ исполнитъ свое обѣщаніе касательно собранія особаго сейма Финляндскаго, воспользуется Нашею щедротою; какъ скоро же

[1]) Будущаго короля Густава IV, съ 1809 г., по отреченіи, полковника Густавсона и его матери, супруги Густава III, королевы Софіи-Магдалины, 1746—1813, дочери датскаго короля Фридриха V.

[2]) Баронъ Гастферъ, бригадиръ шведскаго войска. Нѣсколько дней спустя, Екатерина II, узнавъ о подпискѣ, данной Гастферомъ барону Спренгпортену, что не подниметъ оружія противъ Россіи, воскликнула: «Какіе измѣнники! Буде бы не таковъ былъ король, то заслуживалъ бы сожалѣнія, но что дѣлать? надобно пользоваться обстоятельствами: съ непріятеля хоть шапку долой». Мѣсяцъ спустя, Гастферъ просилъ 10.000 талеровъ за снятіе осады Нейшлота и просился въ русскую службу—Екатерина сказала: «Хорошъ слуга *au plus offrant*. Однако, заплатить ему надобно». *Храповицкій*, 149, 172.

войски шведскія изъ Гекфорса выведены будутъ. то и прикажите барону Спренгпортену сюда пріѣхать для словеснаго съ нимъ о тамошнихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ изъясненія. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

«Флотиллья гребная въ пути дай Боже чтобъ скарея къ вамъ благополучно доѣхали».

25.

Въ С.П.бургѣ. Сентября 16 [1]). 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Съ особливымъ удовольствомъ видѣли мы изъ реляціи вашей отъ 14-го Сентября, что Шведскія войски наконецъ оставили крѣпкій постъ ихъ въ Гекфорсѣ и изъ предѣловъ нашихъ вышли. Полную справѣдливость отдаемъ тутъ вашимъ трудамъ и стараніямъ бывъ удостовѣрены что оными и дальнѣйшіе успѣхи способствуемы будутъ. По сіе время вы получили уже указъ нашъ отъ 14-го сего мѣсяца [2]), по содержанію котораго и будемъ ожидать вашихъ донесеній, а между тѣмъ, естьли вы находите что по суровости настоящаго времени войска наши требуютъ отдохновенія, дозволяемъ вамъ ввести оныя въ кантониръ квартиры, располагая такимъ образомъ чтобъ въ случаѣ, буде предстанетъ надобность и возможность здѣлать какой либо на непріятеля поискъ, были они готовы къ самоскорѣйшему выступленію. Баталіоны и эскадроны гвардіи, такожъ и ту гвардейскую команду, которая на судахъ гребныхъ отсюда

---

[1]) Въ засѣданіи Совѣта 18 сентября 1788 г. признано необходимымъ снабдить гр. Мусина-Пушкина «повелѣніемъ, чтобы онъ, пользуясь выступленіемъ непріятеля изъ границъ нашихъ и столь позднимъ, а потому уже и не весьма удобнымъ къ военнымъ дѣйствіямъ временемъ, учинилъ съ своей стороны надлежащія распоряженія, дабы Фридрихсгамъ и другія крѣпости осмотрѣны, исправлены и приведены были въ состояніе противустоять предпринимаемымъ иногда вновь отъ непріятеля поискамъ». Арх. Гос. Сов., I, 1, 607.

[2]) Этого указа въ бумагахъ нашихъ не оказалось.

послана была прикажите отправить въ столицу, оба Кирасирскіе полка отпустите въ ихъ квартиры, а полкъ Карабинерный, буде онъ по усмотрѣнію вашему нуженъ и помѣщеніе его тамъ удобно, можете оставить съ прочими войсками въ Финляндіи. Весьма полезно и нужно было-бы, чтобъ при занятіи Гокфорса и другихъ постовъ служащихъ къ закрытію границъ нашихъ, на оныхъ построены были жилища для выгоднаго помѣщенія войскъ, или командъ, туда отряжаемыхъ; о чемъ вы по лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію не оставте здѣлать потребныя распоряженія; а выборгскій губернаторъ и въ общѣ тамошнее земское начальство долженствуютъ вамъ въ исполненіи того подать всякую помощь. Гребные суда въ Кронштадтъ не возвращать, но оставить на зиму въ Выборгѣ; а еще и лучше было-бы въ Фридрихсгамѣ, буде можно, только принявъ всѣ мѣры надобныя, какъ къ выгодѣ людей и сохраненію судовъ, такъ и предостереженію, дабы въ зимнее время непріятель не успѣлъ въ какомъ либо на вредъ или истребленіе ихъ покушеніи.

Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

26.

Въ С.П.бургѣ. Сентября 28. 1788 г.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Для удобнѣйшаго объясненія о всемъ касающемся до настоящихъ нашихъ дѣлъ съ шведами и финами и для снабдѣнія васъ дальнѣйшими повелѣніями, я желаю, чтобъ вы сюда [1]) на нѣсколько дней пріѣхали. Пребываю впрочемъ Вамъ благосклонная

«Екатерина».

---

[1]) 7-го октября гр. Мусинъ-Пушкинъ былъ уже въ Петербургѣ (*Храповицкій*, стр. 174), гдѣ засѣдалъ въ Совѣтѣ и, между прочимъ, подписалъ протоколъ засѣданія 2 января 1789 г., когда обсуждался вопросъ о намѣреніи Финляндіи отложиться отъ Швеціи. Арх. Гос. Сов., I, 1. 655—660.

27.

Въ С.П.бургѣ. Октября 18. 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. На будущую компанію противу непріятеля Нашего Короля Шведскаго назначается гребной флотъ, и въ числѣ онаго полагается судовъ на Шведской образъ построенныхъ и галеръ по крайней мѣрѣ тридцать, кромѣ шебекъ, катеровъ, бомбардирскихъ, канонерскихъ и иныхъ; а какъ дѣйствія сего гребнаго флота съ таковыми же арміи вами предводимой сопряжены неразрывно, то и поручаемъ вамъ теперь же по сношенію съ вице-президентомъ Адмиралитейской Коллегіи Графомъ Чернышевымъ [1]), сколько какого рода судовъ для составленія помянутаго гребнаго флота имѣется и построено быть можетъ, освидѣтельствовать изъ галеръ тѣ, кои готовы уже, могутъ ли благонадежнымъ образомъ и съ пользою для службы Нашей употреблены быть, или же требуютъ передѣлки или исправленій; да и вьобщѣ постановить съ нимъ сколько какихъ судовъ потребно, дабы сія часть силъ Нашихъ на слѣдующій годъ въ преимущественномъ количествѣ предъ непріятелемъ вытти могла, и потому что можно успѣть вновь построить или передѣлать, о чемъ и будемъ ожидать вашего обстоятельнаго репорта. Для осмотра галеръ вы можете взять къ пособію вашему кого разсудите за благо изъ чиновъ Адмиралитейскаго вѣдомства. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

28.

Въ С.П.бургѣ. Ноября 10 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Какъ по настоящимъ обстоятельствамъ не можно отнюдъ отъ бригадира Гастфера

[1]) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, 1726—1797, сенаторъ, дѣйствительный камергеръ.

и другихъ финовъ ожидать какого либо въ тамошнихъ дѣлахъ пособія, то и прикажите Генералу Маіору Барону Шулцу извѣстныя три тысячи червонныхъ сюда возвратить. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

«Да отъ Рубана отберитѣ данные деньги и потребуете отщетъ въ издержанныхъ».

29.

(4 февр. [1])—6 мая 1789).

«Прикажите изъ Выбурха суда привесть пленнаго шведкаго маладова Армфелда [2]) которой впрошедшую лѣту взять и съ докторомъ и третіи пленны съ ними взятаго и пошлите ихъ теперъ къ Князю Потемкину, буде же еще есть въ финландіи пленные шведскіе офицеры пришлите ихъ къ нему же да и впредъ не держите не единаго Шведскаго офицера пленнаго въ финландіи».

30.

Въ С.П.Бургѣ. Апрѣля 10 [3]) 1789 г.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Объ отправленіи изъ числа назначенныхъ въ Финляндскую армію баталіоновъ, по одному отъ каждаго полку гвардіи данъ указъ нашъ въ тѣ полки,

---

[1]) 4-го апрѣля 1789 г. «подписанъ рескриптъ къ гр. Мусину-Пушкину о компаніи, согласной съ отзывомъ ея величества, и тутъ приложены оба плана Пистора». *Храповицкій*, 271.

[2]) Плѣненіе Армфельда, о которомъ донесено было особою реляціею (Собр. рел., II, 8), подвергавшееся г. Брикнеромъ сомнѣнію, только потому, что «нигдѣ болѣе не упоминается объ этомъ», должно стать теперь и для него несомнѣннымъ фактомъ.

[3]) 17-го апрѣля 1789 г. «подписанъ указъ гр. Мусину-Пушкину, чтобъ въ разныхъ мѣстахъ сильнѣе ударить и привесть ихъ (шведовъ) въ неизвѣстность, откуда опасаться имъ нападенія, а теперь двухъ плѣнныхъ отпустить для истолкованія, что переходили за Кюмень для того, что они начали нападать на наши посты». *Храповицкій*, 275.

съ тѣмъ чтобъ Артиллерія, обозы и всѣ тягости переправлены были через Неву, покуда проѣздъ через оную еще безъопасенъ. Какъ скоро сіи тягости перевезены будутъ, прикажите старшему изъ находящихся при нихъ офицеровъ принять ихъ въ команду, покуда самые баталіоны гвардіи съ ними сойдутся; а какимъ образомъ симъ баталіонамъ одному за другимъ слѣдовать дабы въ пути имъ предлежащемъ имѣли нужныя для нихъ выгоды, неоставте здѣлать надлежащія распоряженія, и о томъ, какъ съ полками гвардіи снестися такъ и посылаемому нынѣ при баталіонахъ генералу-маіору и гвардіи Измайловскаго полку преміеръ-маіору Арбеневу [1]) дать ваши предписанія. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

31.

Въ С.П.бургѣ. Апрѣля 23. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Движеніе непріятельское на границахъ, усиленіе постовъ и разныя пріуготовленія можно болѣе приписать опасенію входа Нашихъ войскъ въ его границы; но не меньше нужно и со стороны Нашей брать всѣ мѣры осторожности, о чемъ подтверждая вамъ желаемъ чтобъ вы Насъ извѣстили, какія вами здѣланы распоряженія относительно исправленія Фридригсгамской крѣпости и въобщѣ приведенія границъ Нашихъ въ оборону, да и объ успѣхахъ въ томъ Насъ ежечасно увѣдомляли. Впрочемъ, мы имѣемъ добрую надежду, что вы такимъ образомъ все устроили, что непріятель не токмо встрѣтитъ для себя уронъ, гдѣ онъ въ предѣлы Наши вторгнуться покусится, но и самъ еще отъ Нашихъ войскъ озабоченъ будетъ на основаніи дан-

---

[1]) Іосафъ Іевлевичъ Арбеневъ. По словамъ Екатерины II, этотъ Арбеневъ, ведя измайловцевъ въ Финляндію, говорилъ, что «съ роду не видалъ людей толь усердныхъ». См. записку къ П. А. Зубову (Сборн. Русс. Ист. Об., XLII, стр. 338, № 295), время составленія которой опредѣляется теперь довольно точно.

ныхъ отъ Насъ вамъ предписаній. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

32.

Въ С. П. Бургѣ. Апрѣля 28. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Донесеніе ваше отъ 26-го сего мѣсяца объ отраженіи непріятельскаго нападенія на постъ Нашъ Сомменемскій [1]) и о прогнаніи его съ урономъ, вчера Мы получили. Расторопность начальниковъ и храбрость ихъ и всего войска Нашего заслуживаютъ наше особливое благоволеніе, которое вы имъ объявите. Видѣвъ впрочемъ изъ сего донесенія вашего, что непріятель тутъ имѣлъ пушки, но не усматривая были ли оныя при нашемъ пѣхотномъ отрядѣ, желаемъ, чтобъ вы Насъ о томъ увѣдомили. Сіе весьма было бы полезно и нужно; ибо инако пѣхотнымъ Нашимъ постамъ трудно будетъ держаться противу нападенія такихъ войскъ, которые по видимому вездѣ пушки употребляютъ. Еще бы лучше и надежнѣе было, естьли бы Наши посты и мосты укрѣплены были редантами и редутами, какъ гдѣ удобнѣе, о чемъ и приложите всевозможное стараніе.

По другому донесенію вашему отъ того же 26-го Апрѣля, объ укрѣпленіи Фридрихсгама и о прочемъ, Мы довольны вашими распоряженіями, и надѣемся, что попеченіемъ вашимъ помянутая крѣпость въ предположенное ей отъ Насъ, а и другія мѣста въ надежное къ оборонѣ состояніе скоро приведены будутъ. Работникамъ отъ земли, къ симъ укрѣпленіямъ наряжаемымъ, прикажите производить мѣсячный провіантъ противъ рядоваго, зачитая имъ оный въ число заработныхъ денегъ: а дабы сія дача ни малѣйшаго оскудѣнія въ пропитаніи войскъ не причинила, велѣно отъ Насъ такое количество, каковое потребно будетъ по числу работниковъ, за-

[1]) Собраніе реляцій, II, 22.

мѣнить новымъ доставленіемъ въ провянтскіе тамошніе магазеины. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

33.

Въ Царскомъ Селѣ. Мая 4. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Въ слѣдъ за извѣстіемъ, вчера присланнымъ отъ генерала Каменскаго [1]) изъ Молдавіи о весьма удачномъ поискѣ 16-го Апрѣля произведенномъ Генераломъ Порутчикомъ Дерфелденомъ [2]) надъ непріятелемъ при Максиненахъ на рѣкѣ Серетѣ, гдѣ турки потеряли болѣе 400 убитыхъ, мы-же получили въ плѣнъ дву-бунчужнаго Якубъ-пашу, двухъ Бин-башей болѣе ста другихъ, да въ добычу пушку и четыре знамя, получила я сегодня новое увѣдомленіе, что 20-го того-же мѣсяца помянутый Генералъ-Порутчикъ Дерфелденъ на Дунаѣ при Галацѣ одержалъ знатную побѣду атаковавъ непріятеля, въ двухъ укрѣпленіяхъ державшагося, и выбивъ его изъ оныхъ по жестокой болѣе трехъ часовъ продолжавшейся оборонѣ. Непріятель потерялъ тутъ убитыми до 1500 человѣкъ,; главнокомандовавшій симъ корпусомъ Ибрагимъ-паша со множествомъ чиновныхъ и болѣе тысячи другихъ турковъ взяты въ плѣнъ. Весь лагерь, обозъ, артиллерія и знамена намъ въ добычу досталися. Потеря съ нашей стороны состоитъ до 60 убитыхъ и до ста ранненыхъ. Въ слѣдующее воскресеніе принесено будетъ здѣсь при пушечной пальбѣ благодареніе Богу поборнику по справедливости дѣла нашего. Я желаю чтобъ вы то-же и у себя здѣ-

---

[1]) Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, 1738—1809, генералъ-аншефъ, возбудившій своимъ поведеніемъ, по случаю смерти кн. Потемкина, немилость Екатерины II и возведенный Павломъ I, въ день же коронаціи, въ графское достоинство. Сынъ его, графъ Николай Михайловичъ, прославился во время финляндской войны 1808 года.

[2]) Отто-Вильгельмъ фонъ-Дерфельденъ, вступилъ въ службу въ 1754 г.; съ 1786 г. генералъ-поручикъ.

...сихъ происшествiяхъ намъ съ армiи оказа-
... свѣдѣнiя въ слѣдствiе довели. Пребываю
...нная

«Екатерина».

34.

Въ Царскомъ Селѣ. 4 Мая, 1789 года.

...тинъ Платоновичъ! Разныя извѣстiя ваши о
...непрiятельскими постами во многихъ мѣстахъ
...женныхъ. Мы получили, видѣвъ съ удоволь-
...ь войска Нашего и расторопность начальни-
... имъ дайте знать.
... для подвижнаго магазейна, который по соб-
...женiю вашему нуженъ вамъ будетъ, въ то
...ставетъ удобность къ наступательнымъ дѣй-
...ся съ выборгскимъ губернаторомъ, сколько
... подводъ изъ тамошней губернiи, хотя на-

явите. За багажъ солдатскій при семъ случаѣ сожженный, прикажите заплатить изъ казны Нашей по достовѣрнымъ выправкамъ; да и Офицерамъ, кои тутъ отъ пожара [1]) потерпѣли убытокъ, прикажите такъ же выдать за треть не въ зачетъ жалованье.

Что принадлежитъ до требованія Шведскаго Бригадира Штединга [2]) къ Генералу-Маіору Барону Шульцу и къ Маіору Пистоленкорсу [3]) присланнаго, дабы сей послѣдній будто бы на слово отпущенный Бригадиромъ Гастферомъ, у нихъ явился, прикажите Генералу-Маіору Барону Шульцу отвѣтствовать, что Пистоленкорсъ не могъ отнюдь почитаться военноплѣннымъ, для того что будучи въ отставкѣ жилъ онъ покойно въ своемъ домѣ, и захваченъ не въ дѣлѣ военномъ, но прежде нежели война со стороны Короля Шведскаго противъ Насъ объявлена была: требуемыхъ же плѣнныхъ Шведскихъ въ замѣну тѣхъ Россійскихъ подданныхъ, кои Бригадиромъ Гастферомъ захвачены и отпущены послать неможно, для того, что у насъ съ королемъ Шведскимъ никакого о размѣнѣ плѣнныхъ постановленія нѣтъ; да и что когда нѣкоторые изъ Шведскихъ плѣнныхъ по единому Нашему великодушію отпущены были, не приняты въ границы; а Маіоръ Пистоленкорсъ долженъ отвѣтствовать, что онъ ничего самъ

---

[1]) «Пожаръ, произшедшій отъ сильнаго огня непріятеля и объявшій позади редута находящееся строеніе, въ которомъ хранились нѣкоторыя аммуничныя вещи и багажъ офицерскій и солдатскій», Собр. реляцій, II, 25.

[2]) Куртъ Стедингъ (Stedingk), 1746—1837, позже графъ и фельдмаршалъ. До заключенія верельскаго мира находился при шведскомъ войскѣ, а послѣ мира—въ Петербургѣ, шведскимъ посланникомъ; ему же суждено было подписать фридрихсгамскій договоръ 1809 г. Другъ Густава III, уважаемый Екатериною II, боецъ за освобожденіе Америки, храбрость котораго признавалась даже врагами, авторъ «Мемуаровъ», обличающихъ умъ, талантъ и веселый нравъ.

[3]) Тотъ самый, который «провожалъ» Стединга въ его посѣщеніи Нишлота и «при переправѣ въ лодкѣ правилъ рулемъ», если вѣрить письму Стединга отъ 24 іюня 1788 г. Mémoires, I, 88.

сказать не можетъ, а ссылается на отповѣдь начальства. Пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

36.

Въ Царскомъ Селѣ. Мая 22 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Обнародованіе плаката [1]) отъ имени вашего при вступленіи войскъ нашихъ въ Шведскія границы мы почитаемъ нужнымъ, почему въ слѣдъ за симъ доставить вамъ оный неумедлимъ. Карабли и фрегаты изъ Кронштата для составленія флота Адмираломъ Чичаговымъ [2]) предводимаго были уже за нѣсколько дней на рейду выведены, а вчера большая часть ихъ въ путь отправилися. На гребной флотъ съ завтрешняго дня начнутъ сажать войски, и къ скорѣйшей его высылкѣ принято будетъ всевозможное попеченіе. Баталіоны гвардіи отправятся подъ командою бригадира и гвардіи Измайлскаго полку Секундъ-Маіора Кушелева [3]), а для начальства надъ полевыми войсками нужно чтобъ вы поспѣшили прислать сюда Генерала-Маіора Страндмана [4]). Бригадиръ Врангель [5]) наряженъ при морскихъ солдатскихъ баталіонахъ. Впрочемъ мы не оставимъ взять мѣры чтобъ сіе вооруженіе колико можно сильнѣе было, и чтобъ въ общѣ доставлены вамъ были способы къ надежному про-

[1]) Еще 29 іюля 1788 г. была «дана записка, чтобы составить плакаты для финцовъ шведовъ, дабы, не пріемля оружія, оставались спокойны въ домахъ своихъ». *Храповицкій*, 119.

[2]) Василій Яковлевичъ Чичаговъ, 1726—1809, адмиралъ, во время шведской войны особенно отличившійся. Екатерина II высоко цѣнила эти его заслуги, видя въ немъ «послѣдователя примѣра, побѣдителемъ при Чесмѣ показаннаго».

[3]) Иванъ Ивановичъ Кушелевъ, состоявшій при в. к. Александрѣ Павловичѣ; позже сенаторъ.

[4]) Оттонъ Густавовичъ Штрандманъ, который, по отзыву Екатерины II, отъ 19 окт. 1789 г., «почти ослѣпъ», и подлежалъ замѣнѣ другимъ лицомъ.

[5]) Карлъ Ивановичъ Врангель, отличавшійся въ первую турецкую войну, бывши подполковникомъ.

изведенію въ дѣйство вашихъ предпріятій. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

37.

Въ Царскомъ селѣ. Іюня 2. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Указомъ Нашимъ отъ 22-го Мая вы уже предъувѣдомлены, что три баталіона пѣхотныя полковъ Нашей гвардіи посажены и отправлены на гребномъ флотѣ подъ командой Бригадира и гвардіи Измайловскаго полку Секундъ-Маіора Кушелева. Какъ скоро по прибытіи сихъ баталіоновъ къ Фридрихсгаму или другому мѣсту отъ васъ назначаемому вы признаете за благо ихъ снять замѣняя прочими войсками, то и прикажите помянутому гвардіи Секундъ-Маіору сюда возвратиться. Но буде бы по обстоятельствамъ баталіоны гвардіи на гребномъ флотѣ такъ скоро сняты и другими войсками замѣнены быть не могли, въ такомъ случаѣ гвардіи маіора Кушелева возвратите, а для команды надъ ними на судахъ пошлите генерала-маіора Арбенева, тѣмъ болѣе что генералъ-маіоръ и гвардіи Преображенскаго полку премієръ-маіоръ Татищевъ [1]) назначенный при всемъ отрядѣ гвардіи, для принятія начальства надъ нимъ, въ слѣдъ за симъ отправится. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

38.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюня 2. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Получая сей часъ пріятное извѣстіе о вступленіи войскъ нашихъ въ непріятельскія границы, поздравляю васъ успѣхомъ, тутъ одержаннымъ. Относи оный во первыхъ къ благоразумнымъ вашимъ распоряженіямъ,

[1]) Николай Алексѣевичъ.

поручаю вамъ объявить Мое благоволеніе Генералу-Порутчику Михельсону и прочимъ усердно и храбро тутъ подвизавшимся. Ожидаю дальнѣйшихъ отъ васъ извѣстій, между тѣмъ плакаты къ вамъ уже доставлены, и я желаю чтобъ они въ дѣйствіяхъ вашихъ принесли пользу и пособіе. Флотъ гребной изъ Кронштата отправится чрезъ три дня тоесть 5-го Іюня. Сіе весьма нужно было для приведенія всего въ лучшую исправность. Остаюсь на всегда вамъ благосклонная

«Екатерина».

39.

«Въ Царскомъ селѣ. Іюня 5-го 1789 года».

Графъ Валентинъ Платоновичь! Пополнительное донесеніе ваше отъ 2-го Іюня о пораженіи непріятеля при Кири и о занятіи Христины, Мы съ особливымъ удовольствомъ получили. Повторяя признаніе Наше къ вашимъ трудамъ, желаемъ чтобъ вы Генералу-Порутчику Михельсону и прочимъ ревность и храбрость тутъ оказавшимъ, преподали новыя увѣренія о нашемъ къ нимъ отличномъ благоволеніи, и что Мы неприминемъ явить имъ знаки онаго. О контузіи, полученной Генералъ-Маіоромъ Денисовымъ [1]), сожалѣемъ и ожидаемъ увѣдомленія въ какомъ онъ нынѣ состояніи. Дай Богъ вамъ благополучные успѣхи и во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

40.

«Въ Царскомъ селѣ. 12-го іюня 1789 года».

Графъ Валентинъ Платоновичъ. При самомъ отправленіи курьера къ вамъ получила я вашу реляцію отъ 10-го іюня

---

[1]) Θедоръ Петровичъ Денисовъ, походный атаманъ донского войска. Свое участіе въ шведской войнѣ 1789 г. онъ началъ удачнымъ выполненіемъ плана кн. Потемкина (Сборн. Русск. Ист. Общ., XLII, 60) и затѣмъ во все время войны отличался храбростью и распорядительностью (Собр. реляцій, II, 20, 29, 34, 35, 45, 91, 95, 103).

о движеніяхъ непріятельскихъ на лѣвомъ вашемъ флангѣ. Я увѣрена что у васъ взяты достаточныя мѣры къ отраженію непріятеля и къ обращенію въ гибель покушеній его какъ къ сторонѣ Фридрихсгама, такъ и на корпусъ Генерала-Порутчика Михелсона буде бы онъ туда обратилъ знатныя силы. Гребной флотъ былъ еще и вчера у Толбухина Маяка по причинѣ противнаго вѣтра. Извѣстія отъ васъ полученныя сообщены Вице-Адмиралу Нассау-Зигенъ [1]), который не преминетъ поспѣшить къ мѣсту отъ васъ назначенному, коль скоро время дозволитъ. Съ удовольствомъ извѣщаюся о производствѣ работъ фридрихсгамскихъ. Пребываю всегда вамъ доброжелательная

«Екатерина».

41.

«Въ Царскомъ селѣ. 9-го іюня 1789 года».

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Въ воздояніе усердія къ службѣ и отличной храбрости, генералъ-маіоръ Денисовъ и камеръ-юнкеръ и гвардіи капитанъ Бибиковъ [2]), съ симъ получатъ данные имъ военные ордены Святаго Георгія, первый — третьяго, а послѣдній четвертаго класса. Генералъ-маіору барону Спренгпортену пожаловали мы въ вѣчное и потомственное владѣніе состоящій за нимъ безъ платежа арендныхъ денегъ могилевской економіи нынче Кулешевскій. Премієръ-маіору и войска донскаго походному полковнику Леонову [3]) объявите чинъ подполковника. Сына маіора Спренг-

[1]) Принцъ Карлъ-Гейнрихъ Нассау-Зигенъ, 1745—1805, въ русской службѣ съ 1780 г.; съ 1788 г. вице-адмиралъ; въ шведскую войну начальствовалъ галернымъ флотомъ, разбилъ шведовъ при Свенскзундѣ, 13-го августа 1789 г., и при Свенскзундѣ же былъ разбитъ шведами, 28-го іюня 1790 г.

[2]) Александръ Александровичъ Бибиковъ, 1765—1822, предводитель петербургскаго ополченія въ 1812 г. и авторъ «Записокъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова». О его подвигахъ въ шведскую войну см. Собр. реляцій, II, 29, 35, 56 и 70.

[3]) «Генералъ-порутчикъ Михельсонъ похваляетъ съ отличною храбростію и неустрашимостью поступавшаго премьеръ-маіора и войска донскаго полков-

лали, и чтобъ о сихъ произшествіяхъ какъ въ арміи ознаменили, такъ и до свѣденія въ сосѣдствѣ довели. Пребываю вамъ благосклонная

«Екатерина».

34.

Въ Царскомъ Селѣ. 4 Мая. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь! Разныя извѣстія ваши о поискахъ надъ непріятельскими постами во многихъ мѣстахъ удачно произведенныхъ, Мы получили, видѣвъ съ удовольствомъ храбрость войска Нашего и расторопность начальниковъ, о чемъ вы имъ дайте знать.

О лошадяхъ для подвижнаго магазеина, который по собственному донесенію вашему нуженъ вамъ будетъ, въ то время когда настанетъ удобность къ наступательнымъ дѣйствіямъ снеситеся съ выборгскимъ губернаторомъ, сколько можно получить подводъ изъ тамошней губерніи, хотя назнача имъ довольную плату, а потомъ сообразя не можно ли будетъ замѣнять еще нѣкоторое число подвозомъ на судахъ наемныхъ пріохраненіи гребнаго флота Нашего, увѣдомте насъ нужно ли еще будетъ въ дополненіе таго имѣть и какое количество подводъ для означеннаго магазеина. Пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

35.

Въ Царскомъ Селѣ. 15 Мая[1]. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Храбрый отпоръ Рускольскаго Нашего поста противу непріятельскаго въ превосходныхъ силахъ нападенія, заслуживаетъ особливую похвалу, которую вы отъ имени Нашего тутъ подвизавшимся объ-

[1]) 17-го мая 1789 г. гр. Мусину-Пушкину «посланъ указъ» съ апробаціею его намѣренія взять Христину. *Храповицкій*, 284.

явите. За багажъ солдатскій при семъ случаѣ сожженный, прикажите заплатить изъ казны Нашей по достовѣрнымъ выправкамъ; да и Офицерамъ, кои тутъ отъ пожара [1]) потерпѣли убытокъ, прикажите такъ же выдать за треть не въ зачетъ жалованье.

Что принадлежитъ до требованія Шведскаго Бригадира Штединга [2]) къ Генералу-Маіору Барону Шульцу и къ Маіору Пистоленкорсу [3]) присланнаго, дабы сей послѣдній будто бы на слово отпущенный Бригадиромъ Гастферомъ, у нихъ явился, прикажите Генералу-Маіору Барону Шульцу отвѣтствовать, что Пистоленкорсъ не могъ отнюдъ почитаться военноплѣннымъ, для того что будучи въ отставкѣ жилъ онъ покойно въ своемъ домѣ, и захваченъ не въ дѣлѣ военномъ, но прежде нежели война со стороны Короля Шведскаго противъ Насъ объявлена была: требуемыхъ же плѣнныхъ Шведскихъ въ замѣну тѣхъ Россійскихъ подданныхъ, кои Бригадиромъ Гастферомъ захвачены и отпущены послать неможно, для того, что у насъ съ королемъ Шведскимъ никакого о размѣнѣ плѣнныхъ постановленія нѣтъ; да и что когда нѣкоторые изъ Шведскихъ плѣнныхъ по единому Нашему великодушію отпущены были, не приняты въ границы; а Маіоръ Пистоленкорсъ долженъ отвѣтствовать, что онъ ничего самъ

---

[1]) «Пожаръ, произшедшій отъ сильнаго огня непріятеля и объявшій позади редута находящееся строеніе, въ которомъ хранились нѣкоторыя аммуничныя вещи и багажъ офицерскій и солдатскій». Собр. реляцій, II, 25.

[2]) Куртъ Стедингъ (Stedingk), 1746—1837, позже графъ и фельдмаршалъ. До заключенія верельскаго мира находился при шведскомъ войскѣ, а послѣ мира—въ Петербургѣ, шведскимъ посланникомъ; ему же суждено было подписать фридрихсгамскій договоръ 1809 г. Другъ Густава III, уважаемый Екатериною II, боецъ за освобожденіе Америки, храбрость котораго признавалась даже врагами, авторъ «Мемуаровъ», обличающихъ умъ, талантъ и веселый нравъ.

[3]) Тотъ самый, который «провожалъ» Стединга въ его посѣщеніи Нишлота и «при переправѣ въ лодкѣ правилъ рулемъ», если вѣрить письму Стединга отъ 24 іюня 1788 г. Mémoires, I, 88.

сказать не можетъ, а ссылается на отповѣдь начальства. Пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

36.

Въ Царскомъ Селѣ. Мая 22 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Обнародованіе плаката[1]) отъ имени вашего при вступленіи войскъ нашихъ въ Шведскія границы мы почитаемъ нужнымъ, почему въ слѣдъ за симъ доставить вамъ оный неумедлимъ. Карабли и фрегаты изъ Кронштата для составленія флота Адмираломъ Чичаговымъ [2]) предводимаго были уже за нѣсколько дней на рейду выведены, а вчера большая часть ихъ въ путь отправилися. На гребной флотъ съ завтрешняго дня начнутъ сажать войски, и къ скорѣйшей его высылкѣ принято будетъ всевозможное попеченіе. Баталіоны гвардіи отправятся подъ командою бригадира и гвардіи Измайлскаго полку Секундъ-Маіора Кушелева [3]), а для начальства надъ полевыми войсками нужно чтобъ вы поспѣшили прислать сюда Генерала-Маіора Страндмана [4]). Бригадиръ Врангель [5]) наряженъ при морскихъ солдатскихъ баталіонахъ. Впрочемъ мы не оставимъ взять мѣры чтобъ сіе вооруженіе колико можно сильнѣе было, и чтобъ въ общѣ доставлены вамъ были способы къ надежному про-

---

[1]) Еще 29 іюля 1788 г. была «дана записка, чтобы составить плакаты для финцовъ шведовъ, дабы, не пріемля оружія, оставались спокойны въ домахъ своихъ». *Храповицкій*, 119.

[2]) Василій Яковлевичъ Чичаговъ, 1726—1809, адмиралъ, во время шведской войны особенно отличившійся. Екатерина II высоко цѣнила эти его заслуги, видя въ немъ «послѣдователя примѣра, побѣдителемъ при Чесмѣ показаннаго».

[3]) Иванъ Ивановичъ Кушелевъ, состоявшій при в. к. Александрѣ Павловичѣ; позже сенаторъ.

[4]) Оттонъ Густавовичъ Штрандманъ, который, по отзыву Екатерины II, отъ 19 окт. 1789 г., «почти ослѣпъ», и подлежалъ замѣнѣ другимъ лицомъ.

[5]) Карлъ Ивановичъ Врангель, отличавшійся въ первую турецкую войну, *бывши* подполковникомъ.

изведенію въ дѣйство вашихъ предпріятій. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

37.

Въ Царскомъ селѣ. Іюня 2. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Указомъ Нашимъ отъ 22-го Мая вы уже предъувѣдомлены, что три баталіона пѣхотныя полковъ Нашей гвардіи посажены и отправлены на гребномъ флотѣ подъ командой Бригадира и гвардіи Измайловскаго полку Секундъ-Маіора Кушелева. Какъ скоро по прибытіи сихъ баталіоновъ къ Фридрихсгаму или другому мѣсту отъ васъ назначаемому вы признаете за благо ихъ снять замѣняя прочими войсками, то и прикажите помянутому гвардіи Секундъ-Маіору сюда возвратиться. Но буде бы по обстоятельствамъ баталіоны гвардіи на гребномъ флотѣ такъ скоро сняты и другими войсками замѣнены быть не могли, въ такомъ случаѣ гвардіи маіора Кушелева возвратите, а для команды надъ ними на судахъ пошлите генерала-маіора Арбенева, тѣмъ болѣе что генералъ-маіоръ и гвардіи Преображенскаго полку преміеръ-маіоръ Татищевъ [1]) назначенный при всемъ отрядѣ гвардіи, для принятія начальства надъ нимъ, въ слѣдъ за симъ отправится. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

38.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюня 2. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Получая сей часъ пріятное извѣстіе о вступленіи войскъ нашихъ въ непріятельскія границы, поздравляю васъ успѣхомъ, тутъ одержаннымъ. Относя оный во первыхъ къ благоразумнымъ вашимъ распоряженіямъ,

---

[1]) Николай Алексѣевичъ.

поручаю вамъ объявить Мое благоволеніе Генералу-Порутчику Михельсону и прочимъ усердно и храбро тутъ подвизавшимся. Ожидаю дальнѣйшихъ отъ васъ извѣстій, между тѣмъ плакаты къ вамъ уже доставлены, и я желаю чтобъ они въ дѣйствіяхъ вашихъ принесли пользу и пособіе. Флотъ гребной изъ Кронштата отправится чрезъ три дня тоесть 5-го Іюня. Сіе весьма нужно было для приведенія всего въ лучшую исправность. Остаюсь на всегда вамъ благосклонная

«Екатерина».

39.

«Въ Царскомъ селѣ. Іюня 5-го 1789 года».

Графъ Валентинъ Платоновичь! Пополнительное донесеніе ваше отъ 2-го Іюня о пораженіи непріятеля при Кири и о занятіи Христины, Мы съ особливымъ удовольствомъ получили. Повторяя признаніе Наше къ вашимъ трудамъ, желаемъ чтобъ вы Генералу-Порутчику Михельсону и прочимъ ревность и храбрость тутъ оказавшимъ, преподали новыя увѣренія о нашемъ къ нимъ отличномъ благоволеніи, и что Мы неприминемъ явить имъ знаки онаго. О контузіи, полученной Генералъ-Маіоромъ Денисовымъ [1]), сожалѣемъ и ожидаемъ увѣдомленія въ какомъ онъ нынѣ состояніи. Дай Богъ вамъ благополучные успѣхи и во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

40.

«Въ Царскомъ селѣ. 12-го іюня 1789 года».

Графъ Валентинъ Платоновичъ. При самомъ отправленіи курьера къ вамъ получила я вашу реляцію отъ 10-го іюня

---

[1]) Ѳедоръ Петровичъ Денисовъ, походный атаманъ донского войска. Свое участіе въ шведской войнѣ 1789 г. онъ началъ удачнымъ выполненіемъ плана кн. Потемкина (Сборн. Русск. Ист. Общ., XLII, 60) и затѣмъ во все время войны отличался храбростью и распорядительностью (Собр. реляцій, II, 20, 29, 34, 35, 45, 91, 95, 103).

о движеніяхъ непріятельскихъ на лѣвомъ вашемъ флангѣ. Я увѣрена что у васъ взяты достаточныя мѣры къ отраженію непріятеля и къ обращенію въ гибель покушеній его какъ къ сторонѣ Фридрихсгама, такъ и на корпусъ Генерала-Порутчика Михелсона буде бы онъ туда обратилъ знатныя силы. Гребной флотъ былъ еще и вчера у Толбухина Маяка по причинѣ противнаго вѣтра. Извѣстія отъ васъ полученныя сообщены Вице-Адмиралу Нассау-Зигенъ [1]), который не преминетъ поспѣшить къ мѣсту отъ васъ назначенному, коль скоро время дозволитъ. Съ удовольствомъ извѣщаюся о производствѣ работъ фридрихсгамскихъ. Пребываю всегда вамъ доброжелательная

«Екатерина».

41.

«Въ Царскомъ селѣ. 9-го іюня 1789 года».

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Въ воздояніе усердія къ службѣ и отличной храбрости генералъ-маіоръ Денисовъ и камеръ-юнкеръ и гвардіи капитанъ Бибиковъ [2]), съ симъ получатъ данные имъ военные ордены Святаго Георгія, первый — третьяго, а послѣдній четвертаго класса. Генералъ-маіору барону Спренгпортену пожаловали мы въ вѣчное и потомственное владѣніе состоящій за нимъ безъ платежа арендныхъ денегъ могилевской економіи нынче Кулешевскій. Премієръ-маіору и войска донскаго походному полковнику Леонову [3]) объявите чинъ подполковника. Сына маіора Спренг-

[1]) Принцъ Карлъ-Гейнрихъ Нассау-Зигенъ, 1745—1805, въ русской службѣ съ 1780 г.; съ 1788 г. вице-адмиралъ; въ шведскую войну начальствовалъ галернымъ флотомъ, разбилъ шведовъ при Свенскзундѣ, 13-го августа 1789 г., и при Свенскзундѣ же былъ разбитъ шведами, 28-го іюня 1790 г.

[2]) Александръ Александровичъ Бибиковъ, 1765—1822, предводитель петербургскаго ополченія въ 1812 г. и авторъ «Записокъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова». О его подвигахъ въ шведскую войну см. Собр. реляцій, II, 29, 35, 56 и 70.

[3]) «Генералъ-порутчикъ Михельсонъ похваляетъ съ отличною храбростію и неустрашимостью поступавшаго премьеръ-маіора и войска донскаго полков-

портена [1]) жалуемъ арміи нашей въ капитаны предоставляя вамъ помѣстить сходно желанію его въ пѣхотѣ или конницѣ. При награжденіи прочихъ отличившихся чинами, отъ васъ зависящемъ неоставте безъ уваженія и башкирскихъ старшинъ ревность и храбрость ихъ оказавшихъ, для вящаго къ тому сего войска поощренія.

О генералахъ-Маіорахъ баронѣ Спренгпортенѣ, Денисовѣ и Бергманѣ [2]), такожь камеръ-юнкерѣ и гвардіи капитанѣ Бибиковѣ увѣдомте насъ въ какомъ они состояніи послѣ ранъ ими полученныхъ находятся, и дайте имъ знать что мы скорѣйшаго имъ выздоровлѣнія желаемъ. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

42.

Въ Царскомъ Селѣ Іюня 10 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Генералу Маіору Барону Шулцу за его ревностную службу и труды въ охраненіи границъ, и поискъ предъ Сулковымъ надъ непріятелемъ толь удачно произведенный, пожаловали Мы орденъ Святаго Владиміра большаго креста второй степени, который вы ему доставте, прочимъ же въ дѣлѣ семъ подвизавшимся объявите Наше благоволеніе. Мы теперь ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстій о дѣйствіяхъ вашихъ, желая чтобъ они добрыми успѣхами сопровождаемы были. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

ника Леонова, которой вездѣ тамъ находился, гдѣ была наибольшая опасность, потерявъ двухъ лошадей, подъ нимъ убитыхъ». Собр. реляцій, II, 30.

[1]) Раненый «въ дѣлѣ при Сантъ-Михелѣ», баронъ Спренгпортенъ-сынъ былъ позже рекомендованъ кн. Потемкину самою императрицею. Сбор. Русск. Истор. Общ., XLII, 74.

[2]) Петръ Ѳедоровичъ Бергманъ, котораго кн. Потемкинъ предлагалъ въ вице-полковники лейбъ-гренадерскаго полка, «моего любимаго», по словамъ *Екатерины* II (Сборн. Русск. Истор. Общ., XXVII, 522). О дѣятельности П. Ѳ. *Бергмана въ шведскую* войну см. Собр. реляцій, II, 34, 35, 84.

43.

Въ Царскомъ Селѣ Іюня 12 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь! Извѣстіемъ о пораженіи непріятеля передъ Сантъ-Михелемъ и занятіи сего мѣста, Мы тѣмъ болѣе обрадованы были, что сіе важное предпріятіе вашими благоразумными распоряженіями и ревностными трудами и храбростію Генерала-Порутчика Михельсона и прочихъ подъ его начальствомъ бывшихъ, произведено было съ малымъ для насъ урономъ. Заслуги тутъ отличившихся Мы неоставимъ безъ надлежащаго воззрѣнія; а между тѣмъ вѣдая вашу добрую волю напередъ увѣрены, что вы пользуяся успѣхами вашихъ предпріятій, оные далѣе и далѣе во вредъ непріятеля Нашего и на пользу Нашу распространять будете. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

44.

Въ Царскомъ Селѣ Іюня 26 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Поверхность одержанную отрядомъ нашимъ при Паркалаутѣ подъ командою флота капитана втораго ранга Шешукова надъ Шведами, усмотрите изъ копіи реляціи Адмирала Чичагова. Вы тутъ увидите такъ же что непріятель употребилъ каленыя ядра [1]), чѣмъ далъ право и въ нашу сторону на употребленіе равныхъ же способовъ къ его истребленію [2]). Постъ при Паркалаутѣ по важности и пользѣ имъ приносимой пресѣченіемъ сообщенія гребнымъ судамъ Шведскимъ между Гелзенфорсомъ и разными мѣстами къ весту лежащими, будетъ удерживаемъ и

[1]) «На батареѣ найденъ сдѣланный горнъ для каленія ядеръ, коихъ 15 были еще въ огнѣ». Собр. реляцій, II, 44.

[2]) Каленыя ядра не были новостью и для русскихъ войскъ; ихъ употребляли въ борьбѣ съ шайками Пугачева. *Дубровинъ*, Пугачевъ и его сообщники, II, 269.

подкрѣпленъ отъ резервной ескадры, которая какъ вамъ извѣстно во свое время будетъ служить въ пособіе дѣйствій на сухомъ пути и отъ гребнаго флота производимыхъ, какъ скоро токмо Богъ поможетъ отразить первыя непріятельскія усилія, въ чемъ вамъ наилучше успѣтб желаемъ. Пребывая всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

45.

Въ Царскомъ селѣ [1]) 29 Іюня 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь! Изъ двухъ реляцій вашихъ отъ 27 Іюня, пріятно Намъ было освѣдомиться что непріятельскія покушенія на десантъ, такожъ противу отряда въ Скоби, не имѣли удачи и были отъ нашихъ отражены. Вскорѣ надѣемся получить добрыя извѣстія и о дальнѣйшихъ успѣхахъ вашихъ.

Вице-Адмиралъ Принцъ Нассау, по ревности своей къ службѣ просилъ Насъ, чтобъ въ случаѣ высадки войскъ съ флота, не лишился онъ начальства надъ ними; почему и прикажите буде по усмотренію вашему окажется надобность снять изъ оныхъ знатное количество для дѣйствія на твердой землѣ, имѣть ему надъ ними команду; до возвращенія же его, на флотѣ гребномъ будетъ начальствовать Генералъ-Маіоръ графъ Литта [2]). Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

«Вы въ особе Принца Нассау получите одново храбраго Предводителя более».

---

[1]) Въ засѣданіи Совѣта 2-го іюля 1789 г. признано необходимымъ «предписать гр. Мусину-Пушкину дать генералу-поручику Тутолмину повелѣніе о сдѣланіи диверсіи произведеніемъ поиска въ предѣлы шведскіе находящимися въ Олонецкой губерніи войсками нашими». Арх. Гос. Сов., I, 1, 710.

[2]) Графъ Юлій Помпеевичъ Литта, 1765—1840, въ русской службѣ съ 1789 г.; за участіе въ роченсальмскомъ сраженіи произведенъ въ контръ-адмиралы; позже онъ былъ полномочнымъ министромъ мальтійскаго ордена.

46.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 6-го 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь! Распоряженія вами здѣланныя о дѣйствіяхъ и особливо чтобъ Вице-Адмиралъ Принцъ Нассау-Зигенъ учинилъ высадку войска сухопутнаго на берегъ между Ловизою и Борго, Мы пріемлемъ за благо, въ доброй надеждѣ, что при исполненіи сего взяты будутъ противу непріятельскихъ покушеній всѣ нужныя осторожности къ достаточной оборонѣ и обезпеченію судовъ, съ коихъ сей десантъ учинится. Пребываемъ вамъ всегда благосклонны

«Екатерина».

47.

Въ Царскомъ селѣ. Іюля 7. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Съ удовольствомъ получили мы ваше донесеніе отъ 5-го Іюля о разбитіи Генераломъ Маіоромъ Денисовымъ непріятеля [1]) противу него покусившагося, о чемъ подробныхъ извѣстій ожидаемъ, пребывая вамъ благосклонны

«Екатерина».

48.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 9 [2]) 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Генералу-Маіору Денисову въ знакъ особливаго нашего благоволенія къ его усердію и храбрости съ каковыми учинилъ онъ отпоръ непріятельскому покушенію отъ Ковалы, пожаловали мы золотую

[1]) Шведскій отрядъ, подъ командою генералъ-маіора Каульбарса, стоявшій при Коувалѣ, былъ разбитъ 4-го іюля и преслѣдуемъ до ночи, причемъ шведы потеряли болѣе 300 человѣкъ только убитыми (Собр. реляцій, II, 45).

[2]) 9-го же іюля 1789 года, въ Совѣтѣ, послѣ обсужденія предложенія пр. Нассау-Зигенъ, рѣшено «представить» на благоусмотрѣніе гр. Мусина-Пушкина «употребленіе войскъ десантныхъ». Арх. Гос. Сов., I, 1, 714.

подкрѣпленъ отъ резервной ескадры, которая какъ вамъ извѣстно во свое время будетъ служить въ пособіе дѣйствій на сухомъ пути и отъ гребнаго флота производимыхъ, какъ скоро токмо Богъ поможетъ отразить первыя непріятельскія усилія, въ чемъ вамъ наилучше успѣтб желаемъ. Пребывая всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

45.

Въ Царскомъ селѣ [1]) 29 Іюня 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь! Изъ двухъ реляцій вашихъ отъ 27 Іюня, пріятно Намъ было освѣдомиться что непріятельскія покушенія на десантъ, такожъ противу отряда въ Скоби, не имѣли удачи и были отъ нашихъ отражены. Вскорѣ надѣемся получить добрыя извѣстія и о дальнѣйшихъ успѣхахъ вашихъ.

Вице-Адмиралъ Принцъ Нассау, по ревности своей къ службѣ просилъ Насъ, чтобъ въ случаѣ высадки войскъ съ флота, не лишился онъ начальства надъ ними; почему и прикажите буде по усмотренію вашему окажется надобность снять изъ оныхъ знатное количество для дѣйствія на твердой землѣ, имѣть ему надъ ними команду; до возвращенія же его, на флотѣ гребномъ будетъ начальствовать Генералъ-Маіоръ графъ Литта [2]). Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

«Вы въ особе Принца Нассау получите одново храбраго Предводителя более».

---

[1]) Въ засѣданіи Совѣта 2-го іюля 1789 г. признано необходимымъ «предписать гр. Мусину-Пушкину дать генералу-поручику Тутолмину повелѣніе о сдѣланіи диверсіи произведеніемъ поиска въ предѣлы шведскіе находящимися въ Олонецкой губерніи войсками нашими». Арх. Гос. Сов., I, 1, 710.

[2]) Графъ Юлій Помпеевичъ Литта, 1765—1840, въ русской службѣ съ 1789 г.; за участіе въ роченсальмскомъ сраженіи произведенъ въ контръ-*адмиралы; позже* онъ былъ полномочнымъ министромъ мальтійскаго ордена.

46.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 6-го 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь! Распоряженія вами здѣланныя о дѣйствіяхъ и особливо чтобъ Вице-Адмиралъ Принцъ Нассау-Зигенъ учинилъ высадку войска сухопутнаго на берегъ между Ловизою и Борго, Мы пріемлемъ за благо, въ доброй надеждѣ, что при исполненіи сего взяты будутъ противу непріятельскихъ покушеній всѣ нужныя осторожности къ достаточной оборонѣ и обезпеченію судовъ, съ коихъ сей десантъ учинится. Пребываемъ вамъ всегда благосклонны

«Екатерина».

47.

Въ Царскомъ селѣ. Іюля 7. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Съ удовольствомъ получили мы ваше донесеніе отъ 5-го Іюля о разбитіи Генераломъ Маіоромъ Денисовымъ непріятеля [1]) противу него покусившагося, о чемъ подробныхъ извѣстій ожидаемъ, пребывая вамъ благосклонны

«Екатерина».

48.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 9 [2]) 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Генералу-Маіору Денисову въ знакъ особливаго нашего благоволенія къ его усердію и храбрости съ каковыми учинилъ онъ отпоръ непріятельскому покушенію отъ Ковалы, пожаловали мы золотую

---

[1]) Шведскій отрядъ, подъ командою генералъ-маіора Каульбарса, стоявшій при Коувалѣ, былъ разбитъ 4-го іюля и преслѣдуемъ до ночи, причемъ шведы потеряли болѣе 300 человѣкъ только убитыми (Собр. реляцій, II, 45).

[2]) 9-го же іюля 1789 года, въ Совѣтѣ, послѣ обсужденія предложенія пр. Нассау-Зигенъ, рѣшено «представить» на благоусмотрѣніе гр. Мусина-Пушкина «употребленіе войскъ десантныхъ». Арх. Гос. Сов., I, 1, 714.

съ алмазами саблю, которую прикажите ему доставить. Объявите и прочимъ. подъ начальствомъ его отличное мужество въ дѣлѣ семъ оказавшимъ, что мы съ особливымъ вниманіемъ взираемъ на подвиги ихъ. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

49.

Въ Царскомъ Селѣ, 14 Іюля 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Три реляціи ваши, первую отъ 10-го Іюля объ отраженіи полковникомъ Фроловымъ Багрѣевымъ нападенія непріятельскаго на постъ въ Тавасталѣ, и обращеніи сего покушенія во вредъ непріятелю [1]; вторую — отъ 11-го о прогнаніи шведскаго войска за Кимень при Коувалѣ и о прочемъ, и наконецъ третію объ отступленіи его къ Анъялѣ, такожъ о добрыхъ распоряженіяхъ вашихъ къ дальнѣйшимъ противу короля шведскаго предпріятіямъ мы получили съ особливымъ удовольствомъ желая вамъ наилучшихъ успѣховъ. Оказавшимъ въ помянутыхъ произшествіяхъ отличное мужество и расторопность объявите наше благоволеніе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

50.

Въ Царское Село. Іюля 15. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь! Реляціи ваши о дѣлѣ при Сантъ-Михелѣ подробную и потомъ о поверхностяхъ пріобрѣтенныхъ къ сторонѣ Йокаса и при Пумала-Зундѣ Мы получили, усматривая съ крайнимъ удовольствомъ, что вы благоразумными вашими распоряженіями предуспѣли обеспечить

[1] «Полковникъ Фроловъ-Багрѣевъ, перебравшись вплавь съ карабинерами и легкими войсками, тревожилъ непрестанно непріятеля до самого того времени, пока густой туманъ воспрепятствовалъ ему гнаться за оными далѣе». Собр. реляцій, II. 68.

правый флангъ вашъ и тѣмъ облегчили себѣ способы при сближеніи настоящемъ гребнаго флота Нашего нанесть заботу и страхъ непріятелю противу лѣваго крыла вашего, въ чемъ мы вамъ добрыхъ успѣховъ желаемъ.

Возобновленіе связей въ Финляндіи весьма полезно и мы оставляя вамъ употребить всѣ удобныя къ тому средства, дозволяемъ по разсмотренію вашему отпускать нѣкоторыхъ изъ плѣнныхъ офицеровъ надежнѣйшихъ, обязывая ихъ реверсами въ продолженіи настоящей войны не поднимать противу насъ оружія и по перьвому позыву явится въ Россію. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

51.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 15. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. При реляціи къ намъ отъ Вице-Адмирала Принца Нассау-Зингенъ представлено письмо полученное имъ отъ Генерала-Адъютанта Короля Шведскаго Барона Клингспора [1]) съ припискою своеручною Королевскою содержащею непристойныя израженія, чтобъ помянутый Вице-Адмиралъ наставилъ нашихъ къ лучшему наблюденію правъ военныхъ, и прочее тому подобное. За благо принявъ предварительную отповѣдь Принцемъ Нассау учиненную, что онъ отнесся къ вамъ какъ Главнокомандующему въ Финляндіи на сухомъ пути и морѣ, теперь препровождаемъ вамъ проектъ отвѣта вашего къ нему, который вы ему доставте съ предписаніемъ, дабы онъ послалъ его въ копіи къ Генералу-Адъютанту Короля Шведскаго, оставляя впрочемъ что до взаимства на личныя къ нему учтивости со стороны Короля, на собственную его Принца Нассау волю.

Между тѣмъ желаемъ получить отъ васъ по сей матеріи

---

[1]) Клингспоръ, какъ «Svenskt Biografiskt Lexikon», а не Клингепоръ, какъ Арх. Гос. Сов., I, 1, 716.

два свѣденія: первое, кто именно былъ офицеръ взятой Шведами при занятіи поста Кюменегордскаго, ибо въ реляціи вашей о плѣненіи такого офицера при означенномъ случаѣ не упоминается [1]); и второе, было ли подлинно что трубачь отъ стороны непріятельской присланный не принятъ и по немъ стреляли [2]). Нужно подтвердить начальникамъ чтобъ при сохраненіи всемѣрной осторожности наблюдаемы были и тѣ правила, которыя между просвѣщенными народами въ войнѣ приняты. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

52.

Въ Царскомъ Селѣ Августа 1. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Поискъ который по приказанію вашему произведенъ за Кюменью [3]) Генераломъ Маіоромъ Денисовымъ Мы заблаго пріемлемъ, и поручаемъ вамъ объявить помянутому Генералу-Маіору Наше благоволеніе къ его усердію и храбрости. Имѣя многіе опыты что гдѣ войска наши искали и атаковали непріятеля, тамъ поверхность была съ Нашей стороны, Мы полагаемъ, что вы не упустите тѣмъ пользоваться не только тревожа непріятеля, но и стараяся нанести ему чувствительные удары, дабы крат-

[1]) Въ реляціи отъ 20 іюля 1789 г. гр. Мусинъ-Пушкинъ представилъ объясненіе «касательно захваченнаго шведами офицера Сибилева, упомянутаго въ письмѣ барона Клингспора». Арх. Гос. Сов., I, 1, 719.

[2]) По мнѣнію Совѣта, на эту жалобу «можно бы изъяснить, что какъ король шведскій началъ войну, да и ведетъ ее совсѣмъ несоотвѣтственнымъ европейскому обычаю образомъ, то ему и не надлежало бы удивляться никакому противу него поступку, но что однако жъ при всемъ томъ не менѣе изслѣдовано будетъ о предъявляемой стрѣльбѣ на эскортъ ихъ, которая произведена конечно отъ одного какого-либо недоразумѣнія». Слѣдствіе и начато запросомъ императрицы, «подлинно-ли» такой случай имѣлъ мѣсто.

[3]) 28 іюля, по утру, генералъ-маіоръ Денисовъ, «перешедъ на непріятельскую сторону», напалъ на передовые шведскіе посты, сбилъ ихъ и заставилъ шведовъ бросить даже батарею, причемъ непріятель «не успѣлъ взять и *лафетных*ъ передковъ».

кое время для кампаніи остающееся не было потеряно. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

53.

Въ Царскомъ Селѣ Августа 7 1789 года [1]).

Графъ Валентинъ Платоновичь. Произведенное мужественное дѣло Инженернымъ Генераломъ-Маіоромъ Фонъ-Сухтеленомъ за рѣкою Кименью [2]) заслуживаетъ Наше особливое благоволеніе, которое вы помянутому Генералу-Маіору объявите съ тѣмъ что Мы по полученіи обстоятельнаго донесенія вашего, не оставимъ безъ награжденія трудовъ и подвиговъ его, такъ какъ и гранодерамъ храбро атаковавшимъ непріятельскую батарею, взявшимъ пушки и защищавшимъ переправу, укажемъ дать серебреные медали на желтыхъ съ чернымъ лентахъ.

Опыты толь частые вяще доказываютъ, колико благоуспѣшны могутъ быть предпріятія съ нашей стороны, естьли они только людьми усердными, храбрыми и исправными производятся въ дѣйство; а по тому не можемъ и при семъ случаѣ не подтвердить о приложеніи всевозможныхъ стараній вашихъ нанести непріятелю важные и чувствительные удары, дабы время, заботы Наши, и толь многіе издержки вотще потеряны не были.

Отъ Генерала Фельдмаршала Князя Потемкина Таврическаго имѣли Мы уже прежде донесеніе, что онъ далъ приказаніе Генералу Князю Репнину [3]) нетерпѣть непріятеля предъ

---

[1]) Указа императрицы отъ 3 августа 1789 г. не сохранилось въ нашихъ бумагахъ; о немъ упомянуто ниже подъ № 59.

[2]) Штурмъ непріятельской батареи въ ночь съ 3-го на 4-е августа. Императрица въ собственноручной припискѣ желаетъ знать число гренадеръ охотниковъ, которые, «не взирая, что непріятель успѣлъ дважды выстрѣлить картечами, ударили въ штыки».

[3]) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, 1734—1801 г., командовалъ корпусомъ во вторую турецкую войну.

собою скопляющагося и гдѣ оной сбираться станетъ, атаковать. Вчера ввечеру получили Мы извѣстіе отъ него, что помянутый Генералъ предписалъ Генералу Суворову [1]) итти совокупно съ Римско-императорскимъ Генераломъ Принцомъ Кобургомъ [2]) атаковать турокъ въ числѣ до тридцати тысячъ въ Фокшанахъ собравшихся, что съ помощію Божіею 21-го Іюля съ совершеннымъ разбитіемъ непріятеля исполнено. Сверхъ большаго ему урона взяты лагерь, обозъ, восемь пушекъ и двѣнадцать знаменъ. Солдаты получили знатную добычу, и потеря Наша была весьма мала. Мы ожидаемъ подробнаго увѣдомленія. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

«Дайте мнѣ знать сколько числомъ было Гренадеръ, кои у Мемеля мостомъ овладели и батареею подъ картечнымъ выстреломъ».

54.

«Въ С.П.бургѣ Августа 12 1789 года».

Графъ Валентинъ Платоновичь. Послѣ увѣдомленій учиненныхъ приходящими къ порту Кронштатскому шкиперами купеческихъ судовъ о бывшемъ дѣлѣ между Нашимъ и Шведскимъ флотами, объ уходѣ послѣдняго къ Карлскрону и о соединеніи нашего съ эскадрою вице-адмирала Козлянинова [3]) въ Даніи остававшеюся, получили Мы донесенія въ копіяхъ при семъ сообщаемыя отъ Адмирала Чичагова, который между тѣмъ къ Дагеръ-Орту возвратился.

Хотя по содержанію оныхъ, да и по существу всѣхъ произшествій поверхность несумнительнымъ образомъ остается на сторонѣ Нашей, ибо непріятель прежде соединенія флота

---

[1]) Александръ Васильевичъ Суворовъ, 1729—1800 г., генералъ-поручикъ.

[2]) Принцъ Фридрихъ Кобургскій, австрійскій генералъ, командовавшій «цесарскими» войсками во вторую турецкую войну.

[3]) Тимоѳей Гавриловичъ Козляниновъ (Козляиновъ), только что произведенный въ вице-адмиралы; въ «Мѣсяцесловѣ» на 1789 г. онъ значится еще *контръ-адмираломъ*.

Нашего не предъуспѣвъ ни мало въ неважной канонадѣ 15-го Іюля случившейся отступилъ, и будучи преслѣдованъ морскими силами Нашими уклонялся отъ боя не одинъ разъ ему представленнаго, а наконецъ и въ портъ свой скрылся, давъ Нашимъ соединиться на виду его и остаться предъ Карлскроною нѣсколько дней ожидая его выходу; не скроемъ однакожъ отъ васъ, что скоропостижное Адмирала Чичагова возвращеніе къ Дагеръ-Орту, тѣмъ болѣе намъ непріятно было, что дѣйствія флота Нашего въ нынѣшнюю компанію не соразмѣрны были съ превосходными его силами и не соотвѣтствовали Нашимъ заботамъ и великому иждивенію на нихъ употребленному; а потому и повелѣли Мы совѣту Нашему сличить поведеніе означеннаго Адмирала съ наставленіями отъ насъ ему данными [1]), какъ то вы усмотрите пространно изъ копіи собственноручной нашей записки, у сего прилагаемой.

Мы желаемъ, чтобъ по разнымъ частямъ Нашего вооруженія съ большимъ трудомъ и знатными издержками учиненнаго, всемѣрное приложено было стараніе, дабы короткое время уже остающееся не втунѣ исчезло, но чтобъ всякій главный начальникъ обратилъ рвеніе и вниманіе его, дабы живыми и усильными дѣйствіями преломить упорство врага Нашего и споспѣшествовать доставленію вожделеннаго мира. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

---

[1]) Кромѣ остановки предъ Карлскроною, чтобъ «доказать чрезъ то всей публикѣ трусость непріятеля и наше превозможеніе надъ онымъ», Совѣтъ «не усматриваетъ, чтобы адмираломъ Чичаговымъ не исполнены были по случаю предводительства флотомъ данныя Высочайшія предписанія». Арх. Гос. Сов., I, 1, 726—729.

56.

(Копія). **Совѣту на примѣчаніе** [1]).

Изъ вчера полученныхъ реляцій Адмирала Чичагова видно, что Шведы аттаковали его а не онъ ихъ; что онъ съ ними имѣлъ перестрѣлку; что на оной потеренъ капитанъ бригадирнаго ранга и нѣсколько сотъ протчихъ воиновъ безъ всякой пользы Имперіи; что наконецъ онъ возвратился къ здѣшнимъ водамъ будто ради прикрытія залива Финскаго. Я требую чтобъ поведеніе Адмирала Чичагова въ Совѣтѣ сличено было съ данною ему инструкціею и мнѣ репортовано было за подписаніемъ совѣта, выполнялъ-ли вышеупомянутый Адмиралъ инструкцію ему данную за моимъ подписаніемъ или нѣтъ? дабы я по сему могла взять надлежащія мѣры, ибо примѣчательно становится по Шведской войнѣ: что недѣйствія аки бы предмѣтъ былъ всѣхъ начальниковъ, тогда когда живое и согласное дѣйствіе вездѣ надъ врагомъ, имъ поверхность дать могло, а Имперіи доставило бъ всѣмъ желаемой міръ, а теперь родится отъ всего сего тройной Имперіи вредъ: первый, непослушаніе и неисполненіе данныхъ предписаній, чрезъ что нынѣ Франція погибаетъ; второе, великіе издержки по пустому употребленныя и умножающіяся медлѣніемъ; третье, потеря по пустому людей и времени.

56.

«Августа 12, 1789 г.»

«Пришло мнѣ на умъ на мѣсто Г. М. Шулца не лутче ли вамъ употребитъ Га. М. и бригадиря Корсакова» [2]).

---

[1]) Въ засѣданіи Совѣта, 6-го августа 1789 г., графъ Безбородко предъявилъ собственноручную Ея Императорскаго Величества записку «на примѣчаніе Совѣту». Арх. Гос. Сов., I, 1, 724—725.

[2]) Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, 1753—1840. Приказаніе императрицы было исполнено. Архивъ Гос. Сов., I, 1, 733. 19-го апрѣля 1790 года Римскій-Корсаковъ «атаковалъ и разбилъ» шведовъ близъ Нишлота.

57.

«Въ С. П. бургѣ. Августа 28[1]) 1789 года».

Графъ Валентинъ Платоновичь. Отъ Вице-Адмирала Принца Нассау-Зигенъ извѣщены Мы, что бывшій при немъ французскій морской офицеръ кавалеръ Деваражъ [2]), во время преслѣдованія бѣжавшаго изъ границъ Нашихъ Короля Шведскаго съ войскомъ его, убитъ Башкирцами и хотя присланный отъ помянутаго Вице-Адмирала Камеръ-Юнкеръ и гвардіи Капитанъ Бибиковъ объявляетъ, что тотъ кавалеръ имѣя на себѣ синій суртукъ отъ Башкирцевъ былъ принятъ за Шведа, тѣмъ болѣе что они крестъ съ него снятый принесли какъ знакъ, что удалося имъ убить непріятельскаго офицера; Мы однакожъ находимъ нужнымъ, чтобъ вы при-

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 26-го августа, графу Мусину Пушкину «предписано поспѣшать простертіемъ дѣйствій его до Гельзингфорса». Арх. Гос. Сов., I, 1, 736.

[2]) О послѣдствіяхъ морского пораженія шведовъ при Свенскзундѣ, 13-го августа 1789 г., Екатерина II выразилась: «Le roi de Suède s'est enfuit comme un chien qu'on chasse de la cuisine, les oreilles pendantes et la queue entre les jambes», чѣмъ вѣрно передала сущность донесенія графа Мусина-Пушкина (Собр. реляцій, II, 64—71), во всякомъ случаѣ несравненно вѣрнѣе, чѣмъ это изображено г. *Брикнеромъ* (стр. 206—209), по которому шведы не бѣжали, а лишь «поспѣшно удалялись» и «быстро отступали», причемъ онъ болѣе чѣмъ смѣло утверждаетъ: «*весьма чувствительною* потерею для русскихъ была смерть кавалера де-Ваража». Кто же этотъ кавалеръ де-Варажъ? Французскій морской офицеръ, служащій при русской арміи иностранецъ—по опредѣленію императрицы; находившійся въ должности дежурнаго при вице-адмиралѣ принцѣ Нассау-Зигенѣ — по офиціальнымъ донесеніямъ! Это даже не «дежурный галернаго флота», какъ его титулуетъ г. Брикнеръ. Въ донесеніяхъ де-Варажъ упомянутъ всего два раза, считая въ томъ числѣ и извѣстіе о его смерти (Собр. реляцій, II, 60 и 69). Почему же «для русскихъ потеря его должна быть «чувствительною», да еще и «весьма?» Вся эта чувствительность выразилась въ слѣдующей записи Храповицкаго: «Веража убили наши башкирцы; самъ виноватъ: скакалъ, вылупя глаза, на чухонской лошади, въ синемъ сертукѣ и не зналъ ни слова по русски» (стр. 305). Ссылаться на Castera, II, 358 (Paris, 1797), какъ дѣлаетъ г. Брикнеръ, значитъ, въ этомъ случаѣ, ослаблять свои доводы, а не подкрѣплять ихъ.

казали надлежащимъ образомъ о семъ произшествіи изслѣдовать, и разсмотрѣть не корысть ли и своевольство Башкирцовъ были тому причиною; и естьли сіе послѣднее окажется, въ такомъ случаѣ съ виновными поступить по всей строгости законовъ. Между тѣмъ изъ предъосторожности противу подобныхъ произшествій, надобно совѣтовать служащимъ при арміи Нашей иностранцамъ, во время войны, носить мундиры и суртуки службы Нашей.

Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

58.

Въ С. П. бургѣ. Августа 29. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Для свѣденія вашего приложена у сего копія реляціи Адмирала Чичагова о появившемся непріятельскомъ флотѣ, и о поспѣшеніи помянутаго Адмирала итти въ море для поиска на сей флотъ. Онъ имѣетъ достаточныя отъ Насъ наставленія на всѣ подобные случаи, такъ какъ и на препятствіе буде бы симъ оказательствомъ флота Шведы хотѣли покрывать транспорты войскъ для усиленія себя въ Финляндіи чинимыя. Впрочемъ предводители флота нашего имѣя двадцать три линейныхъ кораблей и въ числѣ ихъ шесть сто-пушечныхъ и шесть фрегатовъ, кромѣ эскадръ Вице-Адмирала Круза [1]) и капитана Тревенена [2]), готовыхъ въ надобности на его подкрѣпленіе, можетъ съ помощью Божіею стать противу мореходному Шведскому ополченію.

Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

---

[1]) Александръ Ивановичъ Крузъ, 1727—1798.

[2]) Тревененъ, англійскаго флота поручикъ, принятый въ русскую службу съ чиномъ капитана 1-го ранга, много сжегъ непріятельскихъ кораблей и оказалъ большія услуги въ шведскую войну, во время которой получилъ *орденъ св.* Георгія и рану.

59 [1]).

Въ С. П. бургѣ. Сентября 1-го [2]) 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Въ реляціи вашей отъ 28 августа предъявляя затрудненія въ перенесеніи оружія нашего за Кимень, неизъяснили вы: полагаетели оставить войски наши вамъ ввѣренныя подъ именемъ оборонительной войны въ полномъ недѣйствіи до окончанія нынѣшней компаніи, или же по крайней мѣрѣ возможнымъ считаете хотя не утверждая крѣпкой ноги въ землѣ непріятельской, произвести какіе-либо поиски на корпусы или хотя важнѣйшіе посты Шведскіе; почему и убѣждаемся мы сообщить вамъ наши мысли и усмотрѣнія.

Видѣвъ изъ многихъ донесеній вашихъ, что къ произведенію важныхъ противъ непріятеля дѣйствій, отъ арміи вами предводимой, ожидали вы только таковыхъ на лѣвомъ флангѣ вашемъ отъ галернаго флота нашего, полагали мы, что вы между тѣмъ по крайней мѣрѣ употребите стараніе ваше тревожить непріятеля частыми и значущими поисками, которыхъ удачи оправдалися при переходѣ за Кимень Генераловъ-Маіоровъ Денисова и Фонъ-Сухтелна. Въ семъ удостовѣреніи неупустили мы вамъ примѣтить, что какъ вездѣ, гдѣ наши атаковали, успѣхъ былъ въ нашу сторону, то и нужно

---

1) Къ протоколу Совѣта отъ 30-го августа 1789 г. приложена слѣдующая записка, писанная рукою графа Безбородко: «Ея Императорскому Величеству угодно, чтобъ гг. члены Совѣта завтра, то есть въ пятницу, 31-го августа, собрались въ Совѣтъ для выслушанія разныхъ нужныхъ бумагъ». Когда въ Совѣтѣ, 31-го августа, была выслушана реляція графа Мусина-Пушкина, то гофмейстеръ графъ Безбородко объявилъ Высочайшую волю, чтобъ Совѣтъ «изъяснилъ мысли свои о удобнѣйшихъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ при окончаніи нынѣшней кампаніи». Арх. Гос. Сов., I, 1, 737. Плодомъ этого «изъясненія» является этотъ рескриптъ.

2) Въ засѣданіи 10-го сентября, «Совѣту предъявлена копія съ даннаго графу Мусину-Пушкину высочайшаго повелѣнія отъ 7-го сего мѣсяца, въ коемъ изъяснена ему надобность перейти за Кюмень и произвесть еще поиски надъ непріятелемъ». Арх. Гос. Сов., I, 1, 740

тѣмъ пользоваться; къ сожалѣнію Нашему однако-жъ, кромѣ двухъ помянутыхъ случаевъ, нездѣлано было болѣе на то попытокъ, и непріятель спокойнымъ образомъ могъ брать свои мѣры на усиліе его. По связи дѣйствій и по зависимости отъ васъ галернаго флота, сообщили мы вамъ планъ атаки отъ него на непріятеля производимой, въ удостовѣреніи, что вы по искусству вашему неоставите здѣлать нужныя распоряженія, дабы въ то самое время когда сія атака возметъ свое исполненіе, разнымъ корпусамъ непріятельскимъ могла быть учинена диверсія не только отъемлющая способы обратить часть силъ его на подкрѣпленіе армейскаго его флота, но и возможный вредъ въ тѣхъ мѣстахъ ему наносящая. Мы также были въ доброй надеждѣ, что для открытія вашихъ дѣйствій вы ожидали таковыхъ отъ галернаго флота, и зная въ подробности, что и какъ сей послѣдній здѣлать былъ долженъ, за временно учредите свой планъ коимъ образомъ при одержаніи поверхности пользоваться временемъ, котораго потеря невозвратна, и какъ прикосновеннымъ къ галерному флоту частямъ, войти съ нимъ въ связь и распространеніе общихъ и дальнихъ поисковъ. Видѣли мы однако-жъ съ прискорбіемъ, что когда Вице-Адмиралъ Принцъ Нассау, въ слѣдъ за одержаніемъ знаменитой побѣды надъ Шведскимъ галернымъ флотомъ, хотѣлъ приступить къ высадкѣ войскъ позади корпуса въ Гекфорсѣ и Кименегордѣ державшагося, и требовалъ отъ сухопутныхъ войскъ нашихъ содѣйствія, начальствующіе ими не были предварительно наставлены. Время прошло въ ожиданіи отъ васъ приказаній, потомъ въ разныхъ распоряженіяхъ, и наконецъ непріятель успѣлъ отвратить гибель ему предстоявшую своимъ отступленіемъ. Не можемъ мы отнюдь почитать важнымъ пріобрѣтеніемъ оставленіе со стороны Шведской поста въ Гекфорсѣ. Прошедшаго года былъ онъ ими оставленъ. Войски наши въ немъ при началѣ нынѣшней компаніи находилися; но непріятель весьма удобно и безъ большой

отъ нашихъ обороны, предъуспѣлъ овладѣть онымъ. Должно опасаться, что при недѣйствіи нашемъ и при наступленіи времени къ занятію кантониръ или и зимнихъ квартиръ, можетъ онъ и паки туда войти и укрѣпиться, а можетъ быть и далѣе простерть свои покушенія. Такимъ образомъ слѣдующая компанія имѣетъ быть начинаема паки съ тѣхъ пунктовъ, съ которыхъ и нынѣшняя, естьли еще непріятель и далѣе не предъуспѣетъ. Мы оставляемъ вамъ рѣшить, сходствуетъ-ли съ пользою и славою Нашею и Имперіи Нашей, чтобъ труды, иждивенія, и потеря людей ни чемъ неоцѣненная, вотще обратилися.

О подкрѣпленіи, котораго непріятель ожидалъ, Мы вамъ дали знать въ указѣ нашемъ отъ 3-го августа [1]), присовокупя тутъ точно что «въ сихъ обстоятельствахъ вы сами судить можете, колико нужно есть употребить всѣ тѣ способы, коими подобное непріятельскихъ силъ умноженіе упреждено, и вредныя отъ него слѣдствія отвращены были бы; а потому на ваше усердіе къ службѣ, искусство и храбрость Мы имѣемъ добрую надежду, что вы не упустите воспользоваться всякимъ случаемъ, къ одержанію надъ непріятелемъ поверхности, къ нанесенію ему ощутительныхъ ударовъ, и чтобъ ожидаемыя имъ свѣжія войска не весьма дѣятельное принесли ему подкрѣпленіе». Мы и тутъ считали, что вы упредите нанесть врагу нашему толь чувствительный уронъ, что и самое подкрѣпленіе, ими ожидаемое, непринесло бы ему большой пользы.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, естьли вы усматриваете непреодолимыя затрудненія къ перенесенію полнымъ образомъ оружія нашего въ шведскую Финляндію, по крайней мѣрѣ не можете ли приказать произвести поискъ на непріятеля отъ лѣваго фланга вашего, обще съ галернымъ флотомъ къ сторонѣ Луизы? Мы имѣемъ извѣстіе отъ Вице-Адмирала Принца

---

[1]) Указа этого въ бумагахъ не оказалось, но смыслъ его изложенъ тутъ же.

Нассау, что онъ часть войска съ галеръ признанныхъ имъ за неспособные къ плаванію, ссадилъ на берегъ, чѣмъ сухопутная часть и болѣе подкрѣпляется. Сверхъ того, продолжая плаваніе свое, покуда возможно, неупуститъ онъ естьли только удобность дозволитъ здѣлать высадку на берегъ: но надобно, чтобъ начальствующіе на лѣвомъ флангѣ вашемъ соображалися его дѣйствіямъ, и на случай оныхъ у него яко младшіе у старшаго, подъ командою состояли. При рѣшимости на подобный поискъ, должны вы будете принять мѣры къ удержанію непріятеля противу Коувалы и Мемели держащагося отъ обращенія всѣхъ, или покрайней мѣрѣ знатныхъ силъ его на свой правыї флангъ, учиня ему отъ васъ диверсію съ наблюденіемъ надлежащей осторожности. Подтверждаемъ тутъ что всего нужнѣе, естьли поискъ сей назначенъ будетъ, дѣйствовать скорѣе и нетерять времени въ перепискахъ и другихъ медлѣніяхъ. Ожидая въ подробности, что и какимъ образомъ вы учредите, пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

60.

Въ С. П. бургѣ. Сентября 7-го. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Ожидавъ по сей день донесенія вашего на указъ нашъ отъ 1-го сентября, получили мы оное, и видимъ, что еще нѣсколько дней надобно потерять въ перепискѣ, когда уже для дѣла не много времени остается. Вы тутъ изъясняете что ожиданія вами пособій отъ лѣваго крыла почти всякій разъ тѣмъ или другимъ подвергалися затрудненіямъ, и что и нынѣ положенія ваши должны остаться безъуспѣшны. На сіе не можемъ оставить безъ примѣчанія, что отъ собственнаго вашего предусмотрѣнія зависѣло воспользоваться успѣхами галернаго флота нашего, на дѣйствія самыя полезныя и рѣшительныя, ибо вы *знали планъ* отъ насъ тому флоту начертанный, а по мѣрамъ

тутъ принятымъ и по силѣ онаго могли заключать объ удобности исполненія, слѣдовательно ежели-бы, имѣя за правило что нигдѣ, въ военномъ же ремеслѣ всего болѣе, не должно тратить времени, наставили вы командующихъ на лѣвомъ вашемъ флангѣ въ запасъ заранѣе, чтобъ они первымъ счастливымъ моментомъ пользовалися на непріятеля на носу у нихъ стоявшаго, а въ ту же самую минуту и сами вы въ недѣятельности не осталися, то успѣхи далеко были бы уже простерты, въ пользу и честь государства: но время протекло въ перепискѣ и распоряженіяхъ, а непріятель успѣлъ ретироваться, заимствовалъ нѣкоторое подкрѣпленіе, и наконецъ опомнился отъ страха ему нанесеннаго. Мы находимъ, что и теперь отъ галернаго флота нашего учинено вамъ немалое и сугубое пособіе, ибо съ одной стороны, три баталіона гвардіи и три пѣхотные полки съ него ссаженные доставляютъ знатное умноженіе войскамъ вами предводимымъ; съ другой же въ эскадрѣ бригадира Слизова немалое число судовъ обращено на охраненіе береговъ нашихъ, когда извѣстнымъ образомъ непріятель лишившися большей части своего армейскаго флота, лишенъ способовъ тому противуборствовать. Далѣе представляете что по наступившему сырому и холодному времени, истребленію подножныхъ кормовъ и трудностямъ въ доставленіи провянта и фуража, не обнадеживаете себя по переходѣ за Кимень, пріобрѣсти знатныя надъ непріятелемъ поверхности, особливо же буде онъ нерѣшася при самомъ переходѣ дать сраженіе, начнетъ отступать, и задерживать продолженіе пути вашего полевыми защитами и что въ такомъ случаѣ не останется вамъ иннаго какъ учинивъ нѣкоторые поиски возвратиться съ арміею въ свои границы. Положимъ, что непріятель станетъ уклоняться отъ сраженія съ вами; сіе однако-жъ по собственнымъ словамъ вашимъ, не помѣшаетъ здѣлать надъ нимъ нѣкоторые поиски; и такъ, естьли вамъ удастся нанести врагу нашему пораженіе, очистить противный берегъ Кименя, отогнавъ от-

туда шведовъ колико можно далѣе, и воспользоваться открытою чрезъ отступленіе ихъ землею, чтобъ отнять у нихъ удобность на остальное время года дѣлать покушенія на границы наши; возвращеніе ваше изъ-за Кимени на здѣшвій берегъ не будетъ вредно, и конечно полезнѣе недѣятельности въ которой мы никакихъ выгодъ не усматриваемъ. Основався на семъ еще одинъ разъ подтверждаемъ, что вамъ надобно приложить всемѣрное стараніе, посредствомъ движенія войскъ вами предводимыхъ отъ лѣваго фланга и отъ главной части вашей произвесть надъ непріятелемъ поиски внутри земли его, отогнать его отъ противнаго берега рѣки Кимени, и простерть дѣйствія ваши за оною по возможности, хотя уже и не съ тѣмъ, чтобъ тамъ взять твердую ногу, но по крайней мѣрѣ чтобъ очистить землю на нѣкоторое разстояніе и отнять у непріятеля удобности и средства войти въ наши предѣлы, а потомъ и возвратиться въ оные.

Естьли вы и тутъ, паче чаянія нашего встрѣчаете преграды въ исполненіи, то по крайней мѣрѣ объясните намъ во всей подробности, что именно инако далѣе вы дѣлать намѣрены; какія пользы находите, въ подобномъ недѣйствіи арміи нашей, и какія преграды можете вы надежнымъ образомъ полагать на случай непріятельскихъ покушеній на Гекфорсъ и инныя мѣста, наипаче-же когда настанетъ время отшествія войскъ нашихъ въ кантониръ, или зимнія квартиры. Намъ таковыя свѣденія необходимо нужны дабы мы могли взять мѣры сходственныя къ обезпеченію границъ нашихъ и чести оружія нашего. Пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

61.

Въ С. П. бургѣ. Сентября 18-го 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Послѣ реляціи вашей отъ 10-го сентября неимѣвъ никакихъ отъ васъ новѣйшихъ извѣстій, признали мы за нужное симъ предписать чтобъ, буде

вы по сіе время за Кимень не перешли и въ дѣло съ непріятелемъ не вступили, въ такомъ случаѣ оставили уже всякое предпріятіе, и войска наши приказали на первое время расположить въ кантониръ-квартиры не утѣснительнымъ образомъ, а насъ увѣдомили гдѣ оныя расположены, какія взяты будутъ осторожности противу впаденія непріятельскаго въ границы наши, въ которыхъ мѣстахъ назначаются и какимъ войскамъ зимнія квартиры и гдѣ отъ которой части и въ какомъ числѣ учредятся посты для охраненія предѣловъ нашихъ. Естьли же сіе застанетъ, что вы перешли Кимень, то не вдаваяся далеко въ непріятельскую землю, по произведеніи только первыхъ и удобнѣйшихъ поисковъ, долженствуете возвратиться въ наши границы, и относительно введенія войскъ въ кантониръ-квартиры и другихъ распоряженій поступить по вышеписанному. Пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

62.

Въ С. П. бургѣ. Сентября 20-го. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Для свѣденія вашего приложена у сего копія рескрипта [1]) отъ насъ даннаго Вице-Адмиралу Принцу Нассау-Зигенъ о пріуготовленіи галернаго флота на будущую компанію. Вы не оставте предписать кому надлежитъ о пособіи ему въ исполненіи на него возложеннаго. При расположеніи войскъ въ зимнія квартиры, нужно чтобъ вы старалися помѣститъ войска на флотъ назначенныя по близости и удобности гдѣ его исправленіе и вооруженіе производимы будутъ; что же касается до Елецкаго пѣхотнаго полку, нынѣ въ отдаленности находящагося, оный вы можете въ теченіи зимы замѣня другимъ сближить къ мѣстамъ для флота назначеннымъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

---

[1]) Указаннаго приложенія не оказалось.

63.

Въ С. П. бургѣ. Сентября 25-го. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Всевышній благословилъ повсюду оружіе наше противу врага имени христіанскаго знаменитыми успѣхами. Мы сегодня получили отъ Генерала Фелдмаршала Князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго изъ главной его квартиры у Каушанъ извѣстіе, что 7-го Сентября Бригадиромъ и войска донскаго походнымъ атаманомъ Орловымъ [1]), разбитъ на рѣкѣ Салчѣ турецкій пятитысячный корпусъ, при которомъ самъ Сераскеръ Гассанъ паша бывшій капитанъ пашею находился; 8-го Сераскеръ паша при сближеніи войскъ нашихъ оставя свой лагерь и пушки бѣжалъ къ Измаилу. 11-го Генералъ Суворовъ и Римско-Императорскій Генералъ Принцъ Саксенъ Кобургскій [2]) съ корпусами ихъ у Фокшанъ, разбили на голову турецкія силы верховнымъ везиремъ предводимыя, взявъ 80 пушекъ, 50 знаменъ, весь лагерь и обозъ, причемъ непріятель потерялъ убитыми до шести тысячь человѣкъ. 12-го Сераскеръ Гассанъ паша загнанъ въ крѣпость Измаилъ, гдѣ и заперся. 13-го въ Коушанахъ трехъ-бунчужный Заиналы-Гассанъ паша Беглербей Анадольскій и бывшій въ прошломъ году Сераскеромъ у Рябой магилы, взятъ козаками подъ командою полковника Платова [3]), съ подкрѣпленіемъ конныхъ

[1]) Сборникъ Русс. Ист. Об., XLII, 36.

[2]) Отзывъ о немъ Екатерины II: «Что Кобургъ послѣ побѣды храбрится, тому не дивлюсь, имъ удача не въ привычку». Сборникъ Рус. Ист. Об., XLII. 33.

[3]) Матвѣй Ивановичъ Платовъ (позже графъ), 1751—1818, полковникъ отъ арміи и старшина донскаго войска. Любопытное письмо о немъ кн. Потемкина императрицѣ Екатеринѣ II помѣщено въ «Русской Старинѣ», 1876, XVI, 459. Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ бригадиромъ и войсковымъ атаманомъ екатеринославскихъ казаковъ обѣихъ сторонъ Днѣпра (Сборникъ Русс. Ист. Об., XLII, 64). Новѣйшія о немъ свѣдѣнія см. въ «Русской Старинѣ», 1885, XLVIII.

егерей; сей отрядъ былъ подъ предводительствомъ Генерала-Поручика Принца Ангальтъ-Бернбургскаго [1]), причемъ взято 3 пушки, 2 знамя и 160 плѣнныхъ, убито же болѣе семисотъ человѣкъ. 14-го Замокъ Аджибейскій взятъ Генераломъ-Маіоромъ Рибасомъ [2]), въ виду всего флота непріятельскаго. Принося благодареніе Богу помощнику Нашему, поспѣшаемъ вамъ о томъ сообщить для обнародованія въ арміи вамъ ввѣренной. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

64.

Въ С. П. бургѣ. Октября 5-го. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Преміеръ-Маіору Муханову [3]), въ награжденіе отличной его храбрости доказанной взятьемъ непріятельской батареи, пожалованный отъ Насъ крестъ четвертаго класса военнаго ордена при грамотѣ съ симъ посылаемый, прикажите ему доставить, и при томъ всѣмъ въ дѣлѣ семъ участвовавшимъ Наше благоволеніе объявите. Подтвердите Бригадиру Римскому-Корсакову и прочимъ знатнѣйшими частями войскъ Нашихъ начальствующимъ, что мы отъ усердія и мужества ихъ ожидаемъ, что и по расположеніи войскъ въ кантониръ или и зимнія квартиры, недопустятъ они непріятеля вторгнувшися въ границы Наши остаться въ нихъ; но при случаѣ покушенія его отразить его со вредомъ для него чувствительнымъ.

[1]) Принцъ Викторъ Амедей Ангальтъ-Бернбургскій, генералъ-поручикъ русской службы, былъ вскорѣ вызванъ въ Финляндію для участія въ третьей кампаніи противъ шведовъ и въ первомъ же дѣлѣ, 19 апрѣля 1790 г., «повергся на землю отъ жестокой полученной имъ раны» и чрезъ нѣсколько дней скончался. Собр. реляцій, II, 78—86.

[2]) Осипъ Ивановичъ Рибасъ, генералъ-маіоръ, позже адмиралъ, награжденъ за взятіе Хаджибея орденомъ св. Георгія 2-й ст.

[3]) Мухановъ сдѣлалъ всѣ три кампаніи шведской войны и въ реляціяхъ заключается значительная часть его послужнаго списка, такъ какъ онъ является въ нихъ капитаномъ, секундъ-маіоромъ и премьеръ-маіоромъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка (Собр. реляцій, II. 24, 32, 77).

Для свѣденія вашего приложена у сего копія указа Нашего къ Адмиралу Чичагову посланнаго, объ окончаніи настоящей кампаніи на морѣ по причинѣ поздаго и суроваго времени. Пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

65.

Въ С. П. бургѣ Октября 5 дня 1789 года.

(Копія). Василій Яковлевичь. Въ разсужденіи настоящаго поздаго и суроваго времени трудно предполагать, чтобъ флотъ Шведскій могъ вытти въ море, а еще меньше ожидать можно, чтобъ онъ покусился направить плаваніе свое въ Финской заливъ; почему и находимъ нужнымъ повелѣть вамъ: *первое*, корабли и прочія суда требующія большихъ починокъ и въ морѣ держаться уже не могущіе, отправить въ Кронштатъ; *второе*, съ остальными кораблями, фрегатами и прочими судами держаться вамъ сколько можно при Ревелѣ, дозволяя вамъ при томъ войти на рейду тамошнюю когда вы заблагоразсудите; *третіе*, между тѣмъ назнача тѣ корабли и другія суда, кои въ Ревельскомъ портѣ должны остаться на зиму сколько ихъ безопасно и безъ утѣсненія по разсмотренію вашему помѣстится можетъ, вскорѣ за перво отсылаемыми въ Кронштатъ отправить и прочія, дабы они надежно и безъбѣдственно туда дойти успѣли; *четвертое*, а какъ для продовольствія войскъ Нашихъ въ Финляндіи, отправлено будетъ изъ Риги нѣкоторое количество судовъ съ хлѣбомъ, то дабы оныя безопасно дошли къ сторонѣ Выборга, и недосталися въ руки непріятелю, по примѣру недавно попавшагося ему галіота съ тысячью семью стами кулями муки, приказано означеннымъ судамъ дошедъ противу Ревеля отнестися къ вамъ, дабы вы могли при настоящей отсылкѣ кораблей, фрегатовъ и катеровъ взять мѣры къ обезпеченію плаванія ихъ; *пятое*, посты Перкалаутскій и Борзундскій снять по лучшему вашему усмотренію одинъ за

другимъ, распорядя, чтобъ изъ сихъ постовъ суда, коимъ надлежитъ итти къ Кронштату, туда прямо и посланы были. О всѣхъ распоряженіяхъ, кои вами учинены будутъ въ слѣдствіе таковой воли Нашей, Мы будемъ ожидать отъ васъ извѣстія, пребывая вамъ благосклонны.

«Екатерина».

66.

Въ С. П. бургѣ. Октября 10. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Въ слѣдствіе указа Нашего отъ 18-го Сентября [1]) по введеніи войскъ въ кантониръ квартиры, Мы ожидаемъ отъ васъ росписанія и о зимнихъ квартирахъ съ показаніемъ подробнымъ и картою, гдѣ и какія имянно полки и команды располагаются, кто при нихъ изъ Генераловъ находится будутъ, въ которыхъ мѣстахъ, и какія посты для охраненія границъ отъ непріятельскаго впаденія назначаются, гдѣ полагаются зборные мѣста, да и въ общѣ какія мѣры для надежнаго между войсками сообщенія и касательно осторожности пріемлются. Между тѣмъ по волѣ Нашей отъ военной коллегіи получитъ приказаніе Инспекторъ войскъ Нашихъ, Генералъ-Порутчикъ Волковъ [2]) осмотрѣть всѣ полки и баталіоны узаконеннымъ порядкомъ, освидѣтельствовать въ нихъ исправность людей и вещей, для донесенія о томъ благовременно, дабы все требующее пополненія или поправленія могло тотчасъ здѣлано быть; а какъ при таковомъ осмотрѣ нужно быть особливо-же полковымъ, баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ каждому на своемъ мѣстѣ, да и послѣ для приведенія войскъ въ состояніе къ службѣ на слѣдующую компанію, а наипачѣ въ необходимомъ пріученіи рекрутъ, не отлучаться, то Мы сіе препоручаемъ наблюденію вашему, съ тѣмъ чтобъ вы под-

---

[1]) См. выше № 61.

[2]) Аполлонъ Андреевичъ Волковъ. О донесеніи его отъ 17-го мая 1790 года, изъ Ревеля, упомянуто въ Арх. Гос. Сов., I, 1. 788.

твердили всякому что неисправности и упущенія, кои могли бы оказаться по всей строгости законовъ неминуемо взысканы будутъ. Пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина»

67.

Въ С. П. бургѣ. 14 Октября 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Въ прилагаемой при семъ Газетѣ Гамбургской подъ № 161-мъ во второмъ артикулѣ изъ Гамбурга напечатана переписка [1]) между Генераломъ-Маіоромъ Барономъ Шульцомъ и Шведскимъ Генераломъ-Маіоромъ Барономъ Стедингомъ, въ которой внесено ругательство на Санкпетербургскія вѣдомости, которыя издаются по дозволенію Нашему, и въ коихъ относительно военныхъ и политическихъ дѣлъ наблюдается дабы ни что съ правдою не сходное и неприличное печатаемо небыло. Мы желаемъ знать самъ ли собою или съ позволенія вашего означенный Баронъ Шульцъ вступилъ съ Стедингомъ въ сію переписку, и присылалъ ли онъ вамъ копіи съ оной, о чемъ и дайте намъ знать; есть ли же вы о томъ не были извѣстны, то истребуйте отъ него объясненіе [2]), равно какъ и о причинахъ для чего онъ таковую переписку оставилъ безъ надлежащаго вамъ донесенія. Пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

---

[1]) Означеннаго приложенія не оказалось. Уже второй разъ императрица вынуждена обращать вниманіе на обнародованіе въ нѣмецкихъ газетахъ извѣстій, касающихся шведской войны: въ первый разъ, ревельскій губернаторъ А. И. Врангель помѣщалъ въ «Reichs-Post-Reiter», за 1788 г., рескрипты и указы Екатерины II. Сборникъ Рус. Ист. Общ., XXVII, 528.

[2]) Объясненіе генералъ-маіора барона Шульца и постановленіе Совѣта («переписку сію вновь напечатать въ тѣхъ же вѣдомостяхъ») см. въ Арх. Гос. Сов., I, 1, 748.

68.

Въ С. П. бургѣ. Октября 14 [1]). 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Вчера съ присланнымъ отъ Россійско-Императорскаго посла князя Голицына [2]) изъ Вѣны курьеромъ получено извѣстіе, что по овладѣніи арміею Его величества Императора Римскаго предводимою генераломъ фелдмаршаломъ барономъ Лаудономъ [3]) въ 21-ый день Сентября двумя главными предмѣстіями города и крѣпости Бѣлграда, сей городъ утѣсняемый дѣйствіемъ артиллеріи осаждающей 27-го Сентября сдался на капитуляцію; и въ слѣдствіе того войсками Римско-Императорскими Королевскими занятъ.

Въ слѣдъ затѣмъ сего утра получила Я отъ генерала фелдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго увѣдомленіе, что городъ и крѣпость Бѣлгородъ на устьѣ рѣки Днѣстра 30-го Сентября сдался намъ на капитуляцію, при чемъ получено въ добычу пушекъ пятьдесятъ одна, знаменъ тридцать два и множество всякихъ запасовъ. Сіи знаменитыя произшествія соизволяемъ чтобъ въ арміи вами предводимой были празднованы, принося благодареніе Всевышнему благословящему оружіе Наше и Союзника Нашего противу врага всего христіянства. Пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

---

[1]) 19-го октября 1789 г. посланъ «указъ къ Пушкину о выходѣ шведскаго флота». *Храповицкій*, 313.

[2]) Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, русскій посолъ въ Вѣнѣ съ 1762 по 1792 г.

[3]) Баронъ Гедеонъ-Эрнестъ Лаудонъ, австрійскій фельдмаршалъ, умеръ въ 1790 году.

69.

Въ С. П. бургѣ. Октября 23 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Прилагая при семъ имянной списокъ находящимся въ Фридрихсгамской Госпиталѣ нижнимъ воинскимъ чинамъ, кои за полученными въ сраженіи съ непріятелемъ ранами болѣе службы продолжать не въ состояніи, и которыхъ потому, на основаніи рескрипта Нашего отъ 22 Августа сего года Вице-Адмиралу Принцу Нассау-Зигенъ даннаго, и къ вамъ въ копіи при указѣ того же числа сообщеннаго [1]), слѣдуетъ пристроить къ мѣстамъ приличнымъ для ихъ пропитанія, соизволяемъ, чтобъ вы чрезъ кого заблагоразсудите отобрали у каждаго изъ нихъ желаніе естьли у нихъ семейства, и къ нимъ ли желаютъ они переселиться, гдѣ и будутъ получать опредѣляемое отъ щедротъ нашихъ содержаніе; объ остальныхъ же, кои не имѣютъ родственниковъ и не похотятъ возвратиться на прежнія жилища, не умедлимъ дать Наше повелѣніе о надлежащемъ ихъ пристроеніи. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

70.

Въ С. П. бургѣ. Ноября 15 [2]) 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Вчера въ 10 часу пополудни получила Я отъ генерала фелдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина Таврическаго извѣстіе, что по начатіи дѣйствій отъ арміи имъ предводимой противу города и крѣпости Бендеръ, командующій тамъ Сераскеръ и два еще трехъ-Бунчужные паши 3-го ноября пополуночи въ

[1]) Ни указа, ни копіи рескрипта нѣтъ.

[2]) Отъ 20-го ноября 1789 г. графу В. П. Мусину-Пушкину посланъ былъ указъ объ отправкѣ въ Екатеринославскую губернію «добровольно выходящихъ изъ Швеціи русскихъ бѣглецовъ». П. С. З., № 16817.

первомъ часу прислали къ Генералу фельдмаршалу отдаяся въ его волю; въ слѣдствіе чего 4 Ноября Наши войска введены въ помянутые городъ и крѣпость снабдѣнныя изобильно орудіями, снарядами и магазейнами. Сіе знаменитое произшествіе соизволяемъ, чтобъ въ арміи вамъ ввѣренной было празднуемо принесеніемъ благодаренія Всевышнему благословящему толь великимъ успѣхомъ оружіе Наше противу врага имени Христіанскаго. Пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

71.

Въ С. П. бургѣ. Декабря 12 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Съ прибывшимъ вчера изъ Вѣны курьеромъ получила я извѣстіе, что Министръ мой Булгаковъ [1]) освобожденъ изъ заключенія, въ которомъ онъ со дня объявленія неправедной противъ меня войны содержавъ былъ, и что бывъ отпущенъ отъ Порты, пріѣхалъ въ Тріестъ 22 Ноября стараго стиля. Увѣдомляя васъ о семъ произшествіи, желаю чтобъ вы оное пристойнымъ образомъ довели до свѣденія въ войскѣ Шведскомъ и въ Шведской Финляндіи. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная

«Екатерина».

72.

Въ С. П. бургѣ. Декабря 29 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Прибывшую съ шведской стороны женщину [2]), по имяни Фалькъ, можете приказать

---

[1]) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, 1743—1803, русскій посланникъ въ Константинополѣ, проведшій болѣе двухъ лѣтъ въ Семибашенномъ замкѣ, гдѣ онъ перевелъ съ французскаго «Всемірнаго Путешественника».

[2]) Въ реляціи гр. Мусина-Пушкина отъ 4-го октября 1789 г. говорится «о присыланномъ подъ бѣлымъ флагомъ суднѣ шведскомъ... для возвращенія шести человѣкъ вольныхъ россійскихъ мореходцевъ и *одной женщины* (не Фалькъ ли?), взятыхъ на отправленномъ изъ Риги съ мукою галіотѣ». Арх. Гос. Сов., I, 1, 745.

осторожностью отпустить обратно за гра-
мъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

73.

Въ С. П. бургѣ. Декабря 29. 1789 года.

тинъ Платоновичь. По представленію вашему
болѣзненныхъ вашихъ припадковъ, позволяемъ
юда [1]), пребывая впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

ЕКАТЕРИНА II И В. В. КАХОВСКІЙ.

1791—1793.

Русская Старина, 1900.

Екатерина II и В. В. Каховскій.

Въ нашемъ собраніи бумагъ екатерининскаго времени находится связка указовъ императрицы Екатерины II къ екатеринославскому губернатору В. В. Каховскому, младшему брату генералъ-аншефа М. В. Каховскаго.

Кто не знаетъ екатерининскихъ дѣятелей братьевъ Каховскихъ? Они потрудились какъ въ заселеніи Новороссійскаго края и устройствѣ Могилевской губерніи, такъ въ пріобрѣтеніи Крыма, порабощеніи Польши и въ цѣломъ рядѣ войнъ, отъ семилѣтней до второй турецкой. Екатерина II знала и цѣнила труды ихъ; современники признавали ихъ Сципіонами [1]). Но ни военныя заслуги, ни гражданскія доблести братьевъ Каховскихъ не пробудили до настоящаго времени должнаго къ нимъ вниманія: не только біографія, даже родословная Каховскихъ еще не разработана. Вотъ почему не многимъ, вѣроятно, извѣстно, что жена Михаила Каховскаго была матерью знаменитаго Ермолова [2]) и что декабристъ Каховскій, Петръ Андреевичъ, одинъ изъ пяти, казненныхъ чрезъ повѣшеніе, вовсе не былъ въ родствѣ съ ними. Братья Каховскіе, бывшіе въ чести при Екатеринѣ II, подверглись опалѣ при Павлѣ I, и вполнѣ невинная переписка молодого А. П. Ермолова съ своимъ братомъ Александромъ Михайловичемъ Каховскимъ была причиною ссылки обоихъ.

---

[1]) Арх. кн. Воронцова, XII, 79.

[2]) Марья Денисовна Давыдова была въ первомъ бракѣ за М. В. Каховскимъ, а во второмъ за П. А. Ермоловымъ.

Сыновья порѣчскаго воеводы, Смоленской губерніи, Василія Осиповича, Каховскіе воспитывались въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Старшій, Михаилъ Васильевичъ [1]), участвовалъ въ семилѣтней войнѣ не безъ отличія: полвѣка спустя, въ 1800 г., гр. А. Г. Орловъ писалъ гр. С. Р. Воронцову, что «знакомъ съ нимъ съ Прусской войны — въ одномъ корпусѣ служили» [2]). Онъ былъ уже генералъ-маіоромъ, когда началась первая турецкая война. Вѣроятно, во время этой войны узнала его Екатерина; по крайней мѣрѣ, война еще не окончилась, когда императрица обратилась къ нему съ секретнымъ указомъ, въ которомъ, 28-го мая 1772 г., объявляла уже, «что рѣшились мы нынѣ на присоединеніе къ имперіи нашей нѣкоторыхъ польскихъ земель и что мы поручаемъ вамъ одну изъ новоучрежденныхъ губерній». Каховскому поручалось отправиться въ несуществующую еще, лишь намѣченную въ проектѣ Могилевскую губернію, задолго до раздѣла Польши, когда «дѣло не доведено до совершеннаго окончанія», и потому Екатерина предписываетъ ему ѣхать въ польскія еще земли «подъ предлогомъ распоряженія справедливой и соразмѣрной репортиціи въ поставкѣ провіанта и фуража, будто бы для отвращенія чрезъ то, какъ всякихъ отъ небольшихъ деташементовъ случающихся иногда продерзностей и наглостей, такъ и неравныхъ отъ земскихъ коммиссаровъ сборовъ, отягощающихъ и оскорбляющихъ мелкое дворянство, и чтобы тѣмъ самымъ доставлять по обывательскимъ жалобамъ справедливое правосудіе» [3]). Каховскій долженъ былъ все это «содержать въ секретѣ» и секретно же собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія для устройства Могилевской губерніи, которой онъ назначался губернаторомъ, когда самой губерніи еще и не существовало. Для выполненія этого деликатнаго дѣла Каховскому данъ былъ

---

[1]) Род. 1734, ум. 1800. [2]) Арх. кн. Воронцова, XXVII, 25.
[3]) П. З. С., № 13808.

особый наказъ, довольно подробный, состоящій изъ 33 статей; но составленный по широкимъ взглядамъ и общимъ тенденціямъ, обличающимъ близкое участіе Екатерины въ написаніи наказа. Приводимъ изъ него нѣсколько статей:

«Вы всячески стараться будете, чтобы съ вступленіемъ новыхъ провинцій подъ скипетръ нашъ, въ оныхъ пресѣклись всякія угнетенія, притѣсненія, несправедливости, разбои, смертоубійства, а въ изслѣдованіи дѣлъ мерзкія пытки, обвиняющія виноватаго, какъ невиннаго, и всякія суровыя казни и наказанія, однимъ словомъ: мы желаемъ, чтобы не токмо сіи провинціи силою оружія были намъ покорены, но чтобы всѣ сердца людей въ оныхъ живущихъ добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ, снисходительнымъ, кроткимъ и человѣколюбивымъ управленіемъ Россійской имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли почитать отторженіе свое отъ анархіи республики Польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію» (ст. 9).

«Мы уже единожды на всегда во всей Россійской имперіи за правило постановили, что въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ, запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ (см. 494, 495 и 496 статьи Наказа коммиссіи уложенія 1767 года). Вы во всей точности имѣете во ввѣренной вамъ нынѣ губерніи сохранить сіи статьи, какъ коренныя, основанныя на правилѣ православія, политики и здраваго смысла» (ст. 10).

«Дѣла вы имѣете производить на Россійскомъ языкѣ, то-есть всѣ издаваемые отъ васъ, какого бы званія ни были, приговоры, рѣшенія или повелѣнія, присовокупляя къ тому переводы, гдѣ оные нужны будутъ и припечатывая ихъ губернскою печатью» (ст. 31).

Каховскій оказался вполнѣ на высотѣ своей задачи, какъ спокойный администраторъ, какъ устроитель новаго порядка

вещей въ странѣ, взволнованной долгою борьбою, окончившеюся пораженіемъ. Онъ умѣлъ успокоить, если не примирить боровшіеся элементы, утишить, если не прекратить политическія страсти, утишить, по крайней мѣрѣ, настолько, что подчиненныя его власти староства и гмины преобразились въ одну губернію, раздѣленную на уѣзды. И не только о ввѣренной ему Могилевской губерніи заботился Каховскій: онъ начертилъ планъ и привелъ въ исполненіе цѣлую сѣть дорогъ въ Бѣлоруссіи, что̀ обезпечило ему благодарность всего населенія — поляковъ, русскихъ, евреевъ. Екатерина цѣнила труды Каховскаго, принимая его предложенія, защищая его отъ навѣтовъ, одобряя его распоряженія. Императрица писала, между прочимъ, Панину:

«Графъ Никита Ивановичъ! Гр. Алек. Потемкинъ сказывалъ мнѣ, что вы желаете знать, цесарскій камергеръ Вальшъ по моему ли приказанію задержанъ въ Могилевѣ, или его не пропустилъ губернаторъ Каховскій? На сіе вамъ имѣю сказать, что я не токмо не приказала, но и не знала, что Вальшъ ѣдетъ съ Анжеліевымъ, а задержалъ его губернаторъ самъ собою для того, что онъ ему подозрителенъ показался. Онъ же въ самомъ дѣлѣ таковъ и есть же и не имѣя пашпорта ни откуда, а что онъ о всѣхъ поступкахъ Анжеліевыхъ извѣстенъ и о его пребываніи во Франціи, гдѣ онъ переряжался въ мѣщанскую одежду, брови вычернилъ и Георгіевской крестъ снималъ, и потихоньку видѣлся съ Дегильономъ и съ Жерардомъ, секретаремъ сего, да у бригадира Шоази жилъ, о семъ и сумнѣнія нѣтъ. и кажется, что сей камергеръ сущій авантюрьеръ. Вотъ вамъ вся сказка» [1]).

Восемь лѣтъ пробылъ Каховскій въ Могилевѣ, и въ 1780 году перенесъ свою дѣятельность на югъ, въ Крымъ, гдѣ онъ сблизился съ Потемкинымъ, который, подобно Екатеринѣ, оцѣнилъ его способности, какъ военныя, такъ и гражданскія.

---

[1]) Русскій Архивъ, 1873, I, 592.

Покидая Могилевъ, Каховскій устроилъ въ немъ своего младшаго брата, Василія Васильевича, предсѣдателемъ губернской палаты.

Каховскій долго и много потрудился не только для пріобрѣтенія Крыма, но и для устройства его, какъ части Россійской имперіи. Его «Краткое примѣчаніе о полуостровѣ Таврическомъ и островѣ Тамани» [1]) до настоящаго времени не утеряло своего значенія. Хотя оно и было представлено имъ. въ 1792 году, президенту военной коллегіи графу Н. И. Салтыкову, но авторъ обращаетъ преимущественно вниманіе на географическое положеніе и на экономическое значеніе Крыма. Съ военной точки зрѣнія опредѣлено только его значеніе, какъ крѣпости, ограждающей югъ Россіи: «Счастливое положеніе сего полуострова натура не только всѣмъ полезнымъ одарила и украсила, но и укрѣпила такъ, что съ весьма малымъ числомъ войскъ прикрываетъ онъ не малую часть полуденныхъ границъ Россійской имперіи. Приступъ же для покушающагося завладѣть сею обширною крѣпостью, самой натурой устроенною, столько для него труденъ, сколько невозможно подобную ей руками человѣческими сдѣлать». Въ этомъ именно смыслѣ, извѣщая императора Іосифа II о пріобрѣтеніи Крыма, Екатерина II называла Таврическій полуостровъ «приданымъ», принесеннымъ ею Россіи [2]).

Потемкинъ много требовалъ, но и награждалъ щедро. Вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ Крыма, въ 1784 г., Каховскій былъ пожалованъ въ генералъ-аншефы; въ 1785 г. получилъ звѣзду ордена св. Александра Невскаго; съ 1786 г. находился въ Екатеринославской арміи [3]) и, по его желанію, младшій братъ, Василій Васильевичъ, сдѣланъ правителемъ Екатеринославскаго намѣстничества: въ 1789 г. онъ назначенъ шефомъ мушкетерскаго Херсонскаго полка [4]); съ 1791 г. онъ

[1]) Чтенія, 1863, II, 56. [2]) Les provinces et les îles qui passent sous la domination de l'Empire de Russie forment ma dot. *Arneth*, 221.
[3]) Сборникъ, XXVII, 382. [4]) Сборникъ, XLII, 45.

генералъ-аншефъ Таврическаго корпуса [1]) и, въ этомъ званіи, 22-го іюня 1791 г., имъ взята штурмомъ Анапа [2]). Смерть князя Потемкина вызвала Каховскаго въ Молдавію, такъ какъ рескриптомъ отъ 13-го октября 1791 г. онъ былъ назначенъ командующимъ надъ арміею и Черноморскимъ флотомъ [3]). Здѣсь, кромѣ чисто военныхъ заботъ, какъ, напр., выводъ войскъ изъ Молдавіи и Тавриды [4]), на него же было возложено и заселеніе земель, пріобрѣтенныхъ отъ Порты [5]). Въ это время, вслѣдъ за подписаніемъ мира съ Турціею, Екатерина обратила все свое вниманіе на Польшу. Она сердилась, что «Каховскій о варшавскихъ обстоятельствахъ ничего не пишетъ» изъ Яссъ, находила, что онъ поступаетъ «по-дурацки» [6]), и уже 1-го апрѣля 1792 г. избрала его, «яко генерала въ искусствѣ, храбрости и усердіи къ службѣ совершенно испытаннаго» [7]), начальникомъ войскъ, назначенныхъ въ Польшу для уничтоженія конституціи 3-го мая. Каховскій дѣйствовалъ настолько успѣшно, что уже 16-го іюня Екатерина писала ему: «Съ Божіею помощію, устремляйтесь прямо на Варшаву» [8]). Онъ устремился такъ поспѣшно, что уже отъ 11-го августа писалъ императрицѣ изъ «лагеря подъ Варшавою» [9]). Тѣмъ не менѣе, 8-го декабря 1792 г., Каховскій былъ отозванъ изъ Польши, «ради употребленія въ другомъ мѣстѣ» [10]), и замѣненъ барономъ Игельстромомъ. Екатерина наградила Каховскаго орденомъ св. Андрея Первозваннаго и назначила его генералъ-губернаторомъ пензенскимъ и нижегородскимъ, чѣмъ онъ и оставался до конца ея царствованія.

Графъ А. И. Марковъ, конечно, былъ правъ, находя, что Kakhovsky est très loin d'être un Turenne [11]), но и такое

---

[1]) Русск. Архивъ, 1874, II, 262. [2]) Русск. Архивъ, 1865, 829.
[3]) Арх. Гос. Сов., I, 894. [4]) Сборникъ, XLII, 241. [5]) П. С. З., № 17018.
[6]) Сборникъ, XLII, 213. [7]) Сборникъ, XLVII, 247.
[8]) Сборникъ, XLVII, 399. [9]) Сборникъ, XLVII, 450.
[10]) Сборникъ, XLII, 473. [11]) Арх. кн. Воронцова, XX, 30.

сравненіе ставитъ уже Каховскаго весьма высоко; графъ П. В. Завадовскій называетъ Каховскаго «Россійскимъ Сципіономъ» [1]). Такъ отзывались современники о М. В. Каховскомъ, какъ военачальникѣ.

Его братъ, В. В. Каховскій, стяжалъ себѣ почетную память на поприщѣ гражданскомъ.

Вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ Крыма, онъ былъ назначенъ, въ 1786 г., вѣроятно, по указанію брата, губернаторомъ Таврической области, откуда, въ 1788 г., былъ переведенъ въ Екатеринославъ [2]). Собственно города Екатеринослава тогда еще не существовало — онъ былъ едва лишь намѣченъ на планѣ. Лѣтъ полтораста предъ тѣмъ, по заказу польскаго правительства, французскій инженеръ Бопланъ выстроилъ, въ 1635 г., на правомъ берегу Днѣпра крѣпость Кайдакъ; казаки вскорѣ разрушили ее и образовали два селенія — Старые и Новые Кайдаки. Въ 1786 г., кн. Потемкинъ, готовясь къ встрѣчѣ императрицы Екатерины II и желая ознаменовать таврическое путешествіе устройствомъ новыхъ городовъ, проектировалъ построить на мѣстѣ Кайдаковъ городъ, назвавъ его, въ честь императрицы, Екатеринославомъ. Въ 1787 г. Екатерина лично заложила здѣсь Преображенскій соборъ, а въ 1788 г., когда Каховскій былъ назначенъ екатеринославскимъ губернаторомъ, императрица высказывала лишь увѣренность, что «хорошъ будетъ по мѣстоположенію Екатеринославъ» [3]).

Екатеринославская губернія занимала въ то время обширную степную площадь. Она граничила съ Польшею, Очаковскою степью по Бугу, съ Лиманомъ, Азовскимъ моремъ, съ Кіевскимъ, Черниговскимъ, Харьковскимъ, Воронежскимъ и Кавказскимъ намѣстничествами и съ поселеніями Донскихъ казаковъ. На эту обширную территорію издавна призывались правительствомъ инородческіе поселенцы и, кромѣ собственно

---

[1]) Арх. кн. Воронцова, XII, 79. [2]) *Храновицкій*, 159. [3]) *Храновицкій*, 60.

русскихъ и малороссіянъ, въ губерніи находились цѣлыя поселенія сербовъ, арнаутовъ, болгаръ, грековъ, албанцовъ, армянъ. «Знаешь ли,—спрашивала Екатерина въ 1793 году Храповицкаго, — какими людьми тамошній край наполненъ? C'est un tas d'aventuriers. Tous les jours j'entend des nouvelles histoires» [1]).

Вотъ въ какой мѣстности и среди какого населенія суждено было В. В. Каховскому развивать свою дѣятельность и прилагать свои административныя способности. По своему служебному положенію, онъ вѣдалъ всѣ функціи государственной, общественной и частной администраціи; не только промышленные и торговые, даже судебные, военные и церковные интересы подлежали его вѣдѣнію. Онъ заботился о заселеніи губерніи инородцами, о карантинахъ и таможняхъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ, о финансовомъ положеніи всѣхъ учрежденій въ губерніи, о фабрикахъ и заводахъ, какъ дѣйствующихъ уже, такъ и устраиваемыхъ еще, о состояніи войскъ, расквартированныхъ въ его губерніи и проходящихъ чрезъ нее, и нѣтъ такого вопроса, который императрица не поручала бы его вниманію, если этотъ вопросъ такъ или иначе касался Екатеринославской губерніи [2]). Не только по протоколамъ Совѣта, но, еще лучше изъ помѣщаемыхъ ниже указовъ и рескриптовъ императрицы, видна вся разносторонняя дѣятельность Каховскаго, называемаго губернаторомъ, въ отличіе отъ брата, титулуемаго всегда генераломъ. Оцѣнить эту дѣятельность можно, однако, лишь по результатамъ, къ которымъ она приводила, по взглядамъ, Каховскимъ высказываемымъ, и по мѣрамъ, имъ принимаемымъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны отношенія Каховскаго къ духоборамъ и къ турбаевской катастрофѣ, о чемъ упомянуто въ прилагаемыхъ документахъ, впервые появляющихся въ печати.

Первый русскій квакеръ, отставной унтеръ-офицеръ, че-

[1]) *Храповицкій*, 422.

[2]) Архивъ Гос. Сов., т. I, ч. 2, стр. 52, 101, 146, 229, 308, 365, 709.

ловѣкъ грамотный, проповѣдывалъ, въ 1730—1740 гг., въ селѣ Охочемъ, Бѣлгородской губерніи, что «власти ненужны, всѣ люди равны, іерархія и священство суть выдумки, церковь и образа излишни, монашество есть искаженіе природы человѣческой, помѣщичья кабала есть позоръ для людей, царь и архіереи суть такіе же люди, какъ и всѣ». Онъ и его послѣдователи признавали самихъ себя храмомъ Божіимъ, находя, что въ каждомъ изъ нихъ присутствуетъ св. Троица—память (Богъ Отецъ), разумъ (Богъ Сынъ) и воля (Богъ Духъ Святый). Они вели жизнь «воздержную и добропорядочную», трезвую и трудолюбивую. Народъ видѣлъ въ нихъ «людей Божіихъ», какъ они и сами себя называли; архіерей екатеринославскій Амвросій, находя, что они противятся духу истины, прозвалъ ихъ духоборцами. Одинъ изъ этихъ культурныхъ піонеровъ, Силуянъ Колесниковъ, преподалъ духоборцамъ важную практическую истину: онъ научилъ духоборцевъ екатеринославскихъ по видимости неуклонно покоряться постановленіямъ церкви и правительства, гдѣ имъ ни привелось бы жить: въ Турціи—султану и магометанской религіи, въ Польшѣ — властямъ польскимъ и католической религіи, въ Россіи—царю и православію. Вслѣдствіе этого, духоборцы не подвергались преслѣдованію, пока одинъ изъ ихъ законоучителей, по имени Капустинъ, не воспретилъ духоборцамъ и такой наружной обрядности. Вотъ почему только въ 1791 г. екатеринославскіе духоборцы подверглись гоненію губернатора Каховскаго.

Какъ только администрація обратила вниманіе на духоборцевъ, какъ только главнѣйшіе изъ нихъ были арестованы, они изъ темницы подали губернатору Каховскому пространную записку, въ которой довольно обстоятельно, хотя и тяжелымъ языкомъ [1]), объясняли основы своего ученія, правила

---

[1]) «Въ языкѣ предъ всякимъ сильно мы косненны, а на бумагѣ тожъ не управившіесь; писцы дороги, да въ темницѣ сидящимъ намъ и искать ихъ неудобно; чего для мало стройно есть показаніе сіе наше».

своей жизни, и которую заканчивали слѣдующею просьбою: «Припадая къ стопамъ вашего превосходительства, доложиться смѣемъ, яко истинно къ выполненіямъ всѣхъ требованій отъ начальствъ всепоспѣшнѣйши были мы одинъ другому пособствовать въ томъ за первѣйшъ долгъ и знакъ христіанства считать за слово Божіе научились. Сами, въ полкахъ бывши пикинерскихъ, служили и нынѣ нѣкіихъ дѣти на службѣ ея императорскаго величества стоятъ. Въ нужномъ разѣ, хотя бы и теперь самой жизни нашей востребовалось, истинно вѣрнопокорнѣйшими ея императорскому величеству бывше, до послѣднія капли крови себя не пощадили бы, творя все сіе Господа ради (Ефес., VI, 5, 6, 7). Откуда и видимъ себя предъ ея величествомъ и начальствы ея и малѣйше не преступившимись. Все же дѣло наше касается о спасеніи душъ нашихъ и совершенно есть духовное; а потому всепокорнѣйше просимъ ваше превосходительство милостиво пріявъ показаніе и прошеніе сіе наше, взнесть оное на разсмотрѣніе высшему начальству, и симъ явить милостивое къ намъ вашего превосходительства благоволеніе» [1]).

Представленіе Екатеринославской духовной консисторіи было разсмотрѣно въ нижней расправѣ Павлоградскаго уѣзда; арестованные духоборцы были допрошены, и Екатеринославская верхняя расправа приговорила: «По силѣ уложенія гл. 1-й ст. 1-й и воинскаго 3-го артикула, подсудимыхъ казнить смертію—сжечь; но до точнаго о томъ разсмотрѣнія по указу 1754 года сентября 30-го дня наказавъ ихъ кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя на лицахъ указанные знаки, сослать всѣхъ ихъ на каторжную работу» [2]). Всѣ эти ужасы не были, однако, приведены въ исполненіе и екатеринославскимъ судьямъ не удалось опозорить царствованіе Екатерины II: изъ помѣщаемаго ниже рескрипта, отъ 27-го августа 1792 г., видно, что императрица, узнавъ о судѣ надъ духоборцами, прика-

---

[1]) Чтенія, 1871, II, 79. [2]) Русск. Архивъ, 1865, 818.

зала «значущіяся по дѣлу семейства въ числѣ тридцати семи душъ отправить къ намъ, препоруча сей транспортъ надежному офицеру, котораго снабдить деньгами». И лишь по смерти Екатерины II, уже при Павлѣ I, духоборцы подверглись казни: по указу отъ 28-го августа 1799 г. духоборцы были закованы въ ножныя оковы и сосланы въ Екатеринбургъ на тягчайшія работы, «дабы сіи духоборцы, отвергающіе вышнюю власть на землѣ, предѣломъ Божіимъ постановленную, возчувствовали чрезъ сіе какъ слѣдуетъ то, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленныя на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе» [1]).

Какъ же относился Каховскій къ духоборцамъ? Это лучше всего видно изъ писемъ его къ В. С. Попову: «Ученіе духоборцевъ и изъявляемой образъ мышленія, по сужденію моему, не должны быть терпимы не только въ здѣшней губерніи, но и во всемъ государствѣ. Я сужу, что если бы они поселены были въ Колѣ или на Новой Землѣ, то и оттуда со временемъ ядъ свой распространить могутъ». По сужденію нашему, это равносильно приговору Екатеринославской верхней расправы—сжечь. Любопытенъ мотивъ такого сужденія Каховскаго, высказанный имъ въ другомъ письмѣ: «Не слѣпая вѣра, не безразсудная набожность и не жестокость моего сердца—непорочный образъ ихъ жизни и проповѣдуемое ими человѣколюбіе обязуютъ меня донесть объ нихъ то, что я думаю». Непорочный образъ жизни и человѣколюбіе, какъ порочныя явленія, заслуживающія истребленія, не опечатка. Въ другомъ письмѣ повторяется этотъ же мотивъ: «Образъ ихъ жизни основанъ на честнѣйшихъ правилахъ, и важнѣйшее ихъ попеченіе относится ко всеобщему благу, а отъ благихъ дѣлъ чаютъ они только спасенія. Похвальныя правила. Но всѣ ереси и послѣдовавшія отъ нихъ кровопролитія не воз-

[1]) Собраніе постановленій по части раскола, изд. мин. вн. дѣлъ, Спб., 1858 г.

ростали ли подъ видами кротости, человѣколюбія и благочестія?» [1])

Въ совершенно иномъ свѣтѣ представляется Каховскій въ турбаевской катастрофѣ. Если въ духоборческомъ вопросѣ мы видимъ въ немъ не столько спокойнаго администратора, сколько тупого стародумца, то въ «дѣлѣ о турбаевскихъ преступникахъ» онъ дѣйствуетъ, какъ гуманный и умный губернаторъ.

Турбаевская катастрофа—одно изъ многихъ явленій насильнаго закрѣпощенія малороссійскаго посполитства казацкою старшиною, стремившеюся захватомъ земель и порабощеніемъ свободныхъ людей, посполитовъ и казаковъ, попасть въ ряды благороднаго россійскаго дворянства [2]). Турбаи—свободное войсковое село, лежавшее на территоріи Миргородскаго полка. Во время прутскаго похода, въ 1711 г., миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ завладѣлъ Турбаями, приписавъ ихъ къ своимъ маетностямъ. Какъ ни грубо и нагло было такое насиліе, но бѣдные казаки не могли тягаться съ своимъ всесильнымъ полковникомъ. Преемникъ Апостола, его личный врагъ, полковникъ Капнистъ тою же полковничьею властью возвратилъ казакамъ ихъ турбаевское село. Началась тяжба. Право на Турбаи перешло въ концѣ XVIII ст. къ шестинедѣльной правнучкѣ Апостола, Екатеринѣ Битяговской. Достигнувъ совершеннолѣтія, Битяговская уступила, по купчей, свои права на Турбаи двумъ братьямъ Базилевскимъ, людямъ состоятельнымъ и, потому, вліятельнымъ. Благодаря подкупамъ, всѣ судебныя инстанціи высказывались противъ турбаевцевъ, въ пользу Базилевскихъ. Сенатъ взгля-

---

[1]) Русск. Архивъ, 1865, 819, 820.

[2]) Въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ хранится огромное дѣло «О турбаевскихъ жителяхъ, учинившихъ смертное убійство помѣщикамъ своимъ надворнымъ совѣтникамъ Степану и Павлу и сестрѣ ихъ Маріи Базилевскимъ». Подробное извлеченіе изъ него напечатано А. Л. Ефименко въ «Кіевской Старинѣ» 1891 г., т. XXXII, подъ заглавіемъ: «Турбаевская катастрофа».

нулъ на дѣло иначе и въ іюнѣ 1788 г. постановилъ рѣшеніе, которымъ признавались казачьи права за всѣми тѣми изъ турбаевскихъ жителей съ ихъ родомъ, кто былъ внесенъ полковникомъ Капнистомъ въ казачьи компуты. Несомнѣнно, что Капнистъ внесъ всѣхъ, но у кого же теперь сохранились документы съ доказательствомъ своихъ казачьихъ правъ? Нижній голтвинскій земскій судъ явился въ Турбаи только въ іюнѣ 1789 г., чтобы привесть въ исполненіе рѣшеніе Сената. Судъ сопровождала воинская команда; представителемъ губернской власти явился совѣтникъ кіевскаго намѣстническаго правленія. Всѣ эти «власти» расположились въ усадьбѣ Базилевскихъ, чѣмъ сразу подорвали свое значеніе въ глазахъ турбаевцевъ. Мало того: пріѣхавшія власти глумились надъ турбаевцами, говоря, что если кого и отберутъ отъ Базилевскихъ, то лишь на самое короткое время. Турбаевцы рѣшились не поддаваться. Они всѣ, въ числѣ 2.000 человѣкъ, объявили себя казаками и стояли твердо на своихъ правахъ. 8-го іюля, въ первый же день разбирательства, видя въ судьяхъ друзей Базилевскихъ, турбаевцы бросились въ усадьбу и убили всѣхъ «господъ»—Степана, Павла и Марію Базилевскихъ; должностныхъ же лицъ взяли подъ арестъ. На другой день власти должны были выдать турбаевцамъ судебное постановленіе о признаніи ихъ казаками и удостовѣреніе, что это постановленіе сдѣлано и выдано добровольно. По требованію же турбаевцевъ, судъ приложилъ свои печати ко всему движимому имуществу, оставшемуся послѣ убитыхъ Базилевскихъ. Затѣмъ судъ и всѣ власти были отпущены на свободу.

Кн. Потемкинъ, какъ новороссійскій генералъ-губернаторъ, считалъ необходимымъ выкупить турбаевцевъ у наслѣдниковъ убитыхъ Базилевскихъ и переселить всѣхъ, посполитовъ и казаковъ, на свои заднѣпровскія земли. Эта мѣра была одобрена императрицею, какъ видно изъ помѣщаемаго ниже указа отъ 7-го января 1792 г., и задерживалась только правосудіемъ.

Это «только» стоило многихъ трудовъ Каховскому, которому было поручено это дѣло.

Каховскій лично посѣтилъ Турбаи, куда въ теченіе уже трехъ лѣтъ власти не являлись. На запросъ губернатора о зачинщикахъ и убійцахъ, турбаевцы отвѣчали, что «въ содѣланномъ преступленіи никакого они намѣренія не имѣли, слѣдовательно, и нѣтъ между ними ни одного начинщика, но всѣ они начинщики и всѣ равно виновны». Уговорами, поѣздками въ Турбаи и мѣрами кротости Каховскій достигъ, однако, цѣли: турбаевцы выслали къ нему своихъ выборныхъ, и шестнадцать подсудимыхъ турбаевцевъ сидѣли уже въ тюрьмѣ, въ Градижскѣ, когда турбаевцы дали совершенно иной ходъ дѣлу: они разбили градижскую тюрьму и освободили заключенныхъ. Тогда Каховскій прибѣгъ къ военной помощи, но такъ спокойно, безъ всякаго насилія, и такъ быстро, что описаніе этихъ его дѣйствій назидательно и для нашего времени:

«Ни Каховскій, ни герой Праги и Измаила, который командировалъ въ Турбаи баталіонъ Бугскаго егерскаго полка и 200 донскихъ казаковъ, совсѣмъ не имѣли въ виду штурмовать Турбаи. Напротивъ, со всѣхъ сторонъ видны усиленнѣйшія старанія о томъ, чтобы все обошлось самымъ мирнымъ образомъ. Все дѣлалось въ глубокой тайнѣ. Войска должны были расположиться въ Турбаяхъ, подъ предлогомъ слѣдованія въ Гадячъ, будто-бы мимоходомъ для печенія хлѣбовъ и починки обоза. Войскамъ было строжайше предписано обращаться съ турбаевцами «съ пристойною обывателямъ ласкою». У Каховскаго была одна опредѣленная ближайшая цѣль: извлечь изъ Турбаевъ, по возможности, незамѣтно, вожаковъ, «огорченнѣйшихъ и строптивѣйшихъ невѣждъ, коихъ мнѣнію и совѣтамъ большая часть жителей слѣпо слѣдуетъ». Нелегко было сдѣлать все такъ, какъ хотѣлъ Каховскій, но секундъ-маіоръ Карповъ, которому это было поручено, оказался на высотѣ своей задачи. Прежде всего надо

было захватить атамана Тарасенка. Карповъ «потребовалъ его съ ласковостью» въ лагерь, будто бы по поводу дровъ, подводъ и пастбищъ; затѣмъ приказалъ съ квартиръ самимъ жителямъ носить въ лагерь печеный хлѣбъ, а нѣкоторыхъ призвалъ къ себѣ для покупки скота. Этими «и разными подобными симъ предлогами» онъ привлекъ въ лагерь и задержалъ десять человѣкъ, на которыхъ ему было указано Каховскимъ. Сдѣлано все это было такъ просто, незамѣтно, быстро, что турбаевскіе жители не успѣли опомниться; такимъ образомъ секундъ-маіоръ Карповъ «своими благоразумными и кроткими поступками удалилъ то происшествіе, о коемъ всѣ здѣсь говорили», т.-е. новый взрывъ «турбаевской отчаянности». Революціонная Турбаевская гидра была обезглавлена безъ всякаго внѣшняго акта насилія, который могъ бы послужить для новой бури. Турбаи смирились» [1]).

Въ январѣ 1794 г. судъ былъ оконченъ. Изъ 2.000 жителей преданы были суду 411 человѣкъ, изъ нихъ 228 оправданы судомъ и 183 подверглись различнымъ наказаніямъ, причемъ «смертные приговоры были отмѣнены, наказанія смягчены». Въ маѣ того же 1794 г. турбаевцы были выселены: крестьяне въ Таврическую область, казаки за Бугъ, «въ пріобрѣтенную отъ Порты Оттоманской область». Каховскій сознавалъ, что выселеніе было самымъ тяжкимъ наказаніемъ для турбаевцевъ. «Видя самъ село Турбаи—пишетъ Каховскій—и нѣсколько хуторовъ, принадлежащихъ турбаевцамъ, сужу, что тяжко имъ разставаться съ ихъ домами, садами, рощами, словомъ со всѣмъ, въ совершенствѣ устроеннымъ, домоводствомъ, и съ мѣстами предковъ ихъ и ихъ рожденія».

Авторъ «Турбаевской катастрофы», подробно ознакомившійся съ дѣломъ, хранящимся въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ, такъ характеризуетъ участіе въ этомъ дѣлѣ Каховскаго: «Благодаря Каховскому, дѣло распуталось такъ

---

[1]) «Кіевская Старина», XXXII, 394.

благополучно, какъ только можно было пожелать при этихъ въ высшей степени трудныхъ и сложныхъ обстоятельствахъ. Невольное удивленіе и уваженіе возбуждаетъ гуманность, долготерпѣніе и осторожность, съ какою онъ относился къ турбаевцамъ, на-ряду съ энергіей, которую обнаруживалъ, направляя дѣйствія «мѣстъ и особъ», ведшихъ турбаевское дѣло» [1]).

Помѣщаемые ниже указы императрицы Екатерины II къ екатеринославскому губернатору В. В. Каховскому обнимаютъ время двухъ лѣтъ, отъ 20-го октября 1791 по 24-е іюня 1793 гг. Едва ли можно допустить, что Екатерина ни прежде 20-го октября 1791 г., ни позже 24-го іюня 1793 г. ничего не писала Каховскому. Она знала его меньше старшаго брата, Михаила Васильевича; но знала давно. Еще въ 1778 г., когда онъ былъ полковникомъ и занималъ ничтожный постъ совѣтника могилевскаго губернскаго правленія, Екатерина два раза писала графу Стакельбергу, посланнику въ Варшавѣ, поручая ему обратить вниманіе на дѣло Каховскаго съ графомъ М. К. Огинскимъ, великимъ гетманомъ литовскимъ, чтобы «Каховскій не остался безъ надлежащаго удовольствія въ дѣлѣ его» [2]). Надо полагать, что со временемъ будутъ найдены и другіе указы и рескрипты императрицы къ В. В. Каховскому.

Указы Екатерины II — В. В. Каховскому.

1 [3]).

Секретно.

Господинъ Генералъ-Маіоръ и Екатеринославскій губернаторъ Каховскій! Вы получили отъ Генерала-Маіора Попова

---

[1]) «Кіевская Старина», XXXII, 392.

[2]) «Русская Старина», III, 317, 319.

[3]) Имянный циркулярный указъ отъ 29-го января 1791 г. относительно обращенія мѣдной монеты въ губерніи и промѣна оной на банковыя ассиг-

увѣдомленіе о нѣкоемъ Полякѣ Заблоцкомъ, который по зломыслію своему дѣлаетъ вредныя разглашенія, и который бываетъ иногда въ Новомиргородѣ. Подтверждаемъ вамъ обратить секретное вниманіе на сего вреднаго человѣка и строгимъ окомъ надзирать за его поступками, не дозволяя ему пребыванія въ губерніи вамъ ввѣренной, и въ случаѣ появленія его въ оной выслать за границу съ прещеніемъ жесточайшаго наказанія по законамъ за ослушаніе въ томъ. Пребываемъ вамъ благосклонны

Екатерина.

Октября 20-го 1791 г. Въ С.-Петербургѣ.
(Полученъ 30-го октября въ Яссахъ).

2.

Получивъ увѣдомленіе, что взятые въ Анапѣ четырѣ сообщника извѣстнаго шаха Мансура [1]) отправлены изъ Тав-

націи напечатанъ въ П. С. З. подъ № 16940 и дважды перепечатанъ въ Русскомъ Архивѣ, 1872, 553 и 1887, II, 146.

[1]) Самъ Мансуръ давно уже былъ плѣненъ, и 6-го іюля его видѣла Екатерина II въ Царскомъ Селѣ (*Храповицкій*, 366). До настоящаго времени не опредѣлена точно личность этого авантюриста: самъ онъ подписалъ одинъ изъ своихъ манифестовъ шейхъ *Оганъ-Оглы*; кавказскіе сторонники называли его ***Мансуромъ***, т.-е. побѣдоносцемъ; по документамъ Туринскаго архива это былъ католическій монахъ Giovanni-Batista Boetti (*Ottino*, Curiosità e Ricerche di Storia Subalpina); любопытныя о немъ свѣдѣнія помѣщены въ «Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ» (т. II, по указателю), но эти свѣдѣнія, какъ заимствованныя изъ показаній, данныхъ Шешковскому, не заслуживаютъ сами по себѣ довѣрія и нуждаются въ критическомъ изслѣдованіи, которое еще не сдѣлано. Первымъ извѣстіямъ объ успѣхахъ авантюриста въ Курдистанѣ и Арменіи Екатерина не придавала никакого значенія, не довѣряла имъ, и писала кн. Потемкину: «О имамѣ Мансурѣ почитаю за сказку» (Сборникъ, XLII, 365); но уже въ указѣ посланнику Булгакову, отъ 15-го ноября 1785 г., сказочный Мансуръ обратился въ «извѣстнаго бродягу» (Ibid., XLVII, 143), въ «извѣстнаго обманщика», за пораженіе котораго бригадиръ Апраксинъ награжденъ орденомъ (Ibid., XXVII, 358). Въ 1786 г. Екатерина называла уже его le premier acteur d'une farce héroique (Ibid., 379). Въ концѣ 1787 г. императрица писала, что собранная Мансуромъ орда a été étrillé, chassé, dispersé, tué ou pris; imam Mansour lui-même ayant tout perdu s'est sauvé vers Soudjak (Ibid., XXIII, 435); а между тѣмъ въ это именно

риды въ Кременчукъ, повелѣваемъ вамъ прислать ихъ сюда немедлѣнно подъ надежнымъ присмотромъ, со всѣми тѣми свѣдѣніями, какіе объ нихъ тамо имѣются.

Екатерина.

Ноября 1-го 1791 г. Въ С.-Петербургѣ.

(Полученъ 29-го ноября 1791 г. въ Екатеринославѣ. Отправленіе учинено и донесено декабря 1-го дня съ прапорщикомъ Югумцовымъ).

3.

Видѣвъ изъ рапорта вашего отъ 25-го минувшаго декабря, какое предположеніе здѣлано покойнымъ Генералъ-Фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ вслѣдствіе указа нашего ему даннаго въ 24-й день Іюля 1789-го года относительно жителей села Турбаева учинившихъ своевольство и смертное убійство помѣщикамъ своимъ, Мы находимъ нужнымъ предписать вамъ, чтобъ означенное предположеніе покойнаго Генерала-Фельдмаршала выполнено было во всей его силѣ и точности. Что же касается до денегъ потребныхъ на заплату владѣльцамъ села Турбаева за покупаемыхъ у нихъ людей, тридцати одной тысячи пяти сотъ рублей, оные повелѣваемъ взять изъ доходовъ Екатеринославскаго намѣстничества. И по исполненіи всего того не оставьте намъ донести.

Екатерина.

Генваря 7-го 1792-го г. Въ С.-Петербургѣ.

(Полученъ въ Екатеринославѣ Генваря 20-го дня 1792 года).

Князь Григорій Александровичъ! Пріемля за благо ваши распоряженія къ пресѣченію своевольства произшедшаго отъ жителей села Турбаева, которое долженствуетъ быть причислено къ губерніи Екатеринославской, Мы совершенно удостовѣрены, что вы тутъ такимъ образомъ учредите, дабы спо-

---

время онъ утвердился въ Абхазіи, объявивъ себя властителемъ всего Кавказа, и болѣе трехъ лѣтъ тревожилъ русскія войска, пока, въ 1791 г., не былъ взятъ въ плѣнъ въ Анапѣ.

койствіе и порядокъ возстановлены, каждому справедливость и ему законно принадлежащее доставлены, а виновные сему мятежу и смертоубійству при семъ случаѣ учиненному, по законамъ наказаны были. Въ слѣдствіе чего вы можете приказать объявить прибѣгающимъ съ повинною, чтобы они въ доказательство своему раскаянію выдали убійцовъ и начинщиковъ неспокойства. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

Екатерина.

24-го іюля 1789 года. Въ Царскомъ Селѣ.

4.

По случаю пребыванія нынѣ въ городѣ Екатеринославѣ, имѣете доставить къ намъ немедленно копію съ плана сего города, какимъ образомъ онъ выстроиться предполагаетъ, что по оному исполнено и что еще недостроено, присовокупя къ тому подробное описаніе окружностей и свѣдѣній о числѣ казенныхъ и партикулярныхъ домовъ, въ нихъ жителей всякаго состоянія и всего того, что до сего города касается.

Екатерина.

7-го Генваря 1792 года. Въ С.-Петербургѣ.
(Полученъ въ Екатеринославѣ Генваря 20-го дня 1792 г.).

5.

Извѣстясь чрезъ рапортъ вашъ о пришедшихъ изъ Константинополя къ Херсонскому Порту пяти мореходныхъ купеческихъ судахъ, Мы одобряемъ ту осторожность, которую вы предписали Херсонскимъ Карантину и Таможнѣ наблюдать относительно сихъ судовъ, привезенныхъ на нихъ товаровъ, такожъ шкиперовъ оныхъ и самихъ хозяевъ, предъоставляя вашему благоразумію и впредь въ подобныхъ случаяхъ равную имѣть предъосторожность.

Екатерина.

7-го Генваря 1792 года. Въ С.-Петербургѣ.
(Полученъ въ Екатеринославѣ Генваря 20-го дня 1792 года).

6.

Въ 29-й день минувшаго декабря между нашими и турецкими полномочными въ Яссахъ подписанъ на желаемыхъ нами кондиціяхъ мирный договоръ, который вскорѣ подтвержденъ будетъ и Государскими взаимными высочайшими ратификаціями. Принося за то благодареніе Наше Вышнему, Мы поспѣшаемъ возвѣстить васъ о семъ благополучномъ произшествіи, вѣдая, что оное вамъ, какъ и всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ будетъ пріятно.

Екатерина

8-го Генваря 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.
(Полученъ въ Екатеринославѣ Генваря 20-го дня 1792 г.).

7.

По содержанію рапорта вашего съ представленіемъ вѣдомостей о разныхъ суммахъ состоящихъ въ вѣденіи вашемъ, которые розданы въ займы, Мы иного предписать не находимъ, какъ чтобы тѣ изъ нихъ, коимъ сроки уже миновали, старались вы узаконеннымъ образомъ съ кого слѣдуетъ взыскать въ казну безъ продолженія времени; а другіе розданные по закладнымъ на условленное число лѣтъ, въ теченіи оныхъ согласно съ обязательствами заимщиковъ взыскивать безъ упущенія и объ успѣхѣ въ томъ доносить намъ; равно какъ и о тѣхъ, съ коихъ взысканіе не надежно. Предоставляя впредь обо всѣхъ сихъ суммахъ здѣлать вамъ нужное и обстоятельное предписаніе, пребываемъ вамъ благосклонны

Екатерина.

9-го Генваря 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.
(Полученъ въ Екатеринославѣ Генваря 20-го дня 1792 г.).

8.

Препровождая симъ дошедшее къ Намъ прошеніе отъ секундъ-маіора Ефима Веселинова объ отрицаніи своянченицы

его маіорши Шаховой отъ разбирательства совѣстнаго суда, о правѣ малолѣтнаго сына его Григорія къ наслѣдію въ имѣніи оставшемся послѣ дѣда его Григорія, полковника Рашкевича, соизволяемъ, чтобы по сему его Веселинова прошенію призвана была своячиница его маіорша Шахова къ разбирательству совѣстного суда, которой имѣетъ то между ими дѣло разсмотрѣть и рѣшить на основаніи правилъ сего суда, въ учрежденіяхъ Нашихъ о управленіи губерній изображенныхъ.

Екатерина.

Генваря 19-го 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.

9.

Препровождая симъ дошедшую къ Намъ жалобу отъ константиноградскаго купца Степана Пракофьева на екатеринославской совѣстной судъ о продолжающемся въ немъ болѣе трехъ лѣтъ его дѣлѣ съ купцами Скопинымъ и Остроуховымъ въ ращетахъ по общимъ ихъ торгамъ, соизволяемъ, чтобы вы побудили какъ тотъ судъ, такъ и прибѣгнувшихъ къ разбирательству оного, кончить ихъ дѣло безъ продолженія времени на основаніи правилъ сего суда въ учрежденіяхъ о управленіи губерній изображенныхъ и протчихъ нашихъ узаконеній.

Екатерина.

Генваря 19-го 1792 г. С.-Петербургъ.

10 [1]).

Давъ указъ Сенату Нашему о присоединеніи къ губерніи, вами управляемой, земель новопріобрѣтенныхъ отъ Порты Оттоманской, между рѣкъ Буга и Днѣстра лежащихъ, и о препорученіи вашему попеченію заселенія оныхъ приходящими изъ заграницы жителями, сообразно состоянію ихъ на

[1]) П. С. З., № 17018.

основанiи плана о губернiи Екатеринославской, всемилостивѣйше вамъ повелѣваемъ:

1) Обозрѣть сiю страну, раздѣлить оную на уѣзды, назначить города по способности, и о томъ Намъ и Сенату Нашему представить ваше мнѣнiе съ планами.

2) Употребить всемѣрное старанiе о скорѣйшемъ заселенiи сей земли, отводя оную какъ для казенныхъ слободъ, такъ и для помѣщиковъ небольшими участками, и отнюдь не свыше положеннаго по плану губернiи Екатеринославской количества, и обязывая притомъ получающихъ сiи участки населять оныя безъ потерянiя времени.

3) Наблюсти, чтобъ казенныя селенiя не были смѣшаны съ помѣщичьими

4) Арнаутскiя и волонтирскiя команды, при армiи бывшiя, покойный князь Потемкинъ-Таврическiй предполагалъ поселить на сей землѣ, изъ которыхъ и составился [1]) бы на первый случай родъ войскъ поселенныхъ, вы немедленно, по сношенiю съ командующимъ армiею генераломъ Каховскимъ, имѣете принять мѣры къ произведенiю сего въ дѣйство, и какъ нужно прежде всего способствованiе водворенiю ихъ, то по недостатку потребнаго тамъ на строенiе лѣса, постарайтесь нынѣ же запастись имъ изъ Молдавiи. Генералъ-аншефъ Каховскiй и въ семъ вамъ подастъ помощь, приказавъ бывшему молдавскому портарю (капитану) Гаiосу, заготовляющему лѣса для флота, доставить довольное онаго количество и для домовъ на лѣвый берегъ Днѣстра.

5) Молдавскiе бояре, въ подданство наше вступившiе, заслуживаютъ къ полученiю тамо земель особенное уваженiе.

6) Предохраненiе границъ Нашихъ отъ опасной болѣзни долженствуетъ быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ вниманiя вашего.

Увѣрены Мы, впрочемъ, что по извѣстному вашему къ

[1]) «Изъ которыхъ бы *не оставался*» — очевидно, опечатка въ П. С. З., т. XXIII, стр. 302.

службѣ Нашей усердію не упустите вы лично къ точнѣйшему исполненію воли Нашей.

Екатерина.

Генваря 26 дня 1792 г. С.-Петербургъ.

11.

Прилагая при семъ копію съ даннаго отъ Насъ Сенату Нашему указа [1]) о немедленномъ собраніи и препровожденіи къ вамъ всѣхъ турецкихъ военноплѣнныхъ въ разныхъ губерніяхъ находящихся, повелѣваемъ вамъ, какъ сихъ доставляемыхъ къ вамъ изъ другихъ губерній, такъ и обрѣтающихся въ ввѣренной вамъ Екатеринославской, раздѣляя для удобности на партіи препровождать въ ближайшія къ границамъ мѣста, по сношенію объ оныхъ съ командующимъ арміею Нашею генераломъ Каховскимъ, или кто отъ него къ пріему и размѣнѣ взаимныхъ плѣнныхъ назначенъ будетъ, дабы оттуда могли оные во свояси отправлены быть какъ удобнѣе моремъ ли или сухимъ путемъ. О числѣ же употребленныхъ денегъ на содержаніе и отправленіе сихъ военноплѣнныхъ донести намъ и Сенату Нашему для возвращенія ихъ въ ту сумму, изъ коей они заимствованы будутъ.

Екатерина.

Февраля 12-го 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.
(Полученъ въ Крюковѣ февраля 25 дня 1792 г.).

---

[1]) Указъ сенату, отъ 12-го февраля 1792 г., объ отправленіи турецкихъ военноплѣнныхъ, воспріявшихъ Христіанскій законъ, въ ихъ отечество: «Въ заключенномъ нынѣ съ Портою Оттоманскою мирномъ договорѣ, на которой и взаимныя государскія ратификаціи уже размѣнены, постановлена на обѣ стороны совершенная свобода съ возвращеніемъ въ отечество всѣхъ военноплѣнныхъ и невольниковъ мужескаго или женскаго рода, какого бы степени или достоинства ни нашлись въ обѣихъ имперіяхъ, исключая тѣхъ, кои изъ магометанъ въ Имперіи Россійской добровольно приняли законъ христіанскій, а христіане, кои въ Оттоманской Имперіи приняли законъ магометанской. Вслѣдствіе чего и повелѣваемъ Сенату Нашему по примѣру бывшему въ 1775 г. учинить надлежащія распоряженія, и предписать, куда слѣдуетъ, о немедленномъ собраніи всѣхъ турецкихъ военноплѣнныхъ, въ разныхъ губерніяхъ находящихся, и о препровожденіи оныхъ къ Екатеринославскому губернатору генералъ-маіору Каховскому, которому о дальнѣйшемъ ихъ во свояси отправленіи дано отъ насъ особое повелѣніе». П. С. З., № 17023.

12.

Опредѣленные вамъ отъ покойнаго Генерала-Фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго за труды по строенію города Екатеринослава сверьхъ настоящаго вашего жалованья по три тысячи рублей на годъ, позволяемъ вамъ получать и впредь изъ суммъ на то строеніе назначенныхъ. А сверьхъ того изъ особливаго благоволенія Нашего къ усерднымъ трудамъ вашимъ по бытности въ арміи при помянутомъ Генералѣ-Фельдмаршалѣ понесеннымъ и въ награжденіе оныхъ, всемилостивѣйше пожаловали Мы вамъ двенадцать тысячъ рублей, объ отпускѣ коихъ изъ казначействъ Нашихъ данъ отъ Насъ указъ дѣйствительному тайному совѣтнику и Генералу-Прокурору, князю Вяземскому. Увѣрены Мы, что вы усугубите раченіе ваше на пользу службы Нашей, и пребываемъ вамъ благосклонны

Екатерина.

Февраля 22-го дня 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.
(Полученъ въ Крюковѣ февраля 25-го дня 1792 г.).

13.

Утверди подписаніемъ Нашимъ планы города Екатеринослава и разныхъ въ ономъ зданій, повелѣваемъ вамъ немедленно доставить къ Намъ свѣдѣніе обо всѣхъ денежныхъ суммахъ какъ наличныхъ, такъ и ежегодно вступающихъ въ губерніи Екатеринославской, дабы потому на производство тѣхъ строеній могли Мы назначить потребное число денегъ.

Екатерина.

Февраля 28-го дня 1792 г. С.-Петербургъ.
(Полученъ въ Дубоссарахъ апреля 1-го дня 1792 г.).

14.

Пріемля за благо представленіе ваше о перенесеніи карантина и таможни изъ Херсона въ Очаковъ, повелѣваемъ дѣлать благовременныя къ сему распоряженія и Намъ пред-

ставить штаты карантиновъ, таможень и заставъ, которые на границахъ губерніи Екатеринославской нужными вы находите съ смѣтами суммъ на полагаемыя въ оныхъ строенія потребныхъ. По полученіи отъ васъ свѣденія о доходахъ губерніи и наличныхъ въ оной суммахъ, не оставимъ Мы удовлетворить сіи надобности, вамъ же позволяемъ обо всемъ, что до пользы и благосостоянія ввѣреннаго вамъ намѣстничества касается, прямо доносить Намъ.

Екатерина.

Февраля 23-го дня 1792 г. С.-Петербургъ.
(Полученъ въ Дубоссарахъ апрѣля 1-го дня 1792 г.).

15.

Возложа на васъ населеніе и благоустройство земли новопріобретенной Нами отъ Порты Оттоманской за нужное находимъ особливому вашему поручить попеченію переведенныхъ на оную изъ-за Днестра Армянъ. Покойный князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій назначилъ быть городу Армянскому подъ именемъ *Григоріополь* у самаго Днестра между долинъ Чорной и Черницы, включая и обѣ оныя въ городской выгонъ. Мы утверждая сіе назначеніе повелѣваемъ:

Первое, отвесть помянутую округу, между долинъ Чорной и Черницы лежащую, со владѣніемъ обѣихъ оныхъ, подъ городъ Армянскій, который и именовать *Григоріополь*.

Второе, сдѣлать планъ сему городу и располoжа оный сообразно роду жизни и упражненію трудолюбиваго сего народа представить его Намъ.

Третіе, между тѣмъ преподавать армянамъ всѣ зависящія отъ васъ спомоществованія къ водворенію ихъ тамъ, произвожленію ремеслъ и открытію фабрикъ, которыя они завесть намѣрены. Архіепископъ армянскій Іосифъ можетъ вамъ въ семъ способствовать, такъ какъ онъ и прежде къ тому былъ употребляемъ.

Четвертое, обо всѣхъ ихъ надобностяхъ и просьбахъ, узаконеніямъ Нашимъ непротивныхъ, имѣете Намъ представить, стараясь дабы не только всѣ перешедшіе въ предѣлы Наши сохранены были, но чтобы и находящіеся за границею ихъ единоземцы, видя ихъ благоденствующихъ, къ Намъ присоединялись.

Пятое, объ исполненіи сего и прочихъ Нашихъ препорученій ожидаемъ Мы частыхъ отъ васъ донесеній.

Екатерина.

Февраля 23-го дня 1792 г. С.-Петербургъ.

(Полученъ въ Дубоссарахъ апреля 1-го дня 1792 г. Объявленъ архіепископу Іосифу 2-го, а обществу армянскому 4-го апрѣля).

16.

На послѣдней почтѣ получили Мы увѣдомленіе, что живущая давно уже въ Парижѣ княгиня Варвара Шаховская, урожденная баронесса Строганова, безъ вѣдома Нашего и несогласно съ волею Нашею выдала дочь свою замужъ за князя Аремберга, и что она съ нимъ и съ дочерью выѣхала изъ Парижа и вѣроятно ѣдутъ они въ Россію [1]). А какъ сей князь Арембергъ участвовалъ въ двухъ извѣстныхъ бунтахъ противъ законной власти воздвигнутыхъ наглостію и своевольствомъ, одномъ французскомъ, а другомъ брабантскомъ, гдѣ едва ли и нынѣ еще показаться смѣетъ, то и повелѣваемъ на границахъ Имперіи Нашей лежащихъ въ губерніи вамъ ввѣренной взять мѣры, дабы вышереченный князь Арембергъ отнюдь въ Россію пропущенъ не былъ; обѣимъ же княгинямъ не запрещается возвратиться въ отечество; но въ случаѣ естьли жена его не пожелаетъ съ нимъ растаться, оставить ей на волю воспріять съ мужемъ своимъ обратный

---

[1]) См. любопытное письмо императрицы московскому главнокомандующему кн. Прозоровскому, помѣщенное въ Русскомъ Архивѣ, 1872, 565.

путь. О чемъ и прочихъ пограничныхъ губерній начальникамъ даны отъ Насъ надлежащія повелѣнія.

Екатерина.

Марта 2-го дня 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.
(Полученъ 11-го апреля 1792 г. въ Дубоссарахъ).

17.

Молдавскимъ Господарямъ Александру Маврокордато и Еммануилу Росетти, которые во время минувшей войны Нашей съ Портою Оттоманскою, убѣгая гоненія турецкаго [1]), притекли подъ защиту Нашу и нынѣ по прекращеніи той войны желаютъ остаться въ предѣлахъ Имперіи Нашей, Росетти по глубокой его старости въ Херсонѣ или Николаевѣ, а Маврокордато въ Москвѣ или гдѣ онъ лучше для себя изберетъ пребываніе, повелѣваемъ опредѣленное имъ отъ Насъ содержаніе каждому по тысячѣ рублей на мѣсяцъ, выдать обоимъ съ того самаго времени, какъ сія дача имъ пресѣчена; да и впредь Росетти остающемусь на пребываніи въ губерніи вамъ ввѣренной, изъ доходовъ оной производить исправно и безъ задержанія. А что касается до Господаря Маврокордато, оному по полученіи отъ васъ увѣдомленія гдѣ онъ изберетъ мѣсто своего пребыванія и куда ему безпрепятственно выѣхать позволить, не оставимъ по способности избраннаго имъ жительства ассигновать таковую выдачу мѣсячнаго содержанія, въ чемъ вы его и обнадежить можете.

Екатерина.

Марта 4-го дня 1872 года. Въ С.-Петербургѣ.
(Получено 11-го апреля 1792 г. въ Дубоссарахъ).

---

[1]) Во время второй турецкой войны только престарѣлый Россетти, нѣкогда бывшій министръ Али-бея египетскаго (Арх. Гос. Совѣта, I, 1, 378), бѣжалъ въ Россію; Маврокордато же переселился въ Россію задолго до начала войны, въ 1784 г., и вопросъ о выдачѣ его выставлялся Портою, какъ одинъ изъ поводовъ къ объявленію Турціею войны Россіи въ 1787 г. (Русскій Архивъ, 1866, 1576).

18.

Давъ повелѣніе объ отправленіи чрезъ Константинопольскій проливъ въ Черное море судовъ, бывшихъ въ Средиземномъ морѣ флотиліи Нашей со всѣми тѣми Нашими единовѣрцами, которые въ областяхъ Нашихъ селиться желаютъ, назначаемъ Мы для обитанія ихъ Аджибей [1]) съ окрестностію, а потому и считаемъ за нужное вамъ предписать, чтобы приняли вы благовременно мѣры къ ихъ тамо водворенію съ наблюденіемъ притомъ пользы и выгоды общей и ихъ собственной. Но естьли которые изъ нихъ восхотятъ поселиться въ Тавридѣ, для таковыхъ указали Мы отвесть землю близъ Балаклавы, присоединя ихъ къ обществу грековъ, тамъ жительствующихъ. О числѣ прибывающихъ поселенцовъ и о всѣхъ распоряженіяхъ, какія вы по сему учините, будемъ Мы ожидать въ свое время подробныхъ донесеній.

Екатерина.

Марта 20-го дня 1792 г. С.-Петербургъ.
(Полученъ апреля 1-го дня въ Дубоссарахъ).

19.

Для обезпеченія Лимана Днѣстровскаго указали Мы генералу Каховскому отправить во оный до тридцати лодокъ изъ построенныхъ въ Фалчѣ, посадя на нихъ одинъ изъ приморскихъ гренадерскихъ полковъ и поруча сію команду бригадиру Леццану [2]) съ тѣмъ, чтобы онъ по прибытіи въ Лиманъ избралъ удобное мѣсто на лѣвомъ берегу Днѣстра, противъ Аккермана, и тамъ расположился, дондеже о построеніи въ той странѣ крѣпости дастся Наше повелѣніе. Вамъ

[1]) Хаджибей, основанный татарскимъ бекомъ Хаджи, переименованъ въ 1795 г. въ Одессу.

[2]) Бернардо, въ Россіи Борисъ Борисовичъ, 1760 — 1827, дослужившійся до высокаго военнаго чина—генерала-отъ-инфантеріи. Въ «Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ» онъ не упомянутъ.

же предписываемъ о преподаніи сему отряду всѣхъ нужныхъ способствованій.

Екатерина.

Марта 22-го дня 1792 г. С.-Петербургъ.

20.

Секретно.

Дошло до свѣдѣнія Нашего, что нѣкто французъ по имени Бассевиль [1]) съ нѣкоторыми другими подобными ему предпріемлютъ путь къ Россіи. Примѣтами оный Бассевиль росту средняго, имѣющій лице смуглое и рябоватое, глаза большіе, волоса курчавые, въ бѣлой шинели и круглой шляпѣ. Какъ пребываніе сего человѣка и сотоварищей его въ Имперіи Нашей почитается вреднымъ и не долженствуетъ быть терпимо, то и повелѣваемъ вамъ, въ случаѣ прибытія сихъ людей на границу Нашу, входъ имъ въ предѣлы Имперіи Нашей воспретить съ объявленіемъ, дабы они немедленно отъ оныхъ удалились.

Екатерина.

Марта 26-го дня 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.
(Полученъ 2-го маія 1792 г. въ Дубоссарахъ).

21

Польскіе вельможи графъ Потоцкій [2]), графъ Ржевускій [3]) и многіе другіе, прибѣгшіе къ Намъ съ испрашиваніемъ покровительства противу новой введенной въ Польшѣ конституціи, отправляются нынѣ въ Елисаветградъ для пребыванія тамо нѣкотораго времяни. Прикажите отвесть для нихъ луч-

---

[1]) Подъ 13-мъ апрѣля 1792 г. у Храповицкаго записано: «Ищутъ француза Басевиль; объ немъ писано изъ Берлина» (395).

[2]) Феликсъ, 1750—1805 г., маршалъ тарговицкой конфедераціи; сторонникъ Россіи. Въ 1792 г. Екатерина II говорила, что «онъ 30 лѣтъ намъ вѣренъ и преданъ» (*Храповицкій*, 392).

[3]) Северинъ, коронный гетманъ, краковскій воевода (Сборникъ, XLII, 233, 239, XLVII, 256, 429; *Храповицкій*, 422).

шія квартиры и оказывая имъ всякое уваженіе, пещись объ ихъ выгодахъ и безопасности доколѣ они тамо останутся.

Екатерина.

Апрѣля 20-го дня 1792 г. С.-Петербургъ.
(Полученъ въ Дубоссарахъ маія 2-го дня 1792 г.).

22.

Препровождая при семъ пункты просительные турковъ, въ Николаевѣ поселиться желающихъ [1]), съ Нашимъ рѣшеніемъ, повелѣваемъ вамъ объявить имъ оное, и обще съ оберстеркригсъ-комисаромъ Фалѣевымъ и бригадиромъ Селихъ-Агою [2]), въ Николаевѣ пребывающими, соотвѣтственное сему учинить распоряженіе; нужную въ построеніи домовъ помощь преподать имъ чрезъ снабженіе матерьялами и мастеровыми людьми; деньги 20.000 на ссуду опредѣленныя истребовать изъ Екатеринославской казенной палаты; льготы имъ полагается десять лѣтъ, по прошествіи коихъ подвергаются они одинакому отправленію всѣхъ обязанностей граждан равнаго съ ними состоянія; объ исполненіи сего и о числѣ оставшихся въ Николаевѣ турковъ имѣете вы Насъ въ свое время увѣдомить.

Екатерина.

Апрѣля 27-го дня 1792 г. С.-Петербургъ.

Пункты просительные турокъ въ Николаевѣ поселиться желающихъ:

1.

Каждому хозяину, вступившему въ подданство Ея Императорскаго Величества, дать

Высочайшее на оные рѣшеніе:

1.

Для поселенія ихъ особою слободою отвесть землю въ предмѣстіи Николаева.

---

[1]) П. С. З., № 17039.

[2]) Возведя его въ бригадиры въ 1790 г., Екатерина II приказывала «за нимъ и его корреспонденціею чрезъ жидовъ съ пруссаками и поляками прилежное око имѣть» (Сборникъ, XLII, 66).

домъ съ лавкою, землю для хутора или саду, на торговлю сто левовъ.

Изъ Турціи же переселиться желающіе требуютъ, чтобъ на заведеніе и торговлю опредѣлить сумму и давать смотря по состоянію человѣка съ возвратомъ чрезъ десять лѣтъ.

Для садовъ дать также приличное количество земли, и доколѣ они съ помощію казенною успѣютъ построить себѣ домы и лавки отвесть имъ на пребываніе изъ казенныхъ домовъ.

На ссуду ихъ для торговли опредѣляется на первый случай двадцать тысячъ рублевъ, изъ которыхъ снабжать ихъ чрезъ десять лѣтъ безъ процентовъ, смотря по состоянію человѣка.

2.

Свободно отправлять богослуженіе и построить для онаго мечеть.

2.

Богослуженіе отправлять свободное, мечети же представить планъ и смѣту.

3.

Судиться законами россійскими, но судьи чтобъ изъ самихъ турковъ выбирались.

3.

Удовлетворить ихъ въ семъ сообразно съ высочайшими о управленіи губерній учрежденіями.

4.

Рекрутъ съ нихъ не брать.

4.

Отъ поставки рекрутъ увольняются.

5.

Постоевъ въ домахъ ихъ не ставить.

5.

Для постоевъ построить казармы.

6.

Пользоваться всѣми выгодами наравнѣ съ природными Россіянами.

6.

Сіе право имъ жалуется какъ скоро на вѣрность подданства учинятъ присягу.

7.

Имаму Мустафѣ Еффендію опредѣлить жалованье по шести сотъ рублевъ въ годъ, да помощнику его триста.

7.

Жалованье сіе имъ опредѣляется, зависѣть же имъ отъ муфтія таврическаго.

Екатерина.

Апрѣля 27-го 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.

23.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ бригадиру Селихъ-Агѣ производить изъ губернскихъ Екатеринославскихъ доходовъ жалованья въ годъ по тысячи по восмисотъ рублей, и сверхъ того столовыхъ по тысячѣ двѣсти рублей, выдать ему единовременно двѣ тысячи пятьсотъ ефимковъ изъ наличной въ казенной палатѣ суммы; отвесть ему домъ выгодный въ Николаевѣ, по сношенію съ оберштеркригсъ-коммиссаромъ Фалѣевымъ, и для экстраординарныхъ расходовъ преподать ему неминуемо нужное пособіе изъ суммы, ассигнуемой вамъ для турецкаго поселенія.

Екатерина.

Апрѣля 27-го дня 1792 г. С.-Петербургъ.

24.

Обращая особливое вниманіе Наше на фабрики Екатеринославскія суконную въ Дубровнѣ, шелковыхъ матерій въ Купавнѣ [1]) и чулочную въ Кайдакахъ, покойнымъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ заведенныя и нѣкоторой уже степени совершенства достигшія, назначили Мы изъ заемнаго Нашего банка какъ въ капиталъ ихъ, такъ на переводъ и помѣщеніе оныхъ между Екатеринослава и Кайдакъ три ста двадцать шесть тысячъ четыре ста восемь рублевъ и въ то число нынѣ же указали

[1]) Письмо князю Прозоровскому въ Русскомъ Архивѣ, 1872, 567.

отпустить вице-губернатору Екатеринославскому статскому совѣтнику Тибекину [1]) двѣсти тысячъ рублевъ, изъ коихъ ему обще съ директоромъ фабрикъ коллежскимъ ассессоромъ Липрандіемъ [2]) употребить съ принятіемъ нужныхъ для обезпеченія казны предосторожностей для суконной фабрики на заготовленіе припасовъ, заплату долгу и на удовольствіе мастеровыхъ восемдесятъ семъ тысячъ сто шестьдесятъ два рубли, да сверхъ сего на припасы же шестьдесятъ двѣ тысячи восемъ сотъ тридцать восемь рублевъ въ замѣну таковагожъ числа денегъ сей фабрикѣ разными людьми должныхъ, а достальные пятдесятъ тысячъ рублевъ доставить въ ваши руки, вамъ же повелѣваемъ:

Первое, поспѣшить приготовленіемъ дерева потребнаго на строеніе фабрикъ по апробованному Нами плану, да и къ производству строенія приступить какъ наискорѣе, стараясь о немедленномъ сведеніи помянутыхъ фабрикъ къ Екатеринославу.

Второе, шестдесятъ двѣ тысячи восемь сотъ тридцать восемь руб. въ долгахъ состоящія, собирая, употреблять такъ же на строеніе, а чтобы во взысканіи ихъ преподано было вамъ всевозможное способствованіе о томъ повелѣніи Наши даны.

Третіе, прилѣжнѣйшему вашему попеченію предоставляемъ всѣ тѣ заведенія, какія только для фабрикъ нужны быть могутъ, не выходя однакожъ изъ суммъ ассигнованныхъ. Ваше усердіе къ Нашей службѣ и отличное рвеніе къ исполненію повелѣній Нашихъ будутъ вамъ въ семъ случаѣ наилучшими руководителями.

Четвертое, въ контору фабрикъ повелѣли Мы опредѣлить артиллеріи капитана Захарьина, который, не мѣшаясь въ распоряженія директора фабрикъ, будетъ только наблюдать вѣрность и исправность счетовъ.

---

[1]) Иванъ Васильевичъ Тибѣкинъ.

[2]) Вызванный княземъ Потемкинымъ итальянецъ Али-Бранди.

Пятое, Мы ожидаемъ, что въ будущемъ 1793 годѣ не только помянутыя фабрики будутъ уже на мѣстѣ и въ полномъ теченіи работъ своихъ, но что и другія покойнымъ княземъ предположенныя, какъ-то ленточная, бумажная и свѣчная, для коихъ матеріалы и инструменты готовы, получатъ основаніе свое и въ дѣйствіе приведены будутъ, и что такъ же примете вы мѣры о присоединеніи къ первымъ устроеннымъ въ Дубровнѣ фабрикъ часовой и позументной.

Шестое, директору фабрикъ коллежскому ассессору Липрандію для лучшаго въ исполненіи порученнаго дѣла поощренія и для нужныхъ заведеній имѣете отвесть способную землю изъ близкихъ казенныхъ.

Объ успѣхѣ въ семъ возложенномъ на васъ дѣлѣ повелѣваемъ вамъ по временамъ намъ доносить.

Екатерина.

Мая 14-го дня 1792 г. Въ Царскомъ Селѣ.
(Полученъ въ Екатеринославѣ мая 23-го дня 1792 г.).

25.

Молдавскому протопопу Михаилу Стрѣлбѣцкому, въ награжденіе службы его оказанной Намъ въ теченіе минувшей съ турками войны, повелѣваемъ отвесть земли въ Дубосарахъ для водворенія его и позволить завести ему тамъ типографію для печатанія книгъ на греческомъ, россійскомъ, молдавскомъ и прочихъ языкахъ, производя ему притомъ въ пенсію по триста рублевъ на годъ изъ Екатеринославской казенной палаты.

Екатерина.

Маія 16-го дня 1792 г. Въ Царскомъ Селѣ.
(Полученъ 6-го іюня въ Дубоссарахъ).

26.

Изъ донесенія вашего отъ 5-го дня сего мѣсяца видимъ Мы съ удовольствіемъ заботу вашу и попеченіе о разведеніи лѣсовъ въ области новопріобрѣтенной, не находимъ однакожъ за нужное выписывать для сего форсмейстеровъ иностран-

ныхъ, и препровождая при семъ лѣсной уставъ, повелѣваемъ правила въ ономъ предписанныя вводить во исполненіе не только въ той области, но и во всемъ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ.

Екатерина.

Маія 19-го дня 1792 г. Въ Царскомъ Селѣ.
(Полученъ 6-го іюня 1792 г., въ Дубоссарахъ).

27.

Препровождая при семъ присланную къ Намъ отъ ротмистра отставнаго Карпинскаго жалобу на присутственныя мѣста намѣстничества Екатеринославскаго въ долговременномъ нерѣшеніи дѣла его по доносу на купцовъ елисаветградскихъ, производившихъ запрещенный торгъ за границу лошадьми, повелѣваемъ помянутое дѣло рѣшить немедленно на основаніи законовъ съ доставленіемъ просителю справедливаго удовлетворенія.

Екатерина.

Маія 19-го дня 1792 г. Въ Царскомъ Селѣ.
(Полученъ 6-го іюня 1792 г., въ Дубоссарахъ).

28.

Помышляя о выгодномъ въ новопріобрѣтенной области помѣщеніи на зиму войскъ, безъ утѣсненія новыхъ ея обитателей, за нужное Мы находимъ вамъ предписать о принятіи благовременно мѣръ къ пріуготовленію жилищъ. Намъ извѣстно, что землянки, каковыя, по повелѣнію покойнаго фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, сдѣланы были по почтовой дорогѣ отъ Бендеръ къ Соколамъ, для людей довольно выгодны и здоровы, и скоро могутъ построиться; полагая шесть тысячъ человѣкъ на лѣвомъ берегу Днѣстра ниже Бендеръ противу устья рѣки Ботны, гдѣ назначается средняя крѣпость, три тысячи человѣкъ у Аджидеръ, тысячи по двѣ у Аджибея, Ягорлыка и противъ Балты, должно по сему

числу нынѣшнимъ же лѣтомъ построить на первый случай землянки или хотя мазанки какъ для рядовыхъ, такъ и для начальниковъ. Къ сему сами солдаты могутъ быть употреблены съ платежемъ по пять копѣекъ въ день на человѣка. Снеситесь о томъ съ командиромъ войскъ въ новопріобрѣтенной области находящихся и истребовавъ нужное число рабочихъ и приставовъ, приступите немедленно къ сему построенію. Мы увѣрены, что въ семъ случаѣ и польза казенная и выгоды военно-служащихъ вами сохранены будутъ. Сколько же на сіе потребно денегъ, имѣете Намъ представить исчисленіе.

Екатерина.

Маія 20-го дня 1792 г. Въ Царскомъ Селѣ.
(Полученъ 6-го іюня 1792 г. въ Дубоссарахъ).

29.

По разсмотрѣніи представленной Намъ и при семъ слѣдующей вѣдомости о провіантѣ заготовленномъ по данному отъ Насъ въ 1776 году повелѣнію въ крѣпостяхъ Александровской и Петровской, тожъ Никополѣ и Крюковѣ и теперь на лицо и въ долгахъ состоящимъ, повелѣваемъ:

Первое, употребленные въ невозвратный расходъ муки шестнадцать тысячъ шесть сотъ двадцать восемь четвертей три четверика два гарнца, крупъ тысяча четыреста двадцать три четверти одинъ четверикъ семь гарнцевъ исключить.

Второе, наличную въ Крюковѣ и Никополѣ муку тысячу сто восемдесятъ четвертей четыре четверика одинъ съ половиною гарнецъ и крупу семнадцать четвертей два четверика семь гарнцевъ отдать въ вѣдомство армейскаго провіантскаго магазина.

Третіе, розданные по Новороссійской и Азовской губерніямъ, считая и съ процентами муки семнадцать тысячъ шесть сотъ девяносто четыре четверти пять гарнцевъ, крупъ семь сотъ тридцать одна четверть пять гарнцевъ стараться взыски-

вать и обращать взыскиваемое въ армейскіе магазины, но если по вашему усмотрѣнію каковаго количества взыскать совсѣмъ невозможно, о томъ для исключенія представить Намъ.

Четвертое, о семъ поступающемъ въ вѣдомство армейское по второй и третьей статьѣ провіантѣ, тожъ и о почитаемой на Главной Провіантской Коммисіи послѣ всѣхъ замѣнъ мукѣ четырехъ тысячахъ пятистахъ восьмидесяти восьми четвертяхъ трехъ четверикахъ одномъ гарнцѣ и крупѣ тысячѣ ста девяноста пяти четвертяхъ четырехъ четверикахъ учинить вамъ разсчетъ съ Генералъ-Провіантмейстеромъ, полагая муку четверть въ два рубля пятьдесятъ коп., а крупу въ четыре рубли для надлежащаго изъ провіантской въ губерніи суммы платежа.

Пятое, наличныя деньги двѣ тысячи шесть сотъ девятнадцать рублей шестдесятъ копѣекъ причислить къ прочимъ сборамъ Губерніи Екатеринославской.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ.
Маія 20-го дня 792 г.

Вѣдомость о приходѣ, расходѣ и остаткѣ хлѣба и вырученныхъ за оный деньгахъ.

Въ приходѣ.

	Муки.			Крупы.		
	чет.	четв.	гар.	чет.	четв.	гар.
Купленнаго по подряду у Фалѣева по разнымъ цѣнамъ на 95.105 р. 79¾ к.	33.666	3	4	3.156	1	5
Пріобрѣтеннаго отъ раздачи въ займы процентомъ	2.040	—	—	88	—	—
Осталось отъ содержанія караульныхъ казаковъ	43	—	2	—	—	—
	35.749	3	6	3.244	1	5

Въ расходѣ
невозвратномъ.

	Муки.			Крупы.		
	чет.	четв.	гар.	чет.	четв.	гар.
1) На продовольствіе отставныхъ поселенныхъ солдатъ, инженерныхъ служителей и колодниковъ, строившихъ магазейны, бывшихъ въ карантинѣ Корсиканцовъ, свиты Крымскаго Хана караульныхъ казаковъ, Шведовъ, содержимыхъ въ карантинѣ и въ зараженныхъ мѣстахъ людей каторжныхъ колодниковъ	11.061	—	7	922	—	7
2) Исключено на мышеядь и раструску	492	4	7	74	3	3
3) На продовольствіе поселившихся въ городѣ Новомосковскѣ колонистовъ и у Хортицкаго острова менонистовъ, у коихъ за сей хлѣбъ отъ Его Свѣтлости велѣно зачесть опредѣленныя на каждую семью по пяти сотъ рублей деньги, которыя изъ статскихъ доходовъ отчислить должно . . .	5.073	7	4	431	7	4
	16.628	3	2	1.423	1	7

возвратномъ:

1) Роздано азовскою губернскою канцеляріею поселившимся солдатамъ, грекамъ и разнымъ помѣщичьимъ селеніямъ	3.561	—	3	140	—	6
2) Роздано по Новороссійской губерніи разнымъ жителямъ по случаю недорода и саранчи провіантмейстеромъ Прокоповичемъ, на котораго имѣніе до возвращенія хлѣба учинено запрещеніе для того, что имъ чинена была						

	Муки.			Крупы.		
	чет.	четв.	гар.	чет.	четв.	гар.
выдача сверхъ дозволеннаго на семью количества и безъ надежныхъ казнѣ увѣрительствъ	5.285	—	2	262	3	3
Недоставлено по подряду воронежскимъ купцомъ Масалитиновымъ . , ...	—	—	—	25	7	4
Роздано разнымъ селеніямъ, потерпѣвшимъ въ 1787 г. неурожай .	2.654	—	—	—	—	—
Градижскимъ воинскимъ поселянамъ рожью, чтобы вмѣсто оной представили свѣжую муку .	312	—	—	—	—	—
Осталось на главной провіантской коммиссіи за всѣми замѣнами	4.588	3	1	1.195	—	4
Обращено на деньги которымъ расходъ ниже сего слѣдуетъ . . .	1.539	6	6	171	—	4
	17.940	4	2	1.797	4	5
А всего возвратно и невозвратно .	34.568	7	4½	3.226	6	5
Затѣмъ въ крюковскомъ и никольскомъ магазейнахъ на лицо .	1.180	4	1½	17	2	7
Сумма . . .	35.749	3	6	3.241	1	5
Сверхъ того почитается въ долгу за розданный хлѣбъ накопившихся хлѣбомъ процентовъ . . .	5.881	3	5	298	7	6½
За показанный выше сего расходомъ хлѣбъ было въ приходѣ денегъ	4.242 р.	5¼ к.				
Изъ нихъ на жалованье бывшимъ при магазейнахъ чинамъ и на мелочныя издержки въ расходѣ	1.622 р.	45¼ к.				

Затѣмъ въ остаткѣ на лицо . . 2.619 р. 60 к

Генералъ-маіоръ Василій Поповъ.

30.

Полковнику князю Ивану Кантакузену [1]), подполковнику Филодору и коллежскому ассесору Маврикію повелѣваемъ, по прошенію ихъ, отвести для поселенія земли въ новопріобрѣтенной области на основаніи даннаго вамъ отъ Насъ указа о таковомъ отводѣ земель переселившимся изъ Молдавіи боярамъ.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, іюня 2-го дня 1792 г.
(Получено 4-го іюля 1792 г. въ Дубоссарахъ).

31.

По разсмотрѣніи представленной Намъ вѣдомости о употребленныхъ по губерніи Екатеринославской на менонитовъ и прочихъ колонистовъ сто девяносто тысячахъ двухъ стахъ девяноста девяти рубляхъ восьмидесяти восьми копѣйкахъ, и сверхъ того, еще слѣдующихъ менонистамъ пятидесяти четырехъ тысячахъ семи стахъ тридцати пяти рубляхъ тридцати одной копѣйкѣ, колонистамъ въ 1789 и 1790 годахъ въ ту губернію прибывшимъ сорока девяти тысячахъ восьми стахъ пятидесяти трехъ рубляхъ сорока семи копѣйкахъ и пастору ихъ Кирхману четырехъ тысячахъ семи стахъ пятидесяти семи рубляхъ семидесяти восьми копѣйкахъ съ четвертью, повелѣваемъ:

Первое, менонитовъ слѣдующими къ выдачѣ по наличному ихъ числу деньгами удовольствовать изъ губернскихъ доходовъ, сдѣлавъ расположеніе съ казенною палатою поскольку можетъ она отпускать имъ въ годъ безъ помѣшательства другимъ нужнымъ расходамъ.

Второе, пастору Кирхману положенное жалованье по че-

---

[1]) Иванъ Родіоновичъ, 1756—1828, переселился въ Россію въ 1791 г., вмѣстѣ съ великимъ вестіаромъ молдавскимъ княземъ М. И. Кантакузеномъ (*Архивъ Гос.* Совѣта, I, 1, 52).

тыреста рублевъ въ годъ отпускать, снабдя его и заимообразно двумя тысячами рублями и отведя въ вѣчное ему владѣніе назначенное количество земли пятьсотъ десятинъ, но только съ обязательствомъ всегдашняго всероссійскому престолу подданства.

Третье, колонистовъ въ 1789 и 1790 годахъ прибывшихъ въ губернію Екатеринославскую, если никакихъ съ ними постановленій сдѣлано не было, снабдить, согласно съ мнѣніемъ казенной палаты, половинною только суммою изъ той, которая имъ въ сравненіе съ менонитами назначалась, оставя уже въ ихъ владѣніи занимаемыя ими плодоносныя земли.

Четвертое, о собраніи въ надлежащее время отпущенныхъ симъ поселенцамъ заимообразно денегъ, казенная палата особенное и неупустительное должна имѣть попеченіе.

Пятое, что касается до колонистовъ, прибывшихъ въ 1787 году, то въ разсужденіи льготы должны они пользоваться положенною въ губерніи Екатеринославской десятилѣтнею, а изъ денегъ употребленныхъ на нихъ уплачивать ту только сумму, которая на наличныхъ причитается.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, іюня 2-го дня 1792 г.
(Получено 17-го іюня 1792 г.).

Записка къ высочайшему разсмотрѣнію по Екатеринославской губерніи.

О колонистахъ и менонитахъ:

Изъ числа сихъ колонистовъ въ Таврической области и Екатеринославской губерніи поселилось 404 м., 351 ж.

да убыло:

въ военную службу	49 м.	24 ж.
умерло	8 „	1 „
бѣжало	49 „	24 „
	510 „	400 „

Въ Екатеринославскую губернію вызваны изъ Данцига и другихъ мѣстъ колонисты и менониты, которыхъ было:

въ 1787 году колонистовъ

мужскаго пола	510 душъ.
женск.	400 „ [1]

Въ 1789 и 1790 г.:

менонитовъ	226 семействъ.
колонистовъ	91 „
пасторъ	1

Что слѣдуетъ до колонистовъ перваго выхода, то о привиллегіяхъ ихъ Казенная Палата никакого свѣденія не имѣетъ, и ни отколь оныхъ не получила; съ менонитами же и пасторомъ были заключены оные на такомъ основаніи, чтобы всякой менонистской фамиліи выдать заимообразно по 500 руб. и кормовыхъ до первой жатвы по 10 коп. въ день на человѣка, да для строенія по 120-ти четыре саженныхъ бревенъ, и на первый посѣвъ хлѣба и огородныхъ сѣмянъ съ возвратомъ по времени, пастору же чрезъ десять льготныхъ лѣтъ на каждый годъ по 400 руб. жалованья и въ вѣчное владѣніе 500 десятинъ земли, да денегъ заимообразно безъ про-

3) Пастору Кирхману жалованье . . . . 1.242 р. 21¾ к,

4) Колонистамъ перваго выхода на проѣздъ и обзаведеніе домовъ по разнымъ повелѣніямъ . . . . 54.883 „ 45½ „

190.299 р. 88¼ к.

Затѣмъ останется еще противу условій выдать:

Менонитамъ деньгами и лѣсомъ . . . . 54.735 р. 31¼ к.

Колонистамъ послѣднимъ . . . 49.853 „ 47 „

Пастору Кирхману . . . . 4.757 „ 78¼ „

109.346 р. 57½ к.

Нынѣ казенная палата отзываясь о менонитахъ, что они хорошіе хозяева и ревностные земледѣльцы, испрашиваетъ притомъ разрѣшенія, повелѣно-ли будетъ выдать имъ достальные деньги, а о колонистахъ послѣдняго выхода заключаетъ мнѣніемъ своимъ, что они и половинною противъ менонитовъ дачею будутъ довольны, если занимаемыя ими теперь тучныя земли подъ ними останутся, ибо живучи близъ губернскаго города продукты свои удобно сбывать могутъ; о колонистахъ же перваго выхода требуетъ также разрѣшенія, на тридцати лѣтней или на какой другой должны они пребывать льго-

Высочайшимъ манифестомъ іюля 22-го дня 1763 г. повелѣно выходящимъ на поселеніе въ Россію иностранцамъ давать льготы: тѣхъ, которые поселились на праздныхъ мѣстахъ тридцать лѣтъ, а которые останутся въ С.-Петербургѣ, такожъ Лифляндскихъ, Эстляндскихъ, Ингерманландскихъ, Корельскихъ, Финляндскихъ городахъ и въ самой Москвѣ пять лѣтъ, которые же

пойдутъ въ прочіе губернскіе, провинціальные и другіе города тѣмъ десять лѣтъ; да на обзаведеніе дома и на покупку хлѣбопашныхъ и другихъ ремесленныхъ инструментовъ и припасовъ выдавать изъ казны заимообразную безъ процентовъ потребную сумму, которую возвращать съ нихъ. по прошествіи 10-ти лѣтъ по равнымъ частямъ въ три года.

тѣ, и слѣдуетъ ли по прошествіи десяти лѣтъ взыскивать съ нихъ употребленныя на хозяйственное ихъ обзаведеніе деньги, или оставить безъ взысканія, для того, что за исключеніемъ изъ нихъ убылыхъ въ военную службу, также бѣжавшихъ и умершихъ, однимъ наличнымъ таковое взысканіе по бѣдности ихъ будетъ отяготительно.

(Всеподданнѣйше докладовано 31-го маія 1792 г.).

32.

Употребленныя на построеніе въ урочищѣ Чутѣ въ 1788 году казенныхъ казармъ сверхъ договорной съ кременчугскимъ купцомъ Бирюковымъ цѣны четырнадцати тысячъ двухъ сотъ рублевъ излишнія семь тысячъ восемьсотъ семьдесятъ девять рублевъ восемьдесятъ шесть копѣекъ, какъ оныя издержаны дѣйствительно по самой необходимости и подъ точнымъ Екатеринославской казенной палаты надзираніемъ повелѣваемъ исключить и съ оставшихъ послѣ помянутаго умершаго уже подрядчика Бирюкова дѣтей не взыскивать.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюня 5-го дня 1792 г.
(Полученъ 17-го іюля 1792 г. въ Дубоссарахъ).

33 [1]).

Протоіерею Трофиму Куцинскому, оказавшему на штурмѣ Измаильскомъ похвальное усердіе въ ободреніи войска и неустрашимомъ при оныхъ слѣдованіи на приступъ, всемило-

[1]) Подлинникъ хранится въ собраніи автографовъ Ѳ. Ѳ. Бычкова, по свидѣтельству котораго все письмо писано рукою императрицы (Русск. Старина, т. LVI, 488).

ствитѣйше повелѣваемъ производить изъ доходовъ губерніи Екатеринославской по триста рублевъ на годъ по смерть его.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюня 11-го дня 1792 г.
(Полученъ 8-го сентября 1792 г. въ Дубоссарахъ).

34.

Повелѣваемъ вамъ открыть народныя училища въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ на основаніи изданнаго объ оныхъ устава, для чего и отправленъ къ вамъ съ даннымъ изъ коммиссіи о училищахъ наставленіемъ надворный совѣтникъ Беберъ, которому и производить жалованье по тысячѣ рублевъ на годъ. Къ лучшему сего дѣла успѣху имѣете вы преподать все зависящее отъ васъ способствованіе. По установленіи тѣхъ училищъ имѣетъ онъ отправиться для равномѣрнаго открытія оныхъ въ область Таврическую. Мы указали также послать къ вамъ надворнаго совѣтника Аврамова, который находился прежде въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ для отысканія рудъ и каменнаго уголья. Употребите его къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, особенно же къ открытію каменнаго уголья, котораго польза въ безлѣсной сторонѣ не малаго стоитъ уваженья. Жалованья производить ему по восми сотъ рублевъ въ годъ. На отправленіе же обоихъ сихъ надворныхъ совѣтниковъ приказали мы дать потребное число денегъ на счетъ губернскихъ доходовъ изъ отпущенныхъ вице-губернатору Тибекину для фабрикъ.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюня 15-го дня 1792 г.
(Полученъ 17-го іюля 1792 г. въ Дубоссарахъ).

35.

Разсмотрѣвъ прожекты обороны предполагаемой по новой границѣ отъ Ягорлыка по Днѣстру до устья сея рѣки и

оттуда по берегу морскому до Очакова, препровождаемъ къ вамъ планы [1]) крѣпостей и укрѣпленій за благо Нами признанныхъ, и именно: главной крѣпости ниже Бендеръ, второй—при Аджидерѣ, третьей—въ Аджибеѣ, четвертаго и пятаго укрѣпленій близъ Очакова на берегу и на мели, въ лиманѣ простирающейся. Мы поручаемъ производство сихъ строеній инженеръ-маіору Волану [2]) подъ главнымъ руководствомъ вашимъ и въ слѣдствіе того вамъ повелѣваемъ:

Первое, обозрѣть лично назначенныя для крѣпостей мѣстоположенія и по усмотрѣнію ихъ удобности сдѣлать съ инженеръ-маіоромъ Воланомъ подробную смѣту потребныхъ на всѣ тѣ укрѣпленія денежныхъ суммъ, счесть время работъ и рабочихъ и всѣ сіи исчисленія немедленно Намъ представить.

Второе, приступить благовременно къ запасенію нужныхъ матеріаловъ, особливо жъ къ заготовленію лѣса, который удобно можете вы достать сверху Днѣстра.

Третіе, средняя крѣпость, что близъ Бендеръ, и Аджидерская должны быть прежде другихъ начаты и строеніе ихъ такъ расположить нужно, чтобы въ первомъ еще году могли уже служить нѣкоторымъ убѣжищемъ и защитою.

Четвертое, здѣсь же слѣдуютъ планы [3]) вновь прожектированные крѣпости Кинбурнской и укрѣпленію на концѣ косы, въ разсужденіи полагаемаго въ Кинбурнѣ канала съ бассейномъ для помѣщенія флота гребнаго. Нужно вамъ какъ о семъ, такъ и вообще въ оборонѣ лиманской имѣть разсужденіе на мѣстѣ съ вице-адмираломъ Мордвиновымъ и по общемъ заключеніи вашемъ Намъ представить съ присовокупленіемъ также смѣты денежныхъ суммъ на производство крѣпостнаго строенія потребныхъ.

---

[1]) и [3]) Означенныхъ плановъ въ нашемъ собраніи нѣтъ.

[2]) Воланъ, де-Воланъ, Деволланъ, Devollant, Францъ Павловичъ, 1759—1818, въ русской службѣ съ 1787 года, извѣстный инженеръ-генералъ, членъ Комитета Министровъ, управлявшій дѣлами путей сообщенія.

Желаемъ вамъ успѣховъ въ семъ возложенномъ на васъ порученіи и пребываемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

17-го іюня 1792 г.
Въ Царскомъ Селѣ.

36[1]).

Найденные вами въ новопріобрѣтенной области у купцовъ иностранные товары не имѣющіе россійскаго таможеннаго клейма и коихъ по сдѣланному осмотру оказалось на дватцать одну тысячу пять сотъ осмнадцать рублевъ, какъ оные заведены можетъ быть въ теченіе еще войны и прежде всякаго съ Нашей стороны таможеннаго въ томъ краѣ распоряженія, повелѣваемъ дозволить продать безъ взысканія за нихъ пошлинъ.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюля 12-го дня 1792 г.
(Полученъ 3-го августа 1792 г. въ Дубоссарахъ).

37.

Повелѣваемъ вамъ немедленно прислать къ Намъ вѣдомость о числѣ казаковъ въ губерніи Екатеринославской состоящихъ, мѣстахъ ихъ пребыванія и количествѣ земель ими владѣемыхъ, присовокупя имянной списокъ старшинъ ихъ. Яко начальникъ губерніи должны вы имѣть хозяйственное объ нихъ попеченіе и наблюдать, чтобы порядокъ учрежденіями Нашими о управленіи губерній предначертанный хранимъ былъ по всей его точности.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюля 12-го дня 1792 г.
(Полученъ 3-го августа 1792 г. въ Дубоссарахъ).

---

[1]) Опускаемъ рескриптъ отъ 11-го іюля 1792 г. о рожденіи великой княжны Ольги Павловны, какъ циркулярный, не разъ уже напечатанный (*Смирдинъ*, т. III, стр. 397; Чтенія, 1863 г., т. III, стр. 177).

38.

Въ разсужденіи состоящаго въ Намѣстничествѣ Екатеринославскомъ знатнаго количества порозжихъ казенныхъ земель, и что губернскій и уѣздные землемѣры не въ силахъ одни не только вновь раздаваемымъ формальное дѣлать межеваніе, но и начатое розданнымъ землямъ кончить, а притомъ и подшедшія изъ Малороссіи вновь размежевать, повелѣваемъ вамъ при намѣстническомъ правленіи учредить, по примѣру бывшей въ губерніи Азовской, межевую экспедицію, составя оную изъ губернскаго и двухъ вновь опредѣляемыхъ землемѣровъ, и придавъ еще въ пособіе губернскому трехъ, и каждому уѣздному землемѣру по одному помощнику, такъ какъ въ слѣдующемъ при семъ положеніи [1]) назначено. Жалованье имъ производить на счетъ поступающаго въ казну, по основанію межевой инструкціи, доходу по три копѣйки съ десятины за межеваніе.

Вы употребите всемѣрное стараніе объ окончаніи, вопервыхъ, формальнаго размежеванія розданныхъ земель, а потомъ тожъ исполнять и въ разсужденіи раздаваемыхъ по повелѣніямъ Нашимъ; для чего и представлять къ Намъ ежемѣсячно о тѣхъ, которыя въ губерніи Екатеринославской, на основаніи ея плана, заводить селенія желаютъ.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюля 15-го дня 1792 г.

39.

Со всемилостивѣйшихъ Нашихъ грамотъ къ войску Черноморскому [2]) въ 30 день минувшаго іюня и въ 1-й сего мѣсяца отправленныхъ препровождая къ вамъ копіи повелѣваемъ по содержанію оныхъ зависящее отъ васъ препода-

[1]) См. Книгу Штатовъ, П. С. З., № 17064.
[2]) Обѣ граматы см. П. С. З., № 17055 и 17058.

вать имъ способствованіе и споспѣшествовать по всей возможности скорѣйшему ихъ на островъ Фанагорическій переселенію.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюля 15-го дня 1792 г.
(Полученъ 3-го августа 1792 г.).

40.

Въ награжденіе оказаннаго къ службѣ Нашей усердія шляхтичемъ Дроздовскимъ, убитымъ поляками въ Балтѣ, повелѣваемъ овдовѣвшей его женѣ производить по смерть ея по сту рублевъ на годъ изъ губернскихъ екатеринославскихъ доходовъ. Дѣтей же по немъ оставшихъ помѣстить въ екатеринославскія казенныя училища.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 1-го дня 1792 г.
(Полученъ 18-го августа 1792 г.).

41.

Поданное Намъ отъ маріупольскихъ грековъ прошеніе о невзыскиваніи по представленнымъ ими причинамъ употребленныхъ на переселеніе ихъ изъ Тавриды денегъ, о продолженіи имъ льготы, о безплатежномъ пожалованіи земли и о выводѣ въ другіе мѣста поселившихся въ смежности съ ними малороссіянъ, препровождая къ вамъ, повелѣваемъ справиться во всѣхъ прописанныхъ въ ихъ прошеніи обстоятельствахъ и по разсмотрѣніи ихъ требованій, касательно удовлетворенія оныхъ немедленно представить Намъ ваше мнѣніе.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 6-го дня 1792 г.
(Полученъ 18-го августа 1792 г.).

42.

Всемилостивѣйше пожалованную отъ Насъ на приданое двумъ дочерямъ умершаго статскаго совѣтника Рудзевича сумму, которая съ накопившимися процентами по присланной отъ васъ за іюль мѣсяцъ вѣдомости простирается до тринадцати тысячъ восьми сотъ тринадцати рублевъ, повелѣваемъ доставить къ нимъ сюда наличными изъ банковыхъ процентныхъ денегъ, вмѣсто которыхъ обратить въ банкъ долги суммѣ ихъ Рудзевичевыхъ принадлежащія.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. 24-го августа 1792 г.

43.

По донесеніямъ вашимъ и вступившимъ въ синодъ отъ архіепископа Екатеринославскаго о ослѣпленіи и упорствѣ оказавшихся въ Славянскомъ уѣздѣ раскольниковъ, духоборцами именуемыхъ, которыя не только догматы вѣры православной опровергаютъ, но и преслушны являются начальству, повелѣваемъ вамъ значущіяся по дѣлу семейства въ числѣ тритцати семи душъ отправить къ Намъ, препоруча сей транспортъ съ надлежащимъ наставленіемъ надежному офицеру, котораго снабдите деньгами и нужнымъ числомъ солдатъ. Сверьхъ же того требовать ему дорогою отъ воинскихъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ отъ земскихъ начальниковъ пристойные конвои. Вы не оставите наблюсть, чтобы имущество сихъ людей сбережено было. Когда же оные отправятся и какимъ трактомъ, будемъ Мы ожидать немедленно рапорта.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 27-го дня 1792 года.
(Полученъ въ Дубоссарахъ сентября 12-го дня 1792 г.).

44.

По разсмотрѣніи представленныхъ отъ васъ за минувшій іюль мѣсяцъ вѣдомостей о состоящихъ въ вѣденіи вашемъ *суммахъ повел*ѣваемъ:

Первое, поспѣшить разсчетомъ съ графинею Чернышевою о причитающихся за должную въ банкъ сумму процентахъ съ частію капитала; и какъ въ уплату поступали отъ нее лѣса, то по сдѣланіи расчета Намъ донести, куда и на какую сумму оныя приняты.

Второе, съ неплательщиками процентовъ поступать въ точности по изданнымъ отъ насъ узаконеніямъ.

Третіе, какъ данныя полковнику Вольховскому семнадцать тысячъ рублевъ взяты изъ Греческой гимназіи, то и доставить нынѣ сію сумму въ ту гимназію наличными изъ собранныхъ съ банковой суммы процентовъ, а по взысканіи съ полковника Вольховскаго помянутыхъ должныхъ имъ семнадцати тысячъ рублевъ съ процентами, возвратить ихъ въ банковую процентную сумму.

Четвертое, производимое о розданныхъ Новороссійскою и Азовскою губернскими канцеляріями деньгахъ слѣдствіе привесть къ окончанію, и не законно розданныя взыскать съ виновныхъ въ томъ безъ наималѣйшаго послабленія.

Мы желаемъ, чтобы все предписанное здѣсь было немедленно исполнено.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 27-го дня 1792 года.
(Полученъ 11-го сентября 1792 г. въ Дубоссарахъ).

45.

Секретно.

Изъ указовъ Нашихъ къ генералу Каховскому и къ генералу-порутчику фонъ-Дерфелдену отправленныхъ и въ копіяхъ при семъ слѣдующихъ усмотрите вы волю Нашу не только о раскольникахъ, молдаванахъ и волохахъ въ границы Наши изъ Польши перейти желающихъ, о которыхъ вы доносите Намъ отъ 5-го сего мѣсяца, но и о всѣхъ вообще бѣглыхъ русскихъ, внутри расположенія арміи генералу Каховскому ввѣренной, оказывающихся. Въ слѣдствіе чего повелѣваемъ и вамъ нужныя принять мѣры къ поселенію охотно

приходящихъ, сходственно съ ихъ желаніями; высылаемыхъ же, внутри губерніи Екатеринославской и особливо на свободныхъ земляхъ бывшей степи Таврической по сношенію о томъ съ губернаторомъ Таврическимъ, Мы будемъ ожидать въ свое время рапортовъ вашихъ о произведеніи сего въ дѣйство.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 28-го дня 1792 г.
(Полученъ 11-го сентября 1792 г. въ Дубоссарахъ).

Секретно.

Михайло Васильевичъ. Изъ рапорта присланнаго къ Намъ отъ губернатора Екатеринославскаго генералъ-маіора Каховскаго видимъ Мы усердное желаніе молдаванъ и волоховъ, во время послѣдней съ турками войны въ Польшу бѣжавшихъ, переселиться въ область отъ Порты Оттоманской Нами пріобрѣтенную. Равное желаніе оказали и бѣглые изъ Россіи раскольники, раскаиваясь въ своемъ преступленіи. Но какъ пограничные польскіе начальники воспрещаютъ исполнять сіе намѣреніе, дѣлая всевозможныя оному препятствія, то и повелѣваемъ вамъ не только пристойнымъ образомъ способствовать переходу въ новопріобрѣтенную область помянутыхъ раскольниковъ, молдаванъ и волоховъ, но и принять благоразумныя мѣры къ выпровожденію въ границы Наши безъ всякаго шуму и огласки всѣхъ вообще бѣглыхъ русскихъ внутри расположенія войскъ вамъ ввѣренныхъ оказывающихся. Въ семъ случаѣ нужна крайняя осторожность противъ злоупотребленій, стараясь отвращать оныя искусными распоряженіями, порученіемъ сего дѣла людямъ надежнымъ и строгими съ преступающихъ взысканіями. Вы не оставите ежемѣсячно доносить Намъ сколько людей въ Наши границы отправилось. Таковое же повелѣніе послали Мы прямо къ генералъ-поручику фонъ-Дерфелдену къ точному исполненію

по близости по расположенію къ губерніи Екатеринославской, предписавъ ему и о сношеніи съ тамошнимъ губернаторомъ.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 28-го дня 1792 г.

Господинъ генералъ-порутчикъ фонъ-Дерфелденъ. Изъ рапорта вступившаго къ намъ отъ губернатора Екатеринославскаго генералъ-маіора Каховскаго видимъ Мы, что бѣжавшіе въ Польшу во время послѣдней съ турками войны молдаване и волохи, а равно и бѣглые изъ Россіи раскольники, въ своемъ преступленіи раскаивающіеся усердно желаютъ переселиться въ область отъ Порты Оттоманской Нами пріобрѣтенную. Но какъ пограничные польскіе начальники воспрещаютъ имъ исполнить сіе намѣреніе, дѣлая всевозможныя препятствія, то и указали Мы генералу Каховскому не только пристойнымъ образомъ способствовать переходу въ новопріобрѣтенную область помянутыхъ раскольниковъ, молдаванъ и волоховъ, но и принять благоразумныя мѣры къ выпровожденію въ границы Наши безъ всякаго шуму и огласки всѣхъ вообще бѣглыхъ русскихъ внутри расположенія войскъ ему ввѣренныхъ оказывающихся. Мы предписали въ семъ случаѣ имѣть крайнюю осторожность дабы не произошло злоупотребленій, стараясь отвращать оныя искусными распоряженіями, порученіемъ сего дѣла людямъ надежнымъ и строгими съ преступающихъ взысканіями. Давъ о томъ знать повелѣваемъ и вамъ въ разсужденіи близости вашего къ границамъ расположенія исполнять въ точности по части вашей предписанное генералу Каховскому и имѣть о томъ сношеніе съ губернаторомъ Екатеринославскимъ.

Екатерина.

Августа 28 дня 1792 г. въ Царскомъ Селѣ.

46.

Разсмотрѣвъ сдѣланное Намъ представленіе отъ предсѣдательствующаго въ военной Нашей коллегіи генерала графа Салтыкова [1]) касательно распоряженія разныхъ легкихъ войскъ на случай войны съ турками устроенныхъ и содержащихся на суммѣ чрезвычайной, указали Мы военной коллегіи:

Первое, полкъ конныхъ волонтеровъ преміеръ-маіора Гиржева, арнаутскую команду подполковника князя Кантакузена, когорту пѣшихъ волонтеровъ подполковника Никорицы и другую въ Малороссіи изъ польскихъ выходцевъ составленную причислить въ поселенные войски губерніи Екатеринославской, предоставя ихъ собственному избранію поступить ли въ число комплектующихъ полки легкой конницы или въ званіе козацкое.

Второе, сходственно съ симъ избраніемъ и состояніемъ ихъ повелѣваемъ вамъ отвесть имъ земли для поселенія какъ въ новопріобрѣтенной области, такъ и внутри губерніи, имѣя попеченіе о водвореніи ихъ и снабженіи потребнымъ.

Третіе, если кто изъ служащихъ въ помянутыхъ командахъ пожелаютъ записаться въ купечество, мѣщанство и другія роды жизни, въ томъ они удовлетворены быть должны согласно съ законами.

Четвертое, распредѣленіе находящихся въ означенныхъ командахъ штабъ и оберъ-офицеровъ по ихъ желаніямъ и награжденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ по мѣрѣ оказанныхъ отличныхъ заслугъ предоставили Мы разсмотрѣнію военной коллегіи. Вы въ слѣдствіе того употребите всемѣрное стараніе, способствуя и содѣйствуя къ точнѣйшему исполненію въ семъ случаѣ воли Нашей.

Екатерина.

6-го октября 1792 г. въ Санктпетербургѣ.
(Полученъ 14-го ноября 1792 г. въ Екатеринославѣ).

---

[1]) Николай Ивановичъ, 1736—1826, съ 1790 г. графъ.

47.

Для учрежденія и размноженія шелковичнаго завода въ Кіевѣ отпущено въ разныя времена изъ кабинета Нашего и на счетъ онаго тридцать девять тысячъ двѣсти девяносто рублевъ девяносто восемь копѣекъ съ половиною. Изъ употребленія сихъ денегъ не видя никакого доселѣ успѣха Мы указали губернатору Кіевскому, призвавъ надворнаго совѣтника Василья Капниста [1]), коему шелковичный заводъ порученъ, въ кіевскую казенную палату истребовать отъ него подробный отчетъ куда помянутая сумма поступила, произошла ли какая отъ того польза, сдѣлано ли какое количество шолку и если не получено должнаго успѣха въ семъ полезномъ заведеніи, то что сему виною. Мы предписали дѣло сіе изслѣдовать съ уваженіемъ и Намъ донести, а на случай если надворный совѣтникъ Капнистъ имѣетъ пребываніе въ губерніи Екатеринославской повелѣваемъ предписанное кіевской казенной палатѣ исполнить въ Екатеринославской.

Екатерина.

Октября 13-го дня 1792 года въ Санктпетербургѣ.
(Полученъ 14-го ноября 1792 г. въ Екатеринославѣ).

48.

По неимѣнію теперь надобности въ армейскомъ подвижномъ магазинѣ въ новопріобрѣтенной области находящемся, повелѣли Мы предсѣдательствующему въ военной коллегіи генералу графу Салтыкову отдать весь оный въ вѣдомство ваше, и въ слѣдствіе того вамъ повелѣваемъ:

Первое, въ соблюденіе казны отъ извѣстныхъ издержекъ оставить часть воловъ съ фурами и погоньщиками къ производству крѣпостныхъ работъ вамъ порученныхъ, для чего и содержать оныхъ изъ положенныхъ на тѣ работы суммъ.

---

[1]) Василій Васильевичъ, 1757—1824, членъ Россійской Академіи, поэтъ, издавшій въ 1796 г. «Собраніе стихотвореній», авторъ «Ябеды», переводчикъ стихами мольеровской комедіи «Sganarelle».

Второе, нужное число употребить для снабженія новыхъ жителей въ той области въ казенныхъ селеніяхъ водворяемыхъ, разумѣя только тѣхъ, которые по неимуществу своему таковаго снабженія требуютъ.

Третіе, достальныхъ роздать по жителямъ на прокормленіе съ тѣмъ, чтобъ они, работая ими безъ изнуренія, могли оныхъ по востребованію представить.

Четвертое, изъ команды при нихъ находящейся и погоньщиковъ, оставя только самое необходимое число прочихъ распустить въ свои мѣста.

Пятое, тысяча фуръ съ разными къ нимъ принадлежностями хранить въ надлежащемъ береженіи, а прочіе, такъ какъ и воловъ, если есть ни къ какому употребленію негодныя, продать съ наблюденіемъ пользы казеннаго интереса.

Екатерина.

Октября 22-го дня 1792 г. въ Санктпетербургѣ.
(Полученъ 14-го ноября 1792 г. въ Екатеринославѣ).

49.

Утвердя подписаніемъ нашимъ штатъ экспедиціи учреждаемой для производимыхъ въ новопріобрѣтенной области крѣпостныхъ и прочихъ строеній повелѣваемъ быть оной подъ точнымъ вашимъ управленіемъ, наблюдая слѣдующее:

Первое, чтобы подряды и покупки потребныхъ къ тѣмъ строеніямъ матерьяловъ и припасовъ дѣлаемы были со всевозможнымъ наблюденіемъ пользы казенной и чтобъ всѣ заготовляемыя вещи хранимы были съ надлежащимъ сбереженіемъ.

Второе, чтобъ деньги заработныя платимы были въ руки солдатамъ безъ удержно.

Третіе, чтобъ счеты деньгамъ и вещамъ ведены были съ крайнею точностію и не смѣшивая одной крѣпости съ другою.

Четвертое, вѣдомство сея экспедиціи распространяется не только на одни крѣпостныя, но и на прочія предполагаемыя въ новопріобрѣтенной области казенныя строенія.

Вы же по истеченіи каждой трети года имѣете представлять намъ надлежащія о расходахъ вѣдомости.

Екатерина.

Октября 25-го дня 1792 года въ Санктпетербургѣ.
(Полученъ 14-го ноября 1792 г. въ Екатеринославѣ).

«Быть по сему».

Октября 25-го дня 1792 года въ Санктпетербургѣ.

Положеніе для экспедиціи, учреждаемой по случаю строенія въ области новопріобрѣтенной пограничныхъ крѣпостей.

	Число людей.	Имъ окладнаго въ годъ жалованья.	
		Одному.	Всѣмъ.
		Рубли.	
Первый присутствующій въ экспедиціи. . . .	1	600	600
Второй присутствующій	1	400	400
Секретарь	1	250	250
На канцелярскихъ служителей и расходъ . .	—	—	500
Казначей.	1	350	350
Присяжныхъ изъ отставныхъ сержантовъ . .	2	80	160
Вахтеровъ для пріему и отдачи лѣсовъ, инструментовъ и разныхъ матеріаловъ, коихъ полагается выбрать изъ военныхъ людей, отряженныхъ для построенія крѣпостей и сверхъ получаемаго жалованья. .	4	12	48
Сторожъ.	1	18	18
Сверхъ сего полагается имѣть казначеевъ и вахтеровъ при Дубосарахъ, Аджидерѣ и Аджибеѣ.			
За выборомъ въ казначеи офицеровъ изъ команды отряженныхъ, а въ вахтеры изъ ундеръ-офицеровъ или заслуженныхъ солдатъ хорошаго поведенія съ произвожденіемъ казначеямъ двойнаго по чинамъ ихъ жалованья, а вахтерамъ въ прибавокъ къ жалованью по рублю на мѣсяцъ.	9	—	108
А всего двѣ тысячи четыреста тридцать четыре рубли.	—	—	2.434

Василій Поповъ.

50.

Препровождая при семъ списокъ молдавскихъ и волошскихъ бояръ и чиновниковъ по волѣ Нашей въ штабъ и оберъ-офицерскія чины пожалованныхъ, повелѣваемъ, на основаніи указа Нашего отъ 27-го дня Генваря посланнаго, снабдить ихъ потребнымъ количествомъ земли для поселенія въ области новопріобрѣтенной, и какъ нѣкоторые изъ нихъ желаютъ быть употреблены въ службѣ Нашей, то и стараться о распредѣленіи таковыхъ во ввѣренной вашему правленію губерніи соотвѣтственно ихъ способности.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ. Ноября 9-го дня 1792 года.

СПИСОКЪ

молдавскихъ и волошскихъ бояръ и чиновниковъ Ея Императорскимъ Величествомъ всемилостивѣйше пожалованныхъ въ штабъ и оберъ-офицерскіе чины армейскіе и штатскіе. Ноября 9-го дня 1792 г.

Въ *армейскіе чины*: въ подполковники Николай Карповъ; въ преміеръ-маіоры: Иванъ Канано, Маргаритъ Депрерадовичь; въ капитаны: Николай Діяуровъ, Степанъ Бѣлчинъ, Дмитрій Чоланъ, Христофоръ Саиджи, Николай Станилевичъ; въ порутчики: Иванъ Сенека, Андрей Крушебанъ, Иванъ Небескулъ, Иванъ Драгодіе, Федоръ Сабео, Василій Донне, Христофоръ Зоту, Мануйло Кадемичи, Дмитрій Маніула, Николай Чекеруля, Анастасій Дмитріевъ, Мануйло Саула, Иванъ Боянъ.

Въ *штатскіе чины*: въ коллежскіе ассесоры: Іоница Макорескулъ, Федоръ Поманъ, Дмитрій Кукъ, Константинъ Колафатъ; въ титулярные совѣтники: Панаіодоросъ Пауна, Константинъ Ексопоритъ, Константинъ Андреяшъ, Петръ Оскинка, Андрей Саббинъ, Дмитрій Бонекулъ, Христофоръ Армена, Минойлакъ Енни, Григорій Гіолъ Оглу, Иванисъ Мигардицинъ,

Мануйло Георгіевъ, Иванъ Кешко, Георгій Савва, Матвѣй Тестобуза, Афанасій Ранго, Константинъ Лампросъ.

Итого по сему списку пожаловано въ чины армейскіе: въ подполковники одинъ, преміеръ-маіоры два, въ капитаны пять, въ поручики четырнадцать; въ штатскіе: въ коллежскіе ассесоры четыре, въ титулярные совѣтники шестнадцать, а всѣхъ сорокъ два человѣка.

Генералъ-маіоръ Василій Поповъ.

51.

Господинъ генералъ-маіоръ и правитель Екатеринославскаго намѣстничества Каховскій! Препоручивъ войска расположенныя въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, Тавридѣ и во вновь пріобрѣтенной области Нашему генералу графу Суворову Рымникскому, возложили Мы на его же и приведеніе ко исполненію всѣхъ предположенныхъ къ обезпеченію тамошнихъ предѣловъ и апробованныхъ Нами по проектамъ инженеръ-маіора де-Волана укрѣпленій, которому и имѣете вы, доставя по требованіямъ его всѣ принадлежащіе до сей статьи планы и свѣдѣнія, преподавать во всемъ предписанныя вамъ отъ Насъ пособія, содѣйствуя общимъ вашимъ усердіемъ къ совершенію сего полезнаго для государства дѣла къ особливому Нашему благоволенію. Въ прочемъ пребываемъ вамъ благосклонны всегда.

Екатерина.

Ноября 10-го дня 1792 г.
Въ С.-Петербургѣ.

52.

Оставляющимъ Молдавію монастыря Аарона-воды архимандриту Домитіану Капнисту, монастыря Никорицы Силвестру и монастыря святыя Агафіи игумену Венедикту Викову въ награжденіе усердія ихъ къ службѣ Нашей оказаннаго повелѣваемъ отвесть въ новопріобрѣтенной области земли

для поселенія такого числа людей, какое они могутъ привесть съ собою и имѣть ихъ въ вашемъ призрѣніи.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ. Ноября 14-го дня 1792 г.
(Полученъ декабря 2-го дня 1792 года въ Екатеринославѣ).

53 [1]).

Указомъ даннымъ отъ Насъ генералу Каховскому въ 28-й день августа сего года предписано о высылкѣ въ предѣлы Наши изъ внутри расположенія войскъ ему ввѣренныхъ молдаванъ и волоховъ перешедшихъ въ Польшу во время послѣдней съ турками войны, равно какъ и изъ Россіи ушедшихъ туда раскольниковъ и всѣхъ вообще бѣглыхъ русскихъ. Но какъ по многимъ доходящимъ до Насъ жалобамъ оказывается въ исполненіи сего злоупотребленіе, производящее безпокойство и разстройку въ землѣ, гдѣ нужно сохранять тишину и порядокъ, то и повелѣли Мы таковой выводъ пресѣчь и впредь оной запретить. О чемъ васъ извѣщая пребываемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ. Декабря 8-го 1792 г.
(Полученъ 13-го Генваря 1793 г. въ Балтѣ).

54.

Содержащихся въ Херсонѣ пятдесять семь муллъ татарскихъ, которые при началѣ минувшей съ турками войны за зловредныя ихъ намѣренія высланы были изъ Тавриды, повелѣваемъ отправить внѣ границъ Нашихъ и выпроводить ихъ для того за Днѣстръ, снабдя нужнымъ одѣяніемъ и пропитаніемъ на дорогу.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ. Декабря 14-го дня 1792 г.
(Полученъ 3-го Генваря 1793 г. въ Балтѣ).

---

[1]) Указа отъ 5-го декабря 1792 г. о выдачѣ жалованія обитающимъ въ турецкомъ селеніи при Николаевѣ сукундъ-маіору Джафарту и капитанамъ *Максиму Попову и Ибрагиму Гуссейну* въ нашемъ собраніи нѣтъ.

55.

По рапорту вашему съ приложенными реэстрами о церковныхъ ризницахъ и о сервизахъ бывшихъ у покойнаго князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго повелѣваемъ:

Первое, о ризницахъ церковныхъ откуда оныя поступили, куда назначались и сколько оныхъ въ какомъ мѣстѣ въ раздачѣ имѣть вамъ сношеніе Нашего синода съ оберъ-прокуроромъ Мусинымъ-Пушкинымъ [1]), и когда всѣ нужныя свѣдѣнія собраны и Намъ представлены будутъ, тогда и предписаніе Наше объ оныхъ послѣдуетъ.

Второе, губернскому сервизу остаться въ губерніи на употребленіе, а собственный княжой поступить долженъ въ распоряженіе наслѣдниковъ его, для чего и присовокупить оный къ прочему хранящемуся въ Кременчугѣ ихъ мнѣнію.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ. Декабря 22-го дня 1792 г.
(Полученъ 3-го Генваря 1793 г. въ Балтѣ).

56.

Содержащихся въ Екатеринославскомъ намѣстническомъ правленіи по причинѣ дѣланныхъ непристойныхъ разглашеній малороссіанъ Андрея Махнюкова и Василья Форостенка и бродягу Петра Тарана повелѣваемъ отослать въ Херсонъ для употребленія подъ присмотромъ въ работу въ тамошнемъ адмиралтействѣ.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ. Декабря 22-го дня 1792 г.
(Полученъ 3-го Генваря 1792 г. въ Балтѣ).

57.

Предписанное покойному генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину-Таврическому указомъ Нашимъ отъ 23-го де-

[1]) Алексѣй Ивановичъ, 1744—1817, президентъ академіи художествъ.

*

кабря 1784 года запрещеніе выпуска лошадей за-границу [1]) подтверждаемъ вамъ наблюсть во всей точности въ губерніи вамъ ввѣренной.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ. Февраля 21-го дня 1793 г.
(Полученъ 8-го марта 1793 г. въ Екатеринославѣ).

58.

Препровождая симъ дошедшую къ Намъ жалобу двора Нашего отъ камердинера Федора Секретарева [2]) относительно взысканія съ наслѣдниковъ оберъ-штеръ-кригскомисара Фалѣева за проданный имъ его домъ денегъ, повелѣваемъ: разсмотрѣть между ими дѣло сіе и рѣшить въ Екатеринославскомъ Совѣстномъ Судѣ на основаніи правилъ онаго въ учрежденіяхъ Нашихъ о управленіи губерній изображенныхъ и донесть Намъ.

Екатерина.

Санктпетербургъ. Апрѣля 13-го дня 1793 г.
(Полученъ 19-го мая 1793 г. въ Ольвіополѣ).

59.

Получа рапортъ вашъ отъ 28-го минувшаго февраля и видя изъ онаго, что жители Турбаевскіе упорствомъ своимъ отъ невѣжествъ происходящимъ полагаютъ препону въ рѣшеніи дѣла о убійствѣ помѣщиковъ Базилевскихъ, указали мы генералу графу Суворову-Рымникскому отрядить въ село Турбаи по требованію вашему пристойную военную команду, по прибытіи которой повелѣваемъ вамъ немедленно произвесть въ дѣйство предписанія Наши о турбаевцахъ отъ 24-го іюля 789 и 7-го Генваря 792 года состоявшіяся. Изъ числа содержащихся подъ стражею шестнадцать злодѣевъ о коихъ вы доносили отъ 11-го іюня, трое убійцы и главнѣйшіе зачинщики

---

[1]) П. С. З., № 16118.

[2]) Отецъ П. Ѳ. Секретарева, автора записокъ о Павлѣ I.

возмущенія да подвергнутся всей строгости законовъ, облегча однакожъ оную въ разсужденіи прочихъ тринадцати ихъ соучастниковъ. Затѣмъ имѣете вы нынѣшнею весною всѣхъ купленныхъ у Базилевскихъ крестьянъ переселить въ назначенныя для нихъ мѣста, часть между Буга и Днѣстра, другую же между Берислава и Перекопа, отправя ихъ въ препровожденіи воинскихъ командъ. Вы не оставите принять мѣры о скорѣйшемъ водвореніи тѣхъ, которыхъ отправите за Бугъ, а касательно поселяемыхъ между Берислава и Перекопа сообщить о томъ губернатору Таврическому и по исполненіи Намъ донесть.

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.
Апрѣля 16-го дня 1793 г.
(Полученъ 6 мая 1793 г. въ Дубоссарахъ).

Графъ Александръ Васильевичъ. Предписавъ Екатеринославскому губернатору, генералъ-маіору Каховскому жителей села Турбаевъ по наказаніи изъ нихъ убійцъ и мятежниковъ переселить въ области Таврическую и новопріобрѣтенную, повелѣваемъ вамъ по требованію губернатора Каховскаго отрядить въ село Турбаи военную команду достаточную для произведенія всего того въ дѣйство и пребываемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ.
Апрѣля 16-го дня 1793 г.

60.

Согласно съ мнѣніемъ генерала графа Суворова-Рымникскаго и вашимъ о конныхъ волонтерахъ, арнаутахъ и когоргахъ пѣшихъ волонтеровъ, состоящихъ въ командѣ помянутаго генерала графа Суворова-Рымникскаго, въ числѣ тысячи ста тритцати пяти человѣкъ по неимѣнію въ нихъ надобно-

сти, повелѣли Мы ему перевесть ихъ подъ видомъ службы на лѣвую сторону Днѣпра и по удаленіи отъ границъ размѣстить въ Бахмутскомъ и Донецкомъ уѣздахъ съ тѣмъ, чтобъ они нечувствительно могли водвориться въ предѣлахъ Россіи. Водвореніе же ихъ наивыгоднѣйшимъ образомъ въ помянутыхъ уѣздахъ возлагаемъ на попеченіе ваше, стараясь доставить имъ всѣ нужныя средства къ земледѣлію и безбѣдному ихъ пропитанію. О потребной же на то суммѣ имѣете вы прислать исчисленіе, по которому оная немедленно къ вамъ доставлена будетъ. Касательно до заведеннаго вами армейскаго подвижнаго магазейна, въ которомъ хоть и не предвидится уже надобность, но сберегая капиталъ, издержанной на заведеніе онаго, а притомъ и что содержаніе воловъ на подножномъ кормѣ чрезъ цѣлое лѣто никакихъ убытковъ казнѣ не наноситъ, на зимнія же мѣсяцы заготовленіе для нихъ потребнаго корма отяготительнымъ казнѣ быть не можетъ, то и признаемъ за полезное весь оной магазейнъ, неизъемля и состоящихъ при немъ погоньщиковъ, какъ привыкшихъ уже къ службѣ присоединить къ войскамъ, находящимся въ тамошнемъ краѣ подъ командою генералъ-поручика Толстова, которой принявъ его въ свое вѣденіе, по предписаніямъ означеннаго генерала графа Суворова-Рымникскаго, будетъ наряжать потребное число изъ онаго для употребленія при начатыхъ и производимыхъ имъ строеніяхъ крѣпостей, съ тѣмъ что въ непредвидимомъ случаѣ можно бы было обратить тотъ магазейнъ въ желаемую пользу, не закупая вновь воловъ и повозокъ, и не теряя на то ни времени, ни знатныхъ издержекъ, бываемыхъ обыкновенно при нечаянныхъ и скорыхъ закупкахъ, а между тѣмъ въ какомъ состояніи оной магазейнъ нынѣ существуетъ и помянутымъ генераломъ поручикомъ Толстымъ принятъ будетъ, не оставитъ онъ увѣдомить Насъ, дабы сходственно сему могли Мы кому слѣдуетъ предписать о зачетѣ состоящихъ при немъ погоньщиковъ въ рекруты помѣщикамъ ихъ и казеннымъ селеніямъ, изъ которыхъ они въ

нынѣшнее званіе взяты были, тѣмъ наипаче, что ежели по окончаніи строеній и со всѣмъ не нужно будетъ имѣть оной магазейнъ, то погоньщики могутъ распредѣлены быть съ пользою по полкамъ, и изъ нихъ способные войдутъ въ солдаты, а прочіе въ фурлеты.

Екатерина.

Въ С.-П.-Бургѣ.
Мая 23-го числа 1793 г.
(Полученъ 15-го іюня 1793 г. въ Екатеринославѣ).

61.

Указомъ Нашимъ отъ 27-го августа прошлаго 1792 года предписано было вамъ переведенные изъ корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ въ Екатеринославскій Банкъ семнадцать тысячъ отданные въ заемъ полковнику Вольховскому подъ залогъ его имѣнія на пять лѣтъ съ процентами, коихъ за все пятилѣтнее время причитается четыре тысячи двѣсти пятьдесятъ рублей доставить въ тотъ корпусъ. Нынѣ же повелѣваемъ всю означенную сумму составляющую двадцать одну тысячу двѣсти пятьдесятъ рублей, по взысканіи въ срокъ съ Вольховскаго, доставить въ Санктпетербургскій Опекунскій Совѣтъ, которому сей долгъ изъ Корпуса переведенъ.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Мая 24-го 1793 года.
(Полученъ іюня 21-го 1793 г. въ Екатеринославѣ).

62.

Отправивъ къ войску Донскому утвержденную подписаніемъ Нашимъ карту войсковыхъ владѣній отъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго Намъ поднесенную, указали Мы военной коллегіи послать нарочныхъ коммисаровъ, которые бы обще съ депутатами отъ войска и отъ смѣжныхъ губерній наряженными, провели межу и назначили пристойное удовлетвореніе за земли изъ

сти, повелѣли Мы ему перевесть ихъ подъ видомъ службы на лѣвую сторону Днѣпра и по удаленіи отъ границъ размѣстить въ Бахмутскомъ и Донецкомъ уѣздахъ съ тѣмъ, чтобъ они нечувствительно могли водвориться въ предѣлахъ Россіи. Водвореніе же ихъ наивыгоднѣйшимъ образомъ въ помянутыхъ уѣздахъ возлагаемъ на попеченіе ваше, стараясь доставить имъ всѣ нужныя средства къ земледѣлію и безбѣдному ихъ пропитанію. О потребной же на то суммѣ имѣете вы прислать исчисленіе, по которому оная немедленно къ вамъ доставлена будетъ. Касательно до заведеннаго вами армейскаго подвижнаго магазейна, въ которомъ хоть и не предвидится уже надобность, но сберегая капиталъ, издержанной на заведеніе онаго, а притомъ и что содержаніе воловъ на подножномъ кормѣ чрезъ цѣлое лѣто никакихъ убытковъ казнѣ не наноситъ, на зимнія же мѣсяцы заготовленіе для нихъ потребнаго корма отяготительнымъ казнѣ быть не можетъ, то и признаемъ за полезное весь оной магазейнъ, неизъемля и состоящихъ при немъ погоньщиковъ, какъ привыкшихъ уже къ службѣ присоединить къ войскамъ, находящимся въ тамошнемъ краѣ подъ командою генералъ-поручика Толстова, которой принявъ его въ свое вѣденіе, по предписаніямъ означеннаго генерала графа Суворова-Рымникскаго, будетъ наряжать потребное число изъ онаго для употребленія при начатыхъ и производимыхъ имъ строеніяхъ крѣпостей, съ тѣмъ что въ непредвидимомъ случаѣ можно бы было обратить тотъ магазейнъ въ желаемую пользу, не закупая вновь воловъ и повозокъ, и не теряя на то ни времени, ни знатныхъ издержекъ, бываемыхъ обыкновенно при нечаянныхъ и скорыхъ закупкахъ, а между тѣмъ въ какомъ состояніи оной магазейнъ нынѣ существуетъ и помянутымъ генераломъ поручикомъ Толстымъ принятъ будетъ, не оставитъ онъ увѣдомить Насъ, дабы сходственно сему могли Мы кому слѣдуетъ предписать о зачетѣ состоящихъ при немъ погоньщиковъ въ рекруты помѣщикамъ ихъ и казеннымъ селеніямъ, изъ которыхъ они въ

нынѣшнее званіе взяты были, тѣмъ наипаче, что ежели по окончаніи строеній и со всѣмъ не нужно будетъ имѣть оной магазейнъ, то погоньщики могутъ распредѣлены быть съ пользою по полкамъ, и изъ нихъ способные войдутъ въ солдаты, а прочіе въ фурлеты.

Екатерина.

Въ С.-П.-Бургѣ.
Мая 23-го числа 1793 г.
(Полученъ 15-го іюня 1793 г. въ Екатеринославѣ).

61.

Указомъ Нашимъ отъ 27-го августа прошлаго 1792 года предписано было вамъ переведенные изъ корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ въ Екатеринославскій Банкъ семнадцать тысячъ отданные въ заемъ полковнику Вольховскому подъ залогъ его имѣнія на пять лѣтъ съ процентами, коихъ за все пятилѣтнее время причитается четыре тысячи двѣсти пятьдесятъ рублей доставить въ тотъ корпусъ. Нынѣ же повелѣваемъ всю означенную сумму составляющую двадцать одну тысячу двѣсти пятьдесятъ рублей, по взысканіи въ срокъ съ Вольховскаго, доставить въ Санктпетербургскій Опекунскій Совѣтъ, которому сей долгъ изъ Корпуса переведенъ.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Мая 24-го 1793 года.
(Полученъ іюня 21-го 1793 г. въ Екатеринославѣ).

62.

Отправивъ къ войску Донскому утвержденную подписаніемъ Нашимъ карту войсковыхъ владѣній отъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго Намъ поднесенную, указали Мы военной коллегіи послать нарочныхъ коммисаровъ, которые бы обще съ депутатами отъ войска и отъ смѣжныхъ губерній наряженными, провели межу и назначили пристойное удовлетвореніе за земли изъ

Губерніи Екатеринославской въ войсковое владѣніе входящія. Удовлетвореніе таковое покойный князь Потемкинъ Таврическій полагалъ въ денежной изъ войсковыхъ суммъ заплатѣ, а сверхъ того неминуемо нужно позволить прежнимъ жителямъ остаться на сихъ земляхъ нѣсколько лѣтъ, дондеже они безъ отягощенія возмогутъ перейти на новыя мѣста, которыя отвесть имъ должно изъ порожжихъ въ Губерніи Екатеринославской или Области Таврической. Армянамъ Нахичеванскимъ въ замѣну части земли отходящей отъ нихъ за Дономъ Войско Донское уступаетъ соразмѣрное количество изъ владѣній своихъ по правую сторону Дона состоящихъ, то и въ семъ случаѣ долгъ имѣете пещись дабы жители Нахичеванскіе не были обижены и утѣснены. Казенные по рѣкѣ Міусу лѣса извѣстные подъ именемъ Глухихъ, Леонтьевыхъ и Дерзоватыхъ Буераковъ остаются для флота Черноморскаго. Къ свѣденію вашему копію помянутой утвержденной Нами карты при семъ препровождаемъ [1]).

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Маія 27-го дня 1793 г.
(Полученъ 11-го іюля 1793 г. при Турбаяхъ).

63.

Секундъ-маіора Ивана Шульца повелѣваемъ опредѣлить въ помощники директора Экономіи Губерніи Екатеринославской для разведенія и сохраненія тамо лѣсовъ, держась правилъ въ лѣсномъ уставѣ предписанныхъ, съ производствомъ ему жалованья по шести сотъ рублевъ на годъ.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Маія 31-го дня 1793 года.
(Полученъ 10-го іюня 1793 г.).

---

[1]) Означенной карты въ нашемъ собраніи нѣтъ.

64.

Явившихся къ вамъ восемь татаръ Таврическаго Дивизіона, бѣжавшаго изъ Кіевской Губерніи въ Польшу и потомъ частію въ Молдавію перебравшагося, повелѣваемъ вамъ по желанію ихъ отправить въ прежнія ихъ жилища въ Тавриду, поступая равнымъ образомъ и впредь когда таковые же помянутаго Таврическаго Дивизіона бѣглецы будутъ къ вамъ изъ заграницы являться.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюня 8-го дня 1793 года.
(Полученъ 11-го іюля 1793 г. при Турбаяхъ).

65.

По донесенію вашему отъ 12-го сего мѣсяца о водворенныхъ вами въ поднѣстровскихъ селеніяхъ волонтерахъ въ числѣ двухсотъ осмидесяти трехъ душъ мужеска и ста двадцати девяти душъ женска полу соизволяемъ Мы какъ на отпускъ имъ по вашему положенію въ теченіи года на провіантъ денегъ не превышая однакожъ назначаемой вами для того суммы тысячи осмисотъ шестидесяти семи рублевъ девяноста двухъ копѣекъ, такъ и на снабженіе каждаго изъ нихъ женатаго хозяина парою воловъ и одною коровою съ тѣмъ, чтобы по прошествіи пяти лѣтъ начали они возвращать употребленную изъ казны на покупку воловъ и коровъ сумму и въ пять бы лѣтъ оную выплатили. Ваше объ нихъ попеченіе и добрый присмотръ могутъ ихъ сдѣлать полезными и твердыми поселянами.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ іюня 24-го дня 1793 г.
(Полученъ 11-го іюля при Турбаяхъ).

ЗАПИСКИ В. Л. МАРЧЕНКИ.

Русская Старина, 1896.



Автобіографическая записка государственнаго секретаря Василія Романовича Марченки [1]).

Въ непреложномъ упованіи на милосердіе Божіе, никогда не роптал я на службу, и въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, когда самое существованіе казалось излишнимъ, я повѣрялъ только дѣянія свои, но, съ совѣстью спокойною, оставался увѣреннымъ, что дни скорби пройдутъ и наступитъ лучшее время: ибо таковъ законъ Превѣчнаго, испытующаго сердца наши, къ несчастію на все готовыя при благополучіи безпре-

---

[1]) Малороссія дала Петербургу въ прошломъ вѣкѣ нѣсколькихъ замѣтныхъ дѣятелей, послѣднимъ изъ которыхъ былъ авторъ предлагаемой «Записки». Марченки ничѣмъ не выдѣлялись въ Малороссіи, и лишь одинъ изъ родственниковъ В. Р. Марченки подписался въ 1767 году подъ депутатскимъ наказомъ Днѣпровскаго пикинернаго полка: «старшій канцеляристъ Василь Марченко» (Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., XCIII, 50). Въ Россіи, кромѣ статсъ-секретаря императора Александра I, уже въ наши дни, въ литературѣ стало извѣстнымъ имя А. Я. Марченки («Кіевская Старина», XXVII, 392). О печатаемой нами «Запискѣ» давно уже упоминалось въ печати (Сборникъ, LXII, 15); нѣкоторые изъ трудовъ В. Р. Марченки, какъ государственнаго секретаря, изданы въ послѣднее время А. А. Половцовымъ (Сборникъ, XC, 569); но автобіографическая записка его впервые появляется въ свѣтъ. Кромѣ записки, авторъ оставилъ еще два приложенія къ ней: «Событія, въ глазахъ моихъ совершившіяся при вступленіи на престолъ императора Николая I» и «О молоканахъ и духоборцахъ». Мы печатаемъ «Записку» и оба приложенія по копіи, сдѣланной вслѣдъ за кончиною автора, лицомъ ему близкимъ, судя по слѣдующей замѣткѣ: «Копія эта списана съ рукописи, писанной собственною рукою В. Р. Марченки и найденной въ кабинетѣ его, послѣ его смерти. Жизнь его описана въ этой же запискѣ. Прибавить надобно только, что онъ въ послѣдніе дни жизни, уже на смертномъ одрѣ, пожалованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и умеръ 6-го декабря 1841 г. въ 4 часа и 10 минутъ пополудни».

рывномъ. Да будетъ правило сіе и вашимъ, любезныя дѣти. Для васъ собственно давно желалъ я оставить описаніе жизни своей, но дѣятельная служба не позволяла заняться до 1822 г. Теперь судьба доставила мнѣ должность легкую, и потому досужное время употребляю на предметъ, мною желанный, и буду дополнять записку сію тѣмъ, что случится со мною съ 1823 г., доколѣ не откажутъ, говоря словами закона, здравый умъ и твердая память.

Я родился въ бѣлорусскомъ Могилевѣ 28 декабря 1782 г. Отецъ мой, избранный генералъ-губернаторомъ [1]) изъ малороссійскихъ гражданскихъ чиновниковъ на службу въ открывшееся, по пріобрѣтеніи отъ Польши бѣлорусскаго края, могилевское намѣстничество, былъ уважаемъ начальствомъ, какъ дѣлецъ и честный человѣкъ, и обожаемъ, могу сказать, мѣстнымъ дворянствомъ, которое, даже по смерти его, вспомоществовало семейству нашему, послѣ несчастія, описаннаго ниже. Въ началѣ 1795 г. былъ онъ губернскимъ казенныхъ дѣлъ стряпчимъ, въ чинѣ коллежскаго ассессора; былъ произведенъ и въ надворные совѣтники, но указъ о томъ Сената полученъ по смерти уже его. Онъ былъ напослѣдокъ представленъ отъ генералъ-губернатора Пассека въ губернскіе прокуроры, дабы удержать его отъ перехода въ Волынскую или Уфимскую губернію, куда приглашали его съ лестными обѣщаніями генералъ-губернаторы Тутолминъ [3]) и Вязмитиновъ [2]), знавшіе его лично. Неожиданная кончина отца положила всему конецъ. Онъ занемогъ въ 1795 г., на первой не-

[1]) Генералъ-губернаторомъ могилевскаго намѣстничества былъ, съ 1782 г., Петръ Богдановичъ Пассекъ, 1736—1804.

[2]) Тимоѳей Ивановичъ, 1740—1809, генералъ-губернаторъ волынскій и подольскій.

[3]) Сергѣй Кузьмичъ, 1748—1819, генералъ-губернаторъ симбирскій и уфимскій; съ 1802 по 1808 г. военный министръ; 19 августа 1818 г. возведенъ въ графское достоинство «за отличную отечеству службу». Авторъ комедіи «*Новое семейство*», представленной въ 1781 году. О немъ см. «Русск. Старину», *XXXII, 661.*

дѣлѣ великаго поста, простудною горячкою [1]), и дней чрезъ десять доктора объявили болѣзнь опасною. Еще нѣсколько дней, и печальное семейство облеклось, на разсвѣтѣ 21 февраля, въ трауръ.

Съ сей минуты познало оно всѣ несчастія. Домъ нашъ, по пословицѣ, былъ полная чаша: мы ни въ чемъ не знали нужды и, видя ежедневно почти гостей, кромѣ годовыхъ семейныхъ праздниковъ, веселились въ младенчествѣ нашемъ. Нѣсколько уже лѣтъ отецъ пріискивалъ устроенную деревню, душъ 400, не больше, говорилъ, чтобы не войти въ долгъ, и остановился на томъ, что можетъ быть перейдетъ служить въ Волынскую губернію, то тамъ уже и осѣдлость сдѣлать. Письма Сесемана и Петра Савича Марченки [2]) доказывали, что у нихъ были на примѣтѣ такія имѣнія, изъ числа пожалованныхъ, цѣною отъ 27 до 32 т. рубл. Намѣреніе его было гласное; всѣ пріятели знали о томъ и что капиталъ его, въ неизвѣстномъ только количествѣ, сохраняется въ расходномъ сундукѣ губернскаго правленія, гдѣ генералъ-губернаторъ Пассекъ не довѣрялъ никому пересылочныхъ суммъ, и несмотря на стороннюю должность отца, поручилъ ему храненіе сихъ суммъ, простиравшихся иногда за 200 т. рублей въ годъ, контролируя, такъ сказать, симъ образомъ полученіе и выдачу денегъ, чрезъ губернское правленіе переходящихъ. По этому-то случаю и имѣлъ онъ свою шкатулку за его печатью, сохранявшуюся въ большомъ расходномъ сундукѣ, при которомъ стоялъ всегда часовой. Надежда семейства на капиталъ, въ шкатулкѣ сей бывшій, была несомнѣнна: многіе брали у отца деньги въ займы, подъ росписки, и знали, что

---

[1]) Странный случай: директоръ таможни Пестовъ, пріятель отца, привезъ изъ Толочина больную жену и остановился въ безпокойномъ трактирѣ, у жида. Отецъ мой, сострадая больной, предложилъ Пестову переѣхать къ нему въ домъ, хотя другіе не совѣтовали ему, по предубѣжденію: не принимать въ домъ пріѣзжаго больного. Съ водвореніемъ Пестовыхъ, проявилась у насъ горячка, надѣлавшая столько бѣдъ.

[2]) Родной дядя автора записокъ.

въ особомъ ящикѣ его собственность, а прочее пространство шкатулки для казенныхъ денегъ служитъ.

Смерть отца такую причинила горесть въ домѣ, что одинъ только я могъ быть при погребеніи. Матушка, сестры, братъ и большая часть людей находились въ горячкѣ; трое служителей вскорѣ умерли. Пріятели отца, входя въ положеніе наше, настаивали, и въ ночь кончины его и послѣ въ теченіе девяти дней, чтобы освидѣтельствовать шкатулку и пересчитать деньги. Они вносили ее на рукахъ въ присутствіе правленія, и всѣ слышали шарканье въ ней бумагъ и звонъ монеты. Но освидѣтельствованіе отлагаемо было до выздоровленія матери моей. Наконецъ, чрезъ 10 дней (3-го марта 1795 г.) присланъ изъ правленія чиновникъ, чтобы скорѣе привезти ключикъ отъ шкатулки. Собраны пріятели отца. Я привожу ключъ, и намъ объявляется, что печать съ шкатулки, вѣроятно, по неосторожности расходчика, оторвалась; отпираемъ шкатулку и находимъ въ ней пустоту. Начался процессъ, продолжался 12 лѣтъ, и мы не получили ни копѣйки. Вотъ урокъ вамъ, дѣти! не полагаться на наслѣдство послѣ родителей.

Обо мнѣ, при жизни отца, различныя были предположенія. Еще когда обучался я въ теперешней гимназіи, а по тогдашнему въ главномъ народномъ училищѣ, то записанъ былъ въ какой-то гренадерскій полкъ (помню сіе по аммуниціи и высокой гренадерской шапкѣ, хранившимся въ кладовой), потомъ записанъ былъ въ гражданскую службу; но, для большаго усовершенствованія въ наукахъ, положено было отдать года на три въ Шкловскій дворянскій корпусъ. Только внезапная болѣзнь отца остановила поѣздку въ Шкловъ, а смерть его и похищеніе нашего капитала заставили меня вступить на дѣйствительную службу.

Итакъ, въ мартѣ 1795 г. явился я могилевскаго верхняго земскаго суда въ 1-й департаментъ. Прокуроръ потребовалъ, чтобы я занимался и по его части. Хотя сіе трудно было 14-ти-лѣтнему мальчику, но впослѣдствіи я былъ бла-

годаренъ ему, ибо собственно по департаменту сему я узнавалъ уголовное только производство; занимаясь же у прокурора, по журналамъ и протоколамъ 2-го департамента верхняго земскаго суда, видѣлъ и утверждалъ въ памяти своей ходъ дѣлъ тяжебныхъ. Кстати сказать здѣсь, что въ тогдашнемъ возрастѣ и сиротствѣ моемъ судьба, на первомъ шагу службы, дала мнѣ учителей. Предсѣдателемъ департамента былъ нѣкто Мурашевичъ, а секретаремъ Хамкинъ, занятые тѣмъ, что могли писать стихи. Можно судить по сему, что слогъ ихъ не былъ подьяческій, и, сверхъ того, предсѣдатель былъ большой педантъ по службѣ. Случалось иногда, что всѣ дѣла кончены, или какое-нибудь дѣло, по обширности, не готово къ докладу: ему все равно — онъ все же въ присутствіи и заставлялъ меня читать законы. Журналъ того засѣданія составлялся такимъ образомъ: «№, число, дѣла докладованы не были (по такой-то причинѣ), а члены занимались чтеніемъ узаконеній». Занятія сіи были для меня учебными лекціями; я радовался, когда предсѣдатель, какъ русскій, объяснялъ членамъ-полякамъ смыслъ закона и позволялъ мнѣ дѣлать вопросы, когда чего я не понималъ. Жалованья получалъ я 60 руб. въ годъ.

Въ началѣ 1796 г., уголовная палата указомъ вытребовала меня изъ верхняго земскаго суда. Я, въ чинѣ коллежскаго регистратора, опредѣленъ былъ повытчикомъ въ палатѣ (теперешніе столоначальники). Удивляюсь, какъ можно было ввѣрить мальчику по 15-му году уголовныя дѣла, для повѣрки, выписки изъ законовъ и для составленія опредѣленія! Но мнѣ почти оба повытья поручены были, ибо другой, товарищъ мой, былъ пьяница, и сверхъ того я же завѣдывалъ расходомъ. Здѣсь давали мнѣ жалованья 120 рублей.

Въ 1797 г. изъ двухъ губерній, Могилевской и Полоцкой, составилась одна, Бѣлорусская, а губернскимъ городомъ назначенъ Витебскъ. На меня обрушилась и сдача рѣшенныхъ дѣлъ въ архивъ, и доставленіе неоконченныхъ дѣлъ въ Ви

тебскъ. Богъ помогъ исполнить то и другое; но я, сдавъ нерѣшенныя дѣла въ Витебскъ, остался безъ жалованья и не зналъ, гдѣ служить. Мазуринъ, бывшій протоколистъ губернскаго правленія, съ которымъ я жилъ въ клашторѣ, совѣтовалъ уже вступить въ правленіе, какъ пріѣзжаетъ переведенный изъ Крыма въ Бѣлоруссію губернаторъ, тайный совѣтникъ Жегулинъ [1]), и, отбирая въ губернскомъ правленіи писцовъ для своей канцеляріи, назначилъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, и меня въ канцелярію, съ прежнимъ жалованьемъ.

Служба по канцеляріи сей тѣмъ только лестна была для меня, что въ губернаторѣ имѣлъ я человѣка умнаго, честнаго и правдиваго. Онъ полюбилъ меня и всегда бралъ съ собою, когда отправлялся по губерніи; въ 1799 г. онъ вышелъ въ отставку. Пользуясь отъѣздомъ его въ Петербургъ, рѣшился и я искать службы въ столицѣ. Здѣсь очевидна милость Божія ко мнѣ. Безъ денегъ, безъ покровительства, можно ли думать о Петербургѣ? Но мнѣ проѣздъ ничего не стоилъ и, по прибытіи на мѣсто, четыре года имѣлъ я пріютъ у него же, Жегулина; слѣдовательно, на квартиру и на столъ ничего не издерживалъ.

Въ началѣ апрѣля 1799 г. прибылъ я въ Петербургъ, на 17-мъ году возраста и имѣя не болѣе 200 руб. денегъ. Мать снабжала меня пятью стами рублей, но я не принялъ ихъ, ибо у нея оставалось на рукахъ четверо дѣтей [2]). Предположеніе мое было опредѣлиться въ канцелярію генералъ-прокурора, но судьба поступила иначе. Осматривая городъ, пришелъ я въ крѣпость, гдѣ комендантомъ былъ Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ, прежній губернаторъ могилевскій, знавшій и отца моего, и меня. Захожу къ нему безъ всякой цѣли.

---

[1]) Семенъ Семеновичъ, съ 1789 по 1796 годъ, былъ правителемъ Таврической области въ чинѣ генералъ-маіора; при назначеніи губернаторомъ бѣлорусскимъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта; въ тайные совѣтники переименованъ при Александрѣ I.

[2]) Сестра Анна выдана была уже замужъ въ 1798 г. Оставались сестры: Александра, Катерина, Ольга и братъ Петръ, всѣ моложе меня.

Старикъ вѣжливо принимаетъ меня, разспрашиваетъ о семействѣ и зачѣмъ я пріѣхалъ. Узнавъ же причину, сказалъ: «не хочешь ли у меня служить?» Я отвѣчалъ поклономъ и съ тѣмъ вышелъ, бывъ приглашенъ отъ него приходить обѣдать. Скоро послѣ того переходъ чрезъ Неву сдѣлался опасенъ, и я, дождавшись Святой недѣли, переѣзжаю рѣку, чтобъ поздравить Сергѣя Козьмича съ праздникомъ. Но въ какое пришелъ удивленіе, когда онъ сказалъ мнѣ, что опредѣлилъ меня въ коммиссаріатъ, о которомъ понятія я не имѣлъ. Жегулинъ еще болѣе опечалилъ меня, не хваля сей службы и подозрѣвая, что я искалъ ее, не сказавъ ему. Но дѣлать было нечего: на Ѳоминой недѣлѣ явился я на службу въ коммиссаріатскую военной коллегіи экспедицію, издержавъ на обмундировку послѣднія деньги, и остался безъ гроша.

Умный и знающій дѣло секретарь Михайло Тихоновичъ Тарасовъ скоро познакомилъ меня съ дѣлами коммиссаріата и полюбилъ меня отмѣнно, ибо я работалъ усердно и замѣнялъ ему людей глупыхъ, каковыхъ достаточно было въ экспедиціи стараго завода, изъ солдатъ, дослужившихся до офицерства. Жалованья получалъ я 250 р., а послѣ, по званію протоколиста, 450 р., имѣя притомъ въ виду казенную квартиру, если бы вздумалъ переѣхать въ коммиссаріатъ. Сверхъ жалованья, давалась еще каждый годъ, къ Святой недѣлѣ, казенная обмундировка тонкаго сукна.

Отсель начинаю ощущать нѣкое предопредѣленіе свыше, чтобы таскаться по свѣту 20 лѣтъ и увидѣть его отъ Аландскихъ острововъ до Томска, отъ Астрахани до Лондона, отъ Риги до Парижа и Вѣны, чего и во снѣ не представлялось прежде.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ службы моей въ коммиссаріатѣ, какъ Сергѣй Козьмичъ предлагаетъ мнѣ отправиться въ армію Суворова, въ Италію, говоря, что молодому человѣку полезно увидѣть чужіе края и что другіе издерживаются даже на то. Безспорно, что это такъ, но я, незнающій язы-

ковъ, безъ денегъ, какой вояжиръ? Притомъ же, не путешествовать мнѣ предлагаютъ, но быть при арміи, слѣдовательно, подвергать себя всѣмъ невзгодамъ и опасностямъ, не бывъ въ военной службѣ. Соображенія сіи и мысль, что въ случаѣ, если я пропаду за границею, матушка не перенесетъ этого горя, заставили меня отказаться.

Судьба, однако, иначе располагала: я отказался въ іюлѣ, въ сентябрѣ Сергѣй Козьмичъ вышелъ въ отставку, въ декабрѣ собирались уже тучи на горизонтѣ коммиссаріатскомъ, а въ январѣ 1800 г. разверзлись. Генералъ-кригсъ-коммиссаръ князь Сибирскій и первый членъ экспедиціи генералъ-лейтенантъ Турчаниновъ посажены въ крѣпость. По всему государству посланы ревизоры, къ нимъ должно было прикомандировать грамотныхъ людей. Нечего дѣлать Тарасову въ такомъ страхѣ: онъ разстается со мною, и я, съ гвардейскимъ полковникомъ Ляпуновымъ, осматриваю коммиссаріатскія депо въ Кременчугѣ, Балтѣ, Тирасполѣ, Береславѣ, крѣпости св. Дмитрія, Екатериноградѣ и Царицынѣ. Проѣхавъ отъ Петербурга чрезъ Бѣлоруссію и Черниговскую губернію въ Балту, видѣлъ я всю прежнюю турецкую границу, едва возникающую Одессу, Таганрогъ, Черкаскъ, всю Кавказскую линію до Кизляра, степь отъ Кизляра до Астрахани, и потомъ, чрезъ Рязань и Москву, возвратился въ столицу, въ августѣ 1800 г. Поѣздка сія послужила мнѣ въ пользу. Я былъ на всемъ содержаніи то Ляпунова, то, какъ проѣзжій, у мѣстныхъ чиновниковъ въ городахъ; ѣздилъ въ одной съ нимъ коляскѣ, и оттого остались у меня прогоны на двѣ лошади и жалованья за двѣ трети въ экспедиціи.

Къ неописанной радости, нашелъ старика Жегулина я еще въ Петербургѣ, слѣдовательно, столъ и квартира опять мнѣ ничего не стоили. Вскорѣ опредѣленъ былъ надъ коммиссаріатомъ генералъ-интендантъ князь Волконскій [1]), человѣкъ доб-

---

[1]) Дмитрій Петровичъ, генералъ-лейтенантъ, гофмейстеръ; умеръ въ 1833 году.

рый, обласкавшій меня до того, что я отмѣнилъ намѣреніе оставить коммиссаріатъ, по крайней мѣрѣ, до нѣкотораго времени.

Въ 1802 г. учреждены министерства. Здѣсь жилъ тогда дядя мой, познакомившій меня съ графомъ Васильевымъ, который и предложилъ мнѣ перейти въ открывавшійся у него департаментъ министерства финансовъ. Но я командированъ былъ между тѣмъ съ генералъ-маіоромъ Ломоносовымъ [1]) въ Воронежъ, для изслѣдованія, отчего много дурныхъ суконъ поставлено, и для изысканія средствъ къ поддержанію суконныхъ фабрикъ; а по возвращеніи данъ мнѣ чинъ коллежскаго ассессора, и милость эта крайне затрудняла меня, чтобы не сдѣлаться неблагодарнымъ.

Обдумавъ, наконецъ, что коммиссаріатъ должно же будетъ когда-нибудь оставить, и что въ министерствахъ другая дорога, рѣшился я просить князя Волконскаго, какъ человѣка добраго, чтобы онъ же доставилъ мнѣ мѣсто въ министерствѣ финансовъ, гдѣ, какъ сказано выше, все уже слажено было, и увѣренъ былъ, что онъ это сдѣлаетъ, какъ въ одно утро князь, проходя въ присутствіе, сказалъ мнѣ: «за что жъ ты, милый, меня оставляешь?» Я изумился, отчего узналъ онъ мою тайну, и полагалъ уже, что графъ Васильевъ проговорился; но чрезъ часъ выведенъ былъ изъ недоумѣнія. Тарасовъ, возвратясь изъ присутствія, сказалъ, по словамъ князя, что въ военной коллегіи полученъ указъ, дабы оберъ-секретаря коллегіи Бижеича, члена экспедиціи полковника Покровскаго и меня отправить къ военному министру Вязмитинову, для составленія министерской канцеляріи. Я могъ только поклясться, что ни свѣдѣнія, ни видовъ на сію службу не имѣлъ, и, покорясь судьбѣ, пошелъ къ министру. Не скрою, однако, что радъ былъ разстаться съ коммиссаріатомъ.

На первый разъ опредѣлено мнѣ было жалованья 750 руб.,

---

[1]) Григоріемъ Андреевичемъ, 1767—1810.

но въ теченіе года я дошелъ уже до 1.500 руб. Сумма весьма достаточная по тогдашнему времени, особенно же потому, что я имѣлъ еще квартиру и столъ у Жегулина. Содержаніе таковое доставило мнѣ способъ всѣмъ обзавестись, помогать матушкѣ и выписать брата къ себѣ изъ Могилева. Первые три года служба моя была сущая каторга. Сергѣй Козьмичъ имѣлъ меня у себя при кабинетѣ. Съ шести часовъ утра до двухъ я не вставалъ со стула; обѣдать долженъ былъ всегда у него, и съ шести часовъ до 12-ти ночи опять оставаться приросшимъ къ стулу. Я не могъ даже пользоваться и тѣмъ временемъ, когда старикъ уѣзжалъ въ театръ—такъ много всегда было дѣла и собственнаго усердія. Многіе предсказывали мнѣ смерть, и я до того отвыкъ отъ воздуха, что рѣдкую зиму не было у меня двухъ горячекъ, а простуда безпрерывная. Довольно также несносно было, что, при множествѣ наградъ въ другихъ министерствахъ и даже по коммиссаріатской и провіантской части, полтора года ничего я не получалъ. Наконецъ, въ половинѣ 1804 г. награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, за отличіе.

Начинаются приготовленія къ войнѣ, учреждается секретная часть и поручается мнѣ. Трудовъ было множество и работать лестно. Въ 1805 г. произведенъ я въ коллежскіе совѣтники и послѣ сдѣланъ экспедиторомъ—награда тѣмъ пріятнѣйшая, что и жалованье мое увеличилось до 2.500 руб. въ годъ.

Съ окончаніемъ Аустерлицкой битвы, новыя начали дѣлаться приготовленія къ войнѣ, какъ я называю Беннигсеновой [1]), и новые представились мнѣ труды. Но я занимался въ департаментѣ и, живя въ домѣ Сергѣя Козьмича, имѣлъ уже, такъ сказать, отдѣльную часть: я не сидѣлъ въ кабинетѣ, меня не развлекали пріѣзжающіе къ министру, и работа казалась не столь тягостною, ибо я самъ располагалъ временемъ.

[1]) Графъ Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ, 1745—1826. Исторію пріобрѣтенія его записокъ см. «Русск. Стар.», XVI, 387.

Служба въ военномъ министерствѣ составляетъ новую въ жизни моей эпоху. Будучи у другого министра, можетъ статься, я не такъ бы скоро женился. Въ 1804 г. нанята была квартира въ домѣ надворнаго совѣтника Шмита (въ Почтамтской улицѣ, напротивъ дома Безбородко). Меня особенно ласкала хозяйка, молодая, умная, веселая и прекрасная собою женщина. Они люди были богатые, и мнѣ отмѣнно нравилось видѣть хозяйку: вечеромъ, въ брильянтахъ, разряженную, для благороднаго собранія, а по утру идущую въ погребъ, или пріѣзжающую въ каретѣ съ рынка. Русскія барыни не знаютъ сего: имъ надобно или не заниматься вовсе хозяйствомъ, или, отказавшись, какъ онѣ называютъ, отъ свѣта, ходить ежеминутно съ ключами, браниться и кричать. У Шмитовыхъ, напротивъ, чистота въ домѣ и порядокъ были удивительные. Одинъ человѣкъ прислуживалъ 20-ти гостямъ, одѣвалъ хозяина и ѣздилъ за каретою. Прельщаясь такою жизнью, я говаривалъ товарищамъ моимъ, что или я буду имѣть такую жену, какъ Марья Осиповна Шмитъ, или останусь холостымъ. Судьба подслушала, видно, меня и подшутила.

Марья Осиповна начала находить во мнѣ добрыя качества; самая застѣнчивость моя ей нравилась. Я влюбился, она также, и потребовала развода. Право ея состояло въ томъ, что Шмитъ въ малолѣтствѣ принудилъ ее за себя выйти, что она ему падчерица и что въ день свадьбы торжественно объявила ему, что будетъ жить съ нимъ дотолѣ, пока не влюбится въ другого. Шмитъ, опасаясь, чтобы насиліе его не было открыто, согласился на разводъ, въ 1805 г., зимою, и чрезъ три мѣсяца женился на ключницѣ, жившей у него же въ домѣ. Но мое положеніе было ужасное. Мысль, что я причиною разстройства семейнаго, убивала меня, не взирая на то, что самъ Шмитъ желалъ нашей свадьбы, и что Марья Осиповна рѣшительно говорила, дабы я не бралъ сего происшествія на свой счетъ, такъ какъ уговора у насъ никакого не было и она не нарушила супружеской вѣрности. Въ

доводъ того, узнавъ, что въ домѣ Вязмитинова предлагаютъ мнѣ жениться на дочери Малышева, только-что взятой изъ Смольнаго монастыря, Марья Осиповна предложила мнѣ въ подарокъ 20 т. руб., слѣдующіе ей по разводной записи; а сама, съ остальнымъ капиталомъ, намѣрена была уѣхать за границу.

Я открылся во всемъ Сергѣю Козьмичу, испросилъ благословеніе матушки, предложилъ Марьѣ Осиповнѣ руку и сердце, и 8-го іюля 1806 г., въ Вознесенской церкви, поклялись мы предъ алтаремъ въ вѣчной другъ къ другу любви.

Съ сего дня зажилъ я своимъ хозяйствомъ. Ломоносовъ подарилъ мнѣ четверку лошадей, а квартира моя была на бульварѣ, въ домѣ Кутайсова. Труды и съ перемѣною жизни были тѣ же, даже съ опасностію, послѣ исторіи Степанова [въ канцеляріи графа Ливена [1])]; но въ мартѣ 1807 г. отличенъ я былъ Анненскимъ орденомъ, совсѣмъ неожиданно, потому-то и рескриптъ написанъ рукою Сергѣя Козьмича. Полтора года не увидѣли, какъ прошли. Но съ наступленіемъ 1808 г. лишился я почтеннаго начальника и благодѣтеля — Сергѣй Козьмичъ вышелъ въ отставку. Въ пяти-лѣтнюю при немъ службу, получилъ я два чина и орденъ 2-ой Анны. Сверхъ того, по представленію его, назначены были мнѣ и Бижеичу кресты 4-го Владиміра, но когда отъ комитета министровъ объявлена высочайшая о томъ воля графу Аракчееву, то онъ не поднесъ указа къ подписанію. Каково?

Отставка Сергѣя Козьмича погрузила весь департаментъ въ крайнее уныніе, ибо на его мѣсто опредѣленъ графъ Аракчеевъ, человѣкъ, не имѣвшій въ публикѣ названія добраго. Мы, то-есть, экспедиторы, согласились посмотрѣть на пріемъ его и, ежели онъ обойдется по обыкновенію своему, оставить службу; на сей конецъ и просьбы объ отставкѣ были за пазухою у директора и трехъ экспедиторовъ.

---

[1]) *Карлъ Андреевичъ*, съ 1826 г. князь, 1767—1845, начальникъ военно-*походной Е. И. В.* канцеляріи.

Посылаемъ узнать экзекутора, когда приметъ новый министръ департаментъ? «Въ 4 часа утра», — отвѣтъ былъ. Итакъ, въ началѣ января, въ жестокій морозъ, при свѣчахъ, представились мы графу Аракчееву. Онъ былъ уже въ полномъ мундирѣ и, къ удивленію, началъ рѣчь, неожиданную нами: «Господа! рекомендую себя; прошу беречь меня, я грамоту мало знаю, за мое воспитаніе заплатилъ батюшка 4 рубли мѣдью; я долго не хотѣлъ брать этого мѣста, но государю угодно было непремѣнно меня опредѣлить. Мнѣ ничего не надобно, а будетъ у насъ дѣло хорошо идти, вамъ вся награда». Потомъ, разспросивъ каждаго, у кого какая часть, приказалъ всѣмъ ѣхать къ должности, а мнѣ остаться.

Будучи взятъ въ кабинетъ, выслушалъ я возможныя вѣжливости и отзывы насчетъ службы при Сергѣѣ Козьмичѣ. Какъ два мѣсяца, предъ отставкою его, всѣ доклады остались неразрѣшенными, и мы не знали, гдѣ они: у государя или Попова [1]), мѣшавшагося, со времени Беннигсеновой войны, во всѣ части, то графъ и приказалъ мнѣ остаться, чтобъ разобрать сіи бумаги, отданныя уже ему государемъ. По докладѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, нужнѣйшихъ, въ то же утро государю, графъ указалъ мнѣ мѣсто въ своемъ домѣ и приказалъ дѣлать по резолюціямъ исполненіе. Въ 5 часовъ вечера, въ другой разъ, возвратился онъ изъ дворца, съ докладами, и отдалъ опять мнѣ до 50 записокъ, да столько же разныхъ приказаній, по которымъ должно было заготовить исполненіе къ утру, и большею частію указы и приказы. Уснувъ не болѣе трехъ часовъ, на другой день увидѣлъ я то же, и сотни бумагъ, принадлежащихъ канцеляріи графа Ливена, отдѣльной отъ министерства, имѣвшей свой штатъ и директора Паглиновскаго [2]). Думая, что графъ незнакомъ еще съ распоряд-

---

[1]) Василій Степановичъ, 1743 — 1822; съ 1819 г. предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ.

[2]) Дмитрій Моисеевичъ, директоръ военно-походной канцеляріи; издалъ нѣсколько повѣстей, переведенныхъ съ нѣмецкаго.

комъ, я объявилъ ему о томъ; но онъ мгновенно возразилъ, что знать ничего не хочетъ, и чтобы я заготовилъ указъ о причисленіи графа Ливена къ иностранной коллегіи. Проводя такую службу двѣ недѣли, измучилъ я себя и чиновниковъ своей экспедиціи, готовъ уже былъ все бросить, чувствуя, что выбиваюсь изъ силъ, какъ вдругъ получаю два предложенія: переѣхать въ домъ къ графу Аракчееву, на житье, и быть директоромъ военно-походной канцеляріи. Благоразуміе воспрещало мнѣ принять и то, и другое: первое потому, что я человѣкъ семейный, а второе потому, что канцелярія была въ совершенномъ разстройствѣ за время императора Павла, и случай какой-нибудь могъ помнить только Паглиновскій, а повѣрки словамъ его дѣлать было не съ чѣмъ. На отзывъ мой, что лучше мнѣ быть хорошимъ экспедиторомъ, чѣмъ дурнымъ директоромъ, графъ, къ удивленію, предложилъ мнѣ занимать оба мѣста. Но я и сіе отклонилъ, опасаясь сдѣлать упущеніе по которой-либо части [1]). Итакъ чрезъ три уже недѣли, рѣшился графъ Аракчеевъ взять къ себѣ военно-походную канцелярію.

Не болѣе, какъ чрезъ четыре мѣсяца, въ маѣ 1808 г., пожалованъ мнѣ алмазный крестъ Анны 2-й степени. Послѣдствіе показало, что симъ задобриваемъ я былъ къ сочиненію проекта о запасныхъ рекрутскихъ депо. Сперва о семъ предметѣ былъ простой только разговоръ; но когда графъ Аракчеевъ замѣтилъ, что я одабриваю планъ его, предложилъ мнѣ всѣ сужденія наши записать и привести въ порядокъ. Изъ этого составилась порядочная книга, испестрившаяся, однако, подробностями и прибавленіями. Жаль, что у насъ во всякомъ, можно сказать, случаѣ нѣтъ терпѣнія. Едва успѣлъ я положить на бумагу первыя мысли, и графъ Аракчеевъ началъ поправлять и прибавлять свое, какъ всякая тетрадка,

---

[1]) *Къ удивленію,* узналъ я, въ 1812 уже году, что указъ былъ обо мнѣ *подписанъ, и что* графъ Аракчеевъ при смѣнѣ своей, показавъ его Паглинов*скому, изорвалъ.* Это сказывалъ мнѣ самъ Паглиновскій при свидѣтеляхъ.

по мѣрѣ переписки, летѣла въ Эрфуртъ, гдѣ изволилъ находиться государь императоръ, и, въ то же время, другая отдавалась въ печать, такъ что, съ возвращеніемъ послѣдней тетради, книга была уже напечатана и потомъ немедленно приведена въ исполненіе. За сочиненіе сей книги пожаловано мнѣ 1.500 р., а вскорѣ затѣмъ сдѣлана прибавка къ жалованью 2.000 руб., что составило большое пособіе, ибо въ три года семейство мое умножилось, дороговизна во всемъ сдѣлалась непомѣрною, и я много прожилъ денегъ изъ приданаго Марьи Осиповны.

1809 годъ. По окончаніи первой недѣли великаго поста, графъ Аракчеевъ взялъ меня съ собою въ новую [1]) Финляндію. Причиною поѣздки его была необходимость удостовѣриться, точно ли невозможно перейти Ботническій заливъ по льду, дабы, явясь предъ Стокгольмомъ, заставить шведовъ склониться къ миру. Невозможность сію, вопреки желанію государя, доказывалъ командовавшій тогда арміею генералъ Кноррингъ [2]). Осмотрѣвъ внимательно Свеаборгъ, гдѣ предъ тѣмъ былъ взрывъ, графъ Аракчеевъ немедленно отправился въ Або и, объяснившись съ управлявшимъ гражданскою частію бар. Спренгпортеномъ [3]) и корпусными командирами генералъ-лейтенантами Барклаемъ [4]) и княземъ Багратіономъ [5]), положилъ намѣреніе перейти заливъ. Какъ скоро Спренгпортенъ приготовилъ подводы, армія двинулась тремя колоннами.

---

[1]) Т.-е. только-что занятую русскими войсками и позже, но въ томъ же 1809 году, присоединенную къ Россіи по фридрихсгамскому мирному договору.

[2]) Богданъ Ѳедоровичъ, 1746 — 1825, генералъ-отъ-инфантеріи, главнокомандующій русскою арміею въ Финляндіи; «русскій генералъ изъ нѣмцевъ», по словамъ Вигеля (III, 50).

[3]) Георгъ-Магнусъ, генералъ-отъ-инфантеріи. См. статью Я. К. Грота въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1885 года и соч. К. Ф. Ордина «Покореніе Финляндіи».

[4]) Барклай-де-Толли, Михаилъ Богдановичъ, 1761—1818, позже графъ и князь.

[5]) Петръ Ивановичъ, 1765—1812.

Первая, подъ командою генералъ-лейтенанта графа Каменскаго [1]), пошла за Торнео; вторая, подъ командою генералъ-лейтенанта Барклая, изъ Вазы; третья, подъ командою генералъ-лейтенанта князя Багратіона, изъ Або. При сей колоннѣ былъ и военный министръ графъ Аракчеевъ; чрезъ сутки пріѣхалъ къ ней и Кноррингъ. Сколь ни затруднителенъ былъ переходъ по льду, но всю опасность увидѣли мы уже на обратномъ пути, когда подулъ съ моря вѣтеръ и ледъ получилъ трещины по сажени. Тутъ узнали мы, что среди жесточайшихъ морозовъ, при вѣтрѣ, исчезаетъ въ нѣсколько часовъ ледъ на Ботническомъ заливѣ, и если бы несчастіе это постигло корпусъ, то ни одинъ человѣкъ не спасся бы; но Богъ былъ милостивъ къ намъ. Въ три дня достигли мы главнѣйшаго изъ острововъ Аландскихъ; послѣ небольшой сшибки, заняты были нашими войсками всѣ острова, и Кульневъ [2]) стремительно, съ легкимъ отрядомъ своимъ, перешелъ на матерой берегъ Швеціи. Три марша, и корпусъ Багратіона могъ быть у шлагбаума Стокгольмскаго, ожидая тамъ подкрѣпленія себѣ отъ Барклая, но шведы не дождались сего событія. Въ главную квартиру явилась депутація (съ заявленіемъ?), что упорству короля положена преграда. Между депутатами я помню одного генералъ-адъютанта [3]), у котораго разрубленная голова связана была обручемъ, и когда онъ горячился во время конференціи, то обручъ сей сдвигалъ. Въ чемъ состояли переговоры (по-французски), мнѣ неизвѣстно; но, по окончаніи оныхъ, тотчасъ отправленъ былъ адъютантъ Чихачевъ въ Петербургъ (и получилъ богатый перстень), а на другой день стали приготовляться къ обратному походу, и столь поспѣшно, что дней въ пять собрались войска въ Або къ парадной встрѣчѣ государя. Пріѣздъ Его Величества ознаме-

---

[1]) Николай Михайловичъ, 1776 — 1811; позже генералъ-отъ-инфантеріи, главнокомандующій русскою арміею въ Турціи.

[2]) Яковъ Петровичъ, 1765—1812, герой Отечественной войны.

[3]) *Левенгельмъ*, раненный въ голову въ русско-шведскую войну 1789 г.

нованъ былъ производствомъ Багратіона и Барклая въ полные генералы. Мнѣ при семъ случаѣ весьма лестно было слышать отъ министра, что онъ свидѣтельствовалъ предъ государемъ и о моихъ трудахъ, по истинѣ тяжелыхъ, ибо я одинъ, безъ писаря даже, работалъ за весь департаментъ и военно-походную канцелярію и что мнѣ предоставляется избрать себѣ награду. Размысливъ, что для чина статскаго совѣтника я дослуживаю уже срокъ, и что 3-го Владиміра не даютъ коллежскому совѣтнику, я избралъ для себя пенсіонъ и считалъ его вѣрнымъ, потому что никто изъ насъ не помнилъ, чтобы у графа Аракчеева какой-либо указъ вынесенъ былъ неподписаннымъ, или чтобы не было то сдѣлано, что онъ кому обѣщаетъ. Но въ семъ случаѣ еще болѣе я удостовѣрился, что въ свѣтѣ нѣтъ ничего вѣрнаго. Графъ Аракчеевъ, возвратясь отъ государя, сказалъ мнѣ, чтобы «я избралъ другую награду, а пенсіона не даетъ государь для того, что ты оставишь послѣ службу, чему многіе примѣры знаетъ государь».— «Итакъ, нѣтъ для меня награды, ваше сіятельство! — отвѣчалъ я—двѣ тысячи руб. не сдѣлаютъ мнѣ состоянія, а прочія, также и перстень, я уже имѣю».

Изъ Або поѣхали въ Борго: тамъ былъ сеймъ. Оттуда въ Свеаборгъ, Тавасгустъ и, чрезъ Выборгъ, пріѣхали въ Петербургъ 1809 г., въ пятницу на Страстной недѣлѣ. Я и не думалъ уже о наградѣ, какъ графъ Аракчеевъ приказываетъ мнѣ въ Страстную субботу заготовить, у него въ кабинетѣ, по секрету, разные рескрипты, изъявляющіе милость государя, въ томъ числѣ и мнѣ на орденъ 3-го Владиміра. Поправивъ черновыя, велѣлъ онъ мнѣ тутъ же ихъ переписать, несмотря на то, что почеркъ мой никогда не былъ чистъ—и вотъ причина, отчего рескриптъ мой, вопреки всѣхъ правилъ, писанъ моею рукою. Признаюсь, ни малѣйшаго впечатлѣнія не сдѣлала на меня сія награда, по предчувствію ли какому, или потому, что мнѣ было уже 27 лѣтъ отъ роду и я, имѣя двухъ дочерей, Марью и Екатерину, ожидалъ третьей. Еще стран-

нѣе было, когда графъ Аракчеевъ, отдавъ мнѣ по утру рескриптъ, для истребованія отъ Аршеневскаго орденскихъ знаковъ, послѣ вечерняго доклада сказалъ, чтобы я крестъ не надѣвалъ, а сдѣлать прежде справку для государя, кому въ такихъ чинахъ, въ его царствованіе, давались такіе кресты (точныя слова графа Аракчеева). Мнѣ было больно. Я не остановился тотчасъ просить его, чтобы онъ отвезъ бумагу сію, для истребленія; по крайней мѣрѣ, повелѣнную справку сдѣлалъ бы Бижеичъ.

Справка показала, что ни одному коллежскому совѣтнику не жаловалъ еще до того времени государь ордена 3-го Владиміра. На сей справкѣ отмѣчено, что государь ее читалъ 10-го апрѣля 1809 г., и она, вмѣстѣ съ рескриптомъ, двѣ недѣли назадъ подписаннымъ, выслана была отъ графа Аракчеева въ департаментъ.

Въ исходѣ 1809 г. государю угодно было посѣтить Москву. Графъ, отъѣзжая въ Грузино, приказалъ мнѣ быть туда, съ генералъ-маіоромъ Бухмейеромъ [1]), къ 30 ноября.

Три дня проведены въ Твери, у великой княгини Екатерины Павловны и супруга ея, и 6-го декабря прибыли мы въ Москву, гдѣ прожили недѣлю. Поѣздка въ Москву осталась въ памяти у меня (1835 г.) по двумъ случаямъ: частному и государственному.

Случай частный. У графа Аракчеева былъ адъютантъ г. А. Въ борьбѣ съ совершенною бѣдностію, присталъ онъ ко мнѣ, чтобы я упросилъ Аракчеева взять его въ Москву. Рѣшено было ѣхать: мнѣ съ генераломъ Бухмейеромъ въ кибиткѣ, а А. съ фельдъегеремъ на перекладной, и прибыть въ Грузино утромъ 30-го ноября (храмовой праздникъ у крестьянъ). Мы выѣхали изъ Петербурга вечеромъ, но лошади пристали у насъ на половинѣ дороги, и должно было поворотить въ Софію, для перемѣны лошадей. Здѣсь, поправляя подъ собою

[1]) Ѳедоръ Евстафіевичъ.

сѣно въ кибиткѣ, замѣтилъ я, что пьяный камердинеръ Аракчеева забылъ въ кабинетѣ трубку съ картами, необходимыми по случаю бывшей тогда Турецкой войны. Хотѣли послать за нею фельдъегеря съ камердинеромъ, но А. умолилъ дать ему эту коммиссію, увѣряя, что ему крайне нужно поговорить съ отцомъ и что онъ догонитъ насъ ночью. На разсвѣтѣ пріѣхали мы въ Чудово: ждали часа два и рѣшились уже ѣхать, съ повинною, чтобы поспѣть въ Грузино къ обѣднѣ, какъ является сахаръ нашъ, въ видѣ муміи, но съ трубкою. До обѣда прошло время въ Грузинѣ непримѣтно, въ разговорахъ между съѣхавшимися гостями, которыхъ было человѣкъ 20; но за обѣдомъ едва проглотилъ г. А. ложку супу, какъ упалъ со стула и одеревенѣлъ до такой степени, что ни растиранье, ни кувшины съ горячею водою, ни зеркало, на лицо положенное, не обнаруживали въ немъ жизни. Хотя измученный видъ его, по пріѣздѣ въ Чудово, и остатокъ во фляжкѣ сладкой водки показывали цѣль поѣздки его въ Петербургъ, тѣмъ не менѣе, каково было мое положеніе? Рѣшено послѣ ужина ѣхать въ Москву, и покойника, оставленнаго въ нижнемъ этажѣ при одной свѣчкѣ, отвезти ночью въ Петербургъ.

Въ тишинѣ, въ задумчивости, отпили чай; но часовъ въ 8-мъ вечера входитъ въ гостиную верхняго этажа кавалергардскій офицеръ, и всѣ удивились, узнавъ въ немъ г. А. Онъ ничего не помнилъ и увѣрялъ, что спалъ послѣ обѣда; когда же совѣтовали ему возвратиться въ Петербургъ, то заплакалъ, и это убѣдило графа Аракчеева взять его въ Москву, гдѣ и положено начало женитьбы его, впослѣдствіи совершившейся.

Теперь о случаѣ, имѣвшемъ значеніе государственное. На время высочайшаго пребыванія въ Москвѣ, приказано было отправлять ежедневно изъ Петербурга бумаги съ фельдъегерями, и одинъ день съ флигель-адъютантомъ, другой же съ адъютантомъ гр. Аракчеева (для экономіи въ прогонахъ). Всѣ, привезенныя ими, депеши разбиралъ я, и слѣдующія въ собственныя Его Величества руки отдавалъ привезшему, а про-

чія распечатывалъ гр. Аракчеевъ. Въ числѣ первыхъ бывали листовые конверты, безъ надписи и съ странною печатью; объ одномъ изъ нихъ сказалъ мнѣ флигель-адъютантъ Маринъ, что получилъ его отъ камердинера Мельникова и что государь изволитъ знать отъ кого. Послѣ чего и не обращалъ уже я вниманія на конверты сего рода; только впослѣдствіи сказалъ объ нихъ гр. Аракчееву, который, съ усмѣшкою, отвѣчалъ: «Мельниковъ важный человѣкъ!»

По возвращеніи въ Петербургъ графа Аракчеева, около 18-го декабря 1809 г., спрашиваетъ онъ у меня, когда пришелъ я съ бумагами: «Что слышно новенькаго?» Не привыкши къ такимъ вопросамъ, я сказалъ, что ожидаютъ въ городѣ какихъ-то перемѣнъ. «Да и мнѣ графъ Румянцевъ сказывалъ, что всѣ новости въ Москвѣ готовились»—былъ отвѣтъ графа. Тутъ показалъ онъ свое малодушіе. При неограниченной власти, какую онъ имѣлъ, ему досадно было, что новости сіи скрыты отъ него. Онъ готовился ѣхать въ Грузино; но государь задержалъ, обѣщая прочесть съ нимъ наказъ Совѣту (Государственному). Хотя, по словамъ его, онъ отзывался, что трудъ будетъ напрасенъ, ибо онъ гражданской части не знаетъ, но примѣтно было желаніе узнать то, что всѣхъ занимало. Одинъ вечеръ, государь хотѣлъ прислать за нимъ; онъ и дожидался. Но докладываютъ, что Сперанскій присланъ отъ государя. Не прошло 10-ти минутъ, какъ графъ, отпустивъ Сперанскаго, спросилъ меня съ дѣлами. Я и не видывалъ еще его въ подобномъ бѣшенствѣ. Не сталъ слушать бумагъ и приказалъ прислать ихъ въ Грузино, куда сейчасъ онъ отъѣзжаетъ. Послѣ разсказывалъ, что Сперанскій привезъ ему одно оглавленіе, дабы на словахъ разсказать существо новой организаціи; но онъ не сталъ ничего слушать и отпустилъ его съ грубостью и послалъ письмо къ государю объ отставкѣ. Тутъ припомнилъ онъ мнѣ безыменные конверты, въ Москву присыланные. Три дня проведено въ безпрестанной пересылкѣ фельдъегерей въ Грузино, по 30-го декабря графъ

пріѣхалъ въ столицу. Сей и послѣдующіе дни прошли въ объясненіяхъ, прочитано образованіе Совѣта и (по словамъ графа) на вопросъ государя: «чѣмъ хочешь быть, министромъ или предсѣдателемъ?» графъ Аракчеевъ отвѣчалъ, что «лучше самъ будетъ дядькою, нежели надъ собою имѣть дядьку». Вечеромъ послѣ сего, 31-го декабря, государь прислалъ въ подарокъ графу пару лошадей, съ санями, что̀ крайне его порадовало, ибо едва ли не первый это случай былъ въ столицѣ.

1810 годъ. 1-го генваря 1810 г., возвратясь изъ дворца, онъ объявилъ, что сдѣланъ предсѣдателемъ военнаго департамента Совѣта и что министръ будетъ другой, почему и отказывается отъ дѣлъ нашихъ. Но какъ ошибся въ перемѣнѣ мѣста!

Около половины января объявленъ военнымъ министромъ Барклай-де-Толли. Съ первой работы удивились мы сему выбору, и по нѣсколькимъ бумагамъ, у гр. Аракчеева явившимся, по которымъ не оставилъ онъ тотчасъ призвать насъ къ себѣ, заключили, что воистину онъ дядькою будетъ Барклая. Однако же, черезъ недѣлю, все перемѣнилось: докладныя записки начали выходить съ резолюціями, рукою государя писанными, и гр. Аракчеевъ, увидѣвъ ошибку свою, началъ ѣздить чаще въ Грузино и проживать тамъ по мѣсяцу.

Хотя Барклай окружился своими людьми и стадомъ лифляндцевъ, но въ департаментѣ не было никакой перемѣны. Въ одинъ лѣтній вечеръ, получаю я записку отъ Пестеля [1]), что нужно ему увидѣться со мною. Я не былъ съ нимъ знакомъ и, наслышавшись о немъ больше дурного, нежели хорошаго, не зналъ, что дѣлать; однако же рѣшился поѣхать на другой день. Ласковый пріемъ, лестные отзывы насчетъ службы моей и поведенія были привѣтствіемъ Пестеля; далѣе, что онъ давно хотѣлъ познакомиться со мною и предложить

[1]) Иванъ Борисовичъ, 1765—1844, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири.

службу съ нимъ, но былъ увѣренъ, что при графѣ Аракчеевѣ успѣть въ томъ нельзя. Теперь же, когда преграждень путь къ чину статскаго совѣтника, онъ не обинуется предложить мѣсто, не хочу ли я служить въ Сибири, и предлагаетъ потому только, что ему нужны честные люди. Пріемъ сей подѣйствовалъ на меня, какъ ударъ электрическій; въ минуту родились новыя мысли, и я потребовалъ времени на размышленіе, чтобъ посовѣтоваться съ семьей. Жена моя рѣшилась ѣхать въ Сибирь съ перваго слова, итакъ осталось узнать о кондиціяхъ. Пестель предложилъ мнѣ мѣсто губернатора въ Тобольскѣ, съ чиномъ статскаго совѣтника; я попросилъ къ тому 5.000 на подъемъ и право взять нѣсколькихъ чиновниковъ съ собою. Получивъ обѣщаніе, поѣхалъ посовѣтоваться со старыми своими командирами Вязмитиновымъ и гр. Аракчеевымъ, и принялъ ихъ одобреніе. Расчетъ мой состоялъ въ томъ, что содержаніе сибирскаго губернатора достаточно для прожитія; пробывъ тамъ пять лѣтъ, пока дѣти потребуютъ воспитанія, я сохраню тѣмъ приданое Марьи Осиповны, котораго, по дороговизнѣ петербургской, уже я коснулся; наконецъ, что, получа чинъ, открою себѣ дорогу, на будущее время въ Петербургѣ. Вслѣдствіе сего я объявилъ Барклаю о намѣреніи моемъ. Хладнокровіе сего человѣка показало мнѣ, что онъ доволенъ очисткою мѣста; но когда Пестель формально запросилъ его, могу ли я быть уволенъ, то, по докладу отношенія его государю, увидѣлъ, что онъ не понималъ предмета. Съ тѣмъ же хладнокровіемъ спросилъ онъ меня, что государь желаетъ знать: отчего перемѣняю я родъ службы? «Оттого,—отвѣчалъ я,—что здѣсь не могу получить чина, о которомъ не радѣлъ, хотя выслужилъ уже и лѣта». На другой день предложеніе: переименовать меня въ военные совѣтники; «я не могу быть ни провіантскимъ, ни коммиссаріатскимъ». На третій день переименовать въ полковники. «Семейство не позволяетъ мнѣ учиться военной стойкѣ, и все-таки я не буду статскій совѣтникъ», былъ отвѣтъ мой.

Въ сихъ переговорахъ, Пестель нашелъ случай однажды, за столомъ у государя, гдѣ былъ и гр. Аракчеевъ, говорить обо мнѣ. Его Величество согласился на опредѣленіе. Тогда отнесся Пестель къ Козодавлеву [1]), и 26-го іюля 1810 г. состоялся обо мнѣ указъ. Только на первомъ же шагѣ я и обманутъ: вмѣсто Тобольска, опредѣлили меня въ Томскъ; вмѣсто 5.000, выдали 3.000 и открылось, что нѣтъ вакансій для чиновниковъ, которыхъ и было только двое у меня въ виду: братъ и Случевскій. Зять Пестеля, фонъ-Бринъ [2]), перешелъ изъ Томска въ Тобольскъ и ему 2.000 дано на проѣздъ. Между опредѣленіемъ симъ, выдержалъ я нервическую желчную горячку, отъ которой едва было не умеръ. За пособіе въ сей болѣзни, обязанъ я всегдашнею благодарностію доктору Гурбандту [3]).

Итакъ въ 1810 г. кончилась служба моя по военному министерству, столь же неожиданно. какъ и опредѣленіе въ коммиссаріатъ, который содѣлался послѣ для меня проводникомъ въ департаментъ министерства.

Проведя два года подъ начальствомъ графа Аракчеева, я получилъ въ сіе время чрезъ него два ордена: 2-й Анны съ брильянтами и 3-го Владиміра: но онъ лишилъ меня и Бижеича—4-го Владиміра, пожалованнаго за службу при Вязмитиновѣ, и не далъ чина статскаго совѣтника, зная, что скоро изданъ будетъ извѣстный указъ 1809 г., вслѣдствіе чего и поторопился произвесть Персидскаго [4]) въ коллежскіе ассессоры. Впрочемъ, я разстался съ нимъ (графомъ Аракчеевымъ) хорошо и во время службы не только не имѣлъ никакой непріятности, но ощущалъ особенное къ себѣ ува-

---

[1]) Осипъ Петровичъ, 1752—1819, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, писатель, членъ Россійской академіи.

[2]) Францъ Абрамовичъ, позже сенаторъ.

[3]) Георгъ, 1764—1832, докторъ медицины, статскій совѣтникъ.

[4]) Алексѣй Ивановичъ, 1770—1842, позже, съ 1818 года, помощникъ статсъ-секретаря собственной Е. И. В. канцеляріи.

женіе: раза два назывался онъ обѣдать у меня и былъ доволенъ пріемомъ; нерѣдко подъѣзжалъ къ департаменту, бралъ съ собою кататься предъ обѣдомъ; я у него обѣдалъ часто, что̀ въ тогдашнее время много значило; въ Сибирь прислалъ онъ мнѣ гравированный портретъ свой и велъ со мной переписку пріятную. Но что въ свѣтѣ семъ постоянно? Впослѣдствіи онъ сдѣлался врагомъ моимъ и, Богъ свидѣтель, не знаю иной тому причины, кромѣ замѣченнаго имъ благоволенія ко мнѣ императора Александра I-го.

Въ управленіе военнымъ министерствомъ, гр. Аракчеевъ держался одного правила съ Бонапарте: все гибни, лишь бы мнѣ блестѣть. Самовластіемъ безпредѣльнымъ и строгостію, конечно, сдѣлалъ онъ много хорошаго: возстановилъ дисциплину, сформировалъ, заново можно сказать, армію, разстроенную неудачами 1805 и 1807 годовъ (неисправно и жалованье получавшую); удовлетворилъ справедливыя полковыя претензіи; учредилъ запасы и оставилъ наличныхъ денегъ, какъ помнится, 20 милліоновъ рублей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нанесъ и вредъ государству, отказавшись платить долги и опубликовавъ о томъ въ газетахъ, съ странною отговоркою, что онъ не можетъ дѣлать изъ одного рубля двухъ: подорвалъ симъ болѣе чѣмъ на 15 лѣтъ кредитъ казны и разорилъ многихъ подрядчиковъ; неумѣренное же требованіе денегъ отъ государственнаго казначейства заставило Голубцова [1]) столько выпустить ассигнацій, что серебряный рубль изъ 1 р. 30 к. дошелъ въ два года до 4 рублей. Униженіе Голубцова предъ графомъ Аракчеевымъ такъ было велико, что онъ подписалъ актъ, дабы всѣ начеты и взысканія какъ съ чиновниковъ, такъ и съ подрядчиковъ, передавать государственному казначейству, а военному министерству отпускать изъ онаго деньги, тотчасъ по открытіи начета. Съ

---

[1]) Θедоръ Александровичъ, 1758—1829, государственный казначей, сенаторъ.

смѣною графа Аракчеева бѣдный Голубцовъ немедленно отставленъ безъ просьбы, и Аракчеевъ могъ хвастать, что оставляетъ министерство въ блестящемъ видѣ! Такъ и впослѣдствіи затѣялъ онъ военное поселеніе и оставилъ его, чрезъ 9-ть лѣтъ, съ экономическимъ капиталомъ свыше 40 милл. руб. Но какъ составленъ капиталъ сей? Грабежемъ казны! Министерство финансовъ удовлетворяло непомѣрныя смѣты военнаго министерства, заключавшія въ себѣ необъятное число войскъ, давало особо деньги на поселенія и, лишась крестьянъ, въ военныхъ поселянъ обращенныхъ, лишилось дохода въ податяхъ.

Можетъ быть, политика государя, послѣ неудачныхъ битвъ съ французами и при разстройствѣ арміи, заставила избрать министромъ именно гр. Аракчеева, даже смотрѣть сквозь пальцы на дѣянія его, чуждыя чувствамъ добраго Александра; и человѣкъ сей былъ ужасенъ. Г. Фокъ [1]) справедливо изобразилъ его, при пожалованіи графу Аракчееву фамильнаго герба, въ стихѣ:

Девизъ твой говоритъ, что преданъ ты безъ лести;
Скажи же мнѣ, кому? коварству, злобѣ, мести!

Вотъ нѣсколько анекдотовъ о графѣ Аракчеевѣ, безъ систематическаго порядка:

По вступленіи въ военное министерство, завелъ онъ конвой: карету его, по очереди, окружали кавалергарды, лейбъ-гусары и проч., съ обнаженными саблями. Потомъ, со всѣхъ полковъ отряжаемы были къ нему ординарцы, какъ къ государю; наконецъ, и одинъ флигель-адъютантъ долженъ былъ являться на дежурство. Первоначально жребій палъ на Ставицкаго [2]), нынѣшняго сенатора, которому показалось это

---

[1]) Михаилъ Максимовичъ, позже директоръ канцеляріи III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, † въ 1831 году. См. «Петербургское общество при восшествіи на престолъ императора Николая по донесеніямъ М. М. Фока» въ «Русской Старинѣ», XXXII, 163.

[2]) Максимъ Өедоровичъ, 1778—1841, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ.

обиднымъ, тѣмъ болѣе, что нарядъ былъ сдѣланъ не по высочайшему повелѣнію. Отдежуривъ, онъ объяснился съ государемъ, по утру; но, по возвращеніи графа Аракчеева изъ дворца, Ставицкій тотчасъ усланъ въ армію князя Голицына.

Никакого равенства съ собою терпѣть онъ не могъ. Корсаковъ жаловался государю на дерзкія бумаги Аракчеева и получилъ такой собственноручный отвѣтъ, что съ первою почтою прислалъ просьбу объ отставкѣ.

Графъ Буксгевденъ [1]), главнокомандующій финляндскою арміею, отставленъ за то, что партикулярнымъ письмомъ [2]) просилъ съ бо̀льшею внимательностью къ правдѣ дѣлать ему замѣчанія.

Даже великій князь Константинъ Павловичъ имѣлъ отъ него непріятности, до мелочей. Такъ, напр., въ одинъ праздникъ графъ Аракчеевъ никого не принималъ, и адъютантъ записывалъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ книгу, которую на другое утро представлялъ графу. Увидя въ ней, что являлась въ 11 часовъ съ поздравленіемъ конная гвардія, съ шефомъ своимъ, онъ отмѣтилъ резолюцію: «Объявить, что военный министръ одинъ, такъ могли бы раньше пріѣхать». Подобныхъ чудесъ много въ адъютантскихъ книгахъ и на подлинныхъ бумагахъ.

Одинъ чиновникъ коммиссаріатскій умеръ въ Финляндіи, на гауптвахтѣ, гдѣ содержался по личному приказанію графа Аракчеева. На рапортѣ о томъ коменданта резолюція: «вѣчная память — однимъ мошенникомъ меньше». На сенатскомъ указѣ о производствѣ чиновниковъ за выслугу лѣтъ резолюція: «Поздравляю; чиновъ прибавилось, да прибавится ли ума и способности?»

---

[1]) Θедоръ Θедоровичъ, 1750—1811, отличившійся въ роченсальмскомъ бою, комендантъ Варшавы, петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи, возведенный въ 1795 году прусскимъ королемъ въ графское достоинство. См. «Русскую Старину», XXXIX, 585.

[2]) Извѣстное письмо отъ 13-го сентября 1809 г., составленіе котораго приписывали Гавердовскому. Богдановичъ, «Императоръ Александръ II», 391, 9.

Власть его была неимовѣрна: въ крѣпости сажалъ безъ доклада государю. При мнѣ призванъ былъ егерскій шефъ, помнится, полковникъ Жилка, и разруганъ за то, что при полку нашелъ графъ Аракчеевъ множество чухонскихъ подводъ. Объясненія Жилки, что полкъ его новый, что онъ выступилъ съ двумя ротами изъ Сибири, формировалъ его, не останавливаясь, на маршѣ до Нѣмана, а оттуда тотчасъ по прибытіи, обращенъ въ Финляндію, обоза же не могъ онъ строить на походѣ, но заказалъ въ Москвѣ, который, вѣроятно, и готовъ теперь, въ такое привели изступленіе графа Аракчеева, что онъ, не помня себя, закричалъ: «Ты еще разговорился: нѣтъ, братъ, не старая пора; я царю сказалъ, что я за все отвѣчаю и чтобъ онъ въ мелочи не мѣшался; да и покамѣстъ буду отвѣчать, не одну шкуру съ васъ сдеру, ты сгніешь прежде у меня въ крѣпости, чѣмъ царь узнаетъ» — и съ симъ словомъ, обратясь къ адъютанту, графу Апраксину, сказалъ: «Отведи его въ крѣпость, а оттуда ступай въ Измайловскій полкъ, возьми обозъ, и чтобъ полкъ проходилъ чрезъ городъ съ своимъ обозомъ; а Измайловскій полкъ получитъ деньги на счетъ этого командира татарской орды!» Все въ одну ночь и исполнено.

Правившій въ Саратовѣ должность губернатора, Панчулидзевъ, въ указѣ названъ былъ по ошибкѣ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Покровительствовавшій его товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Козодавлевъ, воспользовался симъ и, подъ предлогомъ, что цари не ошибаются, поднесъ указъ о производствѣ; графъ Аракчеевъ, узнавъ о семъ отъ государя, тотчасъ поднесъ другой указъ, въ замѣну прежняго, съ названіемъ Панчулидзева статскимъ совѣтникомъ, послалъ фельдъегеря въ Саратовъ размѣнять указы и тѣмъ кончилъ недоумѣніе.

По удачномъ переходѣ Ботническаго залива, когда рѣшено возвратиться въ Або, и князь Багратіонъ пришелъ на Аландъ за приказаніемъ, графъ Аракчеевъ встрѣтилъ его

поздравленіемъ съ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи; а ко мнѣ обратясь, сказалъ: «Вотъ Василій Романовичъ и приказъ заготовитъ къ пріѣзду государя о производствѣ васъ и Барклая, которому можете послать (за 600 верстъ) и поздравить заранѣе». Въ самомъ дѣлѣ, по пріѣздѣ государя въ Або, тотчасъ приказъ объявленъ, а главнокомандующій Кноррингъ удалился послѣ сего изъ арміи въ деревню.

Врожденному честолюбію и властолюбію гр. Аракчеева много способствовало и баловство. Ростовскому полку велѣно называться его именемъ, потомъ бить барабанъ, когда онъ идетъ или ѣдетъ; подарена царская яхта, содержаніе которой въ Грузино стоило адмиралтейству столько же, какъ бы она за границею находилась. Все это давалось потому, что гр. Аракчеевъ не принималъ ни фельдмаршальскаго сана, ни Андреевскаго ордена. Повторяю: онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ быть равнымъ.

Льстецовъ и сродниковъ жаловалъ онъ и награждалъ; но, прогнѣвавшись, мстилъ имъ наравнѣ съ другими. Полковникъ Тишинъ сердечный былъ другъ его, за языкъ, но по выходѣ графа Аракчеева изъ министерства, проговорился, что «онъ не понялъ образованія совѣта 1810 г., которое подмыло его, какъ крѣпкій дубъ водопольемъ». Это дошло до гр. Аракчеева, и онъ таился два года, но въ 1812 г., взявъ опять силу, такъ наложилъ руку, что нѣсколько представленій кн. Барклая-де-Толли о производствѣ Тишина въ генералъ-маіоры и о наградѣ орденомъ 3-го Георгія остались безъ дѣйствія; послѣ и при отставкѣ даже не дано чина. Генералъ-маіоръ Бухмейеръ, указавшій нѣкогда дорогу Аракчееву въ Гатчино и заплаченный имъ за то впослѣдствіи, былъ друженъ съ нимъ до униженія (осматривая каждое утро конюшни и кухню) и, по окончаніи французской войны, употребленъ по новгородскому военному поселенію. Тогда не было еще ни комитета, ни совѣта, ни штаба по сей части, и все дѣлалось по домашнему. Но огромность затѣй и издержекъ, и страхъ, что вый-

детъ изъ мужиковъ, цѣлыми волостями обученныхъ военному ремеслу, избавленныхъ отъ податей и еще получающихъ отъ казны не только для себя и дѣтей обмундировку, но домà, какъ дачи устроенные, привели Бухмейера въ недоумѣніе: онъ прикинулся, или въ самомъ дѣлѣ началъ бредить о бѣдѣ и отвѣтѣ, и отпущенъ съ большимъ содержаніемъ для излѣченія. Проживъ года три въ Орловской деревнѣ своей и думая, что съ новымъ устройствомъ штаба, комитета и прочаго, разстался онъ навсегда съ военнымъ поселеніемъ и числится по артиллеріи, только что пріѣхалъ съ женою въ Петербургъ, дня за два до Петергофскаго праздника, какъ гр. Аракчеевъ узнаетъ о томъ и о добромъ здоровьи Бухмейера, и присылаетъ въ обѣдъ, 21 іюля, полиціймейстера Чихачева съ высочайшимъ повелѣніемъ: выслать Бухмейера съ женою въ Чугуевъ (гдѣ было также военное поселеніе), сопроводить до первой станціи и, въ самый праздникъ 22 іюля, отрапортовать объ исполненіи, такъ рано, пока гр. Аракчеевъ еще не пойдетъ во дворецъ.

Барклая возненавидѣлъ онъ съ той поры, какъ, сверхъ ожиданія своего, увидѣлъ его утвердившимся на постѣ министра и пользующимся довѣренностію царя и всею помпою, изобрѣтенною гр. Аракчеевымъ лично для себя. Удаленіе Барклая изъ арміи послѣ Бородинскаго сраженія успокоило духъ ненависти къ нему гр. Аракчеева, и онъ безстыдно разсказывалъ мнѣ, какъ пріѣзжему изъ Сибири, при гостяхъ, за обѣдомъ или за чаемъ, о неспособности Барклая, гордости и вмѣстѣ подчиненности женѣ, жадности къ деньгамъ, такъ что содержаніе его, какъ министра, было въ 80 тыс. и проч. Но неожиданное возстаніе Барклая опять раскрыло характеръ графа Аракчеева. По назначеніи его, на мѣсто Чичагова [1]), главнокомандующимъ той арміи, которая шла осаждать Торунь, онъ пріѣхалъ въ началѣ 1813 г. на почтовыхъ изъ Эст-

[1]) Павелъ Васильевичъ, 1762—1849, авторъ „Mémoires inédits de Tchitchagoff". Paris, 1837.

ляндіи въ Полоцкъ, чтобы представиться государю. Небольшой разоренный этотъ городокъ заваленъ былъ постоемъ, по случаю переправы чрезъ Вислу, и Барклай, на сутки только пріѣхавшій, рѣшился не хлопотать о квартирѣ, а остановившись на почтовомъ дворѣ, пошелъ во дворецъ, гдѣ и приглашенъ былъ къ обѣду. Пользуясь остающимся до того временемъ, старикъ побрелъ явиться къ кн. Кутузову и гр. Аракчееву; но Аракчеевъ, жившій за версту отъ дворца, завидѣвъ въ окно Барклая, идущаго по грязи, пѣшкомъ, не сказался дома. Въ слѣдъ затѣмъ велѣлъ принести изъ придворной кухни три блюда; и я, работавшій съ нимъ утро и вечеръ, приписалъ все это занятіямъ, никакъ не предполагая, чтобы онъ остался обѣдать дома, единственно избѣгая встрѣчи съ Барклаемъ. Старикъ, получивъ приказанія государя и откланявшись, притащился опять вечеромъ къ гр. Аракчееву, но онъ отозвался больнымъ; нечего дѣлать: остался ночевать и въ 7-мъ часу утра явился въ шарфѣ, какъ объяснилось послѣ, съ просьбою доложить государю о назначеніи ему столовыхъ денегъ. Вотъ ужъ натѣшился гр. Аракчеевъ: заставилъ ждать въ комнатѣ, гдѣ одинъ лакей чистилъ сапоги, а другой разливалъ чай; потомъ вышелъ въ шлафрокѣ, извиняясь, что, отвыкнувъ отъ визитовъ, особливо такихъ раннихъ, онъ не одѣтъ, да и не очень здоровъ, не попросилъ садиться, а выслушавъ просьбу, отозвался, что это не по его части, ибо онъ секретарь государя, не больше, и пишетъ только то, что ему прикажутъ. Барклай, уѣзжая изъ Полоцка, писалъ, однако, письмо, чтобы доложилъ государю о столовыхъ, и гр. Аракчеевъ, возвратясь съ докладами, сказалъ мнѣ, что назначено 12 тыс. Я заготовилъ рескриптъ министру финансовъ объ ассигнованіи сей суммы серебряною монетою, какъ слѣдовало за границею; но на другой день, получа Аракчеевы доклады и указы, удивился, что въ рескриптѣ слово «серебромъ» пропущено. Спрашиваю кантониста, при немъ бывшаго, Леонова, и узнаю, что графъ Аракчеевъ приказалъ ему переписать въ

такомъ видѣ присланный мною рескриптъ. Мщеніе гнусное! Когда Барклай поступилъ на мѣсто Кутузова, то самъ докладывалъ и получилъ серебромъ; но государь отнесъ это къ ошибкѣ своей канцеляріи.

Оправясь отъ болѣзни, готовился я въ дорогу, дабы успѣть до зимы въ Томскъ. Наконецъ, распродавъ ненужныя вещи и заведясь экипажами, пустились 20-го августа 1810 г. въ дорогу всѣмъ домомъ. Жена, двѣ старшія дочери, третья Лиза двухъ мѣсяцевъ, съ кормилицею и мамка были въ каретѣ; я съ нѣмкою въ коляскѣ; братъ ѣхалъ самъ по себѣ, впереди, для заготовленія лошадей; двѣ женщины въ особой кибиткѣ, да четверо было мужчинъ и сибирскій казакъ. Благодареніе Богу, не взирая на всѣ препятствія отъ осенняго времени, мы достигли Томска, 20-го октября, всѣ здоровыми. Въ пути имѣли отдыхи: однѣ сутки въ Чудовѣ (чтобы съѣздить оттуда проститься съ гр. Аракчеевымъ), двое сутокъ въ Твери (у Юрченки), трое сутокъ въ Москвѣ, однѣ сутки подъ Владиміромъ (за лошадьми), однѣ сутки въ Нижнемъ (за кибиткою), трое сутокъ въ Казани, двое сутокъ на заводѣ Шаховской (для починки коляски), трое сутокъ въ Ревдѣ (у Зеленцовыхъ), и недѣлю на Иртышѣ. Слѣдовательно, не съ большимъ въ мѣсяцъ проѣхали 4.500 верстъ.

Первые мѣсяцы, занявшись со всѣмъ усердіемъ новою службою, не примѣтилъ я скучной жизни въ Томскѣ; но впослѣдствіи сдѣлалась она непріятною и переписка съ генералъ-губернаторомъ становилась горячѣе время отъ времени. Мнѣ крайне было больно замѣчать родъ какого-то подозрѣнія на дѣйствія, гдѣ все вниманіе обращено было со стороны моей, чтобы откупщики не обманывали правительство, и я, отправивъ письмо къ Пестелю, въ такомъ смыслѣ, что его сбиваетъ кто-нибудь, что честному человѣку больно заниматься оправданіями, и что лучше бы ему сдѣлать повѣрку на мѣстѣ

всѣмъ тремъ губерніямъ, изъ коихъ по одной только моей никто его не бранитъ, не злословитъ — предупредилъ жену, что не останусь долго въ Сибири, и началъ заранѣе запасаться бричками, вмѣсто бывшихъ прежде кибитокъ, задерживавшихъ меня въ дорогѣ.

Ласковыя письма Пестеля были уже для меня неимовѣрны. Я все держалъ себя на той ногѣ, чтобы, при первой непріятности, бросить службу и чтобы ни съ какой стороны нельзя было сдѣлать ко мнѣ привязки, какъ началась война съ французами, и особенныя попеченія, по должности моей востребовавшіяся, заставили забыть свою личность. Назначенный сборъ рекрутъ остановилъ отъѣздъ мой по губерніи; присутствіе должно было открыться въ сентябрѣ, и я цѣлое лѣто отдѣлывалъ госпитальный садъ, для гулянья, и устроилъ въ немъ огромную бесѣдку, при входѣ въ которую посадилъ два кедра, на тридцати лошадяхъ привезенные. Обязанъ будучи, по должности, дать праздникъ 30-го августа, я назначилъ обѣдъ въ новой бесѣдкѣ и распорядился, чтобы сей садъ, съ рѣшеткою, великолѣпно былъ иллюминованъ, пригласивъ на вечеръ всѣхъ безъ разбора на гулянье; и похвастаюсь, что въ сей вечеръ Томскъ увидѣлъ гуляющихъ татарокъ, бывшихъ до того въ заперти.

Я велѣлъ разбудить себя въ 6 часовъ утра, чтобы похозяйничать, принять чиновниковъ, съѣздить въ церковь и послѣ заняться угощеніемъ цѣлый день и ночь, и, разумѣется съ сею мыслью заснулъ не скоро и спалъ дурно, какъ начинаютъ уже будить. Смотрю на часы—вижу 5-й, и думаю, что человѣкъ ошибся; но онъ докладываетъ, что курьеръ пріѣхалъ. Выхожу тотчасъ въ кабинетъ и, Боже праведный! какое принесу Тебѣ благодареніе? Хотя курьеръ изъ Тобольска, но онъ смѣнилъ петербургскаго и привезъ указъ, чтобы, сдавъ должность, немедленно слѣдовалъ я въ мѣстопребываніе государя, для особыхъ порученій. На проѣздъ дано мнѣ 5.000 руб. и въ то же время пожалованъ я въ дѣйствительные статскіе

совѣтники; а гр. Аракчеевъ объявилъ высочайшее повелѣніе, чтобы я узнавалъ дорогою о мѣстопребываніи государя и слѣдовалъ туда, сколь можно поспѣшнѣе. Итакъ, опять неожиданная со мною перемѣна, опять покровительство Божіе!

Передъ тѣмъ только доставлены 6.000 руб., взысканные съ Нарышкина [1]), 5.000 руб. еще пожаловано на проѣздъ; можно сказать. что праздникъ нашъ 30-го августа сдѣлался и богаче, и веселѣе. Одна лишь жена плакала отъ радости и отъ печали, ибо не могла ѣхать со мною и потому уже, что за наводненіемъ Россіи непріятелемъ не зналъ бы я, гдѣ оставить семейство.

Въ четыре дня, сдавъ должность и отслуживъ молебенъ, пустился я въ дорогу 5-го сентября. Тутъ только увидѣлъ, сколь любимъ я былъ въ губерніи. 200 верстъ провожали меня чиновники, и купечество угощало на двухъ станціяхъ. Наконецъ, 7-го числа, распрощавшись въ Чаусскомъ, благополучно переѣхалъ Обь и Иртышъ, и 14-го сентября пріѣхалъ въ Тобольскъ, сдѣлавъ лишній даже крюкъ, чтобы видѣть сей городъ въ первый и послѣдній разъ.

Отобѣдавъ 15-го числа у губернатора фонъ-Брина, доѣхалъ я, не останавливаясь, до Екатеринбурга и долженъ былъ прожить въ немъ двое сутокъ, въ ожиданіи почты, ибо предыдущая ничего не привезла изъ Москвы, и сомнѣніе было, не занята ли уже столица сія непріятелемъ. Какъ и со второю почтою ничего получено не было, то рѣшился я пуститься въ Пермь, чтобы, судя по тамошнимъ вѣстямъ, или продолжать путь на Казань, или ѣхать въ Вологду. Въ Перми заѣхалъ я прямо къ почтмейстеру Красикову, почтенному старику, угощавшему меня въ первомъ пути; но онъ также, бывъ въ недоумѣніи, совѣтовалъ мнѣ остаться на сутки, пока придетъ московская почта. Вечеромъ, за чаемъ, привезли Спе-

---

[1]) Александръ Львовичъ, 1760—1826, оберъ-камергеръ, канцлеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ.

ранскаго, и я тотчась просилъ къ себѣ частнаго пристава [1]), его привезшаго. По секрету сказалъ онъ мнѣ, что Москва со 2-го сентября въ рукахъ непріятеля, и что онъ посланъ графомъ Толстымъ [2]) изъ Нижняго, гдѣ новыя формируютъ силы. По утру, повидавшись съ губернаторомъ Гермесомъ [3]), старикомъ не мудрымъ и трусливымъ, поѣхалъ я прямо въ Казань, въ которой не только не нашелъ квартиры, но и на улицахъ не было мѣста отъ людей, бѣгущихъ отъ непріятеля. Отобѣдавъ у почтдиректора, на вечеръ пустился я въ путь и на первыхъ станціяхъ имѣлъ большія затрудненія отъ Сената и Оружейной палаты, подводами которыхъ и дороги, и поля заняты были; но въ ночь на 1-е октября прибылъ въ Чебоксары. День сей памятенъ мнѣ потому, что кузнецъ не брался починить къ утру брички моей, и я просилъ помощи у городничаго Брежинскаго, прекраснаго человѣка, умнаго и давшаго мнѣ идею о внутренней стражѣ, вновь заведенной, послѣ чего не имѣлъ онъ въ распоряженіи своемъ ни души, которую бы послать могъ за кѣмъ-нибудь. Позавтракавъ у него, 1-го октября прибылъ благополучно въ Нижній и остановился у предсѣдателя Юрьева; другой квартиры я здѣсь не нашелъ бы, ибо многія присутственныя мѣста изъ Москвы туда прибыли, равно какъ и арестанты изъ московскаго острога. Здѣсь формировалъ войска князь Лобановъ-Ростовскій и ополченіе— гр. Толстой; тутъ же были и шары, которыми занимался Ростопчинъ. Никогда не забуду я сего пути. Вся дорога отъ Казани до Нижняго уподоблялась петербургскому празднику: ни одного угла не было пустаго и 5 руб. стоило добиться горячей воды для чаю.

По самой дурной дорогѣ добрался я до Костромы и не имѣлъ тутъ лошадей, потому что фельдъегерскій офицеръ (Штосъ, помнится) забиралъ 70 лошадей подъ какого-то мни-

---

1) Шипулинскаго.

2) Сергѣемъ Васильевичемъ, нижегородскимъ вице-губернаторомъ.

3) Богданомъ Андреевичемъ, позже сенаторомъ.

маго Шмита, съ швеями, который хотѣлъ воевать на аэростатѣ, въ томъ же обозѣ везомомъ для окончанія въ Ораніенбаумѣ [1]).

Выпросивъ у Штоса лошадей, чтобы не мѣшалъ мнѣ впереди,—пріѣхалъ я на ночь въ Ярославль, гдѣ все уложено было и лошади стояли въ хомутахъ. Почтмейстеръ, старикъ, напуганный трусъ, не могъ дать мнѣ никакого совѣта. Угощенный чаемъ, въ видѣ откровенности, онъ сказалъ только, что нѣсколько разъ въ день сочиняются у великой княгини Екатерины Павловны бюллетени, что ихъ свободно ходятъ всѣ читать во дворецъ, но не вѣрятъ имъ, ибо все изъ дворца вывезено и для великой княгини стоятъ лошади въ хомутахъ, тогда какъ бюллетени успокоиваютъ каждаго: что приходящіе изъ уѣздовъ безпрестанно говорятъ о появленіи въ ихъ мѣстахъ французовъ, и что, по сегодняшнимъ вѣстямъ, одна непріятельская колонна пошла къ Рыбинску.

Мнѣ двѣ дороги предлежали изъ Ярославля: чрезъ Рыбинскъ и Тихвинъ, по которой девять сутокъ фельдъегеря ѣхали; и другая, вновь проложенная, чрезъ Бѣжецкъ на Вышній-Волочекъ. Не добившись ничего отъ ярославскаго почтмейстера, сѣлъ я въ бричку свою въ 11 часовъ ночи, и, въ

---

[1]) «Настоящая фамилія его, скрываемая будто бы отъ Наполеона, была Леппихъ. Въ Ораніенбаумѣ работалъ онъ во дворцѣ, по секрету, и государь нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ нему изъ Петербурга. Въ исходѣ ноября назначилъ онъ день, въ который прилетитъ въ 7 часовъ вечера въ Таврическій садъ. Послали туда фельдъегеря и адъютанта гр. Аракчеева, Тизенгаузена, чтобы первый тотчасъ скакалъ сюда, коль скоро шаръ поднимется, а послѣдній прилетѣлъ бы вмѣстѣ съ Шмитомъ. Въ ожиданіи фельдъегеря, государь и Аракчеевъ сидѣли одѣты; но въ 8 часовъ пріѣзжаетъ Тизенгаузенъ и доноситъ, что шаръ лопнулъ, прежде, чѣмъ поднялся. Былъ ли Шмитъ неудачный мастеръ, или шарлатанъ (по мнѣнію гр. Аракчеева), я не знаю, только много извелъ денегъ. При отъѣздѣ изъ Петербурга, мы передали его на руки канцлера гр. Румянцова; въ 1814 г. проявился онъ въ главной квартирѣ, около Труа, и исчезъ. Съ той поры не слышалъ я уже ни объ немъ, ни о томъ, куда дѣвался шаръ». О Францѣ Леппихѣ и его воздушномъ шарѣ см. «Сборникъ историческихъ матеріаломъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи» выпуски I и II.

упованіи на Бога, ни слова не сказалъ ямщику, по какой дорогѣ ѣхать. Въ теченіе ночи изломались двѣ оси, и кое-какъ утромъ добрался я до деревни. Вхожу въ избу и съ удивленіемъ вижу, что парикмахеръ чешетъ какого-то дюжаго мужчину. Попотчивавъ его чаемъ, узнаю, что я на новопроложенной дорогѣ, и что чопорный мой баринъ есть дворянинъ, ускользнувшій отъ ополченія и избравшій себѣ должность станціоннаго смотрителя; похвалился онъ при томъ, что у него 300 душъ... Вѣсти, имъ сообщенныя, состояли въ томъ, что ночью прибѣжала внутренняя стража изъ ближняго города, и что въ Рыбинскѣ непріятель, слѣдовательно, дорога и назадъ мнѣ отрѣзана. День насталъ прекраснѣйшій и рѣшилъ меня пуститься впередъ, ибо, встрѣтясь съ непріятелемъ, надѣялся я уйти на эту же станцію. Встрѣчные на дорогѣ подтвердили, что непріятель точно подходилъ къ городу (кажется, Бѣжецку), но, увидя, что жители не разошлись, воротился ночью къ Дмитрову. На другой станціи встрѣтилъ я толпу французовъ, во плѣнныхъ, сопровождаемыхъ бабами, подъ командою Измайловскаго унтеръ-офицера, который увѣдомилъ меня, что на пути моемъ къ Угличу одинъ страхъ, а непріятеля вовсе не было. Прибывъ въ Угличъ, въ полночь, нашелъ я ополченіе Ярославское, со всею строгостью занявшее посты по улицамъ и переправы. Должно отдать всю справедливость тогдашнему распоряженію: мужики, отъ сохи взятые, дворовые люди, унтеръ-офицерами наименованные, только-что на ночь пришли въ городъ, на мостовыхъ и въ полѣ расположились бивуаками и, соблюдая тишину, превѣжливо разспрашивали меня и смотрѣли подорожную. Даже дисциплина замѣчена мною.

Изъ Углича, безъ дальныхъ уже хлопотъ, выбрался я на большую Московскую дорогу, въ Волочекъ, и безпрепятственно прибылъ въ обѣденное время 23-го октября, въ Петербургъ.

Остановясь въ Демутовомъ трактирѣ, тотъ же вечеръ навѣстилъ Случевскаго и Жеванова, а по утру явился къ графу

Аракчееву, который объявилъ, чтобы въ воскресенье (дня черезъ два) представился я государю.

Съ самаго пріѣзда моего начали приходить пріятныя вѣсти. Тотъ же самый вечеръ иллюминація возвѣстила взятіе Полоцка, а послѣ извѣстно, какими главными побѣдами ознаменовались послѣдніе мѣсяцы 1812 года.

Представившись государю, удостоился я лестнаго отзыва на счетъ службы моей и разговора о дѣлахъ иркутскихъ; заключеніе же состояло въ томъ: «Я выписалъ тебя въ помощь графу Алексѣю Андреевичу (Аракчееву). Теперь у насъ дѣла много; трудись съ нимъ».

3-го ноября, для умноженія содержанія моего, зачисленъ я въ Государственный Совѣтъ помощникомъ статсъ-секретаря, что̀ прибавило 3.000 р. жалованья. Работы, дѣйствительно, столько было, что ночи лишь оставались мнѣ для отдыха. Въ одинъ день оканчивались вступавшія бумаги; по нѣскольку курьеровъ пріѣзжало изъ арміи и отъѣзжало въ сутки. Бумагъ вступало и по военной части, и по министерствамъ множество, въ томъ числѣ на иностранныхъ языкахъ; а помощниковъ у меня было только два: Танѣевъ [1]) (больше для переводовъ) и Немировскій да три человѣка писцовъ кантонистовъ. Неутомимое усердіе вознаградило, однако, недостатокъ въ людяхъ. Государь также изволилъ множество писать бумагъ собственноручныхъ; черновой указъ, какъ бы измаранъ ни былъ, въ томъ самомъ видѣ, посылаемъ былъ Его Величеству, перемарывался и опять отправляемъ былъ къ подписанію. Отъ сего, тысячи бумагъ во время войны писаны моею рукою, прямо на-бѣло, чтобы не останавливаться перепиской. Такъ прошло время до 6-го декабря 1812 года, когда, безъ дальнихъ пріуготовленій, изволилъ государь отправиться къ арміи, въ Вильно. 7-го числа ночью отправилась и канцелярія, получившая съ сей минуты названіе Собственной Его

[1]) Александръ Сергѣевичъ, 1785—1866 гг., позже статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта.

Императорскаго Величества. На разсвѣтѣ 12-го декабря прибылъ я въ Вильно. При отъѣздѣ изъ столицы, даны всѣмъ деньги на подъемъ, и я получилъ 3.000 руб. асс.

Мѣста отъ Невеля были всѣ разорены; здѣсь взята была прямая линія къ Вильнѣ; выставлены артиллерійскія лошади, и среди жестокихъ морозовъ ѣхали мы по трупамъ отъ самаго Полоцка! Не говорю объ ужасахъ, на пути семъ бывшихъ, и что случалось, вмѣсто скамейки, садиться за столъ на мертвыхъ, прикрытыхъ соломою; цѣлыя книги наполнены этою картиною бѣдствія французовъ!

Четырнадцать дней работали мы въ Вильнѣ такъ же, какъ въ Петербургѣ, имѣя прегнусную, холодную квартиру, и такую оттепель, что по колѣно въ водѣ переходить должно было улицу къ графу Аракчееву, а ночью возвращался я всегда по лѣстницѣ, устланной мертвыми французами, которые въ безсиліи обыкновенно искали мѣста подъ воротами, или по лѣстницамъ, чтобы умереть спокойно. Наконецъ, прибылъ изъ Великихъ Лукъ лѣтній обозъ государя, съ флигель-адъютантомъ Альбедилемъ [1]); экипажи получили назначеніе, и на третій день праздника Рождества Христова объявленъ походъ.

Разоренными селеніями дошли мы до Меречи, и канцеляріи досталась квартира въ кляшторѣ, на берегу Нѣмана, гдѣ оставалось двое стариковъ-бернардиновъ, полунагихъ и безъ пищи. Цѣлую ночь не дали мнѣ спать глухіе звуки, похожіе на то, какъ будто что отваливалось отъ строенія; по утру вижу въ огородѣ подъ окнами мертвыя тѣла. Любопытство повело меня по огромной парадной лѣстницѣ во второй этажъ кляштора, и я съ ужасомъ отступилъ, увидя залы, набитые французами мертвыми и полуживыми, грызущими своихъ сосѣдей. На повѣрку вышло, что бернардины выбрасываютъ изъ оконъ тѣхъ, которые кое какъ выползутъ въ корридоръ и заграждаютъ проходъ. Это были несчастные больные, бро-

---

[1]) Барономъ Петромъ Семеновичемъ, 1770—1830 гг.; позже оберъ-гофмейстеръ.

шенные безъ призора, безъ пищи, а бернардины наканунѣ только пришли и сами въ кляшторъ. Государь, узнавъ объ этомъ, тотчасъ приказалъ подать помощь, кому можно. Цѣлый казачій полкъ употребленъ былъ на очистку комнатъ; въ сутки болѣе 300 труповъ вынесено было изъ кляштора и опущены въ Нѣманъ; столько же оставалось неиспустившихъ еще духъ, но сомнительно, увидѣлъ ли кто изъ нихъ отеческій кровъ, ибо не помнили они и того даже, какъ давно не ѣли!

Въ Вильнѣ поручено было генералу Эртелю [1]) очистить городъ отъ труповъ и сжечь ихъ. На площади стоитъ огромный костелъ, который нашли заваленнымъ до такой степени, что двери не отворялись, и надобно было изъ оконъ купола выбрасывать тѣла. Послѣ узнали, что госпитальные чиновники, корыстуясь деньгами, положенными по штату на погребеніе, изобрѣли такое средство: скоплять умершую свою братію до весны, чтобы, съ открытіемъ рѣки, пустить ихъ въ море однимъ пріемомъ.

1-го января 1813 г., послѣ молебствія, перейденъ Нѣманъ, а въ первыхъ числахъ января главная квартира расположилась въ Калишѣ. Въ сіе время познакомился я съ походною жизнью и пріучилъ себя къ будущимъ недостаткамъ и неудобствамъ въ пути. Содѣйствіемъ Безроднаго [2]), фельдмаршалъ Кутузовъ поравнялъ содержаніе наше съ интендантскими чиновниками, и отъ сего времени были мы уже съ деньгами.

Мои соображенія о войнѣ 1812 года.

Эпоха отечественной войны описана въ множествѣ книгъ но справедливость ихъ отношу я единственно къ битвамъ и числу войскъ, а за остальное не держу пари ни рубля. По-

[1]) Ѳедору Ѳедоровичу, 1768—1825.
[2]) Василія Кирилловича, сенатора.

*

слѣднее сочиненіе генерала Михайловскаго-Данилевскаго, которому, по высочайшей волѣ, открыты были всѣ архивы, должно быть вѣрнѣе прочихъ; только я, грѣшный, при полномъ уваженіи къ достоинствамъ и уму Александра Ивановича, не полагаюсь на правдивость его, видя, что онъ выставляетъ себя (примѣч. черезъ 20 лѣтъ) какимъ-то близкимъ дѣйствующимъ лицомъ у фельдмаршала Кутузова и императора Александра; и болѣе, что онъ чрезчуръ ужъ льститъ нѣкоторымъ вельможамъ, играющимъ теперь важныя роли — отчего и звѣзды получаетъ за книги и о фрейлинствѣ дочерей своихъ говоритъ, какъ объ обстоятельствѣ, зависящемъ отъ него: «сегодня представлю, и фрейлина!» Мнѣ доподлинно извѣстно, что до 1830 г. не былъ онъ фаворитомъ ни князя Петра Михайловича Волконскаго, ни графа Александра Ивановича Чернышева; даже чрезъ меня искалъ у послѣдняго изъ нихъ, чтобы назначили его въ турецкую армію. Отчего же съ изданія книжекъ явилась со стороны ихъ такая протекція? А насчетъ 1812—1815 годовъ скажу, что въ 1812 г. вступилъ Михайловскій-Данилевскій [1]) въ ополченіе и былъ зачисленъ въ канцелярію главнокомандующаго такъ же, какъ В. А. Жуковскій и другіе милиціонеры, не знавшіе военной службы. Въ одно сраженіе, примкнувъ къ толпѣ, ѣздившей за Коновницынымъ, раненъ въ ладонь пулею [2]), а весною 1813 г. переименованъ изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ армейскій чинъ и послѣ переведенъ въ квартирмейстерскую часть. Вслѣдъ затѣмъ князь Кутузовъ-Смоленскій скончался. Спрашивается: когда же и отчего

---

[1]) Онъ очутился за границею, съ дѣтьми графа Заводовскаго. Походъ Наполеона въ 1812 году заставилъ Данилевскаго оставить университетъ и ѣхать въ Россію. Прибывъ въ Петербургъ, опредѣлился въ министерство финансовъ; но вскорѣ послѣ того поступилъ, по сдѣланному правительствомъ воззванію, въ ополченіе.

[2]) Въ одно время раненъ и почтамтскій чиновникъ (теперь дѣйств. стат. совѣт.) Доливо-Добровольскій—доказательство, что и статскіе толпились безъ надобности около Коновницына.

могъ быть Данилевскій, молодой мальчикъ, близкимъ къ Кутузову, у котораго были Коновницынъ, Толь, Безродный, Фуксъ, Скобелевъ и другіе, каждый по своей части?

Весь 1813-й годъ и до вступленія нашего въ Парижъ Данилевскій былъ въ канцеляріи князя П. М. Волконскаго, которою управлялъ полковникъ Селявинъ; на Вѣнскомъ конгрессѣ и до вторичнаго пріѣзда въ Парижъ (Данилевскій) находился при князѣ Волконскомъ по дворцовой части, завѣдывая расходомъ денегъ и драгоцѣнныхъ вещей; да и въ 1816 году былъ не больше, какъ капитанъ. По этимъ должностямъ и чинамъ можно судить о хвастовствѣ Михайловскаго-Данилевскаго.

Не мое дѣло описывать войну 1812 г., а разскажу, что видѣлъ и слышалъ я, по возвращеніи моемъ изъ Сибири.

Петербургъ нашелъ я въ болѣзненномъ какомъ-то состояніи; лица мрачныя и на улицахъ полная тишина. Иначе и быть не могло: еще не перестало навѣвать пепломъ изъ Москвы, войска въ походѣ, много статскихъ чиновниковъ пошло въ ополченіе, всѣ послы, кромѣ англійскаго, оставили Россію, французская труппа распущена, Большой театръ сгорѣлъ и оставался одинъ только маленькій деревянный. Эрмитажъ, библіотеки, ученые кабинеты и дѣла всѣхъ присутственныхъ мѣстъ вывезены водою на сѣверъ, чѣмъ воспользовались и служащіе, присоединивъ свои ящики къ казеннымъ, такъ что у графа Аракчеева, напр., было въ домѣ не болѣе трехъ ложекъ. Затѣмъ всѣ жили, по пословицѣ, на мази: кто могъ, держалъ хотя пару лошадей, а прочіе имѣли наготовѣ крытыя лодки, которыми запружены были каналы. Закрытіе банка и ломбарда, съ пресѣченіемъ присылки доходовъ изъ деревень, сдѣлало то, что монетный дворъ не успѣвалъ перечеканивать въ монету приносимыхъ сервизовъ. О званыхъ обѣдахъ и помину не было. Грустное это положеніе дѣлъ, неизвѣстность о будущемъ и самое осеннее время раздирали сердце добраго Александра. Какъ будто убѣгая людей, жилъ

онъ до ноября на Каменномъ острову, и графъ Аракчеевъ едва могъ отдѣлываться отъ приглашеній императрицы Маріи Θеодоровны къ обѣду, зная, что она станетъ любопытствовать, и ему придется или лгать, или невѣжливо отмалчиваться и пожимать плечами. Не хотѣли даже, чтобы знали о пріѣздѣ курьеровъ изъ арміи, и ихъ направляли отъ шлахбаума по Лиговкѣ во дворъ графа Аракчеева; здѣсь отбирались депеши, а курьеровъ отдавали на руки командиру фельдъегерскаго корпуса Касторскому, жившему въ домѣ, гдѣ теперь выстроенъ штабъ военныхъ поселеній. Тутъ жили они сутки и двое, а иногда отправляемы были и обратно, не видавъ города, чтобъ не болтали. Изъ этого смѣшные бывали анекдоты, а однажды вышелъ и серьезный.

Жена Павла Сергѣевича Ланскаго [1]), страстная мать, имѣла извѣстіе, что сынъ ея, офицеръ гвардіи, посланъ будетъ слѣдующимъ курьеромъ, и, разболтавъ радость свою, переселилась сперва въ Ижору, а потомъ въ Померанье. Сынъ не могъ оставаться съ нею на станціи больше того времени, какъ запрягли тройку, и полетѣлъ въ Петербургъ, а она притащилась вечеромъ и, по пути, заѣхала къ женѣ фельдмаршала Кутузова [2]), заявить, что у сына есть письмо къ ней отъ мужа, съ посылкою. Удивилась старуха, не найдя сына дома, прошло и время ужина; она къ Аракчееву: здѣсь отвѣчаютъ, что нѣтъ курьера изъ арміи, на шлахбаумѣ отвѣтъ такой же; бросается въ Ижору и у станціоннаго смотрителя находитъ въ книгѣ, что Ланской проѣхалъ, но ямщикъ не воротился. Новая бѣда! прохлопотала всю ночь; но по утру добилась до того, что сынъ живой высаженъ на дворѣ у Аракчеева. Сама туда же, но отвѣтъ прежній. Она къ Кутузовой и, по дружескомъ совѣщаніи, прокляли Аракчеева. Старуха Кутузова, гордая, умная, отпустивъ Ланскую, ту же минуту принялась за перо и послала къ государю письмо, въ такомъ тонѣ, что

---

[1]) Александра Михайловна, рожденная Ханыкова.
[2]) Екатеринѣ Ильиничнѣ, рожденной Бибиковой.

она не допускаетъ въ себѣ низкой мысли о подозрѣніи государя насчетъ переписки ея съ мужемъ, но поступокъ съ Ланскою и задержка письма на цѣлыя сутки почти прямо указываютъ на перлюстровку; что это интриги и выслуга графа Аракчеева и проч. Государь личнымъ только врученіемъ письма и посылки успокоилъ раздраженную бабу. Но съ этого времени, тотчасъ уже по пріѣздѣ курьера, отсылались къ Кутузовой письма. Не прежде, какъ по полученіи донесенія о побѣдѣ подъ Краснымъ, сдѣлалось въ городѣ веселѣе.

О первоначальномъ планѣ войны мнѣ ничего неизвѣстно, и въ канцеляріи государя никакихъ слѣдовъ этого не было. Безъ сомнѣнія, планъ былъ; но, думаю, не рѣшительный и основанный на томъ собственно, чтобы не оставлять въ тылу у себя Литвы, не открывать военныхъ дѣйствій среди предателей-поляковъ. На Бѣлоруссію полагались видно больше, ибо при мнѣ еще, въ 1810 г., приступало военное министерство къ постройкѣ Динабургской и Бобруйской крѣпостей. Но если въ планѣ было заманивать французовъ еще далѣе, то было бы ближе, кажется, возобновить Могилевскія и Смоленскія укрѣпленія, чѣмъ начинать новыя, требовавшія многихъ лѣтъ и милліоновъ денегъ. Едва ли не предоставлялось все времени и обстоятельствамъ: отъ этого такое расположеніе войскъ нашихъ по границѣ, что арміи Барклая и Багратіона не могли соединиться прежде, какъ подъ Смоленскомъ, и на ретирадѣ должно было сожигать хлѣбные запасы, чтобы не достались непріятелю.

Въ Вильнѣ слѣдовали праздникъ за праздникомъ, въ ожиданіи Балашова изъ Варшавы, съ (благопріятнымъ, судя по сему) отвѣтомъ Наполеона. Извѣстно, что въ самый разгулъ, на балѣ, данномъ гвардіею, привезъ дипломатическій чиновникъ Вейдемейеръ извѣстіе, что французы переправляются чрезъ Нѣманъ, и съ нимъ поступили, какъ съ вѣстовщикомъ; но на завтра это подтвердилось. Балашовъ не возвра-

щался, и началась ретирада до Дриссы, гдѣ пруссакъ Фулль, принятый въ нашу службу генераломъ, устроилъ укрѣпленный лагерь. Тутъ положено было остановиться. Но когда прибыла армія Барклая, разнесся общій голосъ, что она содѣлается жертвою; тотчасъ приказано увозить орудія и что можно спасти изъ Динабурга, а прочее сжечь (причемъ отличился артиллерійскій полковникъ Тишинъ, вывезшій мѣдную монету и сжегшій ассигнаціи). Войска стали ретироваться къ Полоцку, имѣя одно въ предметѣ, какъ бы соединиться съ арміею Багратіона. Въ Полоцкѣ оставилъ государь армію Барклая и поспѣшилъ въ столицу устраивать ополченіе. Здѣсь вопросъ: на какомъ же пунктѣ предполагалось въ первоначальномъ планѣ стать твердою ногою противу непріятеля? Книга, изданная Шишковымъ [1]), показываетъ намъ рескриптъ къ Барклаю въ такомъ тонѣ, что государь обрадовался соединенію арміи подъ Смоленскомъ, удивляется новому отступленію и спрашиваетъ: что будетъ изъ этого? Не менѣе удивленъ былъ и Багратіонъ, какъ говорили тогда пріѣзжавшіе изъ арміи офицеры. Это заставило назначить Кутузова главнымъ начальникомъ и служитъ лучшимъ доказательствомъ, что до перехода французами границы нашей столько же было въ планѣ Барклая вести ихъ къ Смоленску, какъ и въ Москву, сдача которой такъ была неожиданна, что съ полученія извѣстія о томъ, тотчасъ стали вывозиться изъ Петербурга, да и самое донесеніе Кутузова заключается тѣмъ, что оставленіе Москвы есть неизбѣжное слѣдствіе потери Смоленска.

Послѣ Бородинскаго сраженія, князь Багратіонъ умеръ отъ раны, а Барклай удалился въ свою деревню, около Дерпта, и Кутузовъ, оставшись одинъ хозяиномъ, сдѣлалъ извѣстный маршъ въ Тарутино, скрывшій его отъ Наполеона,

---

[1]) *А. С. Шишковъ*, Собраніе высочайшихъ манифестовъ, грамотъ и рескриптовъ за 1812—1816 гг. Спб., 1816.

такъ что двѣ недѣли не могъ онъ добиться, гдѣ русская армія.

Въ Петербургѣ, послѣ сожженія Москвы, знали, что французы окружены нашими отрядами, что размножаются партизаны, что непріятелю затруднительно продовольствіе, что наши въ Тарутинскомъ лагерѣ укомплектовываются успѣшно, пользуются всѣмъ въ изобиліи и находятся въ хорошемъ духѣ; но долгое бездѣйствіе опять стало погружать всѣхъ въ уныніе. Графъ Аракчеевъ не скрывалъ отъ меня, что государь день ото дня болѣе дѣлается недоволенъ Кутузовымъ, и проговорился, что послалъ его въ армію не по своей волѣ. Слухи, что доступъ къ нему очень труденъ, что большею частію спитъ или сидитъ съ дѣвками, переодѣтыми въ казачье платье, происходили отъ писемъ Беннигсена, вѣрившаго человѣку, при немъ бывшему, флигель-адъютанту князю Сергѣю Голицыну. Когда дѣла приняли хорошій оборотъ, то князь Кутузовъ, свѣдавъ объ ихъ интригахъ, выжилъ обоихъ изъ арміи и послѣ, не знаю уже почему, отправленъ былъ Голицынъ изъ Калиша съ фельдъегеремъ въ Грузію, но по кончинѣ Кутузова возвращенъ. Казачковъ же я самъ видѣлъ впослѣдствіи: они конвоировали старика, дѣлавшаго переходы на парныхъ дрожкахъ, и одинъ изъ нихъ былъ сынъ камердинера его, лѣтъ 16-ти, точно какъ переодѣтая дѣвочка.

Если бы крайность не заставила Наполеона выйти изъ Москвы, то не знаю, что̀ бы предпринялъ Кутузовъ зимою. Въ свое время это было загадкою и для людей высшаго званія. Здѣсь занимались только формированіемъ новыхъ силъ и брали мѣры заслонять Петербургъ. Винцингероде наблюдалъ за непріятелемъ изъ Твери, позади его скоплялись ополченія Ярославское и Тверское, и тянулись около Смоленской границы къ Полоцку, чтобы подкрѣпить, въ случаѣ нужды, Витгенштейна и поставить его въ связь съ Винцингероде. Башкирцамъ дано было направленіе отъ Нижняго на Ярославль,

Угличъ и Волочекъ, вслѣдъ за ополченіемъ. Отъ Новгорода до Волочка набиралъ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ ямской конный полкъ, съ которымъ и ротою конной артиллеріи долженъ былъ идти къ Полоцку. Когда бы Наполеонъ бросился на Петербургскую дорогу, то вся эта масса и Витгенштейнъ долженствовали противостать ему, ожидая главнаго дѣйствія арміи Кутузова въ тылу у непріятеля; замѣнить же Витгенштейна на Двинѣ могъ Чичаговъ, шедшій съ свѣжими войсками изъ-за Днѣстра. Планъ сей хорошъ былъ и тѣмъ еще, что, при отступленіи Наполеона въ Литву, та же масса умножила бы корпусъ Витгенштейна, для нанесенія вреда непріятелю на маршѣ чрезъ Бѣлоруссію.

Неизвѣстность о намѣреніяхъ Кутузова и дурныя объ немъ вѣсти едва не довели государя до того, чтобы опять приняться за Барклая. Это заключаю я вотъ изъ чего: въ ноябрѣ поѣхалъ Аракчеевъ на два дня въ Грузино. Въ этотъ промежутокъ получаю я однажды отъ государя, между прочими бумагами, записку, чтобы прислать надежнаго фельдъегеря и бланкъ подорожной. Какъ приказанія подобнаго рода случались и прежде, то я ничего не подозрѣвалъ; но чрезъ нѣсколько дней заѣзжаю сдѣлать нужныя справки въ департаментъ (канцеляріи?) военнаго министра и нахожу директора онаго, Бижеича, въ хлопотахъ [1]). Сейчасъ былъ у него адъютантъ Барклая, Киверъ, и просилъ приказать отапливать министерскую квартиру (домъ, гдѣ теперь училище правовѣдѣнія), потому что на дняхъ Барклай пріѣдетъ. По возвращеніи гр. Аракчеева отъ государя, я удивилъ его сею новостью и послѣ узналъ, что требованный отъ меня фельдъегерь точно посыланъ былъ къ Барклаю. Вечеромъ, воротившись изъ дворца, сказалъ мнѣ гр. Аракчеевъ, что государь сконфузился, когда онъ доложилъ о скоромъ прибытіи сюда

---

[1]) У него недоставало на расходы канцелярской суммы; жена же Барклая, отъѣзжая въ деревню, забрала всѣ деньги за дрова и свѣчи, слѣдовавшія на квартиру мужа ея, Барклая-де-Толли.

Барклая; а спустя дня два государь отправился въ армію, чрезъ Полоцкъ и Невель. Нужно ли было избѣжать свиданія, я не знаю, но послѣ сказывалъ мнѣ генералъ-маіоръ Койленскій, что объ отъѣздѣ государя узналъ Барклай передъ Стрѣльною, что онъ думалъ воротиться въ деревню, но потомъ рѣшилъ, что, можетъ быть, императрица Марія Θеодоровна объявитъ ему волю государя, и, прибывъ въ столицу, остановился въ трактирѣ, нѣсколько разъ обѣдалъ у императрицы и, не получивъ, съ пріѣхавшимъ изъ Вильно уже фельдъегеремъ, никакого отъ государя приказанія, возвратился въ свою деревню. Беннигсенъ былъ хитрѣе, предвидѣлъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, что государь поспѣшитъ къ побѣдоноснымъ своимъ войскамъ, и, удаленный изъ арміи, не поѣхалъ московскою дорогою въ Петербургъ, а пробрался на бѣлорусскую, и государь, встрѣтивъ его, сверхъ ожиданія, въ Порховѣ, долженъ былъ провести съ нимъ на станціи столько минутъ, сколько требовалось на закладку тройки лошадей въ кибитку Его Величества.

Недолго, однако, прожилъ Барклай въ деревнѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ государя въ Вильно, Чичаговъ попросилъ увольненія и, при совѣщаніи государя съ Кутузовымъ, сей послѣдній откровенно отвѣчалъ, что противъ Барклая ничего не имѣетъ; но съ Беннигсеномъ служить не можетъ. Вслѣдствіе того Барклай назначенъ, вмѣсто Чичагова, главнокомандующимъ арміею, шедшею осаждать Торнь (по каковому случаю онъ и пріѣзжалъ въ Полоцкъ, гдѣ такъ низко поступилъ съ нимъ Аракчеевъ), а Беннигсенъ оставался въ Петербургѣ и послѣ смерти Кутузова, до той поры, какъ вздумали формировать въ Варшавѣ особую армію изъ приведеннаго графомъ Толстымъ Низоваго ополченія, съ прибавкою регулярныхъ войскъ. Ему ввѣрена была эта армія, и онъ едва поспѣлъ съ нею къ сраженію Лейпцигскому.

Впрочемъ, какъ бы кто ни думалъ о первоначальномъ планѣ войны, въ который, конечно, не входили ни оставленіе Москвы,

ни разореніе 5 мил. въ мѣстахъ, занятыхъ непріятелемъ, только, благодареніе Богу, война эта кончилась счастливо для Россіи. Армія французская, ужасная въ іюнѣ 1812 г., не существовала уже въ концѣ декабря.

Мы нашли своихъ въ Вильно хотя оборванными и во время Рождества въ лѣтнихъ панталонахъ, но отдыхающими на лаврахъ, добрыми и веселыми, а казаковъ богатыми до того, что, для облегченія лошадей, они продавали на рынкѣ мѣшочекъ наполеондоровъ или слитокъ серебра фунтовъ въ 15 за сто-рублевую ассигнацію; доставались за 25 руб. ассигнаціями дрожки, въ которыхъ находили, заколоченными, чайный сервизъ серебряный или дюжины двѣ ложекъ и тому подобное. Около Вильно всѣ поля усѣяны были экипажами разныхъ націй, которыхъ никто не бралъ за неимѣніемъ лошадей. Одни лишь жиды обдирали съ нихъ сукно, втулки и другія мелочи. Даже и казаки, при всей ловкости, не принимали въ этомъ никакого участія.

II.

Краткій очеркъ кампаніи 1813 г. — Кончина князя Кутузова-Смоленскаго.— Пребываніе въ Парижѣ въ 1814 г.—Императоръ Александръ I въ Лондонѣ.— Возвращеніе въ Россію. — Въ свитѣ государя на Вѣнскомъ конгрессѣ.—Въ Парижѣ въ 1815 году.—Назначеніе статсъ-секретаремъ и управляющимъ дѣлами комитета министровъ.—Характеристика гр. Аракчеева.—Путешествіе въ Москву и въ Варшаву въ свитѣ государя.

1813 г. Наконецъ, непріятеля не стало далеко отъ границъ нашихъ; онъ скрылся по крѣпостямъ, австрійцы ушли въ Богемію и ничего не желали, какъ нейтралитета, герцогство Варшавское и Пруссія очищены. Пруссаки изготовились. Прощай, Калишъ! Въ исходѣ марта назначенъ походъ гвардіи, кирасирамъ и гренадерамъ прямѣйшимъ трактомъ, такъ, чтобы въ Страстную субботу вступить въ Дрезденъ. Два перехода только: Рачковъ и Кропичинъ, и мы увидѣли Силезію. Опрятность деревень, чистота въ народѣ и домахъ, гостепріимство,

словомъ все показывало, что мы выѣхали изъ Іудеи. Три перехода приблизили насъ къ Одеру, а въ Штенау мы перешли его по понтонному мосту. Въ Штенау встрѣтилъ государя, при войскахъ, прусскій король, какъ новый союзникъ и какъ старый другъ, и присоединилъ гвардію свою къ нашей.—Чрезъ Либенъ и Бунцлау (гдѣ занемогъ свѣтлѣйшій князь Кутузовъ-Смоленскій, бывшій предъ тѣмъ и у государя, и на разводѣ) вступили мы въ Саксонію—рай Германскій. Не говоря объ изобиліи сего края и объ опрятности, свойственной всѣмъ нѣмцамъ, въ саксонцахъ есть что-то отличительное. Нигдѣ не увидишь празднаго человѣка, во всякомъ домѣ или станъ, или машина; есть занятія по силамъ и ребенку, и дряхлому старцу. Народъ видный, чистый, и особливо женщины, любятъ хорошо ѣсть, нигдѣ не видно нищихъ и всякій веселъ, ласковъ, радъ русскому. Въ таковомъ расположеніи народнаго духа пришли мы 12 апрѣля въ Дрезденъ. Великолѣпный мостъ черезъ Эльбу поврежденъ непріятелемъ, взорвавшимъ двѣ арки, при бѣгствѣ своемъ. Картинная галлерея безподобна, были нѣкоторыя картины вывезены въ Кенигштейнъ; но чрезъ два дня опять возвращены.

Войти въ Дрезденъ спѣшили, какъ думали тогда, чтобы веселѣе провести святую недѣлю въ изобильномъ городѣ, на хорошихъ квартирахъ; но оказалось совсѣмъ иное: въ заутреню уже примѣтно было, что государь не веселъ, на другой день стали шептать, что непріятель усиливается у Лейпцига и Пегау; ночью пріѣхалъ Вилліе изъ Бунцлау, съ извѣстіемъ о кончинѣ кн. Кутузова, и ему не велѣно разглашать о томъ. Во вторникъ, вечеромъ, увидѣлъ я скачущаго верхомъ изъ дворца графа Витгенштейна въ андреевской лентѣ; въ среду узналъ о пожалованіи ему сего ордена, съ назначеніемъ главнокомандующимъ союзной россійско-прусской арміей, и вслѣдъ затѣмъ приказъ гвардіи выступить чрезъ 24 часа. Торопились сразиться прежде, чѣмъ узнаютъ солдаты о смерти Кутузова. Поручикъ гвардейской артилле-

рiи Тиманъ, попавшiйся въ Люценское сраженiе въ плѣнъ, потомъ бѣжавшiй отъ французовъ и пробравшiйся, помощiю саксонцевъ, горами, къ намъ при началѣ перемирiя въ Петерсвальде, сказывалъ при мнѣ графу Аракчееву, что французы имѣли подробныя свѣдѣнiя о Кутузовѣ и по полученiи донесенiя о смерти его, тотчасъ оглашено было о томъ въ армiи и приказано готовиться къ походу въ Дрезденъ.

Итакъ Кутузовъ кончилъ свое поприще. Послѣднее объ немъ и слово. Онъ не хотѣлъ переходить не только Эльбы, но и Вислы. Въ Вильнѣ долженъ былъ уступить настойчивости пылкихъ головъ, избалованныхъ партизанствомъ, что нѣмцы, не видя русскихъ, будутъ вѣрить въ бюллетени Наполеона: но появленiе наше за границею раскроетъ имъ глаза и изорванная, прожженная на бивуакахъ одежда краснорѣчивѣе всѣхъ прокламацiй, сочиняемыхъ Коцебу, убѣдитъ ихъ въ томъ, что сдѣлалось съ французами, когда въ такомъ положенiи русскiе! Народное возстанiе въ Германiи предполагаемо было неизбѣжнымъ того послѣдствiемъ. Князь Кутузовъ указывалъ на малочисленность армiи и изнуренiе людей. И дѣйствительно, состоянiе ихъ было таково, что цѣлый гвардейскiй корпусъ, о которомъ большее попеченiе прилагалось (разумѣя пѣхоту), можно было не только помѣстить, но и учить въ Петербургскомъ экзерциргаузѣ. Кутузовъ говорилъ, что партизаны, по личнымъ выгодамъ, не могутъ иначе проповѣдывать; быть въ строю связанному подчиненностiю не то, что разгуливать по своей волѣ, писать о себѣ чудеса и на лету хватать награды. Однакожъ, вѣроятность ихъ доводовъ, а больше уваженiе, что разстроенный непрiятель не скоро оправится, и что для насъ все равно формироваться: въ Литвѣ ли, въ герцогствѣ ли Варшавскомъ, заставили старика перейти границу [1]). На Эльбѣ же не то было: непрiятель на

---

[1]) Далеко заходить не думали, до того, что къ 15-му марта велѣно было имѣть въ разныхъ пунктахъ на Двинѣ большiе запасы хлѣба, отъ которыхъ погибли послѣ князь Горчаковъ и Молчановъ.

носу, и мы не знаемъ силы его; армія наша, малочисленная и прежде, теперь сдѣлалась и еще менѣе отъ разбросанныхъ отрядовъ по герцогству и партизанскихъ партій, а на пруссаковъ не знали, можно ли полагаться въ первой схваткѣ.

Мысль Кутузова и была: не переходя Эльбы, стать на ней и держаться въ оборонительномъ положеніи, доколѣ не укомплектуемся, или не будемъ вынуждены ретироваться; въ послѣднемъ даже случаѣ, непріятель ослабѣвалъ бы по мѣрѣ удаленія нашего, а мы безпрестанно усиливались бы подходящими изъ Россіи резервами и выздоровѣвшими въ госпиталяхъ, которыхъ однихъ было въ пути, по послѣднимъ донесеніямъ, до 17 т. человѣкъ. Но Кутузова не послушали и, во время болѣзни его, далеко подались за Эльбу. Зато пять дней только и погостили мы въ Дрезденѣ, а на шестой выѣхали, по извѣстіямъ, что непріятель собирается большими силами у Пегау. Въ тотъ же день прибыли въ деревню возлѣ Рохмеца и остановились у пастора на кладбищѣ. Государя не застали уже; на разсвѣтѣ уѣхалъ гр. Аракчеевъ съ Балашовымъ и Шишковымъ въ Люценъ, гдѣ началось сраженіе. Подъѣхалъ Безродный и здѣсь же остановился со мною. Чрезъ сутки прибыли мы въ Вальдгеймъ, маленькій городокъ между горъ, а черезъ два дня возвратились въ Дрезденъ.

Послѣ двухъ дней пребыванія въ Дрезденѣ двинулись далѣе и, прибывъ въ Бауценъ, къ старымъ хозяевамъ, не то уже нашли у нихъ. Въ первый разъ изобиліе было во всемъ, прекраснѣйшая иллюминація и человѣкъ 70 музыкантовъ играли весь вечеръ у государевыхъ воротъ. Теперь—всеобщее уныніе и ничего достать нельзя, съ трудомъ можно было пообѣдать. Съ перваго дня стали выбирать позицію; дрались два дня и потомъ начали войска переходить за Бауценъ. Насъ, т.-е. канцелярію и обозъ государя, услали въ Герлицъ.

Изъ Герлица, чрезъ три дня, подались мы на двѣ мили впередъ, въ мѣстечко Рейхенбахъ, и имѣли ту квартиру, гдѣ, ровно за годъ, стоялъ Наполеонъ. Съ недѣлю жили тутъ;

смотрѣли, выходя въ поле, на сраженіе; наконецъ объявлена ретирада. Ночью отправились въ Герлицъ, набитый ранеными, а съ разсвѣтомъ въ Лаубахъ, пограничный городъ Саксоніи. Вечеромъ судили съ Шишковымъ и Балашовымъ о томъ, что напрасно затѣяли Люценское дѣло и открыли Наполеону, что онъ и теперь уже вдвое сильнѣе насъ, когда не успѣли еще придти къ нему изъ-за Рейна войска. Ночью отправили Голицына и Балабина навстрѣчу резервамъ, а по утру пришли въ Левенбергъ, въ Силезію. Пруссаки не очень пріятно на насъ смотрѣли.

Ежеминутно ожидали извѣстія о присоединеніи къ общему союзу австрійцевъ, но тщетно. Итакъ на завтра пришли въ Яуэръ и Швейдницъ, обширную крѣпость, которую срылъ было Наполеонъ, но пруссаки начали оправлять ее со всѣмъ усиліемъ. Ужасной величины колокольня и ядра, влѣпившіяся въ стѣну въ Семилѣтнюю войну, составляютъ достопамятность сего мѣста. У Швейдница начали выбирать позицію, а мы переѣхали въ мѣстечко Рейхенбахъ. Недѣлю ожидали сраженія; наконецъ объявлено перемиріе, и въ Рейхенбахъ переведена главная квартира, а государева въ за̀мокъ Петерсвальде, съ милю въ сторонѣ, гдѣ одна только свита помѣщалась и Преображенскій полкъ.

Во время этого перемирія, нѣсколько разъ случалось, что государь заставалъ меня за работой съ графомъ Аракчеевымъ и удостоивалъ разговора; въ отсутствіе же графа въ Варшаву, была и переписка со мною, и личный мой докладъ. Я воспользовался этимъ временемъ и выхлопоталъ награды сибирскимъ чиновникамъ, со мною служившимъ. Здѣсь-то пировали мы 22 іюля, о чемъ слишкомъ 20 лѣтъ воспоминаютъ Безродный, Крыжановскій и Добровольскій, и здѣсь-то, поѣхавъ въ горы отыскивать полотняную фабрику, наѣхали мы на французскіе аванпосты и чуть было не попали въ плѣнъ.

Изъ Петерсвальде часто ѣзжалъ государь въ горы, на

дрожкахъ, и раза два не ночевалъ дома. Изъ этого выводили разные толки, особенно когда Илья-кучеръ проговорился какъ-то, пьяный, что его славно угостила предъ тѣмъ пасторша. Но послѣ, когда я былъ въ Іозефштадтѣ, узналъ, что тамъ жилъ лѣтомъ императоръ Францъ, который также ѣздилъ, въ горы, для свиданія съ Александромъ, вмѣсто сомнительной дипломатической переписки.

Наконецъ, перемиріе кончилось, австрійцы соединились съ нами, шведы пришли къ Берлину, Сакенъ очистилъ Ченстоховъ, и въ началѣ августа арміи тронулись. Главная пошла чрезъ Глацъ и Прагу, а корпусъ Витгенштейна прямо изъ Швейдница на Лебау, въ Богеміи.

Изъ Рейхенбаха выѣхали мы послѣ обѣда; вечеромъ прибыли въ Франкенштейнъ и тотчасъ пустились въ Глацъ. Съ разсвѣтомъ пріѣхали туда; но крѣпость была заперта, и мы ночевали въ полѣ, а часу въ 9-мъ уже утра вошли въ нее и уснули часа съ два, чтобы опять продолжать путь.

Въ половинѣ октября пріѣхалъ я благополучно во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ учреждена была главная квартира государя. Здѣсь отдохнули войска, укомплектовались и попеременно пріѣзжали сюда короли и герцоги германскіе, присоединившіеся къ союзникамъ послѣ лейпцигскаго дѣла. Пребываніе наше во Франкфуртѣ на Майнѣ продолжалось два мѣсяца. Только въ половинѣ декабря выѣхали оттуда въ Базель, когда исчезла надежда на заключеніе мира, объявленія котораго ежедневно ожидали. Самъ государь, при освященіи медалей въ память 1812 года, на площади во Франкфуртѣ, при большомъ парадѣ, 21 и 24 ноября, говорилъ, что, можетъ быть, скоро благословитъ Богъ миромъ. По объявленіи похода, мы въ декабрѣ выѣхали изъ Франкфурта и прибыли въ Базель.

Обзоръ 1813 года.

Люценское дѣло, безъ сомнѣнія, преждевременно и оправдываемо быть можетъ однимъ лишь важнымъ, по-тогдашнему,

обстоятельствомъ—смертію Кутузова. Послѣдствіе показало, что Наполеонъ не имѣлъ возможности начать военныхъ дѣйствій; но, видя стремленіе наше все впередъ, долженъ же былъ противостать. Пусть бы онъ формировался у Лейпцига, мы то же бы дѣлали въ Дрезденѣ, имѣя сверхъ того въ виду: 1) что пруссаки, соединившіе съ нами войска свои въ томъ умѣренномъ числѣ, какое позволилъ имъ Наполеонъ содержать по Тильзитскому трактату, составили бы въ короткое время изъ распущенныхъ по домамъ старыхъ солдатъ сильную армію, для которой отправили уже англичане 200 тыс. ружей; 2) что австрійцы, увидя союзниковъ сильными, скорѣе отдѣлились бы отъ Наполеона; 3) саксонцы не таили, что, коль скоро осадимъ мы французовъ за Веймаромъ, то войска ихъ оставятъ французскую армію, подъ предлогомъ спасенія короля, запертаго въ Кенигштейнѣ. Всѣ эти выгоды исчезли съ ретирадою нашею, послѣ Люценскаго сраженія, и спасибо пруссакамъ, что они не струсили, увидя въ землѣ своей опять непріятеля, сильно преслѣдующаго насъ, а на иныхъ трактахъ и опереживающаго. Дѣйствительно, странно было смотрѣть на карту расположенія войскъ во время перемирія: войска должны были остановиться, гдѣ кого застигло повелѣніе, и вышло, что наши подкрѣпленія и курьеры слѣдовали изъ Россіи чрезъ города и деревни, занятые французами, а французскіе резервы чрезъ мѣста, занятыя союзниками.

Барклай, ускоривъ покореніе Торуня, оказалъ важную услугу. Онъ привелъ 11 тыс. неизнуренныхъ солдатъ въ самое нужное время и, соединясь съ Витгенштейномъ подъ Бауценомъ, далъ возможность остановить натискъ французовъ. Мы, оставя городъ, расположились по хребту Бауценскихъ горъ, которыя Наполеонъ долженъ былъ брать приступомъ, и, въ глазахъ его, два дня безполезно истреблялись цѣлыя колонны наступающихъ. Но, стрѣляя безпрерывно отъ самаго Люцена, увидѣли мы, что зарядовъ остается у насъ немного, а оставленные въ Варшавскомъ герцогствѣ парки не могли

подоспѣть во-время. Въ Швейдницѣ нашелъ я артиллеристовъ, приводящихъ въ нашъ калибръ ядра, отъ Семилѣтней войны валявшіяся, въ числѣ коихъ были и русскія. Недостатокъ огнестрѣльныхъ снарядовъ и малочисленность арміи рѣшили дальнѣйшее отступленіе отъ Бауцена, навстрѣчу къ идущимъ изъ Россіи пособіямъ, тогда какъ Наполеонъ, слѣдуя за нами, ослабѣвалъ бы, оставляя гарнизоны, больныхъ и раненыхъ, и изнуряя остальныхъ ежедневными маршами. Но вдругъ объявлено перемиріе. Всѣ остановились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ получено извѣстіе о томъ, и расположились на квартирахъ. Мы не знали, что положеніе Наполеона было хуже нашего, а спустя недѣлю, начали являться выходцы изъ плѣна и единогласно говорили, что Наполеонъ столько потерялъ людей при переправѣ у Дрездена и подъ Бауценомъ, что не смѣлъ уже преслѣдовать далѣе; парки его также истощились, а ранеными завалены были всѣ деревни до Дрездена. Не зная точныхъ силъ, обѣ стороны боялись другъ друга и обрадовались перемирію.

Началось перемиріе тѣмъ, что всѣ наши войска соединены въ одну армію, ввѣренную Барклаю, а Витгенштейнъ остался корпуснымъ командиромъ. Три мѣсяца все толковали о мирѣ, почему нѣсколько разъ и отсрочивалось перемиріе, а между тѣмъ полки укомплектованы и одѣты были такъ, что любо было смотрѣть. Двѣ арміи, русская и прусская, составляли сильную уже массу; но въ подкрѣпленіе ей приготовлялась другая; на ходу ландверъ учился стрѣльбѣ и эволюціямъ. Объ австрійцахъ ничего не знала наша братія, и потому, вступая въ Богемію, недоумѣвали, друзья мы или непріятели. Первая стычка съ французами открыла, однако, что австрійцы отложились отъ Наполеона, а вслѣдъ затѣмъ и Кульмское сраженіе удостовѣрило Наполеона въ перемѣнѣ счастія и сколь мало могъ онъ полагаться на остальныхъ нѣмцевъ; только гордость его и упрямство удержали въ Саксоніи, несмотря на то, что онъ зналъ о движеніи Бернадота

съ одной стороны и Беннигсена съ другой и что соединеніе всѣхъ силъ будетъ для него гибельно. Два мѣсяца разыгрывалъ онъ кровавую игру, бросаясь, какъ тигръ, окруженный ловцами, то на одну, то на другую армію союзниковъ, и терялъ множество людей и пушекъ; наконецъ, увидя себя стѣсненнымъ до того, что одна только дорога къ Рейну оставалась свободною, сосредоточился у Лейпцига, подрался, какъ бы на прощанье съ Германіею, и бѣжалъ во Францію. Всѣ утверждали тогда, что если бы не австрійцамъ поручено было наблюдать за ретирадою, то мало кому изъ французовъ удалось бы перебраться за Рейнъ.

Какъ въ концѣ 1812 г. прогнанъ Наполеонъ изъ Россіи за Нѣманъ, такъ въ концѣ 1813 г.—изъ Германіи за Рейнъ. Оставались въ Германіи французы въ крѣпостяхъ только, но обложенные союзниками, съ требованіемъ безусловной сдачи. Многіе пункты и сдались прежде, нежели мы перешли Рейнъ. Вообще, 1813 г. кончился тѣмъ, что Европа выведена изъ очарованія, и Наполеонъ остался при собственныхъ только средствахъ, имѣя слабую, невѣрную надежду на италіанцевъ. Всѣ другія націи шли къ нему отплачивать визитъ, а Германія и Веллингтонъ въ то же время безпокоили его, подобно нарыву въ груди. Въ такомъ-то нездоровомъ состояніи встрѣтилъ онъ 1814-й годъ.

1814 годъ. Въ Базелѣ, 1-го января отслужили мы молебенъ, освятили воду на Рейнѣ, и чрезъ городъ прошла парадомъ гвардія наша и резервная кавалерія.

Здѣсь отдѣлался государь отъ неотвязнаго Балашова, командированнаго въ Неаполь, гдѣ и загрязъ онъ такъ, что осенью умолялъ позволить ему ѣхать въ Россію. Здѣсь же остался и Шишковъ, изъ трусости. Онъ предрекалъ народную войну и пагубу намъ, въ минуту даже прощанья моего съ нимъ.

Путь изъ Базеля предпринятъ былъ чрезъ Монбельяръ,

мѣсто рожденія императрицы Маріи Ѳеодоровны, а оттуда, проселочною дорогою, въ Везуль и далѣе.

18-го марта, на разсвѣтѣ, прибыли мы въ Бонди [1]); пріѣхали рано и никого не застали, а канонада была близкая и сильная. Я поѣхалъ верхомъ, съ Тюфяевымъ. На дорогѣ разбросаны руки и ноги; встрѣтилъ и три орудія изувѣченныхъ. Пробираясь виноградниками на гору, вижу рослаго солдата, молодого человѣка, и шинель въ крови.

— Котораго полка?

— Московскаго гренадерскаго.

— Что, братъ, раненъ? Ступай на дорогу, прямо, тамъ перевязка, и вотъ тебѣ рубль на водку.

— Благодарю, ваше благородіе, у меня отрѣзали ужъ руку, и я, слава Богу, здоровъ.

Этотъ отвѣтъ заставилъ меня вздрогнуть, и я точно увидѣлъ, что лѣвая рука по плечо отнята

Въѣзжаю на высокую гору. Какая картина: на горѣ и подъ горою стоятъ батареи. Влѣво Парижъ, вправо вся Блюхерова армія подъ ружьемъ и наша гвардія готовится къ бою. Пріѣзжаетъ Добровольскій отъ Блюхера. Тутъ узнали, что государь и вся свита сзади у насъ, саженяхъ во ста. Черезъ часъ и они пріѣхали. Плѣнные и депутаты являлись безпрерывно.

Часу въ четвертомъ сбита послѣдняя батарея на горѣ, и мы всѣ поѣхали впередъ. Егеря, отнявъ пушки, стрѣляли изъ нихъ по французамъ. Къ вечеру перемиріе. Я видѣлъ Парижъ и какъ разъѣзжали кареты по улицамъ.

Переночевалъ въ коляскѣ. Въ пять часовъ утра шумъ каретъ разбудилъ меня. Просыпаюсь, вижу парадные экипажи, ливреи, и узнаю, что Парижъ сдался, а Наполеонъ только что успѣлъ уйти въ Фонтенебло. Все вычистилось, вымылось и пошло въ Парижъ парадомъ. Я поѣхалъ было верхомъ; но, узнавъ на шлагбаумѣ, что мы не совсѣмъ еще пріятели, и

[1]) Деревня близъ Парижа.

что стрѣляютъ изъ оконъ, воротился въ Бонди къ обѣду, по каналу, усѣянному трупами пруссаковъ. Въ Бонди домъ, вѣрнѣе замокъ, сдѣлался просторенъ, ограбленный казаками Волконскаго. Я занялъ комнаты Толстого и расположился спать; но въ первомъ часу ночи послѣдовало повелѣніе слѣдовать въ Парижъ. На разсвѣтѣ 20-го числа прибылъ въ сію столицу. Квартира въ Елизе-Бурбонъ. Государь у Талейрана и всѣ около него. Страстная недѣля прошла въ говѣньи; на Святой государь и вся свита переѣхали въ Елизе-Бурбонъ. Я занялъ другія комнаты, во флигелѣ, въ сосѣдствѣ съ графомъ Аракчеевымъ.

Такъ кончилась, въ мартѣ 1814 года, походная жизнь моя, и Парижъ заставилъ забыть всѣ непріятности, бывшія въ походѣ. Напротивъ, явилась утѣшительная мысль, что скоро увижу жену и дѣтей, оставленныхъ, въ октябрѣ 1812 года, въ Сибири. Изъ Калиша даже не совѣтовалъ еще графъ Аракчеевъ выписывать мнѣ семейство: такъ не увѣренъ онъ былъ въ успѣхѣ войны; но жена, въ началѣ 1812 года, сама собою выѣхала изъ Томска и, въ мартѣ, пріѣхала въ Петербургъ. Здѣсь получила она все содержаніе мое, 8.850 рублей, а послѣ, съ пенсіономъ, 13.350 рублей. Я же довольствовался заграничнымъ содержаніемъ, которое, при императорскомъ экипажѣ, вполнѣ достаточно.

Въ Парижѣ награжденъ я орденомъ Анны 1-й степени и думалъ, что навсегда разстанусь съ графомъ Аракчеевымъ, который, не будучи спрашиванъ пять недѣль съ докладами, огорчился и рѣшился остаться два года за границею. Передъ выѣздомъ изъ Парижа отправилъ онъ письмо государю, чтобы онъ позволилъ ему остаться на водахъ, и указъ, на мое имя заготовленный, но безъ моего вѣдома, чтобы, по прибытіи въ Петербургъ, разсортировалъ я дѣла канцеляріи и сдалъ по принадлежности, въ министерства и иностранную коллегію,— затѣя совершенно пустая и невозможная въ исполненіи. Государь, послѣ сего, позвалъ къ себѣ Аракчеева и, какъ графъ

сказывалъ мнѣ, были большія объясненія. Предлагаемо ему было званіе фельдмаршала [1]); только кончилось тѣмъ, что онъ получилъ отпускъ. Указъ на мое имя не состоялся для того, что государь удерживалъ навсегда при себѣ особую канцелярію, и мнѣ приказано слѣдовать за его величествомъ въ Англію.

20-го мая, въ первый разъ въ Парижѣ былъ графъ Аракчеевъ съ докладами, весь день и ночь. Въ самую полночь присылались еще изъ кабинета государева словесныя, чрезъ разныхъ людей, приказанія заготовить то одинъ, то другой указъ.

А 21-го, утромъ, въ шестомъ часу, государь изволилъ выѣхать изъ Парижа и, поработавъ нѣсколько часовъ на первой станціи (помнится, Сэнъ-Дени), прислалъ оттуда много бумагъ и прощальное, весьма лестное, письмо къ графу Аракчееву, доказывавшее, что они разстались навсегда.

21-го и 22-го мая канцелярія безъ отдыха работала, и, окончивши всѣ дѣла, отъѣхалъ я 23-го числа, по утру, въ восьмомъ часу, черезъ Аміенъ, въ Булонь, куда и прибылъ на вечеръ 24-го. Время было самое лучшее, какого желать только можно. Отсюда отправлены фельдъегеря въ Россію, ожидавшіе моего только пріѣзда, и коляска моя въ тотъ же вечеръ отправлена была въ гавань, для амбаркировки, но приливъ столь малъ былъ, что надлежало дождаться другого, въ полдень бывающаго. Къ полдню открылась картина: весь каналъ, раздѣляющій Францію отъ Англіи, уставленъ былъ военными судами, въ два ряда. Государь сѣлъ на фрегатъ въ Булони и, ровно въ часъ, отправились перевозныя суда, при ясной и тихой погодѣ. Въ шесть часовъ вечера стояли уже мы передъ Дувромъ, куда свита отправилась въ каретахъ, а суда должны были ожидать прилива. Часу въ восьмомъ государь сошелъ съ фрегата, при пальбѣ и восклица-

---

[1]) Это задержало и приказъ о пожалованіи Барклая. Государь объявилъ ему чинъ фельдмаршала послѣ сраженія подъ Парижемъ, и всѣ поздравили его; но приказа не было мѣсяца два, и никто не понималъ причины тому.

ніяхъ народа, и назавтра, утромъ рано, уѣхалъ инкогнито въ Лондонъ, въ коляскѣ графа Толстого, за котораго тамъ и былъ принятъ.

27-го мая дали лошадей. Дорога и лошади безподобныя: до Лондона мы ѣхали только двѣнадцать часовъ. На станціяхъ вездѣ были завтраки на счетъ принца-регента. Дороги по Англіи — сады, а деревушки — дачи. Чистота удивительная и архитектура своя. Домики небольшіе, но уютные и опрятные. Вездѣ видно богатство, и не встрѣтился ни одинъ нищій, тогда какъ во Франціи облѣпятъ они пріѣзжаго и бѣгутъ безпрерывно за коляской.

Дорогою не было проѣзда отъ англичанъ: вездѣ кричали «ура!» и женщины, на-скаку, подбѣгали къ коляскѣ пожать руку. Миндальные пироги на столѣ и окна въ домахъ — украшены именами Блюхера и Платова.

Дома отапливаются каменнымъ углемъ; отъ этого смрадъ и тяжело для груди и головы. Въ самый лучшій день туманъ по утру, а въ пасмурный совсѣмъ темно. Къ тому же, наводитъ уныніе и самый цвѣтъ домовъ, которые не штукатурятъ и покрываютъ черепицею или аспидными дощечками. Лондонъ раздѣляется на старый и новый: въ старомъ живетъ все купечество и тамъ биржа; онъ, какъ старинный, имѣетъ узкія улицы. Но новый совсѣмъ въ другомъ вкусѣ: улицы широкія, по обѣимъ сторонамъ тротуаръ, дома правильной архитектуры, съ зеркальными стеклами, и чисты до того, что лѣстницы на улицѣ моютъ мыломъ съ мѣломъ. Комнаты и лѣстницы всегда убраны коврами. Государь и великая княгиня Екатерина Павловна занимали Hôtel Oldenburgh, а свита размѣщалась въ окрестныхъ домахъ. Отсюда до стараго города, по крайней мѣрѣ, семь верстъ, и все жильемъ. Блюхеръ и Платовъ были въ большой модѣ: 31-го числа изъ церкви народъ повезъ на себѣ послѣдняго изъ нихъ. Три дня была иллюминація и видны были имена: Веллингтона, Кутузова, Шварценберга, Витгенштейна, Блюхера и Платова. Въ Лон-

донѣ безъ денегъ ступить нельзя. Казенныя заведенія покажутъ и за это даже требуютъ плату. Дороговизна ужасная. Насъ было трое, и мы имѣли каждый день: бульонъ, рыбу, жаркое говядину, телятину или баранину, вздорные пирожки, двѣ бутылки пива и по апельсину. За этотъ столъ въ двѣ недѣли или еще за тринадцать дней, кромѣ квартиры, свѣчей и уголья, заплатили мы пятьдесятъ червонцевъ. 11-го іюня, благодаря Бога, выѣхали мы изъ Лондона, по утру, въ девятомъ часу; вечеромъ прибыли въ Кантенбюри, при иллюминаціи и ужасномъ стеченіи народа; а въ двѣнадцатомъ часу ночи въ Дувръ и стали въ трактирѣ, для прусскаго короля приготовленномъ. На разсвѣтѣ, амбаркировавъ экипажъ, мы сѣли на шлюпку и переѣхали на бригъ, стоявшій тогда, по мелководью, на якорѣ. 12-е число простояли на якорѣ. 13-го, въ сильную погоду, пустились по утру, плыли часа четыре и увидѣли себя у Деля, совсѣмъ въ противной сторонѣ. Въ полночь сдѣлался попутный вѣтеръ, и въ девятомъ часу утра, 14-го іюня, стали мы на якорь у Остенде.

Къ вечеру бригъ ввели въ гавань; мы вышли на берегъ, и я не простился съ англичанами, не позволившими дать на водку матросамъ 10 червонцевъ, такъ же хладнокровно, какъ отказали мнѣ въ требованіи отдать бѣжавшаго отъ меня слугу. Это былъ Андрюшка, мальчикъ доктора нашего Даллера, скрывшійся ночью въ Дуврѣ и укравшій мои вещи, изъ чемодана, за коляскою бывшаго; по счастію, взялъ я въ комнату къ себѣ шкатулку съ казенными деньгами. Когда я ѣхалъ на шлюпкѣ, онъ стоялъ на берегу, зная, что англичане не выдадутъ его.

Въ Остенде на берегу встрѣтилъ Воробьева и Григорьева и тотчасъ поѣхалъ къ Антверпену. Лошади вездѣ были готовы и везли скоро. Въ Антверпенѣ, перемѣнивъ лошадей, пустился по прямой дорогѣ къ Литтиху. Часу въ 11-мъ ночи пріѣхалъ въ Ахенъ и видѣлъ графа Аракчеева, расположившагося зимовать тамъ. Часовъ пять уснулъ и поѣхалъ, на

Юлихъ, въ Кельнъ, обширный городъ, гдѣ зажиточныя дамы ходятъ за нашими больными. Въ Боннъ пріѣхали подъ вечеръ, и починка коляски продержала до полуночи. Отъ Бонна и почти до самаго Майнца надобно ѣхать по берегу Рейна. Картина величественная и вмѣстѣ ужасная. Кажется, природа разломила горы, чтобы дать дорогу Рейну. Съ обѣихъ сторонъ чрезмѣрной высоты горы, большею частію дикія и аспидныя; а по срединѣ тихо течетъ Рейнъ, съ островками. Небольшія площадки по берегамъ наполнены деревушками, по большей части бѣдными, а на утесахъ стоятъ развалины башенъ и зàмковъ, напоминающихъ рыцарскія времена. Дорога такъ узка, что на всякомъ шагу нужно опасаться или быть сброшену въ Рейнъ, или быть завалену горою, которой скала виситъ надъ дорогой. Двѣ послѣднія станціи, по 1½ мили нѣмецкихъ, къ Майнцу перемѣняютъ уже картину. Рейнъ остается въ сторонѣ, и мѣстоположеніе выравнивается. Майнцъ—большая правильная крѣпость. Ее проѣхалъ ночью и чрезъ Вормсъ прибылъ въ Мангеймъ. Тотъ же день (19-го іюня), къ вечеру, пріѣхалъ въ пустой Бруксаль. Здѣсь жила у матушки императрица Елисавета Алексѣевна весьма просто. Здѣсь же нашелъ я и Шишкова, съ большими претензіями за манифестъ о мирѣ. Онъ не былъ во Франціи и съ января жилъ то въ Прагѣ, то во Франкфуртѣ на Майнѣ, то около Рейна.

21-го числа ѣздилъ въ Баденъ, гдѣ нашелъ я графа Милорадовича въ крайнемъ безденежьи. 26-го, предъ обѣдомъ, спрошенъ я былъ къ государю, при Барклаѣ. Когда садились за столъ, самъ представилъ тещѣ маркграфинѣ Баденской, почтенной старушкѣ, въ черномъ тафтяномъ платьѣ просто одѣтой. Пошелъ разговоръ, какъ меня обокрали, какъ былъ уважителенъ бѣглецъ къ казнѣ, не унесши при амбаркировкѣ, во время суматохи, шкатулки, гдѣ было до 150 т. рублей. Но разговоръ тѣмъ и кончился: ни копѣйки не дано мнѣ вознагражденія. Поводомъ къ разговору былъ смѣшной случай: придя во дворецъ, съ указами, во время обѣдни, засталъ я

графа Толстого и князя Волконскаго спорящихъ. Толстой требовалъ денегъ, а у Волконскаго кредитивы франкфуртскіе всѣ вышли; онъ давалъ ему адресованные на Лейпцигъ, когда деньги нужны въ Бруксалѣ, и не позже, какъ завтра. Я прекратилъ споръ ихъ, предложеніемъ взять у меня изъ курьерскихъ 5.000 червонцевъ, лишь бы государь далъ повелѣніе. Толстой, тотчасъ послѣ обѣдни, побѣжалъ къ государю, объявить объ этой находкѣ, а я отпустилъ ему деньги. Отъ этого и сужденіе, какъ не унесъ бѣглецъ шкатулки во время моей отлучки со двора, или во время сна.

30-го выѣхалъ, чрезъ Франкфуртъ, въ Лейпцигъ, нигдѣ не останавливаясь; по расчету, надобно было пріѣхать въ Лейпцигъ въ воскресенье и отслушать обѣдню въ греческой церкви. Съ послѣдней станціи фельдъегерь, по обыкновенію, поѣхалъ впередъ, чтобы узнать мою квартиру; но каково удивленіе мое было, когда фельдъегерь объявилъ, что квартиру, мнѣ назначенную, занялъ графъ Аракчеевъ, оставшійся во Франціи и получившій отъ меня болѣе 1.000 червонныхъ на прогоны. Вотъ доказательство, что человѣкъ, привязанный ко двору, не можетъ жить безъ него. При свиданіи съ графомъ Аракчеевымъ, нашелъ я его разстроеннымъ и просящимъ пристроить его какъ-нибудь къ свитѣ, чтобы имѣть лошадей. Какъ это зависѣло не отъ меня, то сказалъ я о семъ князю Петру Михайловичу Волконскому, не менѣе меня удивившемуся, что Аракчеевъ ѣдетъ въ Россію. Онъ зналъ только, что графъ выѣзжалъ изъ Ахена на станцію и видѣлся съ государемъ; но никакъ не предполагалъ, чтобы онъ такъ скоро перемѣнилъ свое намѣреніе и опередилъ насъ, пока мы жили въ Бруксалѣ. Вечеромъ отправленъ фельдъегерь въ Петербургъ, съ депешами, и ему поручено заготовить для графа шесть лошадей, послѣ всѣхъ.

Изъ Лейпцига приказано было ѣхать, не останавливаясь, въ Петербургъ, и путь взять по картѣ прямой линіей, чтобы объѣхать Берлинъ, Кенигсбергъ, оттуда проселками въ Ковно, Динабургъ, и мимо Пскова, на Гатчину.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ нужно только было, по повелѣнію государя, отправить фельдъегеря, съ кирасами, въ Берлинъ. Изъ Лейпцига безъ роздыху ѣхалъ на Торгау, Франкфуртъ на Одерѣ, Кюстринъ, Маріенвердеръ, Кенигсбергъ, Вильковишки, Ковно и Псковъ. Ковно стоитъ на Нѣманѣ, и спускаться надобно съ крутой горы. На нее-то успѣлъ взобраться Иловайскій, съ двумя орудіями, при ретирадѣ французовъ, и удивительно, какъ могъ остаться изъ нихъ кто живой.

Коляска моя, въ которой путешествовалъ его величество, при коронаціи Павла І-го, въ качествѣ военнаго губернатора, сколько ни была удивительна по огромности своей, прочности и помѣщенію, но едва доѣхала до Петербурга, какъ на Литейной же разсыпалась такъ, что невозможно уже было чинить ее.

Съ несказанною радостію обнялъ я семейство свое, съ которымъ безъ мала два года былъ въ разлукѣ. 5-го сентября 1812 года разстался я съ нимъ, а 16-го іюля 1814 года, въ 4 часа пополудни, увидѣлся. Марья Осиповна похоронила дорогую дочь Варвару, родившуюся въ Томскѣ; но, вмѣсто ея, увидѣлъ я въ Петербургѣ другую: Надежду, родившуюся въ Томскѣ же, чрезъ 15 дней послѣ моего отъѣзда.

Непримѣтно прошли шесть недѣль, и государю благоугодно было, при отъѣздѣ на конгрессъ, въ Вѣну, взять меня туда же. Не постигаю до сихъ поръ, какъ это случилось. Въ исходѣ августа Марья Осиповна была очень больна, и графъ Аракчеевъ (оставшійся въ Россіи) объявилъ мнѣ, что государь не возьметъ съ собою канцеляріи, такъ какъ занятія будутъ тамъ только дипломатическія и недолго. Точно ли такъ было, или онъ начиналъ уже злиться на сближеніе мое съ государемъ, по сей день не знаю; но когда объявилъ я графу Аракчееву о городскихъ слухахъ, что я ѣду, то замѣтно было неудовольствіе его, хотя, ссылаясь на его же слова, просилъ я, ежели нельзя остаться мнѣ, по

случаю болѣзни жены, то позволить по крайней мѣрѣ пробыть въ Петербургѣ, пока ей будетъ лучше. Мнѣ позволено остаться на недѣлю; но поведеніе графа Аракчеева примѣтно сдѣлалось сомнительнѣе, когда не отпустилъ онъ со мною Немѣровскаго, воловаго работника въ канцеляріи. Итакъ взялъ я съ собою Танѣева, для переводовъ, да писаря Батракова, на тяжкомъ уговорѣ, чтобъ назадъ отдать его графу Аракчееву писаремъ же, а не офицеромъ. Вотъ въ чемъ находила удовольствіе душа перваго вельможи!..

3-го сентября, въ 10 часовъ утра, простился я съ Петербургомъ, получивъ чрезъ князя Волконскаго 300 червонцевъ на дорогу, и самъ по себѣ отправился въ Вѣну, чрезъ Могилевъ, Мозырь, Житоміръ, Острогъ, Дубно и Радзивиловъ. Государь же изволилъ проѣхать на Брестъ, Краковъ и Величку. Въ этомъ путешествіи обрадованъ я былъ свиданіемъ съ матушкою, послѣ 8-ми-лѣтней разлуки, съ 1806 года, когда, послѣ свадьбы моей, пріѣзжала она въ Петербургъ, ко мнѣ въ гости.

Отъ Радзивилова въ 10-ти верстахъ, между песками, лежитъ первый австрійскій городъ Броды, наполненный жидами, слѣдовательно, неопрятный. Выѣхавъ изъ него вечеромъ, 12-го сентября, къ обѣду на другой день прибылъ въ Лембергъ. Ѣзда по Австріи самая мучительная: не останавливаясь, нельзя сдѣлать въ сутки болѣе 18 миль (126 верстъ), по хорошему шоссе, которое становится хуже съ того только мѣста, гдѣ сошелся краковскій трактъ, отъ перевозки величковской соли. Отъ города Бѣльцы начинаются Карпатскія горы, вплоть до Вѣны, и одна станція такова, что на двухъ миляхъ 24 горы!

15-го сентября, ночью, прибылъ я въ Вѣну и, вмѣсто обѣщанныхъ шести недѣль, прожилъ 8 мѣсяцевъ, въ совершенной скукѣ: такъ какъ, по незнанію языковъ и по нерасположенію къ весельямъ, не посѣщалъ я ни одного бала, ни праздника. Наконецъ, наступила весна, и прогулка въ Пратеръ и загород-

ныя поѣздки сдѣлали жизнь пріятнѣе; но зато начали болѣть ноги. Бѣгство Наполеона, съ острова Эльбы, прибавило работы; но и утѣшило надеждою, что конгрессъ Вѣнскій кончится. Въ самомъ дѣлѣ, въ маѣ 1815 года простился я съ Вѣною и, вмѣстѣ съ государемъ, отправился, чрезъ Мюнхенъ и Штутгардъ, въ Гейльбрюнъ, гдѣ опредѣлена была главная квартира и гдѣ дожидался уже походный обозъ государевъ, прибывшій туда изъ Варшавы. Время было прекрасное; я видѣлъ и столицы и весь дворъ королей баварскаго и виртембергскаго (о сынѣ коего была уже молва, что онъ сватается за Екатерину Павловну), только ноги мои не позволяли ходить и участвовать въ праздникахъ. Странная болѣзнь: начали мокнуть подошвы и кожа сдѣлалась напослѣдокъ такъ тонка, что даже прикосновеніе пальцемъ было ощутительно. Вилліе сказывалъ, что я ихъ простудилъ въ испаринѣ, когда-нибудь зимою, оставшись ночь или двѣ въ коляскѣ въ сапогахъ. Присыпка, имъ данная, большую принесла пользу; но болѣе мѣсяца не могъ я ходить.

Во время пребыванія въ Вѣнѣ и въ Гейдельбергѣ, имѣлъ я непосредственно дѣла съ государемъ. Всѣ военныя распоряженія 1815 г. писаны мною, но какъ я не въ правѣ былъ объявлять высочайшихъ повелѣній, то бумаги сего рода подписывалъ князь П. М. Волконскій, съ которымъ я не служилъ, но чувствую, что можно съ удовольствіемъ служить, когда ни по одной бумагѣ не оказалъ мнѣ цѣлый годъ недовѣрчивости и подписывалъ ихъ, не спрося государя, точно ли такъ изложена воля его.

По полученіи въ Гейдельбергѣ пріятнаго извѣстія объ окончаніи дѣла при Ватерлоо, главная квартира перешла въ Мангеймъ и въ нѣсколько переходовъ достигла Нанси. Отсюда государь изволилъ отправиться, на почтовыхъ, въ Парижъ, а обозъ пошелъ своимъ порядкомъ, подъ прикрытіемъ корпуса Раевскаго. Въ обозѣ были: Толь, Закревскій, генералы и флигель-адъютанты, графъ Нессельроде, графъ Каподистрія и я.

Не болѣе двухъ мѣсяцевъ прожили на сей разъ въ Парижѣ; но время это провелъ я очень весело съ Закревскимъ, Ермоловымъ и княземъ Мадатовымъ. Къ тому же благопріятствовала и хорошая лѣтняя погода. Къ исходу августа собраны были всѣ наши войска у Вертю, и туда отправились военные разными способами, ибо почтовыхъ лошадей достать нельзя было, да и для государя выставлены были, на станціяхъ, собственныя его изъ обоза. Я, видя затрудненія таковыя, не будучи притомъ любопытенъ и зная еще, что статскому чиновнику не мѣсто быть при смотрѣ войскъ, расположился спокойно гулять дней пять, въ Парижѣ, какъ накапунѣ отъѣзда своего государь, проходя мимо меня послѣ обѣденнаго стола, изволилъ спросить: «А ты ѣдешь въ Вертю?» Когда я доложилъ, что статскимъ мѣста тамъ нѣтъ, то государь не далъ мнѣ далѣе распространиться и, мгновенно обратясь къ Волконскому, сказалъ: «чтобъ лошади ему были; отправь его непремѣнно. Я знаю, что ты отшельникъ, не берешь участія ни въ одномъ дѣлѣ; но не повѣрю, чтобъ не было любопытства увидѣть на одной площади 150 тыс. стройныхъ войскъ русскихъ, чего не могу я дома сдѣлать; пріѣзжай непремѣнно». Эти слова я тотчасъ записалъ, какъ памятникъ вниманія государя, и тѣмъ болѣе, что все, бывшее тогда въ залѣ, начало меня ласкать и шутить со мною. Это называю я, дѣти, дворскою подлостію, которую хорошо узналъ впослѣдствіи.

Итакъ, положено было, чтобы я поѣхалъ въ Вертю, чрезъ 12 часовъ послѣ государя, и бралъ лошадей князя Петра Михайловича Волконскаго. 29-го августа, пріѣхавъ туда, остановился я на квартирѣ у Закревскаго. Иду назавтра поздравить его величество съ днемъ тезоименитства. Входитъ въ залу князь Петръ Михайловичъ и спрашиваетъ, видѣлъ-ли я государя. На отрицательный отвѣтъ мой, онъ сказалъ: «вы поздравьте и поблагодарите—указъ о пожалованіи васъ статсъ-секретаремъ уже у фельдъегеря». Тутъ я вспо-

мнилъ, что за нѣсколько дней до выѣзда изъ Парижа, князь Волконскій просилъ меня по секрету написать ему вчернѣ указъ о пожалованіи Каподистрія статсъ-секретаремъ. По словамъ князя, ему въ то же время приказано было заготовить и другой—обо мнѣ. Множество генераловъ, въ залу собравшихся, и скорый выходъ къ обѣднѣ (которая отправляема была на горѣ, подъ шатромъ, окруженнымъ 120 тыс. воиновъ) не позволили мнѣ объясниться съ государемъ; но князю я открылся, что не знаю, радоваться или печалиться мнѣ должно въ новомъ званіи, потому, во-первыхъ, что, можетъ быть, графъ Аракчеевъ не хорошо это приметъ, и, во-вторыхъ, что я лишусь содержанія тысячи рублей, противу получаемаго мною по званію помощника статсъ-секретаря. Послѣ обѣда, бывшаго въ саду, на открытомъ воздухѣ, государь былъ столь милостивъ, что, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «Я хвалю твой отзывъ Волконскому и указъ поправилъ, какъ ты сказалъ; а въ содержаніи не сомнѣвайся и напиши Гурьеву, чтобъ статсъ-секретарское производимо было вдобавокъ къ прежнимъ твоимъ окладамъ» Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ, въ подписномъ указѣ, приписку рукою государя: «съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ». Это считалъ я нужнымъ, чтобы графъ Аракчеевъ не подумалъ, будто бы я искалъ отдѣлаться отъ него, и дѣйствительно угадалъ. Во-первыхъ, онъ зашелъ въ Петербургѣ къ женѣ моей, съ поздравленіемъ, и разсказалъ мой поступокъ, чего ни она, никто другой не зналъ; во-вторыхъ, отвѣчая на письмо мое поздравленіемъ, не могъ скрыть, сколько я знаю его, недоброхотства и примѣтить могъ, что въ головѣ его сѣло уже какое-то подозрѣніе, когда государь не спросилъ его совѣта предварительно.

Милости государевы содѣлывались время отъ времени ощутительнѣе. По возвращеніи изъ Вертю въ Парижъ, король сардинскій доставилъ государю 10 крестовъ, разной степени, ордена Маврикія и Лазаря, въ томъ числѣ два первой степени, украшенные брильянтами. Всѣ любовались красотою

сихъ крестовъ, въ комнатѣ князя Волконскаго, и полагали, что одинъ брильянтовый крестъ данъ будетъ ему, а другой графу Нессельроде; но 15 сентября князь объявилъ, что одинъ изъ крестовъ сихъ государь мнѣ жалуетъ: потому что у меня нѣтъ иностранныхъ орденовъ. Итакъ, во второй вояжъ во Францію, я неожиданно получилъ двѣ награды, въ двѣ недѣли, тѣмъ драгоцѣннѣйшія для меня, что никакого посредства въ томъ не было. Я не имѣлъ никакого надъ собою начальства.

16 сентября государь изволилъ отправиться изъ Парижа для осмотра иностранныхъ войскъ; а я, пробывъ три дня въ Парижѣ, для отсылки лишнихъ тяжестей на фрегатѣ въ Петербургъ, отправился прямо въ Дижонъ, гдѣ собраны были къ смотру австрійскія войска.

Обозъ государевъ пошелъ изъ Парижа прямо въ Петербургъ, а свита слѣдовала на почтовыхъ, разными городами. Въ Дижонѣ были съ государемъ великіе князья Николай и Михаилъ и при нихъ генералъ Коновницынъ, князь П. М. Волконскій, Виллíе и я, не болѣе. Ихъ высочества отправились оттуда прямою дорогою въ Берлинъ, а прочіе слѣдовали за государемъ, чрезъ Швейцарію, Нюренбергъ и Прагу. Въ Нюренбергѣ нашелъ я Арсенія Андреевича Закревскаго и ѣхалъ съ нимъ, въ своей коляскѣ, до Праги. Отсюда онъ отправился въ Петербургъ, а мнѣ и Виллíе прислано на 3-й день приказаніе ѣхать въ Петерсвальдъ, гдѣ, во время перемирія, жили въ 1813 году. По прибытіи въ сію деревню, государь изволилъ только откушать и, чрезъ Франкфуртъ на Одерѣ, продолжалъ путь въ Берлинъ. Во весь обѣдъ разговоръ былъ о Сибири только, и меня удивило большое познаніе государя о семъ отдаленномъ краѣ. Тутъ-то рѣшилъ онъ быть непремѣнно въ Иркутскѣ, когда устроитъ домашнія дѣла, и оттуда возвращаться не иначе, какъ въ саняхъ.

Двѣ недѣли мы прожили въ Берлинѣ, по случаю свадебнаго сговора его высочества Николая Павловича, и послѣ

поѣхали въ Варшаву: до Калиша тою дорогою, какъ шла армія наша въ 1813 году, а далѣе прямымъ и болѣе проселочнымъ трактомъ, самымъ гнуснымъ, наипаче въ тогдашнее осеннее время.

Въ Варшавѣ пробыли тоже не болѣе двухъ недѣль. Пребываніе сіе ознаменовано устройствомъ Царства Польскаго, сообразно конституціи, и наградою Ланского и чиновниковъ, имъ представленныхъ; послѣ чего всѣ они должны были отправиться въ Россію.

Трактъ изъ Варшавы взятъ былъ на Бѣлостокъ, Гродно, Митаву и Ригу. Морозы были уже большіе, а по Россіи и настоящій зимній путь. Почему, бросивъ тамъ коляску, отправился я въ кибиткѣ, которая разсыпалась въ Нарвѣ, и я, на перекладной уже, въѣхалъ ночью въ Петербургъ, 2 декабря 1815 года, пробывъ опять въ разлукѣ съ домашними годъ и три мѣсяца.

Графъ Аракчеевъ, по скрытному характеру своему, не показалъ мнѣ при первомъ свиданіи особыхъ знаковъ недоброжелательства; однако, между разговорами, не упустилъ спросить: гдѣ я, по новому званію, служить буду? Отвѣтъ мой состоялъ «въ приписанныхъ государемъ словахъ въ указѣ»; и онъ далъ почувствовать, что, съ окончаніемъ войны, не будетъ уже болѣе заниматься гражданскими дѣлами. Однако, вслѣдъ за пріѣздомъ государя въ Петербургъ, предстала работа: раздѣленіе военнаго министерства, и пошло все по-старому. Съ бумагами по сему предмету ѣздилъ къ государю и графъ Аракчеевъ, и я, вмѣстѣ, и едва ихъ кончили, какъ государь изволилъ предложить мнѣ мѣсто Молчанова [1]), просившагося за границу. Я написалъ графу Аракчееву письмо, прося довести до высочайшаго свѣдѣнія, что не въ состояніи исправлять обѣихъ должностей Молчанова, т.-е. по комитету министровъ и по коммиссіи прошеній; а ежели угодно,

[1]) Петръ Степановичъ, 1760—1837, статсъ-секретарь Александра I.

то приму одну изъ нихъ и преимущественно комитетскую. Я опасался докладывать по просьбамъ, зная, что графъ Аракчеевъ не потерпитъ близкаго сношенія съ государемъ, и видя изъ опытовъ ненависть его ко всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ государь хорошъ, и желаніе всѣмъ завѣдывать, но такъ, чтобы ни за что не отвѣчать. Переговоры и пріисканіе докладчика продлились до Рождества. 24 декабря сдѣланъ я правителемъ дѣлъ комитета министровъ, а Кикинъ [1]) опредѣленъ уже въ январѣ.

Дѣла по комитету началъ докладывать графъ Аракчеевъ; слѣдовательно, удалена симъ всякая недовѣрчивость ко мнѣ, но во время отлучекъ его изъ города или болѣзни, ѣздилъ къ государю я, съ бумагами по назначенію графа Аракчеева. Для сего пожаловалъ мнѣ государь придворный экипажъ, узнавъ, что я не могу содержать его отъ себя. Помаленьку началъ графъ Аракчеевъ все прибирать къ себѣ, отвѣчая, однако, всякому, что онъ никакой отдѣльной части не имѣетъ и займется однимъ поселеніемъ войскъ. Дѣла совѣтскія рѣшительно къ нему поступали, министрамъ назначено столько предметовъ, по коимъ входили бы они въ комитетъ, съ представленіями, что инымъ ничего не оставалось къ личному докладу государю; наконецъ, принялся было и за Кикина, но тотъ отгрызся.

Получивъ постоянное мѣсто въ комитетѣ министровъ, я думалъ, что прогулки мои по свѣту уже кончились; но, сверхъ ожиданія, въ августѣ 1816 г. велѣно ѣхать въ Москву и Варшаву. Графъ Аракчеевъ хотя скрылъ негодованіе, зачѣмъ государь беретъ меня съ собою, однако, показалъ неравнодушіе свое тѣмъ, во-первыхъ, что ни слова уже не говорилъ о томъ, поѣду я или нѣтъ; во-вторыхъ, ни теперь, ни послѣ, не испросилъ ни рубля мнѣ денегъ на дорогу, зная совершенно нужду мою, и въ-третьихъ, не далъ мнѣ ни чиновника, ни писаря въ дорогу, подъ предлогомъ, что ему нужны,

[1]) Петръ Андреевичъ, 1775—1834, статсъ-секретарь, сенаторъ.

хотя всѣ дѣла его канцеляріи и журналы забиралъ я съ собою, исключая поселенческихъ.

13 августа, по утру, въ 7 часовъ, выѣхалъ я изъ Петербурга и, пробывъ часа два въ Твери, у матушки (переселившейся туда по случаю выдачи сестры моей Ольги за Рахубовича), увидѣлъ обновившуюся Москву 16 числа, въ 5 часовъ вечера. Квартира была въ Чудовомъ монастырѣ. Примѣчательнаго въ сіе время, по нашей части, было: награды 30 августа и назначеніе къ должностямъ Сперанскаго и Магницкаго, изъ которыхъ о Сперанскомъ указъ сочинилъ государь самъ, и графъ Аракчеевъ, изъ излишней, вѣроятно, осторожности, спряталъ отпускъ у себя, чего съ другими бумагами не дѣлалъ.

31 августа, на разсвѣтѣ, государь изволилъ отправиться изъ Москвы, чрезъ Калугу и бѣлорусское поселеніе, въ Кіевъ, а я, проживъ еще двое сутокъ въ Москвѣ, проѣхалъ прямо въ Кіевъ, чрезъ Тулу, Орелъ, Сѣвскъ и Нѣжинъ. Графъ же Аракчеевъ съ поселенія возвратился въ Грузино.

Въ Кіевѣ прожилъ съ 7 по 14 сентября, а сего числа пріѣхалъ въ Житоміръ, для предварительнаго объясненія съ сенаторомъ Сиверсомъ насчетъ пожертвованія Волынской губерніи. Доложивъ, по порученію сему, государю, получилъ благодарность за аккуратность и предосторожность. По утру 15-го выѣхалъ изъ Житоміра и, чрезъ Дубно, Владиміръ, Устилугъ [1]), гдѣ переѣхалъ границу, Люблинъ и Прагу, прибылъ утромъ 20 числа въ Варшаву, а 14 октября возвратился въ Петербургъ.

III.

Въ февралѣ 1817 г., подавъ отчетъ о дѣлахъ комитета, которыя всѣ очищены были, просилъ я награды чиновникамъ. Государь столь доволенъ былъ успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ, что

[1]) Устилугъ, Ружіямполь, мѣстечко Волынской губерніи, Владимірскаго уѣзда.

утвердилъ вполнѣ представленіе мое, а графу Аракчееву приказалъ заготовить для меня грамоту на орденъ 2 ст. Владиміра. Узнавъ о семъ, я убѣдительно просилъ графа Аракчеева доложить государю о недостаткахъ моихъ, и что, ежели не заслуживаю я аренды, то лучше буду ее выслуживать, но наружные знаки отличія мнѣ не нужны. Государь вслѣдствіе сего пожаловать изволилъ мнѣ въ аренду на 12 лѣтъ староство Житомірское, и графъ Аракчеевъ въ первый разъ показалъ при семъ случаѣ, что онъ не желалъ бы того сдѣлать. Обыкновенно кому доброжелательствовалъ, онъ подносилъ указъ къ подписанію, или извѣщалъ министра финансовъ, въ какую сумму пожалована аренда, отчего Персидскому [1]), напр., въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, дана генеральская аренда; или же, наконецъ, сообщалъ министру финансовъ, чтобы, до вступленія въ полное владѣніе арендою, производимъ былъ арендный доходъ; но для меня ни одной изъ сихъ выгодъ не было. Онъ глухо сообщилъ обо мнѣ Гурьеву, и я получилъ аренду по чину, а не по званію, въ 1.200 р. Благодаря Ланскому [2]), тотъ прибавилъ отъ себя до 400 р., подъ предлогомъ, что въ обрѣзъ въ 1.200 р. аренды не было, и, вѣчная признательность сему доброму, честному человѣку за то, что, пособіемъ его и знакомствомъ съ Катериничемъ [3]), ежегодно продана (?) аренда съ 1819 года, когда большія послѣдовали со мною перемѣны.

Не преставая ежедневно работать утромъ и вечеромъ по комитету министровъ и по государственной канцеляріи, я былъ еще, по особымъ указамъ, членомъ театральнаго комитета, въ 1816 году членомъ комитета о недоимкѣ въ разоренныхъ непріятелемъ губерніяхъ, а въ 1817 году членомъ слѣдственной коммиссіи по воинскимъ дѣламъ; и, благодаря

[1]) Алексѣю Ивановичу, 1770—1842, помощнику статсъ-секретаря.

[2]) Дмитрію Сергѣевичу, управлявшему департаментомъ государственныхъ имуществъ, сенатору, позже члену Государственнаго Совѣта.

[3]) Василіемъ Семеновичемъ, сперва кіевскимъ вице-губернаторомъ, потомъ волынскимъ губернаторомъ.

Бога, меня доставало. Все шло хорошо; государь постоянно былъ благосклоненъ. Въ половинѣ августа 1817 года, опять приказано мнѣ ѣхать, и графъ Аракчеевъ ни слова не говорилъ о томъ, имѣя, какъ послѣдствіе показало, надобность выхлопотать чрезъ меня 100 т. рублей за отдѣлку мнимаго шоссе чрезъ Грузинское свое владѣніе. Уже не скрывалъ онъ предъ тѣмъ, что государь спрашиваетъ у него иногда: какъ Марченко думаетъ объ этомъ дѣлѣ? И когда, по высочайшей волѣ, требовалъ, чтобы я написалъ свое мнѣніе на бумагѣ, какъ будто въ лучшее удостовѣреніе государя, и я, знавъ хорошо графа Аракчеева, съ ужасомъ всегда исполнялъ сіи требованія, предвидя, что, долго, коротко, доѣдетъ онъ меня, и потому всегда старался сколь можно держать себя поодаль отъ государя, не ѣздилъ иногда съ докладами, хотя и примѣчаемо сіе было. Наконецъ, однимъ средствомъ ужиться съ графомъ Аракчеевымъ считалъ то, чтобы избавиться вояжей, которые болѣе всего могли поселять подозрѣніе въ человѣкѣ, увѣренномъ, что его никто не жалуетъ.

Въ исходѣ августа пріѣхалъ я въ Могилевъ, оттуда поѣхали въ Кіевъ, Кременчугъ, Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Калугу, и 1-го октября прибыли въ Москву, куда весь дворъ собранъ былъ на зиму. Графъ Аракчеевъ оставался въ деревнѣ своей. Все время государь удивительно милостивъ былъ ко мнѣ. Вотъ примѣры тому: а) на докладъ мой, что многіе бѣдные люди подаютъ государю просьбы о пособіи, и что не ловко отсылать просьбы таковыя къ Кикину, гдѣ годъ пройдетъ въ справкахъ и, по неимѣнію денегъ, ничего не сдѣлается, когда во время проѣзда и малость, тутъ же выданная, составитъ истинную помощь, государь рѣшительно одобрилъ мысль мою и разрѣшилъ раздавать деньги, не спрашивая его, прибавя къ тому: «Тебѣ лучше видѣть можно, нежели мнѣ, что̀ кому дать». Въ осторожность свою, я, бывало, отберу просьбы по цѣлой губерніи и, назнача пособіе каждому, по объясненію съ губернаторомъ и

лучшими людьми, сдѣлаю регистръ и отошлю при ономъ деньги, для раздачи, къ губернатору. b) Въ Кіевѣ, по просьбѣ моей, записанъ сынъ полковника Марченки въ пажи. c) Увидѣвъ однажды однофамилку мою, красавицу, на балу, государь изволилъ шутить за столомъ, при князѣ Волконскомъ, графѣ Ожаровскомъ, Вилліе и Данилевскомъ, что ежели бы не зналъ онъ о семействѣ моемъ, то подумалъ бы, что я для того не признаю ее роднею своею, чтобъ послѣ просить у него позволенія жениться. d) Изъ Полтавы послалъ меня впередъ, въ Харьковъ, изслѣдовать доносы на прокурора; и какъ здѣсь генералъ Сакенъ устроилъ изъ своего корпуса маневръ, изображавшій Полтавскую битву Петра Великаго, то, требуя, чтобъ я смотрѣлъ маневры, прибавилъ: «Сто лѣтъ назадъ, вѣроятно, были на семъ мѣстѣ Марченки». e) Въ Орлѣ на руки отдана мнѣ, въ кабинетѣ, одна просительница (Фицнерова), чтобы я вошелъ въ ея дѣла и оказалъ, именемъ государя, защиту противу дѣйствій мѣстнаго начальства.

По пріѣздѣ въ Калугу, нашелъ я, сверхъ ожиданія, графа Аракчеева, ибо онъ хотѣлъ въ ноябрѣ только пріѣхать въ Москву, и съ сего времени всѣ дѣла пошли по-старому, чрезъ его руки. Въ Москвѣ нашелъ я квартиру въ новопостроенныхъ флигеляхъ Кремлевскаго дворца, сырую до того, что въ нѣсколько часовъ лужи дѣлались на полу, отъ течи со стѣнъ. Это заставило меня оставить квартиру сію и перебраться на квартиру въ сухой домъ пріятеля моего Гаврила Петровича Смолянскаго, у котораго и прожилъ всю зиму.

Первый шагъ пріѣзда въ Москву показалъ явное недоброхотство графа Аракчеева. Онъ имѣлъ съ собою всю канцелярію и высылалъ ко мнѣ всѣ безъ изъятія бумаги по гражданской части, такъ что и журналы, исходящіе къ нему, никогда уже не требовались. Отписавъ (исполнивъ?) первыя бумаги, посылаю ихъ къ писарямъ, для переписки набѣло, но графъ Аракчеевъ объявляетъ, чтобы я не занималъ его людей, ибо имъ много дѣла. Должно было взять изъ послѣд-

нихъ чиновниковъ комитета. и три человѣка все время работали у меня въ Москвѣ. Два изъ нихъ, Жихаревъ и Суровщиковъ, были уже въ комитетѣ, а третьяго, Мочалина, помнится, принялъ я на службу въ Москвѣ, по рекомендаціи Степана Петровича Жихарева, честнѣйшаго человѣка, который и услаждалъ только непріятную жизнь мою. Мало-по-малу житье московское приготовляло меня къ тому, чего ожидать я долженъ былъ впередъ отъ зависти графа Аракчеева; и какъ извѣстно было, что государь, побывавъ въ Варшавѣ, недолго пробудетъ въ Москвѣ и Петербургѣ, а на осень отправится на конгрессъ въ Ахенъ, то поѣздку сію и думалъ я употребить въ свою пользу, открывшись князю Волконскому, что время отъ времени болѣе примѣчаю, сколь непріятно будетъ графу Аракчееву, что государь беретъ меня съ собою, что и воспитаніе дѣтей и продажа аренды требуютъ пребыванія моего въ Россіи, и что на конгрессѣ некогда будетъ заниматься гражданскими нашими дѣлами. Почему и просилъ князя доложить Его Величеству, чтобы за границу меня не брать. Онъ обѣщалъ это сдѣлать, но, чтобы я, ничего не говоря, съѣздилъ теперь въ Варшаву.

Какъ на бѣду мою, въ Москвѣ чаще были порученія государя. Неоднократно графъ Аракчеевъ высылалъ бумаги съ слѣдующими резолюціями: «Государю угодно знать мнѣніе статсъ-секретаря Марченки», «Государю угодно, чтобы по сей бумагѣ доложилъ г. ст.-секр. Марченко лично, съ своимъ мнѣніемъ». Все это раздирало душу графа Аракчеева: онъ становился холоднѣе ко мнѣ; но я, какъ невинный человѣкъ, ограждался однимъ терпѣніемъ и дѣлалъ свое дѣло такъ, чтобы онъ никогда не могъ упрекнуть меня ни лѣностію, ни небреженіемъ. Неудовольствіе его замѣчательнѣе было для меня по двумъ слѣдующимъ анекдотамъ: 1) въ проѣздъ отъ Калуги до Москвы скопилось много просьбъ у графа Аракчеева, къ которому, какъ я сказалъ выше, всѣ уже бумаги отсылались. Въ Москвѣ вздумалъ онъ разбирать ихъ со мною.

Я хотя могъ бы сказать, что это напрасный трудъ, ибо, сверхъ поданныхъ лично государю просьбъ. я имѣю впятеро болѣе, принятыхъ мною по званію статсъ-секретаря, на основаніи инструкціи, поднесенной мною чрезъ него же, графа Аракчеева, и притомъ всѣ онѣ идутъ по одному моему регистру: но, отклоняя всякую непріятность, безмолвно сталъ разбирать.

Вскорѣ попадаются просьбы о пособіи. «Ну, что съ ними дѣлать?»—сказалъ графъ. Я отвѣчалъ ему, какъ я поступаю, и что у меня есть еще нѣсколько подобныхъ, которыя отложилъ я до пріѣзда губернатора въ Москву. Онъ замолчалъ, но чрезъ нѣсколько дней, выходя отъ себя къ разводу, видитъ въ передней женщину, которая, упавъ ему въ ноги, назвала себя генеральшею Вырубовою и умоляла исходатайствовать у государя пенсіонъ, по поданной просьбѣ. Онъ, разсердясь, сказалъ: «Матушка, это не мое дѣло; есть у государя секретари, раздающіе и пенсіи, и деньги; а я не имѣю такого кредита». Это явно уже было на мой счетъ, но я перетерпѣлъ и, давъ бѣдной своихъ 50 р., научилъ ее, чтобы она шла къ Кикину, пріѣхавшему въ то время въ Москву, ибо просьбы ея нѣтъ у графа Аракчеева и не будетъ. Вотъ, что могъ бы и онъ сказать просительницѣ, никого не огорчая. 2) Въ ноябрѣ купецъ Стариковъ подавалъ просьбу государю, по дѣлу съ княгинею Бѣлосельскою-Бѣлозерскою. Однимъ утромъ, графъ Аракчеевъ присылаетъ за мною. Въ пріемной нахожу я какого-то мужика, съ брильянтовыми медалями, и вслѣдъ засимъ вышелъ Аракчеевъ изъ кабинета своего съ Тормасовымъ [1]) и оберъ-полицеймейстеромъ Шульгинымъ. «Милостивый государь»,—сказалъ графъ,—«вотъ я при васъ объявляю г. Старикову, что государь приказалъ дѣло его разобрать своему секретарю, для того, что я въ подозрѣніи, и съ Бѣлосельскою въ родствѣ штабъ, который меня не жалуетъ. Такъ не изволь ко мнѣ ходить больше и безпокоить, а знай его превосходительство (указывая на меня), который

[1]) Александромъ Петровичемъ, 1736—1819, генераломъ отъ кавалеріи.

и самъ живетъ вонъ тамъ въ штабѣ же». На послѣднія слова я невольно улыбнулся и сказалъ, что то же можно бы сдѣлать и безъ процессіи (?); послѣ чего засмѣялся и Тормасовъ, старикъ, котораго нарочно для сего просилъ къ себѣ графъ Аракчеевъ. 3) Въ декабрѣ графъ Аракчеевъ былъ нездоровъ и я ходилъ по утрамъ, вмѣсто его, съ докладами. 11-го числа государь, отдавая мнѣ списки Тормасова о наградѣ чиновниковъ, изволилъ сказать, что «чрезвычайно много представлено, о чемъ онъ и Тормасова предупредитъ. Разберите вы ихъ съ графомъ и убавьте; а послѣ скажи мнѣ, кому что̀ назначите, чтобы къ завтрему, т.-е. 12-го декабря, дать имъ награды». Дорожа временемъ, я просилъ Тормасова, чтобы послѣ развода зашелъ къ графу Аракчееву, для убавки; а самъ, между тѣмъ, пошелъ къ нему доложить о семъ. Бѣшенство возобладало симъ человѣкомъ, коль скоро объявилъ я ему волю государя. «Что я за шпіонъ, чтобы знать всѣхъ писарей и квартальныхъ: я вчерась сказалъ уже государю, когда онъ былъ у меня, что меня вездѣ бранятъ; да зато, какъ онъ сталъ со мною говорить о полновѣсныхъ, я все ему отпѣлъ: пусть же бранятъ за дѣло». Потомъ, заглянувъ въ списокъ, увидѣлъ перваго губернатора Дурасова. «Къ лентѣ? давно ли кареты подавалъ на подъѣздахъ; скажи, не полюбятъ, а не скажи, такъ заговорятъ, что для Танѣева сдѣлалъ; и вѣрно старѣе его много. Ты лучше знаешь, ты больше съ государемъ видишь губернаторовъ». И, развернувъ на удачу статскій списокъ, попался харьковскій губернаторъ Муратовъ. «Вотъ, каковъ этотъ?» — «Умный человѣкъ, какъ въ сутки можно было замѣтить; но больше ничего не знаю»,— отвѣчалъ я.— «Вотъ, онъ старѣе Дурасова, а дадутъ и ему ленту, такъ скажутъ—за то, что угощалъ мою любовницу! [1]) Вѣдь у васъ въ штабѣ все это знаютъ». Послѣднія слова сильно на меня подѣйствовали, сколь я ни кротокъ. Сложивъ бумаги и вставъ со стула, я спокойно сказалъ: «Ваше сія-

[1]) Пукалову.

тельство, я не привыкъ говорить съ вами ни о штабѣ, ни о любовницѣ вашей, еще менѣе заслуживаю слышать непріятности. Принеся вамъ списки, я исполнилъ волю государя. Неугодно вамъ исполнять ее далѣе, мнѣ остается доложить только государю, ибо я долженъ дать отвѣтъ до обѣда, а ночи едва ли достанетъ мнѣ на заготовленіе къ утру указовъ и грамотъ». Слова сіи упоминаю я для того, что Персидскій видѣлъ всю сцену. Они подѣйствовали однако на него: онъ перемѣнилъ тонъ и началъ заниматься списками, такъ что, съ приходомъ Тормасова, въ полчаса все кончено было. 4) Наконецъ, въ началѣ января [1]), расположился государь съѣздить на двѣ недѣли въ Петербургъ, и графъ Аракчеевъ отправился прежде Накануне отъѣзда, бывъ съ докладомъ, я спросилъ государя: «можно ли мнѣ ѣхать?» Отвѣтъ былъ: «Какъ же, повидайся съ женою, а послѣ опять надолго уѣдемъ». Я послѣ сего и выѣхалъ ночью. Около Новгорода встрѣчаю, въ откидной кибиткѣ, графа Аракчеева съ Муравьевымъ; оба мы остановились. Онъ спросилъ, скоро ли государь будетъ, и не воздержался замѣтить, что онъ не ожидалъ, чтобы я въ Петербургъ поѣхалъ. Вопросъ сей оставилъ я безъ вниманія, никакъ не предполагая, чтобы отъ зависти онъ происходилъ; но послѣдствія связали уже всѣ обстоятельства. Проживъ двѣ недѣли въ Петербургѣ, 30-го января выѣхалъ въ Москву [2]), а 22-го февраля изъ Москвы, чрезъ Смоленскъ, Минскъ и Брестъ, въ Варшаву. Здѣсь былъ сеймъ, продолжавшійся со второй недѣли великаго поста до Пасхи. 19-го апрѣля отправился изъ Варшавы, чрезъ Устилугъ, въ Старо-Константиновъ, гдѣ собранъ былъ корпусъ князя Горчакова; оттуда въ Каменецъ-Подольскій. Здѣсь нашелъ я графа Аракчеева и, слѣдовательно, доклады чрезъ меня опять кончились.

---

[1]) 1818 года.

[2]) Жена, провожавшая меня до шлагбаума, а потомъ до Средней Рогатки, въ компаніи (чего никогда я не дѣлалъ) шуткою доѣхала до Помераніи, а за ужиномъ рѣшилась и, въ той же кибиткѣ, очутилась въ Москвѣ.

Изъ Кишинева, чрезъ Бендеры, пріѣхалъ въ Тирасполь. Былъ большой столъ у Беннигсена. Оттуда въ Бугское военное поселеніе, гдѣ три дня столъ былъ у государя. Потомъ прибыли въ Одессу. Оттоль, чрезъ Николаевъ, Херсонъ и Перекопъ, въ Симферополь.

Къ неописанной радости, нашелъ я здѣсь стариннаго начальника моего и благодѣтеля Семена Семеновича Жегулина, съ которымъ видѣлся каждый день и часто у него обѣдалъ, въ загородномъ домѣ. Наконецъ, оставя Крымъ, прямою дорогою на Молочныя Воды, пріѣхали въ Таганрогъ и, чрезъ сутки, отправились оттуда въ Черкаскъ. Большой, но безтолковый обѣдъ данъ былъ донцами, сконфузившимися до того, что и вина не было. Припасено у нихъ было множество иностранныхъ винъ; но государь изволилъ спросить донского. На первый случай схватили двѣ бутылки, дурного, у сосѣда, а пока казаки успѣли внести въ залу хорошее, столъ кончился, и гости, человѣкъ до 60, большею частью не успѣли выпить ни донского, ни иностраннаго вина.

Изъ Черкаска путь взятъ былъ на Воронежъ и Рязань въ Москву, куда прибыли всѣ 1-го іюня; а дня черезъ три пріѣхалъ туда и король прусскій. Въ половинѣ іюня выѣхалъ я изъ Москвы въ Петербургъ и здѣсь кончилъ послѣднее порученіе государя: устроить представленіе чиновниковъ королю прусскому. Когда дошла до меня очередь на своемъ мѣстѣ, то государь, назвавъ фамилію мою и мѣсто службы, добавилъ, что я былъ во всѣхъ вояжахъ и походахъ съ 1812 года. Все это не показывало ни малѣйшей перемѣны въ государѣ ко мнѣ, и я оставался въ совершенномъ покоѣ, зная уже отъ князя Волконскаго, что меня не возьмутъ на предположенный конгрессъ въ Ахенѣ.

Занимаясь, своимъ порядкомъ, по комитету и канцеляріи, я замѣтилъ, однако, умножающуюся холодность графа Аракчеева и думалъ, въ чистотѣ души своей, что онъ обрадуется, узнавъ, что меня не берутъ въ заграничный вояжъ. Князь же

Лопухинъ [1]) самъ вызывался предъ тѣмъ просить графа Аракчеева, чтобы оставили меня въ комитетѣ, доказывая разстройство дѣлъ отъ моего отсутствія, особенно, ежели государь долго останется за границею. Такъ прошелъ и августъ, въ которомъ удалось, наконецъ, графу Аракчееву совершить свое предпріятіе: удалить меня отъ лица государя. 26 августа подписанъ указъ о переводѣ меня въ Государственный Совѣтъ, по гражданскому департаменту, а объявленъ не прежде, какъ чрезъ три дня по отбытіи государя изъ столицы. Этого не могъ я перенести хладнокровно. Хотя собственно для меня служба моя не унизилась отъ перевода сего; но тайна Аракчеева, который предъ тѣмъ много дѣлалъ мнѣ непріятностей, и неизвѣстность, не уменьшится ли содержаніе мое, невольно приводили въ размышленіе, не оклеветалъ ли онъ меня предъ государемъ, столь много оказавшимъ мнѣ знаковъ своего вниманія и довѣренности. О городской же молвѣ, признаюсь, я нимало не помышлялъ, во-первыхъ, потому, что, кромѣ хорошаго отзыва и сожалѣнія, ничего говорено не было; а во-вторыхъ, что, по общему мнѣнію, сколь ни лестно находиться при высочайшей особѣ, но поѣздки крайне меня разстроивали по части денежной, и я съ 1816 года никакой не видалъ зато награды, да и ожидать не могъ, зная, что государь самъ собою не вздумаетъ, а графъ Аракчеевъ отъ недоброжелательства и зависти не напомнитъ. Доказательство тому, что каждый годъ къ Святой недѣлѣ представлялъ я чиновниковъ своихъ къ награжденіямъ—они все то получали, что я назначу, по списку, но обо мнѣ помину не было.

Сдавъ комитетъ на другой же день, по объявленіи указа, дѣйствительному статскому совѣтнику Колосову [2]), я донесъ государю за границу, что сдалъ ему и всѣ прочія порученія, на мнѣ лежавшія, считая ихъ не принадлежащими до должности

[1]) Петръ Васильевичъ, 1741—1827 предсѣдатель Государственнаго Совѣта.
[2]) Ивану Петровичу, 1775—1819.

моей по Государственному Совѣту; а самъ явился въ Совѣтъ 3 сентября 1818 года.

1-го октября придворный экипажъ, по требованію графа Аракчеева, перешелъ отъ меня къ Муравьеву. Это уменьшило содержаніе мое и показало все злодѣйство Аракчеева. Я могъ бы писать государю, подъ предлогомъ сомнѣнія, что онъ за границею, а здѣсь дѣйствуютъ его именемъ: но разсчитывалъ, что это будетъ жалоба на графа Аракчеева, котораго не промѣняютъ на меня, что однимъ только симъ поступкомъ могъ бы онъ укорять меня за все время совмѣстнаго съ нимъ служенія, и потому рѣшился молчать.

Въ Государственномъ Совѣтѣ принялся я за работу, по обыкновенію моему. Дѣла шли съ такимъ успѣхомъ, что въ 1820 году нерѣшенныхъ не оставалось. Предсѣдатели департамента гражданскаго, князь Лобановъ, графъ Кочубей, Поповъ и Мордвиновъ, являли мнѣ всю довѣренность свою и уваженіе. Служба сколь ни тягостна была, но пріятна; одно только прискорбно было, что не обращалось на нее никакого вниманія. Обстоятельство сіе и безпрерывное вступленіе дѣлъ, часто запутанныхъ и пристрастныхъ, наводили уже скуку на меня, которую должно было переносить, поневолѣ, какъ человѣку, зависящему отъ службы, за 15 тысячную плату. Лѣто и осень 1821 года Мордвиновъ, будучи предсѣдателемъ экономическаго департамента, завелъ такую ссору на бумагѣ съ министромъ финансовъ, что государь, по возвращеніи въ Петербургъ, перевелъ Мордвинова и Саблукова въ гражданскій департаментъ, а въ экономическій назначилъ предсѣдателемъ князя Куракина, а меня сдѣлалъ статсъ-секретаремъ этого департамента, 27 ноября 1821 г.

Итакъ, опять, по милости Божіей, перемѣна въ мою пользу. Въ экономическомъ департаментѣ дѣлъ гораздо менѣе, и я въ скоромъ времени почувствовалъ ощутительную въ здоровьи перемѣну.

Между тѣмъ, не зная ничего о намѣреніи государя, не

имѣя никакой возможности оставить службу и убивая себя дѣлами гражданскими, рѣшился я написать государю письмо, что мнѣ нужно пособіе на воспитаніе дѣтей, что я не знаю, какую бы имѣлъ онъ причину быть недовольнымъ мною; но, ощущая гнѣвъ его, по уменьшенному у меня содержанію, прошу простить вину мою, для меня сокровенную, и пособить или прибавкою содержанія, или заплатою въ ломбардъ долгу моего. Вдругъ получаю отъ графа Аракчеева запросъ: какая убавка послѣдовала въ моемъ содержаніи? Отвѣтъ былъ краткій, что я лишенъ экипажа. 21 ноября—указъ, что къ содержанію моему прибавляется 3.500 руб въ годъ, съ выдачею и за прошедшій годъ. Это — сумма, которую именно означилъ я въ письмѣ на воспитаніе дѣтей. Но что жъ дѣлаетъ графъ Аракчеевъ? Препровождая ко мнѣ копію указа, объясняетъ въ отношеніи, будто бы отзывъ мой докладывалъ государю, будто по взятой справкѣ, оригиналомъ ко мнѣ препровожденной, за экипажъ платитъ конюшенная контора по 3.500 р., почему сумма сія мнѣ и пожалована. Но какую же справку онъ прислалъ? письмо Муханова къ Муравьеву 1818 г.! Въ злости его, и утонченное плутовство Муравьева не могло скрыть истины. Зная и государя, и Аракчеева, я такъ разумѣю: Государь по письму моему приказалъ заготовить указъ о 3.500 рубляхъ; Аракчеевъ не могъ перемѣнить сего, и потому оставалось одно средство —не обманываю ли я, что содержаніе у меня уменьшено. Ошиблись и въ семъ расчетѣ: онъ не посмѣлъ показать отвѣта моего государю, и потому, заготовивъ глухой указъ, даетъ бумагою своею оборотъ на экипажъ и, вмѣсто новой справки, присылаетъ мнѣ взятую за три года прежде. Безъ плутовства, онъ могъ бы просто сказать въ указѣ, «такому-то жалуемъ на экипажъ по 3.500 р.». Но слово экипажъ не вкусно, ибо исторію о немъ надобно утаить отъ государя.

Вотъ уже семь лѣтъ службы моей въ Совѣтѣ, и никакой награды. Я заставилъ честолюбіе свое умолкнуть совершенно;

но семья меня безпокоила. И, наконецъ, представился случай говорить о себѣ: въ походѣ 1824 г. узнаю, что генералъ-лейтенантъ Радтъ проситъ моей аренды; поспѣшаю къ Канкрину [1]) и Оленину [2]) предупредить о сей грозѣ, и Алексѣй Николаевичъ, спасибо ему, тотчасъ отправилъ записку мою государю. Черезъ недѣлю объявляетъ Канкринъ, что Радту велѣно дать другую аренду; но моя также мнѣ не отсрочена, потому что 6 лѣтъ еще остается владѣнія, и государь сказалъ: «повременимъ отсрочкою». Самое дѣйствіе сіе показываетъ, что государь не имѣлъ намѣренія гнать меня, и что мнѣ надлежало руководиться тою же мѣрою ангельскаго терпѣнія.

Съ отъѣзда государя въ 1825 г въ Таганрогъ, никто не зналъ о времени возвращенія его въ столицу, и послѣ удостовѣрительнымъ казалось, что до новаго года не возвратится. Осенью 1825 г. зарѣзана въ Грузинѣ дѣвка графа Аракчеева [3]), что заставило его отказаться отъ исправленія должностей. Это обстоятельство рѣшило меня отправить къ 12-му октября письмо въ Таганрогъ, о воззрѣніи на недостаточное мое содержаніе; но извѣстіе, 27-го ноября, полученное о кончинѣ государя, все перемѣнило.

Извѣстно, какими происшествіями началось новое царствованіе. Просить въ сіе время о себѣ—былъ бы грѣхъ непростительный, и я объявилъ одно только желаніе Оленину быть представленнымъ государю особо въ кабинетѣ; на что его величество и изъявилъ свое соизволеніе, объявленное мнѣ 14-го декабря при Сперанскомъ.

Вскорѣ послѣ сего Бижеичъ присылаетъ Кудряшева сказать, что получена бумага цесаревича о принятіи Алексаши

---

[1]) Егору Францовичу, 1776—1845, графу, министру финансовъ; автору «Записокъ».

[2]) Алексѣю Николаевичу, 1763—1843, статсъ-секретарю, писателю.

[3]) Настасья Ѳедоровна Шумская (Минкина). О ней и объ ея смерти см. «Русск. Стар.», III, 242; IV, 262; XLI, 479; XLII, 406.

въ пансіонъ лицея, и что не мѣшало бы попросить Татищева, который, за отсутствіемъ Дибича, докладываетъ по штабу, о принятіи его на казенное содержаніе. Безъ всякой надежды на Татищева, но только для того, чтобы не упрекнуть себя впослѣдствіи, поѣхалъ я къ нему, съ тѣмъ, что просить государя я не намѣренъ, а ежели можно, то отъ себя, при докладѣ бумаги цесаревича, сказалъ бы о большомъ семействѣ моемъ и недостаточномъ состояніи. Богу угодно было, чтобъ планъ сей исполнился, и 30-го декабря получилъ я офиціальное извѣщеніе о томъ военнаго министра Татищева.

2-го же января обрадованъ пожалованіемъ ордена 2-го Владиміра, по запискѣ, поднесенной Оленинымъ, что я девятый годъ ничѣмъ не награжденъ. На запискѣ сей награда отмѣчена собственною его императорскаго величества рукою.

Въ іюлѣ 1826 г. назначено и мнѣ ѣхать въ Москву, по случаю коронаціи. На проѣздъ отпущено, сверхъ прогоновъ, третное жалованье (до 5 тыс. руб.), что поставило меня въ возможность сдѣлать вояжъ сей безъ убытку. Сверхъ всякаго чаянія, въ день коронаціи получилъ я брильянтовые Анненскіе знаки, и такимъ образомъ поѣздка въ Москву обратилась въ сугубую для меня пользу. Я былъ въ возможности отдѣлать заново коляску и подвесть фундаментъ подъ сараемъ и конюшнею. Сему способствовало много то, что, по дружбѣ Жихарева, житье въ Москвѣ немного мнѣ стоило.

21-го сентября отвезъ я Сашу въ пансіонъ лицея.

Зимою учрежденъ былъ секретный комитетъ по доносамъ на коммиссаріатскіе извороты, продолжавшійся до августа 1827 г. Не знаю, кто меня упряталъ туда, подъ предлогомъ (какъ государь изволилъ сказать мнѣ), что я знаю коммиссаріатскую часть, но работа для меня была ужасная, ибо изъ коммиссаріатскихъ чиновниковъ никого взять я не могъ, а гражданскимъ неизвѣстны дѣла сего рода; самый предметъ былъ довольно щекотливый: все показывало, что коммиссаріатъ запутанъ и безъ запасовъ, что великія въ немъ зло-

употребленія; но могло ли сіе быть при геніи графа Дибича?

Среди работы сей, тяжкой и осторожной, о которой имѣлъ государь ежедневныя свѣдѣнія отъ предсѣдателя комитета, графа Толстого [1]), неожиданно получаю я, вечеромъ 28-го апрѣля 1827 г., записку отъ графа Кочубея [2]), что по высочайшей волѣ имѣетъ онъ надобность видѣться со мною. Надобно знать, что графу извѣстенъ я былъ только по службѣ. и, со времени выбытія его изъ гражданскаго департамента, въ 1820 г., у него не былъ; въ Москвѣ видѣлъ его во время коронаціи, возвратившагося изъ-за границы, и то за обѣдомъ въ англійскомъ клубѣ; а о пріѣздѣ въ Петербургъ и не слыхалъ. Явившись тотъ же вечеръ къ графу Кочубею, пораженъ былъ новостію: послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о службѣ моей, о Совѣтѣ, о дѣлахъ, онъ объявилъ, что государь предлагаетъ ему званіе предсѣдателя Государственнаго Совѣта (послѣ умершаго князя Лопухина), но что ему нужно прежде знать: согласенъ ли я занять мѣсто Оленина? Отвѣтъ былъ положительный и по утру состоялись указы, такъ рано и неожиданно, что ни въ Совѣтѣ, ни въ городѣ никто не воображалъ о перемѣнѣ.

Какъ не признать здѣсь благости Божіей? Хотя графъ Аракчеевъ не гналъ меня (ибо, бывъ худо принятъ, потащился за границу), тѣмъ не менѣе я не имѣлъ никакой подпоры у новаго государя, и только секретный комитетъ препятствовалъ принять что-либо рѣшительное насчетъ моей будущности. Но сей самый комитетъ познакомилъ меня съ графомъ Толстымъ и Васильчиковымъ, которые, вѣроятно, одно хорошее говорить обо мнѣ могли. Такъ понимаю я изъ словъ графа Толстого. По назначеніи меня въ новую должность, онъ сказалъ, что давно зналъ о томъ, и что рѣшено еще было въ день похоронъ князя Лопухина, когда онъ ѣхалъ въ коляскѣ съ государемъ.

---

[1]) Петра Александровича, 1769—1844, петербургскаго военнаго губернатора, предсѣдателя военнаго департамента Государственнаго Совѣта.

[2]) Виктора Павловича, 1768—1834, съ 1831 года князя.

Въ первое время мнѣ чрезвычайно было трудно; но къ осени 1827 года все поправилось. Комитетъ коммиссаріатскій кончилъ свои занятія. Устроена по возможности государственная канцелярія, дѣламъ данъ правильнѣйшій ходъ, и я имѣлъ счастіе слышать безпрестанно удовольствіе государя и видѣть награжденными моихъ сотрудниковъ и подчиненныхъ.

Правда, что съ утра до 12 часовъ ночи сижу я за работою, лишенный всѣхъ удовольствій свѣтскихъ; но когда это оцѣнивается, то и жизнь пріятна. Одни квартирныя деньги, наслѣдованныя мною послѣ Оленина (которому далъ ихъ графъ Аракчеевъ, для удержанія на службѣ, дабы мнѣ только не открыть дороги), достаточны были заставить меня такъ работать; ибо совершенно обезпечено было существованіе моего семейства; но, сверхъ того, ежегодно изливались на меня монаршія милости. Въ исходѣ 1827 г. заикнулся я графу Кочубею, что и въ новое царствованіе произведены младшіе— тотчасъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ; въ 1829 г. сдѣланъ былъ отъ высочайшаго имени вопросъ: чего я желаю и, согласно отзыву, отсрочена мнѣ на 12 лѣтъ прежняя аренда, съ прибавкою по 515 руб. сер.; въ 1830 г. утвержденъ въ званіи государственнаго секретаря; въ 1831 г. получилъ при рескриптѣ табакерку, съ портретомъ его величества; а въ 1832 г.—орденъ Бѣлаго Орла.

Признаюсь, однако, что сею послѣднею наградою не былъ я доволенъ. Носивъ 18 лѣтъ Анненскую ленту, можно было ожидать Александровской, особливо когда предъ тѣмъ графъ Канкринъ надѣлъ ее на Дубенскаго. Легко ничто не происходило, и какъ въ сіе же время данъ Бѣлый Орелъ Блудову и Дашкову, то можно было догадаться, кто причиною. Благодарность князю Кочубею, за прочее, заградила уста, и я, имѣвъ въ декабрѣ 1831 г. замѣчаніе, за пропускъ одной бумаги Канкрина по таможенной части, объявилъ только ему, что, по подачѣ отчета, намѣренъ былъ просить смѣны, что

теперь не дѣлаю сего, дабы не показать государю, что недоволенъ наградою, хотя и не скрываю, что мнѣ обидно, и чтобы его сіятельство искалъ въ теченіе года государственнаго секретаря, такъ какъ силъ моихъ уже недостаетъ, и я несроденъ открывать тонкое плутовство министра финансовъ. Дѣло довольно странное: весь Совѣтъ, 40 человѣкъ, не понялъ прямого смысла одной двусмысленной фразы, по коей надбавочная съ 1832 года таможенная пошлина обращена и на товары, зазимовавшіе въ таможняхъ; а на мнѣ все обрушилось.

Средь событій сихъ, когда, обезпеченный содержаніемъ, водворилъ я въ домѣ полное на этотъ счетъ спокойствіе, устроилась помаленьку и судьба трехъ дочерей: въ 1828 г. выдана замужъ Марія, въ 1829 г. Екатерина, а въ 1832 г. Елизавета; но Богу не угодно было продлить жизнь послѣдней изъ нихъ: чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ свадьбы показалась у нея кровь, и открывшаяся вслѣдъ затѣмъ скоротечная чахотка въ одинъ мѣсяцъ довела ее до гроба—17 января 1833 г., за три дня до смерти ея, получилъ я Александровскій орденъ.

1832 годъ примѣчателенъ въ нашей семьѣ еще тѣмъ, что забота моя—куда дѣвать Петашу, послѣ уничтоженія лицейскаго и университетскаго пансіоновъ, и когда въ гимназіи скорѣе избалуется мальчикъ, нежели чему-нибудь выучится,—уничтожилась. Свѣдавъ, что лицей, по необходимости, комплектованъ будетъ послѣ выпуска 1832 г. гимназистами, я рѣшился просить государя о зачисленіи въ то число сына моего, Петра, котораго успѣлъ бы я приготовить чрезъ лицейскихъ профессоровъ къ экзамену. Князь Голицынъ [1]), сей благодѣтельный мужъ, пособилъ мнѣ не только въ первомъ случаѣ, но и въ послѣднемъ, рекомендовавъ профессора Кайданова [2]), почтеннаго человѣка. Просьба моя сдѣлала добро пяти семействамъ. Государь согласился съ мнѣніемъ его высочества

---

[1]) Александръ Николаевичъ, 1773—1844; министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

[2]) Иванъ Кузьмичъ, 1782—1845; профессоръ исторіи въ лицеѣ, писатель.

Михаила Павловича, чтобы, вмѣсто 25 гимназистовъ, брать въ лицей только 20, а пять вакансій оставлять на диспозицію его величества, для замѣщенія дѣтьми заслуженныхъ чиновниковъ. Къ чести Петаши сказать должно, что, дорожа мѣстомъ воспитанія, онъ превзошелъ ожиданія профессоровъ и въ 6-ть мѣсяцевъ такъ себя приготовилъ, что выдержалъ экзаменъ, увѣряя все время, что выдержитъ, хотя мы не надѣялись и рѣшились платить, въ противномъ случаѣ, за него деньги (по вновь послѣдовавшему устройству), лишь бы только быть ему воспитану въ Царскосельскомъ лицеѣ. Съ поступленіемъ Петра въ младшіе воспитанники лицея, сынъ Александръ поступилъ въ старшіе, и вотъ, въ 1835 г., думать уже надобно: какимъ путемъ указать ему ходъ по службѣ царю и матушкѣ Россіи.

1833 годъ былъ счастливъ для меня и въ началѣ, и въ концѣ. 17 января пожалованъ орденъ св. Александра, а 10 ноября подарена кварта съ аренды, сколько въ уравненіе съ Блудовымъ и Дашковымъ, столько и въ возмездіе убытковъ, ибо аренды моей съ 1831 г. никто не покупалъ; разстройство ея требовало издержекъ, деньги, по мѣрѣ полученія, исчезали, а прожитокъ и три свадьбы невольно сдѣлали долгъ.

Надежда, что аренда, безъ платежа въ казну кварты, скорѣе будетъ продана, рѣшила меня сдѣлать къ дому пристройку, въ саду, занявъ на предметъ сей въ банкѣ 20.000 руб. Важныя къ тому были причины: мы не имѣли порядочной столовой; надобно было думать объ отдѣльномъ помѣщеніи сыновей, по выпускѣ изъ лицея, а досчатая терраса, въ саду, приходила въ ветхость. Вмѣсто ея-то и положили мы съ женою сдѣлать каменную пристройку, въ три этажа, такимъ образомъ, чтобы низъ, на сводахъ, составлялъ подвалы, а послѣ и жилье; бель-этажъ—столовую и буфетъ, а третій—двѣ спальни и гостиную съ балкономъ, для сыновей собственно. Замѣчательно, что, рѣшившись на это въ августѣ 1833 г., къ зимѣ кончено было строеніе вчернѣ съ крышею,

рано весною началъ я чистую отдѣлку, и въ августѣ 1834 г. мы обѣдали уже въ новой столовой.

Съ сею постройкою надобно было измѣнить и старое обязательство Марьи Осиповны, насчетъ урегулированія улицы. Поэтому сдѣлана чугунная рѣшетка около дому, съ палисадникомъ, новые заборы и тротуаръ, такъ что строеніе вообще и передѣлка сада обошлись намъ въ 29.000 руб. Остальные 9.000, къ занятымъ изъ банка, и 2.000 руб. процентовъ банку, заплачены уже деньгами, за аренду полученными, которая, благодаря Катеринича, продана; между тѣмъ, хотя съ годовою только платою (а не вдругъ), но я остался доволенъ цѣною.

Все бы хорошо, но должность государственнаго секретаря убивала меня: сидя утро и вечеръ въ кабинетѣ, я не успѣвалъ уже столько дѣлать, какъ прежде; надобно было ожидать упущеній, слѣдовательно и отвѣтственности. Объ этомъ при возможномъ случаѣ напоминалъ я князю Кочубею и всегда слышалъ одинъ отзывъ, что ищутъ человѣка на мое мѣсто. Наконецъ, городъ нарекъ его, когда Лубяновскій [1]) сдѣланъ сенаторомъ, и слухъ сей былъ вѣроподобенъ: г. Лубяновскій въ малыхъ чинахъ служилъ у князя Кочубея и Сперанскаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, слылъ дѣльцомъ и послѣдніе годы былъ губернаторомъ. Въ началѣ 1834 года князь Кочубей тяжко занемогъ, и все показывало, что подагра у него въ груди уже; но, почувствовавъ къ Святой недѣлѣ облегченіе, распорядился онъ кончить при себѣ болѣе важныя дѣла по Совѣту, и 10-го мая отправиться изъ Петербурга по своимъ деревнямъ. Когда все было кончено и надлежало поднести только указъ о предсѣдателѣ и членахъ, то встрѣтилось затрудненіе: князь Голицынъ и Васильчиковъ отказывались отъ предсѣдательства. Наконецъ, рѣшилъ государь, чтобы князю Голицыну быть, и князь Кочубей, отдавая

---

[1]) Ѳедоръ Петровичъ, 1777—1869.

мнѣ проектъ указа, просилъ не включать въ немъ словъ: до возвращенія предсѣдателя править его должность и проч., открываясь, что онъ обезсилѣлъ и, по возвращеніи, не вступитъ въ президентство. Это рѣшило меня дѣйствовать: въ тотъ же день, отсылая указы, приложилъ я слѣдующую о себѣ записку князю Виктору Павловичу Кочубею, 9-го мая 1834 года:

„Честь имѣю представить вашему сіятельству бумаги, составленныя по приказанію вашему, утромъ сего дня мнѣ данному, такому приказанію, которое встревожило меня болѣе, нежели послѣдняя болѣзнь ваша. Но тогда не долженъ я былъ говорить о себѣ; теперь же обязанъ, ибо вы рѣшительно (хотя и по секрету) сказать мнѣ изволили, что по возвращеніи сюда не вступите болѣе въ отправленіе настоящихъ должностей. Взысканный постоянно благосклоннымъ вниманіемъ вашего сіятельства къ служенію моему, не могу скрыть, что отъ застѣнчивости много уже потерялъ и потому не могу молчать долѣе, оставаясь въ совершенномъ на счетъ свой недоумѣніи. Слабѣющее зрѣніе, трясеніе правой руки, битой не одинъ разъ въ походной жизни, словомъ, старость примѣтно одолѣваетъ мною и грозитъ упущеніемъ по должности. Я не привыкъ служить какъ-нибудь, а сорокъ лѣтъ настоящей службы, какую судьба всегда мнѣ давала, утомили до того, что, сидя утро и до полуночи, отказываясь отъ всѣхъ удовольствій свѣта, едва уже успѣваю оканчивать суточную работу для удержанія хода дѣлъ въ должномъ порядкѣ. На ослабленіе физическихъ силъ неоднократно жаловался и вашему сіятельству, вы принимали живое въ томъ участіе, какъ очевидецъ, объявляли монаршій отзывъ, чтобы я имѣлъ въ виду успокоеніе въ званіи члена Совѣта, и затруднялись только пріисканіемъ мнѣ преемника. Клянусь, что милости государя, да ваше благосклонное вниманіе и нѣжное обхожденіе заставляли забывать себя; но теперь естественно рождается вопросъ: что будетъ, когда вы оставите Совѣтъ? День-ото-дня буду я становиться болѣе неспособнымъ для секретарства, въ которомъ, съ разными титулами, провожу 30 лѣтъ; долженъ слушать за правду грубости отъ молодыхъ министровъ, людей, едва поступившихъ въ настоящую службу и знающихъ ее по одной теоріи, или сдѣлать подобно Тургеневу исторію въ Совѣтѣ; долженъ буду видѣть постоянную потерю уваженія ко мнѣ гг. членовъ, пріобрѣтеннаго 16-ти-лѣтнимъ опытомъ

правоты моей и искренности; наконецъ, долженъ потерпѣть въ мнѣніи государя и подать просьбу объ отставкѣ, дабы предупредить изгнаніе изъ службы. Иной конецъ быть не можетъ, ибо государь императоръ доволенъ теперь мною и изволитъ знать меня съ хорошей стороны, потому только, что хвалите вы, другой и третій; пойдутъ другія вѣсти, и его величество невольно долженъ вѣрить имъ столько же, какъ и прежнимъ. Это неизбѣжный жребій владыкъ земныхъ.

„Картину сію рѣшился я сего дня же повергнуть на благоусмотрѣніе вашего сіятельства. Не протекція сдѣлала меня извѣстнымъ вамъ въ 1816 г., а служба, она же сблизила меня опять ровно чрезъ десять лѣтъ, и утѣшаюсь мыслію, что я оправдалъ довѣріе ваше и царя (не знавшаго въ 1826 г., что̀ думать обо мнѣ). Но согласитесь, что оставаться долѣе государственнымъ секретаремъ не должно мнѣ и для себя собственно, и для пользы службы. Приличіе и уваженіе къ болѣзненному состоянію вашему удержали меня одинъ разъ въ предѣлахъ благопристойности; за другой же разъ не ручаюсь; да и самая должность не терпитъ оскорбленія.

„Ваше сіятельство по собственнымъ чувствамъ судить можете, сколь неудобно было бы для меня изъясненіе сего рода съ намѣстникомъ вашимъ, особенно когда онъ со мною, или я съ нимъ не сойдемся въ образѣ мыслей; и потому надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ послѣдней усердной просьбѣ—довести все сіе до высочайшаго свѣдѣнія, сколько для успокоенія меня насчетъ будущности, столько и для того, чтобы въ необходимомъ случаѣ могъ я, въ отсутствіе ваше, сказать прямо, что два года прошу уже смѣны и слѣдовательно не по капризу какому-либо оставляю должность, или вовсе службу“.

На другой день, пріѣхавъ къ князю Кочубею, засталъ я у него князя Голицына, и послѣ разговора о дѣлахъ, сказалъ онъ при немъ съ улыбкою: «И записку вашу, Василій Романовичъ, ко мнѣ государь прочиталъ всю; велѣно сказать вамъ, что никакой непріятности не встрѣтите вы, и ведите себя попрежнему въ отношеніи къ министрамъ». Потомъ говорилъ по-французски съ княземъ Голицынымъ и, наконецъ, обратясь опять ко мнѣ, заключилъ тѣмъ, что: «мѣсто члена Совѣта всегда вамъ принадлежитъ; только Бога ради останьтесь до осени: авось мы сыщемъ, кѣмъ замѣнить васъ».

Слова сіи были послѣднія для меня; поклонясь въ отвѣтъ на оныя, я благодарилъ за то, что они сказаны при князѣ Голицынѣ, которому и повторилъ цѣль посланія моего.

Простясь съ княземъ Кочубеемъ, ожидалъ я съ нетерпѣніемъ вакаціоннаго времени, чтобы отдохнуть и запастись силами, по крайней мѣрѣ, до декабря (если опять обманетъ надежда); какъ вдругъ получено извѣстіе о кончинѣ князя Кочубея въ Москвѣ. Я искренно оплакивалъ вельможу сего, какъ благодѣтеля своего и какъ государственнаго человѣка, который любилъ царя и отечество и желалъ имъ добра отъ души. Рѣшительно сказать можно, что съ 1827 г. одинъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ, не оставивъ по себѣ равнаго, и хотя впослѣдствіи, вѣроятно, по болѣзненному состоянію, замѣтна была слабость характера и дворская угодливость, но, тѣмъ не менѣе, въ дѣлахъ важныхъ показывалъ твердость и умъ опытный, дальновидный. Мѣсто князя Кочубея заступилъ Новосильцовъ [1]), человѣкъ очень добрый и обворожившій меня своею ласкою. Считая неприличнымъ говорить о себѣ, дабы не поселить съ перваго раза мысли, будто я не хочу служить съ нимъ, мнѣ осталась одна рѣшимость—протянуть еще годъ въ тяжкой работѣ; но августъ мѣсяцъ все перемѣнилъ. По окончаніи маневровъ государь, разсуждая съ Новосильцовымъ о Совѣтѣ, замѣтилъ, что многіе члены устарѣли, и что надобно озаботиться избраніемъ новыхъ, особенно для департамента гражданскаго. Предоставя сіе Новосильцову, его величество изволилъ заключить, что у него есть въ виду одинъ человѣкъ только. Воспользовавшись объясненіемъ Новосильцова, что, по долгому отсутствію изъ Петербурга, почти всѣ теперешнія лица незнакомы ему, я предварилъ его, что надобно думать и о государственномъ секретарѣ; ибо я не проченъ, и что государь знаетъ о томъ; въ чемъ и сослался

---

[1]) Графъ Николай Николаевичъ, 1761—1838, предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

на князя Голицына. Послѣдующія сужденія привели къ тому, что меня можетъ замѣнить баронъ Корфъ, и я готовъ руководствовать его нѣкоторое время. По возвращеніи изъ Берлина, государь изволилъ сказать Новосильцову, что онъ имѣетъ и другого члена Киселева, прежній же былъ я, по уговору, сдѣланному еще съ княземъ Кочубеемъ. Такимъ образомъ, неожиданно получилъ я, 6-го декабря 1834 года, званіе члена Совѣта, съ условіемъ, чтобы кончилъ годъ и подалъ отчеты, ознакомивъ между тѣмъ барона Корфа съ новою должностію. Все это исполнено къ удовольствію его величества, который самымъ лестнымъ образомъ благодарилъ меня, при представленіи моемъ въ кабинетѣ, щедро наградилъ чиновниковъ, мною рекомендованныхъ, а мнѣ пожаловалъ вновь на 12 лѣтъ аренду, въ возмездіе, такъ сказать, потери квартирныхъ денегъ, съ прежнею должностію сопряженныхъ, дабы получаемое мною доселѣ содержаніе отъ казны не уменьшилось.

Итакъ, справедлива русская пословица, что «за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ».

Въ ноябрѣ 1836 года выдана замужъ и четвертая дочь наша Надежда.

8-го августа 1838 года графъ Новосильцовъ умеръ, и на его мѣсто назначенъ графъ Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

Двѣ записки В. Р. Марченки.

I.

Событія, въ глазахъ моихъ совершившіяся, при вступленіи на престолъ императора Николая I [1]).

По полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I, собранъ былъ ночью Государственный Совѣтъ, и распечатана

[1]) Эта статья помѣщена въ концѣ той же рукописи В. Р. Марченки, въ *которой* изложена предыдущая записка его.

духовная, по силѣ которой, за отреченіемъ великаго князя цесаревича Константина Павловича, надлежало вступить на престолъ великому князю Николаю Павловичу,—но онъ тутъ же изволилъ отозваться, что «отреченіе великаго князя не есть отреченіе императора; что духовная не была сдѣлана въ свое время гласною манифестомъ. и что онъ, сохраняя коренной законъ о престолонаслѣдіи, самъ первый принесетъ присягу императору Константину»; что̀ и исполнено имъ на другой день, рано по утру, въ большой церкви Зимняго дворца.

Сей рѣшительный, безпрекосновенный, правдивый и благородный поступокъ приготовлялъ, однако, въ самомъ началѣ недоумѣнія и даже опасенія. Какъ присягать Совѣту, Синоду и Сенату, имѣющимъ равные экземпляры духовной Александра на сохраненіи, когда воля его должна быть священна до обнародованія новаго императора? Какъ безъ манифеста сего послѣдняго приводить Россію къ присягѣ? Какъ оправдываться въ утайкѣ духовной, когда Константинъ не вступитъ на престолъ? Какъ сокрыть ее, ежели онъ вступитъ, когда въ Совѣтѣ она оглашена уже и, можетъ быть, вскрытъ также въ Москвѣ конвертъ, хранящійся въ Успенскомъ соборѣ? Словомъ, понимали; что дѣло какъ-то не ладно; но шагъ сдѣланъ: Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ пошли въ свои церкви и присягнули. Отъ своего имени, безъ манифеста, рѣшился Сенатъ сдѣлать предписаніе о повсемѣстной присягѣ императору Константину, и мы оставались шестнадцать дней безъ повелителя, ибо изъ Варшавы отъ Константина не было манифеста, а Николай оставался здѣсь, послѣ присяги, въ своей сферѣ. Положеніе столицы, при полномъ спокойствіи, было непонятно. Первые дни всѣ поражены были ужасною мыслію о неожиданной потерѣ Александра. Но когда скорбь начала слабѣть, разнеслась шопотомъ молва о духовной, стали судить о скорой присягѣ, пріѣздѣ сюда Константина и проч. Городъ не зналъ тогда, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ, получивъ прямо изъ Таганрога извѣстіе о кончинѣ

Александра I, тотчасъ подтвердилъ свое отреченіе отъ престола письмами къ матушкѣ и брату Николаю, которыя были получены здѣсь по учиненіи уже присяги. Отъ этого завязалась семейная переписка, бывшая тайною двора, и, наконецъ, отправленъ въ Варшаву великій князь Михаилъ Павловичъ, о чемъ также немногіе знали. Но въ теченіе послѣдней недѣли два слуха прошли по городу: первый —Сенатъ, предписавъ о повсемѣстной присягѣ, донесъ о томъ императору Константину; служившій въ Сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, игрокъ-милліонеръ Никитинъ [1]) выхлопоталъ, что его послали съ этимъ донесеніемъ въ Варшаву. Но Никитина изъ Бѣлостока не пустили далѣе, а депеши отправили къ Константину. Это разсказывали со смѣхомъ, потому что, будто бы, наложница министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго [2]) получила 10.000 р. съ Никитина за то, чтобы старикъ, министръ юстиціи, послалъ его вмѣсто обыкновеннаго сенатскаго курьера. Второе—пріѣхавшіе съ рижскаго тракта сказывали, что великій князь Михаилъ Павловичъ не поѣхалъ въ Варшаву, а живетъ на почтовой станціи за Нарвою.

Къ симъ непостижимостямъ прибавилось еще прибытіе изъ Грузино графа Аракчеева. Съ сентября мѣсяца, когда зарѣзана старая его любовница Настасья, онъ жилъ въ деревнѣ и, сбросивъ съ себя служебныя обязанности, занимался истребленіемъ дворни и личнымъ вліяніемъ на уголовный судъ и новгородскаго гражданскаго губернатора Жеребцова [3]), изгнаннаго послѣ, за лишнюю ему угодливость, изъ службы. Но предчувствіе ли, тайныя ли извѣстія, при увѣренности, сколько онъ ненавидимъ въ военномъ поселеніи, заставили его переѣхать въ Петербургъ и запереться такъ, что не пу-

---

[1]) Василій Поликарповичъ (?), управлявшій Петербургскою губерніею въ 1831 году, тайный совѣтникъ.

[2]) Дмитрія Ивановича, 1752—1838, генерала-отъ-инфантеріи.

[3]) Дмитрія Сергѣевича, преданнаго суду въ 1827 году.

скалъ даже къ себѣ военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича [1]), пріѣзжавшаго съ порученіями отъ Николая Павловича. Потеря духа его была столь велика, что кстати разсказать здѣсь анекдотъ о полицеймейстерѣ Чихачевѣ. Онъ былъ адъютантомъ графа Аракчеева, чрезъ него получилъ и мѣсто полицеймейстера, исполнялъ всѣ его коммиссіи, словомъ, былъ и домашній человѣкъ, и пріятель такой руки, что часто Аракчеевъ посылалъ сказать ему по утру, что сегодня будетъ у него обѣдать. Чихачевъ, видѣвшій графа Аракчеева въ послѣдній разъ въ Грузино, въ день похоронъ Настасьи (когда, — о подлость величайшая! — архимандритъ Фотій, въ надгробной рѣчи, утѣшалъ Аракчеева предвѣстіемъ, что зарѣзанная поступила въ сонмъ великомучепицъ), узнавъ ночью о пріѣздѣ графа Аракчеева, поспѣшилъ по утру заѣхать къ нему; но въ три пріема получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что «рѣшительно ни объ комъ не велѣно докладывать». Вечеромъ часу въ десятомъ, графъ Милорадовичъ призываетъ Чихачева и даетъ читать формальное отношеніе графа Аракчеева, коимъ проситъ воспретить Чихачеву безпокоить его, ибо надѣется, что онъ «не состоитъ подъ надзоромъ полиціи». Все это и слухи, что въ Грузино, при бытности полковника Тизенгаузена, исполняются уголовные приговоры съ ужасною жестокостію, занимало публику разсказами и догадками.

Надобно было прекратить недоумѣніе и толки, день-ото-дня возраставшіе, и Николай Павловичъ рѣшился возсѣсть на престолъ. 13-го декабря, ночью собранъ былъ Государственный Совѣтъ, въ которомъ его величество предъявилъ всю переписку свою съ братомъ и проектъ манифеста, писаннаго, какъ тогда говорили, Карамзинымъ. Проектъ одобренъ и тутъ же, въ самую полночь, подписанъ новымъ императоромъ.

14-го числа былъ понедѣльникъ, обыкновенный день общаго собранія Совѣта, и положено въ ночномъ засѣданіи — со-

[1]) Михаила Андреевича, 1770—1825, графа съ 1813 года, убитаго 14 декабря.

браться по утру въ девять часовъ, для присяги. По пріѣздѣ въ Совѣтъ, нашелъ я дворцовую повѣстку, что въ два часа назначено поздравленіе императора, и поэтому отпустилъ карету домой до 4-го часа. По съѣздѣ членовъ, пошли мы въ придворную церковь, присягнули, подписали имена свои на листѣ, и въ десять часовъ явились, по дорогѣ изъ церкви, съ поздравленіемъ къ императору (въ коридорѣ, окнами къ адмиралтейству); а отъ него, чрезъ комнату налѣво, — къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. По возвращеніи въ Совѣтъ, помѣщавшійся тогда въ комнатахъ бывшаго оберъ-гофмаршала графа Толстого (въ коридорѣ, окнами на дворъ), открыто было засѣданіе. Но какъ нѣкоторые старики-члены стали жаловаться на усталость, и что въ два часа надобно быть опять на ногахъ, то докладъ дѣлъ отмѣненъ, и всѣ разъѣхались. Я же поневолѣ остался во дворцѣ, такъ какъ отпустилъ карету домой, и, располагая походить съ часъ времени въ Эрмитажѣ, вышелъ въ коридоръ. Едва отворилъ дверь, навстрѣчу мнѣ графъ Милорадовичъ, щегольски одѣтый и всегда веселый. «Я сейчасъ былъ съ рапортомъ у новаго императора, — сказалъ онъ, — о благополучномъ состояніи столицы; всѣ мѣста присягнули уже, да и весь городъ, можно сказать, потому что съ утра нельзя пробиться къ церквамъ». На вопросъ же мой о войскѣ, отвѣчалъ, что «и оно присягнуло, только въ конной артиллеріи, подъ Смольнымъ, что-то случилось, но это вздоръ, и тамъ теперь великій князь Михаилъ Павловичъ». Вмѣстѣ съ этимъ онъ предлагалъ ѣхать съ нимъ въ театральную школу, на пирогъ къ директору театровъ Майкову [1]), который въ тотъ день былъ именинникъ; но я, бывъ въ мундирѣ, не принялъ его приглашенія, сколько онъ ни настаивалъ. Оно, однако, родило во мнѣ мысль выпить рюмку мадеры и съѣсть кренделекъ, для того, что ранѣе четвертаго часа нельзя было отдѣлаться

---

[1]) Аполлонъ Александровичъ, писатель, отецъ академика-живописца Николая Аполлоновича.

изъ дворца, и я воротился въ Совѣтъ. Ожидая, пока камеръ-лакей подастъ мадеры, подхожу къ окну и удивляюсь, что императоръ въ парадной формѣ, учитъ егерей или финляндцевъ, стоявшихъ тогда въ караулѣ. Надобно знать, что императоръ, будучи великимъ княземъ, когда разводъ былъ его полковъ, всегда самъ вводилъ людей въ сошки на дворцовомъ дворѣ, дѣлалъ маневръ этотъ два, а иногда и три раза, и потомъ своими руками свертывалъ знамя и завязывалъ знаменный чехолъ. Въ это время входитъ помощникъ статсъ-секретаря Свиньинъ[1]) (нынѣ сенаторъ) и говоритъ, что онъ не могъ проѣхать: вездѣ войска, народъ валитъ на площадь, и онъ воротился, чтобы переждать. Слышавъ отъ графа Милорадовича, что гвардія присягнула уже, и что каждая часть въ своемъ полку, я подумалъ, что сборомъ ея предъ дворцомъ начнется поздравленіе императора. Вспомнилъ, какъ Александръ, въ 1801 г., явился на балконѣ, покрытомъ малиновымъ бархатомъ, народу и гвардіи, состоявшей тогда не болѣе какъ изъ семи тысячъ человѣкъ и присягнувшей на площади, и указалъ Свиньину на государя, занимающагося гауптвахтою. Но каково было удивленіе мое, когда я увидѣлъ, что по командѣ его, какъ на ученьи, начали солдаты заряжать ружья и насыпать порохъ на полки. Послѣ этого императоръ повелъ войска въ ворота, на площадь, а съ гауптвахты бѣжали за нимъ караульные офицеры, обнажая на дворѣ уже свои шпаги. Хотѣлось выйти на площадь; но неуклюжій мундиръ мѣшалъ; я послалъ домой курьера за фракомъ, а между тѣмъ поручилъ придворному лакею пройти по комендантской лѣстницѣ къ экзерцизъ-гаузу и узнать, что̀ дѣлается. Онъ воротился съ отвѣтомъ, что государь стоитъ съ командою, снятою съ гауптвахты, между дворцовыми воротами и фонарикомъ; около него толпа народа; онъ читалъ манифестъ и послѣ сказалъ: «Вы видите теперь, что я не отнимаю пре-

[1]) Петръ Петровичъ, 1784—1841.

толъ у брата». Вѣсть эта не обѣщала ничего добраго, и я юшелъ въ фонарикъ. Здѣсь увидѣлъ слѣдующую картину: онная гвардія, съ командиромъ своимъ Орловымъ [1]), на рыяхъ скакала изъ казармъ своихъ къ штабу, и съ появленіемъ ея, государь изволилъ перейти на средину площади гдѣ теперь Александровская колонна), сопровождаемый дворцовымъ карауломъ и Преображенскимъ баталіономъ, прибѣкавшимъ изъ Милліонной въ шинеляхъ и фуражкахъ, заряжая а бѣгу ружья. Изъ-подъ арки бѣжали и примыкали къ нимъ аперы. Съ Гороховой улицы шелъ Московскій полкъ къ Сенату; огда же показались Семеновскій и Егерскій полки, то саперы ошли на дворцовый дворъ и тотчасъ заняли всѣ выходы, а осударь съ отрядомъ, предшествуемый конною гвардіею, зволилъ отправиться къ Сенату.

Найдя въ комнатахъ Совѣта фракъ свой уже привезеннымъ, вышелъ я по Салтыковскому подъѣзду (противъ адмиралтейства) на бульваръ и, пробиваясь между чернію и разнаго состоянія людьми, старался развѣдать, что̀ такое дѣлается? Одни отвѣчали: «Не знаемъ, сами добиваемся толку»; ругіе: «Говорятъ, что бунтъ, Боже сохрани!» и съ такими твѣтами дошелъ я до Исаакіевской церкви. Здѣсь увидѣлъ осударя на лошади, лицомъ къ адмиралтейству, и гвардію, асположенную отъ дому Крюковской (угольный на площади, о правую руку, въ Гороховую улицу) до Исаакіевскаго моста. Артиллерія стояла у моста на Англійской набережной, позади Конно-Гвардейскаго моста и на углу адмиралтейства о дворцу; около Сената же гауптвахта обыкновенная, а впереди какія-то сборныя команды гвардейскихъ полковъ, но, по воротникамъ, большею частію Московскаго. Площадь около самаго монумента Петра I была свободна, и по ней безпрепятственно переходили, съ бульвара къ Сенату и обратно, не только люди всякаго званія, но и солдаты изъ фронта. Здѣсь

[1]) Графомъ Алексѣемъ Өедоровичемъ, 1787—1862, позже княземъ, предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

увидѣлъ я идущаго отъ Сената статскаго совѣтника Горскаго и, узнавъ отъ него болѣе, нежели ожидалъ (о чемъ скажу послѣ), отправился обратно во дворецъ, надѣлъ мундиръ и пошелъ опять въ осмотръ.

Отъ фонарика на площади было пусто. Войска густыми колоннами стояли около Исаакіевской церкви. Лѣстницы во дворцѣ набиты были солдатами съ ружьями, а на дворѣ дворцовомъ устраивалось каре, распоряженіемъ коменданта Башуцкаго [1]), страннымъ до того, что, глядя сверху, понять нельзя было о прямомъ его намѣреніи. Поминутно солдаты тѣснились и растягивались, выходили на крыльцо и въ ворота и возвращались. Какъ теперь смотрю, что въ этой суматохѣ Башуцкій переводитъ съ правой стороны одинъ какой-то баталіонъ, въ шинеляхъ, на лѣвую, гдѣ стоящій баталіонъ не можетъ осадить потому, что припертъ къ самой плацформѣ гауптвахты. Это мѣсто очищалъ Башуцкій лейбъ-гренадерскому баталіону, предводимому однимъ мальчикомъ-офицеромъ, за которымъ бѣжалъ флейтщикъ, и еще хвостъ не построился, какъ мальчикъ тотчасъ повелъ баталіонъ обратно со двора на площадь, а Башуцкій опять принялся за распоряженіе: какъ занять оставленную пустоту? Послѣ извѣстно сдѣлалось, что баталіонъ этотъ, подъ командою поручика или капитана Панова, приходилъ занять крѣпость; но, найдя ворота запертыми, бросился во дворецъ, гдѣ также найдя принятыя мѣры, отправился на площадь и, въ глазахъ государя и гвардіи, прошелъ мимо ихъ около бульвара, прямо къ Сенату, и соединился съ бунтующими солдатами Московскаго полка. Между тѣмъ время близилось къ двумъ часамъ, и дворецъ наполнился пріѣхавшими по повѣсткѣ для поздравленія. Дамы всѣ были разряжены, но мужское одѣяніе представляло пестроту, ибо многіе, бывъ оповѣщены на службѣ, чтобы не опоздать, прямо проѣхали во дворецъ въ черныхъ

[1]) Павла Яковлевича, въ этотъ же день пожалованнаго званіемъ генералъ-адъютанта.

панталонахъ. Военные всѣ уходили на площадь, и въ за
оставались только два, князь Лобановъ-Ростовскій [1]), по ст
рости и непринадлежности къ арміи, и графъ Аракчеевъ,
трусости, какъ говорили тогда, можетъ быть, злословно,
на него жаль было смотрѣть: ни одна душа не останавлив
лась промолвить съ нимъ слова, и онъ радъ былъ, усѣвши
на диванчикъ съ пріѣхавшимъ во дворецъ княземъ Лопух
нымъ [2]), видѣть его разговаривающаго съ графомъ Орловым
который неоднократно присыланъ былъ съ площади къ имп
ратрицамъ.

Аракчеевъ подошелъ ко мнѣ, сначала съ просьбою,
могу ли я, по старой дружбѣ, подарить ему экземпляръ ман
феста? Я послалъ своего курьера съ полтинникомъ въ сена
скую типографію, и чрезъ полчаса вручилъ Аракчееву прос
мый экземпляръ. Онъ чувствительно благодарилъ и пожа
мнѣ руку (это было послѣднее явленіе въ нашей драмѣ, и
не встрѣчался уже съ Аракчеевымъ въ остальные дни жиз
его), и потомъ спросилъ: «Что, батюшка, есть ли утѣшител
ныя вѣсти?» Я ему сказалъ, что число строптивыхъ увелич
вается переходящими изъ полковъ солдатами къ шайкѣ,
Сената стоящей, и что государь, не рѣшаясь на крайню
мѣру, надѣется убѣжденіями образумить заблуждающихс
заботясь болѣе о бѣдномъ графѣ Милорадовичѣ, за жизнь к
тораго не ручаются доктора. Аракчеевъ съ ужасомъ отошел
отъ меня, услышавъ первый разъ о ранѣ, нанесенной граф
Милорадовичу, хотя это несчастное приключеніе часа д
всѣмъ уже извѣстно было.

Сдѣлалось темно. Зажгли огни. Полицеймейстеръ Чихаче
пробѣжалъ чрезъ залу; вскорѣ возвратился за нимъ и пете
бургскій митрополитъ Серафимъ [3]), въ полномъ облаченіи,

[1]) Дмитрій Ивановичъ, генералъ-отъ-инфантеріи.

[2]) Петръ Васильевичъ, 1741—1827, предсѣдатель Государственнаго С
вѣта и Комитета министровъ.

[3]) Степанъ Васильевичъ Глаголевскій, 1759—1843, съ 1814 г. архіепископ
тверской, съ 1819 г. — митрополитъ московскій, съ 1821 г. — новгородскій
санктъ-петербургскій.

протодіаконами. Государь вытребовалъ его изъ церкви на площадь. Но слова митрополита заглушены были крикомъ и угрозами мятежниковъ, и онъ, чрезъ полчаса, возвратился во дворецъ. Вслѣдъ за симъ услышали мы пушечные выстрѣлы, послѣ которыхъ, не болѣе какъ чрезъ четверть часа, изволилъ и государь пройти чрезъ залу, не останавливаясь, къ императрицамъ. Тутъ узналъ я, что послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ [1]) картечью, мятежники разсыпались по Галерной улицѣ, Англійской набережной и Васильевскому острову; что они бросаютъ ружья и что ихъ захватываютъ кавалергарды съ конною гвардіею и приводятъ въ сенатское зданіе, гдѣ сидятъ, для допросу, генералъ-адъютанты Васильчиковъ [2]) и Голенищевъ-Кутузовъ [3]), изъ которыхъ послѣднему велѣно исправлять должность военнаго генералъ-губернатора. Еще прошло четверть часа, и государь съ императрицами изволилъ выйти изъ внутреннихъ комнатъ, поклонился бывшимъ въ залѣ и прошелъ прямо въ церковь. Отслушавъ тамъ молебенъ, стали разъѣзжаться, и я воротился домой почти въ шесть часовъ вечера. Войска расположили огни и остались на ночь кругомъ дворца, занявъ всѣ проѣзды и мосты, ведущіе на Дворцовую и Сенатскую площади.

На завтра, 15 декабря, заѣхалъ я въ канцелярію; но больше ничего не могъ узнать, кромѣ смерти графа Милорадовича, и что всю ночь то приводили, то сами являлись къ дежурному генералъ-адъютанту Левашеву [4]) разнаго рода люди, которыхъ водилъ онъ къ государю. Это были соучастники заговора, и показанія ихъ наипаче представляли такую

---

[1]) Разсказъ начальника артиллеріи И. О. Сухазанета, см. «Русск. Стар.» VII, 361.

[2]) Князь Илларіонъ Васильевичъ, 1777—1847.

[3]) Графъ Павелъ Васильевичъ, 1772—1843.

[4]) Василій Васильевичъ, 1783—1843, позже графъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ.

*

цѣль, что учредили слѣдственную коммиссію [1]), занимав-
шуюся день и ночь въ крѣпости. Къ чести государя сказат-
должно, что въ коммиссіи [2]) не было ни одной злой души
которая могла бы превратить ее въ инквизицію, и потому при-
влеченные къ дѣлу, не только невинные, но и мало виновные
немедленно отпускаемы были на свободу.

Впослѣдствіи узналъ я, что царь, поговоря съ преступ-
никомъ и видя раскаяніе, тутъ же прощалъ или удалялъ н-
житье, для выслуги, и такимъ образомъ, сто два человѣк-
не были даже преданы суду; но больше или меньше знали
томъ въ городѣ, по родству или знакомству. Столица дорог-
цѣнила правило, принятое императоромъ, и общее мнѣніе сли-
лось въ одинъ вопросъ: «Что бы было, если бы сидѣли в-
коммиссіи графъ Аракчеевъ или Клейнмихель?» разумѣ-
подъ симъ не потачку злодѣямъ, которыми всякій мерзил-
но преслѣдованіе личное, мщеніе и жадность къ злодѣйству

Клейнмихель показалъ себя достойнымъ ученикомъ граф-
Аракчеева, чувствовавшаго приближеніе старости и потому
приготовлявшаго заранѣе преемника себѣ. Уже погашен-
были въ немъ чувства родственныя, а дружба и любовь к-
ближнему составляли для него пустой наборъ словъ. По при-
мѣру Аракчеева, разстался съ женою (хотя по страсти увез
ее отъ матери, изъ церкви), и Аракчеевъ утѣшился, видя
какъ дрожитъ предъ нимъ все въ военныхъ поселеніяхъ. К
присягѣ государь поручилъ приводить (поселенцевъ) не ему
а своимъ генераламъ. Отъ этого Аракчеевъ и Клейнмихел-
не могли дѣйствовать, и коль скоро присяга въ поселені-

[1]) Донесеніе слѣдственной коммиссіи 30 мая 1826 г., см. Русскій Архив-
1881, II, 277.

[2]) Предсѣдателемъ коммиссіи былъ военный министръ, графъ А. И. Т-
тищевъ; членами: генералъ-фельдцейхмейстеръ, великій князь Михаилъ Па-
вловичъ, д. т. с. князь А. Н. Голицынъ, петербургскій военный генералъ-губер-
наторъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, генералъ-адъютанты: А. Н. Чернышев-
А. Х. Бенкендорфъ, В. В. Левашевъ, А. Н. Потаповъ; дѣлопроизводителем-
коммиссіи состоялъ д. с. с. Д. Н. Блудовъ.

кончилась, они отправились изъ столицы, подъ предлогомъ встрѣчи тѣла покойнаго государя. Такимъ образомъ, спаслось русское дворянство отъ бѣды неизбѣжной, если бы слѣдственная коммиссія попала въ руки Аракчеева и Клейнмихеля.

Выйдя 15-го декабря изъ канцеляріи на площадь, встрѣтилъ я умилительное зрѣлище. Бунтовавшіе вчера солдаты, со слезами, приняли прощеніе и присягали подъ открытымъ небомъ; потомъ, вынесенныя изъ дворца знамена гвардейскаго морского экипажа и лейбъ-гренадерскаго баталіона государь самъ возвратилъ этимъ раскаявшимся отрядамъ, и они, съ крикомъ «ура!», отправились въ свои казармы.

Горскаго узналъ я въ 1814 г., въ Парижѣ. Избитый, на костыляхъ, артиллерійскій офицеръ явился ко мнѣ, ошибкою, и я, узнавъ, что у него нѣтъ знакомыхъ въ главной квартирѣ, имѣлъ случай сдѣлать ему услугу. Въ 1817 г., изъ благодарности, пріѣзжалъ онъ ко мнѣ, въ Петербургъ, будучи уже статскимъ совѣтникомъ; потомъ ѣздилъ на Кавказъ, вице-губернаторомъ, и, по возвращеніи оттуда, опять сталъ ходить; я уже, изъ вѣжливости, приглашалъ его иногда обѣдать; но самъ у него никогда не былъ. По слухамъ, жилъ онъ хорошо и имѣлъ состояніе по женѣ (графинѣ Ворцель). Долго не видѣвъ его, я встрѣтилъ 14-го декабря на бульварѣ, въ мундирѣ и шляпѣ съ плюмажемъ. Спросилъ я о причинѣ такого наряда, и вотъ отвѣтъ его:

«Я занемогъ горячкою и три недѣли не выходилъ изъ дому. Вчера объявляетъ мнѣ квартальный требованіе печальной коммиссіи, чтобы представить меня, если не явлюсь самъ, сегодня въ коммиссію; и тутъ только узнаю, что я наряженъ туда отъ герольдіи, и что мнѣ были двѣ повѣстки, которыхъ никогда не получалъ. Сегодня, закутанный, въ каретѣ, пріѣзжаю въ коммиссію, но мнѣ сказано, что присутствія не будетъ, по случаю присяги, и что объ оной есть объявленіе

полиціи, почему я и велѣлъ ѣхать къ Спасу на Сѣнной, дабы присягнуть и воротиться домой. У Каменнаго моста остановили меня войска, и знакомый князь Щепинъ-Ростовскій [1]) вытащилъ изъ кареты, несмотря на сопротивленіе. Я долженъ былъ идти съ его ротою до Сената и тутъ услышалъ, что они не хотятъ присягать, изъ опасенія измѣнить Константину, который задержанъ гдѣ-то. Можетъ быть, и правда, Богъ знаетъ! только разсказы солдатъ привлекаютъ много товарищей и черни. Я хотѣлъ уйти, но не пускаетъ Щепинъ-Ростовскій; отдѣлался на честное слово, что ворочусь, лишь отыщу своего извозчика. Теперь нашелъ у моста, да жандармъ не пускаетъ, и толку не добьюсь, кто приказалъ каретѣ не трогаться съ мѣста. Дожидаюсь Шульгина (оберъ-полицеймейстера), чтобы сдержать только слово и уѣхать домой, ибо что-то не хорошо тамъ мнѣ сказали; и здѣсь говорятъ, что московцы не просто вышли изъ казармъ и чуть ли не убили кого-то, да и командиру полка досталось. И тамъ уже сомнительно показалось мнѣ шептанье съ приходящими къ Щепину людьми, и какая-то тревога послѣ того, какъ ранили Милорадовича. Боюсь еще, чтобы не пустились солдаты, ежели не запрутъ ближняго кабака, тогда не сладишь съ ними, я хорошо ихъ знаю. Прощайте, совѣтую и вамъ не оставаться здѣсь».

II.

О молоканахъ и духоборцахъ.

Въ 1818 году, съ 22-го февраля по 1-е іюня я сопровождалъ императора Александра въ путешествіи по Западной и Южной Россіи. Въ Кіевѣ, когда государь уже садился въ коляску, отправляясь въ дальнѣйшій путь, къ Варшавѣ, пред-

---

[1]) Лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ, членъ «Сѣвернаго Общества».

стали предъ нимъ до 30 мужиковъ съ просьбой. Спѣша отъѣздомъ, государь приказалъ мнѣ переговорить съ ними, а самъ уѣхалъ.

Это были посланные отъ молоканъ и духоборцевъ, которые поселены на Молочныхъ Водахъ въ Таврической губерніи, между нагайцами и колонистами. Они жаловались на притѣсненія генералъ-губернатора графа Ланжерона [1]). Въ разговорѣ со мною, обнаруживъ правила рѣшительнаго якобинства, они объявили, что ушли безъ вѣдома начальства и пойдутъ за государемъ въ Варшаву, чтобы тамъ просить его о защитѣ. Стараясь отвратить непріятное слѣдованіе толпы мужиковъ за царемъ, я обѣщалъ имъ довести жалобу ихъ до свѣдѣнія государя, выдать имъ билетъ, для обратнаго прохода въ Таврическую губернію, и письмо къ графу Ланжерону, чтобы онъ, до высочайшаго рѣшенія, не подвергалъ ихъ наказанію за самовольную отлучку. При этомъ я объявилъ имъ, что они, въ случаѣ непринятія моихъ предложеній, будутъ закованы и отправлены какъ безпаспортные бѣглые. Потолковавъ со мною, они, наконецъ, согласились возвратиться въ свое селеніе, и, по требованію моему, принесли списокъ о себѣ, въ которомъ было показано уже не 30, но 60 человѣкъ.

По пріѣздѣ въ Варшаву, я доложилъ государю обо всемъ и представлялъ опасенія мои насчетъ развитія вредныхъ правилъ духоборцевъ. «Я давно знаю о нихъ», сказалъ государь, «и потому поселилъ ихъ между нагаями и нѣмцами, тамъ они не могутъ никого совратить. Ихъ ученіе вредно и опасно; но я не хочу порабощать совѣсть. Они отреклись признавать во мнѣ государя, я имъ дозволилъ это—только бы исполняли обязанности гражданскія. Они отреклись присягать, я велѣлъ брать съ нихъ одно честное слово. Во время войны они не хотѣли стрѣлять, опираясь на заповѣдь: «не убій», и на пред-

---

[1]) Александра Ѳедоровича, 1763—1831.

ставленія, что ихъ ведутъ противъ враговъ отечества, отвѣчали, что Моисеевъ законъ, дозволяя защищать себя, нигдѣ не говоритъ объ отечествѣ. Тогда только я принужденъ былъ приказать разстрѣлять двухъ или трехъ изъ нихъ».

Между тѣмъ бумаги, поступившія отъ графа Ланжерона, подтвердили, что онъ, по настоянію духовенства, дѣйствительно хотѣлъ принудить духоборцевъ къ повиновенію церкви и государственнымъ постановленіямъ.

Поэтому государь повелѣлъ сообщить Ланжерону, чтобы духовныя власти и земская полиція не вмѣшивались въ дѣла духоборцевъ, а бумаги были отправлены къ министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну.

По окончаніи шестинедѣльнаго сейма въ Варшавѣ, сдѣлавъ обширный объѣздъ, тысячъ въ 8 верстъ, мы пріѣхали въ Таврическую губернію. Слѣдуя за государемъ, я прибылъ въ одно селеніе Молочныхъ Водъ и былъ удивленъ богатствомъ жителей: на безлѣсной пустынѣ раскинуты частыя избы, построенныя изъ толстыхъ бревенъ, окруженныя скирдами хлѣба и несчетнымъ множествомъ скота. Мнѣ отвели особую избу. Стоявшая на возвышеніи изба старшины селенія была занята государемъ. При немъ находился только одинъ камердинеръ.

Тутъ мы провели болѣе сутокъ. Государь былъ безпрестанно окруженъ крестьянами. Насъ не спрашивали.

Когда государь уѣхалъ, толпа крестьянъ пришла ко мнѣ благодарить за то, чего я вовсе не сдѣлалъ—за защиту ихъ!

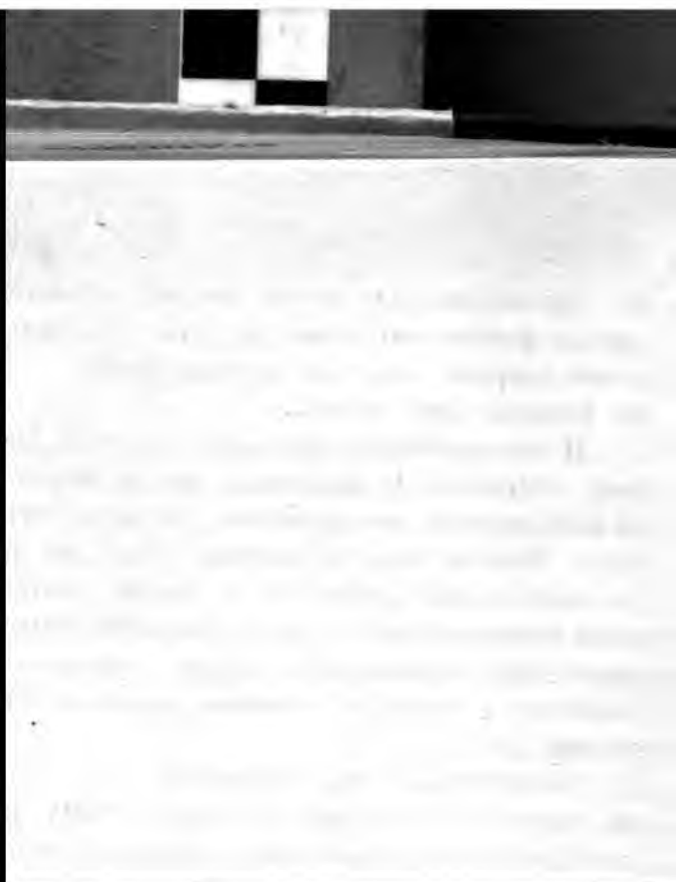
Это были тѣ самые крестьяне, которые приходили въ Кіевъ. Отъ нихъ узналъ я, что государь обѣ ночи провелъ въ преніяхъ съ ними, часто выносилъ книги, старался текстами доказать ложность ихъ ученія. Но духоборцы, отвергая всѣ убѣжденія, говорили государю: «Мы не признаемъ въ тебѣ царя, потому что царей нѣтъ въ природѣ; Богъ не создавалъ ихъ. Ты царь, не Богомъ данный, а избранный людьми. Тебя помазалъ на царство митрополитъ, избранный въ этотъ санъ

не Богомъ же, но твоимъ предшественникомъ за то, что умѣлъ льстить ему лучше другихъ. Слѣдовательно, это круговое избраніе есть дѣло не воли Божіей, а людей, которые по рожденію всѣ равны....»

Я разспрашивалъ крестьянъ о религіи. По ихъ словамъ, они собираются въ воскресные дни на открытое мѣсто; тамъ всякій молится тою молитвою, которую самъ сочинилъ для себя. Молодые люди соединяются у нихъ, по общему согласію и благословенію родителей, и, послѣ собственной молитвы подъ открытымъ небомъ, бракъ считается заключеннымъ. Умершихъ они хоронятъ безъ всякихъ обрядовъ; предавшихся пьянству и лѣнивцевъ отвозятъ въ городъ и сдаютъ въ очередные рекруты.

Возвратившись изъ путешествія, государь, по совѣщанію съ княземъ Голицынымъ, послалъ къ графу Ланжерону повелѣніе, которымъ, строго запрещая преслѣдованіе духоборцевъ, поручилъ защищать народъ отъ угнетеній. Тогда же учрежденъ секретный комитетъ, для разсматриванія всѣхъ дѣлъ о сектаторахъ.

Конецъ третьяго тома.



ОГЛАВЛЕНІЕ.





Того же автора:

Крестовый походъ императора Фридриха Втораго (магист-
ская диссертація). Спб., 1863.

Поповскій Король. Генрихъ IV Распе (докторская диссер-
ція). Спб., 1867.

Кириллъ и Меѳодій, въ двухъ томахъ:

I) по документальнымъ источникамъ. Спб., 1868.
II) по западнымъ легендамъ. Спб. 1871.

Дидро въ Петербургѣ. Спб., 1884.

Jeanne Elisabeth, mère de Catherine II. St. Pétersbourg, 18

Исторія Екатерины Второй, въ двѣнадцати томахъ:

I) Екатерина до воцаренія. Спб., 1890.
II) Воцареніе Екатерины. Спб., 1891.
XII) Обзоръ иностранныхъ сочиненій о Екатеринѣ. Бе-
линъ. 1896.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. Вольф

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, № 18.